

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МУНИЦИПАЛЬНОЕ АВТОНОМНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ СУРГУТСКОГО РАЙОНА
«ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР “БАРСОВА ГОРА”»

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

А. П. ЗЫКОВ

БАРСОВА ГОРА

**ОЧЕРКИ АРХЕОЛОГИИ СУРГУТСКОГО ПРИОБЬЯ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ**

УДК 902(571.122)
ББК 63.4(2Р53)
3-966

Зыков А. П.

3-969 Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. – Екатеринбург: изд-во «Уральский рабочий», 2012. – 232 с.

ISBN

ББК 63.4(2Р53)

На обложке: 1-я стр. – вид с городищ Барсов городок II/2–4 на протоку Микишину (фото Г. П. Ведмидя); бронзовая ажурная бляха из погребения 119 могильника Барсов Городок (раскопки В. А. Борзунова, 1986 г.).
На 4-й стр. – бронзовая ажурная фибула из погребения 73 Сайгатинского I могильника (раскопки Л. М. Тереховой, 1983 г.)

Рецензенты

чл.-корр. РАН А. В. Головнёв
к. и. н. С. Ф. Кокшаров

Ответственный редактор
к. и. н. А. Я. Труфанов

Техническое редактирование иллюстративного ряда
М. Л. Попадкин, А. В. Попадкина, А. Я. Труфанов

Работа выполнена при поддержке проекта «Диалог культур и этничность в контексте колонизации» в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

ISBN 978-5-85383-460-6

© МАУ СР «ИКНПЦ «Барсова Гора», 2012
© Институт истории и археологии УрО РАН, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ4

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ СУРГУТСКОГО ПРИОБЬЯ.... 11

ГЛАВА 2. ОБЬ-ИРТЫШСКАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ34

ГЛАВА 3. НИЖНЕОБСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
В СУРГУТСКОМ ПРИОБЬЕ44

КАРЫМСКИЙ ЭТАП (2-я половина IV – начало VI вв.)
ЗЕЛЕНОГОРСКИЙ ЭТАП (VI – начало VII вв.)
РЁЛКИНСКИЙ ЭТАП (конец VI – VII вв.).....
КУЧИМИНСКИЙ ЭТАП (VIII –IX вв.)
КИНТУСОВСКИЙ ЭТАП (конец IX – XII вв.)

ГЛАВА 4. САЙГАТИНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
В СУРГУТСКОМ ПРИОБЬЕ98

ГЛАВА 5. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СУРГУТСКОГО ПРИОБЬЯ
КОНЦА XVI – 1-й ПОЛОВИНЫ XVII вв. 112

ГЛАВА 6. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ
В СУРГУТСКОМ ПРИОБЬЕ (2-я половина XVII – начало XX вв.) 126

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 135

ПРИЛОЖЕНИЯ..... 137

Список иллюстраций 137
Иллюстрации 141

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ223

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ231

*Наталье Николаевне Зыковой,
моей любимой жене, верному другу
и незаменимой помощнице,
посвящаю*

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа является третьей в серии изданий, подводящих итоги многолетнего изучения археологических памятников урочища Барсова Гора и Сургутского Приобья. Первая книга — «Барсова Гора: археологическая карта» [Челякин, Зыков, 2004], вторая — «Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность» [Челякин, 2008]. Все эти труды, написанные по заданию центра «Барсова Гора», вполне закономерно назвать трилогией. Во введениях первых двух книг немало говорилось об уникальности археологического комплекса Барсовой Горы, концентрация памятников на котором выше, чем известная где-либо еще в России. Чтобы не повторяться, мне хотелось бы начать повествование со своих личных впечатлений о Барсовой Горе, Сургутском Приобье и о Тюменском Севере в целом.

Впервые здесь я оказался почти 30 лет назад летом 1981 года. Я был 20-летним студентом исторического факультета Уральского университета, только что закончившим третий курс и, как мне тогда казалось, имевшим уже большой археологический опыт: два полевых сезона раскопок в Курганской и Челябинской областях, в Новгороде. В 1980 году руководил раскопками кургана федоровской культуры бронзового века на могильнике Урефты I. Ныне этот материал уже опубликован, значит, раскопал я его неплохо [Стефанов и др., 1983; Стефанов, Корочкова 2006. — С. 55; рис. 37 — 4–11]. На втором курсе я начал овладевать методом металлографического структурного анализа железных изделий. Тема моей дипломной работы была уже определена: «Кузнечное ремесло средневекового населения Западной Сибири».

И вот я прибыл туда, где археологи добывают материал для моей будущей дипломной работы, — на Барсову Гору. И приехал, как было тогда принято, в высоких болотных резиновых сапогах. А как же иначе — ведь это же север Сибири, край непроходимых болот! К слову, болотники так ни разу и не понадобились, а новые кеды к концу лета полностью износились. Вообще-то я прибыл в Сургутский район с Открытым листом по форме № 3 для проведения археологической разведки в урочище Сайгатино, где предполагалось строительство подсобного животноводческого хозяйства ПО «Сургуттрансгаз». Но в течение июля меня задержали на Барсовой Горе для «акклиматизации к условиям северной археологии» — строить отрядную кухню и столовую, затем — руководить одним из раскопов селища белоярской культуры Барсова Гора III/10 на северной окраине поселка Мостоотряд-29 (сейчас — пос. Барсово). Судя по тому, что и этот раскоп был целиком опубликован Юрием Петровичем Челякиным в сводке жилищ белоярской культуры [Челякин, 2008. — рис. 50 — 5–7], копал я и тогда неплохо. Но, честно сказать, Барсову Гору я тогда ненавидел. Памятников знаменитой тогда уже Барсовой Горы мне никто не удосужился показать, кроме тех, что я видел сам на окраине поселка и в сплошной зоне разрушений будущей трубной базы в восточной части урочища. Так что «акклиматизация» оставила крайне негативное впечатление.

Зато с каким удовольствием 1 августа я улетел на вертолете МИ-8 прямо с Барсовой Горы в Сайгатино. Всего около 10 минут полетного времени — а какой восторг: ведь это был мой первый полет на вертолете! Впечатления от урочища Сайгатино после Барсовой Горы были тоже чудесными: почти нетронутый уголок тайги с маленькой хантыйской деревней, огромное количество археологических памятников. Что их здесь много, я, конечно, знал, предварительно изучив отчеты Л. В. Сухины и А. А. Нифонтова, побывавших здесь в 1968 и 1975 годах. Но что памятников настолько много, даже не предполагал. Все-таки барсовская «акклиматизация» сказывалась — за месяц я успел научиться без труда различать остатки наземных жилищ. Сплошная глазомерная съемка заняла у меня весь месяц.

Иногда, чтобы отвлечься от довольно нудной работы и отдохнуть от одиночества, я заходил на первый сайгатинский раскоп на Кучиминском V городище. Именно здесь, на этом раскопе, я и разобрал первое сайгатинское погребение, получившее позднее номер 71 Сайгатинского I могильника. А какие с раскопа были интересные находки! Кроме большого количества фрагментов керамики массово встречались бронзовые и серебряные украшения, длинные железные ножи и наконечники стрел. Тогда мы еще не знали, что поверх этого городища VIII–IX веков находилось святилище X–XVI веков. В общем, раскопом попали точно: новичкам везет! Ведь все мы были на Тюменском Севере в первый раз, и в местной средневековой археологии никто из нас не разбирался.

В 1982 году я снова оказался в Сайгатино. За это время мой бывший начальник Сайгатинского отряда С. А. Днепров уволился из археологической лаборатории УрГУ, и отчет по хоздоговору вместо него писали мы вдвоем с однокурсниками — студентами, специализировавшимися по археологии, участниками сайгатинской экспедиции 1981 года Лёней Захаровым и Володей Петровым. Тогда это нам казалось нормальным, мы даже не осознавали, что практически за «спасибо» делали чужую работу, вытаскивая лабораторию из прорыва. Так что вполне естественно, что в Сайгатино, где должно было разворачиваться строительство животноводческого комплекса и большого поселка, отправили двух студентов-«ветеранов»: меня и Л. А. Захарова. А нашими начальниками, вернее, начальницами были научные сотрудники лаборатории университета. В дела раскопов они с удовольствием не вмешивались, перекладывая на нас, студентов, и все остальные «мелочи»: поиск транспорта, ввоз и вывоз отрядов, доставку продуктов и т. д.

Так получилось, что лично меня никто никогда не учил, как, собственно, раскапывать средневековые городища. И, наверное, это хорошо — я их раскапывал так, как научился копать наземные и слабоуглубленные жилища за месяц «акклиматизации» на Барсовой Горе, как подсказывал мне здравый смысл и элементарные требования методики полевой археологии. Тогда, в полевом сезоне 1982 года, я состоялся как археолог-полевик, отвечающий за свои действия и раскопы и не ждущий ничьей помощи и советов. В том полевом сезоне я раскапывал Кучиминское XI городище, помогал Л. А. Захарову на раскопках Кучиминского V городища. Именно в том году здесь была зафиксирована сгоревшая святилищная постройка в котловане более раннего жилища. А под ее полом — две средневековые могилы, названные позднее погребениями 72 и 73 Сайгатинского I могильника. Тогда же я заканчивал съемку памятников урочища Сайгатино.

Именно после сайгатинских раскопок 1982 года у меня появились сомнения в периодизации средневековых памятников В. Н. Чернецова. Тогда я приставал к своим старшим коллегам, археологам-«средневековщикам», с керамикой Кучиминских V и XI городищ и вопросом: «Что это?» И неизменно получал один ответ: «Это кинтусовский этап». Если мои вопросы повторялись и становились слишком навязчивыми, следовал совет: «Внимательно читай Чернецова — у него все ясно написано».

Речь шла, конечно же, о работе «Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры». Раз за разом я читал эту «археологическую Библию» и к своему ужасу осознавал, что я отнюдь не все понимаю... Когда же догадался, в чем и почему ошибался В. Н. Чернецов, создавая свою периодизацию, и *что* именно необходимо исправить в ней, — заканчивались уже 80-е годы XX века.

А тогда в 1982 году нам с Л. А. Захаровым и Л. М. Тереховой стало ясно, что где-то здесь же, в урочище Сайгатино, должен быть еще и средневековый могильник, но найти его мы почему-то не могли. И было принято решение в конце полевого сезона, в сентябре съездить на место Кинтусовского могильника, обнаруженного в 1911 году. Собрали небольшой отряд и поехали — благо, нам, в отличие от наших предшественников, можно было легко доехать туда на поезде. Мы быстро нашли средневековый Кинтусовский могильник и рядом с ним — могильник 1-й половины – середины XVII века. Именно эта небольшая экспедиция стала «золотым ключиком» к открытию всех могильников Сайгатино, Барсовой Горы и в целом Сургутского Приобья и Северо-Западной Сибири.

Окончив университет, я остался по распределению в археологической лаборатории и полевой сезон 1983 года провел на военных сборах. В это время Л. М. Терехова открыла и начала раскопки Сайгатинского I могильника. В дальнейшем, в 1984–1985 годах, раскопки вместе с ней вел я. Мы исследовали в этот период Сайгатинские I–III могильники, различные поселения, в том числе Кучиминское XVI и Остяцкий Живец IV. Последний раз в Сайгатино я вел работы в сентябре 1986 года — докапывал Сайгатинский I могильник, в то время как Л. М. Терехова и совсем еще молодой К. Г. Карачаров начинали раскопки Сайгатинского IV могильника.

С лета 1986 года я стал начальником Сургутского отряда на Барсовой Горе. Уже был заключен новый большой хоздоговор с организациями ПО «Сургутнефтегаз», которые на Барсовой Горе собирались развивать трубную базу в восточной ее части и модернизировать систему коммуникаций Западно-Сургутского месторождения нефти — в западной. Потребовался новый энергичный начальник, и выбор руководства лаборатории почему-то пал на меня. Я согласился, сознавая, какая сложная задача мне предстоит: организация раскопок в двух разных концах урочища на удалении более 5 км друг от друга и экспедиционного лагеря где-то между ними. К сожалению, или к счастью, я тогда еще не знал, что меня ожидает.

Еще до начала полевых работ 1986 года я внимательно просмотрел все отчеты и полевые материалы и к своему ужасу понял, что сводного плана расположения археологических памятников на Барсовой Горе не существует! Более того, составить его просто невозможно: в западной части урочища от железной дороги до речки Калинкиной качественно были сняты только планы всех городищ и нескольких отдельных поселений. То есть общая съемка всех памятников здесь вообще не проводилась. Первая же ознакомительная прогулка в эту часть урочища убедила меня в том, что:

– во-первых, археологических объектов здесь гораздо больше, чем их было снято на планы до сих пор;

– во-вторых, абсолютное большинство их явно относится к эпохам неолита – бронзового века при относительно небольшом числе поселений и городищ эпохи средневековья;

– в-третьих, западную часть Барсовой Горы действительно прорезала система коммуникаций Западно-Сургутского месторождения нефти (трубопроводы, грунтовая дорога, высоковольтная линия электропередач), построенная в конце 70-х – начале 80-х годов XX века. Именно ее и собирались сейчас модернизировать, и об этой системе, сильно повредившей культурные слои городища Барсов городок II/15, поселений Барсова гора II/8 и II/9, археологам ничего до сих пор не было известно.

Вот такая грустная перспектива открылась мне еще до начала работ. Организовать и провести раскопки я был обязан, но насчет сплошной глазомерной съемки памятников западной части Барсовой Горы мне никто распоряжения не давал. Мои коллеги смотрели на это как на непонятную причуду, считали это моим частным делом. Вроде хобби — благо, на основной работе это никак не сказывалось.

В 1986 и 1987 годах раскопки на Барсовой Горе действительно приобрели большой размах. Я быстро нашел место расположения могильника Барсов Городок — сказала сайгатинская практика. На этом огромном средневековом некрополе я вел большой раскоп, исследуя средневековые погребения, ямы-«раскопы» Ф. Р. Мартина, неолитические жилища стоянки Барсова гора I/3, слои которых были прорезаны средневековыми могилами. Одновременно В. А. Борзунов исследовал городище Барсов городок I/3 белоярской культуры раннего железного века. Во рвах этого укрепленного поселения им были выявлены четыре могилы, которые мне довелось расчистить и зарисовать. Две из них — кулайской культуры (II – начала III вв.), выделенные в Барсовский III могильник [Борзунов, Зыков, 2003], а две средневековые — могильника Барсов Городок. Так как планы этих двух интереснейших погребений 118 и 119 конца кучиминского этапа (IX в.) не публиковались, я привожу их в этой работе (рис. 42; 43). Глубоко признателен за это Виктору Александровичу Борзунову. В 1986 году Г. В. Бельтикова исследовала городище Барсов городок I/20 кулайской культуры в восточной части Барсовой Горы. Найденное на этом памятнике кулайское погребение также разбирал и зарисовывал я [Бельтикова, 2008. – С. 24–27; рис. 1].

В западной части урочища в зоне разрушений В. А. Борзунов провел глубокую разведку с зачистками остатков городища Барсов городок II/15 и поселения Барсова гора II/9. В 1987 году единственное сохранившееся жилище на городище с прилегающим к нему участком фортификаций исследовал раскопом Н. Н. Новиченков. Мной в этом же месте проводились большие раскопки поселения Барсова гора II/8 эпохи неолита, энеолита и бронзового века [Чемакин, 2008. – С. 9–11, 29–30, 42–44; рис. 3 – А; 5; 6 – I–7, II; 21 – А, I–18; 28 – I; 29].

Со съемкой археологических памятников в западной части Барсовой Горы в эти годы тоже обстояло все благополучно. Этим делом в 1986 году я занял своего студента-курсовика Виталия Сумина. Я ему помогал в основном по выходным дням, в пересменку между отъездом июльской и приездом августовской смены экспедиции. Кроме множества поселений, Сумин нашел здесь два не известных ранее средневековых могильника: Барсовский IV (конца XIV – первой половины XV вв.) и Барсовский V

(конца VI – VII вв.). На следующий год В. В. Сумин получил Открытый лист по форме № 3. В 1987 году он продолжал сплошную глазомерную съемку западной части урочища, снял почти все памятники от речки Калинкиной до большого лога.

Самым же светлым событием за этот мой «начальственный» период стало довольно близкое знакомство с Натальей Викторовной Фёдоровой, моим заместителем в 1987 году. В долгих вечерних разговорах выяснилось, что она очень близка мне по духу как археолог, что нас мучают одни и те же вопросы, ответы на которые каждый искал отдельно. Именно здесь, на Барсовой Горе, созрел замысел создания коллективной статьи [Фёдорова и др., 1991. – С. 126–145].

В общем, все было прекрасно: работа налажена, ни один раскоп не оставался без отчета не только заказчику, но и в Отдел полевых исследований Института археологии АН СССР, хоздоговоры заключались, отношения с заказчиками складывались замечательные. За свою деятельность на Барсовой Горе стыдиться мне было нечего, напротив, было чем гордиться. Но все же я был недоволен собой. Я знал, что как начальник экспедиции (в 1987 г. отряды Уральской археологической экспедиции были преобразованы в отдельные экспедиции) я гораздо лучше многих, но не чувствовал никакой радости от возможности руководить кем-либо. Меня угнетала необходимость раскапывать не очень интересующие меня памятники неолита – бронзового века, угнетала ответственность за спасение памятников Барсовой Горы от неминуемого уничтожения многих из них в процессе строительных работ. А более всего меня удручала необходимость тратить уйму времени на деятельность хоздоговорного археолога, на собственно научную работу, к которой я чувствовал склонность, его почти не оставалось. Втайне я был бы рад каким-нибудь образом избавиться от этой непомерной нагрузки.

Помощь пришла быстро и с совершенно неожиданной стороны. По возвращению экспедиции в Свердловск на вокзале наш поезд встречала Валентина Дмитриевна Викторова с предложением. Есть место в дневной аспирантуре Отдела истории Института экономики УрО АН СССР, они готовы меня принять, если я согласен и выдержу экзамены, но документы надо сдавать уже через два дня. Еще бы я был не согласен — ведь это был замечательный выход! Экзамены я сдал, в аспирантуру поступил. Совершенно честно, с высоко поднятой головой я мог увольняться из университета и передавать должность начальника Сургутской экспедиции вместе со всем грузом проблем Барсовой Горы Н. В. Фёдоровой. Очевидно, все это было не вполне честно, но принести себя в жертву хоздоговорным интересам лаборатории УрГУ, даже под флагом спасения археологических памятников Барсовой Горы, я не мог.

Собственно, их я и не бросал. В 1988 и 1989 годах я по одному месяцу работал на Барсовой Горе, помогая Н. В. Фёдоровой. В 1988 году я вел раскопки неолитического поселения Барсова гора II/9 по своему Открытому листу. Кроме этого, в 1988 году я работал на могильнике Барсов Городок по Открытому листу К. Г. Карачарова, которому передал все права на дальнейшие раскопки этого уникального памятника.

В 1993 году по заданию Сургутского краеведческого музея мной были проведены раскопки городища Сургутского I («Орбита») зеленогорского этапа нижнеобской культуры в черте города Сургута. Эта работа была необычна — она преследовала цель получения материалов для реконструкции раннесредневекового укрепленного поселения в натуральную величину. Я провел раскопки и в 1994–1995 годах составил для музея концепцию реконструкции памятника. К сожалению, в дальнейшем этот амбициозный проект так и не был реализован, но в этом не было моей вины.

Главное же, чем я занимался на Барсовой Горе все эти годы, — глазомерная топографическая съемка всех памятников ее западной части. Отчета В. В. Сумина я так и не дождался, студент истфака оказался неспособен сколько-нибудь внятно изложить элементарный текст на бумаге*. В результате черновую съемку памятников западной части урочища я закончил только в полевом сезоне 1992 года. Мои планы полностью смыкались с планами съемки восточной части Барсовой Горы, которую задолго до меня начал Ю. П. Чемакин. Только с этого момента появилась возможность составить полную

*К сожалению, с подобным явлением мне приходилось не раз встречаться в жизни. Люди легко путают два диаметрально противоположных понятия: «туризм» и «археология». Привлеченные в археологию романтикой экспедиций, поездок, перелетов, костров, палаток и прочего, они оказываются неспособны к кропотливой кабинетной работе, без которой археология вообще немыслима. Самая же большая трагедия, если человек стал хорошим археологом-полевиком, научился писать и формировать научные отчеты, но в принципе оказался неспособен написать научную статью.

сводную карту всех археологических памятников, в том числе и уже уничтоженных на Барсовой Горе, и ввести их окончательную нумерацию. На все это ушли многие годы. Теперь я знаю, что экземпляр этой карты хранится в центре «Барсова Гора». Именно на основе этой карты возникла первая книга нашей трилогии «Барсова Гора: археологическая карта» [Челякин, Зыков, 2004]. Досадно, что книга с таким названием собственно карты археологических памятников не содержала — у издателей, отвечающих за сохранение памятников, были опасения, что карта станет пособием для «черных» копателей. Тогда планировалось, что книгу будет сопровождать специальный атлас, выпущенный малым тиражом с грифом «Для служебного пользования». Но он так и не вышел.

Вполне прочувствовать важность проделанной нами с Ю. П. Челякиным работы я смог только в 2008 году, когда после 15-летнего перерыва мне вновь довелось принять участие в раскопках на Барсовой Горе. Это пока последнее исследование средневекового памятника в урочище — городища Барсов городок II/15.

Книгу «Барсова Гора: археологическая карта» сразу же предусматривалось дополнить «Очерками археологии Сургутского Приобья», и мы с Ю. П. Челякиным действительно написали этот текст в 2004 году. Но его объем оказался столь велик, что эта книга вышла без них. Предполагалось, что они выйдут отдельной книгой «Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья» хотя бы на следующий год. Но как раз год мне был необходим на составление иллюстративного ряда. Хорошо было Юрию Петровичу. По этой теме в 1994 году он защитил кандидатскую диссертацию, двумя изданиями уже вышла коллективная монография «Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу)», где в соавторстве с К. Г. Карачаровым он опубликовал очерк «Древняя история Сургутского Приобья» [Челякин, Карачаров, 1999. — С. 9–66; 2002. — С. 5–74]: у него иллюстративный ряд был уже подобран. Хотя и его личная монография, получившаяся из «Очерков...», задержалась с изданием именно из-за доводки иллюстративного ряда [Челякин, 2008]. А я ведь на эту тему диссертацию не писал, единственная совместная статья, где я готовил почти весь иллюстративный ряд, вышла достаточно давно [Фёдорова и др., 1991. — С. 126–145]. Так что мне требовалось время для подготовки иллюстраций.

Но в это время Н. В. Шатунов и А. Я. Труфанов готовили перевод на русский язык монографии Т. Й. Арне «Барсов Городок» и предложили именно мне написать комментарии о раскопках Фредрика Мартина 1891 года. Я честно предупредил, что ничего хорошего об этих раскопках написать не могу, поскольку мне довелось копать этот могильник и варварские «раскопы» Ф. Мартина. Меня уговорили написать так, как считаю нужным. Написал.

Книга Т. Й. Арне в переводе Ж. Н. Труфановой с редакциями и комментариями А. Я. Труфанова действительно стала замечательным изданием, но моя статья в ней вышла сокращенной вдвое [Зыков, 2005. — С. 172–181]. В нее не вошли сведения о действительно первом археологе Барсовой Горы В. Ф. Казакове, о том, как Ф. Мартин обманывал русские власти, как вывез археологические коллекции из России. Меня это очень задело. Я потребовал публикации моей статьи полностью, и Н. В. Шатунов и А. Я. Труфанов заверили меня, что это будет сделано в ближайшем сборнике.

Между тем в Российской академии наук шла большая реформа, которая коснулась и Института истории и археологии УрО РАН. Меня вызвал директор, академик Вениамин Васильевич Алексеев и настоятельно рекомендовал поскорее защитить кандидатскую диссертацию. Мои документы считались потерянными в отделе аспирантуры Института археологии РАН. Вениамин Васильевич обещал помочь восстановить документы, и я, в свою очередь, обещал в ближайшее время защитить диссертацию, если документы найдутся. После официальных институтских запросов документы действительно быстро нашлись и в Москве, и в Екатеринбурге — в Уральском университете, где я в свое время сдавал экзамены на кандидатский минимум по иностранному языку и философии. И в 2008 году я защитил кандидатскую диссертацию «Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири во II–XVII вв.» в Институте археологии РАН. В том же году вышла неопубликованная часть моей статьи [Зыков, 2008] — Н. В. Шатунов и А. Я. Труфанов сдержали свое обещание. И только после этого я мог приступить к завершению своей рукописи.

Наконец, последний момент, который не дает мне покоя на протяжении всей моей жизни в археологии. Каждый читающий эту книгу поймет, что лично я не исследовал раскопками ни одного позднесредневекового городища на Барсовой Горе и в Сайгатино. И не потому, что их там не было. Они были, и очень яркие, с мощными оборонительными сооружениями, с толстыми стратифицированными куль-

турными слоями. Мне больно об этом писать, но эти памятники были уничтожены археологами при раскопках: городище Барсов городок I/31 — в 1975 году, городище Барсов городок I/32 — в 1979 и 1982 годах Н. В. Фёдоровой, городище Барсов городок II/3–4 кучиминского этапа нижнеобской культуры — в 1979 году, Кучиминское IX городище конца кучиминского и кинтусовского этапов нижнеобской культуры — в 1982, 1983 и 1985 годах Л. М. Тереховой. Лишь о раскопках городища Барсов городок I/31 в 1975 году Н. В. Фёдоровой был составлен научный отчет о раскопе площадью 750 кв. м, в профилях которого был отмечен единый черный гумусированный культурный слой толщиной до 2 м и более без деления на какие-либо прослойки. С высоты своего сегодняшнего опыта я могу сказать, что этого быть не могло. Тогда использовалась методика раскопок на почти полный штык, и при применении более тонкой методики результаты могли быть иными... Но что хоть в какой-то мере оправдывает Наталью Викторовну, отчет она все-таки написала.

Но раскопки остальных трех городищ никаких отчетов не имеют. Сохранились только коллекции находок и авторские полевые материалы (чертежи на миллиметровой бумаге и т. п.), из которых никому уже не составить отчетов. За первые годы моего пребывания в Сургутском Приобье у меня осталось какое-то стойкое негативное впечатление о невозможности раскопок позднесредневековых стратифицированных городищ. Вместе с тем я понимал, что оставлять раскопанное городище, да и любой другой памятник, без отчета нельзя. Но на собственном опыте проверить, возможно ли в принципе качественно исследовать многослойное городище, в Сургутском Приобье мне так и не удалось.

Первый такой опыт я получил при раскопках городища Искер — остатков татарского города Сибири. Эти раскопки 1988 и 1993 годов были настоящим экзаменом на мою состоятельность как археолога-полевого, который я успешно сдал.

А окончательно я уверился в возможности успешного исследования многослойного позднесредневекового городища после длительной эпопеи в течение 1994, 1995, 1998, 1999, 2001 годов, когда совместно с Сергеем Фёдоровичем Кокшаровым, моим однокурсником, коллегой по работе в университете и Институте истории и археологии УрО РАН, раскапывал городище Ендырское I — остатки былинного остяцкого городка Эмдер на левобережье Нижней Оби. Результаты этих раскопок уже опубликованы [Зыков, Кокшаров, 2001]. И они доказывают, что любые стратифицированные городища вполне поддаются исследованиям и могут дать великолепные научные результаты, если у исследователей есть цель, финансирование, опыт и возможность спокойно обрабатывать полученные материалы. При отсутствии всего этого такие сложные памятники можно только испортить или вообще уничтожить, как это случилось на Барсовой Горе и в Сайгатино.

Я благодарен всем своим коллегам археологам, которые на протяжении последних 40 лет исследовали памятники средневековья и нового времени на Барсовой Горе, в Сайгатино и в других местах Сургутского Приобья — Г. В. Бельтиковой, В. А. Борзунову, И. Г. Глушкову, С. А. Днепрову, Л. В. Ивасько, О. В. Кардашу, К. Г. Карачарову, О. В. Малозёмовой, В. М. Морозову, С. А. Мызникову, В. И. Семёновой, Г. А. Степановой, В. И. Стефанову, Н. К. Стефановой, Л. М. Тереховой, А. Я. Труфанову, Н. В. Фёдоровой, Т. Ю. Фефиловой, Ю. П. Челякину, Н. А. Черкасовой, Н. В. Шатунову, А. Ф. Шорину, Я. А. Яковлеву. Особая признательность Людмиле Михайловне Тереховой и Наталье Викторовне Фёдоровой, вместе с которыми я начинал исследование и осмысление средневековья Сайгатино и Барсовой Горы. Немало для них горьких слов сказано в этой книге, однако это не уменьшает моей благодарности им. Признателен я и Константину Геннадьевичу Карачарову, основному объекту моей критики в этой книге. Он человек умный, и, смею надеяться, поймет, что это было неизбежно. На сегодня именно он является ведущим ученым-археологом, способным осмыслить весь огромный комплекс проблем средневековья Сургутского Приобья.

Наконец, я глубоко благодарен своему соавтору по этой трилогии Юрию Петровичу Челякину, своим заказчикам и издателям Николаю Владимировичу Шатунову и Александру Яковлевичу Труфанову, без энергичного напора которых эта книга не увидела бы свет. Честно говоря, мне долгое время казалось, что я уже выполнил свой долг перед средневековой археологией Сургутского Приобья: это и исследованные памятники в Сайгатино и на Барсовой Горе, и коллективная статья [Фёдорова и др., 1991. — С. 126–145]. Но далеко уже зашедшая тенденция «растаскивания» единой средневековой культуры Сургутского Приобья на множество мелких археологических культур перечеркивала все наши идеи, высказанные в коллективной статье. Это обстоятельство, а также настойчивые предложения Ю. П. Челякина, Н. В. Шатунова, А. Я. Труфанова, заставили меня завершить данную книгу. В ней

я смог достаточно откровенно высказать свое мнение обо всей средневековой археологии Сургутского Приобья: мое понимание памятников, проблем и особенностей их исследования.

Рисунки археологического материала, включенные в книгу, в разное время выполнили автор, Н. М. Дианов, К. Г. Карачаров, А. А. Ковригин, В. А. Миронов, В. И. Семёнова, В. И. Стефанов, Л. М. Терехова, Ю. П. Чемякин. Иллюстрации к данной книге я старался подбирать из числа планов наиболее важных раскопок городищ, могильников и погребений, большую часть которых сам снимал и раскапывал либо по своему Открытому листу, либо в составе экспедиций В. А. Борзунова, Л. М. Тереховой и Н. В. Фёдоровой. Рисунки графических реконструкций средневековых керамических сосудов в основном сделаны мной, а также использовались уже опубликованные рисунки К. Г. Карачарова, В. И. Семёновой и В. И. Стефанова.

Мне не вполне понятно, для чего Ю. П. Чемякин включил в свою книгу «Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность» планы и рисунки керамики и вещевых находок карымского этапа средневековой нижеобской культуры, если в основном тексте этому периоду была посвящена лишь одна страница [Чемякин, 2008. – С. 93–94; рис. 89–99]. Поэтому здесь я не привожу иллюстрации планов, керамики и вещей с городища Сартым-урий 18 и селищ Сартым-урий 16 и 17, а также малоинформативных планов раскопок на городищах Барсов городок II/6, 7, 9, 10, хорошо опубликованных в книге Ю. П. Чемякина. Единственный его план жилища 8 с остатками кузницы с городища Сартым-урий 18, опубликованный ранее в малотиражном сборнике, я счел уместным поместить здесь. Зато появилась возможность опубликовать мои рисунки очень интересной карымской керамики с городища Кинтусовского IV из раскопок Л. М. Тереховой 1982–1983 годов.

Большая часть керамики нижеобской культуры была нарисована мной, и небольшое количество — К. Г. Карачаровым и Л. М. Тереховой, что указано в подписях к рисункам. На данных иллюстрациях присутствует лишь небольшая часть сосудов из огромных керамических коллекций, добытых при раскопках в Сургутском Приобье. Наоборот, почти все керамические сосуды из памятников сайгатинской культуры XIII–XVI веков и конца XVI – первой половины XVII веков, полученные из раскопок, представлены в иллюстрациях. Исключения единичны (напр., отсутствуют рисунки двух сосудов из раскопок Г. В. Бельтиковой на селище Барсова гора IV/26).

Рисунки прочих вещевых находок представлены в этой книге достаточно ограниченно. Вещевой материал, происходящий из Сургутского Приобья, начиная с кучиминского этапа нижеобской культуры и до позднего средневековья, очень велик. Формат этого издания не предполагал большого количества иллюстраций. Средневековые находки из серебра, бронзы, железа широко представлены в альбоме «Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета» [1994]. А железным вещам Северо-Западной Сибири и технологии их производства я планирую посвятить одну из своих следующих книг «Кузнецы Древней Югры».

Набор и первичная корректура текста произведены А. Н. Лабаури и Н. Н. Зыковой. Без участия, понимания и терпения моей жены Наташи и сына Павла завершение книги было бы невозможно. За это я им очень признателен. Необходимо отметить также созидательную редакторскую работу А. Я. Труфанова.

ГЛАВА 1

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ СУРГУТСКОГО ПРИОБЬЯ

Первые археологические раскопки средневековых памятников в Сургутском Приобье в урочище Барсова Гора были произведены летом 1887 года. Связаны они с именем Василия Филипповича Казакова — человека очень сложной судьбы. В 1880 году он, тогда еще студент Московского университета, стал создателем и первым руководителем подпольного кружка народников в рабочем поселке Мотовилиха, пригороде губернского центра Перми. Эта организация, позднее получившая название «пермские декабристы», быстро стала самой массовой на Урале. Пермский кружок вел активную народническую агитацию среди рабочих, издавал нелегальную газету «Школа», выступавшую с призывами к борьбе за политические свободы, ликвидацию самодержавия и наделение крестьян землей.

В апреле 1881 года В. Ф. Казакова исключили из университета за участие в студенческих волнениях. После убийства царя Александра II 1 марта 1881 года боевой группой «Народной воли», когда самый успешный теракт не привел ни к чему, кроме гибели исполнителей — «первомартовцев» и ликвидации организации народovolьцев как таковой, революционные убеждения Казакова пошатнулись. В конце концов, он то ли был исключен из кружка за свои сомнения, то ли сам покинул его. Во всяком случае, с 1882 года официальным руководителем пермского народнического кружка считался В. А. Померанцев.

Вероятно, именно в эти годы В. Ф. Казаков решил заняться археологией, в 1880 году он стал действительным членом Уральского Общества любителей естествознания (УОЛЕ) в г. Екатеринбурге. Однако уже вскоре ему пришлось отвечать за свое революционное прошлое. В декабре 1883 года пермский кружок был разгромлен, по делу «пермских декабристов» произведены аресты более 75 человек, в их числе был арестован и «студент Казаков». Следствие длилось около двух лет. В. Ф. Казакову присудили пять лет ссылки в Сибирь, и не позднее 1886 года он был доставлен в Сургут. Этот небольшой русский город, центр Сургутского округа Тобольской губернии, был в этот период одним из крупных центров политической ссылки. В 1887 году здесь проживало 25 политических ссыльно-поселенцев. Из них одиннадцать были членами «Народной воли», пропагандировавшей террористические методы политической борьбы, 17 человек до ареста уже участвовали в столкновениях с полицией, остальные же были народниками, рабочими-социалистами и людьми без четкой партийной принадлежности.

В сургутской жизни В. Ф. Казакова его партийная принадлежность никак не определялась ни полицейскими чиновниками, ни ссыльнопоселенцами. И в официальных документах, и в воспоминаниях он везде фигурировал в качестве «студента». Хотя, вероятно, правду об отходе Владимира Филипповича от деятельности им же созданного народнического кружка знали все, кто этим интересовался: процесс по делу «пермских декабристов» широко освещался в печати, в том числе и в подцензурной. Очевидно, уже в первый год жительства в Сургуте В. Ф. Казаков заинтересовался археологией этих мест и сразу же оценил по достоинству памятники урочища Барсова Гора. Скорее всего, власти сквозь пальцы смотрели на его отлучки за город, где он в одиночку мог проводить небольшие раскопки. Законопослушный ссыльнопоселенец, не интересовавшийся политикой, имевший странное, но безобидное увлечение, не вызывал опасений у полицейских властей.

Тогда же В. Ф. Казаков начал сотрудничество с Тобольским губернским музеем, предложив его руководству проект организации археологической экспедиции на Барсову Гору, где он выявил перспективные для раскопок древние городища. Очевидно, к проекту была приложена продуманная смета расходов, в которой одним из пунктов значился наем за скромную плату в качестве рабочих-землекопов дисциплинированных, добросовестных и, самое главное, ничем не занятых в летнее время сургутских ссыльных.

Тобольский музей, созданный в 1870 году при губернском статистическом комитете, долгое время существовал без собственного здания. Но в 1886 году новым тобольским гражданским губернатором был назначен действительный статский советник Владимир Александрович Тройницкий. Именно он взял под свою опеку все дела, связанные с губернским музеем, стал инициатором строительства его здания, начатого 4 июля 1887 года. Приблизительно 10 апреля 1889 года новый Тобольский губернский музей был открыт. Неудивительно, что в октябре 1890 года В. А. Тройницкий был избран председателем правления музея, и одновременно он возглавлял общество «Тобольский губернский музей». Официальная регистрация общества позволила собирать членские взносы и пожертвования граждан, а также получать доходы от продаж изданий музея. Наконец, при посещении Тобольска 10 (22) июля 1891 года цесаревичем Николаем Александровичем В. А. Тройницкому удалось убедить его принять музей под свое августейшее покровительство, что вскоре по возвращению в Санкт-Петербург и было официально оформлено 31 августа (12 сентября) 1891 года.

Именно к новому тобольскому губернатору в конце 1886 года правление музея обратилось за разрешением на организацию археологической экспедиции силами ссыльного поселенца В. Ф. Казакова, участие в ней нанятых сургутских ссыльных, выделение на это денег за счет средств музея. В. А. Тройницкий, плохо знакомый со спецификой ссыльнопоселенческой губернии, не усмотрел в представленном ему проекте никакой опасности. Дозволение на проведение раскопок, судя по всему, последовало в форме губернаторского приказа сургутскому исправнику. Ему же надлежало разрешить выдачу присланных денег В. Ф. Казакову, разрешить собираться для участия в раскопках более чем половине поднадзорных ему политических ссыльных, организовать их многократные выезды за город к месту работ и обеспечить какую-то форму сопровождения хотя бы минимальными силами полиции [Зыков, 2008. – С. 8–9].

Впрочем, в самом факте применения труда ссыльных в качестве рабочих-землекопов на археологических раскопках именно в это время в Тобольской губернии не было ничего необычного. В частности, в отчете Императорской Археологической Комиссии за 1888 год С. К. Патканов упоминает о беседе с омским ученым А. И. Дмитриевым-Мамоновым, который за год до этого исследовал «группы курганов около Чувашского городища, находящегося в 2-х верстах от города (Тобольска – А. З.), ...пользуясь трудом ссыльных, водворенных в Тобольском тюремном замке, ...в течение около 4-х месяцев вскрыл все 13 курганов» [Гордиенко, 2009. – С. 84].

Работы были проведены в 1887 году, скорее всего, в наиболее благоприятный для раскопок период — с начала мая до конца сентября. В памяти сургутских полицейских властей и ссыльнопоселенцев эта необычная археологическая экспедиция осталась надолго. В небольшом рукописном наброске Ф. Мартина, полностью опубликованном в книге Т. Арне, изложены сведения, явно полученные им в 1891 году от пристава Сургутского округа о том, что раскопки на Барсовой Горе «в 12 верстах западнее города на северном берегу реки... были предприняты в первый раз в 1889 году по приказу губернатора Тобольска, который на их проведение выделил 25 рублей. Исследованиями руководил политический ссыльный Козаков» [Арне, 2005. – С. 77–78]. Если не учитывать неверно записанную (или понятую Ф. Мартином?) дату, неточно переданную на немецком языке фамилию, то сведения, переданные молодому шведскому ученому сургутским полицейским чиновником, совершенно точны и однозначны: раскопки под руководством политического ссыльного были проведены еще до приезда в Сургут в 1890 году томского прозектора С. Чугунова по приказу Тобольского губернатора на выделенные им же деньги. Таким образом, сургутские власти к организации этой археологической экспедиции отношения не имели и ответственности за все с ней произошедшее нести не могли. Ничего из этого не было сказано молодому шведу, приехавшему в Сургут с рекомендацией того же губернатора В. А. Тройницкого. Возможно, ему намекнули, что интересоваться этой уже давней историей с экспедицией ссыльного Казакова-Козакова не стоит. Только все эти полицейские хитрости были напрасны — скорее всего, Фредрик Мартин ничего не знал и поэтому ничем не интересовался.

А в колонии сургутских политссыльных жила другая легенда об этой экспедиции 1887 года, в корне отличавшаяся от официальной политической версии, но столь же далекая от правдивой истории. Ее донес до нас Ю. Н. Подбельский, революционер-народник, отбывавший политическую ссылку в Сургуте в 90-х годах XIX века, то есть тогда, когда там уже не осталось ни одного участника раскопок и последующих событий. Он оставил небольшой очерк «Культурное наследие сургутской политической ссылки», написанный гораздо позднее, а опубликованный только в 1928 году. В нем о раскопках ска-

зано следующее: «Нельзя обойти молчанием и еще одну краеведческую работу, сделанную группой политических ссыльных в середине 80-х годов. Мы имеем в виду раскопки старинного «Городища» на Барсовой Горе, возле Сургута. В результате продолжительных усилий были извлечены из городища многочисленные вазы, оружие, скелеты и другие предметы, поступившие затем в распоряжение одного из центральных музеев. В этих работах приняли участие В. Я. Мрачковский, Н. Л. Зотов, В. Ф. Казаков и другие ссыльные — всего до 15 человек» [Челякин, Зыков, 2004. – С. 171].

Таким образом, примерно через 10 лет сургутские политссыльные помнили о том, что группой их предшественников были некогда произведены раскопки городища на Барсовой Горе, при которых были извлечены в результате усилий некие предметы, попавшие затем в один из центральных музеев, помнили, что участников этих работ было до 15 человек, помнили фамилии некоторых из них. Но точно вспомнить фамилию человека, который затеял, организовал и возглавил эту археологическую экспедицию, они уже не могли. А еще через 30 лет в представлениях сургутского жителя В. В. Клепикова эти воспоминания превратились в легенду, записанную Н. Я. Павловым в 1925 году. Согласно ей, на Барсовой Горе «в начале двадцатого века... было две экспедиции. Одной из них руководил венгерский профессор Мартин-Пакай, а другой — финляндский профессор Сирелиус. Раскопки производились частично в трех ойкосах (так Н. Я. Павлов называл участки коренного берега между логами – А. З.) и, главным образом, на могилах. По словам местного жителя гражданина Василия Варфоломеевича Клепикова, который присутствовал при раскопках обеих экспедиций, всего экспонатов вывезено с городища до тридцати возов» [Челякин, Зыков, 2004. – С. 172]. Единственное рациональное зерно в этой легенде, это то, что экспедиций действительно было две: В. Ф. Казакова в 1887 году и Ф. Мартина в 1891 году. Следы их раскопок были зафиксированы на «Плане остатков древнего городища на Барсовой горе», снятом Н. Я. Павловым в 1925 году (ТГИАМЗ, инв. № 6821). А все остальное — и время проведения экспедиций, и фамилии и национальности их руководителей, и сведения о количестве возов с экспонатами, вывезенных с городища — не более чем легенды, родившиеся из воспоминаний о событиях 38-летней давности их престарелого свидетеля.

Чтобы понять, что же исследовала экспедиция В. Ф. Казакова в 1887 году, обратимся к другим источникам. Во-первых, в архиве Тобольского музея сохранилось письмо из Уральского Общества любителей естествознания (г. Екатеринбург) от 15 ноября 1890 года: «Действительный член Общества Василий Филиппович Казаков представил ныне для осмотра коллекцию предметов из раскопок городищ близ г. Сургута Тобольской губернии, состоящую из глиняных черепков и проч., и просил Общество коллекцию эту препроводить в Тобольский музей, так как он ездил в окрестности Сургута на средства музея. Комитет Общества, исполняя просьбу г. Казакова, имеет честь препроводить вместе с этим в Тобольский музей сказанную коллекцию черепков и проч.» (ТГИАМЗ. – Д. 891). Этот единственный сохранившийся документ, явно составленный со слов В. Ф. Казакова, указывает, что в 1887 году, возможно, раскапывалось более одного городища на Барсовой Горе.

Во-вторых, вновь обратимся к рукописи шведского ученого Ф. Р. Мартина, написанной в 1891 году на основе своих дневниковых записей и воспоминаний о поездке в Россию, в том числе и на Барсову Гору, и являвшейся, вероятно, одним из набросков текста так и не написанной им книги о своих раскопках. Впервые эта рукопись была опубликована в виде приложения к монографии Т. Арне на немецком языке в 1935 году [Arne, 1935. – S. 91–96], а ее перевод на русский язык появился не так давно [Арне, 2005. – С. 76–80].

Самым восточным на Барсовой Горе «укрепленным местом» со следами раскопок 1887 года было городище Барсов городок I/7 по современной системе обозначений [Челякин, Зыков, 2004. – С. 17–18]. По рукописи Ф. Мартина «рвы и валы здесь можно заметить с трудом. На этом месте Козаков и предпринял раскопки. Он раскопал один ров 50 м длиной и 2 м шириной с многочисленными боковыми рукавами, глубина которых составляла от 0,6 до 1,7 м. Верхний слой земли толщиной 20–30 см состоял из рыхлого песка, в котором встречались многочисленные прослойки угля, золы и множество разбитых глиняных сосудов. Под этим слоем находилась основа из чистого песка. На южном конце поперечного рва мы наткнулись на большой камень, который с давних пор служил остоякам жертвенным камнем... Недалеко от этого камня из земли выдается другой камень, о котором рассказывают, что уже длительное время остояки жертвовали здесь медные и серебряные предметы.... Я окопал камень вокруг и фактически на глубине нескольких сантиметров нашел пятикопеечную монету 1859 г. и копейку 1872 г. ... В песке, выбранном Козаковым, я собрал много особенно богато орнаментированных фрагментов

сосудов. Ничего кроме этого во время своих раскопок он не нашел. В Сургуте рассказывают, что им был найден наконечник стрелы из бронзы. Это утверждение кажется особенно странным и, скорее всего, основывается на ошибочных сведениях» [Арне, 2005. — С. 78–79]. Далее в своей рукописи Ф. Мартин специально оговаривает, что расположенные западнее этого «укрепленного места» городища и могильник до него никто не раскапывал, раскопки на них он производил сам.

В своей книге «Сибирика», издание которой на немецком языке вышло в 1897 году, а ее русский перевод — в 2004 году, Ф. Р. Мартин о тех же фактах сообщал более определенно: «С реки были заметны шесть небольших — около 80 м длиной и 40 м шириной — укреплений. На одном из них по приказу губернатора студентом Казаковым (переводчик Ж. Н. Труфанова в примечаниях сообщает, что в немецком тексте была указана фамилия «Kossakov» [Мартин, 2004. — С. 131]) были произведены раскопки. Он нашел только битую глиняную посуду. На выбранном песке еще лежало большое количество богато украшенных черепков, которых я собрал полный ящик. На некоторых других укреплениях я пытался проводить экспериментальные раскопки, но без особого успеха» [Мартин, 2004. — С. 33].

Ну и, наконец, существует третий тип источников о раскопках В. Ф. Казакова 1887 года — топографические планы остатков раскопа и перечень находок из него. Самый ранний известный план городища с изображением частично засыпанных остатков большого раскопа был снят С. А. Куклиным, Н. Я. Павловым, К. А. Верёвкиным, С. А. Мерозидовым в 1925 году. То, что на этом «Плане остатков древнего Городища на Барсовой Горе» изображен именно тот самый раскоп В. Ф. Казакова, доказывают два переданных кружками «священных камня инородцев», как указано в условных знаках к «Плану...» [Древний город..., 1994. — С. 16–17; Чемякин, 2005. — Рис. 1 – 1]. Все это точно соответствует описанию «раскопа Козакова» в рукописи Ф. Мартина. Глазомерный план, снятый в 1972 году, и более точный полуинструментальный план 1973 года этого городища, названного Барсов городок I/7, позволили более объективно оценить раскоп 1887 года [Борзунов, Чемякин, 2006. — Рис. 10 – 10; Чемякин, 2005. — Рис. 1 – 6; 2008. — Рис. 69 – 5]. Совершенно ясно, что В. Ф. Казаков не раскапывал «один ров 50 м длиной и 2 м шириной с многочисленными боковыми рукавами», как это показалось Ф. Мартину [Арне, 2005. — С. 78]. Истинную оборонительную систему городища, состоящую из узкого, неглубокого заплывшего рва длиной до 55–58 м, шириной до 1,5–2,0 м, глубиной до 0,4–0,8 м и небольшого оплывшего вала [Чемякин, Зыков, 2004. — С. 17], Ф. Мартин, скорее всего, даже не заметил. За ров он принял незасыпанную 32-метровую (15-саженную) самую северную линию участков в 1 сажень (2,133 м) шириной раскопа 1887 года, расположенную на 8 м южнее истинного рва городища и ориентированную параллельно ему. «Многочисленные боковые рукава» представляли собой четыре параллельных линии, вытянутые к югу (вернее, к юго-востоку) на 8,3 м перпендикулярно основной незасыпанной линии участков. Между ними оставлены нескрытые полосы грунта — бровки. Ширина самой восточной линии около 2 м, западные линии более узкие, но с учетом ширины бровок также составляют 1 сажень. Вероятнее всего, бровки предназначались для снятия профилей с западных стенок. Еще более интересен северный «боковой отросток» длиной не менее 8,6 м (более 4 саженей) и шириной в 1 сажень. Эта широкая линия участков (назвать ее траншеей как-то не поворачивается язык) в раскопе 1887 года явно служила для изучения оборонительной системы городища — вала и рва (рис. 1).

Вглядываясь в план остатков первого на Барсовой Горе раскопа, начинаешь понимать, что человек, его разбиравший и руководивший работами на нем, был великолепным археологом-полевиком. Я не знаю и, возможно, никогда не узнаю, где и когда Василий Филиппович Казаков на таком высоком уровне сумел научиться проведению полевых археологических работ. Имея в своем распоряжении до 15 землекопов, весьма небольшую сумму денег и раскоп общей площадью до 250 кв. м, он полностью решил поставленные перед собой исследовательские задачи на полевой сезон 1887 года. Не верю, чтобы этого благоразумного человека, большой площадью раскопавшего один памятник, в том же году потянуло раскапывать узкими кривыми длинными траншеями городища с большим культурным слоем — Барсов городок I/5 и Барсов городок I/32. Спешить В. Ф. Казакову было незачем — его ссылка заканчивалась только в 1890 году. Эти поспешные варварские «раскопки», следы которых сохранились до сих пор, принадлежали другому человеку. Этого вопроса коснемся чуть ниже.

В 1972 году на городище Барсов городок I/7 западнее раскопа В. Ф. Казакова 1887 года был заложен раскоп В. М. Морозова площадью 36 кв. м. В нем были вскрыты остатки небольшого слегка углубленного подпрямоугольного жилища размерами 5,1×4,5 м. Глубина культурного слоя достигала 0,2–0,7 м. Находки представлены в основном керамикой кулайской культуры, обломками тиглей, каплями бронзы.

Кроме того, были обнаружены два фрагмента керамики атлымской культуры позднего бронзового века и (в центральной части жилищной впадины сразу под слоем дерна) два железных наконечника стрел XIX – начала XX веков, связанных с хантыйским жертвенным местом [Чемякин, Зыков, 2004. — С. 18; Чемякин, Морозов, 2005. — С. 223].

Известно, что весной 1888 года перед отправкой В. Ф. Казакова к новому месту ссылки в с. Кондинское (ныне — п. Октябрьский) им была передана сургутскому исправнику коллекция из семи предметов для передачи в Тобольский губернский музей. Все они были доставлены по назначению. Уже в первом же роскошно изданном каталоге экспонатов Тобольского музея, выпущенном в год открытия его собственного здания в 1890 году, один из переданных В. Ф. Казаковым предметов был упомянут в нем — «меч без рукояти» [Лыткин, 1890]. В книге поступлений Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника есть две недатированные дореволюционные записи о предметах, поступивших в музей из «Сургутского округа, от В. Ф. Казакова»: бронзовом литом котле полуовальной формы с выгнутым краем и бронзовом литом чайнике с длинным носиком [Кузьминых, Яковлев, 2008. — С. 262]. В 1935 году И. А. Талицкая сделала сводку известных к тому времени археологических памятников и мест находок древних вещей Севера Западной Сибири, где под № 39 «Сургутские находки» сказано: «В Тобольском музее имеется бронзовый «скифского» типа котел, найденный близ Сургута и доставленный В. Ф. Казаковым. Оттуда же им доставлен меч сарматского типа» [Талицкая, 1953. — С. 250]. Любопытно, что ни разу не упоминалось об условиях находки этих вещей, что позволяло считать эту коллекцию составленной из случайно собранных В. Ф. Казаковым предметов. Не скрою, именно так считал и я в период написания статей о первых исследованиях Барсовой Горы [Зыков, 2005. — С. 172–181; 2008. — С. 6–15].

Действительно, слишком разновременна была коллекция: бронзовый «скифский» котел относился к раннему железному веку, а бронзовый «чайник с длинным носиком» и железный меч без рукояти — скорее, к XVIII–XIX векам. Последний я осматривал и зарисовывал в 1988 году в фондах ТГИАМЗ (рис. 2). Никакой это не меч, а массивный однолезвийный колюще-рубящий наконечник пальмы — древнего охотничьего и боевого оружия таежных и тундровых народов Сибири, в том числе и хантов Сургутского Приобья. Тяжелый клинок наконечника имеет длину 52,2 см, ширина его — до 6,6 см, спинка толщиной 1,0–1,3 см прямая, лезвие с двусторонней заточкой плавно сужается к острию. В основании клинка пальмы — массивное брусковидное железное перекрестие длиной 12,9 см, шириной до 1,2 см, толщиной 0,4–1,0 см. Перекрестие явно служило для парирования вражеских ударов при первоначальном использовании пальмы в качестве древкового оружия и упора-ограничителя проникновения оружия в тело жертвы при позднейшем использовании пальмы в качестве охотничьей рогатины. Черен насада обмотан у самого перекрестия.

Способ насадки почти аналогичного, но несколько меньшего по размерам наконечника североселькупской пальмы на толстое диаметром около 5 см березовое полутораметровое древко был осмотрен мной в том же Тобольском музее. Сюда она была доставлена в первой половине XX века из поселка Ратто на р. Таз Туруханского края как якобы эвенкийское дедовское изделие. В верхней части был выдолблен желобок точно по размерам массивного черена длиной 21,9 см. Черен пальмы точно входил в этот желобок, закреплялся в нем рыбьим клеем, а снаружи место соединения склеивалось берестой и обматывалось кожаным ремешком, также промазывавшимся клеем. Такой способ черенковой насадки в древке делал ее очень прочной. Сломать этот надежный вид оружия можно было именно так, как был сломан сургутский экземпляр — переломом самого железного черенка.

Древнейший известный ныне железный наконечник пальмы с однолезвийным клинком длиной 38,5 см, шириной 3–4 см, с железным перекрестием и длинным черенком найден при раскопках русского города XVII века Мангазеи [Белов и др., 1981. — С. 89; табл. 78 – 10]. Впрочем, очевидно, что этот вид сибирского древкового оружия появился в результате реализации простой идеи: насадить специфический северный западносибирский рубильный нож, уже оснащенный железным перекрестием, на древко.

Современные российские археологи С. В. Кузьминых и Я. А. Яковлев, основываясь на сведениях письма 1915 года В. И. Пигнатти к А. М. Тальгрону, обнаруженном в археологическом отделе Музейного ведомства Финляндии, смогли полностью воссоздать список из семи единиц первой археологической коллекции с Барсовой Горы, переданной В. Ф. Казаковым сургутскому исправнику в 1888 году:

- 1) бронзовый котел;
- 2) «чайник с длинным носиком»;

- 3) «железный меч»;
- 4) бронзовый трехгранный наконечник стрелы;
- 5) железный наконечник копья;
- 6) медная антропоморфная подвеска;
- 7) костяной орнаментированный кинжал.

По их мнению, эту коллекцию составили индивидуальные находки из любительских раскопок, а основную часть коллекции, преимущественно керамику, В. Ф. Казаков вынужден был взять с собой к новому месту ссылки и не расставаться с ней около трех лет, и только осенью 1890 года он получил возможность передать ее в Тобольский музей через УОЛЕ [Кузьминых, Яковлев, 2007. – С. 262–265]. Со своими коллегами я полностью согласен, за исключением того, что раскоп 1887 года на Барсовой Горе назвать «любительским» вряд ли возможно. Зная, где и как копал В. Ф. Казаков, что вблизи этого места Ф. Мартин нашел монеты чеканки 1859 и 1872 годов [Арне, 2005. – С. 78], а В. М. Морозов — два железных наконечника стрел XIX – начала XX веков [Челякин, Зыков, 2004. – С. 18], не приходится удивляться казалось бы странному составу индивидуальных находок с первого раскопа 1887 года. Большинство их явно были связаны с культурным слоем кулайского времени городища Барсов городок I/7. И напрасно Ф. Мартин не верил слышанным им в Сургуте рассказам о том, что В. Ф. Казаков при раскопках нашел «наконечник стрелы из бронзы» [Арне, 2005. – С. 78–79]. Его видел в 1915 году работник Тобольского музея В. Н. Пигнатти и писал о нем как «о бронзовой 3-гранной стрелке» в своем письме А. М. Тальгрену [Кузьминых, Яковлев, 2007. – С. 265]. Самый ранний трехлопастной втульчатый бронзовый наконечник стрелы IV в. до н. э. найден на Барсовой Горе при раскопках селища Барсова гора III/38 белоярской культуры, и десять трехлопастных бронзовых наконечников со скрытой или выступающей втулкой — на селищах, городищах, могильнике кулайской культуры Барсовой Горы [Челякин, 2008. – С. 71, 86; рис. 58 – 22; 77 – 8; 79 – 29, 35, 37–41; 83 – 22, 23]. Самые поздние бронзовые трехлопастные наконечники стрел в Сургутском Приобье были найдены совместно с железными в могильнике I–IV вв. Агрньёган I [Перевалова, Карачаров, 2006. – С. 62–71] и в составе Холмогорской коллекции конца III – I-й половины IV вв. [Зыков, Фёдорова, 2001. – С. 123–124, 144].

Два же предмета этого списка: бронзовый чайник с длинным носиком, обломанный железный наконечник пальмы — наверняка связаны с остяцким святилищем второй половины XIX века. Раскоп В. Ф. Казакова 1887 года вплотную подходил к его центру — «священным камням инородцев». Это культовое место сургутских хантов на площадке городища Барсов городок II/7 посещалось еще в середине 20-х годов XX века. В пояснительной записке к «Плану остатков древнего городища на Барсовой Горе» Н. Я. Павлов в 1925 году сообщил: «Около самого склона горы в ойкосе против телеграфных столбов № 52–53 находятся два священных камня, около которых остяки до сих пор оставляют свои приношения (приплаты) в виде керенок и совзнаков». Центр более раннего предшествующего святилища находился совсем рядом, на площадке городища Барсов городок I/6, где были обнаружены монеты 1748–1785 и 1828 годов чеканки, многочисленные остатки жертвоприношений животных (лошади, бобра, северного оленя, значительно меньше — крупного рогатого скота, лося, медведя, собаки, птиц), изделия из серебра, бронзы, железа, некоторые из которых датируются второй половиной XI – второй половиной XIII вв. Святилище здесь явно возникло в позднем средневековье и посещалось до начала XIX века [Челякин, Зыков, 2004. – С. 159, 163], пока не было перенесено чуть восточнее на площадку городища Барсов городок I/7.

Успешно завершив трудные работы на большом раскопе 1887 года, В. Ф. Казаков вывез в Сургут добытые им находки, намереваясь приступить к их обработке и подготовке для передачи в музей. Но дальше произошло то, чего Василий Филиппович с его предшествующим революционным опытом должен был сразу опасаться. Скорее всего, привлекая к раскопкам ссыльнопоселенцев, он не преследовал никаких иных целей, кроме как занять их какой-то общественно-полезной деятельностью и дать возможность особо нуждающимся из них получить небольшой сезонный заработок.

Тем не менее, летом 1887 года в течение длительного времени большая группа политссыльных регулярно выезжала к месту раскопок, где они проводили весь день. В условиях совместной работы к окончанию экспедиции большая часть самой крупной в Тобольской губернии колонии политических ссыльнопоселенцев стала сплоченной организацией, способной на коллективные формы борьбы. И это прямо под носом у сургутских полицейских властей! Вскоре выдвинулся и явный лидер этой организации — прибывший в Сургут уже после окончания раскопок В. Я. Яковлев-Богучарский, член «На-

родной воли», дворянин, поручик. За свою революционную деятельность в 1885 году он был осужден и сослан в Туринск, а в августе 1887 года за самовольную отлучку с места ссылки переведен в Сургут. Ну а какие еще виды борьбы могли придумать политические ссыльные, кроме коллективных протестных действий, провоцировавших власти на ответные репрессии против них? Требовался только повод.

Этим поводом стала смерть ссыльного Л. А. Иванова, народовольца, бывшего штабс-капитана, соратника Яковлева-Богучарского по Туринской ссылке. Конечно, сургутская ссылка была отнюдь не курортом, но ссыльнопоселенцев к работе никто не принуждал, условия их пребывания здесь были вполне сносными, хотя и не без некоторых неудобств и лишений. Сам Лев Андреевич Иванов, характеризовавшийся современниками как «человек редкой честности, добродушия и трудолюбия», в Сургуте женился на местной крестьянке, вел метеорологические наблюдения, занимался столярным делом, в частности, учил горожан изготавливать красивую мебель, резные наличники [Очерки истории Югры, 2000. – С. 288]. Но этот активный, заметный в местной ссыльнопоселенческой колонии человек тяжело заболел и был парализован. Отправить в Тобольскую больницу больного политического ссыльного сургутский исправник своей властью не мог, требовалось письменное разрешение губернской администрации. И когда оно было получено, Иванов на пароходе был отправлен в 1887 году в Тобольск, но уже поздно — по дороге он скончался. Американский журналист Джордж Кеннан, остававшийся в Сургуте во время своей третьей поездки в Россию в 1887–1888 годах, в своей книге по этому поводу отметил, что «Лев Иванович в буквальном смысле погиб от бюрократической жестокости и равнодушия» [Очерки истории Югры, 2000. – С. 288–289]. Но это не более чем точка зрения путешественника.

Смерть Л. А. Иванова была объявлена его товарищами по ссылке результатом самоуправства Сургутской администрации и стала поводом для череды явно провокационных действий. В коллективном письме тобольскому губернатору от 22 декабря 1887 года они заявили протест по поводу нарушения статуса ссыльного, требовали улучшить положение ссыльнопоселенцев. По сути обвинения и требования сургутских политических ссыльнопоселенцев были необоснованны, вздорны и нелепы. Естественно, администрация отвергла эти претензии. В январе 1888 года та же группа отправила губернатору повторный протест, а в феврале составила письмо министру внутренних дел Д. А. Толстову. В этот же период был организован побег из сургутской ссылки народовольцев И. И. Лазаревича и А. И. Лебедева с целью известить общественность о нарушении статуса политссыльных на Тобольском Севере. Статья одного из беглецов, И. И. Лазаревича, об акциях сургутских ссыльных появилась в первом номере нелегального журнала «Политическая ссылка», выходившего с 1888 года. Наконец, не дождавшись ответов на свои протестные письма, группа сургутских политссыльных известила губернатора об объявлении гражданского неповиновения администрации до тех пор, пока их претензии не будут рассмотрены.

Все эти провокационные действия ссыльных революционеров достигли своей цели — они вынудили власти разгромить организацию сургутских «смутьянов». В ночь на 18 марта 1888 года все подписавшие протестные письма и подозревавшиеся в причастности к деятельности организации были арестованы и вскоре по одному-три человека разосланы по новым местам поселения: от Тобольской губернии до Якутской области. Среди прочих был арестован и В. Ф. Казаков, о котором точно было известно, что никаких протестных писем он не подписывал и в акциях сургутской организации не участвовал. Его арестовали именно за организацию археологической экспедиции и руководство ею. Тобольским властям и губернатору В. А. Тройницкому нетрудно было понять, что становление революционной организации началось именно с экспедиции лета 1887 года. После этого вокруг раскопок возник своеобразный «заговор молчания»: ни губернатор, ни члены правления Тобольского музея, когда-то санкционировавшие их проведение и даже выделившие на это, пусть и не очень большие, деньги, старались не вспоминать ни о самой экспедиции, ни об ее организаторе и руководителе В. Ф. Казакове, ни о потраченных на нее деньгах.

А сам Владимир Филиппович был отправлен к новому месту ссылки в село Кондинское (ныне п. Октябрьское), центр Кондинского (Кондийского) отделения Берёзовского округа. Перед отъездом он передал сургутскому исправнику для отправки в Тобольский музей наиболее ценную часть своей археологической коллекции — семь целых индивидуальных находок. Сургутский исправник выполнил это поручение. Вероятно, местный полицейский чиновник не держал зла на этого странного бескорыстного человека, который был сослан в Сургут по очень громкому политическому делу, более двух лет пробыл здесь под его надзором, и занимался здесь очень увлекательным, но непонятным делом, причем крайне важным для тобольского губернатора и членов правления губернского музея, не вмешиваясь

в политические бури, сотрясавшие колонию ссыльных Сургута на протяжении зимы 1887–1888 годов. Возможно даже и то, что много знавший сургутский пристав сочувствовал В. Ф. Казакову, которого жестоко подставили его же товарищи по ссылке и предал тобольский губернатор В. А. Тройницкий, сначала весной 1887 года санкционировавший своим приказом его экспедицию с участием ссыльнопоселенцев, а теперь приславший приказ об его аресте за то же самое. Пристав не забыл В. Ф. Казакова и в 1891 году упомянул о нем в разговоре со шведским путешественником Ф. Мартином — упомянул осторожно, вспомнив и губернаторский приказ о раскопках, и присланную сумму денег. Осторожность была совсем нелишней: губернатор оставался тот же, швед прибыл в Сургут с губернаторской рекомендацией, здесь встречался и с губернатором, и с цесаревичем Николаем Александровичем. Тем более что швед обращался к приставу с вопросами по поводу раскопок на Барсовой Горе; тут осторожность вовсе была необходима: пристав хорошо помнил, как некогда раскопки там довели человека до ареста...

К новому месту ссылки В. Ф. Казаков вынужден был взять с собой весь массовый материал раскопа. С площади около 250 кв. м даже при не очень аккуратных раскопках его было собрано довольно много: одних фрагментов орнаментированной керамики никак не менее нескольких ящиков. Более двух с половиной лет, с марта 1888 года до середины ноября 1890 года, Казаков вынужден был не расставаться с коллекцией, не имея возможности передать находки в Тобольский музей. Столь трогательное отношение к добытому им массовому материалу лишний раз убеждает меня, что В. Ф. Казаков имел хорошую археологическую подготовку.

Документ об окончании ссылки Казакова, датированный январем 1890 года, прибыл сначала из Тобольска в Берёзов окружному начальнику, а от него — в с. Кондинское, отдельному заседателю, начальнику Кондийского отделения. Между тем навигация закончилась, но лед еще не встал, так что более простой маршрут через Тобольск, где бы В. Ф. Казаков смог по пути сдать коллекцию в музей, был на какое-то время закрыт. Получив освобождение, Владимир Филиппович не мог уже более оставаться в опостылевшем ему Кондинском, да и дожидаться пути в Тобольск, где работники музея не нашли за все это время возможности принять у него коллекцию памятника, раскапывавшегося по их же заданию, а затем забывшие о нем в угоду предавшему его губернатору, он явно не имел никакого желания. Так что В. Ф. Казакову пришлось добираться с места ссылки прямым, но самым трудным юго-западным путем по не устоявшемуся еще зимнику через бассейн Конды, до Пелыма, Ирбита, Екатеринбурга. Вероятно, в этом путешествии он воспользовался обозом, доставлявшим в Ирбит и Екатеринбург первую в сезоне ценную обскую рыбу (муксуна). В первой половине ноября В. Ф. Казаков прибыл в Екатеринбург, где в Уральском Обществе любителей естествознания, членом которого он был до ареста, «представил коллекцию предметов из раскопок, ...состоящую из глиняных черепков и проч.», обратившись с просьбой помочь ему переправить эти вещи в Тобольский музей. УОЛЕ с готовностью пошло навстречу этой просьбе, препроводив коллекцию в Тобольск. В письме УОЛЕ В. Ф. Казаков уважительно именовался действительным членом Общества, что было не совсем верно, ибо с момента ареста в декабре 1883 года до освобождения из ссылки в сентябре 1890 года он не мог оставаться в этом статусе. Скорее всего, что после освобождения он был восстановлен в своих правах действительного члена УОЛЕ. Другое замечание в письме, о том, что коллекцию Общество «имеет честь препроводить в Тобольский музей, исполняя просьбу г. Казакова, ...так как он ездил в окрестности Сургута на средства музея», было почти откровенным издевательством. В УОЛЕ отлично знали, что к месту своего поселения в Сургут политический ссыльный В. Ф. Казаков был доставлен за казенный счет, но очень прозрачно намекали, что выделенная музеем денежная сумма для раскопок была ничтожно мала, достаточна разве только для поездки в окрестности Сургута, но, «исполняя просьбу г. Казакова», УОЛЕ препроводит коллекцию в Тобольский музей за свой счет. О тобольском губернаторе, его роли в организации раскопок в письме не сказано ни слова. Это вообще-то удивительно, ибо в Екатеринбурге к 15 ноября, времени написания письма от УОЛЕ, не могли не знать, что в октябре 1890 года тобольский гражданский губернатор, действительный статский советник В. А. Тройницкий был избран председателем правления Тобольского губернского музея и вновь созданного общества «Тобольский губернский музей». В письме нет даже обращения к председателю правления. Написав письмо на адрес Тобольского музея о передаче ему коллекции В. Ф. Казакова без упоминания председателя правления, УОЛЕ давало понять, что не одобряет действий тобольского губернатора в отношении бывшего политического ссыльного. По крайней мере, лично мне так видится интерпретация текста этой короткой записки.

Полностью выполнив в Екатеринбурге свой долг, В. Ф. Казаков уехал домой в Пермь или Мотовилиху. Последним его поступком, о котором мне известно, стала передача остатков коллекции керамики из раскопок на Барсовой Горе в Пермский музей. Об этом факте упоминала И. А. Талицкая: «В Молотовском (Пермском) музее хранится коллекция черепков с городища близ г. Сургута, поступившая от В. Ф. Казакова при основании археологического отдела в 1891 г.» [*Талицкая, 1953.* — С. 250]. Скорее всего, это была очень небольшая коллекция, возможно, собранная из отвалов раскопа, которую он зачем-то сохранил себе на память.

Больше никакими сведениями о дальнейшей жизни Василия Филипповича я не располагаю. Читателю, наверное, уже понятно, что мне глубоко симпатичен образ первого археолога, проводившего раскопки на Барсовой Горе, моего земляка-уральца Василия Филипповича Казакова. Я рад, что первые раскопки в Сургутском Приобье были начаты именно этим мудрым благородным человеком.

В 1887–1888 годах северную часть Тобольской губернии по поручению Министерства государственных имуществ посетил Серафим Керович Патканов (1861–1918), тогда еще кандидат Санкт-Петербургского университета, с 1891 года действительный член Императорского Русского географического общества, известный исследователь фольклора обских угров. Параллельно с основной работой статистика С. К. Патканов занимался этнографическими изысканиями, сбором образцов остяцкой эпической поэзии. В эти же годы он проводил исследования археологических памятников Северо-Западной Сибири. Для этого ему 28 апреля 1888 году Императорской Археологической Комиссией был выдан Открытый лист № 265 и официальное письмо с уведомлением о выделении 150 рублей на расходы по сбору сведений об археологических памятниках и приобретение древних вещей.

Кроме исследований на Среднем и Нижнем Иртыше, Тоболе, Лайме, Алымке и Конде, С. К. Паткановым проводилось обследование западных районов Сургутского Приобья от села Самарово до Селиярово на правом берегу Оби и Алекино — на левом, на реке Малый Салым. Здесь им было осмотрено два городища, могильник и местонахождение; кроме того, в его «Предварительном отчете» упомянуты еще шесть городищ и пять грунтовых могильников Сургутского Приобья, о которых С. К. Патканову стало известно по сообщениям местных жителей [*Гордиенко, 2009.* — С. 80–94; ил. 1–4]. В довольно невысокой степени результативности его полевых исследований мне удалось убедиться в 1992 году. Тогда совместно с О. В. Малозёмовой мы осмотрели окрестности села Нялино, деревни Скрипуново, села Селиярово. Нами были обнаружены остатки девяти городищ и 13 неукрепленных поселений раннего железного века и средневековья [*Стефанова, Борзунов, 2002.* — С. 61]. Но, к сожалению, остатков позднесредневекового могильника Ленк-понк у д. Скрипуново нам найти не удалось.

Никаких масштабных раскопок в Сургутском Приобье С. К. Патканов не проводил. Намерение провести раскопки обследованного им могильника у д. Скрипуновой не было осуществлено, так как плохие погодные условия «принудили... отложить все подобные планы» [*Гордиенко, 2009.* — С. 95]. Им было собрано большое количество изделий из железа, бронзы, серебра, керамики. Большая часть находок была приобретена у местных жителей, которые нашли их на городищах и могильниках. Самую значительную часть его коллекции составили вещи из сборов «с двух языческих кладбищ» близ деревни Скрипуновой. Собственно же находки С. К. Патканова в ней единичны. Всего в 1887 и 1888 годах им было доставлено в ИАК 126 предметов, из них 118 были переданы на хранение в Императорский Российский исторический музей в Москве (ныне ГИМ), остальные в Государственный Эрмитаж [*Гордиенко, 2009.* — С. 95–102; ил. 5–19].

Эту поездку Серафима Керовича Патканова можно считать первой официальной археологической экспедицией, санкционированной высшим археологическим учреждением России Открытым листом и выделением денег на работы в Северо-Западной Сибири.

В конце июня – июле 1890 года по заданию Совета Императорского Томского Университета в Сургутском округе работал антрополог, помощник прозектора С. М. Чугунов. Задание было очень обширным и неконкретным, в кратком предварительном отчете Совету он сам его определил так: «...частью производил антропологические измерения остяков в самом городе, частью выезжал в окрестности Сургута для наблюдений образа жизни этого народа или для раскопок древних остяцких городков и кладбищ с целью приобретения для анатомического института... Университета коллекций скелетов и черепов остяков. ...Путем раскопок на местах древних остяцких городков я добыл глиняные черепки, два железных ножа и металлический кат-кар, употребляемый при стрельбе из лука, с изображением четырех медвежьих голов» [*Журнал заседаний..., 1891.* — С. 62–63]. По сути, экспедиция С. М. Чугунова

была занята в основном антропологическими обмерами 138 остояков и двух «случайно заезжавших самоедов», раскопками «современного остяцкого кладбища», где было взято два полных мужских скелета, 21 череп, отдельные кости таза, рук и ног от нескольких скелетов, «погребальные принадлежности», приобретением этнографических остяцких вещей у местных жителей. Совершенно отдельно в отчете упоминалось, что «во время своего путешествия по дремучему лесу на Барсовой Горе (место древнего остяцкого укрепления) я нашел остяцкий «приклад» (остатки жертвоприношений), состоящий из привязанной к дереву бараньей головы и детской ситцевой рубашечки; этот приклад взят мной вместе с деревцем, на котором он был подвешен» [*Журнал заседаний...*, 1891. – С. 62–63]. Это единственное упоминание в отчете С. М. Чугунова Барсовой Горы и действовавшего на ней остяцкого жертвенного места. Как нам сейчас известно, остяцкое святилище второй половины XIX – первой половины XX веков находилось на площадке городища Барсов городок I/7 у двух крупных жертвенных камней, чуть севернее их находился и раскоп В. Ф. Казакова 1887 года. То есть С. М. Чугунов был на этом месте и видел остатки большого археологического раскопа, но, следуя жесткому запрещению сургутских полицейских властей что-либо упоминать о раскопках политических ссыльнопоселенцев, он не упомянул о нем в своем отчете. Очевидно, в тот период «заговор молчания» все еще действовал.

Собственно же археологические раскопки С. М. Чугунова были очень небольшими. В отчете Совету университета о месте их проведения сказано очень абстрактно: «на местах древних остяцких городков». Впрочем, в изданном каталоге Археологического музея Сибирского университета об одном из предметов — бронзовой литой защитной пластине «кат-каре» — сказано более ясно: «...предмет найден при раскопе могильника на Барсовом городке, в 12 верстах ниже г. Сургута, на р. Оби» [*Флоринский, 1891. – С. 350*]. Если это так, то средневековый могильник Барсов Городок на Барсовой Горе был впервые открыт С. М. Чугуновым летом 1890 года, а не шведом Фредриком Мартином в 1891 году. Впрочем, томским помощником прозектора на нем было исследовано очень небольшое количество могил, судя по числу находок — не более двух. В силу очень плохой сохранности человеческих костей этот могильник не мог представлять интереса для антрополога в его достаточно кратковременной ознакомительной поездке в Сургутский округ, проходившей в условиях противодействия его деятельности со стороны церковных и полицейских властей. О первом С. М. Чугунов охотно и достаточно подробно сообщил в своем кратком предварительном отчете: «В числе поручений Совета было собрать из метрических записей материал для движения населения в Сургутском округе; но так как до 24 июля о. Благодичинный Сургутского округа распоряжения на соизволение произвести мне означенные выписки от Тобольской Духовной Консистории не получил, несмотря на то, что Правление Университета просило об этом Его Преосвященство Епископа Тобольского, то выписок о движении населения в означенном округе я произвести не мог» [*Журналы заседаний...*, 1891. – С. 62]. А краткость визита на Барсову Гору, где томский ученый обнаружил средневековый могильник и действующее остяцкое святилище с недавним «прикладом», может объясняться резким выговором со стороны сургутского исправника, для которого слишком памятливы были последствия раскопок 1887 года. С мелким служащим университета из соседней губернии глава крупнейшего округа Тобольской губернии мог себе позволить не церемониться. И уже в конце июля С. М. Чугунов, не завершив своих исследований, вынужден был отбыть в Томск. Столь быстрый отъезд он объяснял в кратком отчете ненормально высоким уровнем воды в Оби, спад которой якобы следовало ожидать не ранее середины августа, что привело к тому, что многие остяцкие кладбища были залиты, и копать их было невозможно. Это явно надуманное объяснение. О нагоняе, полученном от пристава Сургутского округа, о запрещении им раскопок на Барсовой Горе, в отчете С. М. Чугунова не было сказано ни слова.

Бронзовый «кат-кар» с Барсовой Горы опубликован [*Ожередов, 2008. – С. 44–49*]. Это действительно средневековое изделие, не имеющее до сих пор прямых аналогий, вполне могло относиться к числу находок могильника Барсов Городок, который раскапывался в 1891 году Ф. Мартином.

Фредрик Роберт Мартин (1868–1933) в 1890 году со степенью бакалавра закончил университет в г. Упсала и приступил к работе в качестве ассистента на общественных началах в Национальном Историческом музее в г. Стокгольме. Следует особо подчеркнуть, что специальной археологической подготовки Ф. Мартин при обучении в университете не получил, хотя он был племянником знаменитого археолога Ганса Гильдебранда [*Мальм, Ньюгард, 2002. – С. 35*]. В конце 1890 года Ф. Мартин удостоился престижного *Vega*-гранта от Шведского общества антропологии и географии в размере 2 тыс. крон для проведения этнографических и географических исследований в Западной Сибири. Вчерашнему

студенту поручалось проведение этнографических исследований, включая закупку предметов традиционной материальной культуры сибирских народов, антропологические измерения и фотографирование аборигенов. Никаких поручений по проведению археологических изысканий, а уж тем более по организации раскопок, Ф. Мартин от Шведского общества антропологии и географии не получал и получить не мог.

Путешествие началось 30 апреля 1891 года отплытием из Стокгольма в Санкт-Петербург, далее по железной дороге через Москву, Казань, Пермь, Нижний Тагил, Екатеринбург до Тюмени, а оттуда — пароходом по рекам Туре и Тоболу в Тобольск. В губернском центре Ф. Мартин пробыл два дня, закупаая провизию, снаряжение и «меновый товар» — разноцветный бисер, латунные кольца, красное сукно, плиточный чай, табак, курительные трубки, 50 литров водки. Во время пребывания в Тобольске ему оказал большую помощь губернатор В. А. Тройницкий: он помог в организации закупок всего необходимого и доставке всего этого к пароходу, снабдил Ф. Мартина письмами ко всем чиновникам с распоряжениями о полном содействии шведскому путешественнику. За это же время Ф. Мартин посетил местный губернский музей, этнографические и археологические коллекции которого превзошли все самые смелые его ожидания [*Мартин, 2004. – С. 9–10*].

Любопытно, что даже коллекции музея не могли в этот период заставить задержаться Ф. Мартина в Тобольске. Состав и объем закупленного здесь «менового товара» свидетельствовал о серьезной его подготовке именно к этнографическим работам. Еще более это подтверждает огромное количество фотопластинок, привезенных из Швеции и предназначавшихся изначально для фотографирования сибирских инородцев в процессе антропологических измерений*. Отбыв 19 июня из Тобольска, пароход с Ф. Мартином, тянувший к тому же баржи с арестантами, прибыл на сургутскую пристань Белый Яр 22 июня. Губернаторское письмо сделало свое дело: сургутский исправник за считанные часы смог найти купца, готового предоставить в аренду и переоборудовать для нужд путешественника хорошую лодку, помог договориться об условиях аренды, снизив ее с 30 до 20 рублей, предоставил в качестве гребцов четырех сургутских «казаков», как называл их Ф. Мартин в своих дневниках. На самом деле Сургутская отдельная 4-я пешая рота Тобольского городского полка, давно уже ставшая, по сути, совершенно небоеспособным иррегулярным формированием для обеспечения полицейских и фискальных нужд окружной и губернской администрации, была окончательно упразднена приказом военного ведомства 1880 года «с обращением казаков в гражданское состояние» [*Древний город...*, 1994. – С. 233–236; *История ХМАО...*, 2000. – С. 261]. То есть сургутский исправник предложил четырех местных жителей, происходивших из упраздненного сословия казаков, в качестве «крепких гребцов», которым Ф. Мартин должен был платить не менее 50 копеек в день каждому. Скорее всего, начальник Сургутского окружного полицейского управления, приставляя к шведу и его экспедиции гребцов из доверенных людей, преследовал и свои служебные цели. Но Фредрик Мартин этого, скорее всего, не понял.

Вечером 23 июня экспедиция в составе Ф. Мартина, его переводчика с немецкого на русский язык студента Московского университета С. Жилевича и четырех сургутских «казаков» отправилась в первое путешествие по реке Большой Юган. Как оказалось, это было единственное путешествие, где Ф. Мартин занимался именно тем, зачем его отправило в Западную Сибирь Шведское общество антропологии и географии: вел этнографические наблюдения, собирал этнографический материал, занимался антропологическими за мерами остояков, фотографировал их. Для выполнения этого в селе Юганском на борт был взят остяк, знавший русский язык, в качестве переводчика и проводника. Но это путешествие было прервано в среднем течении Большого Югана в Мултановых юртах, где экспедицию догнал остяк, доставивший Ф. Мартину губернаторский приказ «о безотлагательном возвращении» [*Мартин, 2004. – С. 29*].

Лишь 11 июля достигнув Сургута, он узнал от исправника причину этого вызова — вскоре здесь ожидался проезд из длительного заграничного путешествия цесаревич Николай Александрович

*После Сургута подобное фотографирование не проводилось, и к концу путешествия, к наступлению сильных холодов, сделавших невозможным продолжение раскопок курганов в окрестностях г. Минусинска Енисейской губернии, у Ф. Мартина скопилось много неотснятых фотопластинок. Все они были истрачены на съемку вещей в фондах Минусинского музея, где он проработал более пяти недель. В 1893 году в Швеции Ф. Р. Мартин издал один из наиболее крупных своих трудов «L'âge du bronze au Musée de Minussinsk» («Бронзовый век Минусинского музея»), основу которого составили фотографии 900 предметов из бронзы, сгруппированных в 50 таблиц [*Мартин, 2004. – С. 41*].

со свитой. Планы дальнейшей работы Фредрику Мартину пришлось резко менять. Намерение «продолжить путешествие прямо на р. Вах и Аган, посетить которые еще ни у кого не было смелости и на которых жили остяки, коих до сих пор еще не коснулась цивилизация» [Мартин, 2004. – С. 31], пришлось отложить. Очевидно, тобольский губернатор В. А. Тройницкий намеревался представить высокому гостю шведского ученого путешественника как некую диковинку для этих дальних мест.

За почти десять дней ожидания Ф. Мартин совершил только один короткий выезд выше Сургута, где осмотрел единственное известное русским старожилам остяцкое заброшенное святилище и провел небольшие раскопки заброшенного кладбища. В остальное время он продолжал антропологические наблюдения и скупал у остяков, съехавшихся в Сургут, этнографические предметы [Мартин, 2004. – С. 32–33]. Тогда же Ф. Мартин мог собрать сведения, которые вернее назвать слухами, об археологических раскопках ссыльнопоселенцев во главе с В. Ф. Казаковым на Барсовой Горе, об обнаруженном там же в прошлом году С. М. Чугуновым древнем могильнике. Скорее всего, именно в это время у него появилась авантюристическая идея свернуть свою антрополого-этнографическую деятельность и заняться археологическими раскопками на Барсовой Горе.

20 июля (8 июля по старому стилю) 1891 года Ф. Мартин был на пристани Белого Яра в числе встречавших пароход с цесаревичем Николаем Александровичем, его свитой, сопровождающими сибирскими чиновниками. В своей книге «Сибирика» он писал, что в Сургуте «кроме губернатора, я был единственным, кто вообще встречал его (наследника – А. З.) и был ему представлен. Он с явным интересом осведомился о моем путешествии и впечатлениях о Сибири. Эта аудиенция обогатила мое путешествие, и принесла большую пользу моим исследованиям, чем все официальные приватные рекомендательные письма, вместе взятые» [Мартин, 2004. – С. 33].

К чести сургутских властей, они смогли организовать наследнику престола достойную встречу, подробно описанную в изданной в 1897 году книге «Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891 гг.)», написанной членом свиты наследника князем Э. Э. Ухтомским на основе своих путевых дневников. Оказалось, что пристань Белый Яр, обыкновенно пустая и неприветливая, была вымощена досками и покрыта сукном, на видном месте был выстроен особый павильон, около него приготовлены остяцкие юрты со всеми принадлежностями их домашнего быта и охоты. На пристани цесаревича ожидало множество жителей города, чиновников, русских крестьян уезда, остяков. Выйдя на пристань под возгласы «ура», наследник сначала подошел к духовенству, затем принял рапорт специально прибывшего тобольского губернатора Тройницкого, приветствовал учащихся Сургутского городского училища и церковно-приходской школы. Князь Э. Э. Ухтомский вспоминает: «Тут же на пристани имел счастье представляться его Высочеству доктор философии Стокгольмского университета Мартин, случайно находившийся с научной целью в Сургуте, ради пополнения своих этнографических коллекций» [Горшков, Попов, 2002. – С. 38–39]. И неважно, что князь Э. Э. Ухтомский присвоил двадцатитрехлетнему Мартину степень доктора философии, которую он получил лишь через шесть лет, а не назвал его скромным ассистентом Стокгольмского музея, кем он был на самом деле. Важно, что он абсолютно точно запомнил: швед занимался деятельностью вполне разрешенной — «пополнением своих этнографических коллекций». Во время короткого представления цесаревичу с участием Тобольского губернатора ни о каких археологических работах речи не было. Этим же вечером цесаревич и сопровождающий его тобольский губернатор отбыли в Тобольск.

И вот с этого момента и началась бурная авантюристическая эпопея Фредрика Мартина по археологическим раскопкам на Барсовой Горе. Во-первых, никто ему не давал разрешения на проведение раскопок на Барсовой Горе. Конечно, пользуясь тем, что сургутский исправник не присутствовал при разговоре Ф. Мартина с цесаревичем и губернатором, он мог вполне уверить его, что такое разрешение было получено. Скорой возможности проверить это у исправника просто не было. Более того, ему трудно было поверить, что иностранный ученый, облеченный доверием тобольского губернатора, может пойти на обман. Но Ф. Мартин с помощью этого обмана не только произвел раскопки на уникальном археологическом памятнике, но и вывез из страны все добытые им археологические материалы. А это уже было уголовным преступлением и тогда, и сейчас. Во-вторых, Ф. Мартин не имел никакого права производить археологические раскопки вообще где бы то ни было. Он просто не имел для этого специальной подготовки. То, что он был племянником известного археолога и окончил университет, конечно, дает основание допустить, что он имел определенное представление о том, что такое полевая

археология, и, возможно, даже участвовал в раскопках. Но этого мало для проведения самостоятельных археологических раскопок. И на Барсовой Горе Ф. Мартин это полностью доказал.

Любопытно, как сам Ф. Мартин оценивал свои археологические исследования на Барсовой Горе. В книге Т. Й. Арне, где полностью опубликован небольшой рукописный набросок, подготовленный Марином в 90-е годы XIX века, когда он еще намеревался сделать самостоятельную публикацию материалов своих раскопок, есть такие строки: «Некоторые русские занимались раскопками подобных древних крепостей, однако эти исследования проводились беспланово и предпринимались, главным образом, с целью отыскать ценности. Для нас неприемлемы такие [раскопки], производящиеся в последнее время в большинстве случаев. Поэтому во время путешествия, предпринятого мною в 1891 г. при поддержке шведского общества антропологии и географии, я решил уделить как можно больше внимания этим памятникам древности и произвести, если представится удобный случай, [их] исследования» [Арне, 2005. – С. 77]. Сколько апломба и неправды в этих немногих фразах! Посмотрим же, как сам Фредрик Роберт Мартин, в отличие от «некоторых русских», занимался «приемлемыми» раскопками «древних крепостей».

«Удобный случай» ему представился очень скоро — после всего лишь суток подготовки. Уже утром 22 июля он с переводчиком С. Жилевичем и «теми же казаками, которые ранее были... гребцами, так как не смог найти рабочих, хорошо знакомых с раскопочными работами» [Арне, 2005. – С. 78], отбыл на Барсову Гору. Здесь они пристали к берегу близ самой высокой части урочища, предположительно под тем местом, где располагалось наиболее мощное средневековое городище Барсов городок I/32. Где-то здесь поблизости от него Ф. Мартин надеялся отыскать средневековый могильник, который, как он слышал в Сургуте, в 1890 году открыл С. М. Чугунов. А пока Мартин был поглощен поисками, он занял своих рабочих раскопками на расположенных поблизости друг от друга разновременных городищах Барсов городок I/4 и Барсов городок I/5 кулайской культуры и двухплощадочном средневековом городище Барсов городок I/31–32 [Чемякин, Зыков, 2004. – С. 15–16, 35–36].

Эти раскопки Ф. Мартин весьма путано описал в своей рукописи, опубликованной Т. Й. Арне. В трех четвертях версты западнее осмотренного им раскопа В. Ф. Казакова «на небольшом удалении от края плато находятся остатки валов и рвов; последние глубиной до ½ м. Вал состоит из песка и чуть возвышается над поверхностью земли. Здесь тоже при первой же попытке раскопок на глубине 20 см встретились несколько фрагментов глиняных сосудов, а также уголь. Этот ров вытянут в направлении восток–запад» [Арне, 2005. – С. 79]. Очевидно, это все, что Ф. Мартин счел возможным упомянуть о раскопках кулайских городищ Барсов городок I/4 и I/5.

Чуть более подробно он написал о раскопках средневекового городища Барсов городок I/31–32: «На удалении одной версты все в том же западном направлении, в том же месте, где береговое плато значительно понижается, расположена небольшая площадка, приблизительно 25 м длиной и 15 м шириной. Вдоль восточной и северной сторон проходит по одному рву глубиной около 3 м, а западная сторона граничит с низиной, которая с севера под прямым углом входит в реку. Эта площадка со всех сторон обросла непроходимыми кустами бузины.

Во время предпринятых здесь раскопок, после того как был снят верхний десятиметровый слой земли, мы натолкнулись на уголь, множество костей и фрагменты глиняных сосудов. Этот слой имел толщину 25 см; под ним начинался слой песка приблизительно той же толщины, что и предыдущий, после чего следовал слой значительно тоньше (10 см) с углем, костями и многочисленными фрагментами глиняных сосудов, среди которых был найден также изогнутый конец обкладок ножен из олова... Далее начинался песок глубиной до 95 см от поверхности земли, из-под которого далее на белый свет был извлечен тонкий слой угля и несколько костей (последние сильно истлели). ...Следующий далее слой песка имел толщину 45 см, под ним находился незначительный слой угля, несколько фрагментов глиняных сосудов, грубо исполненных, похожих на ранее встречавшиеся и без орнамента... Красивый наконечник стрелы из железа... залегал на глубине 146 см. Под ним оказалась нетронутая земля» [Арне, 2005. – С. 79].

После прочтения этого описания стратиграфии многослойного средневекового городища остается непонятным, что же копал Ф. Мартин. Какова была площадь его раскопа? Может быть, она была совсем небольшой: только для получения стратиграфических размеров? Но у нас есть еще два источника, проливающих свет на эту загадку, — топографические планы, снятые в 1925 и 1973 годах [Чемякин, 2005. – Рис. 1]. И по ним получается, что на внутренней жилой площадке городища Барсов городок I/32

Ф. Мартин с запада на восток заложил траншею длиной не менее 32–33 м и перпендикулярно ей — три траншеи с севера на юг длиной 7 м, 17 м и 23 м. Ширина их была очень небольшой — не более 1 м, только самая восточная короткая перпендикулярная траншея была чуть шире — 1,5–2,0 м. На городище Барсов городок I/5 были проведены столь же масштабные земляные работы: была заложена очень кривая траншея длиной не менее 54 м, вытянутая с запада на восток через всю внутреннюю жилую площадку памятника с многочисленными отроутками на юг и на север длиной до 20 м. Единственное отличие в том, что здесь траншеи были шириной от 1,0 до 2,5 м. На городищах Барсов городок I/4 и I/31 раскопки были совсем небольшими: крестообразная и Г-образная траншеи, соответственно.

Ради чего Ф. Мартин так калечил культурные слои нетронутых археологических памятников? Каких целей он собирался достичь подобными «раскопками»? Неужели только хотел чем-то занять своих «казаков» на то время, пока он сам проводил поиски могильника? Он видел остатки раскопа В. Ф. Казакова и описал их, насколько ему позволила его крайне низкая археологическая квалификация: «ров с многочисленными боковыми рукавами» [Арне, 2005. — С. 78]. То есть Ф. Мартин не понял, что и как раскапывал В. Ф. Казаков, не понял его методику. Но могильник он отыскал «в половине версты западнее последнего укрепления (городища)» [Арне, 2005. — С. 79]. Раскопав одну могилу (погребение 1), оказавшуюся весьма богатой на находки, Фредрик Мартин понял значение этого памятника. После этого раскопки на городищах были прекращены, траншеи остались незасыпанными, что и позволило зафиксировать их контуры при топосъемках 1925 и 1973 годов. Планов городищ Ф. Мартин не снимал, ограничившись очень кратким и неточным их описанием. На городище Барсов городок I/32 он сделал лишь очень краткое описание стратиграфии до уровня 146 см от поверхности — и это при наличии выкопанных здесь 80-метровых траншей! Скорее всего, даже в этом единственном месте траншея не была докопана до уровня материка — мощность культурного слоя этого городища превышала 2 м [Чемякин, Зыков, 2004. — С. 36].

Очевидно, на протяжении длительного времени Фредрик Роберт Мартин понимал, что произведенные им «раскопки» на городищах Барсовой Горы были сделаны, мягко говоря, не на самом надежном уровне. В книге «Сибиряка» он упомянул об этих раскопках одним предложением: «На некоторых ... укреплениях я пытался проводить экспериментальные раскопки, но без особого успеха» [Мартин, 2004. — С. 33]. Пожалуй, большего, чем эта собственная оценка Ф. Мартином, грубые, варварские, безрезультатные «раскопки» уникальных археологических памятников, проведенные за один (!) день 22 июля 1891 года, и не заслуживают.

Дальнейшие раскопки Ф. Мартином средневекового могильника Барсов Городок, продолжавшиеся до 2 августа, достаточно подробно описаны мной в отдельных публикациях [Зыков, 2005. — С. 172–181; 2008. — С. 6–15]. Кратко остановлюсь лишь на некоторых важных особенностях методики его раскопок. Общего топографического плана памятника, хотя бы схематичного, он не составлял. Ф. Мартин начал составлять очень схематичный план расположения раскопов на погребениях, но быстро бросил. Т. Арне опубликовал эту незаконченную схему без масштаба и ориентировки, на ней рукой Мартина обозначены 22 погребения (могилы 1–22), но нарисован 51 «раскоп» [Арне, 2005. — Рис. 1] Всего Ф. Мартином было исследовано 111 средневековых погребений, но при снятии топографического плана памятника в 70–80-е годы XX века было зафиксировано до 300 небольших ям от раскопов конца XIX века (рис. 3), оставленных, очевидно, им же [Чемякин, 2005. — Рис. 2]. Совершенно ясно, что он не вел раскопок широкими площадями, а раскапывал каждую отдельную впадину, лишь в одном случае из трех попадая на древние захоронения, а в остальных — на внешние ямы жилищ городища раннего железного века Барсов городок I/3, а чаще всего — на вывороты деревьев. В таких небольших «раскопах» фиксировать очертания могильных ям, расчищать их на уровне остатков костяка погребенного, а значит, и получать данные для составления нормального плана погребения практически невозможно. Это подтверждается приведенными в монографии Т. Арне описаниями и набросками планов лишь семи погребений, составленных Ф. Мартином: погр. 1, 3, 16, 31, 61, 66, 83 [Арне, 2005. — С. 14–16; рис. 2–8]. Все эти факты служат подтверждением тому, что Мартин имел определенные понятия о том, как надо было раскапывать могильник. Другое дело, что реализовать все эти свои возможности при раскопках молодой шведский исследователь не сумел. Неопытность и неумение рассчитать собственные силы привели Ф. Мартина к совершенно непозволительным темпам раскопок могильника Барсов Городок. Мартин просто не успевал вести планы и профили большинства раскапываемых могил, не успевал даже следить за тщательностью работ своих немногочисленных рабочих. В трех из 68 исследованных

мной при раскопках 1986–1987 годов «раскопов» Ф. Мартина были найдены целые черепа погребенных. Зафиксированы случаи обнаружения черепов в непо потревоженных частях средневековых могил, частично накрытых «раскопками» 1891 года, находки вещей и керамики в «раскопах» или в отвалах из них [Зыков, 2005. — С. 177–178]. Безусловной заслугой Ф. Мартина было то, что вещи, обнаруженные в каждом погребении, упаковывались в отдельные пакеты.

В моих статьях 2005 и 2008 годов достаточно кратко изложены обстоятельства вывоза коллекции раскопок из России в Швецию — по сути, контрабандным способом. Читателю, вероятно, уже ясно, что Фредрик Роберт Мартин, в двадцать три года проявивший невероятную ловкость в обмане русских чиновников и оставивший глубокий авантюристический след в средневековой археологии Сургутского Приобья, мне глубоко несимпатичен. Мне неприятна его ловкость в добыче материалов, ради чего он готов был обмануть и предать людей, которые, в общем-то, к нему хорошо относились и помогали. Меня коробит грубая непрофессиональная методика его «раскопок». На подобное заявление я имею полное право, ибо именно мне довелось в 1986–1987 годах, почти через столетие после Мартина, исследовать могильник Барсов Городок. Но, тем не менее, я понимаю, что имя Фредрика Мартина навсегда останется в истории археологии Сургутского Приобья, хотя сам он для этого мало что сделал.

Привезя коллекцию Барсова Городка в Швецию и сдав ее в Государственный исторический музей Стокгольма, Ф. Мартин так никогда и не взялся за ее обработку и публикацию. Незадолго до своей смерти он передал все материалы по коллекции Туру Йохансону Арне (1879–1953) — своему другу и коллеге. Именно Т. Арне обработал и опубликовал на немецком языке в 1932 году сначала статью о могильнике «Культура Западной Сибири 1000 лет назад», а в 1935 году — отдельную книгу «Барсов Городок. Западносибирский могильник раннего железного века» [Арне, 1935]. Это были первые работы по археологии Севера Западной Сибири. Их переводы на русский язык появились недавно [Арне, 2002. — С. 86–96; 2005].

После Ф. Мартина Сургутское Приобье 20 лет не посещалось исследователями с археологическими целями. Из 62 экспедиций Тобольского музея при участии других организаций на Обской Север с 1900 по 1927 год лишь единичные посещали эту местность. Крупнейшая из таких экспедиций, названная в отчетных документах «экскурсией», была организована Тобольским губернским музеем совместно с Российской академией наук, Русским Географическим Обществом и Русским музеем в 1911 году. В «экскурсии» участвовали ее руководитель, научный сотрудник Тобольского музея Л. Р. Шульц, студент-естественник В. Н. Городков, художник Г. И. Лебедев, проводник и трое рабочих. Задача экспедиции заключалась в «собрании возможно полного материала для описания реки Салыма, природы и обитателей данной местности» [Салымский край, 2000. — С. 24].

Кроме сбора самой разнообразной географической, статистической и этнографической информации на реке Салым, экспедиция 1911 года провела раскопки Кинтусовского могильника на городище Емэн-тор у юрт Кинтусовых, откуда в Тобольский музей было привезено 96 археологических находок [Салымский край, 2000. — С. 24, 26]. Впрочем, качество этих раскопок было ничем не лучше качества раскопок Ф. Мартина 1891 года на могильнике Барсов Городок. В 1982–1983 годах я принимал участие в исследованиях Кинтусовского могильника под руководством Л. М. Тереховой и снимал план остатков раскопов 1911 года на Кинтусовском IV городище раннего средневековья, названном участниками экспедиции Тобольского музея городищем Емэн-тор. В 1911 году раскапывалась каждая отдельная видимая могильная впадина вне общей сетки, культурный слой городища карымского этапа IV–VI веков не прокапывался, нумерации могил не велось, их планы и разрезы не составлялись. Самое же печальное, что все находки вещей, керамики из погребений и фрагментов сосудов из городищенского слоя собирались без разделения их по отдельным комплексам. Так что в этом смысле качество раскопок 1911 года Кинтусовского могильника было даже хуже раскопок Ф. Мартина 1891 года (рис. 4).

Результаты Салымской экспедиции были довольно быстро опубликованы [Городков, 1913. — С. 1–100; Шульц, 1913. — С. 1–17; 1924. — С. 166–200]. В 1921 году Л. Р. Шульц вновь побывал на «могильнике у оз. Ямантур, у юрт Кинтусовых, на р. Вантрас — правом притоке р. Салым», то есть на том же самом Кинтусовском могильнике, обследованном в 1911 году. Здесь он собрал небольшую коллекцию, для чего вовсе не надо было проводить раскопки: восточный берег озера подмывался. В его осыпи можно было собрать вещи из разрушенных погребений. В 1927 году Л. Р. Шульц, став директором Свердловского краеведческого музея, передал в его фонды эту самую коллекцию из семи предметов: «сломанный

браслет, две полых подвески из серебра, изображающие рыб, подвеску — глухарь из бронзы, подвеску с цепочками», два железных предмета [Берс, 1959. — С. 73].

В 1925 году группа топографов в составе С. А. Куклина, И. В. Павлова, К. А. Верёвкина и С. А. Мерозидова составила схематический план 40 городищ урочища Барсова Гора. Фактически это была первая съемка крупнейшего в регионе скопления археологических памятников. «План остатков древнего Городища на Барсовой горе» с сопроводительной запиской И. В. Павлова были переданы в Тобольский музей [Древний город..., 1994. — С. 16–17; Стефанова, Борзунов, 2002. — С. 17; Чернецов, 1957. — С. 198; Чемякин, 2005. — Рис. 1 – 1].

А затем наступил долгий, более чем 40-летний период, в течение которого Сургутское Приобье не посещалось ни одним археологом. Хотя на Барсовой Горе время от времени продолжались «раскопки» краеведов, среди которых были В. П. Бирюков и Ф. Я. Показаньев. Последний даже нашел там железный меч. Материалы Показаньева хранились некоторое время в Сургутском краеведческом музее [Показаньев, 1972. — С. 15–16], но впоследствии исчезли. Судьба их неизвестна.

Но в этот же период началось осмысление средневековой истории региона на основе ранее полученных археологических материалов.

Первую классификацию археологических материалов Нижнего Приобья, лесного Зауралья и Прииртышья I – начала II тысячелетий н. э. создал Валерий Николаевич Чернецов [Чернецов, 1957. — С. 136–245]. Он предложил выделить древнехантыйскую нижнеобскую культуру II–XIII вв. н. э., занимавшую всю территорию Северо-Западной Сибири, которая «на юге едва ли заходила далеко на левый берег Иртыша в части его течения от Тары до Тобольска, а к западу от Тобольска доходила до района Тюмени. На востоке граница нижнеобской культуры проходила по Нарымскому краю» [Чернецов, 1957. — С. 238]. Культура была расчленена В. Н. Чернецовым на четыре последовательных хронологических этапа: ярсалинский (II–III вв.), карымский (IV–V вв.), оронтурский (VI–IX вв.) и кинтусовский (X–XIII вв.). Основываясь на своей фантастической исследовательской интуиции, на немногих имевшихся тогда материалах, полученных большей частью из сборов и меньшей — из плохо или совсем не документированных раскопок, он сумел создать, казалось бы, вполне убедительную схему развития средневековья Северо-Западной Сибири. Но логично ли утверждать, что «основные положения работ В. Н. Чернецова сохранили свое значение до настоящего времени» [Могильников, 1987. — С. 164]?

Исследования последних десятилетий в Нижнем, а особенно в Сургутском Приобье доказывают, что в эту периодизацию изначально были заложены ошибки, простое исправление которых полностью меняет всю схему развития нижнеобской культуры. Правда, данные по двум ранним этапам практически не требуют большой корректировки. Разве что ярсалинский тип керамики теперь правильнее было бы рассматривать в качестве завершающего этапа эволюции орнаментации посуды кулайской культуры Нижнего Приобья.

Главной ошибкой В. Н. Чернецова, приведшей к искажению представлений о древностях второй половины I – начала II тысячелетия н. э., была трактовка зеленогорского типа керамики. В основе ее была неверно понятая обратная стратиграфия исследованной В. Н. Чернецовым стоянки Зелёная Горка, где в одном месте раскопа слой песка с находкой сосуда усть-полуйского времени перекрывал культурный слой с зеленогорской керамикой. В этом памятнике основные объекты относятся к поселению конца XIII–XIV веков, которыми и были почти полностью разрушены и перемешаны все более ранние напластования*. На основании этого единичного факта керамика зеленогорского типа была отнесена В. Н. Чернецовым ко времени более раннему, чем усть-полуйская культура, и выделена зеленогорская культура начала раннего железного века [Чернецов, 1953. — С. 63–71]. Сейчас уже совершенно ясно, что этот тип керамики относится к раннему средневековью и убедительно датируется VI–VII вв. н. э.

В результате изъятия из эволюционной схемы именно этого важнейшего связующего звена В. Н. Чернецовым была создана такая искусственная конструкция, как «оронтурский этап» VI–IX веков. Важную роль в его выделении имели особенности стратиграфии обследованного В. Н. Чернецовым городища Ус-Толт. Коллекция фрагментов керамики, связанная со слоем III городища, была им разделена на три типологические группы: ярсалинскую, карымскую и оронтурскую. Явного зеленогорского комплекса керамики в коллекции не было, хотя отдельные найденные здесь фрагменты зеленогорских сосу-

дов были включены в третью типологическую группу — собственно оронтурскую [Чернецов, 1957. — Рис. 13; табл. IX — 3, 8; XIX — 12]. Очевидное отсутствие эволюционной связи между карымской и оронтурской керамикой городища Ус-Толт в схеме В. Н. Чернецова сглажено выделенной им по сборам переходной керамикой люликарского типа [Чернецов, 1957. — С. 190–191; табл. XXIII, XXIV]. Но все приведенные описания и рисунки мелких фрагментов соответствуют керамике ранее выделенной им же зеленогорской культуры [Чернецов, 1953. — С. 66, 68]. Единственным же памятником с представительной коллекцией керамики люликарского типа, подробно описанным в монографии, является селище Тиутей-Сале на севере полуострова Ямал [Чернецов, 1957. — С. 191–196; табл. XXV, XVI]. Надо отметить, что в более ранней работе этот же памятник был отнесен В. Н. Чернецовым к зеленогорской культуре начала раннего железного века [Чернецов, 1953. — С. 65–66; рис. 6]. По современным представлениям, ранний комплекс VI–VII веков ямальского поселения Тиутей-Сале I, хотя и генетически связан своим происхождением с таежными древностями Приобья и одновременно памятникам зеленогорского типа, все же имеет достаточно много отличий. Памятники тиутейсалинского типа, распространенные от Большеземельской тундры до Гыданского полуострова, следует рассматривать в качестве отдельного образования, сложившегося на северной периферии обширной культурно-исторической общности Западно-Сибирской равнины [Федорова, Косинцев, Фицхью, 1998. — С. 67–69].

Что же касается третьей типологической группы керамики городища Ус-Толт, названной В. Н. Чернецовым «оронтурской» и существовавшей, по его представлениям, «не позднее, чем до конца VIII в.» [Чернецов, 1957. — С. 200], то сейчас уже очевидно, что она датируется в пределах второй половины X–XI вв. Развитие оронтурского типа керамики завершалось, по В. Н. Чернецову, появлением переходной керамики вожпайской группы, «просуществовавшей, по-видимому, большую часть IX в. н. э.» [Чернецов, 1957. — С. 200]. С этой группой он связывал сборы с городища Вож-Пай и часть погребений могильника Барсов Городок (В. Н. Чернецов сослался на материалы погребений 3, 5, 21, 32–34, 42 и 44 по монографии Т. Й. Арне). Вероятно, при определении времени существования керамики вожпайской группы В. Н. Чернецов ориентировался на явно заниженную датировку Т. Й. Арне материалов из раскопок Ф. Мартина. Т. Й. Арне считал, что «могильник у Барсова Городка начал воздвигаться, самое раннее, во второй половине VIII в. и прекратил функционировать в конце XI в.» [Арне, 2002. — С. 93]. В 1986–1989 годах В. А. Борзуновым, А. П. Зыковым и К. Г. Карачаровым при раскопках могильника Барсов Городок были действительно выявлены погребения VIII–IX вв. [Карачаров, 1993. — С. 112–117; рис. 1–3]. Но в материалах раскопок Ф. Мартина 1891 года подобных комплексов нет. Раскопанные им погребения датируются от конца IX — начала X вв. (погр. 3, 53) до XIII–XIV вв. (погр. 10, 16), а основная масса относится к X–XII вв.

К оронтурскому этапу В. Н. Чернецов отнес большую группу вещей, в основном бронзовых литых и серебряных украшений костюма и прически, происходящих из различных сборов с территории Северо-Западной Сибири. Все они сейчас уверенно датируются от X–XI до XIV–XV вв., но среди них нет ни одного предмета VI–IX вв. [Чернецов, 1957. — С. 200–213; рис. 15, 17, 18; табл. XVIII–XXXIII].

Отнеся ко времени оронтурского этапа керамику вожпайской группы и третьей типологической группы городища Ус-Толт, то есть, по современным представлениям, как раз материал конца IX–XI веков, В. Н. Чернецов неизбежно столкнулся с большими затруднениями при характеристике памятников, вещевого комплекса и, особенно, керамики следующего выделенного им кинтусовского этапа X–XIII веков. Собственно обобщенному описанию кинтусовской керамики Чернецовым посвящено лишь несколько строк, где указано, что «орнаментация стала суше и монотоннее, ... наметилося постепенное исчезновение штампованных узоров, место которых снова начали занимать нанесенные отступающей лопаточкой и гребенкой» [Чернецов, 1957. — С. 213]. Столь же неинформативны и иллюстрации. В монографии представлены фотографии трех целых сосудов из сборов с Кинтусовского могильника [Чернецов, 1957. — С. 224; табл. XLIII — 12–14], причем на эту же таблицу помещена без всяких комментариев в тексте фотография фрагмента сосуда карымского типа из подстилающего могильника слоя раннего городища [Чернецов, 1957. — Табл. XLIII — 11], а также описания и рисунки двух фрагментов керамики из сборов с городища Тан-Варуп-Эква [Чернецов, 1957. — С. 213; табл. XXXIV — 1, 2]. Эти фрагменты вообще относятся к зеленогорскому типу и никак не связаны с поздними вещами, помещенными на той же таблице. В 2003 году мной и С. Ф. Кокшаровым было проведено обследование городища Тан-Варуп-Эква — остатков знаменитого вогульского Ляпинского городка на р. Ляпин, который был взят в начале зимы 1499 года русским войском князей Ф. Курбского и П. Ушатого. В

*В 1996–1997 годах на этом памятнике О. В. Малозёмовой были проведены масштабные раскопки [Малозёмова, 1998].

обрывах берега кроме позднесредневековых железных ножей, шлаков, глиняной обмазки и костей животных были найдены и фрагменты раннесредневековой зеленогорской керамики. [Берёзово..., 2008. – С. 47–48; *Кокшаров*, 2009. – С. 67, 74]. К кинтусовскому времени В. Н. Чернецов относил и «позднюю часть могильника Барсов городок — погребения 1, 48 и 67» [Чернецов, 1957. – С. 213]. Но керамический сосуд был найден только в погребении 1, в остальных могилах керамика отсутствовала [Арне, 2005. – Рис. 13]. Складывается впечатление, что В. Н. Чернецов имел весьма смутное представление о том, какую керамику следует связывать с периодом X–XII веков, что и неудивительно, ведь всю керамическую посуду этого времени он датировал временем оронтурского этапа.

Целая эпоха второй половины I – начала II тысячелетия н. э. получила в работах В. Н. Чернецова освещение, совершенно не адекватное археологическим реалиям. Последствия этого для развития средневековой западносибирской археологии были самые печальные. Высокий научный авторитет Валерия Николаевича не позволил целому поколению археологов, занимавшихся Западной Сибирью, хоть что-то изменить в основных положениях его схемы. Даже в обобщающей работе В. А. Могильникова, в главе «Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири» соответствующего тома серии «Археология СССР» периодизация В. Н. Чернецова не подвергнута никаким сомнениям [Могильников, 1987. – С. 202–216; табл. LXXXV–XCI].

В 60–70 годы XX века резко активизировались археологические исследования на периферии ареала нижнеобской культуры — в лесном Зауралье, Томско-Нарымском Приобье, Среднем Прииртышье и Северной Барабе. Здесь был выделен целый шлейф средневековых типов памятников и культур: туманский и тынский типы памятников, юдинская культура [Викторова, 1968. – С. 240–256; 1973. – С. 133–168; 1999. – С. 126–153; Викторова, Морозов, 1993. – С. 173–192], рёлкинская культура [Чиндина, 1970. – С. 191–202; 1977; 1991], потчевашская культура [Генинг и др., 1970. – С. 202–228; Конилов, 1981; Бараба в тюркское время, 1988; Елагин, Молодин, 1991], усть-ишимская культура [Могильников, 1968. – С. 269–291; Конилов, 1993]. Выделение всех этих археологических культур и типов казалось бы убедительно было обосновано исследователями, ведь они имели очевидные отличия от материалов синхронных им оронтурского и кинтусовского этапов нижнеобской культуры по схеме В. Н. Чернецова. Тем не менее, все эти локальные образования неуклонно «сужали» первоначальный ареал нижнеобской культуры, в конце концов, создав просто анекдотическую ситуацию, когда границы культуры фактически совпадали с административной границей современной Тюменской области [Могильников, 1987. – Карты 1, 31, 37–40, 42, 43]. И наконец в 70–80-е годы XX века Л. П. Хлобыстин на материалах исследованного им поселения Дюна III в Таймырском Заполярье предложил выделить отдельную вожпайскую культуру IX–X вв. [Хлобыстин, 1993. – С. 19–27]. Подобное вычленение из сердцевины периодизации В. Н. Чернецова столь важного элемента вообще лишало какого бы то ни было смысла всю конструкцию нижнеобской культуры.

С 1973 года началось массовое обследование средневековых городищ и поселений урочищ Барсовой Горы и Сайгатино. За восемь лет были полностью или частично исследованы раскопками 23 городища и шесть селищ второй четверти I – середины II тысячелетий н. э., получены огромные коллекции археологического материала, прежде всего, керамики. Уже самые первые результаты их обработки привели Н. В. Фёдорову к попытке осторожной модернизации схемы В. Н. Чернецова и к убеждению в существовании на территории таежного Обь-Иртышья некоего культурного единства в рамках одной культуры с локальными вариантами. Эти мысли Н. В. Фёдорова изложила в двух небольших статьях, в которых высказала сомнения в обоснованности выделения некоторых археологических культур — потчевашской и рёлкинской [Фёдорова, 1978. – С. 78–83; 1981. – С. 140–142]. Эти сомнения стоили ей целого ряда отповедей в работах коллег, чаще достаточно мягких, но порой и резких [Могильников, Конилов, 1983. – С. 162; Хлобыстин, 1993. – С. 23–25; Чиндина, 1982. – С. 23, 24]. В этот период для обоснованного пересмотра периодизации В. Н. Чернецова отсутствовали надежные датировки типов керамики, особенно для тех, которые совершенно отсутствовали в схеме нижнеобской культуры. Положение резко изменилось в 80-е годы XX века. Значительно расширилась территория исследований. Раскапывался ряд средневековых городищ в Сургутском Приобье как на Барсовой Горе, так и за ее пределами (И. Г. Глушков, А. П. Зыков, В. И. Семёнова, Г. А. Степанова, Л. М. Терехова), в Нижнем Прииртышье (А. П. Зыков, В. А. Могильников, А. В. Расторопов, Л. М. Терехова), в Нижнем Приобье (В. М. Морозов, С. Г. Пархимович). Но особое значение имели начавшиеся именно в эти годы масштабные раскопки могильников VI–XVII вв. в Сургутском Приобье: Кинтусовского (Л. М. Терехова), Сайга-

тинских I–VI (Л. М. Терехова, А. П. Зыков, К. Г. Карачаров), Барсов Городок (В. А. Борзунов, А. П. Зыков, К. Г. Карачаров, Ю. П. Чемякин), Барсовских IV и V (Н. В. Фёдорова), Усть-Балык, Киньяминских I и II, Частухинского Урия (В. И. Семёнова). Именно материалы погребальных комплексов позволили создать достаточно надежную хронологию и полностью пересмотреть периодизацию средневековых памятников Сургутского Приобья.

Новая культурно-хронологическая схема была предложена коллективом екатеринбургских археологов в большой статье [Фёдорова, Зыков, Морозов, Терехова, 1991. – С. 126–145] и в докладе на XII Уральском археологическом совещании [Зыков, Фёдорова, 1993. – С. 65–66]. Было предложено выделить обь-иртышскую культурно-историческую общность железного века. Пространственное и временное содержание общности осталось тогда не до конца проработанным. В статье намеренно не употреблялся термин «археологическая культура», и даже было предложено отказаться от него как инструмента систематизации материала внутри выделяемой общности. Это, пожалуй, наиболее спорное положение авторов было, скорее, следствием их острой реакции на неудовлетворительное, по их мнению, состояние западносибирской археологии средневековья. На базе знаний средневековых материалов Сургутского Приобья им была видна вся бесперспективность подходов, связанных с недостаточно обоснованным выделением локальных культур и типов памятников на периферии западносибирской тайги. Коллективная статья и доклад были приглашением коллег к дискуссии, в ходе которой и должны были, как тогда казалось, выработаться согласованные подходы к осмыслению древностей железного века таежного Обь-Иртышья. К сожалению, подобная дискуссия так и не состоялась.

Самым ценным в этих работах была новая периодизация археологических памятников Сургутского Приобья. Эта периодизация только на первый взгляд уточняла и дополняла схему В. Н. Чернецова; на самом деле она почти полностью ее меняла.

Всего было выделено семь этапов: белоярско-васюганский (VII–VI вв. до н. э.), кулайский (III в. до н. э. – III в. н. э.), карымский (III–IV – начала VI вв.), зеленогорский (VI – начала VIII вв.), кучиминский (VIII–IX вв.), кинтусовский (конца IX – середины XII вв.), сайгатинский (середины XII – XVI вв.) [Зыков, Фёдорова, 1993. – С. 66]. В отличие от доклада А. П. Зыкова и Н. В. Фёдоровой, в статье, вышедшей в 1991 году, этапов обь-иртышской КИО было меньше: не было первого белоярско-васюганского переходного времени от бронзового века к железнному*, второй был назван саровским (I в. до н. э. – III в. н. э.) [Фёдорова и др., 1991. – С. 129–131]. Пять последних этапов, по мнению авторов, «отражают хронологические ступени развития одной культурной общности с присущей ей преемственностью в формах и орнаментации керамики, сюжетах и художественном стиле бронзового литья, домостроении и фортификациях, ...погребальный обряд также развивался в рамках одной традиции» [Фёдорова и др., 1991. – С. 142].

Основные положения этой схемы в менее развернутом виде были изложены еще в нескольких публикациях [Древний город..., 1994. – С. 57–82; Угорское наследие..., 1994. – С. 18–19; Корякова, Зыков, Морозов, 1993. – С. 113–114; Косинская, Фёдорова, 1994. – С. 27–30; Морозов, Чемякин, 1997. – С. 20–23]. Сама периодизация была воспринята некоторой частью коллег положительно и не оспаривалась [Молодин и др., 1995. – С. 15–17]. Б. А. Конилов заметил, что авторами схемы «игнорируются некоторые качественные отличия между этапами в погребальном обряде, керамике и т. д.» [Конилов, 1993. – С. 14]. Наиболее критична была Л. А. Чиндина, считавшая, что «в фактической части предложенной позиции не бесспорна схема преемственности выделенных этапов и тем более — их обязательность для всей лесной территории Западной Сибири. Например, трудно считать доказательной преемственность между карымским и зеленогорским этапами, единство кинтусовского типа (в нем, скорее, два типа, различающихся генетикой и морфологией). Зеленогорский тип керамики, безусловно, отсутствует в Среднем Обь-Иртышье, то есть там, где выделены потчевашская и рёлкинская культура. Точно так же трудно предположить наличие рёлкинских и потчевашских типов в Нижнем Приобье» [Чиндина, 1993. – С. 53–54].

Наиболее критический разбор предложенной нами периодизации представлен в монографии В. И. Семёновой «Средневековые могильники Юганского Приобья», которая считает, что в нашей схеме

* Белоярско-васюганский этап был выделен Ю. П. Чемякиным на том же XII Уральском археологическом совещании [Чемякин, 1993. – С. 218–219].

«систематика материалов была проведена довольно формально, утрачены культурно-историческое содержание, концептуальность... Между выделенными типами памятников не всегда просматривается полная преемственная связь... Роль отчетливо прослеживаемой потчевашской традиции в формировании кучиминского типа раскрыта недостаточно... Происхождение вожпайской керамики из кучиминской проблематично» [Семёнова, 2001. – С. 7]. В результате В. И. Семёнова предложила свое видение этнокультурной ситуации, сложившейся в Нижнем и Сургутском Приобье в конце I – середине II тысячелетий н. э. Получилась причудливая картина, в которой взаимодействуют взаимоисключающие элементы, взятые из разных периодизаций: кучиминский тип памятников и позднейший рачёвский вариант керамики кинтусовского этапа по нашей схеме, керамика оронтурского этапа по периодизации В. Н. Чернецова, мигрирующие на север носители потчевашской и усть-ишимской культур Среднего Прииртышья, привнесшие в Сургутское Приобье свои традиции, носители вожпайской культуры в понимании Л. П. Хлобыстина и т. д. Чего только стоит такой, например, пассаж: «В конце I тыс. н. э. усиливается влияние южных народов на Сургутское Приобье. Следствием этого явилось широкое распространение памятников кучиминского типа. В Сургутском Приобье кучиминское и вожпайское население встретились с оронтурским. Результат этого взаимодействия отразился в комплексе керамики X–XI веков, которую вряд ли правомерно называть оронтурской. Усиление подчевашских черт в рачёвской керамике объясняется второй волной инфильтрации с юга, влиянием усть-ишимской культуры, наследницы подчевашской» [Семёнова, 2001. – С. 172].

Вероятно, это смешение элементов, выхваченных из самых разных взаимоисключающих периодизационных схем, вряд ли заслуживает какого-либо критического разбора.

Совершенно неожиданную интерпретацию получила наша схема в работах К. Г. Карачарова. Он просто-напросто переименовал карымский, зеленогорский, кучиминский и кинтусовский этапы в археологические культуры, не видя в этом «никакого противоречия». К ним он добавил, вслед за Л. П. Хлобыстиным, инородную пришлую в Сургутском Приобье вожпайскую культуру, с появлением которой связано прекращение функционирования кучиминских городищ. А появление кинтусовской культуры он связал с формированием в X веке «новой традиции, сочетавшей в себе вожпайские и кучиминские черты». Заключительный сайгатинский этап культуры К. Г. Карачаров датировал концом XI–XII–XV (XVI?) вв. и считал, что это «в большей степени хронологическое понятие, нежели культурное» [Чемакин, Карачаров, 1999. – С. 42–62; 2002. – С. 44–65].

Подобная точка зрения, явно заимствованная у К. Г. Карачарова, изложена в главе коллективной научно-популярной монографии «Салымский край», написанной Л. В. Ивасько, О. В. Кардашем и Д. А. Суровым. Разница лишь в том, что за карымским и зеленогорским периодами оставлено название этапов, последовательно сменивших кулайскую культуру, а появление кучиминской и вожпайской культур связывается с двумя последовательными проникновениями (или даже вторжениями) в Сургутское Приобье двух разных иноэтнических групп. Наконец, по мнению этих авторов, «в XII веке происходит новая смена культур, но на этот раз процесс носит переломный характер» [Салымский край, 2000. – С. 46–50].

В 2006 году была опубликована статья К. Г. Карачарова «Вожпайская археологическая культура» [Карачаров, 2006. – С. 135–149]. Во время ее написания мы вместе работали в Институте истории и археологии УрО РАН. У нас состоялось много бесед, в ходе которых я неоднократно пытался доказать всю пагубность выделения локальных археологических культур вместо этапов и, тем более, хронологических типов керамики одной культуры. Но к общему согласованному мнению нам так и не удалось прийти. Тогда я предупредил К. Г. Карачарова о том, что вынужден буду ответить на его подобные публикации своими печатными работами с критическим разбором спорного вопроса. И вот статья «Вожпайская культура» вышла. В ней К. Г. Карачаров (спасибо ему) отметил, что «многие исследователи продолжают придерживаться весьма запутанной схемы В. Н. Чернецова. Уральские специалисты попытались создать новую схему. В отличие от В. Н. Чернецова они более обоснованно определили генеральную линию изменений в культуре, которая вряд ли будет серьезно пересматриваться в ближайшее время» [Карачаров, 2006. – С. 136]. Но далее он переходит к критике некоторых положений нашей статьи, опубликованной в 1991 году [Фёдорова и др., 1991. – С. 126–145]. В том числе и за то, чего там и не было. В частности, за то, что «они посчитали неправомерным выделить В. Н. Чернецовым нижнеобской археологической культуры» [Карачаров, 2006. – С. 136]. Ничего подобного в нашей статье не говорилось, более того, из приведенной К. Г. Карачаровым цитаты из совместной статьи этого никак не следовало.

Кроме того, по мнению К. Г. Карачарова, «они внесли значительную путаницу в методологию вопроса. Вдобавок к тому, что термин “археологическая культура” был подменен аналогичным по смыслу термином “культурно-хронологический тип”, в 1993 году А. П. Зыковым и Н. В. Фёдоровой введено понятие “обь-иртышская культурно-историческая общность”», определение которой показалось ему некорректным [Карачаров, 2006. – С. 136–137]. Во-первых, в нашей статье особой путаницы нет, из ее текста совершенно очевидно, что «памятники определенного культурно-хронологического типа (карымского, зеленогорского и т. д.)» [Фёдорова и др., 1991. – С. 127] соответствуют термину «этап нижнеобской культуры» по В. Н. Чернецову. Хотя в статье мы сознательно не употребляли термин «археологическая культура», более того, считали, что «средневековые материалы лесной зоны Западной Сибири обнаруживают преемственность с памятниками раннего железного века и настолько близки с ними, что логичнее рассматривать их либо в рамках одной культуры, либо отказаться от этой таксономической единицы. Последнее кажется более предпочтительным. Выделенные к настоящему времени археологические культуры это очевидное единство разрывают» [Фёдорова и др., 1991. – С. 127, 129]. Из контекста статьи и ссылки в ней к этому процитированному отрывку совершенно ясно, о каких культурах в нем идет речь: о рёлкинской в Томско-Нарымском Приобье, потчевашской и усть-ишимской в Среднем Приобье, о юдинской в лесном Зауралье в ее слишком широком и неконкретном понимании по В. Д. Викторовой, но никак не о нижнеобской культуре [Фёдорова и др., 1991. – С. 143–144]. Константин Геннадьевич в те годы, когда создавался наш коллективный опус, знал это, и тогда у него не возникло особых вопросов.

В работе 1991 года были намечены рамки культурно-исторической общности Севера Западной Сибири и содержался призыв к обсуждению и дискуссии: «...настала пора выработки какой-то общей концепции средневековой истории лесной и отчасти лесостепной части Западной Сибири, которая, возможно, поставит решение этногенетических и культурно-исторических вопросов на твердую базу археологических фактов» [Фёдорова и др., 1991. – С. 142–143]. Основной смысл нашей статьи заключался в призыве к коллегам остановиться, не спешить с выделением новых археологических культур, провести реестр обоснованности уже выделенных. К сожалению, призыв остался непонятым и не услышанным. Так, например, К. Г. Карачаров с легкостью переименовал все этапы, выделенные в нашей статье, в отдельные археологические культуры, добавив к ним еще и вожпайскую культуру [Чемакин, Карачаров, 1999. – С. 42–59; 2002. – С. 44–65]. Он вполне искренно считал, что тем самым, смог преодолеть «путаницу в методологии вопроса», заложенную в нашей совместной статье, наше «стремление упаковать» все средневековые и даже ранний железный век Западной Сибири в одну археологическую культуру или вообще отказаться от выделения культур [Карачаров, 2006. – С. 136–137].

В одном К. Г. Карачаров совершенно прав: авторы статьи, вышедшей в 1991 году, «не рассматривали возможность выделения нескольких археологических культур, хотя и отмечали культурное своеобразие выделенных ими этапов развития материальной культуры. Вслед за В. Н. Чернецовым исследователи отказали вожпайским комплексам в культурной самобытности и рассматривали их как наиболее ранние в рамках кинтусовского “культурно-хронологического типа”» [Карачаров, 2006. – С. 136]. Да, абсолютно верно, ни тогда, в конце 80-х годов XX века, когда создавалась та самая коллективная статья, ни сейчас, 20 лет спустя, я не считаю возможным преобразование этапов единой средневековой археологической культуры в отдельные культуры с периодами существования от двух-трех столетий до менее одного столетия. По мере накопления археологических материалов количество этапов будет расти, они будут дробиться на еще менее протяженные по времени.

Действительно, и тогда, и сейчас я отказывал вожпайскому комплексу в культурной самобытности. В совместной статье я со своими коллегами определял вожпайский тип керамики как ранний тип посуды кинтусовского этапа, существовавший непродолжительное время в конце IX – X веках [Фёдорова и др., 1991. – С. 137–139]. По моим теперешним представлениям, в этой статье и в иллюстрациях к ней к вожпайскому типу посуды были ошибочно отнесены позднекучиминские сосуды с обедненной орнаментацией IX века [Фёдорова и др., 1991. – С. 138–139; рис. 3А – 10–14, 16, 17, 23].

Впрочем, у К. Г. Карачарова (вслед за Л. П. Хлобыстиным) появились последователи — сторонники выделения отдельной вожпайской археологической культуры [Пошехонова и др., 2008. – С. 183–193; Семёнова, 2001].

В 2006 году вышла яркая, богато иллюстрированная книга Е. В. Переваловой и К. Г. Карачарова «Река Аган и ее обитатели», в которой перу Константина Геннадьевича принадлежит вторая глава «Археология Агана» [Перевалова, Карачаров, 2006. — С. 43–88]. В ней он изложил ту же концепцию раннего средневековья, состоящего из карымской, зеленогорской, кучиминской, вожпайской, кинтусовской археологических культур, но на примере памятников бассейна р. Аган. Каждой культуре тут дано краткое емкое определение. В общем-то в этой главе вроде бы не содержалось ничего нового, по сравнению с более ранними работами К. Г. Карачарова 1999 и 2002 годов, разве что прекрасные по качеству фотографии памятников и вещей с них, графические планы аганских городищ. Как археолог-полевик, фотограф и иллюстратор своих изданий Константин Геннадьевич меня искренне восхищает.

Меня насторожила одна фраза в этой главе: «Кроме керамики, украшенной желобками, на селище Сардаковы был найден фрагмент сосуда с налепными валиками. Такая керамика в небольшом количестве встречается в комплексах рёлкинской археологической культуры (керамика III типа)... Скорее всего, бассейн Агана в то время входил в иную историко-культурную область, нежели остальная часть Среднеобского географического района» [Перевалова, Карачаров, 2006. — С. 72]. В этой же главе без прямой связи со всем остальным текстом содержится краткое определение рёлкинской культуры, фотография и план аганского городища Нёх-урий 2 и двух фрагментов керамики из сборов с него [Перевалова, Карачаров, 2006. — С. 67, 73]. Один из них — фрагмент венчика явно средневекового сосуда с оттисками уточкового штампа под ямочной зоной — действительно аналогичен орнаментации рёлкинской керамики II типа Нарымского Приобья.

Хорошо зная манеру работы К. Г. Карачарова, я понял, что это не случайные описки и не случайные фотографии. Он явно готов включить бассейн Агана в ареал рёлкинской археологической культуры, но ему пока не хватает археологического материала. То, что с появлением в Сургутском Приобье еще одной «пришлой, инородной» культуры, кроме вожпайской, археологическая ситуация раннего средневековья станет еще более запутанной даже для археологов, К. Г. Карачарова уже, видимо, не смущало. Именно в 2006 году, редактируя эту главу по просьбе Е. В. Переваловой, я окончательно понял, что слишком долго молчал, никак не реагируя в печатных работах на новую концепцию К. Г. Карачарова.

Возразить против такого переименования этапов в культуры, конечно, необходимо, но лучше это сделать ниже, привлекая конкретный материал каждого из периодов, обосновывая их генетическую взаимосвязь. Прежде всего, необходимо напомнить, что в данном случае мы имеем дело с моделью поэтапного развития единой археологической культуры широкого ареала, устойчиво существовавшей на протяжении без малого 900 лет и переживавшей эволюционную синхронную смену материальной культуры во всем регионе. Само же деление этой культуры на этапы достаточно условно, зависит в значительной степени от исследованности памятников того или иного хронологического отрезка. Для некоторых наиболее изученных периодов можно предложить более дробную периодизацию. Стремление некоторых исследователей к дроблению длительно существовавших культур на нескольких последовательно сменяющих друг друга культур с очень коротким, до двух-трех веков, периодом существования аргументированно критикуется Р. Д. Голдиной по материалам лесного Прикамья [Голдина, 1999. — С. 225]. Мне лишь остается присоединиться к ее авторитетному мнению.

Безусловно, можно согласиться с К. Г. Карачаровым и авторами «Салымского края» в том, что памятники сайгатинского этапа резко отличаются от всех предшествующих периодов, что их следует выделять в особый период. Но только об этом переломе практически во всем археологически фиксируемом спектре материальной культуры населения Северо-Западной Сибири и стоящих за ним глубоких социальных изменениях, начавшихся именно в XII веке, мне приходилось уже неоднократно писать, в том числе даже в учебнике истории для средних школ Ханты-Мансийского автономного округа [Зыков, Кокиаров, 2000. — С. 39–44; История ХМАО..., 2000. — С. 84–93; Нягань..., 1995. — С. 25–26; Югорск..., 1997. — С. 17–19].

Подобное весьма вольное обращение с выхваченными из контекста нашей концепции элементами вновь заставляет изложить ее с учетом нового материала, появившегося за последние почти два десятилетия, прошедших со времени первой публикации. Во-первых, следует отказаться от включения в объ-иртышскую общность всех памятников и этапов, связанных с ранним железным веком, оставив их для интерпретации специалистам по кулайским древностям. Во-вторых, для адаптации восприятия и во избежание соблазна выхватывания из периодизации ее отдельных элементов необходимо завершить конструкцию объ-иртышской КИО, восстановив ее центральное ядро — нижнеобскую культуру.

Впервые этот подход был намечен в коллективной монографии «Барсова Гора: археологическая карта» [Чемякин, Зыков, 2004]. В этом же году я начал писать текст этой книги. Во многом процесс работы сдерживался необходимостью прояснения запутанных обстоятельств первых раскопок на Барсовой Горе В. Ф. Казакова в 1887 году и Ф. Р. Мартина в 1891 году. Только после публикации статей об этих экспедициях [Зыков, 2005. — С. 172–181; 2008. — С. 6–15] я смог завершить эту рукопись.

В 2006 году в связи с проведением II Северного археологического конгресса в г. Ханты-Мансийске мне предложили подготовить часть коллективного пленарного доклада к нему. Для этого я использовал очень сокращенную часть подготавливаемой мною монографии. Текст этого доклада был опубликован в виде двух статей [Зыков, 2006. — С. 109–124; 2006а. — С. 33–58]. К сожалению, тогда иллюстративный ряд еще не был готов, поэтому они вышли без рисунков. Доклад и эти статьи являются кратким авторским рефератом текста настоящей монографии, написанной в 2004–2006 годах.

ГЛАВА 2

ОБЬ-ИРТЫШСКАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ

Обь-иртышская культурно-историческая общность — это группа средневековых археологических культур и типов памятников Западно-Сибирской равнины, возникших на родственной кулайской основе (локальных вариантов кулайской культуры или археологических культур кулайской культурно-исторической общности). Ареал обь-иртышской КИО на протяжении позднего железного века постоянно изменялся, то значительно расширяясь, то вновь сужаясь. В состав общности в разные периоды ее существования входили нижнеобская, рёлкинская, верхнеобская культуры, группа памятников Северного Прииртышья (обычно выделяемых в потчевашскую и усть-ишимскую культуры), типы памятников субарктической зоны (тиутейсалинский, яртинский, типа поселения Хаэн-Сале), позднесредневековые памятники эмдерского и сайгатинского типов Нижнего и Сургутского Приобья, кыштовской культуры Северной Барабы.

На юге ареал обь-иртышской КИО постоянно соприкасался с зоной расселения тюркоязычных кочевников. В V–X веках в Верхнем и Томском Приобье стабильно существовала верхнеобская культура, всегда занимавшая изолированное положение по отношению к более северным образованиям, прежде всего, за счет сильнейшего тюркского влияния. Обособление памятников этого региона, вероятно, началось уже в конце кулайской эпохи. Недавно Ю. В. Ширин обосновал выделение предшествующей верхнеобской фоминской культуры рубежа II–III – IV вв. н. э. [Ширин, 2003. – С. 16–19, 114]. Ареал верхнеобской культуры был наибольшим в V–VI веках на первом одинцовском этапе, когда ее памятники занимали всю территорию Верхнего Приобья. В конце VI века, очевидно, под ударами тюрков, ее территория резко сокращается до северных районов Новосибирского и Томского Приобья*. Южнее — в лесостепях Верхнего Приобья — складывается тюркская в своей основе, сросткинская культура. В X веке завершается тюркизация Новосибирского Приобья, а с X–XII веков отмечается активное проникновение тюрков в Притомье, особенно усилившееся в XII–XIV веках [Могильников, 1987. – С. 234].

Рубеж кулайской и обь-иртышской КИО совпал с распадом саргатской культурно-исторической общности зауральской лесостепи. Кулайское население на короткое время (в пределах конца II–III вв.) заняло обширные пространства северных лесостепей Омского Прииртышья и Барабы, но уже к концу III – первой половине IV веков оно отступило обратно на север.

В IV–V веках, а вероятно, и большую часть VI века, эта территория была занята кочевниками гуннского и постгуннского времени [Зыков, 2002. – С. 47–50]. Лишь в конце VI века население нижнеобской культуры смогло вновь заселить лесостепи Среднего Прииртышья, и отдельные их группы продвинулись вдоль Иртыша далеко на юг — в степи Северного Казахстана, где их присутствие маркируется памятниками типа Бобровского могильника [Арсланова, 1968. – С. 109; рис. 118, 123; 1980. – С. 79–104]. Таким образом, памятники Омского Прииртышья и Северной Барабы конца VI–IX веков являются не результатом их трансформации непосредственно из кулайских древностей, а результатом более поздней миграции, расширения ареала нижнеобской культуры на ее зеленогорском, рёлкинском и кучиминском этапах [Зыков, Фёдорова, 2001. – С. 21–22]. Своеобразие их заключается, прежде всего, в многочисленных проявлениях внешних инокультурных воздействий, и не только тюркских, но и со стороны культурных образований, возникших после распада саргатской КИО — бакальской, кушнаренковской и караякуповской культур. Традиционно эти памятники выделяют в потчевашскую культуру, хотя, с учетом изложенного, южнотаежные памятники Тобольского и Тарского Прииртышья, включая и эпонимное для этой культуры городище Потчеваш, оставлены потомками издавна проживавшего здесь населения. Эволюционное развитие материальной культуры здесь никогда не прерывалось: ни до продвижения

части этого населения в конце VI – VII веках в лесостепь вверх по Иртышу, Ишиму и на Омь, ни после гибели лесостепных памятников в результате тюркской экспансии. Так что логичнее рассматривать эти памятники не в качестве отдельной археологической культуры, а в качестве как минимум двух среднеиртышских локальных вариантов нижнеобской культуры: южнотаежного и лесостепного (его, в свою очередь, можно разделить на нижнеишимский и омский). Еще менее обосновано выделение усть-ишимской культуры X–XIII веков в южнотаежном Прииртышье [Конилов, 1981. – С. 3–15]. В свое время В. А. Могильников совершенно справедливо рассматривал памятники этого региона в качестве аксёновского варианта нижнеобской культуры [Могильников, 1964].

Перевод этой небольшой локальной группировки памятников в ранг культуры только усложнил и без того непростую проблему понимания закономерностей развития Обь-Иртышья в позднем железном веке. Такой подход просто позволял отгородиться границами локальной культуры от поиска этих закономерностей. А ведь как раз на Иртыше никаких границ между памятниками кинтусовского этапа нижнеобской культуры и усть-ишимской культуры не существует. Степень исследованности памятников Нижнего Прииртышья, конечно, несопоставима с Сургутским Приобьем, но все же является достаточной, чтобы это заметить.

На юго-западе граница ареала обь-иртышской КИО, а вернее — нижнеобской культуры, проходит по Тюменскому Притоболью (низовьям р. Туры) и рекам Тавда, Лозьва и Сосьва. Здесь они соседствуют и взаимодействуют с общностью культур и типов памятников, для которых характерна гребенчато-шнуровая орнаментация керамической посуды. Ее история пока может быть очерчена очень фрагментарно. Складывается эта общность на базе кашинского и прыговского типов памятников конца раннего железного века южного леса и северной лесостепи Зауралья в Исетско-Туринском междуречье [Ковригин, Шарапова, 1998. – С. 67–73]. В этом регионе средневековые культурные образования представлены последовательно сменяющимися друг друга батырским (V–VI вв.), молчановским (VII–IX вв.) типами памятников, юдинской культурой (X–XIII вв.) и макушинским типом памятников (XIII–XIV вв.) [Викторова, Морозов, 1993. – С. 180–191]. Наименование молчановского типа памятников по Молчановскому городищу на р. Туре [Чернецов, 1957. – С. 220–224; Могильников, 1987. – С. 165–167] следует признать крайне неудачным, так как оно совпадает с названием культуры позднего бронзового века в Среднем Приобье. М. Ф. Косарев предлагает именовать этот средневековый тип памятников андрюшинским — по названию исследованного В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской городищу Андрюшин Городок на берегу Андреевского озера близ Тюмени [Косарев, 1991. – С. 26]. В 2009 году я обработал средневековую коллекцию Кокшаровского холма, датирующуюся находками железных вещей (кинжалами, наконечником стрелы) с IV–V по VII–VIII вв. Ее представительный керамический комплекс позволяет вполне уверенно преобразовать батырский тип керамики в батырскую культуру раннего средневековья, предшествующую юдинской культуре. Надеюсь, что в скором времени эти выводы будут опубликованы в виде отдельной статьи.

Уже на стадии формирования этой общности ее население начало продвигаться на запад от Уральских гор. Именно из среды носителей батырского и бакальского типов керамики, очевидно, и вышли подвижные группы воинов-кочевников, которые, преодолев Урал по долинам рек Сылвы и Чусовой в конце IV – середине V веков, вторглись в среду гляденовского населения Верхнего Прикамья. Этот импульс стал основой формирования здесь ранних этапов новых археологических культур: бродовской стадии неволинской культуры и харинской стадии ломоватовской культуры [Викторова, Морозов, 1993. – С. 180–183; Голдина, 1999. – С. 276–277].

Эта тенденция расселения носителей гребенчато-шнуровой керамики из Среднего Зауралья на запад вдоль кромки южного леса и лесостепи Северной Башкирии сохранилась и в более позднее время. После ухода из лесостепного Приуралья мадьяр и прекращения существования караякуповской культуры опустевшее пространство в X–XIV веках заняло новое население, оставившее здесь курганы мрясимовского типа. Керамика из них является вариантом гребенчато-шнуровой керамики юдинского типа [Мажитов, 1977. – Табл. XXVIII]. Е. П. Казаков всю территорию распространения памятников с гребенчато-шнуровой керамикой более позднего периода XII–XIV веков от Восточного Татарстана и Северной Башкирии до Среднего Зауралья предлагает рассматривать в рамках одной чияликской культуры, включая в нее и ареал памятников юдинской культуры и макушинского типа [Казаков, 1997. – С. 42; 2002. – С. 79–87].

* Л. А. Чиндина выделяет отдельную одинцовскую культуру V–VI вв., а памятники Томского и Новосибирского Приобья VII–IX вв. считает локальным вариантом рёлкинской культуры [Чиндина, 1991а. – С. 146–148].

На мой взгляд, в литературе сложилось несколько искаженное представление о юдинской культуре, возникшее за счет безоговорочного включения в нее Ликинского могильника низовьев р. Лозьвы [Викторова, 1969. – С. 240–256; 1973. – С. 133–168]. Этот памятник, расположенный на границе с ареалом объ-иртышской КИО, содержит небольшое количество материалов второй половины X–XI веков и очень яркие комплексы XII–XIV веков с обилием находок зооморфного бронзового литья западносибирских типов, что, в общем-то, несвойственно для других памятников юдинской культуры. Столь же нетипичен для исследованных могильников лесного Зауралья погребальный обряд, сочетавший трупоположения и трупосожжения с захоронением остатков кремации в грунтовых ямах или на поверхности. Юдинские некрополи, как грунтовые, так и курганные, содержат только трупоположения [Кутаков, Старков, 1997. – С. 130–147; Могильников, 1987. – С. 169–170]. В литературе упоминается Урачкинский могильник в низовьях р. Туры, где есть остатки погребений с кремацией на стороне, но памятник, исследованный в 1962 году, до сих пор не опубликован [Могильников, 1987. – С. 169]. Однако подобный биригуализм как раз характерен для западной части ареала объ-иртышской общности: он выявлен на могильниках XII–XVI веков Арантур 27, Большая Умытья 28, Эсский остров в верховьях р. Конды и Ендырских I и II на р. Ендырь [Зыков, 2002. – С. 263; Зыков, Кокишаров, 2001. – С. 198–200; 2002. – С. 87–89]. Эти могильники я предлагаю относить к позднесредневековому эмдерскому типу памятников сайгатинской культуры объ-иртышской КИО [Зыков, 2006. – С. 122].

Совсем недавно появилась полная публикация В. Д. Викторовой материалов Ликинского могильника [Викторова, 2008. – С. 141–207]. Оказалось, что в восьми погребениях (№ 1, 11, 16, 20, 21, 27, 31, 33) были найдены глиняные сосуды, орнаментированные оттисками веревочки, которые, без сомнения, относятся к юдинской культуре [Викторова, 2008. – С. 144, 159, 166, 171, 173, 183, 191, 194]. В шести (№ 8, 22, 24, 25, 29, 30) были найдены сосуды кинтусовского этапа нижнеобской культуры, орнаментированные преимущественно узорами в виде полос взаимопроникающих треугольников, выполненных оттисками гребенчатого штампа [Викторова, 2008. – С. 154, 175, 179–180, 186, 189]. Наконец, в четырех погребениях (№ 14, 18, 23, 33) и в составе «клада» были найдены неорнаментированные глиняные сосуды, отнести которые к какой-либо из двух культур невозможно [Викторова, 2008. – С. 164, 169, 177, 194, 205]. Так что Ликинский могильник был оставлен населением, жившим на пограничье между ареалами юдинской и нижнеобской культур. Его можно считать смешанным юдинско-нижнеобским памятником, но ни в коем случае нельзя относить однозначно к той или иной культуре.

Такая трактовка Ликинского могильника позволяет гораздо четче разделять памятники, оставленные двумя соседними, но очень разными по происхождению и исторической судьбе массивами средневекового населения. В этой связи представляется небесспорной однозначная интерпретация этноса юдинской культуры в качестве протомансийского [Викторова, 1969. – С. 256; 1973. – С. 168; 2008. – С. 127–136]. Генетическая связь чияликской культуры Приуралья и юдинско-макушинских типов памятников Зауралья указывает, скорее, на то, что этнос их носителей был близок венгерскому. Вероятно, именно этих угров описывали в XIII веке Юлиан, Плано Карпини и Рубрук, называя «венграми», «паскатирами» и «баскартами» [Казаков, 2002. – С. 82]. Все эти культурные типы, в том числе юдинский и макушинский, прослеживаются вплоть до золотоордынской эпохи XIII–XIV веков [Ковригин, Морозов, 1999. – С. 33–35]. Вероятно, уже в XIV–XV веках большая часть населения этого угорского этнического массива подверглась тюркизации и исламизации. Отражением этого процесса в Среднем Зауралье является небольшой могильник позднечиялыкского типа, исследованный при раскопках поселения Перегон V близ Екатеринбурга [Шорин, Волков, Ражев, 1999. – С. 183–188]. Конечно, в этногенезе манси могла принять участие какая-то часть потомков носителей юдинско-макушинского типа памятников, но вряд ли этот компонент мог играть в нем существенную роль.

Для древностей бассейна Тавды бронзового, раннего железного веков и средневековья В. Д. Викторовой была создана локальная периодизация, в которой выделены последовательно сменяющие друг друга типы памятников, прослежена эволюция характерной для них керамической посуды, орнаментированной оттисками разнообразных фигурных штампов. Как и все работы Валентины Дометьяновны, ее периодизация отличается логикой и убедительностью [Викторова, 1970. – С. 254–270]. Однако эта локальная схема, особенно ее позднейшая средневековая часть, выстроенная без особого учета периодизации В. Н. Чернецова, с накоплением нового материала, в том числе и на Тавде, стала нуждаться в существенной корректировке. Но и в последних работах В. Д. Викторовой и ее последователей эта

периодизация используется без каких-либо изменений [Викторова, 1999. – С. 126–153; Викторова, Морозов, 1993. – С. 173–192; Морозов, Панина, 1997. – С. 76–91].

Меня интересуют позднейшие этапы периодизации древностей бассейна Тавды — туманский и тынский типы памятников. Первый из них выделен на материалах Туманского I поселения в верховьях Тавды. Недавняя развернутая публикация этого памятника [Викторова, 1999. – С. 126–153] убеждает, что туманский тип керамики полностью соответствует керамике выделенного В. Н. Чернецовым ярсалинского этапа II–III веков [Чернецов, 1957. – С. 143–160; табл. I, II, IV–VI]. Непонятно, зачем нужно было отделять туманскую керамику от совершенно аналогичной ей ярсалинской, тем более что выделение последней было обосновано на материалах соседнего с тавдинским кондинского бассейна. Еще менее понятно причисление к туманскому типу памятников комплексов карымского этапа нижнеобской культуры нижнего течения Туры, в том числе Козловского могильника [Викторова, 1970. – С. 261; Викторова, Морозов, 1993. – С. 176]. Датировка всего туманского типа, вероятно, основанная на датировке Козловского могильника — середина I тысячелетия н. э. [Викторова, 1970. – С. 261] или IV–VI вв. [Викторова, Морозов, 1993. – С. 176], — совершенно завышена для комплекса из среднего черноземного слоя Туманского I поселения. В нем кроме небольшой коллекции керамики синдейского типа (фрагменты от 49 сосудов) и основного комплекса туманского (ярсалинского) типа (фрагменты от 792 сосудов) найдены многочисленные изделия из кости и бронзы [Викторова, 1999. – С. 140–148; рис. 10–15]. Многие из них имеют хорошие аналогии в материалах городища Усть-Полуй, время основания которого датируется дендрохронологическими образцами серединой I в. до н. э. [Зыков, Фёдорова, 2001. – С. 126; Усть-Полуй..., 2003. – С. 7]. В этой ситуации, значительно омоложив дату туманского (ярсалинского) типа керамики, В. Д. Викторова вынуждена была соотнести наиболее яркую часть коллекции костяных и бронзовых вещей с Туманского I поселения с небольшим комплексом керамики синдейского типа раннего железного века [Викторова, 1999. – С. 136, 140–148]. А это уже было явным насилием над материалом. Синдейский тип керамики, распространенный в таежном Зауралье вплоть до Нижней Оби, является предшествующим кулайскому саровскому, составляющему основной ранний комплекс Усть-Полуя. Но ведь и коллекция Усть-Полуя неоднородна: кроме саровской керамики второй половины I в. до н. э. в ней присутствует и небольшой, но очень яркий комплекс более поздней керамики ярсалинского типа, с которым, очевидно, и связаны некоторые бронзовые вещи I–III вв. н. э., явно выбивающиеся из хронологии основного комплекса. Так что бронзовые и костяные изделия Туманского I поселения логично связывать именно с туманским (ярсалинским) типом керамики, которую следует датировать, как и предлагал В. Н. Чернецов, первыми веками нашей эры. Вероятно, следует отказаться от употребления термина «туманский тип памятников», тем более в его расширительном понимании. Материалы, объединяемые в него, следует рассматривать в рамках ярсалинского типа памятников (этапа) кулайской культуры и карымского этапа нижнеобской культуры, возможно, выделяя их тавдинские локальные варианты.

По схеме В. Д. Викторовой, в бассейне р. Тавды туманскому типу наследует тынский тип памятников второй половины I тысячелетия н. э. В него были объединены немногочисленные керамические материалы, синхронизированные с материалами оронтурского этапа нижнеобской культуры по схеме В. Н. Чернецова [Викторова, 1970. – С. 264–265; табл. II – 11, 12; III]. В результате получилась такая же аморфная структура, в которую, если учитывать нашу схему периодизации средневекового материала Сургутского Приобья, оказывается включенной очень разнородная и разновременная керамика: зеленогорского этапа VI–VII веков [Викторова, 1970. – Табл. II – 11; 1999. – С. 150–151; рис. 17 – 4, 5, 7, 8; Викторова, Морозов, 1993. – С. 184; рис. 5 – 4, 8] и кинтусовского этапа X–XII веков [Викторова, 1970. – Табл. II – 12; 1999. – С. 151; рис. 17 – 1; Викторова, Морозов, 1993. – Рис. 5, 7, 9, 10; Морозов, Панина, 1997. – С. 77–78; рис. 10 – 3, 5].

Неудивительно, что удревнив кинтусовскую керамику памятников р. Тавды, В. Д. Викторова заполнила период начала II тысячелетия н. э. исключительно материалом юдинской культуры, считая, что в это время «на территории равнинной полосы Среднего Зауралья распространяется культура пришлого населения со шнуровой орнаментацией керамики» [Викторова, 1970. – С. 265]. При этом отмечается своеобразие тавдинских комплексов юдинской керамики — «наличие вожпайских узоров, использование принципа отступающей лопаточки в орнаментации» [Викторова, Морозов, 1993. – С. 189]. В. М. Морозов и С. Н. Панина при публикации материалов городища Янычково на Средней Тавде проиллюстрировали это своеобразие... фрагментами типичной кинтусовской керамики, поместив их

среди юдинских, заодно однозначно связав с юдинским слоем памятника и классический комплекс кинтусовских вещей [Морозов, Панина, 1997. – С. 77–78; рис. 2, 3, 11 – 1, 5, 7].

Очевидно, что уже настало время упорядочить хотя бы имеющиеся материалы средневековых памятников бассейна Тавды, четко разделив древности двух соприкасающихся здесь культурно-исторических общностей. А для этого неизбежно придется отказываться от некоторых понятий, ставших уже, казалось бы, привычными.

Западная граница нижнеобской культуры и, соответственно, объ-иртышской КИО к северу от р. Сосьвы очерчивается очень условно по Уральским горам на участке между тремя пещерными памятниками с находкам керамики зеленогорского типа: от Усть-Вагранского грота в верховьях р. Сосьвы до Канинской и Уньинской пещер в верховьях р. Печоры [Канивец, 1964. – Рис. 44, 45]. В Усть-Вагранском гроте В. Н. Широковым было исследовано погребение с находками характерных керамических сосудов зеленогорского этапа нижнеобской культуры и бронзовых височных подвесок конца VI – начала VIII вв. [Югорск..., 1997. – С. 31]. Эта полоса в 250 км западных и восточных предгорий Урала остается практически не исследованной, как и прилегающий к ней с востока обширный равнинный участок бассейна Пелыма и верхнего и среднего течения Лозьвы. Единственным памятником объ-иртышской КИО в этом регионе является почти полностью раскопанное поселение XIII–XIV вв. Атымья I в верховьях Пелыма [Морозов, Сериков, 1999. – С. 175–182].

Далее к северу граница ареала памятников нижнеобской культуры и объ-иртышской общности резко заворачивает на запад, захватывая обширный регион Европейского Северо-Востока. Здесь в лесной зоне Верхнего и Среднего Припечорья, Верхней и Средней Вычегды во многих пунктах отмечены места находок керамики зеленогорского этапа нижнеобской культуры. Как правило, на памятниках она найдена совместно с керамикой бичевницкой культуры на Печоре и ванвиздинской культуры на Вычегде [Королёв, 1989. – С. 8–9, 13–14; рис. 3 – 4; Мурыгин, 1992. – С. 142–143; Мурыгин, Королёв, Ляшев, 1984. – С. 25–26; рис. 1]. Пока не совсем ясно, какой характер носило это проникновение западносибирского населения в VI–VII веках. Вероятнее всего, это была достаточно мирная инфильтрация подвижных коллективов сибирских охотников в дружественную среду населения бичевницкой культуры лесного Припечорья. В пользу именно этого свидетельствуют факты направления инфильтрации печорского населения в верховья Северной Сосьвы и низовья Оби. На городищах Няксимволь и Усть-Полуй были найдены поздние комплексы керамики бичевницкого типа, выделенные в свое время В. И. Мошинской в первую группу усть-полуйской посуды [Мошинская, 1953. – С. 107, 111; табл. I; Мурыгин, 1989. – С. 87], причем средневековые находки Усть-Полуя включают и бичевницкую, и зеленогорскую керамику.

Чуть ранее продвижения на западные склоны Урала западносибирское таежное население из районов, прилегающих к низовьям Оби, начинает осваивать тундровую зону. В результате этого в тундрах Западной Сибири на базе традиций карымского и зеленогорского этапов нижнеобской культуры складывается своеобразный тиутейсалинский тип памятников. Завершение этого процесса относится, судя по результатам радиоуглеродного датирования сооружения I поселения Тиутей-Сале, по крайней мере, к концу V – началу VI веков [Ушедшие в холмы..., 1998. – С. 66]. С этого времени памятники тиутейсалинского типа как бы окаймляют с севера ареал нижнеобской культуры. Сосуды типа Тиутей-Сале имеют много общего в орнаментации и наборе употребляемых ромбических, уголовых, S-видных и прочих штампов с карымской и зеленогорской керамикой, но весьма отличаются от таежных сосудов формой сильно утолщенных венчиков и частым употреблением низких поддонов-подставок [Ушедшие в холмы..., 1998. – С. 36–37; рис. 20].

В VI–VII веках, одновременно с миграциями зеленогорского населения в лесное Припечорье, начинается расселение коллективов охотников на диких северных оленей, носителей тиутейсалинского типа керамики из Западной Сибири в Большеземельную и, частично, в Малоземельную тундру, вплоть до Тиманского кряжа. Здесь они столкнулись с населением той же бичевницкой культуры и оставили большое количество памятников со смешанными комплексами керамики бичевницкого и тиутейсалинского типов. А. М. Мурыгин предлагает приуральские тундровые материалы, соответствующие тиутейсалинскому типу, выделить в субарктическую археологическую культуру [Мурыгин, 1984. – С. 23–26; 1992. – С. 152–167].

Непрерывная традиция, продолжавшая западносибирские зеленогорский и тиутейсалинский типы памятников, в бассейне Печоры не прослеживается, слишком слабо изучена эта территория. Но име-

ются отдельные факты, позволяющие утверждать, что население, генетически связанное с культурами объ-иртышской общности, продолжало проживать в северной тайге и тундрах Припечорья еще в начале II тысячелетия н. э.

Единственным средневековым некрополем, известным в этой зоне, является Нерицкий могильник X–XI вв. на Средней Печоре [Археология Республики Коми, 1997. – С. 488–495; рис. 3–5]. Его погребальный обряд и многие предметы инвентаря имеют широкие аналогии в материалах могильников Северо-Западной Сибири, но совершенно необычны для некрополей вымской культуры Европейского Северо-Востока. Кроме вещей интернациональных типов, в Нерицком могильнике были найдены специфические западносибирские бронзовые изделия — пряжки с изображением медведей, кресала с зооморфными рукоятями, плоская антропоморфная подвеска. Среди малочисленных находок сосудов, имеющих признаки бичевницкой или ванвиздинской керамики, выделяется один, сочетающий в себе митровидную форму с поддоном тиутейсалинского типа посуды и гребенчатую «шахматную» орнаментальную зону на шейке, характерную для керамики кинтусовского этапа нижнеобской культуры [Археология Республики Коми, 1997. – С. 494–495; рис. 5 – 47].

О. В. Овсянников практически полностью исследовал раскопками два средневековых городища, располагавшихся в самых низовьях Печоры: Ортинское второй половины X–XII вв. и городище на р. Гнилке XII–XIV вв. [Овсянников, 1994. – С. 133–163; Ясински, Овсянников, 2003. – С. 60–103]. О. В. Овсянников датировал Ортинское городище VI – началом XI вв., а в истории городища на р. Гнилке выделял два периода: укрепленного поселения местного населения VI–X вв. и русско-го становища XII–XIII вв. Его столь заниженные датировки вытекали из ссылок на аналогии находкам с городищ бронзового западносибирского литья среди древностей оронтурского этапа VI–IX вв. нижнеобской культуры по В. Н. Чернецову. На ошибочность этих датировок я уже указывал выше. Разбор хронологии и интерпретации этих памятников не являлся моей задачей, я лишь позволил себе указать заведомо широкие рамочные датировки двух кратковременно существовавших городищ, которые устанавливаются по многочисленным аналогиям материалу, опубликованному О. В. Овсянниковым. Специфическая черта этих памятников — довольно большое количество находок западносибирского бронзового литья (ножи с бронзовыми рукоятями с птицевидными завершениями, полая и плоские зооморфные отливки, зооморфная пряжка, фрагмент застежки с окончанием в виде головки животного, ростовая антропоморфная фигурка). Различаются эти два памятника отсутствием вещей русского привоза на Ортинском городище и их обилием и разнообразием на городище и святилище на р. Гнилке, что точно отражает их хронологию. Оба этих маленьких городища имеют сходную систему оборонительных сооружений: прямоугольные в плане крепости с прямыми пряслами стен, оконтуренных неглубоким нешироким рвом с разрывами-перемычками в местах прохода на городища; двухрядная тарасная конструкция стен с перерубами и внутренней грунтовой забутовкой их основания, конструкция ворот в виде выступающего за линию стен тамбура. По мнению О. В. Овсянникова, все это свидетельствует «об определенной устойчивой культурной традиции», наиболее близкие и прямые аналогии которой он совершенно справедливо усматривает в конструкции средневековых городищ Северо-Западной Сибири [Овсянников, 1994. – С. 147–150; Ясински, Овсянников, 2003. – С. 87]. Хотелось бы добавить, что конструкция дерево-земляных укреплений нижнепечорских городищ полностью соответствует традициям фортификационного зодчества населения нижнеобской культуры, сложившейся еще в конце карымского этапа и сохранявшейся до позднего средневековья.

Восточнее Урала наиболее близкой аналогией городищам припечорской тундры является городище Ярте VI (конца XI – начала XII вв.) на р. Юрибей на среднем Ямале. Их сближает не только сохранение западносибирских таежных традиций фортификаций и бронзолитейного производства, но и практически полное отсутствие керамической посуды, а также очень специфический набор костяных изделий [Головинёв, Зайцев, 1992. – С. 12–13, 90–93; Ясински, Овсянников, 2003. – Рис. 5, 7]. Вероятно, все эти городища следует рассматривать не изолированно, а объединять в один тип памятников начала II тысячелетия н. э. субарктической тундровой зоны.

К этому же типу памятников будут относиться поздний комплекс XII–XIV вв. поселения Тиутей-Сале I [Ушедшие в холмы..., 1998. – С. 18, 21–23], комплекс начала II тысячелетия святилищ Хэйбидя-Пэдарского в Большеземельской тундре и Болванский Нос I и II на острове Вайгач, содержащие, кроме привозных прикамских, вычегодских, русских и болгарских вещей, предметы западносибирской

бронзовой пластики [Мурыгин, 1984. – Рис. 3 – 1, 4, 13, 14; 1992. – Рис. 11 – 8; 15 – 1; 16 – 11, 17; 18 – 3, 8, 9; Хлобыстин, 1993а. – С. 16; рис. 1 – 18–20, 23, 24, 31; Ясински, Овсянников, 2003. – С. 32; рис. 29 – 1, 2, 4], а также материалы сборов этого же периода с р. Таз [Хлобыстин, Овсянников, 1973. – С. 248–257; Чернецов, 1957. – Табл. VII – 4–12]. Этот тип памятников, который можно назвать яртинским, вне всяких сомнений следует рассматривать в рамках объ-иртышской КИО.

Далее к северо-востоку и востоку от места обнаружения находок в низовьях р. Таз расположена совершенно не исследованная зона тундры Гыданского полуострова и лесотундры Тазовско-Енисейского междуречья. Так что на сегодняшний день условной северо-восточной границей объ-иртышской общности следует считать бассейн р. Таз, учитывая, что среднее и верхнее течение его также не исследованы [Косинская, Фёдорова, 1994. – С. 85–87].

Однако почти в 500 км к северо-востоку от устья р. Таз, в южной части тундры Таймырского полуострова в верховьях р. Пясины Л. П. Хлобыстиным было открыто и изучено поселение Дюна III, на котором был выявлен чистый однослойный комплекс керамики вожпайского типа [Хлобыстин, 1993. – С. 19–27; 1998. – С. 138–147; рис. 143–158]. Л. П. Хлобыстин выделял отдельную вожпайскую культуру IX–X вв., отличая ее от оронтурских памятников Конды, Тавды и лесного Прииртышья. Происхождение ее он выводил из рёлкинской культуры VI–VIII вв. Нарымского Приобья, считая ареалом ее формирования «Обь-Иртышье и Среднюю Обь, реки, текущие с Сибирских увалов». Этнос носителей вожпайской культуры определял как самодийский — прямых предков ненецкого и энецкого народов [Хлобыстин, 1993. – С. 144–146].

По моим представлениям, вожпайский тип является наиболее ранним хронологическим типом керамики кинтусовского этапа нижнеобской культуры. Появление такого памятника, как Дюна III, на значительном удалении от основного ареала объ-иртышской общности свидетельствует, прежде всего, о высокой мобильности отдельных коллективов населения Северо-Западной Сибири. Примерно то же самое наблюдалось и на западе — в таежном и тундровом Припечорье. Оценить последствия и масштабы проникновения носителей вожпайского типа керамики в инородную среду населения Таймырского Заполярья всего лишь по одному памятнику невозможно. Пока что поселение Дюна III является лишь крайним северо-восточным пунктом, маркирующим предел продвижения носителей объ-иртышской КИО.

К югу от р. Таз восточная граница ареала нижнеобской культуры и объ-иртышской КИО обозначена памятниками, открытыми В. А. Посредниковым в верхнем течении р. Вах. В материалах сборов на поселениях Корлики и Чехломеевское III имелись мелкие фрагменты неопределимой до типа средневековой керамики [Посредников, 1969. – С. 76–78, 81–82; табл. 30 – 1, 2; 31 – 13, 14]. Из сборов с поселения Большеларьякское I и из раскопок с поселения Большеларьякское II происходят фрагменты керамики, орнаментированной налепными валиками и желобками [Посредников, 1969. – С. 83; табл. 31 – 15; 1973. – Табл. 4, 5 – 6]. Такая керамика характерна для карымского и зеленогорского этапов нижнеобской культуры и для рёлкинской культуры. Примечательно, что Л. А. Чиндина на основании этих материалов все четыре памятника отнесла к рёлкинской культуре, обозначив таким образом пределы ее северного ареала [Чиндина, 1991. – Рис. 1]. В. А. Могильников был более осторожен, отнес к памятникам рёлкинской культуры лишь один — поселение Чехломеевское III, одновременно обозначив его же на другой карте как памятник вожпайского типа, и все это на основании находки двух мельчайших фрагментов керамики [Могильников, 1987. – Карты 39, 42].

На поселении Большеларьякское II В. А. Посредниковым были проведены небольшие раскопки, средневековая керамика из которых была разделена им на типологические группы, аналогии двум из которых он находил в материалах карымского-оронтурского времени Нижнего Приобья [Посредников, 1969. – С. 83–84; табл. 39; 1973. – С. 89–91; табл. 4 – 1–4, 7–13]. Выделенная В. А. Посредниковым третья типологическая группа, по моим представлениям, соотносится с поздними комплексами кучинского этапа, четвертая типологическая группа — с кинтусовским этапом нижнеобской культуры Сургутского Приобья.

Восточные пределы распространения ареала объ-иртышской КИО южнее р. Вах определяются приблизительно по границе Обь-Енисейского водораздела, то есть по верховьям Тыма, Кети, среднему течению Чулыма и Томи. Правда, реальными средневековыми археологическими памятниками, тем более исследованными раскопками, эта граница маркируется очень неточно [Ожередов, Яковлев, 1993; Чиндина, Яковлев, Ожередов, 1994]. Здесь совпадают границы объ-иртышской КИО и включаемой

в нее рёлкинской культуры [Чиндина, 1993. – С. 7]. Очень слабая археологическая изученность Енисея к северу от Красноярска делает эту границу сугубо условной.

Рёлкинская культура VI–IX вв. Томско-Нарымского Приобья выделена Людмилой Александровной Чиндиной по материалам могильника Рёлка и поселения Малгет [Чиндина, 1970. – С. 191–202; 1991]. Ее формирование связано с автохтонной кулайской культурой Среднего Приобья при участии пришлого с юго-востока этнического (тунгусоязычного) компонента, с которым связано появление валиковой керамики (III тип керамики рёлкинской культуры по Л. А. Чиндиной). Этническая принадлежность носителей культуры трактуется как самодийская (праселькупская).

Многие вопросы рёлкинской культуры являются предметом острой дискуссии. Так, Л. А. Чиндина рассматривает памятники Томского и Новосибирского Приобья в рамках одной культуры с памятниками Нарымского Приобья [Чиндина, 1991. – С. 72–77] или одной общности с четкими локальными вариантами [Чиндина, 1991а. – С. 147–148]. Т. Н. Троицкая, О. Б. Беликова и Л. М. Плетнева соглашались с выделением единой рёлкинской культурной общности, но настаивают на существовании в ее рамках отдельной верхнеобской культуры Новосибирского и Томского Приобья [Беликова, Плетнева, 1983. – С. 124; Очерки культурогенеза..., т. 2, 1994. – С. 223–224]. Наконец, И. В. Окунева предлагает раннесредневековые памятники бассейна р. Томи, в том числе и Томского Приобья, выделять в отдельную лачиновскую культуру, отличную от верхнеобской и рёлкинской [Окунева, 1997. – С. 36–64].

В. И. Молодин выступил против однозначных интерпретаций Л. А. Чиндиной кулайской и рёлкинской культур в качестве самодийских. Он обосновал угорскую принадлежность кулайской культуры и сложную многокомпонентную угро-самодийскую — рёлкинской [Молодин и др., 1995. – С. 3–44].

Для нас необходимо выявить соотношение рёлкинской культуры с соответствующими ей по времени этапами нижнеобской культуры. Для керамической посуды рёлкинской культуры Л. А. Чиндина выделяет три типа [Чиндина, 1991. – С. 38–50; рис. 15]. В орнаментации посуды типа I использовались в основном оттиски простых гребенчатых штампов и ямки с жемчужинами. Этот тип распространен повсеместно практически во всех культурах и типах памятников объ-иртышской КИО и не является показательным. Так, подобная керамика составляет заметную часть любой достаточно крупной коллекции карымского или зеленогорского этапов нижнеобской культуры. Рёлкинская керамика типа III, орнаментированная налепными валиками и желобками, часто в сочетании с оттисками гребенчатых штампов и ямками, является столь же характерной и для карымского и зеленогорского этапов нижнеобской культуры [Зыков, Фёдорова, 2001. – Рис. 4; Фёдорова и др., 1991. – С. 131–134]. Важнейшее значение для выделения рёлкинской культуры и обоснования ее прямой преемственности от кулайской имела фигурно-штампованная керамика вариантов Б и В типа II, в орнаментации которой ведущее значение имел штамп «уточка» во многих его модификациях [Чиндина, 1991. – С. 47–48; рис. 15]. Схема, предложенная Л. А. Чиндиной, получалась очень убедительной, пока приходилось ее сравнивать с соответствующими этапами периодизации В. Н. Чернецова.

Накопление нового материала, особенно в Сургутском Приобье, появление иной периодизации нижнеобской культуры сразу же поставили вопросы, касающихся интерпретации памятников рёлкинской культуры. Во-первых, вызывает обоснованные сомнения возможность прямого генезиса рёлкинской керамики непосредственно из кулайской. Единственным надежно датированным памятником с рёлкинской керамикой типа II является собственно могильник Рёлка конца VI–VII вв. [Чиндина, 1977. – С. 79]. Радиоуглеродные даты поселений рёлкинской культуры Малгет и Турбабино II дают очень большой разброс от 1-й половины V в. до конца X – начала XI вв., не попадая в интервал датировок могильника Рёлка. В него хорошо укладывается лишь одна дата образца с поселения Кисловка II Томского Приобья, но в его материалах как раз нет рёлкинской керамики типа II [Чиндина, 1991. – С. 68]. Позднейшие памятники таежного Приобья с кулайской керамикой датируются никак не позднее II–III вв. [Борзунов, Зыков, 2003. – С. 106–107; Зыков, Фёдорова, 2001. – С. 126]. Позднекулайская керамика из комплексов фоминской культуры Верхнего Приобья Ю. В. Шириним датируется несколько более поздним временем, в пределах рубежа II–III – IV вв. [Ширин, 2003. – С. 114]. Таким образом между кулайской керамикой и рёлкинской посудой типа II лежит хронологическая лагуна в два-три столетия.

В материалах нижнеобской культуры этот период более плотно заполнен памятниками карымского и зеленогорского этапов. Каких-либо памятников, сопоставимых с ними, Л. А. Чиндина для Нарымского Приобья не выделяет. Хотя достаточно широкое применение в орнаментации рёлкинской керамики фигурных ромбических и крестовых штампов убеждает как раз в том, что без этапа, соответствующего

по содержанию карымскому, ее генезис вряд ли возможен. На мой взгляд, карымской керамике в Нарымском Приобье очень близки комплекс посуды поселения Круглое озеро II [Чиндина, Балакин, 1976. – С. 56–62; табл. V–VII] и керамика местонахождения Мигалка [Мец, Чиндина, 1995. – С. 168; рис. 6 – 1–3, 7].

В орнаментации карымской и зеленогорской керамики различные модификации «уточки» и S-образного штампа никогда не исчезали, но находили ограниченное применение. Новый всплеск их применения приходится в Сургутском Приобье на рёлкинский этап. На Барсовой Горе в материале городищ Барсов городок II/11, II/13 и II/15 найдена керамика, сопоставимая с классической рёлкинской типа II. Синхронность этих памятников могильнику Рёлка вполне очевидна: на городище Барсов городок II/15 были найдены бронзовая накладка-псевдопряжка и обломок прямоугольной накладки с изображением медведя в жертвенной позе, а городище Барсов городок II/11 расположено рядом с Барсовским V могильником, составляя с ним единый поселенческо-погребальный комплекс конца VI–VII вв. [Карачаров, 1991. – С. 135]. В целом, и рёлкинские комплексы Нарымского Приобья, и рёлкинского этапа нижнеобской культуры Барсовой Горы относятся к периоду распространения в таежной и лесостепной зоне Западной Сибири поясной геральдической гарнитуры «стиля псевдопряжек» и сопутствующего им комплекса вещей. Они должны синхронизироваться с агафоновской стадией ломоватовской культуры и бартымской стадией неволинской культуры, датирующихся концом VI – VII вв. [Голдина, 1985. – С. 126–128; рис. 16; Голдина, Водолого, 1990. – С. 92–93; табл. LXVII]. Следовательно, «классическая» зеленогорская керамика, описанная В. Н. Чернецовым [1953. – С. 66–68] и представленная на Барсовой Горе материалами городищ Барсов городок II/1, II/8 и II/12, должна относиться к несколько более раннему времени, скорее всего, к VI – началу VII вв. Это положение подтверждается стратиграфией могильника Зелёный Яр на протоке Горный Полуи, где выявлены металлообрабатывающий комплекс с керамикой зеленогорского типа и более поздний жертвенный комплекс с сосудом рёлкинского облика и крупным фрагментом пояса с восемью типами серебряных геральдических накладок, в том числе и псевдопряжками и бронзовой накладкой с изображением человека-лося («сульде») [Зелёный Яр..., 2005. – С. 66–69, 260; Ражев, Фёдорова, 2002. – С. 12–13].

В настоящее время нет веских оснований отрицать самостоятельное значение рёлкинской культуры. Все же ее посуда типа II достаточно специфична. За пределами Барсовой Горы в Сургутском Приобье и Нижнем Приобье нам пока известны только единичные находки керамики похожей на рёлкинскую [Зыков, Кокишаров, 2001. – Рис. 26 – 10]. Возможно, она еще просто неопознана. Ведь и городища Барсов городок II/11, II/13 и II/15 исследовались раскопками на очень небольшой площади, и при поверхностном анализе их керамических коллекций выявлялись, прежде всего, признаки, сближающие эти памятники с хорошо знакомыми зеленогорскими. Над специалистами, работающими в Сургутском и Нижнем Приобье, еще недавно полностью довлела схема В. Н. Чернецова, в которой для рёлкинской керамики попросту не было места. Именно такой подход автора этих строк и нашел отражение в описании керамики зеленогорского типа и особенно — в подборе иллюстраций к нашей совместной публикации 1991 года [Фёдорова и др., 1991. – С. 134; рис. 2Б – 3–12].

Л. А. Чиндина считает, что «зеленогорский тип керамики безусловно отсутствует в Среднем Обь-Иртышье, то есть там, где выделены потчевашская и рёлкинская культуры. Точно так же трудно предположить наличие рёлкинских и потчевашских типов в Нижнем Приобье» [Чиндина, 1993. – С. 54]. Выше уже было сказано, что ранняя потчевашская керамика и есть зеленогорская, а поздняя — кучиминская. На сегодняшний день доказывать это не требуется, достаточно просто сравнить любую достаточно большую опубликованную подборку рисунков потчевашских сосудов [Чагаева, 1970. – Табл. I] и зеленогорских и кучиминских сосудов Сургутского или Нижнего Приобья [Зыков, Кокишаров, 2001. – С. 54–57; рис. 25 – 11, 12; 26; 27; 28 – 1–3; Фёдорова и др., 1991. – Рис. 2]. А вот отсутствие «классической» зеленогорской керамики в Нарымском Приобье для меня остается загадкой. Пока объяснение этому не будет найдено, то есть пока не будут обнаружены зеленогорские памятники в Нарымском, а уверенно соотносимые с рёлкинскими — в Нижнем Приобье, рёлкинская культура будет иметь безусловное право на существование. Перспективность такого поиска я не исключаю, в этом убеждают более поздние памятники Нарымского Приобья.

По мнению томских археологов, все три классических типа керамики рёлкинской культуры практически в неизменном виде бытуют до первой половины IX века, после чего их сменяют позднерёлкинские памятники второй половины IX – X веков с керамикой юторского типа [Березовская, Лоскутова,

Чиндина, 1993. – С. 83, 88; рис. 5; Чиндина, 1991. – С. 50–51, 78; рис. 7 – 2–8, 15; Чиндина, Яковлев, Ожередов, 1990. – С. 50]. Юторский тип керамики, по их представлениям, является синтезом трех предыдущих рёлкинских типов. Представлен он немногочисленной серией сосудов, происходящих большей частью с городища Ютор I и поселения Малгет 9, датируется в основном по встречаемости такой керамики в комплексе с вожпайской на городищах Тух-Эмтор IV и Остяцкий Бор [Чиндина, 1991. – С. 78]. На мой взгляд, юторский тип, особенно его вариант Б, соответствует керамике конца кучиминского этапа VIII–IX веков нижнеобской культуры Сургутского Приобья, непосредственно предшествующей раннему типу керамики кинтусовского этапа — вожпайскому концу IX – X веков.

Памятники кинтусовского этапа нижнеобской культуры выявлены практически на всей территории Нарымского Приобья, как на самой Оби, так и на ее притоках — Тyme, Васюгане, Парабели, Шудельке: городища Неготкинское II, Тух-Эмтор IV, Остяцкий Бор, поселения Белка 2, Павлово-Парабельское, Иготкинское, местонахождения Родайка, Ланга, Мигалка [Боброва, 1999. – С. 46–48; рис. 4 – 1; 2001. – С. 131; рис. 5 – 5; Кирюшин, 1976. – С. 35–37; табл. IX, X; Мец, Чиндина, 1995. – С. 169; рис. 7 – 3, 5; Семенова, 2001. – Рис. 34 – 2, 3; Чиндина, Яковлев, Ожередов, 1990. – С. 51]. В публикациях томских археологов эти памятники принято относить к вожпайской культуре IX–X веков, выделенной Л. П. Хлобыстиным. Действительно, он выделил не только культуру, но ее ваховско-васюганский вариант по материалам Большеларьякского II поселения и городища Тух-Эмтор IV. Для этого варианта он считал характерной керамику с валиками под венчиком и некоторыми особенностями в орнаментации, отличающими ее от собственно вожпайской керамики поселения Дюна III и городища Вож-Пай [Хлобыстин, 1993. – С. 23]. Однако, как показывают материалы Сургутского Приобья, эти особенности являются не локальными, а хронологическими, характерными для собственно кинтусовской керамики второй половины X – XI веков. Судя по опубликованным иллюстрациям керамики Нарымского Приобья, она относится в основном не к вожпайскому, а именно к этому более позднему типу кинтусовского этапа нижнеобской культуры.

По представлениям томских археологов, кинтусовские памятники в Среднем Приобье существовали изолированно, почти не смешиваясь с одновременными памятниками с юторской керамикой второй половины IX – X вв. и с пострёлкинской валиковой керамикой X–XI вв. Последний тип выделяется исключительно по незначительным, сильно фрагментированным сборам со всей территории Нарымского Приобья [Боброва, 1999. – С. 48; рис. 4 – 2–4; Мец, Чиндина, 1995. – С. 169; рис. 7 – 4; Чиндина, Яковлев, Ожередов, 1990. – С. 50–51]. Такая реконструкция ситуации кажется достаточно искусственной. Для меня совершенно очевидна хронологическая последовательность юторских (позднекучиминских) и кинтусовских памятников, более того — их преемственность. Позиция так называемой пострёлкинской керамики совершенно не ясна; не исключено, что она может датироваться несколько более поздним временем, по сравнению с кинтусовской керамикой конца IX – середины XII веков.

Хотелось бы обратить внимание читателя на весьма любопытное обстоятельство: формирование средневековых культур в Нарымском Приобье началось в конце раннего железного века от единой для всей таежной зоны Северо-Западной Сибири кулайской культуры на ее саровском этапе, а завершилось в конце IX – середине XII веков столь же единым для всего региона кинтусовским типом памятников. Монолитность последнего на всем пространстве таежного Обь-Иртышья вряд ли кто-нибудь сегодня будет серьезно оспаривать. Эти исходную и конечную точки культурогенеза необходимо учитывать при любом ракурсе рассмотрения рёлкинской культуры раннего средневековья: ее происхождения, периодизации и хронологии, этнической интерпретации, направленности и характера внешних культурных связей и т. д.

ГЛАВА 3

НИЖНЕОБСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В СУРГУТСКОМ ПРИОБЬЕ

Нижнеобская культура в том понимании, которое я в нее вкладываю, представляет собой тип памятников таежной зоны Северо-Западной Сибири, для которых характерна круглодонная керамическая посуда с фигурно-штампованной орнаментацией, синхронно и сходно эволюционирующая во всем ареале культуры. Керамика является самым точным индикатором культуры, позволяющим фиксировать ее изменения во времени, разделяя археологический материал по хронологическим периодам — этапам, и проследить различия между территориальными группировками памятников, выделяя локальные варианты. Конечно же, кроме керамики для памятников нижнеобской культуры отмечается единство или близкое сходство и всех других археологически фиксируемых форм материальной культуры — домостроения, фортификационного зодчества, погребального обряда, культовой практики, прикладного искусства, украшений прически и костюма, морфологии и технологии изготовления оружия и орудий труда и т. д. Однако керамическая посуда в силу своей массовости и присущей ей богатой орнаментации, очень изменчивой во времени, что является характерной деталью именно керамики нижнеобской культуры, является гораздо более универсальным видом археологического источника.

Целью этой работы не является дать характеристику нижнеобской культуры на всем ее огромном ареале таежной зоны Северо-Западной Сибири, то есть в том виде, как ее выделил В. Н. Чернецов. Моя задача — характеристика нижнеобской культуры второй половины IV – XII веков в Сургутском Приобье, под которым я понимаю участок почти широтного течения реки Обь от устья р. Вах на востоке до устья р. Иртыш на западе вместе с бассейнами всех ее притоков, как левых (южных) — Большого Югана, Балыка, Салыма, так и правых (северных) — Агана, Лямина, Назыма. Естественно, здесь упомянуты только наиболее крупные обские притоки на этом участке, множество более мелких рек, а уж тем более приток и обских притоков, вообще не названы. Это огромный участок западносибирской средней и северной тайги протяженностью 450 км с запада на восток и около 500 км с севера на юг. Сегодня здесь находятся крупнейшие города ХМАО – Югры: Сургут, Нефтеюганск, Нижневартовск. Именно по расположенному в самом центре этой условной территории городу Сургуту она и получила свое название.

На сегодня Сургутское Приобье является самым изученным регионом во всей Северо-Западной Сибири. Именно здесь расположены два крупнейших скопления археологических памятников — урочища Барсова Гора и Сайгатино. Со степенью их археологической исследованности несопоставимо ни одно из изученных скоплений западносибирских памятников. И значительную часть исследованных памятников этих урочищ составляют именно городища, поселения, могильники и святилища ранне-средневековой нижнеобской культуры.

Начало нижнеобской культуры связано с завершением функционирования предшествующей кулайской культуры и/или кулайской культурно-исторической общности. Переход этот происходил, прежде всего, в орнаментации керамики, и за ним не следует видеть каких-либо крупных сдвигов в сколько-нибудь значимых сферах материальной культуры. Это, на мой взгляд, всего лишь фиксация этапа эволюционного развития, совпадающего с традиционным делением археологического материала на эпохи раннего железного века и средневековья (позднего железного века). Видимо, совершенно не принципиально, по какому рубежу это деление проводить: в более ранний период, как предлагал в своей периодизации нижнеобской культуры В. Н. Чернецов, выделявший ярсалинский этап II–III вв. н. э. [Чернецов, 1957. – С. 137–138], или в более поздний, как сделал в своей сводке средневековых памятников Западной Сибири В. А. Могильников, отнесший карымский этап к раннему железному веку [Могильников, 1987. – С. 163–164, 206]. Возможно, логичнее памятники с ярсалинским типом керам-

ки рассматривать в рамках кулайской культуры, а памятники карымского этапа, хронология наиболее поздних из которых может заходить в VI век, следует отнести уже к эпохе средневековья, а значит, и к нижнеобской культуре.

Единственный регион Северо-Западной Сибири, где переход от кулайской культуры к карымскому этапу нижнеобской культуры был достаточно резким, — это Среднее Прииртышье. Здесь в конце своего существования кулайская культура значительно расширила ареал за счет включения северной лесостепи Барабинской низменности и Ишимо-Иртышской равнины, а при переходе от кулайского к карымскому типу памятников произошло столь же резкое сокращение ареала уже нижнеобской культуры до южной границы тайги в Тарском Прииртышье. Эта «пульсация» ареала таежных культур была отражением бурных событий начавшегося Великого переселения народов — это вторжения в лесостепи Западной Сибири хунну-гуннов, распад под их ударами союза лесостепных угорских племен саргатской культуры и уход «осколков» этих племен из лесостепей Прииртышья и Приишимья на запад, временное заселение переселившимися из тайги носителями кулайской культуры опустевших пространств, а затем отток их под натиском гуннов обратно в южнотаежные районы Тарского Прииртышья и Нижнего Притоболья [Зыков, 2002. – С. 47–50; Зыков, Фёдорова, 2001. – С. 19–25]. Эти события существенно не затронули глубинные таежные регионы, в том числе и Сургутское Приобье, не прервав здесь плавного эволюционного развития культуры. Другое дело, что смена внешнего этнокультурного окружения и временное разрушение традиционных торговых связей не могли не повлиять на ход и облик этой эволюции.

В недавно вышедшей монографии Ю. П. Чемякин обосновывает финальную дату раннего железного века Сургутского Приобья. Он считает, что «наиболее выразительными памятниками поздней стадии кулайской культуры являются городище Барсов городок I/4, селища Барсова гора IV/13 и I/21, святилище на городище Барсов городок I/9, могильники Барсовский III и VII. Хронологические рамки сургутского варианта кулайской общности, видимо, не выходят за пределы III в. н. э.» [Чемякин, 2008. – С. 92]. Я же считал и считаю, что самыми поздними надежно датированными I – началом III вв. н. э. могильниками с керамическими сосудами являются Барсовский VII и III (именно в такой последовательности). Но их посуда, как и керамика с самых поздних кулайских селищ и городищ Барсовой Горы, по форме и орнаментации еще сильно отличается от керамических сосудов карымского этапа нижнеобской культуры [Борзунов, Зыков, 2003. – С. 105–107; рис. 7].

Вывод из этого очень простой и очень обидный для многих археологов, работавших в Сургутском Приобье: на сегодня мы не имеем ни одного поселенческого памятника II–IV вв. н. э., исследованного раскопками, керамическая коллекция которого закрыла бы уже оставшуюся совсем небольшой брешь между коллекциями раннего железного века и раннего средневековья. В том, что карымский керамический комплекс происходит от комплекса кулайской культуры, я не сомневаюсь. Но только не непосредственно от комплекса 3-й стадии кулайской культуры по Ю. П. Чемякину [Чемякин, 2008. – С. 91–93], а от более позднего, пока еще гипотетического, керамического комплекса, очень схожего с ярсалинским, хорошо известным в Нижнем Приобье, на Конде и в Нижнем Прииртышье.

О том, что Сургутское Приобье в этот пока «темный» для археологии период было заселено и здесь продолжалась весьма бурная жизнь, свидетельствуют два ярких памятника, не содержащих, к сожалению, керамических сосудов: могильник Агрньёган I [Перевалова, Карачаров, 2006. – С. 62–71] и Холмогорский «клад» [Зыков, Фёдорова, 2001]. Эти комплексы очень близки между собой, некоторые вещи почти тождественны (агрньёганский бронзовый котел хуннского типа, железные наконечник копья, втульчатый топор, железные трехлопастные черешковые и бронзовый втульчатый наконечники стрел, втулка-обойма, железные кинжалы с литыми бронзовыми рукоятями, бронзовые круглые бляхи с центральным отверстием, бронзовые личины практически аналогичны холмогорским). Но набор бронзового антропоморфного и зооморфного литья, круглых поясных блях и особенно стеклянных бус — различны. Так что при всей близости комплексов Холмогорский, наиболее вероятная дата захоронения которого определена концом III – первой половиной IV вв. н. э. [Зыков, Фёдорова, 2001. – С. 145], был явно чуть моложе Агрньёганского, который был захоронен, скорее всего, в III веке. Но, в любом случае, они оба моложе погребений 1 и 2 кулайского Барсовского III могильника и синхронного имклада на городище Барсов городок I/20.

Датировка периода сложения Холмогорской коллекции в течение III в. н. э. и времени ее захоронения в конце III – первой половине IV вв. н. э. остается неизменной, но вот предложение о возможности соотнесения ее с началом карымского этапа нижнеобской культуры [Зыков, 2006. – С. 113] следует

считать слишком поспешным. Вероятнее всего, комплексы могильника Агрнъёган I и Холмогорской коллекции следует относить к финалу сургутского варианта кулайской культуры.

Прекращение существования нижнеобской культуры связано с изменениями во всем археологически фиксируемом спектре материальной культуры населения таежной зоны Северо-Западной Сибири, произошедшими в XII–XIV веках. За ними стояли процессы как внутреннего социально-экономического развития коллективов Обь-Иртышья, так и — во многом определившие их — внешние этнокультурные, экономические и политические факторы, прежде всего — вхождение региона в сферу интересов средневековых феодальных государств: Волжской Болгарии, Золотой Орды и княжеств Северо-Восточной Руси.

Самым ярким археологически фиксируемым изменением, лишь косвенно связанным со всеми этими процессами, стала быстрая деградация производства керамической посуды с конца XII века. К XIII веку она фактически вышла из сферы быта большей части населения таежной зоны Северо-Западной Сибири. Поэтому, с точки зрения строгой археологической классификации, финалом нижнеобской культуры необходимо считать XII век — рубеж, на котором обрывается традиция развития керамики с фигурно-штампованной орнаментацией. С этого момента на смену памятникам с большим количеством находок фрагментов керамики появляются фактически «бескерамические» поселения и городища. В археологических систематизациях керамику заменяют другие виды источников. Уже по этому показателю археологические памятники периода до и после конца XII века не являются полностью сопоставимыми. Следует заметить, что никакого иного содержания в ограничение временных рамок нижнеобской культуры именно этим рубежом вкладывать не следует.

КАРЫМСКИЙ ЭТАП (2-я половина IV — начало VI вв.)

Карымский этап (IV–V вв. н. э.) выделен В. Н. Чернецовым по керамике второй половины группы городища Ус-Толт близ поселка Карым. Особых нареканий выделенная керамическая группа не вызывает, разве что из нее следует исключить ошибочно попавшие фрагменты более поздних этапов — зеленогорского и кинтусовского [Чернецов, 1957. — С. 180–185; табл. VII — 4–12; XVIII — 1–7, 12]. Этап был датирован IV–V вв. н. э. по материалу четырех курганов Козловского могильника [Чернецов, 1957. — С. 162, 164; табл. XI]. Немногочисленный материал этого памятника позволяет датировать его временем не ранее V века, в частности, парные бронзовые пряжки из курганов 2 и 4 с округлой рамкой без щитков, с утолщением рамки в передней части, с длинным изогнутым язычком, далеко выступающим за рамку, в памятниках Крыма, Подунавья и Южного Урала неизвестны в IV веке и появляются в начале V века [Амброз, 1980. — С. 21; рис. 7 — 3]. Бронзовые круглопроволочные гривны, аналогичные находке из кургана 1, встречаются в памятниках Приуралья со II по VII века [Лецинская, 1994. — Рис. 13Г — 1].

В статье Н. П. Матвеевой было сказано, что «Козловский могильник на южном берегу Андреевского озера под г. Тюменью... был открыт и исследовался В. Н. Чернецовым в 1955–1956 гг. и С. В. Зотовой в 1959–1960 гг. Могильник датирован IV–VI вв. н. э.... Вместе с тем, опубликованы лишь несколько сосудов и вещей из раскопок... Некрополь состоял из группы грунтовых погребений, сосредоточенных в наиболее возвышенной части Козлова мыса, ...и 15 мелких курганов, дугой охватывающих более большую часть мыса и его середину... При этом авторы сразу определили, что курганы и грунтовые могилы датируются примерно одинаково, ни одно погребение не нарушает другого. Поэтому они дали общую сквозную нумерацию всем 62 раскопанным объектам» [Матвеева, 2008. — С. 155]. В 2008 году «были открыты еще 14 погребений... Сосуды из могил... можно отнести к карымской, позднесаргатской, бакальской и кушнаренковской гончарным традициям, причем материалы первой явно преобладают... Пока есть все основания принимать датировку В. Н. Чернецова и относить некрополь к IV–VI вв. н. э. Факт использования курганного и бескурганного обрядов... свидетельствует в пользу понимания памятника как состоящего из разнокультурных захоронений одной полиэтнической (?) общности, в которой традиция сооружения грунтовых кладбищ в силу каких-то причин сменилась курганным обрядом» [Матвеева, 2008. — С. 156–157].

В свое время Н. В. Фёдорова, столкнувшись с несоответствием новых материалов из раскопок городищ Барсовой Горы периодизации В. Н. Чернецова, предложила модифицировать ее, расширив рамки

карымского этапа до V — начала VIII вв. н. э. Она предлагала включить в него памятники с типами керамики, явно предшествующими оронтурским, но отсутствующие в схеме В. Н. Чернецова [Фёдорова, 1981. — С. 140–142]. Намерения Н. В. Фёдоровой были понятны всем археологам, знакомым с тогдашними средневековыми коллекциями Барсовой Горы, но новая периодизация была неверна по сути. Она перегружала хорошо обоснованный и верно датированный В. Н. Чернецовым карымский этап большим количеством более позднего материала, превращая его в малопонятную громоздкую конструкцию, и в тоже время сохраняла искусственно созданный «оронтурский этап», правда, в более узких рамках VIII–X веков. В итоге в новой периодизации средневековых памятников Сургутского Приобья, созданной коллективом екатеринбургских археологов, все эти противоречия были устранены: карымский этап был оставлен в том виде, в каком его выделение было обосновано В. Н. Чернецовым, новые материалы были выделены в отдельные зеленогорский и кучиминский этапы, а от употребления понятия «оронтурский этап» было предложено отказаться [Фёдорова и др. 1991. — С. 126–137].

Прямой генезис керамики карымского этапа от позднекулайской ярсалинской, который предполагал В. Н. Чернецов, сейчас совершенно очевиден. Наиболее ярко это иллюстрируют материалы однослойного поселения Ипкуль XV в Нижнем Притоболье, где в трех исследованных жилищах зафиксирован переходный ярсалинско-карымский комплекс керамики [Корякова, Морозов, Суханова, 1988. — С. 120–125; рис. 1 — IV, 11, 13, 17, 19–21, 27, 28]. Материалы поселения не дают возможности датировать его достаточно узко. Но оно было синхронно какому-то этапу функционирования расположенного поблизости Ипкульского могильника. Этот могильник, вероятно, является самым поздним из известных сейчас памятников саргатской культуры.

Мне уже приходилось писать, что среди материалов саргатской культуры западносибирской лесостепи отсутствуют комплексы позднее конца II — первой половины III вв. н. э. [Зыков, 2002. — С. 48; Зыков, Фёдорова, 2001. — С. 20]. Могильник и ряд поселений у озера Ипкуль были оставлены небольшой группой саргатского населения, укрывшейся в тайге Нижнего Притоболья и пережившей гибель саргатской культуры в лесостепи. Поэтому в материалах могильника есть вещи, неизвестные в других позднесаргатских памятниках. Л. Н. Корякова в публикациях разных лет предлагала для Ипкульского могильника различные датировки: II–IV вв. н. э., конец II — IV–V вв. н. э., IV–V вв. н. э. [Корякова, 1988. — С. 86–87; Корякова, Фёдоров, 1993. — С. 79; Культура зауральских скотоводов..., 1997. — С. 152–153; рис. 34]. Датировка этого памятника для нас важна потому, что в погребениях 1 и 2 кургана 2 совместно с позднесаргатской посудой были найдены сосуды карымского типа [Корякова, 1988. — Рис. 29 — 5, 6]. К сожалению, кроме керамики в этих погребениях больше ничего не было, а многочисленный вещевой материал из большинства других курганов допускает достаточно широкие датировки в пределах II–V веков.

Единственным комплексом Ипкульского могильника, пригодным для узкого датирования, является, очевидно, только наиболее поздний из исследованных курган 1. В его центральном погребении 3 были найдены меч, датирующийся III–IV веками, железные кольчатые удила, нож, костяные наконечники стрел, три железных пряжки с круглой рамкой и короткими язычками, бронзовый наконечник ремня [Корякова, 1988. — С. 67, 70; рис. 20 — 1–5, 7–10]. Наконечник ремня относится к довольно редкому типу узкой удлиненной формы со скругленным концом, сделан из согнутой пополам пластины, концы которой соединены заклепкой [Корякова, 1988. — Рис. 20 — 7]. Изделия этого типа найдены в небольшом количестве в комплексах Приуралья эпохи Великого переселения народов, в которых абсолютно преобладают наконечники ремней других типов: в курганах III, V и VII Тураевского могильника конца IV — первой половины V в. н. э. [Генинг, 1976. — С. 92; рис. 27 — 12; 30 — 11, 12; 32 — 14], курганах Бродовского могильника конца IV–V вв. н. э. [Голдина, Водолаго, 1990. — С. 91; табл. XXXIII — 22, 23; LXV — 40, 42–44], погребениях V века Бирского и Каратамакского могильников [Мажитов, 1968. — Табл. 6 — 7, 8; 30 — 9; Останина, 1997. — С. 62; рис. 12; 21; 26]. В единичных экземплярах похожие наконечники найдены в Северном Причерноморье в керченских склепах гуннской эпохи конца IV — 1-й половины V вв. [Засецкая, 1979. — С. 14; рис. 3 — 46, 72] и погребении 2-й четверти V в. цебельдинской культуры [Гей, Бажан, 1997. — С. 26; табл. 29 — 17]. Очевидно, что в Восточную Европу этот уже выходящий из моды тип поясных наконечников был занесен гуннами и, находившимися, что особенно важно для Прикамья, под влиянием гуннов, переселенцами из лесостепного Зауралья, основавшими Бродовские курганы.

Это подтверждается еще одной малоизвестной находкой наконечника ремня этого же типа в одиночном погребении на поселении Дуванском II в районе Андреевского озера под г. Тюменью. Он был

обнаружен в комплексе с сосудом кашинского типа, пряслищем, сердоликовыми бусами и двумя бронзовыми пряжками с округлой рамкой, округлым подвижным щитком, скрепленным одной заклепкой, с прогнутым в середине язычком, не выступающим за пределы рамки [Морозов, 1988. – С. 96–99; рис. 1Б – 1–9]. Этот тип пряжек характерен для III–IV веков памятников Крыма, Северного Кавказа и позднесарматских погребений Нижнего Поволжья [Амброз, 1989. – С. 24–26; рис. 1 – 1, 24–26; 2 – 4, 29, 30]. Известны такие же пряжки и в Сибири — но из серебра, с золотой обкладкой щитков, украшенные зернью, сканью и вставками из альмандинов — в гуннском погребении у с. Тугозвонovo в Верхнем Приобье [Уманский, 1978. – С. 143–145; рис. 4 – 16–18]. А. К. Амброз датировал тугозвоновский комплекс III–IV веками [Амброз, 1989а. – С. 57–58].

В погребении 1 кургана 1 Ипкульского могильника была найдена гривна, сплетенная из четырех бронзовых проволок [Корякова, 1988. – С. 79; рис. 20 – 18]. Гривны, сплетенные из золотой проволоки, были найдены в саргатском могильнике Стрижево I в Прииртышье, который В. А. Могильников датировал II–IV веками [Степная полоса Азиатской части..., 1992. – Табл. 124 – 1], и в гуннском погребении середины V века у колхоза «Восход» в Поволжье [Степи Евразии..., 1981. – С. 21].

Таким образом, если учитывать только европейские аналоги, то датой кургана 1 Ипкульского могильника следует признать конец IV – 1-ю половину V веков. Но эта датировка представляется завышенной, так как в ней не учтено время бытования наконечников ремней типа найденного в погребении 3 в Зауралье до их массивированного проникновения в Восточную Европу вместе с гуннами и в Приуралье — вместе с создателями Бродовских курганов. Скорее всего, наиболее вероятным периодом функционирования Ипкульского могильника были вторая половина III – IV вв. н. э. С этим согласуются и датировки остальных вещей могильника, в том числе из погребения 3 кургана 1, и сама возможность достаточно непродолжительного сохранения культурной специфики небольшой группой саргатских мигрантов в инокультурной среде носителей кашинского и ярсалинско-карымского типов памятников. По крайней мере, вторгшиеся в Прикамье из Зауралья в конце IV века носители бакальского и багтырского типов керамики, оставившие Бродовские курганы, уже весьма отдаленно напоминали своих предков — носителей саргатской культуры конца II – 1-й половины III веков.

Такая датировка Ипкульского могильника означает, что карымский тип керамики окончательно сформировался не позднее IV века.

К несколько более позднему периоду, наряду с Козловским могильником, определяющим хронологию карымского этапа, относится курганный могильник Усть-Тара VII в Среднем Прииртышье [Скандаков, Данченко, 1999. – С. 160–186]. Специфическими западносибирскими изделиями памятника являются только спиральновитые серьги из бронзовой проволоки из кургана 8 [Скандаков, Данченко, 1999. – С. 165; рис. 13 – 5], аналогичные серебряным серьгам из позднекулайского Барсовского III могильника [Борзунов, Зыков, 2003. – Рис. 1 – 3, 4] и из кургана 6 Шестаковского могильника переходного тагаро-таштыкского времени [Мартынов, 1974. – С. 234; рис. 5 – 4], а также бронзовым серьгам из насыпи кургана 1 конца VI – VII вв. н. э. могильника Рёлка [Чиндина, 1977. – С. 40; рис. 3 – 5]. Все остальные находки могильника Усть-Тара VII имеют достаточно широкие аналогии за пределами Западной Сибири, прежде всего, в памятниках Приуралья.

Височная подвеска из кургана 14 с конусовидным основанием, скрученным из бронзовой ленты [Скандаков, Данченко, 1999. – С. 165; рис. 13 – 3], аналогична находке из кургана 39 Ипкульского могильника [Корякова, 1988. – Рис. 20 – 15]. Подвески этого типа появляются на поздних этапах I–III вв. н. э. культур пьяноборской общности Прикамья [Генинг, 1988. – Рис. 4 – 85–87; Лецинская, 1994. – Рис. 5В – 3–9], известны в материалах Гляденовского костыща, функционировавшего до IV века [Генинг, 1988. – С. 141; рис. 32 – 3; Лепёхин, Мельничук, 1999. – С. 24; рис. 16 – 1] и практически в неизменном виде бытуют до конца IV – VI вв. н. э., встречаясь в погребениях бродовской и верх-сайнской стадий неволинской культуры [Голдина, 1996. – Табл. 13 – 25; Голдина, Водолаго, 1990. – С. 90–92; табл. XLVI – 6]. Бронзовые четырехгранные гривны из курганов 8 и 14 [Скандаков, Данченко, 1999. – С. 164–165; рис. 13 – 1; 14 – 1] отличаются от широко датируемых круглопроволочных гривен, аналогичных находке из кургана 1 Козловского могильника [Чернецов, 1957. – Табл. XI – 5]. Граненые ромбические в сечении гривны с загнутыми концами в памятниках Приуралья наиболее характерны для V века [Лецинская, 1995. – Рис. 10 – 25, 26]. Аналогичную гривну из кургана 4 Тимирязевского I могильника О. Б. Беликова и Л. М. Плетнёва ошибочно датировали VI–VIII веками, сравнивая ее с более поздними уплощенными расковкой харинскими гривнами [Беликова, Плетнёва, 1983. – С. 83, 90;

рис. 17 – 12.] Бронзовая плоская грубо склепанная из четырех пластин гривна из кургана 9 [Скандаков, Данченко, 1999. – С. 165; рис. 14 – 3] близка к западносибирским кованым плоским серповидным гривнам из погребения 1 позднекулайского Барсовского III могильника [Борзунов, Зыков, 2003. – Рис. 2 – 10] и из кургана 1 конца VI – VII вв. н. э. могильника Рёлка [Чиндина, 1977. – Рис. 5 – 24], могильника Красный Яр I, поселения Малгет [Чиндина, 1991. – Рис. 32 – 38, 39]. В Прикамье плоские кованые бронзовые гривны появляются в I–III вв. н. э. в конце пьяноборской эпохи [Васюткин, Калинин, 1986. – Рис. 6 – 11], встречаются в мазунинских могильниках III–V веков [Останина, 1997. – С. 38; рис. 7 – 4] и доживают до VI века [Голдина, Водолаго, 1990. – Табл. XLIII – 31, 32; Лецинская, 1994. – Рис. 15]. Бронзовая ажурная накладка с четырьмя петлями на обороте, украшенная с внешней стороны семью горизонтальными рядами, разделенными псевдовитыми жгутами, с четырьмя умбонами с окантовкой из перлов в каждом ряду из кургана 8 [Скандаков, Данченко, 1999. – С. 165; рис. 13 – 2] имеет точную аналогию в комплексе погребения 5 Бахмутинского могильника. Бахмутинская накладка представляет собой усеченный до двух рядов умбонов вариант усть-тарского изделия, в точности совпадая с ним во всем остальном. Т. И. Останина уверенно датирует это бахмутинское погребение V веком [Мажитов, 1968. – Табл. 30 – 12; Останина, 1997. – С. 107; рис. 37 – 12].

Наиболее точно датируют могильник Усть-Тара VII найденные в нем детали поясной гарнитуры — бронзовые пряжки и наконечник ремня. Пряжка из кургана 17 бесщитковая, с массивной овальной утолщенной спереди рамкой, с прогнутым в середине язычком, имеющим уступ у основания и острие, не выступающее за рамку [Скандаков, Данченко, 1999. – Рис. 14 – 4]. Такие пряжки появляются в черняховской культуре и в Крыму не ранее конца III века, массово распространяются в IV веке; в Приуралье они найдены в самой ранней части Бирского могильника [Амброз, 1980. – С. 21; рис. 7 – 1; Гей, Бажан, 1997. – С. 21; табл. 24 – 24].

Пряжка из кургана 9 с овальной граненой утолщенной спереди рамкой, прямоугольным подвижным хоботовидным язычком с уступом у основания [Скандаков, Данченко, 1999. – Рис. 14 – 2] имеет очень широкий круг аналогий. Пряжки этого типа найдены в комплексе гуннского погребения IV–V вв. н. э. могильника Сопка 2 в Барабинской лесостепи [Молодин, Чикишева, 1990. – С. 163; рис. 3 – 2], в помещении II–IV вв. н. э. городища Джеты-Асар 12 на Нижней Сыр-Дарье [Степная полоса Азиатской части..., 1992. – С. 70; табл. 24 – 29], в гуннских погребениях кургана VIII могильника у с. Новогиревка, у с. Федоровка, у колхоза «Восход» 1-й половины – середины V века в Восточной Европе [Степи Евразии..., 1981. – С. 21; рис. 6 – 1], в керченских склепах конца IV – 1-й половины V вв. н. э. [Засецкая, 1979. – Рис. 3 – 17–19, 33, 39, 47], в погребении 300 конца IV – V вв. н. э. могильника Дюрсо близ г. Новороссийска [Дмитриев, 1979. – С. 222–223; рис. 7 – 11, 13], в могилах периодов 6–8 последней четверти IV – середины V вв. н. э. и единично в качестве явно пережиточного образца — в могиле 110 периода 9 середины V – середины VI вв. н. э. цебельдинской культуры Абхазии [Гей, Бажан, 1997. – С. 24–27; табл. 27 – 1, 6, 9; 28 – 1, 2, 6, 7; 29 – 9, 12; 30 – 6], в погребениях 75, 125, 137, 166 Бирского могильника [Амброз, 1980. – Рис. 7 – 21, 22; Генинг, 1979. – Табл. I – 3, 37; Мажитов, 1968. – Табл. 5 – 31; 21 – 15; 1977. – Табл. I – 22], погребении 5 V века Бахмутинского могильника [Останина, 1997. – С. 10; рис. 37 – 18], ранних погребениях Уфимского могильника [Генинг, 1979. – Табл. II – 8], в курганах 16 и 18 Бродовского могильника конца IV – V вв. н. э. [Голдина, 1986. – Табл. 10 – 22, 23; 12 – 25; Голдина, Водолаго, 1990. – Табл. XXIV – 12, 17], в погребении 56 Бурковского могильника середины V – VI вв. н. э. [Голдина, 1986. – Табл. 10 – 22, 23; 12 – 25; Голдина, Водолаго, 1990. – Табл. XXIV – 12, 17], в погребении 56 Бурковского могильника середины V – VI вв. н. э. [Генинг, Голдина, 1973. – Табл. 5 – 2; Голдина, 1985. – Табл. VI – 2]. Из приведенного перечня аналогий очевиден вывод, что массовое распространение пряжек этого типа совпадает с периодом господства гуннов в Восточной Европе в конце IV – середине V вв. н. э., а в более позднее время они уже встречаются единично в качестве пережиточных образцов.

Пряжка из кургана 8 имеет овальную рамку с полукруглым (сегментовидным) подвижным щитком, скрепленным заклепкой, хоботовидный язычок с уступом в его основании, незначительно выступающий за рамки [Скандаков, Данченко, 1999. – Рис. 14 – 6]. Пряжки этого типа, являвшегося поздней модификацией пряжек с округлым подвижным щитком III–IV вв. н. э. [Амброз, 1989. – С. 24–26; рис. 1 – 1, 24–26; 2 – 4, 29, 30], массово появляются в Приуралье в комплексах конца IV – V вв. н. э. Тураевского [Генинг, 1976. – С. 90; рис. 25 – 1–3, 22; 27 – 1, 6, 7; 30 – 1; 32 – 5; 33 – 1], Бродовского [Голдина, Водолаго, 1990. – С. 90–91; табл. XXV – 9–18; LXV – 5, 16, 33], Бирского могильников [Амброз, 1980. –

Рис. 7 – 4, 5; Генинг, 1979. – Табл. I; 3; 22; 38; 40; Мажитов, 1968. – Табл. 6; 7; 8; 18]. Т. И. Останина считает такие пряжки хронологическим индикатором погребений IV–V вв. н. э. мазунинской культуры [Останина, 1997. – С. 105; рис. 29 – 26; 32 – 3; 36 – 32; 51 – 16, 30], Н. А. Лещинская — погребений V века азелинской стадии хуляковской культуры [Лещинская, 1995. – С. 92–93; рис. 10 – 8–10, 17]. Однако пряжки с подвижным сегментовидным щитком встречаются и в более поздних комплексах харинской стадии V–VI вв. н. э. ломоватовской культуры [Генинг, Голдина, 1973. – С. 74; табл. 6 – 1, 2, 6–15; Голдина, 1985. – С. 124–126; табл. VII – 1, 2, 6–15], верх-саинской стадии VI века неволинской культуры [Голдина, Водолаго, 1990. – С. 91–92; табл. XXV – 6; LXVI – 9, 11, 14, 19], в кургане 60 V–VI вв. н. э. Тимирязевского I могильника в Томском Приобье [Беликова, Плетнёва, 1983. – С. 14, 19; рис. 12 – 2].

Наконечник ремня из кургана 8 могильника Усть-Тара VII имеет вид полой спаянной коробочки с симметричным цилиндрическим расширением нижнего конца. Основа его согнута из одной бронзовой пластины, к которой сбоку припаяны две узкие полоски. Основание коробочки укреплено напаянной полоской жести. Кожаный ремень в наконечнике закреплен шестью заклепками [Скандаков, Данченко, 1999. – С. 166; рис. 13 – 7]. Короткие коробчатые наконечники ремней с большим количеством крепежных заклепок, очень широко распространены в могильниках Приуралья V–VI вв. н. э., причем часто они сочетаются в одних поясных наборах с пряжками с сегментовидным подвижным щитком, как и в этом усть-тарском кургане. Они известны в Бирском могильнике [Амброз, 1980. – Рис. 7 – 33], Югомашевском могильнике мазунинской культуры [Останина, 1997. – Рис. 12 – 13], погребениях V века азелинской стадии хуляковской культуры [Лещинская, 1995. – С. 92–93; рис. 10 – 2, 3], погребениях бродовской (конца IV – V вв. н. э.) и верх-саинской (VI в.) стадий неволинской культуры [Голдина, Водолаго, 1990. – С. 90–92; табл. XXXIII – 7, 8, 12; LXV – 34–37, 49; LXVI – 35–37, 45], харинской стадии (V–VI вв. н. э.) ломоватовской культуры [Генинг, Голдина, 1973. – Табл. 7 – 24, 25; Голдина, 1985. – С. 124–126; рис. 16 – 20; табл. XIII – 6–8], гыркесшурской стадии (2-й половины VI в.) поломской культуры [Голдина, 1995. – С. 17; рис. 3 – 23, 24].

Анализ инвентаря могильника Усть-Тара VII позволяют датировать курган 17 IV – началом V вв. н. э., курган 9 — концом IV – серединой V вв. н. э., курган 8 — V–VI веками. Однако это был небольшой некрополь из восьми компактно расположенных курганов, в которых была найдена типологически единая коллекция сосудов карымского типа [Скандаков, Данченко, 1999. – С. 160; рис. 15–17]. Поэтому я считаю, что датировка могильника может быть сужена до конца IV – начала VI веков.

Могильники Нижнего Притоболья и Среднего Прииртышья позволяют определить хронологию карымского этапа в пределах IV–V вв. н. э. К сожалению карымские памятники Сургутского Приобья не дают возможность конкретизировать эту хронологию, хотя немногочисленные датирующие вещи из них и не противоречат ей. Возможно, время вероятного появления карымских типов керамической посуды и начала карымского этапа нижнеобской культуры в Сургутском Приобье следует относить ко второй половине IV в. н. э. — чуть более позднему времени, чем верхняя граница периода захоронения Холмогорской коллекции — самого позднейшего комплекса кулайской культуры. Сургутские памятники, прежде всего, городища Барсовой Горы, лишь подтверждают, что карымский этап был достаточно длительной эпохой, продолжавшейся, во всяком случае, более одного столетия. Столь же неконкретным пока остается время перехода к последующему зеленогорскому этапу. Рубеж между карымским и зеленогорскими этапами пролегал в пределах конца V – начала VI веков.

К настоящему времени в Сургутском Приобье разведками выявлены десятки городищ и селищ с находками карымской керамики. Раскопками исследовано десять памятников карымского этапа: городища Барсов городок II/6, II/7, II/9, II/10, Кинтусовское 4.1, Сартым-урий 18, селища Кучиминское I и Сартым-урий 16 и 17, ранняя группа погребений Сайгатинского VI могильника (рис. 5).

Карымские поселения располагались на краю надпойменных террас рек, протоков и озер. Выявленные карымские селища в основном находились рядом с одновременными им городищами: селища Барсова гора II/3, II/4, II/5, Сартым-урий 16 и 17 [Чемякин, 2003. – Ил. 1]. Лишь одно селище — Кучиминское I — располагалось изолированно, вне всякой связи с городищем: в урочище Сайгатино карымских городищ вообще не выявлено.

На Барсовой Горе прослежена последовательность функционирования городищ карымского этапа, доказанная как типологическим развитием керамики, так и преемственностью в их застройке. Самым ранним было городище Барсов городок II/6 (рис. 6 – б). Оно было выстроено на мысовидном достаточ-

но ровном участке береговой надпойменной террасы, ограниченном с двух сторон пологими склонами логов. Форма городища полностью повторяла конфигурацию площадки мыса. Оно имело вид неправильного изогнутого четырехугольника площадью около 3300 кв. м, короткой частью обращенного к обрыву берега. Принцип застройки укрепленного поселения был уличный: жилища, обращенные выходами навстречу друг другу, располагались в два ряда. Каждое из наземных жилищ имело хорошо выраженную обваловку от остатков грунтовой подсыпки стен и было оконтурено внешними ямами от выборки грунта для нее. Симметрично изогнутые ряды жилищ имели между собой незастроенную полосу шириной 6–8 м — «улицу». По всему контуру городище имело остатки укреплений в виде вала шириной 1,5–2,5 м и высотой 0,3–0,5 м и рва шириной 1,0–1,5 м и глубиной 0,2–0,4 м. Местами ров вообще не прослеживался. Естественно, такие сооружения сами по себе не могли быть серьезным препятствием, основную оборонительную функцию несла деревянная срубная стена, от которой сохранилась только забутовка нижних венцов сруба — так называемый «вал». Фортификационные сооружения — внутренняя подошва вала — отделены от жилищ пространством 1–3 м. Судя по всему, при сооружении этого укрепленного поселения сначала строились жилища, а затем уже готовый поселок по контуру окружался деревянной стеной с небольшим ровиком перед ней. То, что ранние карымские городища строились именно в такой последовательности, убеждает одно из городищ на р. Ендырь в Нижнем Приобье — Ендырское IV. Этот поселок карымского этапа имел уличную застройку из семи жилищ, расположенных в два ряда, был на три четверти оконтурен великолепно сохранившимися остатками оборонительных сооружений из вала и рва с проходом в северной части городища, но совершенно не имел укреплений с южной стороны. Очевидно, что по каким-то причинам строительство фортификаций здесь не было завершено [Борзунов, Кокшаров, 1994. – Рис. 2].

Возможно, нечто подобное произошло и при строительстве городища Сартым-урий 18 на р. Большой Юган. Этот ранний карымский поселок с беспорядочной застройкой наземными жилищами, хаотично расположенными вдоль края террасы, с напольной стороны имел плохо выраженную в рельефе линию фортификаций, состоящую из ровика и вала (высотой 0,15–0,18 м), даже не доходящую до края террасы. Фортификации располагались на расстоянии 7–8 м от жилищ. Ю. П. Чемякиным был исследован раскопом большой участок остатков оборонительных сооружений — ров прослежен на длину 12,5 м. Он представлял собой канаву шириной 0,6–1,0 м с относительно отвесными стенками глубиной от уровня древней поверхности 0,3–0,4 м. При самой тщательной методике раскопок вала никаких следов от остатков оборонительной стены не было прослежено [Чемякин, 2003. – С. 38–46; ил. 1–3]. Вероятно, ее здесь и не было. Тонкий слабо выраженный культурный слой памятника, невероятно малая насыщенность его находками (2,6 фрагмента керамики на 1 кв. м площади раскопов) свидетельствуют об очень непродолжительном времени функционирования этого поселения. Вероятнее всего, люди по каким-то причинам были вынуждены его покинуть, успев лишь разметить небольшой канавой место предполагаемого строительства оборонительных сооружений.

Подобная независимость в расположении и времени строительства жилых и оборонительных сооружений характерна для предшествующего периода раннего железного века Сургутского Приобья. В этом отношении ранние карымские городища полностью продолжают традицию фортификаций кулайской эпохи. Еще более определенно на это указывают два городища с находками карымской керамики на озере Соровском — Соровское V и XXXV. Их линии валов и рвов имеют фланкирующие выступы-бастионы — особенность, типичную именно для позднекулайских оборонительных конструкций Сургутского Приобья [Чемякин, Карачаров, 2002. – С. 45; рис. 14 – 17].

На Барсовой Горе более поздним городищем был Барсов городок II/9 (рис. 6 – 3), расположенный в 330 м к западу от городища Барсов городок II/6. Имея столь же неправильную четырехугольную форму, учитывающую конфигурацию ровной площадки участка берега, оно все же, в отличие от предшествующего городища, было расположено более рационально, длинной стороной вдоль обрыва. Оно имело такую же уличную планировку и столь же широкую незастроенную полосу (6–14 м), проходившую через центр поселка. И хотя на городище Барсов городок II/9 было 13 построек, то есть всего на одну меньше, чем на Барсовом городке II/6, общая площадь его была заметно меньше — 2450 кв. м. Столь резкое сокращение площади, а значит, и нуждавшегося в обороне периметра, при сохранении практически той же численности населения было достигнуто за счет нового принципа строительства укрепленного поселка, неизвестного в предшествующие эпохи. Городище Барсов городок II/9 является самым ранним памятником, где зафиксировано, что расположенные плотным рядом жилища своими

задними стенами (а крайние в рядах — и одной из боковых стен) пристроены к оборонительным стенам или встроены в них. В дальнейшем этот принцип строительства жилищно-оборонительного комплекса по единому плану станет господствующим в фортификационном зодчестве Северо-Западной Сибири и будет соблюдаться вплоть до конца XVI века [Зыков, Кокишаров, 2002. — С. 71; рис. 1; 2; 2003. — С. 119–122; ил. 5; 6]. Впрочем, при сооружении самого городища Барсов городок II/9 этот принцип до конца не был соблюден. Лишь десять его жилищ были пристроены к оборонительной стене, а три крайних северо-западных были построены отдельно.

Эта эволюция была завершена при строительстве самого позднего укрепленного поселка карымского этапа на Барсовой Горе — городища Барсов городок II/10 (рис. 6 — 1). Оно было расположено всего лишь в 40 м к северо-западу от Барсова городка II/9. При выборе места для его сооружения были полностью учтены, в отличие от более ранних карымских городищ, выгодные для обороны особенности рельефа. Памятник был вписан в мысовидный выступ надпойменной террасы, образованный двумя небольшими логами. Городище имеет правильную прямоугольную форму, обращено к обрыву берега одной из длинных сторон. Площадка его застроена одиннадцатью жилищами, сгруппированными в два плотных ряда, выходами навстречу друг другу. Ряды разделяет «улица» шириной до 10–12 м. Все жилища пристроены задними стенами (а крайние в рядах — также одной из боковых) к оборонительной стене. При раскопках двух жилищ городища Г. А. Степановой в 1989 году за задней стеной одного из жилищ была зафиксирована полоса прогиба погребенной почвы — отчетливый след от вдавления в грунт нижнего венца срубной оборонительной стены. Такой принцип строительства сделал городище очень компактным, по сравнению с предшествующими. Его площадь — всего лишь 1900 кв. м. И очевидно, что количество людей в коллективе, сооружавшем все три карымских городища Барсовой Горы, не сократилось. Просто еще три постройки, синхронные городищу Барсов городок II/10, выделенные в селище Барсова гора II/5, были вынесены за пределы фортификаций и построены снаружи, близ северо-западных и юго-восточных ворот укрепленного поселка. Так что количество построек, связанных с ранними и поздними карымскими городищами, совпадает. А значит, численность группы, проживавшей на Барсовой Горе на протяжении карымского этапа, поддерживалась примерно на одном уровне. Сокращение же площади городищ, прослеженное на протяжении этого периода, было вызвано, прежде всего, стремлением к усилению их оборонительного потенциала за счет сокращения защищаемого периметра. А это было достигнуто изобретением нового принципа застройки — создания компактного жилищно-оборонительного комплекса.

Однако за все приходилось платить. Построенные по заранее разработанному плану, удобные для обороны укрепленные поселки имели один существенный недостаток — их очень трудно было перестраивать. Эти поселки, по сути, представляли единый жилищно-оборонительный архитектурный ансамбль, и крупный ремонт, а тем более перестройка одного из его элементов (жилища, участка оборонительной стены) неизбежно затрагивали и другие. А они, как и всякие деревянные и деревоземляные сооружения, с течением времени неизбежно ветшали и приходили в негодность. Быстрота износа деревянных укреплений, выстроенных из сибирских пород дерева, прежде всего, сосны, хорошо прослеживается на примере русских городов и острогов конца XVI — XVII веков. Обычно они приходили в ветхое состояние уже через 20–30 лет [Леонтьева, 1989. — С. 54–57; Чёрная, 2002. — С. 93–94]. Чем разбирать и перестраивать старый укрепленный поселок, проще было выстроить новый, порой совсем рядом, как во всех случаях переноса карымских городищ Барсовой Горы. При этом, очевидно, учитывалось и то обстоятельство, что в период строительства нового укрепления старое продолжало выполнять свои функции, и население не оставалось без защиты. Очевидно, что именно в этом и секрет большого числа однослойных городищ раннего средневековья, расположенных компактными скоплениями во многих местах таежной зоны Северо-Западной Сибири. Каждое из них существовало не более нескольких десятков лет до определенной степени износа сооружений, после чего его жители где-нибудь поблизости в пределах того же урочища строили по очень похожей схеме новый укрепленный поселок, внося в его конструкцию небольшие изменения, после чего переселялись, оставляя однослойные и чистые во всех отношениях, в том числе, к сожалению для археологов, и от большинства ценных предметов, памятники. Та же самая особенность характерна и для городищ раннего железного века Сургутского Приобья, включая Барсову Гору. Разве что характер материала, а особенно — нашего знания о нем, не позволяет пока четко проследить их преемственность, как это сделано для некоторых городищ раннего средневековья.

В Сургутском Приобье раскопками исследовано полностью или частично 25 построек на восьми памятниках карымского этапа (результаты раскопок Ю. П. Чемякина и Т. Ю. Фефиловой 2008 г. в данной работе не учтены). Постройки городищ Барсовой Горы представляют собой прямоугольные углубленные в грунт на 0,2–0,3 м сооружения площадью 34–42 кв. м с коридорообразным выходом в одной из коротких стен котлована. Стены жилищ подсыпались снаружи песком. В центре построек располагался очаг в виде простого открытого кострища [Очерки культурогенеза..., т. 1, кн. 1, 1994. — С. 362–364; рис. 31; Фёдорова и др., 1991. — С. 133]. Выделяются жилища городища Сартым-урий 18 и селища Сартым-урий 17 на р. Большой Юган. Это четырехугольные практически не углубленные постройки площадью 28–40 кв. м на городище и до 48 кв. м — на селище, без оформленных коридорообразных выходов [Чемякин, 2003. — С. 46–65; ил. 4–9; 2003а. — С. 253–254]. На самом позднем из исследованных раскопками карымском селище Сартым-урий 16 все постройки были углублены в грунт на 0,2–0,4 м [Чемякин, 2008а. — С. 221]. В целом довольно масштабное исследование карымских жилых и хозяйственных построек Сургутского Приобья показывает, что они плавно эволюционировали от предшествующих им сооружений кулайской культуры.

В жилище 8 городища Сартым-урий 18 были выявлены остатки кузницы в виде следов открытого кострища с ошлакованным соплом (кузнечного горна) и наковальни из большой гранитной плиты (рис. 7). На селище Сартым-урий 17 была исследована специализированная мастерская — кузница в виде небольшой постройки площадью чуть более 7 кв. м, пол которой был углублен всего лишь на 10–12 см, с остатками кузнечного горна [Чемякин, 2006. — С. 207–213]. Это самые ранние обнаруженные остатки западносибирских железообрабатывающих кузниц. Правда, бесспорные следы существования местного железообрабатывающего производства в таежной зоне Северо-Западной Сибири относятся еще ко II – I вв. до н. э. [Зыков, 2008. — С. 17], а самый древний железный кузнечный молоток был обнаружен в составе клада II – начала III вв. н. э. на городище Барсов городок I/20 [Бельтикова, 2002. — С. 203–206].

Погребения карымского этапа выявлены только на могильнике Сайгатинском VI, близ селища Кучиминское I этого же времени. Большинство погребений могильника относится к более позднему времени — X–XI векам, достоверно к карымскому периоду можно отнести лишь восемь захоронений. Все они совершены по обряду труположения; умершие укладывались в неглубокие подпрямоугольной формы ямы, вытянуто на спине, головой преимущественно на юго-запад. Погребальный инвентарь очень скуден, обычно это фрагмент ножа, иногда точильный камень. Лишь в одном случае в могилу был помещен целый керамический сосуд, поставленный у головы погребенного [Очерки культурогенеза..., т. 2, 1994. — С. 279; рис. 42 – 1; Чемякин, Карачаров, 2002. — С. 45; рис. 14 – 18].

Абсолютное большинство керамических сосудов (рис. 8–15) с памятников карымского этапа Сургутского Приобья представлено горшковидными формами с выделенной шейкой. В единичных экземплярах встречаются закрытые чаши и сосуды котловидной формы. Все карымские сосуды круглодонные; округло-уплощенные днища встречаются лишь у небольших миниатюрных приземистых горшков. Исключение известно только на одном памятнике за пределами Сургутского Приобья — могильнике Усть-Тара VII. Здесь среди типичного комплекса карымской керамики были обнаружены кринкообразные высокогорлые плоскодонные сосуды. Они являлись своеобразным гибридом, сочетавшим форму и построение орнаментальной композиции, характерные для керамики кушнарниковской культуры, и широкое применение в их орнаментации карымских ромбических штампов [Скандаков, Данченко, 1999. — С. 168; рис. 17]. Венчики основных типов I и II карымской керамики имеют характерный скос внутрь сосуда и карниз; нередко скошенные венчики имеют желобообразный прогиб. Венчики карымских сосудов типа III преимущественно плоские, скошенные венчики на керамике этого типа появляются лишь в конце карымского этапа.

Орнаментальный декор карымской посуды резко отличает ее как от предшествующей керамики кулайской культуры, так и от керамики более поздних этапов нижнеобской культуры. И дело не только в применении разнообразных фигурных штампов на карымских сосудах типа II или в присутствии в карымском керамическом комплексе специфической желобчато-валиковой керамики типа III. Разнообразие штампов, но иного набора и посуды типа III столь же характерны и для зеленогорского комплекса керамики. Дело в том, что пышный орнамент покрывал практически всю внешнюю

поверхность большинства карымских сосудов от шейки до придонной части. Это достигалось в основном за счет широкого применения фестонов — наклонных столбиков из оттисков гребенчатых или змейковых штампов. Если шейка и плечики сосудов типов I и II орнаментировались горизонтальными поясами, выполненными в несколько рядов различными оттисками штампов, то тулово и придонную часть покрывали фестоны. Обязательным элементом орнамента для керамики типов I и II, а также для большей части сосудов типа III был горизонтальный ряд ямок или жемчужин на шейке под венчиком. Ямки накалывались после нанесения орнамента, чаще всего поверх его.

По орнаменту керамика карымского этапа нижнеобской культуры Сургутского Приобья четко делится на три типа.

Тип I. Гребенчатая керамика. Название типа условное, так как к нему следует относить сосуды, орнаментированные оттисками не только различных вариантов гребенчатого штампа, но и оттисками столь же простых змейковидного и гладкого штампов, которые нельзя относить к категориям фигурных. Основной орнаментальной композицией этого типа сосудов являлось украшение шейки двумя-четырьмя, редко пятью-шестью горизонтальными рядами прямых или наклонных оттисков штампов, дополненное фестонами из оттисков чаще всего того же штампа на плечиках и тулове. Единично встречаются беднее орнаментированные сосуды — без фестонов, с гребенчатой елочкой, с одним-тремя горизонтальными рядами оттисков. Есть сосуды, где оттисками гребенки или гладкого штампа орнаментированы только скошенные внутрь венчики, так что единственным украшением их внешней поверхности является ряд ямок. За пределами Сургутского Приобья такой карымский сосуд был найден в погребении I Козловского могильника [Чернецов, 1957. — С. 164; табл. XI — 9]. В тоже время среди карымской посуды типа I встречаются экземпляры с гораздо более сложным орнаментальным горизонтальным поясом на шейке, оконтуренными рядами наклонных или горизонтальных оттисков гребенки: наклонные столбики гребенки, зигзаговые многорядовые композиции, меандровые узоры. На тулове тоже помимо монотонных фестонов иногда попадает очень сложная орнаментация. Так, в коллекции из раскопок городища Кинтусовское 4.1 есть сосуд, тулово которого украшено фестонами из тройных столбиков оттисков змейкового штампа, пространство между которыми заполнено решетчатым узором, выполненным тем же штампом [Зыков, Фёдорова, 2001. — Рис. 3 — 1]. Любопытно, что фрагменты тулова сосуда с точно такой же орнаментацией найдены на городище Потчеваш. В. И. Мошинская ошибочно отнесла его к позднему бронзовому веку [Мошинская, 1953а. — Табл. VIII].

Тип II. Фигурно-штампованная керамика. К этому типу относятся сосуды, в орнаментации которых использованы оттиски различных фигурных штампов: ромбических, «уточек», S-образного, двучленного, уголкового, крестовидного. Каждый из видов штампов имел несколько вариантов. Особенно же разнообразны самые массовые по применяемости в карымской орнаментации ромбические штампы, среди них различаются: простые ромбы, ромбы с вписанными в них четырьмя выпуклинами, решетчатые, рамчатые со вписанным в них рельефным крестом, глазчатые, ромбы со ступенчато оформленным фигурным краем со вписанными внутрь двумя уточками, ромбовидные из двух состыкованных рамчатых утолщений. Это разнообразие дополняется различиями в размерах одного и того же вида штампов или вписанных в него деталей. В орнаментации одного сосуда использовался в основном один вид фигурного штампа, гораздо реже — два, в редчайших случаях — три, но всегда в сочетании с гребенчатым или змейковидным штампами.

Фигурные штампы преимущественно использовались для орнаментации шейки сосудов ниже ямочно-жемчужной зоны. Чаще всего они занимали полосу, оконтуренную оттисками гребенки, где оттиски ставились в шахматном порядке рядами: на небольших сосудах — в один-два ряда, на крупных — в два-семь рядов. Иногда таких полос оттисков ромбических штампов, разделенных рядами наклонных или горизонтальных оттисков гребенки, на сосудах было две-три. Также практиковалось не сплошное заполнение полос оттисками штампов, а группировка их в треугольные композиции, направленные углом к днищу сосуда. Штампы и здесь ставились в шахматном порядке. В редких случаях на карымской керамике такие композиции завершали орнамент на плечиках или тулове сосуда. Но чаще тулово орнаментировалось фестонами из оттисков гребенки, «змейки», редко — «уточки», S-образного или уголкового штампов. Кроме того, мелкие уголкового штампы, применялись для создания сложных меандроидных фигур.

Степень частоты применения того или иного фигурного штампа в орнаментации карымской керамики различна. Абсолютное большинство сосудов типа II орнаментировано ромбическими штампами — именно эта легко распознаваемая группа керамики стала основанием для выделения карымского типа памятников. Штампы «уточка» и S-образный применялись в достаточно ограниченном числе случаев, но сосуды, орнаментированные с их применением, есть в большинстве коллекций этого периода. Мелкие уголкового и двучленные штампы, состоящие из двух мелких уголков, применялись для орнаментации лишь небольших сосудов. Крупные уголкового штампы появляются только в самых поздних карымских памятниках Барсовой Горы — на городищах Барсов городок II/7 и II/10, то есть накануне перехода к зеленогорскому этапу, когда наступает расцвет применения этого вида штампов. Удивительно редко в орнаментации карымской керамики Сургутского Приобья применялись крестовидные штампы, столь характерные для ярсалинской и зеленогорской керамики. Это буквально единичные фрагменты с городищ Сартым-урий 18 [Чемакин, 2003. — Ил. 10 — 7–9; 11 — 5], Барсов городок II/7 и Соровское X.

На городищах Барсовой Горы, городище Кинтусовское 4.1 и селище Сартым-урий 17 керамика типа II составляет большую часть коллекций, преобладая над двумя другими типами; на городище Сартым-урий 18 преобладали сосуды типа III, составлявшие 42,9% коллекции, а типы I и II были представлены равномерно — по 28,6%. Но среди исследованных раскопками карымских памятников Сургутского Приобья есть одно исключение — селище Кучиминское I. В коллекции его раскопанного жилища не было найдено ни одного фрагмента керамики типа II — только керамика типа I и фрагменты от сосуда типа III.

Карымская керамика типов I и II демонстрирует высокую степень преемственности как с посудой предшествующей кулайской культуры, так и с керамикой последующего зеленогорского этапа нижнеобской культуры.

Тип III. Желобчато-валиковая керамика. К этому типу отнесены сосуды, орнаментированные желобками, выдавленными по сырой глине пальцами или палочкой шириной 3,0–4,5 мм так, что между желобками формировались узкие валики, или, гораздо реже, наклепными треугольными в сечении узкими валиками. Крупные наклепные валики, сплетенные в виде косицы из трех глиняных жгутиков, встречены только на фестонах, завершающих арочный орнамент из желобков, одного сосуда с городища Барсов городок II/6. Потому орнамент этого типа посуды более правильно именовать все-таки желобчатым.

Сосуды этого типа резко отличаются от всей остальной карымской керамики. Они преимущественно слабопрофилированные, с плоскими венчиками, толстостенные, вылеплены из рыхлого теста. На памятниках карымского этапа нижнеобской культуры Сургутского Приобья хорошо прослеживается эволюция этого типа керамики. На наиболее раннем памятнике, городище Сартым-урий 18, керамика типа III составляет до 42,9% (11–12 сосудов из 28 выявленных по фрагментам). У четырех-пяти из них орнамент выполнен узкими наклепными валиками. Собственно говоря, это вся посуда Сургутского Приобья, орнаментированная таким способом, вся остальная керамика типа III украшена желобками. Орнамент реконструируемых сосудов городища Сартым-урий 18 покрывал более двух третей их поверхности. Он состоял из вертикальных валиков на шейке и тулове, разделенных поясом из трех-четырех горизонтальных желобков или валиков на плечиках сосудов, из четырех-пяти горизонтальных желобков или валиков на шейке и зигзагов из валиков или желобков по тулову, а в одном случае — из одних только зигзагов, оформленных наклепными валиками.

Края венчиков снаружи и в двух случаях — изнутри украшены гладкой палочкой. Примечательная особенность коллекции керамики типа III городища Сартым-урий 18 — отсутствие зоны из ямок под венчиком. Она имеется только на одном сосуде [Чемакин, 2003. — С. 68–70; ил. 10 — 3, 4, 10; 11 — 1–3, 6; 12 — 4; 13 — 4, 6, 7].

Сосуды типа III селища Сартым-урий 17 и Барсов городок II/6 очень сходны и представляют следующий этап эволюции желобчатой керамики в Сургутском Приобье. Отличия разительны. Во-первых, пояс ямок или жемчужин под венчиком становится обязательным в орнаментации; его не имеют только по одному сосуду в каждой из этих двух коллекций. Во-вторых, орнамент выполнялся только желобками. Практически обязательным элементом становится украшение шейки сосудов поясом из двух-трех, чаще из пяти-одиннадцати горизонтальных желобков. Лишь один горшок из селища Сартым-урий 17 украшен на шейке поясом из вертикальных желобков. Плечики и тулово украшались либо горизонтальными

желобками, либо зигзагами, либо арочными узорами из желобков. В-третьих, кроме насечек и ногтевых вдавлений по краю венчика в орнаментации начинают использоваться наколы округлой или квадратной в сечении палочкой. Ими выполняются разделительные зоны между поясами желобчатого орнамента, короткие фестоны, завершающие композицию узора на тулове, заполняются треугольниками зигзага. Наконец, на двух сосудах селища Сартым-урий 17 появляется ряд оттисков штампа «змейки» и «гребенки» под венчиком.

На поздних карымских городищах Барсов городок II/7, II/9, II/10 на абсолютном большинстве желобчатых сосудов появляются горизонтальные ряды прямых или наклонных оттисков гребенчатого или змейковидного штампов, и не только под венчиком, но и на шейке и тулове в качестве завершения желобчатого узора. На некоторых сосудах орнамент на тулове завершается типичными карымскими фестонами из оттисков тех же штампов. Наконец, на городищах Барсов городок II/10 и Кинтусовском 4.1 появляются желобчатые сосуды со скошенными венчиками.

Эта прослеженная на памятниках Сургутского Приобья эволюция демонстрирует постепенную инкорпорацию чуждого типа посуды в местный автохтонный керамический комплекс. Этот процесс завершился позднее — уже на зеленогорском этапе. То, что керамика типа III не имеет местных истоков в Северо-Западной Сибири, очевидно. Впервые сосуды с орнаментацией поверхности наlepными валиками и желобками появляются на самых поздних кулайских памятниках Томского Приобья [Плетнёва, 1978. — С. 52–53] и Северной Барабы [Елагин, Молодин, 1991. — Рис. 32 — I]. Тимирязевское III городище с этим типом керамики по данным радиоуглеродного анализа датируется 370±70 г. н. э., то есть началом IV — 1-й половиной V вв. н. э. [Беликова, Плетнёва, 1983. — С. 99].

Во избежание недоразумений здесь следует оговориться, что желобчато-валиковая керамика Сургутского Приобья, описанная мной как тип III, по большинству характеристик не совпадает с третьим типом посуды с валиковой орнаментацией памятников Томского Приобья [Беликова, Плетнёва, 1983. — С. 71] и рёлкинской культуры Томско-Нарымского Приобья [Чиндина, 1991. — С. 48–50; рис. 18]. Наибольшие совпадения наблюдаются между керамикой с валиковой орнаментацией городища Сартым-урий 18 (самым ранним карымским памятником Сургутского Приобья) и сосудах Басандайского IV городища Томского Приобья, суммарно датированного V–VIII веками [Беликова, Плетнёва, 1983. — С. 50; рис. 102; 103 — 5]. Сосудов, вся поверхность которых украшена горизонтальными рядами или арочными узорами желобков, в материалах Среднего Приобья немного (по крайней мере, если судить по публикациям), и все они датируются V–VIII веками [Беликова, Плетнёва, 1983. — Рис. 27 — I; Чиндина, 1991. — Рис. 18 — 14]. Аналогичные им карымские и ранние зеленогорские сосуды Сургутского, Нижнего Приобья и таежного Прииртышья датируются в пределах IV–VI веков.

Л. А. Чиндиной выдвинута убедительно обоснованная гипотеза о появлении валиковой керамики в Среднем Приобье в результате миграции в VI–VIII веках ее носителей из Восточной Сибири [Чиндина, 1977. — С. 130–131; 1991. — С. 75–77]. Ее мнение полностью разделяли все исследователи, занимавшиеся проблемами раннего средневековья этого региона, разногласия возникали только по вопросу о времени существования памятников с валиковой керамикой: с IV–V до IX–X веков [Беликова, Плетнёва, 1983. — С. 99, 118, 123], с VIII века [Могильников, 1987. — С. 228], во 2-й половине I — начале II тысячелетий н. э. [Окунева, 1997. — С. 46–47], в VII–X веках [Ширин, 1997. — С. 68]. Ю. В. Ширин предположил, что исходным районом формирования культуры носителей валиковой керамики, переселившихся затем в долину реки Томи, были Нижнее Приангарье и Красноярская лесостепь [Ширин, 1997. — С. 69].

Очевидно, что только южным маршрутом, через долину реки Томи, продвижение восточносибирского населения в Приобье не ограничивалось. Иначе невозможно объяснить широчайшее распространение керамики с желобчато-валиковой орнаментацией в Сургутском и Нижнем Приобье вплоть до самых низовий р. Оби, на р. Казым и в верховьях р. Пур [Косинская, Фёдорова, 1994. — С. 72–73], а самое главное — в южнотаежном Прииртышье. Здесь средневековая желобчатая керамика найдена на городище Потчеваш. В публикации В. И. Мошинской она ошибочно отнесена к позднему бронзовому веку [Мошинская, 1953а. — Табл. VIII]. Заметим, что валиковая керамика к юго-западу от Томского Приобья в ареале верхнеобской культуры Новосибирского Приобья неизвестна [Беликова, Плетнёва, 1983. — С. 118]. Таким образом, появление сосудов с желобчатой орнаментацией в позднекулайских памятниках Северной Барабы [Елагин, Молодин, 1991. — Рис. 32 — I] и в карымско-зеленогорском керамическом комплексе городища Потчеваш вряд ли возможно объяснить продвижением носителей валиковой керамики из Томского Приобья по кромке южной тайги и лесостепи на запад — в Среднее Прииртышье.

Истоки карымской керамики типа III Сургутского Приобья, особенно самого раннего желобчато-валикового комплекса городища Сартым-урий 18, следует искать в Восточной Сибири. Здесь очерчивается ареал культур, для орнаментации керамики которых характерны наlepные валики, в Забайкалье и Якутии валиковая керамика встречается в памятниках от неолита до позднего средневековья [Алексеев, 1996. — С. 29–31; Беликова, Плетнёва, 1983. — С. 118, 123]. Археология Якутии интересующего нас периода достаточно своеобразна: исследователи относят эпоху с III в. до н. э. до XII в. н. э. к раннему железному веку, для которого выделяют три типа памятников; их соотношение остается во многом неясным [Константинов, 1978]. Для нашей темы интерес представляют два из них, в орнаментации керамики которых применялись тонкие наlepные валики: усть-мильская культура* и сумнагинский тип памятников. Их керамика имеет достаточно отдаленное сходство в орнаментации с керамикой типа III городища Сартым-урий 18, но совпадение технологии орнаментации поверхности тонкими треугольными в сечении наlepными валиками (как многочисленными горизонтальными, так и вертикальными) несомненно. Сходство усиливают прямые венчики с насечкой по краю, отсутствие ямок под венчиком на шейке [Алексеев, 1994. — Табл. I — 3, 4; X — 6; XVIII — I–5].

Памятники Якутии слишком удалены от Западной Сибири, чтобы можно было искать прямые параллели в орнаментации керамики этих двух регионов. К сожалению, расположенная между ними широкая таежная полоса Красноярского края, включая Эвенкию, практически не исследована. Единственный обследованный район, позволяющий определить западные пределы распространения восточносибирской валиковой керамики, — юго-запад полуострова Таймыр. Здесь Л. П. Хлобыстиным выявлен ряд памятников, имеющих прямые параллели с материалами как Якутии, так и Западной Сибири. Среди многих выделенных им культур и типов керамики Таймырского Заполярья 2-й половины I тысячелетия до н. э. — начала II тысячелетия н. э. нас интересуют четыре типа памятников, для которых характерна валиковая керамика, очень близкая якутской: усть-чернинская культура 2-й половины I тысячелетия до н. э. — начала нашей эры, первый и второй бояркинские типы керамики I тысячелетия н. э. и усть-половинкинский тип керамики X–XII веков [Хлобыстин, 1998. — С. 123–129; рис. 130; 131; 136; 137]. Л. П. Хлобыстин соотносил все эти типы с восточносибирской традицией, а второй бояркинский тип керамики вообще считал вариантом в составе усть-мильской культуры эпохи железа Якутии [Хлобыстин, 1998. — С. 129, 176]. Из всех приведенных в монографии Л. П. Хлобыстина описаний и фотографий керамики в наибольшей степени близки западносибирским сосудам фрагменты керамики первого бояркинского типа, приблизительно датированного 2-й половиной I — началом II тысячелетий н. э., со стоянок Боярка I и Прясина III. Они не имели ямок над венчиком и орнаментированы многорядными тонкими валиками треугольного сечения [Хлобыстин, 1998. — С. 128; рис. 136 — I–3]. И все же простая орнаментация восточносибирской керамики сильно отличается от гораздо более пышной орнаментации керамики типа III городища Сартым-урий 18, в которой горизонтальные валики сочетались с вертикальными и с зигзагами, выполненными из многорядных валиков, покрывавших большую часть поверхности сосудов до придонной части. Таймырские и якутские находки лишь обозначают тот гипотетический район, скорее всего, расположенный где-то в таежной зоне Среднего Енисея, где не позднее IV в. н. э. сформировался тип керамики, близкий к ранней валиковой карымского типа III, и откуда ее носители и мигрировали в Сургутское Приобье. Миграция, скорее всего, проходила по р. Вах, в верховьях которой на поселениях Большеларьянское I и II были найдены фрагменты валиковой керамики [Посредников, 1969. — С. 83; табл. 31 — 15; 1973. — Табл. 4, 5, 6].

Вряд ли сейчас можно однозначно определить этнос носителей валиковой керамики (праюкагиры? пратунгусы?). Этот вопрос остается дискуссионным в якутской археологии [Алексеев, 1994. — С. 41–43].

Проникнув в Сургутское Приобье, мигранты из Восточной Сибири довольно быстро были инкорпорированы в местную автохтонную среду. Именно об этом может свидетельствовать практически обязательное присутствие керамики типа III на карымских памятниках. В то же время привнесенный извне тип сосудов столь же быстро стал видоизменяться: произошел отказ от техники орнаментации наlepными валиками и переход к желобчатой технике, появились новые узоры — арки, крестовые фигуры из желобков; оттиски типичных карымских штампов и элементов узора стали сочетаться с желобками.

*Усть-мильскую культуру раннего железного века, выделенную И. В. Константиновым, начало которой приходится на III–I вв. до н. э., а время существования — на I тысячелетие н. э., следует каким-то образом не путать с усть-мильской культурой позднего бронзового века начала X — середины I вв. до н. э., выделенной С. А. Федосеевой.

В то же время не все ясно в причинах перехода от традиционных для Восточной Сибири наlepных валиков к желобкам. Эта техника орнаментации никаких истоков в Западной Сибири не имеет. Возможно, это объясняется внешним влиянием.

Мы с Н. В. Фёдоровой уже предлагали гипотезу, хоть в какой-то степени объясняющую возможность появления желобчатой техники орнаментации на карымской керамике типа III [Зыков, Фёдорова, 2001. – С. 28]. Суть ее сводится к следующему.

Период формирования и существования памятников карымского типа в таежном Обь-Иртышье совпал с эпохой господства гуннов в степях и лесостепях юга Западной Сибири. Собственно гуннская керамика нам неизвестна: в немногочисленных найденных погребениях гуннских кочевников III–V веков сосудов не было. Но в этот период в гунно-сарматских памятниках Тувы и в джетыясарской культуре Нижней Сырдарьи неожиданно появляется керамика с арочными узорами, выполненными желобками, то есть одновременно с появлением желобчатой техники в орнаментации карымской керамики типа III. А зигзаговые, арочные и крестовые узоры на тулове желобчатых сосудов тайги удивительно похожи на орнаменты хуннских и хунно-гуннских бронзовых котлов [Зыков, Фёдорова, 2001. – рис. 4; 5]. Возможно, что и в карымской, и в тувинской, и в джетыясарской керамике копировалась техника орнаментации и композиции узоров одного образца — неизвестной пока гуннской керамики.

В подобной реконструкции нет ничего невероятного. Влияние формировавшейся в степях юга Западной Сибири и Северного Казахстана кочевой гуннской орды III–IV веков на культуры населения таежного Обь-Иртышья нельзя недооценивать. Под этим влиянием на севере меняется весь комплекс вооружения и конского снаряжения, внедряется мода на новые элементы костюма: гривны, пояса с пряжками, крупными накладками, наконечниками ремней, обувь с фиксацией ее ремнями с пряжками на щиколотках. Появляются новые сюжеты и даже виды прикладного искусства [Зыков, Фёдорова, 2001. – С. 26–30]. В карымских могильниках южнотаежной зоны фиксируется восприятие обычая кольцевой искусственной деформации головы [Скандаков, Данченко, 2003. – С. 63; рис. 12]. Для восприятия всех этих новшеств нужны были длительные и достаточно тесные контакты, в ходе которых могла произойти и передача традиций орнаментации керамики. И, вероятнее всего, это было обоюдное влияние. На территории Венгрии в могильниках гепидов V–VI веков и лангобардов VI века найдены керамические сосуды с классической карымской орнаментацией горла широким поясом отрисованных ромбических фигурных штампов, поставленных в шахматном порядке. Такое совпадение вряд ли было случайным. Вероятно, эта традиция орнаментации керамики была воспринята гуннами в Сибири и затем в V веке принесена ими в Паннонию, где она была усвоена их германскими союзниками [Зыков, Фёдорова, 2003. – С. 30].

Вещевые находки на поселениях карымского этапа нижнеобской культуры Сургутского Приобья очень немногочисленны. На всех исследованных памятниках кроме фрагментов сосудов найдены керамические тигли рюмковидной формы, резко отличающиеся от блюдцевидных овальных в плане низкобортных тиглей раннего железного века. Почти на всех поселениях известны находки железных изделий — ножей и наконечников стрел широко распространенных типов. На селище Сартым-урий 17 найдены железные кольчужные проволоочные кольца диаметром 12–14 мм [Чемакин, 2008. – Рис. 99 – 18]. Это, очевидно, самый ранний на сегодняшний момент факт достоверно зафиксированного в Сургутском Приобье появления кольчужного доспеха. На городище Сартым-урий 18 в жилище 4 найдена бронзовая прямоугольная накладка с четырьмя петлями на обороте. На лицевой стороне в горизонтальном ряду изображены головы трех медведей, положенных между лапами в так называемой «жертвенной позе». От каждой головы на всю длину накладки отходят двугранные рельефные полосы, оконтуренные с двух сторон ложновитыми жгутами [Чемакин, 2003. – С. 70–72; ил. 14 – 4].

Наиболее ранние бляхи этого типа, но с умбонами на всех трех полосах, отходящих от медвежьих голов, найдены в погребениях 4 и 8 кашинского типа Абатского 3 могильника. Н. П. Матвеева считает, что большинство аналогий инвентарю грунтовых погребений во внешнем рву кургана 2 дают основания датировать их III–IV веками, но по предметам бронзовой пластики, которые «по стилю более сближаются с инвентарем раннесредневековых памятников», все же отнесла их к V веку [Матвеева, 1994. – С. 138–139; рис. 66 – 4; 69 – 7–10]. Комплекс этого кашинского могильника несколько более ранний, чем Холмогорская коллекция, поэтому датироваться он может не позднее второй половины III века [Зыков, Фёдорова, 2003. – С. 20]. Аналогичные бляхи найдены в Айдашинской пещере [Мо-

дин, Бобров, Равнушкин, 1980. – С. 60–61; табл. XXI – I, 4]. Бляхи этого же типа, но с умбонами только на двух крайних полосах и с проработанным изображением лап по бокам медвежьих голов, найдены в курганах 13 и 17 могильника Юрт-Акбалык 8 единичного этапа V–VI вв. н. э. верхнеобской культуры [Троицкая, 1981. – С. 113; рис. 6 – 41–44], на оз. Чагыр в междуречье верховьев Салыма и Демьянки [Чернецов, 1953а. – С. 133; табл. III – 8], в сборах с могильника Чагорово IV [Чемакин, 2008. – Рис. 99 – 11, 12], в сборах в Новосибирском Приобье [Троицкая, 1981. – С. 113; рис. 8 – 3] и в Верхнем Прикамье [Чемакин, 2003а. – Рис. 1 – 5]. Прямоугольные накладки, близкие по оформлению находке с городища Сартым-урий 18, происходят из сборов у д. Зародята в Верхнем Прикамье [Чемакин, 2003б. – Рис. 1 – 8] и из погребения XX (конца VI – VII вв. н. э.) Окуневского III могильника в Среднем Прииртышье [Могильников, Конилов, 1983. – С. 170, 179; рис. 9 – 17]. В последнем случае накладка с изображением трех голов медведей в горизонтальном ряду найдена в одном комплексе с типологически более поздней накладкой с тремя медвежьими головами, расположенными вертикально друг над другом. Переходными между этими двумя типами были накладки с шестью медвежьими головами: тремя в горизонтальном ряду и тремя — в вертикальном (в центральной полосе, оконтуренной двугранными полосами). Одна такая бляха происходит из поселения Окунево X в Среднем Прииртышье, две — из Верхнего Прикамья: из случайных сборов коллекции Теплоуховых [Чемакин, 2003б. – С. 159; рис. 1 – 12; 2 – 15] и из погребения 4 кургана 16 (VI в.) Верх-Саинского могильника [Голдина, Водолаго, 1990. – Табл. XXX – 27]. Датировка накладок с медвежьими головами в горизонтальном ряду, таким образом, устанавливается в пределах III–VI вв. н. э., но они встречались и в VII веке. По степени условности изображения голов медведей с очень стилизованной тонкой удлиненной мордой сартым-урьинская бляха наиболее близка одной из накладок Айдашинской пещеры, находке с оз. Чагыр, находкам с Чагоровского IV могильника, что может свидетельствовать в пользу достаточно ранней ее даты, близкой к нижнему пределу бытования изделий этого типа.

На селище Сартым-урий 16 найден фрагмент бронзовой прямоугольной бляхи с рельефным изображением головы медведя в «жертвенной позе». Вероятнее всего, это более поздний тип блях с тремя вертикально расположенными головами медведей, более характерных для VI–VIII веков. Эта находка подтверждает более поздний характер данного карымского памятника. Здесь же была найдена плоская бронзовая бляха, изображающая медведя с повернутой в фас головой [Чемакин, 2008. – Рис. 99 – 21, 26; 2008а. – С. 223; рис. 1 – 16, 17].

На селище Сартым-урий 17 найдено бронзовое литое навершие, увенчанное головой глухаря с раскрытым клювом. Глаза птицы моделированы каплевидными рельефными углублениями, на затылке выделены перья. Полая втулка граненая, каждая из девяти граней вогнута, на основании втулки имеются три рельефных валика. Подобные граненые бронзовые навершия, увенчанные головой лося или оленя, известны из погребений последней четверти VIII – IX вв. н. э. могильника Барсов Городок, находки в межмогильном пространстве Сайгатинского I могильника, случайных находок на Барсовой Горе [Угорское наследие..., 1994. – С. 92, 138–139; кат. № 112, 113; Карачаров, 1993. – С. 115; рис. 2 – 3, 4; Чемакин, 2008б. – С. 37; рис. 3 – 12]. Навершия в виде головы хищной птицы характерны для изделий раннего железного века Северо-Западной Сибири: роговой рукоятки ножа и бронзового чекана с городища Усть-Полуй, бронзовой втулки биметаллического чекана и бойка бронзовой секиры, поступивших в 1936 году в Ханты-Мансийский музей из окружного управления НКВД и происходящих предположительно из разоренных святилищ Северной Сосьвы, Ляпина или Казыма, бронзовой втулки биметаллического чекана с городища Нум-то III [Угорское наследие..., 1994. – С. 102, 145; кат. № 192; Усть-Полуй..., 2003. – Кат. № 1, 87; Чернецов, 1953а. – С. 122, 150; табл. I – I; X – I, 2].

С городища Сартым-урий 18 известна находка бронзовой ажурной накладки с четырьмя петлями на обороте, украшенная с внешней стороны семью горизонтальными рядами, разделенными псевдовитыми жгутами, с четырьмя умбонами с окантовкой из перлов в каждом ряду [Чемакин, 2008. – Рис. 99 – 22; 2008в. – С. 223; рис. 1 – 9]. Совершенно аналогичная накладка обнаружена в кургане 8 могильника Усть-Тара VII в Среднем Прииртышье [Данченко, 2008. – Рис. 1 – 2; Скандаков, Данченко, 1999. – С. 165; рис. 13 – 2]. Западносибирские находки имеют близкую аналогию с накладкой из погребения 5 Бахмутинского могильника [Мажитов, 1968. – Табл. 30 – 12; Останина, 1997. – С. 107; рис. 37 – 12].

Рядом с жилищем 4 селища Сартым-урий 17 была найдена железная пряжка с овальной утолщенной спереди рамкой, с подвижным трапециевидным щитком, скрепленным заклепкой, с хоботовидным язычком, слегка выступающим за пределы рамки [Чемакин, 2003а. – С. 255; ил. 1]. Достаточно

небрежно сделанный щиток, отсутствие выраженного уступа в основании язычка затрудняют точное типологическое определение этой находки. Бронзовые пряжки похожих форм щитка и рамки с характерным хоботковидным язычком встречаются в Прикамье в памятниках конца IV – VI вв. н. э. [Голдина, 1985. – Табл. VI – 3; Голдина, Водолаго, 1990. – Табл. XXIV – 12, 17, 18; LXV – 4, 6, 7, 31; LXVI – 2, 3; Останина, 1997. – Рис. 33 – 3; 35 – 2; 51 – 17]; на Южном Урале такая пряжка найдена в погребении 2 кургана 2 конца IV – V вв. н. э. могильника Байрамгулово совместно с сосудами кашинского типа [Боталов, Гуцалов, 2000. – С. 145; рис. 5 – 16]. Железная пряжка с аналогичным щитком, но с рамкой без утолщения спереди и прямым язычком, также слабо выступающим за рамку, происходит из насыпи кургана 7 с характерным инвентарем конца VI – VII вв. н. э. могильника Рёлка [Чиндина, 1997. – Рис. 23 – 1].

В жилище городища Барсов городок II/6 были найдены вырезанная из бронзового листа прямоугольная пластина с двумя отверстиями и обломок такой же пластинки. Подобные литые и вырезанные из жести пластины вытянутой прямоугольной формы служили накладками, крепившимися штивами к кожаным поясам. Самая ранняя такая накладка, датирующаяся не позднее IV века, известна в погребении 35 могильника Ближние Елбаны 7 фоминской культуры Верхнего Приобья [Ширин, 2003. – Табл. XIX – 2]. В Приуралье мелкие бронзовые прямоугольные накладки, характерные для азелинских и мазунинских погребений III–IV вв. н. э. [Генинг, 1979. – Табл. IA – 9; IB – 6; Лецинская, 1994. – Рис. 4 – 10, 11; Останина, 1997. – Рис. 23 – 14–17; 24 – 10; 25 – 2; 51 – 69], железные поясные накладки этого типа единично встречаются в мазунинских комплексах V века [Останина, 1997. – Рис. 30 – 17], бронзовые — в азелинских конца IV – V вв. н. э. [Голдина, Волков, 2000. – Рис. 5 – 34], но совершенно неизвестны в курганных могильниках конца IV – 1-й половины V вв. н. э.: Тураевском и Бродовском [Генинг, 1976. – С. 55–108; Голдина, 1986. – С. 47–98]. Бронзовые прямоугольные ременные накладки, иногда очень сильно вытянутых пропорций массово появляются в Приуралье в памятниках 2-й половины V – VI вв. н. э.: в погребениях верх-саинской стадии неволинской культуры [Голдина, Водолаго, 1990. – С. 91; табл. XXIX, – 1–3; XLIV – 1; XLV – 3; LXVI – 20, 21], харинской стадии ломоватовской культуры [Голдина, 1985. – С. 125; рис. 16 – 5; табл. X – 1–12; LIII – 22, 23], гыскесшурской стадии полоумской культуры [Голдина, 1994. – С. 17; рис. 3; 8 – 16], погребениях пятой хронологической группы (конца V – VI вв. н. э.) могильников бассейна р. Вятки [Лецинская, 1994. – С. 94; рис. 14 – 17], могильниках харинского типа (VI в.) в бассейне р. Вычегды [Ашихмина, 1988. – Рис. 4 – 18; Савельева, 1979. – Рис. 1 – 6, 43]. Эти накладки являются характерной деталью именно прикамских поясов 2-й четверти – середины I тысячелетия и крайне редко встречаются за пределами Прикамья. Так, в Бирском могильнике они известны в единичных экземплярах [Мажитов, 1968. – Табл. 12 – 4]. В погребении кургана 48 Тимирязевского I могильника в Томском Приобье был найден фрагмент кожаного пояса с плотно расположенными (и закрепленными заклепками) прямоугольными вытянутыми бронзовыми накладками. О. Б. Беликова и Л. М. Плетнёва почему-то датировали этот комплекс VI–VIII веками, хотя более ранние прикамские аналоги поясному набору очевидны [Беликова, Плетнёва, 1983. – С. 29–30, 91; рис. 49 – 5].

Таким образом, находки датирующих вещей с памятников карымского этапа нижнеобской культуры Сургутского Приобья не противоречат его датировке IV–VI вв. н. э., выявленной по раскопанным могильникам Нижнего Приобья и Тарского Прииртышья, но никак не уточняют ее. Привлечение метода радиоуглеродного датирования для разработки хронологии карымского этапа еще только начинается. На сегодня опубликованы только две даты, полученные в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (Санкт-Петербург). «Анализ угля, взятого со дна ямы рядом с жилищем 10 на городище Сартым-урий 18, дал возраст 1785 ± 30 BP (JE–7710), что в интервалах калиброванного календарного возраста составляет 130–330 гг. н. э. (68,2%) и 130–340 гг. н. э. (95,4%). Уголь со дна кузницы на селище Сартым-урий 17 дал даты 1680 ± 90 BP (JE–7713). Калиброванные интервалы составили 240–530 гг. н. э. (68,2%) и 130–570 гг. н. э. (95,45)» [Чемакин, 2008а. – С. 223]. Обсуждать здесь, по-видимому, нечего — двух анализов явно недостаточно для сколь-нибудь уверенных выводов.

По моим сегодняшним представлениям, датировать карымский этап нижнеобской культуры в Сургутском Приобье следует в интервале около 150 лет: от второй половины IV века до начала VI века.

ЗЕЛЕНОГОРСКИЙ ЭТАП (VI – начало VII вв.)

Керамика зеленогорского типа и зеленогорская культура были выделены В. Н. Чернецовым на основе материалов раскопок стоянки Зеленая Горка и сборов с городищ Кушеват и Сортынья I в Нижнем Приобье. Из-за неверно понятой стратиграфической ситуации, зафиксированной на стоянке Зеленая Горка, они были ошибочно отнесены к эпохе начала раннего железного века, ко времени более раннему, чем усть-полуйская культура [Чернецов, 1953. – С. 63–71].

Н. В. Фёдорова, столкнувшись с несоответствием новых материалов из раскопок городищ Барсовой Горы периодизации нижнеобской культуры В. Н. Чернецова [Чернецов, 1953. – С. 136–245], предложила включить однослойные городища Барсов городок II/1, II/8, II/11–II/13 и II/15 с керамикой, близкой зеленогорской Нижнего Приобья, в рамки карымского этапа, расширив его хронологию до V – начала VIII веков [Фёдорова, 1978. – С. 80–82; 1981. – С. 140–142]. При этом она никак не соотносила их с материалами зеленогорской культуры по В. Н. Чернецову.

В 80-е годы XX века с появлением новых исследованных раскопками памятников, в том числе содержащих датирующие вещи в комплексе с керамикой зеленогорского типа, таких как погребение в Усть-Вагранском гроте на Северном Урале [Югорск..., 1997. – С. 31], городища Низямы III–V, Товгор-Лор 12, Каксинская гора I в Нижнем Приобье [Морозов, 1993. – С. 102–109; рис. 1 – 2, 7, 12, 15], городище Барсов городок II/15 и Барсовский V могильник в Сургутском Приобье у исследователей возникла полная уверенность в средневековой принадлежности зеленогорского типа памятников, датирующихся временем чуть более поздним, чем памятники карымского этапа.

Зеленогорский этап, датированный VI–VII веками, впервые был выделен Н. В. Фёдоровой, А. П. Зыковым, В. М. Морозовым и Л. М. Тереховой [Фёдорова и др., 1991. – С. 133–135]. Однако в обосновании его выделения, особенно в описании керамики и в подборке рисунков сосудов для сводной иллюстрации, был допущен определенный крен: внимание, в первую очередь, было обращено на тип керамики, наиболее соответствовавший «классическому» зеленогорскому, выделенному В. Н. Чернецовым для Нижнего Приобья. А ведь авторам уже и тогда было очевидно, что в рамках выделенного ими этапа в Сургутском Приобье существовало две группы керамики: ранняя, соответствующая «классической» зеленогорской, и поздняя, достаточно явно отличавшаяся от ранней и в большей степени сопоставимая с керамикой рёлкинской культуры Нарымского Приобья. Но как раз поздняя группа была описана очень скупо, а указание на близость зеленогорских материалов малгетско-рёлкинским в статье не было аргументировано [Фёдорова и др., 1991. – С. 134–135]. Именно последнее обстоятельство и вызвало вполне резонную критику со стороны Л. А. Чиндиной [1993. – С. 54].

За истекшие два десятилетия каких-либо принципиально новых положений в трактовке зеленогорского этапа не появилось, если не считать таковым предложение К. Г. Карачарова все последовательные этапы, в том числе и зеленогорский, переименовать в отдельные археологические культуры [Чемакин, Карачаров, 1999. – С. 44–45, 48–51].

В своих недавних публикациях [Зыков, 2006. – С. 114–116; 2006а. – С. 41–44; Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 54, 57] я продолжал использовать ставшее уже, казалось бы, классическим описание зеленогорского этапа с обязательным указанием на существование раннезеленогорской и позднезеленогорской хронологических групп керамики и соответствующих им ранних и поздних памятников. Не скрою, что именно так был написан первый вариант рукописи этой монографии в 2004 году. Но в процессе создания окончательного варианта текста и иллюстративного ряда мне стала ясна необходимость выделения позднезеленогорской группы керамики и памятников в отдельный более поздний этап, названный «рёлкинским». Кстати, именно в этом удобстве работы с выделяемыми этапами одной археологической культуры и крылась основная идея нашей совместной статьи [Фёдорова и др., 1991. – С. 127, 129]. Тогда нас никто не понял, увидев лишь призыв авторов отказаться от употребления термина «археологическая культура», которого в той статье не было.

С хронологией памятников зеленогорского этапа нижнеобской культуры далеко не все ясно. Положение их в периодизации Сургутского Приобья вполне очевидно: между самым поздним (из известных) карымским городищем Барсов городок II/10 и самым ранним городищем Барсов городок II/15 рёлкинского этапа. Преемственность зеленогорской керамики с карымской очевидна. Но сегодня определить время этого перехода можно лишь в достаточно широком диапазоне: конец V – 1-я половина VI вв. н. э.

Период существования памятников с зеленогорской группой керамики был продолжительным — на Барсовой Горе с ней связаны три последовательно сменявших друг друга городища Барсов городок II/8, II/1 и II/12. К сожалению, единственный в Сургутском Приобье датирующий предмет, связанный с зеленогорской керамикой, найден только на одном из самых поздних городищ с этой группой посуды — Сургутское I («Орбита») в черте современного г. Сургута. При его раскопках в основании забутовки оборонительной стены была обнаружена бронзовая литая колоколовидная полусферическая подвеска-пронизка с рельефным отверстием для шнура в вершине.

Бронзовые колоколовидные конусовидной формы подвески с литым или напаянным ушком известны в хуннском Дэрестуйском могильнике II–I вв. до н. э. в Забайкалье [*Степная полоса Азиатской части...*, 1992. — Табл. 105 — 56], Тулхарском и Бабашовском могильниках последней трети II в. до н. э. — I–III вв. н. э. кочевников Северной Бактрии [*Мандельштам*, 1975. — С. 125; табл. XLV — 27; *Степная полоса Азиатской части...*, 1992. — С. 113–114; табл. 42 — 31], гунно-сарматских могильниках II–IV вв. н. э. — Темясовском, Лебедевском VI, Сары-Тау на Южном Урале [*Боталов, Гуцалов*, 2000. — С. 135; рис. 30 — 7–9; 38 — 55–57], в позднесарматском погребении 1 (II — 1-й половины III вв. н. э.) кургана 20 могильника Новоалександровка I в низовьях Дона [*Беспалый*, 1990. — Рис. 4 — 4]. Среди этих подвесок достаточно много настоящих колокольчиков с бронзовыми или железными язычками. С. И. Руденко считал, что эти колоколовидные подвески были изделиями китайского производства [*Руденко*, 1962. — С. 47; рис. 41 — 3–к]. Цельнолитые полусферические колоколовидные пронизки, аналогичные находке с Сургутского I городища, известны в Средней Азии в Пенджикете в слоях VIII века [*Распопова*, 1980. — С. 119; рис. 78 — 13] и в верхнем горизонте конца IV–VII вв. н. э., а возможно, и начала VIII века городища Джеты-Асар 3 [*Левина*, 1966. — С. 69; рис. 13 — 25], в составе клада конца VI — начала VIII вв. н. э. у села Лебеди в Кузнецкой котловине [*Бобров*, 2002. — С. 207–208; рис. 1 — 20, 21], на Южном Урале в комплексах конца VI — VII вв. н. э. погребений 382 и 433 Бирского могильника [*Мажитов*, 1987. — С. 119; рис. 1 — 12; 1990. — Рис. 2 — 12, 17], погребений 2, 7 и 10 Маняковского могильника, погребения 2 кургана 46 Лагерева могильника [*Мажитов*, 1977. — Табл. I — 114; 1981. — Рис. 6 — 13; 7 — 13, 14, 19; 11 — 12, 13], в погребении 2 кургана 1 VIII века Байрамгуловского могильника [*Боталов, Бабенко*, 1998. — Рис. 2 — 37–41], в Прикамье — в комплексах погребений конца VII–VIII вв. н. э. неволинской стадии неволинской культуры [*Голдина, Водолаго*, 1990. — С. 93; табл. XL — 10–12, 14, 15; LXVIII — 73], деменьковской стадии ломоватовской культуры [*Голдина*, 1979. — Рис. 1 — 242; 1985. — Табл. XXI — 7–11], весьякарской стадии поломской культуры [*Голдина*, 1995. — Рис. 5 — 7]. Самой западной и, вероятно, самой поздней колоколовидной пронизкой является находка со славянского городища Титчища (VIII–X вв. н. э.) на Среднем Дону [*Седов*, 1982. — Табл. XXXIX — 3]. Бронзовые колоколовидные пронизки типа найденной на городище Сургутском I были изделиями среднеазиатского производства. Именно из Средней Азии они первоначально распространялись на Южном Урале и в Сибири, где обнаруживают устойчивую взаимовстречаемость в одних комплексах с геральдическими поясными наборами «стиля псевдопряжек» 2-й половины VI — VII вв. н. э. [*Иванов, Кригер*, 1987. — С. 109; рис. 2], а лишь затем в конце VII — VIII вв. н. э. — в Прикамье.

В Нижнем Приобье на памятниках с «классической» зеленогорской керамикой найдено также немало вещей, допускающих узкие датировки. Так, на городище Низямы IV обнаружена бронзовая бляшка с рельефным изображением головы медведя, расположенной между лап, с отверстиями для пришивания [*Морозов*, 1993. — С. 106; рис. 1 — 6]. Она практически аналогична бляшке из состава кладов у д. Плёс в Верхнем Прикамье, которые Р. Д. Голдина отнесла к концу VI — VII вв. н. э. [*Голдина*, 1985. — С. 116–117; табл. LI — 15]. На городище Низямы V была найдена бронзовая подвеска, основу которой составляет крупный овал с центральным выпуклым умбоном, оконтуренным рельефным рассеченным желобками валиком, снабженный в нижней части гроздьё из трех окружностей с выпуклыми умбонами, в верхней — ушком для привешивания [*Морозов*, 1993. — С. 106; рис. 1 — 2]. Эта находка является сильно стилизованной в оформлении поверхности, но точно передающей общий вид прототипа: серебряного позолоченного медальона с вставками из сердолика, оконтуренными зернью и сканью. Такие медальоны и их копии из бронзы и серебра, изготовленные литьем по оттискам оригиналов, известны на широкой территории Приуралья: в Северной Башкирии, Верхнем Прикамье, в верховьях Печоры и на Средней Вычегде. Они найдены в Подчеремском [*Городцов*, 1937. — С. 117; рис. 6 — 7] и Георгиевском кладах [*Голдина*, 1985. — С. 117–118; табл. LIII — I], в погребениях 1 и 25 Веслянского I могильника [*Соловьёва*, 1979. — С. 94–95; рис. 1 — 50], в погребении 4 кургана 16 Верх-Саинского могильника, в погребении 213 Неволинского могильника [*Голдина, Водолаго*, 1990. — С. 26, 60; табл. XXII — 26; XLVII — I], в погребении 382 Бирского могильника [*Мажитов*, 1987. — С. 117, 119; рис. 1 — 7; 1990. — С. 164, 265; рис. 2 — 7; 1993. — Рис. 3 — 3]. Большинство из этих комплексов уверенно датируется концом VI — VII вв. н. э. по наличию в них деталей поясной геральдической гарнитуры «стиля псевдопряжек» и сопутствующих ей вещей, а также находкам в них сасанидских монет (о датировке погребения 382 Бирского могильника с находкой хорезмийской монеты якобы VIII в. см. ниже). Но ряд комплексов допускает более раннюю датировку. Так, курган 16 Верх-Саинского могильника содержит типичный инвентарь VI века верх-саинской стадии неволинской культуры, а в его погребении 4 была найдена серебряная сасанидская монета шахиншаха Пероза (459–484 гг.), чеканенная во второй половине его правления [*Голдина, Водолаго*, 1990. — С. 25–26]. В погребении 25 Веслянского I могильника сочетались детали геральдического поясного набора с фрагментом типичного харинского пояса с бронзовыми прямоугольными накладками, и были найдены монеты Пероза с неизвестным годом чеканки и Хосрова I, чеканенная в 535 году [*Савельева*, 1979. — С. 93–95; рис. 1 — 30, 34–39, 43]. В Георгиевском кладе наряду с большим количеством вещей, характерных для агафоновской стадии конца VI — VII вв. н. э. ломоватовской культуры, были найдены 18 прямоугольных бронзовых поясных накладок, типичных для харинской стадии V–VI веков [*Голдина*, 1985. — С. 117–118; табл. LIII — 22, 23]. Таким образом, в Приуралье серебряные медальоны и их копии, аналогичные находке с городища Низямы V, появляются, возможно, в VI веке, но наиболее распространены в конце VI — VII веках.

Эти аналогии позволяют допустить, что зеленогорская группа керамики в Сургутском Приобье существовала, вероятнее всего, в пределах VI — начала VII вв. н. э., в период, непосредственно предшествовавший появлению в Северо-Западной Сибири поясов с геральдическими накладками «стиля псевдопряжек» конца VI — VII веков.

Эти аналогии позволяют допустить, что зеленогорская группа керамики в Сургутском Приобье существовала, вероятнее всего, в пределах VI — начала VII вв. н. э., в период, непосредственно предшествовавший появлению в Северо-Западной Сибири поясов с геральдическими накладками «стиля псевдопряжек» конца VI — VII веков.

В Сургутском Приобье разведками выявлены десятки городищ и несколько селищ с находками керамики зеленогорского этапа. Раскопками исследовано шесть городищ — Барсов городок II/1, II/2, II/8 и II/12, Сургутское I («Орбита») и Лангепас I [*Семёнова*, 2003. — С. 256–257] (рис. 16; 17).

Поселения зеленогорского этапа располагались на краю надпойменных террас рек, проток и озер. Достоверно зеленогорских селищ выявлено немного, все они представляли собой две-четыре постройки, примыкавшие к одновременным им городищам. Такие объекты выявлены около городищ Барсов городок II/12 (селище Барсова гора II/23) и Сургутского I. Большинство городищ одновременных им построек за пределами своих фортификаций не имели.

Все известные достоверно зеленогорские городища представляли собой компактные жилищно-оборонительные комплексы, построенные по единому плану. Строительство начиналось с оконтуривания площадки будущего укрепленного поселка ровиком — основой рва с оставлением разрывов в местах намеченных проходов. При раскопках такого прохода на городище Сургутском I была зафиксирована ошибка строителей: при рытье оконтуривающей канавы ее концы сильно разошлись в месте стыковки.

Поэтому строителям пришлось один из участков прорытой канавы засыпать и перенести ров на 2 м в напольную сторону. Конструкция оборонительных стен зеленогорских городищ Сургутского Приобья выявлена на памятниках, исследованных в конце 80-х — начале 90-х годов XX века, когда применялась более совершенная методика раскопок, чем в 1970-е годы. Она позволяла по вмятинам и нарушениям в погребенной почве проследить места расположения нижних венцов бревенчатой срубной стены — как длинных продольных, так и коротких поперечных перерубов. Раскопки толщи валов тонкими слоями с зачистками позволяли по небольшим различиям в цветности грунта проследить забутовки прямоугольных отсеков срубных стен. Оборонительные стены городищ Сургутского I и Барсов городок II/12 реконструируются как тарасные срубные конструкции толщиной 4 м, состоящие из трех линий стен, сложенных горизонтально уложенными бревнами диаметром 20–25 см, соединенных перерубами через 1,8–2,5 м. Внутренние отсеки срубов были забутованы грунтом на высоту 1,0–1,2 м. Изнутри к этим стенам пристраивались полуземляночные жилища и наземные хозяйственные постройки каркасно-столбовой конструкции (рис. 18).

Подобная сложная архитектурная конструкция затрудняла эффективный ремонт и перестройку оборонительных и жилых сооружений. Поэтому по мере износа поселки забрасывались и отстраивались уже на новом месте, как это прослежено для карымских городищ Барсовой Горы. Такая же последовательность

функционирования барсовских городищ зафиксирована и для периода зеленогорского этапа, доказанная как типологическими особенностями их керамики, так и преемственностью в их застройке. Как и карымские городища, все зеленогорские строились только в восточной части урочища Барсова Гора, в месте, наиболее удаленном от реки Оби — основного направления, с которого можно было ожидать вражеского набега. Но если все карымские городища сосредоточены в самом удаленном участке урочища длиной по берегу всего в 400 м, то четыре зеленогорских городища вытянулись по берегу протоки Микишкиной на 1,75 км. И все же, чтобы добраться до самого крайнего восточного городища Барсов городок II/1, нужно было проплыть по протоке Утоплой 5,2 км, а до крайнего западного городища Барсов городок II/12 — по протоке Микишкиной еще около 2,2 км. Ширина заболоченной, покрытой старичными озерами и прорезанной множеством протоков обской поймы в этом месте 2,2–3,6 км. Таким образом, место расположения зеленогорских городищ Барсовой Горы было надежно защищено от внезапного нападения крупного отряда врагов (рис. 16). Очевидно, что именно это обстоятельство и определяло топографию раннесредневековых городищ Сургутского Приобья. В VI – начале VII веках жизнь в регионе была очень беспокойной. Постоянная военная опасность заставляла практически все население проживать в укрепленных поселениях. Вероятно, именно поэтому открытые селища зеленогорского этапа практически не известны в Сургутском Приобье, если не считать те постройки, которые располагались вплотную к городищам.

Самым ранним зеленогорским городищем Барсовой Горы является Барсов городок II/8, расположенный в 220 м к востоку от позднейшего карымского городища Барсов городок II/10. Они очень близки по площади и количеству жилищ: соответственно, 1900 и 1850 кв. м, 11 и 12 построек; аналогичны по правильной прямоугольной форме, по расположению их одной из длинных сторон вдоль края берега, по двухрядной уличной застройке. Застройка зеленогорского городища более компактна, отсутствует широкая незастроенная «улица», ряды жилищ расположены всего лишь на расстоянии 4 м друг от друга, а их короткие коридорообразные выходы почти смыкаются. Подпрямоугольная форма и плотная двухрядная застройка жилищами характерна почти для всех зеленогорских городищ Барсовой Горы (рис. 17 – 7).

Более поздним, чем Барсов городок II/8, является городище Барсов городок II/1, расположенное в 460 м к юго-востоку. Площадь его составляет 1300 кв. м, оно имеет четырехугольную форму, вытянутую вдоль края берега, застроено восемью жилищами, расположенными в два ряда выходами навстречу друг другу (рис. 17 – 5). Вероятно, к этому же времени относилось и городище Барсов городок II/2, располагавшееся поблизости. Оно было почти полностью уничтожено при сооружении более позднего городища Барсов городок II/3–4 кучиминского этапа. Сохранившаяся часть памятника свидетельствует, что это было такое же четырехугольное городище, вытянутое вдоль края берега. Керамика, найденная на нем, относится к зеленогорскому этапу (рис. 17 – 4).

Самым поздним городищем с этой группой керамики в урочище был Барсов городок II/12, расположенный в 1,8 км к северо-западу от городища Барсов городок II/1. Аналогичное по планировке и застройке всем предыдущим, оно имело до разрушений, вызванных оползнем, десять жилищ и площадь не менее 2000 кв. м. Кроме того, к нему примыкали еще четыре жилища селища Барсова гора II/12а, очевидно, одновременных городищу (рис. 17 – 1, 2). Обращает на себя внимание заметное колебание числа объектов и площади зеленогорских городищ Барсовой Горы. Вероятнее всего, оно связано с изменениями численности коллектива, проживавшего здесь на зеленогорском этапе.

В финале этого периода в Сургутском Приобье происходит переход к иному принципу планировки укрепленных поселений — появляются округлые городища. На Барсовой Горе самым ранним таким городищем был Барсов городок II/15, содержащий керамику уже рёлкинского этапа, но за пределами урочища известны округлые укрепленные поселения с зеленогорской керамикой — городища Кинтусовское 2.1, Кучиминское I, Сургутское I («Орбита»). Все они имели от пяти до одиннадцати расположенных по окружности жилищ, коридорообразные выходы которых были направлены к центру, а задние стены примыкали к оборонительной стене. Центральная достаточно большая площадка оставалась либо свободной, либо на ней располагалась, как на Сургутском I городище, небольшая наземная постройка (рис. 17 – 3).

Возможно, это изменение планировки городищ было вызвано притоком в Сургутское Приобье групп населения из других районов, скорее всего, из Нижнего Приобья. То, что плотность населения здесь резко выросла, подтверждает появление круглых городищ в урочищах вблизи Барсовой Горы,

там, где более ранние зеленогорские памятники неизвестны: в Сайгатино и на месте теперешнего Сургута. То есть пришлое, зеленогорское же население осваивало прежде незанятые, пригодные для жизни места. А на нижнеобское происхождение этих пришлых групп указывают особенность орнаментации керамических сосудов Сургутского I городища, прежде всего, очень большая роль в ней крестовых штампов, нехарактерных для зеленогорской керамики Сургутского Приобья, но обычных для нижнеобских памятников зеленогорского этапа [Зыков, Кокишаров, 2001. – С. 57; рис. 25 – 11, 12; Чернецов, 1953. – Табл. XXI – 10].

В прослеженной последовательности строительства городищ зеленогорского этапа на Барсовой Горе обращает на себя внимание то, что каждый раз новый поселок строился на значительном удалении от предшествующего — от 400 м до 1,8 км. Очевидно, при этом учитывались какие-то важные обстоятельства, может быть, выборка в окрестностях оставляемого городища годного для строительства леса и сухостоя для дров.

На четырех городищах зеленогорского этапа Сургутского Приобья исследовано раскопками тринадцать жилищ и две постройки. Жилища Барсовой Горы представляли собой прямоугольные сооружения, углубленные в грунт на 0,2–0,3 м, площадью 33,0–80,8 кв. м с короткими (длиной до 1,5 м) коридорообразными выходами в одной из стен котлована. Конструкция стен жилищ — каркасно-столбовая. В центре сооружений располагался очаг в виде простого открытого кострища. В одном из жилищ городища Барсов городок II/1 очагов было два, второй был смещен в угол [Очерки культурогенеза..., т. I, кн. 1, 1994. – С. 366, 368]. Два исследованных раскопками жилища городища Сургутское I отличались от барсовских меньшей площадью (28 и 36 кв. м) и очень длинными ступенчатыми коридорообразными выходами (3,5–5,0 м). Прослежена конструкция этих сургутских жилищ. Они примыкали к бревенчатой срубной оборонительной стене, которая и была задней стенкой построек. Три другие стенки имели каркасно-столбовую конструкцию. Очаг в одном из жилищ был сооружен на возвышении материкового останца. С обеих сторон коридора-выхода под навесами находились очаги — летние кухни, хорошо известные по сибирской этнографии (рис. 18).

В раскопах на городищах Барсов городок II/1 и Сургутском I выявлены две наземные постройки площадью 7,0 и 3,7 кв. м с небольшими очажками. Вероятнее всего, это были остатки «маленьких домов» для временного проживания менструирующих женщин и рожениц в периоды их ритуальной «нечистоты» (рис. 18).

Здесь необходимо сделать небольшое отступление, имеющее прямое отношение к проблеме жилищ и построек зеленогорского этапа нижнеобской культуры Сургутского Приобья, а вернее — к проблеме их реконструкции. В 1993 году по заказу Сургутского краеведческого музея мною были проведены раскопки городища Сургутского I («Орбита»), расположенного в черте города. Они преследовали цель получить материал для создания археологического обоснования реконструкции городища конца VI – начала VII веков в натуральную величину. Научный отчет о раскопках, как и археологическое обоснование возможной реконструкции, были переданы в музей. Две иллюстрации из этого обоснования приведены в этой книге: внешний вид зеленогорского укрепленного поселения (вариант реконструкции городища Сургутское I) и внешний вид жилища городища Сургутское I (рис. 19, 20). Тогда же, в начале 1995 года, в Сургутский краеведческий музей были переданы два макета, сделанные под моим руководством по этим иллюстрациям.

Но речь о другом: в 2006 году была начата работа по заказу Сургутского краеведческого музея по созданию виртуальной реконструкции оборонительной системы и построек городища Сургутское I. С исполнителем этой работы Ю. М. Барановым я неоднократно встречался. Я его проинформировал, что не буду иметь ничего против данной работы, если Ю. М. Баранов будет строго придерживаться моего отчета об археологическом обосновании реконструкции. И что же я увидел в результате? В 2008 году в солидном московском научном сборнике появилась статья Ю. М. Баранова, И. С. Чарусовой и М. Ю. Баранова [Баранов и др., 2008. – С. 191–194], в которой был произведен не очень вразумительный анализ археологических источников по жилищам раннего железного века, средневековья и нового времени с очень странным выводом: «...на протяжении значительного времени конструкция жилищ в планиграфическом отношении принципиально не изменилась» [Баранов и др., 2008. – С. 192]. Напротив, она изменялась, и очень существенно [Зыков, Кокишаров, 2001. – С. 14–50; рис. 6–9, 14–17, 19–23]. Но дело даже не в этом. Авторы во главе с Ю. М. Барановым сделали то, о недопустимости чего я писал в обосновании 1994 года: они построили свою реконструкцию целиком на этнографических

аналогиях, создав «типичное традиционное жилище, широко распространенное до этнографического времени на данной территории» [Баранов и др., 2008. — С. 193; рис. 1; 2].

И вот подобными традиционными жилищами с наклонными стенами из плах и жердей, опирающихся на несущий каркас, состоящий из опорных наклонных столбов (от четырех до двенадцати, в зависимости от размеров сооружения), Ю. М. Баранов и его соавторы заполнили свою компьютерную виртуальную реконструкцию городища конца VI — начала VII веков. Действительно, такие жилища были описаны и сфотографированы этнографами конца XIX — XX веков в Сургутском Приобье и прилегающих к нему районах бассейнов Ваха, Таза, Казыма и т. д., но это вовсе не означает, что их можно некритично использовать при реконструкции раннесредневековой крепости. Любому более-менее грамотному археологу поймет, что такая реконструкция не годится для раскопанного мной жилища 2 Сургутского I городища. При большом количестве зафиксированных в нем и около него столбовых ямок не было ни одной наклонной (!), задняя стенка котлована постройки вплотную прилегала к остаткам срубной оборонительной стены городища, справа к нему вплотную примыкала небольшая постройка («маленький дом»), так что эта стена у них была общей, справа и слева от длинного тамбура входа и близко от лицевой стены жилища располагались наземные очаги. Все эти аргументы однозначно указывают, что стены жилища 2 были только прямыми. Все другие варианты, в том числе предложенный Ю. М. Барановым и его соавторами, я отказываюсь даже рассматривать как псевдонаучные и совершенно несерьезные.

Керамика зеленогорского этапа (рис. 21–29) нижнеобской культуры Сургутского Приобья представлена только круглодонными сосудами. Исключение лишь одно — небольшой плоскодонный горшок с Сургутского I городища. Шейка его не сохранилась, но общие пропорции, форма днища и раздутого тулова с выделенным ребром позволяют найти ему параллели среди некоторых кувшиновидных плоскодонных сосудов ранней группы посуды кушнаренковской культуры [Мажитов, 1977. — Табл. XV — II].

Среди зеленогорских коллекций сосудов Сургутского Приобья абсолютно преобладают горшковидные формы с выделенной шейкой. Закрытые чаши и котловидные сосуды встречаются в единичных экземплярах. Выделяется Сургутское I городище, в коллекции которого закрытые чаши составляют 22,8% всех сосудов. Для зеленогорской посуды, как и для предшествующей карымской, наиболее характерны скошенные внутрь венчики, часто с образованием карниза; сосуды с этим типом венчиков составляют до 84,4% коллекций. Сосуды с плоскими прямыми, округлыми или скошенными наружу венчиками встречаются единично. Большинство венчиков (до 91,6%) с наружной стороны орнаментированы в основном отрисками гребенчатых и гладких штампов, редко — отрисками угловых штампов и ногтевыми вдавлениями. До 56,7% венчиков орнаментированы и изнутри, в основном ногтевыми вдавлениями.

Поверхность зеленогорских сосудов плотно декорирована. Но, в отличие от карымской керамики, орнамент редко покрывал сосуды на две трети, чаще лишь шейку и плечики горшков, то есть треть или половину их поверхности. Фестоны из наклонных или прямых столбиков отрисков штампов (гребенчатого, змейкового, наколов), столь характерные для карымской орнаментации, на зеленогорских сосудах встречаются гораздо реже, узор на плечиках часто завершается треугольными композициями, заполненными отрисками фигурных, чаще угловых, штампов. Встречаются сочетания фестонов из треугольников и столбиков. Практически обязательным элементом орнаментации остается ряд ямок или жемчужин на шейке под венчиком.

Для зеленогорской группы сосудов, как и для посуды карымского этапа, выделяются по орнаментации три типа.

Тип I. Гребенчатая керамика. Описательная характеристика керамики этого типа почти аналогична характеристикам сосудов с гребенчатой орнаментацией карымского этапа. На однослойных карымских и зеленогорских памятниках керамика этого типа не отличается и не является показательной для выделения этапов. Одно из заметных отличий, скорее, количественное. В зеленогорской посуде типа I достаточно распространены горшки, шейки которых украшены короткими наклонными столбиками из отрисков гребенчатого или гладкого штампов, выполненных в технике отступания. Эти столбики всегда заключены между горизонтальными рядами орнамента. Среди карымских коллекций сосуд с такой

орнаментацией шейки известен на городище Кинтусовское 4.1. Украшение шейки наклонными столбиками из отступающих отрисков штампа (гребенчатого, гладкого, полулунного) станет характерным мотивом орнаментации керамики кучиминского этапа. Другое отличие гребенчатой зеленогорской керамики от карымской состоит в появлении горшковидных сосудов, шейка и плечики которых украшены горизонтальными поясками, выполненными проташенным гребенчатым штампом. Подобная техника орнаментации наиболее характерна для синхронных памятников Прииртышья, обычно выделяемых в потчевашскую культуру. В зеленогорских памятниках Сургутского Приобья сосуды типа I составляют до трети керамических коллекций.

Тип II. Фигурно-штампованная керамика. Эта керамика составляет большую часть зеленогорских коллекций — до 59,4%. Наиболее характерным и чаще всего встречающимся видом фигурного штампа является угловый. Посуда с орнаментацией отрисками различных вариаций угловых штампов составляет в коллекциях Сургутского Приобья от 62,7% до 90% от общего объема керамики типа II. Именно она и являлась определяющей для выделения памятников зеленогорского этапа.

Другие виды фигурных штампов: крестовый, ромбический, «уточка», S-образный, «след медведя» — в орнаментации зеленогорской керамики встречаются достаточно редко. Так, в коллекциях зеленогорских городищ Барсовой Горы сосуды, украшенные отрисками крестовых штампов, встречаются единично. Но среди фигурно-штампованной керамики Сургутского I городища посуда с орнаментацией крестовым штампом составляет 37,5% (18 сосудов из 48). Как говорилось выше, это, возможно, связано с притоком населения из Нижнего Приобья. Ромбические штампы, столь массово встречавшиеся на керамике предшествующего карымского этапа, обнаружены не более чем на 10,4% зеленогорских сосудов типа II. Причем нередко встречается сочетание отрисков крестового или ромбического штампов с угловыми.

Тип III. Желобчатая керамика. К этому типу отнесены сосуды, в орнаментации которых использованы желобки, выдавленные по сырой глине плоской палочкой. В зеленогорских коллекциях сосуды типа III составляют до 7,4%. Желобчатая керамика этого периода генетически связана с желобчато-валиковым типом керамики предшествующего карымского этапа.

В зеленогорских памятниках единично еще встречаются типично карымские слабопрофилированные котловидные или горшковидные толстостенные сосуды, вылепленные из рыхлого теста, с плоскими венчиками, украшенными по наружному краю ногтевыми вдавлениями. Наружная поверхность этих сосудов орнаментирована горизонтальными рядами, арочными или зигзаговыми композициями из желобков. Но большинство сосудов этого типа представлено относительно тонкостенными горшками с хорошо выделенной прямой шейкой, со скошенными внутрь венчиками, по форме и фактуре не отличающимися от основной массы посуды зеленогорской группы. В основном они имеют шейки, орнаментированные горизонтальным пояском из двух-семи желобков, сочетающимся с отриском гладких, гребенчатых или угловых штампов, украшавших зону под венчиком и образующих фестоны на плечиках. Появляются также горшки, у которых несколько горизонтальных желобков на шейке чередуются с рядами прямых или наклонных отрисков гребенчатого штампа, а плечики украшены фестонами из треугольных композиций, заполненных отрисками углового штампа.

Эта зеленогорская керамика завершает эволюцию желобчато-валиковой посуды, появившейся в Северо-Западной Сибири на карымском этапе, демонстрируя окончательную инкорпорацию чуждого по происхождению типа в местный керамический комплекс. В дальнейшем горизонтальные желобки в качестве разделителей орнаментальных зон надолго станут типичным элементом декора керамической посуды региона.

Зеленогорский этап нижнеобской культуры в Сургутском Приобье просуществовал достаточно долгий промежуток времени. Только на Барсовой Горе к нему относится четыре однослойных городища: столько же, сколько их было здесь на протяжении предшествующего карымского этапа. Значит, и протяженность их по времени должна быть примерно сопоставимой. Но, к сожалению, зеленогорский этап выделяется только по орнаментации керамической посуды, каких-либо датирующих вещей в памятниках этапа пока практически неизвестно. Лишь на двух самых поздних зеленогорских городищах с круговой планировкой оборонительных сооружений — Сургутском I и Кучиминском I — были найдены

бронзовые вещи, которые могли входить в круг предметов, сопровождающих поясную гарнитуру «стиля псевдопряжек» конца VI – VII вв. н. э. Поэтому я считаю, что зеленогорский этап нижнеобской культуры Сургутского Приобья можно уверенно относить к VI – началу VII вв. н. э. между концом карымского и началом рёлкинского этапов.

РЁЛКИНСКИЙ ЭТАП (конец VI – VII вв.)

Этот этап нижнеобской культуры никогда ранее в Сургутском Приобье не выделялся. В нашей совместной статье керамику городища Барсов городок II/15, в жилище II которого при раскопках Н. Н. Новиченкова была найдена бронзовая накладка-псевдопряжка, мы отнесли к финалу зеленогорского этапа [Фёдорова и др., 1991. – С. 134]. Даже в самых поздних статьях я относил керамику городищ Барсов городок II/15, II/11, II/13 и могильника Барсовского V к позднезеленогорской (рёлкинской) группе керамической посуды, завершавшей зеленогорский этап нижнеобской культуры [Зыков, 2006. – С. 115–116; 2006а. – С. 42–44]. Именно в такой редакции был написан в 2004 году первоначальный вариант рукописи этой монографии — без выделения отдельного рёлкинского этапа.

Но в процессе работы над окончательным вариантом текста я понял, что выделять рёлкинский этап необходимо. Во-первых, из всех имеющихся до сих пор публикаций можно невольно сделать вывод, что и «классическая», по В. Н. Чернецову, ранняя зеленогорская керамика, и позднезеленогорская (рёлкинская) керамика датируются суммарно единичными находками серебряных и бронзовых деталей поясной гарнитуры «стиля псевдопряжек», хорошо датирующихся концом VI – VII вв. н. э., что и определяет общую датировку зеленогорского этапа. Но ведь это не совсем верно. Гарнитура «стиля псевдопряжек» характерна только для памятников с рёлкинской керамикой Сургутского и Нижнего Приобья. Предшествующие же им памятники с «классической» зеленогорской керамикой находок датирующих вещей практически не имеют. Протяженность их существования определяется пока весьма приблизительно — около одного столетия. Керамика этих групп памятников очень похожа, но все же различия есть. И совершенно очевидно, что в урочище Барсова Гора памятники зеленогорского этапа предшествуют памятникам рёлкинского этапа.

Во-вторых, выше я уже писал (см. главу I), что К. Г. Карачаров, по-моему, имел намерения включить бассейн р. Аган в ареал рёлкинской археологической культуры [Перевалова, Карачаров, 2006. – С. 72–73]. Но в итоге ему показалось, что двух фрагментов керамики с городища Нёх-урий для этого слишком мало. Зная склонность Константина Геннадьевича к выделению археологических культур с очень небольшим периодом существования, я не был удивлен такому намерению. Но после выделения памятников рёлкинской культуры (в понимании Л. А. Чиндиной) на р. Аган, К. Г. Карачаровым неизбежно будет сделан вывод о том, что данные памятники были оставлены мигрировавшими с юго-востока вниз по р. Оби переселенцами. В принципе, для меня бы это ничего не меняло. В моих представлениях о периодизации Барсовой Горы памятники с поднезеленогорской керамикой и находками предметов поясной гарнитуры «стиля псевдопряжек» занимали строго определенное место между более ранними с «классической» рёлкинской керамикой по В. Н. Чернецову и более поздними — кучиминского этапа VIII–IX веков. Вместе с тем, я понимал, что признание возможности существования памятников рёлкинской культуры (по Л. А. Чиндиной) на территории рассматриваемого региона внесет еще большую неразбериху в периодизацию средневековья Сургутского Приобья в кругу специалистов, незнакомых с материалами Барсовой Горы. Выделить новую археологическую культуру гораздо легче, чем потом доказывать, что это было недостаточно обосновано.

Исходя из этих аргументов, я предлагаю выделить памятники Сургутского Приобья, для которых характерны керамические сосуды, ранее объединяемые в позднезеленогорскую группу, в отдельный **рёлкинский этап** нижнеобской культуры. Свое название этот этап получил по могильнику Рёлка в Нарымском Приобье, керамические сосуды I-го и II-го типов которого очень близки керамике этого периода Сургутского Приобья [Чиндина, 1977. – С. 52–68; рис. 36; 37].

Керамика рёлкинского этапа нижнеобской культуры выделена по материалам раскопок пяти памятников Сургутского Приобья: городищ Барсов городок II/11, II/13, II/15, могильника Барсовского V

и селища Коттымъёган 5 в бассейне р. Аган [Мызников, 2004. – С. 381] (рис. 30). К сожалению, керамические коллекции этих памятников очень малочисленны и фрагментарны. Так, на Барсовском V могильнике были найдены фрагменты от четырех сосудов [Карачаров, 1993. – С. 112; рис. 1 – 47, 48, 51], а на селище Коттымъёган 5 — только один фрагмент венчика [Мызников, 2004. – С. 381]. Но все же они позволяют охарактеризовать керамический комплекс рёлкинского этапа. Сюда же можно отнести и два фрагмента из разведывательных сборов с городищ Нёх-урий 2 на р. Аган [Перевалова, Карачаров, 2006. – С. 73].

Посуда этого периода (рис. 34, 35) представлена исключительно круглодонными горшками с выделенной шейкой. Типичные для предшествующих этапов скошенные внутрь венчики еще остаются преобладающими и в это время, но заметную долю рёлкинских сосудов составляют образцы с округлыми, плоскими или заостренными венчиками. Новым элементом, почти неизвестным на зеленогорской посуде, становятся наклепные валики на внешней стороне под венчиком, выше ямочной зоны, иногда оформлявшиеся в виде нависающего карниза.

Орнамент покрывал преимущественно лишь верхнюю треть сосудов — шейку и плечики. Лишь у мелких горшков тулово орнаментировалось вертикальными столбиками оттисков различных штампов (гребенчатого, углового, полулунного, наколами палочки). Шейки украшались горизонтальными зонами, разделенными желобками. На большинстве рёлкинских сосудов на шейке имелось от одного-двух до шести желобков. Реже в качестве разделителя орнаментальных зон использовались ряды из горизонтально поставленных оттисков гребенчатого штампа («ложношнуровой» орнамент), в единичном случае встречена разделительная полоса из протасенной гребенки.

Орнаментация исключительно гребенчатым штампом встречается редко. В основном использовалось два или три вида штампов, не считая ямок и желобков, а в единичных случаях — до четырех-пяти штампов. Гребенчатые и змейковые штампы использовались в основном для создания полос из прямо или наклонно поставленных оттисков, иногда — для создания гребенчатой «елочки» или меандровых композиций. Характерной особенностью рёлкинской керамики было широкое использование в орнаментации гребенчатых зигзагов: в виде двух- или трехрядных горизонтальных полос на шейке, а также одно- или двухрядных полос на плечиках. На плечиках сосудов такие зигзаги чаще всего завершались сдвоенными вертикальными гребенчатыми оттисками, отходящими от нижних углов зигзаговой композиции, а иногда еще и дополнялись тремя наколами круглой палочки.

Большинство рёлкинских сосудов украшались оттисками фигурных штампов. Степень применения угловых и близких к ним полулунных штампов была невелика, чаще всего они использовались для заполнения треугольных композиций на плечиках горшков. Однако именно присутствие этого вида фигурных штампов и позволяет рассматривать эту группу керамики близкой по времени к зеленогорскому этапу. На трех сосудах, в том числе на двух из Барсовского V могильника, зафиксировано использование крестового штампа, единично присутствует овально-ромбический штамп с решетчатым заполнением. Самым же массовым по степени использования были S-образные и уточковые штампы самых различных модификаций, причем, среди них явно преобладали мелкие. В основном они составляли горизонтальные полосы на шейках сосудов, состоящих из одного-четырёх рядов отпечатков. Как правило, штампы ставились вертикально, но встречаются и наклонные, и даже горизонтально поставленные отпечатки. Подобные орнаментальные полосы иногда повторялись, разделенные желобками и зонами оттисков других видов штампов.

В памятниках рёлкинского этапа Барсовой Горы не встречено ни одного фрагмента сосудов, преимущественно украшенных желобчато-валиковой орнаментацией, обязательных во всех представленных коллекциях памятников карымского и зеленогорского этапов нижнеобской культуры Сургутского Приобья, где они составляют их особый тип III. Наклепные валики под венчиком и желобки в качестве разделительных зон стали уже массовым явлением в орнаментации керамики рёлкинского этапа Сургутского Приобья. Практически процесс инкорпорации пришлого восточносибирского населения, принесшего сюда традиции изготовления желобчато-валиковых керамических сосудов, практически полностью завершился полной ассимиляцией их потомков местным сургутским населением к началу рёлкинского этапа. Именно отсутствие этого *типа* посуды в памятниках рёлкинского этапа Сургутского Приобья не позволяет однозначно включать эту территорию в ареал рёлкинской культуры Томско-Нарымского Приобья, для которой желобчато-валиковая посуда типа III была обязательной.

Таким образом, своеобразие этой группы керамики состоит в массовом использовании в орнаментации разделительных желобков, зигзаговых композиций, выполненных оттисками гребенчатого штампа, широким применением S-образных и уточковых штампов. Сочетание этих особенностей, часто присутствующих одновременно на одном сосуде, позволяет практически безошибочно выделять рёлкинские памятники.

Уже с первого взгляда очевидно значительное сходство этой группы керамики Сургутского Приобья с первым и вторым типами рёлкинской посуды. Вместе с тем, еще раз необходимо отметить, что в периодизации раннесредневековых памятников Барсовой Горы комплексы с рёлкинским типом керамики занимают четкую хронологическую позицию между предшествующими им комплексами с «классической» зеленогорской керамикой и памятниками более позднего кучиминского этапа, причем преемственность и эволюционная последовательность всех этих комплексов несомненна. Материалы Барсовой Горы со всей очевидностью доказывают, что «ренессанс» орнаментации керамики рёлкинской группы оттисками S-образных и уточковых штампов никак не связан с прямым продолжением кулайских орнаментальных традиций. В Сургутском Приобье между самыми поздними кулайскими памятниками с уточковой орнаментацией керамики и комплексами с керамикой рёлкинского типа зияет огромный хронологический разрыв в два с половиной века, плотно заполненный памятниками карымского и зеленогорского этапов. В этот период «уточковая» традиция в орнаментации глиняной посуды никогда не исчезала полностью, но существовала в латентном состоянии и использовалась очень ограниченно.

Впрочем, вопрос о соотношении памятников рёлкинской культуры и сходных с ними комплексов Барсовой Горы пока остается открытым. Для его решения, во-первых, необходимо выявление памятников, сходных с рёлкинскими, на территории нижнеобской культуры за пределами Барсовой Горы, и не только в Сургутском, но и в Нижнем Приобье. А такие памятники, повторимся, пока неизвестны. Во-вторых, необходимо выявление в Нарымском Приобье, в ареале собственно рёлкинской культуры, надежно датированных памятников IV–VI вв. н. э., содержащих керамику. И наконец, необходимы исследования в практически не изученной полосе Нижневартовского района ХМАО – Югры и севера Томской области, чтобы в какой-то степени заполнить огромное «археологическое белое пятно», разделяющие Барсову Гору и ближайшие к ней исследованные раскопками памятники рёлкинской культуры.

Городища в урочище Барсова Гора с керамикой рёлкинского этапа (рис. 31 – 2, 3) Барсов городок II/15 и II/11 имеют контуры, близкие к округлым. Напомним, что такая планировка городищ, резко отличавшаяся от четырехугольных укрепленных поселений с уличной планировкой с двумя рядами жилищ, направленных входами навстречу друг другу, карымского и зеленогорского этапов, появилась в Сургутском Приобье в самом конце зеленогорского этапа. Всего известно только три таких городища: Сургутское I, Кучиминское I и Кинтусовское 3; все они находятся за пределами Барсовой Горы. Раскопками исследовано только Сургутское I городище. Комплекс керамики, целиком представленный в этой монографии, не позволяет рассматривать этот однослойный памятник вне рамок собственно зеленогорского этапа Сургутского Приобья, хотя находка на нем бронзовой колоколовидной подвески позволяет относить памятник к самому финалу зеленогорского этапа: концу V – началу VII веков, то есть ко времени, максимально близкого началу рёлкинского этапа. Можно только догадываться, почему в регионе произошел отказ от простых прямоугольных городищ, обращенных одной из длинных сторон к краю береговых террас, и переход к округлым укрепленным поселениям, более сложным по планировке и не дающим почти никаких преимуществ в обороне. Можно только предполагать, что это было связано с какими-то переселениями в Сургутское Приобье групп западносибирского населения, также носителей керамики зеленогорского этапа из Нижнего Приобья. Возможно, именно поэтому в урочище Барсова Гора, плотно заселенном местными коллективами, и не возникало округлых городищ в период зеленогорского этапа VI – начала VII веков. Очевидно, пришлые группы предпочитали в этот период заселять не занятые ранее территории к западу и востоку от Барсовой Горы — урочище Сайгатино (Кучиминское I городище) и место, где находится современный г. Сургут (Сургутское I городище).

Но на рёлкинском этапе эта, возможно, привнесенная извне, мода на строительство округлых укрепленных поселений утвердилась и на Барсовой Горе. Самым ранним из них стало городище Барсов городок II/15, располагавшееся в 1,7 км к северо-западу от самого позднего предшествующего ему

городища Барсов городок II/12 зеленогорского этапа. Они были примерно одинаковы по размерам и количеству построек внутри оборонительных систем: на Барсовом городке II/12 — не менее девяти жилищ, на Барсовом городке II/15 — десять, из них девять — по окружности и одно, довольно крупное, — в центре. Оба городища за пределами рвов имели по несколько одновременных им жилищ.

Несомненно, что городище Барсов городок II/15 строилось по примеру почти идеально круглого, самого позднего городища зеленогорского этапа Сургутского I. В нем находились остатки небольшой наземной постройки. Городище Барсов городок II/15 рёлкинского этапа также пытались построить с очертаниями, близкими к округлым, но реально получился неправильный трапециевидный контур оборонительного рва и стены с тремя проходами на площадку. Барсовская крепость, в отличие от более ранней сургутской, имела гораздо более плотную и несколько более хаотичную застройку внутренней жилой площадки. Внутри оборонительной стены на ней размещались девять полуземляночных четырехугольных слабоуглубленных жилищ, оконтуренных песчаной обваловкой, причем только пять из них одной или даже двумя стенками примыкали к оборонительной стене, два — примыкали к ней только одним из углов, а два (жилища III и VIII) вообще находились на расстоянии 3–4 м от нее. Таким образом, складывается впечатление, что строители этой крепости пытались создать укрепление с круговой планировкой оборонительных сооружений, но это у них не получилось; не все жилища удалось пристроить к оборонительной стене, особенно в западной части площадки, где заканчивалась застройка. Более позднее городище Барсов городок II/11 имело более правильные округлые контуры оборонительных конструкций и семь из восьми жилищ, расположенных по окружности внутренней площадки, были пристроены одной или двумя стенками к оборонительной стене. Архитекторы рёлкинского этапа Сургутского Приобья постепенно набирались опыта и осваивали неизвестную им ранее практику строительства укрепленных поселений с округлой планировкой.

Еще одним ярким отличительным признаком городищ рёлкинского этапа нижнеобской культуры Барсовой Горы является то, что в центре их располагалось по одному крупному жилищу площадью около 130 и 80 кв. м (соответственно, на городищах Барсов городок II/15 и II/11). Не исключено, что это были дома предводителей коллективов — военных вождей, вроде тех, кто был захоронен в могиле 7 кургана 1 могильника Рёлка [Чиндина, 1977. — Рис. 6], в погребениях могильников Сайгатинский III (№ 99), Сайгатинский I (№ 73), Барсов Городок (№ 118) конца кучиминского этапа нижнеобской культуры. Впрочем, никаких доказательств этому предположению нет — ни одно из этих жилищ раскопками не исследовалось.

Городище Барсов городок II/15 является единственным памятником рёлкинского этапа нижнеобской культуры Сургутского Приобья, на котором были исследованы раскопками его оборонительные конструкции: в 1974 году — Н. В. Фёдоровой и в 1987 году — Н. Н. Новиченковым. И никаких следов оборонительной стены ни в валу городища, ни под ним ниже уровня погребенной почвы в обоих раскопах зафиксировано не было. С особенностью методики археологических раскопок средневековых городищ многими археологами в 70–80-е годы XX века, когда они умудрялись не находить следов оборонительных стен, я слишком хорошо знаком. Поэтому в варианте рукописи 2004 года вопрос об оборонительной стене городища Барсов городок II/15 я обошел молчанием. Тогда еще отдельного рёлкинского этапа я не выделял, а его материалы рассматривал в рамках зеленогорского этапа. Остатки же оборонительных стен зеленогорских городищ Барсов городок II/12 и Сургутского I были мне хорошо известны.

Возможно, вопрос об оборонительных сооружениях городищ рёлкинского этапа так и остался для меня неясным, если бы в полевом сезоне 2008 года мне не представилась возможность провести раскопки на городище Барсов городок II/15 (рис. 32). К этому времени памятник был почти полностью уничтожен: через него прошли железная дорога и шоссе с асфальтовым покрытием. Случайно уцелело не более 4% его первоначальной площади, поверхность которой была сильно повреждена бульдозерными планировками, полностью уничтожившими ее первоначальный рельеф. Именно здесь мной был вскрыт участок западного рва протяженностью 11,8 м, шириной 1,20–1,80 м, глубиной 1,60–1,75 м от уровня погребенной почвы (древней поверхности). Стенка рва со стороны внутренней площадки была почти отвесная, со стороны напольной части — более пологая. На всем протяжении рва в его заполнении и в плане, и в профилях фиксировались мощные линзы прокалов и угля — развал обрушившейся сторевшей деревянной оборонительной стены. Остается лишь пожалеть, что столь уникальное погибшее при пожаре городище не было исследовано вовремя и погибло окончательно, будучи уже памятником археологии прямо на наших глазах.

В 2008 году мной была исследована траншея раскопа 1974 года Н. В. Фёдоровой, и выяснилось, что ров был недокопан на 0,5 м и никаких прокалов и углей в его профиле зафиксировано не было! А остатки срубной оборонительной стены на городище Барсов городок II/15, как я и ожидал, в раскопе 2008 года удалось зафиксировать даже при полностью уничтоженных валах. Они представляли собой узкую продольную канавку, шедшую параллельно рву, и перпендикулярные ей три поперечные канавки шириной до 32 см, глубиной до 43 см. В них укладывались не менее двух нижних венцов срубной оборонительной стены тарасной конструкции шириной до 2,8 м с перерубами через 2,8–3,0 м. Стена начинала складываться с коротких поперечных венцов. Лицевая часть срубной стены находилась сразу за рвом, именно эта сгоревшая ее часть обрушилась в ров, образовав в его заполнении линзы прокалов и угля.

В раскопе 2008 года был зафиксирован угол, которым задняя стенка жилища IX была пристроена к оборонительной стене. В этом месте находилась крупная прямоугольная столбовая яма № 7, которая завершала поперечную канавку срубной оборонительной стены. Скорее всего, в пазах вертикального прямого столба, стоявшего здесь, методом заплота фиксировались концы бревен переруба оборонительной стены, сам же столб был одновременно угловым в жилище IX. Задняя каркасно-столбовая стенка жилища проходила под небольшим углом к оборонительной стене, отходя от нее на расстояние до 2,5 м.

Более позднее городище Барсов городок II/11 было построено в 2,5 км к юго-востоку от Барсова городка II/15, на стрелке мыса, образованного большим логом, разделяющим террасу высокого берега протоки Микишиной. Оно имеет такую же округлую, но более правильную планировку и такую же плотную застройку (рис. 31 – 3).

Позднейший на Барсовой Горе рёлкинский памятник — городище Барсов городок II/13 имеет совершенно нетипичные для этого периода мощную оборонительную систему и плотную хаотичную внутреннюю застройку, наиболее характерные для позднего средневековья Сургутского Приобья. На этом памятнике была исследована часть одной постройки раскопом площадью 72 кв. м, в котором была собрана небольшая коллекция рёлкинской керамики. Материал сильно фрагментирован. Скорее всего, керамика никак не связана с оборонительными сооружениями и визуальными фиксируемыми жилищными впадинами, относящимися в действительности к сайгатинской культуре позднего средневековья*.

На городищах Барсовой Горы было исследовано раскопками полностью — одно и частично — три жилища рёлкинского этапа нижнеобской культуры. Единственное полностью раскопанное жилище с городища Барсов городок II/11 представляло собой подпрямоугольную постройку площадью 62 кв. м, углубленную в грунт на 0,3–0,4 м от уровня древней дневной поверхности. Стены сооружения со всех сторон имели песчаную подсыпку толщиной 0,5–0,6 м. В короткой западной стороне жилище имело короткий (длиной 1,5 м) ступенчатый коридорообразный выход. В центре жилища находился простой наземный очаг. Судя по его мощности (до 0,4 м), высоким стенкам и правильным подпрямоугольным очертаниям (размерами 3×1 м), он был устроен в деревянной раме. Жилище функционировало продолжительное время. В целом, жилища рёлкинского этапа очень близки предшествующим им зеленогорским.

В Сургутском Приобье известен только один могильник рёлкинского этапа — Барсовский V. Он относится к концу этого периода, являясь местом захоронения жителей городища Барсов городок II/11. Могильник состоял из визуальными фиксируемых впадин, сгруппированных по две-пять в нечеткие ряды, вытянутые в широтном направлении (рис. 31 – 1). Учитывая, что погребений было немногим больше, чем зафиксированных впадин, количество захороненных на этом некрополе хорошо согласуется с нормальной смертностью коллектива, проживавшего на городище Барсов городок II/11 в период его функционирования.

Раскопками исследовано семнадцать погребений Барсовского V могильника. Тринадцать могил

* Фактическое отсутствие или очень малое количество керамики на памятниках этой эпохи не раз уже играло злую шутку с археологами при определении датировки позднесредневековых городищ. Так, к зеленогорскому этапу было отнесено городище Каксинская Гора I на р. Казым с мощной позднесредневековой трехлинейной, разнесенной в глубину системой обороны [Очерки культуригенеза..., т. 1, кн. 1, 1994. — С. 366; рис. 31 – 5]. В разрушенной части его площадки раскопками были выявлены объекты с зеленогорской керамикой, но все же датировать фортификации городища следовало по единичным, но очень выразительным находкам XV–XVI веков. Таких примеров можно привести множество.

были ориентированы по линии СЗ–ЮВ, четыре — по линии С–Ю. Размеры трапецевидных и овальных могильных ям определялись ростом погребенного, глубина могил составляла около 0,3 м. Сохранность костяков была неудовлетворительной, но по их фрагментам можно установить, что погребенные укладывались вытянуто на спине головой на юг и юго-восток, ногами — по направлению к протоке (рис. 33). Инвентарь погребений скуден — фрагменты керамики, коррозированные железные предметы, лишь в одном случае найдена серьга в форме несомкнутого кольца из тонкой медной проволоки. Большое количество изделий из бронзы и железа было найдено за пределами могил на поверхности, связь их с погребениями несомненна [Очерки культуригенеза..., т. 2, 1994. — С. 278, 280; рис. 42 – 2; Чемякин, Карачаров, 1999. — С. 46; рис. 15, 2–7, 10]. Могильник датируется концом VI – VII вв. н. э. [Карачаров, 1993. — С. 110–112].

Датировка памятников Сургутского Приобья с рёлкинской группой керамики уверенно определяется концом VI – VII вв. н. э., в том числе и находками с Барсовой Горы (рис. 32). При раскопках на полу жилища городища Барсов городок II/15 — самого раннего памятника с такой керамикой — была найдена бронзовая литая поясная накладка — псевдопряжка [Фёдорова и др., 1991. — С. 134; рис. 2Б – 17]. В коллекции сборов с разрушенной части этого городища есть обломок нижней части бронзовой прямоугольной накладки с четырьмя петлями на обороте с рельефным изображением на лицевой стороне трех голов медведей, расположенных вертикально друг над другом. Изображения оконтурены с боков ложновитыми жгутами и гладкими двугранными рельефными полосами. Весь контур накладки обведен рамкой из мелких перлов. Такая же накладка найдена в сборах с городищ Кучиминское I вместе с мелкими фрагментами зеленогорской керамики [Чемякин, 2003б. — С. 159]. В Западной Сибири известно еще 12 аналогичных блях: в кургане 7 могильника Рёлка [Чиндина, 1977. — Рис. 23 – 9; 24 – 13], погребении 3 могильника у Архиерейской заимки [Беликова, Плетнёва, 1983. — Рис. 73 – 1], могильнике Красный Яр 1 [Троицкая, Дураков, 1995. — С. 105; рис. 3 – 1, 2], погребении XX Окуневского III могильника [Могильников, Конилов, 1983. — С. 170, 179; рис. 9 – 14]. В Приуралье известны три подобные бляхи: из сборов в Верхнем Прикамье коллекции Зеликмана [Оборин, 1976. — С. 186; кат. № 27], в погребении 2 конца VI – VII вв. н. э. кургана 46 Лагаревского могильника [Мажигов, 1981. — Рис. 11 – 20], в погребении 2 VI века кургана 9 Верх-Саинского могильника [Голдина, Водолого, 1999. — С. 23; табл. XXX – 37; LXVI – 33]. Кроме верх-саинской накладки, отличающейся изображением медвежьих голов без лап и заполнением фона рельефными валиками, найденной в комплексе с характерным инвентарем верх-саинской стадии VI века неволинской культуры, все остальные бляхи этого типа либо надежно не датируются, либо обнаружены в погребальных комплексах совместно с геральдической поясной гарнитурой и сопутствующими ей вещами конца VI – VII вв. н. э.

Датировка Барсовского V могильника концом VI – VII вв. н. э. обоснована К. Г. Карачаровым [1993. — С. 110–112; рис. 1 – 10, 22, 47, 48, 51]. В коллекции памятника рёлкинские сосуды сочетаются с бронзовой геральдической поясной накладкой, наконечником ремня, бронзовыми округлыми накладками с рельефным изображением медведя в жертвенной позе и плакетками с зооантропоморфными изображениями прикамского облика — «сульде».

Эта датировка рёлкинской группы керамики подтверждается материалами памятника Зелёный Яр в Нижнем Приобье, где слой и объекты металлообрабатывающего комплекса с сосудами зеленогорского типа были перекрыты более поздним поминальным комплексом с сосудами рёлкинского типа [Зелёный Яр, 2005. — С. 260], в форме и орнаментации которых отчетливо прослеживаются переходные зеленогорско-кучиминские черты. В одном из жертвенных комплексов кроме керамики были найдены крупный фрагмент кожаного пояса с большим количеством серебряных геральдических накладок восьми типов, в том числе — с пятью псевдопряжками [Ражев, Фёдорова, 2002. — С. 12–13] и бронзовая подвеска «сульде» [Зелёный Яр..., 2005. — С. 66–69].

Датировка верхнего предела существования памятников с рёлкинской группой керамики устанавливается по двум могильникам Среднего Прииртышья — Окуневскому III и Лихачевскому. Найденная в их погребениях керамика относится к переходным рёлкинско-кучиминским типам, причем среди сосудов Окуневского III могильника есть характерные для рёлкинского этапа нижнеобской культуры экземпляры, находящие прямые аналогии в керамике рёлкинской культуры [Могильников, 1983. — Рис. 3 – 6, 7; 8 – 1, 4]. Сосуды Лихачевского могильника в большей степени соответствуют переходным к керамике начала кучиминского этапа [Генинг, Зданович, 1987. — Рис. 2 – 7, 8; 22 – 29; 3 – 22, 23; 4 – 24, 30]. Инвентарь погре-

бений этих некрополей в основном состоит из предметов, характерных для конца VI – VII веков, в том числе из бронзовых пряжек, наконечников ремней и геральдических поясных накладок «стиля псевдопряжек». Но на периферийных участках могильников выявлены погребения, в инвентаре которых были найдены детали поясной гарнитуры и вещи более позднего периода. Так, в крайнем западном погребении 1 Окуневского III могильника был обнаружен пояс с десятью бронзовыми полукруглыми бляхами с фасетированным краем и прямоугольной прорезью, наконечник ремня с таким же фасетированным краем и бронзовый литой перстень с прямоугольным гнездом для вставки [Могильников, Конигов, 1983. – С. 170, 172, 177; рис. 7 – 2–4]. В погребении 9 в южной части Лихачевского могильника было зафиксировано сочетание в инвентаре бронзовой накладки-псевдопряжки и одной створки прямоугольной двустворчатой накладки с прямоугольной прорезью, крепившейся к ремню с двух сторон четырьмя штифтами [Генинг, Зданович, 1987. – Рис. 3 – 3, 4]. В Пенджикенте аналогичные окуневским накладки и наконечники с фестончатыми краями найдены в слоях 1-й четверти VIII века, прямоугольные прорезные двустворчатые накладки — в слоях 1–3-й четвертей VIII века, а перстни — в слоях VII – 3-й четверти VIII вв. н. э. [Распопова, 1980. – С. 89, 116; рис. 63 – 1, 3, 8; 64 – 10; 77 – 3–9]. Сочетание фасетированных полукруглых прорезных блях, фасетированного наконечника и прямоугольной прорезной двустворчатой бляхи зафиксировано в комплексе погребения 3 кургана 7 Хусаиновского могильника на Южном Урале [Мажитов, 1981. – С. 45; рис. 24 – 13–15, 17], все они характерны для погребений конца VII – VIII вв. н. э. Верхнего Прикамья: неволинской стадии неволинской культуры [Голдина, Водолаго, 1990. – С. 93; табл. XXX – 2, 3; XXXII – 27, 28; LXVIII – 21, 40], деменьковской стадии ломоватовской культуры [Голдина, 1985. – Табл. X – 40–42; XII – 14, 15; XIII – 20; Голдина, Кананин, 1989. – Рис. 69 – 6, 9, 14]. На самом деле количество аналогий этим типам деталей поясной гарнитуры в памятниках Средней Азии, Казахстана, Верхнего Приобья, Алтая и Тувы очень велико и все они не противоречат приведенным здесь датировкам. Таким образом, время распространения в Западной Сибири поясов с геральдической гарнитурой, как и в Приуралье, в основном не выходит за пределы конца VI – VII вв. н. э.; лишь в единичном случае (погребение 9 Лихачёвского могильника) зафиксировано использование псевдопряжки в конце VII – 1-й половине VIII вв. н. э.

Очевидно, что период существования памятников с рёлкинской группой керамики полностью совпадает с периодом бытования в регионе поясной геральдической гарнитуры «стиля псевдопряжек», то есть памятники рёлкинского этапа нижнеобской культуры Сургутского Приобья синхронны могильнику Рёлка в Нарымском Приобье, могильникам маняковского типа на Южном Урале, погребальным комплексам бартымской стадии неволинской культуры, агафоновской стадии ломоватовской культуры, варнинской стадии ломовской культуры в Прикамье.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление в связи с тем, что вопрос хронологии геральдической гарнитуры «стиля псевдопряжек» является дискуссионным в отечественной археологии. Любой исследователь, столкнувшийся с проблемой датирования памятников по находкам этой категории поясных наборов и большого комплекса сопутствующих им вещей, неизбежно встает перед выбором одной из трех основных взаимоисключающих точек зрения. Учитывая огромный ареал распространения псевдопряжек, встречающихся в Венгрии, Поднепровье, Приазовье, лесостепном Приуралье и Зауралье, Кузнецкой котловине и Алтае, разноразличных датировок, встречающихся в публикациях, очень велик: от 2-й половины VI – 1-й половины VII веков до VIII века и даже до IX–X веков [Плетнёва, 1984. – С. 86; рис. 11 – 4].

Впервые датировка погребений с находками псевдопряжек Бахмутинского могильника в Башкирии была предложена А. В. Шмидтом в пределах VI–VII вв. н. э., ограниченная позднее А. П. Смирновым только VI веком [Смирнов, 1957. – С. 52, 54; табл. VI – 10; VII – 1]. На материалах исследования большого количества раннесредневековых могильников Северной Башкирии и Прикамья В. Ф. Генингом и Р. Д. Голдиной была создана подробная периодизация погребальных комплексов и хронология некоторых категорий инвентаря, прежде всего, поясных наборов. Интересующие нас поясные наборы с геральдической гарнитурой и псевдопряжками, названные ими агафоновскими, первоначально были датированы 2-й половиной VI – 1-й половиной VII вв. н. э. [Генинг, 1979. – С. 100–101; рис. 1; Генинг, Голдина, 1973. – С. 87; Голдина, 1970. – С. 88–90]. В серии своих более поздних публикаций Р. Д. Голдина скорректировала датировку комплексов с агафоновской гарнитурой до конца VI – VII вв. н. э. [Голдина, 1979; 1985. – С. 126–128; рис. 16; 1994. – С. 18–19; рис. 4; Голдина, Водолаго, 1990. – С. 92–93; табл. LXVII; Голдина, Камынин, 1989. – С. 84–85; рис. 4; Голдина, Королёва, Макаров, 1980. – С. 47–50]. Р. Д. Голдина выделяла культурно-хронологические стадии ломоватовской,

неволинской и ломовской культур по взаимовстречаемости в погребениях характерных наборов металлургических украшений костюма, прежде всего, деталей поясной гарнитуры, а также бус, оружия, конского снаряжения. В комплексах каждой выделенной стадии был выявлен характерный комплекс восточных монет. Так, в погребениях агафоновской стадии конца VI – VII веков найдены сасанидские монеты царей Пероза, Кавада I и Хосрова I, самая поздняя из которых отчеканена в 570 году, но неизвестны монеты Хосрова II, сопровождающие могилы более поздней деменьковской стадии [Голдина, 1985. – С. 128]. Для всех могильников Верхнего Прикамья с достаточно большим количеством исследованных раскопками могил проводились планиграфические исследования, доказавшие в большинстве случаев обособленность погребений каждой выделенной стадии на территории некрополей, зафиксированы случаи стратиграфического перекрытия более ранних могил более поздними. Исследования Р. Д. Голдиной были построены на огромном материале: 1372 погребения ломоватовской культуры и 733 погребения неволинской культуры. Для обоснования членения погребальных комплексов ломовской культуры на хронологические стадии ею были использованы материалы 214 погребений с выразительным инвентарем.

Такую же датировку — концом VI – VII вв. н. э. — для памятников маняковского типа Башкирии с ранней кушнаренковской плоскодонной керамикой и поясными наборами агафоновского типа предложили В. А. Иванов и В. А. Кригер [1987. – С. 109; рис. 2].

Следует отметить, что В. Ф. Генинг и Р. Д. Голдина в своих работах не пытались определить происхождение поясных наборов агафоновского типа и их место в развитии геральдической гарнитуры Евразии. Но они предложили убедительное обоснование для хронологической позиции погребальных комплексов Прикамья с этим типом гарнитуры.

Оппонентом целого ряда положений хронологической схемы В. Ф. Генинга и Р. Д. Голдиной, в том числе и по вопросу датировки агафоновских поясных наборов с геральдической гарнитурой и псевдопряжками, был А. К. Амброз. Он считал, что пояса с псевдопряжками не были результатом прямого развития геральдического стиля. Псевдопряжки не известны в главной зоне формирования и распространения геральдической гарнитуры — в Византии, Италии, Крыму, на Кавказе. Появление в Восточной Европе моды на ношение поясов, украшенных имитациями пряжек с неподвижно закрепленными язычками (отлитыми вместе с рамкой или припаянными к ней), А. К. Амброз объяснил азиатскими связями одной из кочевых восточноевропейских групп. Отдаленные прототипы этой традиции он видел в бляшках с ажурными шарнирными подвесками, характерными для поясов IV–VI веков Китая, Кореи, Японии и таштыкской культуры. Пояса с псевдопряжками Восточной Европы он относил к поздним хронологическим группам развития геральдического стиля. К группе III второй половины VII века А. К. Амброз относил тисненые из золота вычурные детали поясной гарнитуры (в том числе псевдопряжки) с украшениями зерну, перегородчатой эмалью, с каменными вставками, найденные в могилах раннеаварского периода в Венгрии, комплексах Малого Перещепино и Келегейских хуторов в Поднепровье. А. К. Амброз считал, что в этот период драгоценные пояса с псевдопряжками носила только кочевая аристократия, а рядовое население — обычные пояса. В самую позднюю группу IV конца VII – VIII вв. н. э. А. К. Амброз включил уже «деградированные» геральдические наборы с простыми псевдопряжками из удаленных районов Приуралья, Приаралья, Сибири [Степи Евразии..., 1981. – С. 17, 23; рис. 6 – 42–44]. Датировав таким образом поясную гарнитуру агафоновского типа, А. К. Амброз высказал предположение, что агафоновский и деменьковский этапы ломоватовской культуры одновременны в пределах между 680–690 годами и серединой или второй половиной VIII века, а их различия связаны с этнографическими особенностями [Амброз, 1980. – С. 48–52].

В уже указанных работах Р. Д. Голдиной содержится развернутая критика последнего предположения А. К. Амброза. Со своей стороны, хотелось бы отметить, что в предложенной им схеме эволюции геральдических поясов «стиля псевдопряжек» заложено очевидное противоречие. С одной стороны, А. К. Амброз совершенно прав, указав на происхождение этого стиля от ажурных шарнирных привесок поясов Дальнего Востока. Это подтверждается комплексом кургана 1 могильника Рёлка в Нарымском Приобье, где в могиле 6 найдены детали пояса с обоями геральдической формы с шарнирными ажурными привесками, близкими дальневосточным, а в могилах 2 и 7 — псевдопряжки и другие детали геральдической гарнитуры [Чиндина, 1977. – С. 9–12; рис. 4 – 9, 5, 23; 6 – 15; 1991. – Рис. 29 – 22]. Подобное сочетание, на мой взгляд, доказывает, что эволюция псевдопряжек от ажурных привесок завершилась в Азии в рамках складывания геральдической гарнитуры «стиля псевдопряжек». В литературе уже неоднократно

высказывалось мнение о том, что возникновение этого стиля связано с периодом максимального территориального расширения Первого Тюркского каганата в 70-е годы VI века, подчинившего территорию степей Северного Кавказа и Крыма, то есть районы распространения «классической» геральдической гарнитуры второй половины VI века [Гавритухин, Малышев, 1998. – С. 58; Засецкая, Маршак, Щукин, 1979. – С. 123; Распопова, 1980. – С. 108]. Именно здесь в последней четверти VI века и мог сложиться этот своеобразный сплав — геральдические пояса «стиля псевдопряжек».

С другой стороны, А. К. Амброзом предложена парадоксальная, на мой взгляд, схема эволюции стиля псевдопряжек от аристократических кочевнических вычурных группы III к «более поздним» простым «деградированным» группы IV, распространенным почему-то исключительно в среде оседлого населения Поднепровья, Приуралья, Западной Сибири и Приаралья. Логичнее было бы предположить их одновременность. Последнее было доказано материалами кочевнических погребений VII века в Восточном Приазовье, опубликованных, к сожалению, уже после кончины А. К. Амброза [Атавин, 1996. – С. 208–264]. А. Г. Атавин предлагает синхронизировать аварские роскошные псевдопряжки из Малого Перещеино и Келегейских хуторов с их простыми модификациями, отлитыми из бронзы и серебра, в пределах первой половины VII века. Впускные погребения с находками из поясов с серебряной геральдической гарнитурой с псевдопряжками из курганов у хуторов Чапаевского и Малаи он датировал, соответственно, 1-й – началом 2-й трети VII века и 2–3-ми третями VII века [Атавин, 1997. – С. 222–223, 228–229; табл. 4 – 7, 20–22]. Таким образом, датировка агафоновских поясов, предложенная В. Ф. Генингом и Р. Д. Голдиной, находит все новые подтверждения.

Но, касаясь этой темы, считаю невозможным обойти еще одну точку зрения, обоснованную в работах Н. А. Мажитова. Полностью разделяя выводы А. К. Амброза, он датировал Манякский могильник и ранние курганы Лагеревского могильника с находками геральдической гарнитуры «стиля псевдопряжек» VII веком [Мажитов, 1977. – С. 16–19; 1981. – С. 27; *Степи Евразии...*, 1981. – С. 28]. Несколько позднее, в 1984–1985 годах при продолжении раскопок Бирского могильника им были открыты погребения 382 и 433, в инвентаре которых найдены бронзовые хорезмийские монеты середины VIII века, колоколовидные пронизки, серебряная копия медальона (см. выше), серебряная псевдопряжка, сосуды бахмутинской культуры и другие вещи [Мажитов, 1987. – С. 117–130; 1990. – С. 261–266]. Н. А. Мажитов на основании датировки этих монет отнес эти погребения ко второй половине VIII века, но, учитывая, что обе монеты имели отверстия для подвешивания, а в погребении 433 одна из них была найдена в составе бусинного ожерелья, то, с учетом обычного запаздывания монет от времени чеканки до попадания в могилы не менее чем в 50 лет, погребения должны бы датироваться не ранее конца VIII – начала IX веков. В материалах Приуралья реальное запаздывание монет, как правило, еще больше [Амброз, 1980. – С. 48]. Принятие даже осторожной датировки Н. А. Мажитова не только омолаживает бахмутинскую культуру и геральдические пояса «стиля псевдопряжек», но и реально ниспровергает все существующие хронологические схемы древностей раннего средневековья, и не только Приуралья, как предлагает автор [Мажитов, 1993. – С. 119–140], но многих других регионов Евразии, в том числе и Западной Сибири. Поэтому такая датировка требует самого серьезного обоснования.

Монеты из погребений 382 и 433 относятся, соответственно, к типам ГV/5 или 10 и ГV/9 хорезмийских монет по типологии Б. И. Вайнберг. Они принадлежат чекану хорезмшаха Савшафана, имя которого в хорезмийской надписи читается на реверсе обеих бирских монет [Мажитов, 1990. – Рис. 3]. Б. И. Вайнберг датировала время правления этого царя серединой – началом 60-х годов VIII века. Но хорезмийские монеты до появления на них во второй половине VIII века арабских надписей имен наместников Хорасана практически никак не датируются. А для монет Сафшафана Б. И. Вайнберг предложила столь точное датирование на основании двух весьма не бесспорных допущений, а именно, что он соответствует Шаушафару так называемого списка хорезмских царей ал-Бируни, а тот, в свою очередь, — хорезмшаху Шаушифеню китайских хроник, упомянутому в 751 и 762 годах [Вайнберг, 1977. – С. 61–62, 81]. Но совпадения между именами 21 царя по списку ал-Бируни и именами 16 хорезмшахов, известных по монетам I – конца IX вв. н. э., единичны. Список явно содержит большие искажения, и сама же Б. И. Вайнберг отдает, естественно, предпочтение данным, представленным на монетах [Вайнберг, 1977. – С. 81–82]. А если неверно допущение, что Савшафан, Шаушафар и Шаошифень разных источников — одно и то же лицо? Каково тогда датирующее значение монет типа ГV? Может быть, их следует как раз датировать по находкам в закрытых археологических комплексах? А то, что такая возможность существует, можно убедиться как раз по материалам Приуралья.

Н. А. Мажитов в одной из своих статей указал на находку в могиле 16 Бартымского могильника медной хорезмийской монеты хорезмшаха Каника [Мажитов, 1990. – С. 265–266]. По типологии Б. И. Вайнберг, монеты Каника относятся к типу IV и предшествуют типу V Савшафана, то есть датируются в промежутке между началом и серединой VIII века [Вайнберг, 1977. – С. 60–61, 81]. По определению Е. В. Зеймаль эта бартымская монета датируется второй половиной VII века [Голдина, Водолого, 1990. – С. 39]. Бартымский могильник — это коллективные захоронения прямо на территории селища одновременно погибших при вражеском набеge не менее 60 его жителей. Кроме хорезмийской в могильнике найдены шесть сасанидских серебряных монет (с отверстиями), использовавшихся в качестве украшений (хронологический диапазон их чеканов от 459–606 годов, по определениям В. Г. Луконина, до 459–498 годов, по определениям А. Б. Никитина), и византийская медная монета без отверстия императора Ираклия (610–614 гг.). Судя по монетам могильника, инвентарю, в том числе деталям геральдической гарнитуры, многочисленнымкладам в окрестностях деревни Бартым*, трагическая гибель Бартымского I селища и его жителей произошла не ранее середины, а скорее — во второй половине VII века [Голдина, Водолого, 1990. – С. 7–47]. Но эта датировка установлена авторами раскопок с учетом предполагаемой даты монеты Каника, а она вряд ли столь четко определима. Редкая для Прикамья медная монета Ираклия, скорее всего, попала сюда вместе с комплексом серебряных миллиаресиев ранних выпусков периода правления Ираклия (610–641 гг.) из клада 1950 года. Так что не исключено еще большее удревнение времени трагедии на Бартымском I селище вплоть до второй четверти – середины VII века. В таком случае, даже если последовательность правления хорезмшахов Каника и Савшафана установлена Б. И. Вайнберг верно, то и тогда монеты последнего будут датироваться в пределах VII века. В случае с хорезмийскими монетами доарабского периода предпочтения при датировании комплексов с ними следует все же отдавать археологическому материалу. Считать их надежным репером в хронологических построениях пока преждевременно.

До появления более обоснованной датировки хорезмийских монет Савшафана вряд ли будет услышано большинством коллег мнение Н. А. Мажитова, что «принятие новой, уточненной даты... становится настоятельной необходимостью для всех» [Мажитов, 1990. – С. 266].

Таким образом, рёлкинский этап нижнеобской культуры на Барсовой Горе представлен только четырьмя памятниками — городищами Барсов городок II/15, II/11 и II/13, первое из которых погибло при пожаре, и Барсовского V могильника. Это количество городищ является чуть меньшим, чем количество однослойных укрепленных поселений предшествующего зеленогорского этапа VI – начала VII вв. н. э. Барсовой Горы, но вполне сопоставимым. Находки датирующих вещей позволяют уверенно относить памятники рёлкинского этапа Сургутского Приобья к концу VI – VII вв. н. э., но реально вряд ли существование такого небольшого количества последовательных городищ в урочище Барсова Гора продолжалось более одного столетия.

Доводка этой книги уже была завершена, когда я увидел небольшую часть коллекции керамики из раскопок А. В. Носковой и Ю. П. Чемякина селища Кучиминское XXXIX, исследованного ими в сентябре 2009 года в урочище Сайгатино. Это был чистый комплекс рёлкинского этапа нижнеобской культуры. Керамика этого памятника еще более близка сосудам могильника Рёлка Нарымского Приобья, чем керамика городищ Барсов городок II/13, II/15. Не скрою, было приятно получить подтверждение своей правоты в выделении этого хронологического этапа.

КУЧИМИНСКИЙ ЭТАП (VIII–IX вв.)

Впервые три городища с находками керамики, позднее отнесенной к кучиминскому типу, были исследованы раскопками в 70-х годах прошлого века на Барсовой Горе. В схеме В. Н. Чернецова им не было места. Поэтому в своих первоначальных обобщениях Н. В. Фёдорова отнесла эти памятники к самому концу карымского этапа, передатированного ею V – началом VIII вв. н. э. [Фёдорова, 1978. –

* Особенно примечателен клад, найденный в 1950 году: серебряный сосуд с 264 серебряными миллиаресиями 610–641 годов византийских императоров Ираклия и Ираклия Константина. Клад составлен из монет ранних выпусков и являлся единым комплексом, еще не разрозненным обращением [Голдина, Водолого, 1990. – С. 37, 46].

С. 78–83; 1981. – С. 140–142]. В 1980-е годы в Сургутском Приобье были исследованы раскопками не только несколько городищ и селищ, но и погребения на трех могильниках, содержащих керамику этого типа. Появились веские основания для датирования памятников с такой керамикой в пределах VIII–IX веков и выделения их в отдельный этап. Последнее и было предложено в нашей коллективной статье [Фёдорова и др., 1991. – С. 135–137].

За истекшие почти два десятилетия с момента выделения этого этапа в моих воззрениях на него никаких принципиальных изменений не произошло [Зыков, 2006. – С. 116–117]. К. Г. Карачаров, в соответствии со своей идеей выделения отдельных археологических культур, выделил в том числе и кучиминскую [Чемакин, Карачаров, 1999. – С. 46–47, 52; рис. 16]. Из всех предшествующих ему этапов кучиминский обладает впервые самым полным комплексом для выделения самостоятельной культуры: обоснованное название, широкий набор памятников (исследованные раскопками городища, поселения, могильники, святилища и т. п.), хорошо обоснованные датировки. Действительно, трудно устоять перед соблазном выделить отдельные археологические культуры...

Поэтому еще раз хочу подчеркнуть, что считал и считаю кучиминский этап периодом VIII–IX веков нижнеобской культуры Сургутского Приобья. Этап выделяется преимущественно по форме и орнаментации керамических сосудов, хотя при его описании неизбежно привлекались и другие показатели (планировка и фортификация городищ, детали погребального обряда и др.). Отнюдь не следует думать, что я считаю кучиминский этап присущим только Сургутскому Приобью. Кучиминские памятники распространены чрезвычайно широко в таежной зоне Западной Сибири. Но именно в Сургутском Приобье они изучены лучше всего.

Этап был назван кучиминским по наименованию самого яркого из исследованных на тот момент памятников этого типа — Кучиминского V городища в урочище Сайгатино. На нем была зафиксирована уникальная стратиграфическая ситуация (рис. 41). Само городище, раскопанное большой площадью, содержит керамику кучиминского типа. После гибели этого укрепленного поселения во впадине, образованной на месте одного из жилищ, были совершены два захоронения — погребения 72 и 73 Сайгатинского I могильника. В этих могилах был найден многочисленный инвентарь, датирующийся 4-й четвертью IX — 1-й четвертью X вв. н. э., и керамические сосуды, характерные для финала кучиминского этапа или для переходного кучиминско-кентусовского времени [Зыков, 1987. – С. 144–145, 148–149; табл. 1, 2, 4; рис. 1 – 2; 2 – 9; 3 – III; Угорское наследие..., 1994. – Кат. № 90, 93, 227, 238, 293; Карачаров, 1993. – С. 115–116; рис. 3 – 13, 16, 18–20, 24, 25, 27; Чемакин, Карачаров, 2002. – Рис. 17 – 6, 16–19]. В свою очередь, эти погребения были перекрыты культовой наземной постройкой святилища Сайгатинского I. Святилище датируется с конца IX — X веков по XVI век, но постройка относилась к самому началу его функционирования. Когда она сгорела, ее руины были перекрыты ямой с набором вещей конца IX — X веков (погребение 71а). Всего лишь в двух метрах от этой постройки и предшествующих ей погребений было исследовано погребение 71 с сосудом вожпайского типа и инвентарем конца IX — X веков [Чемакин, Карачаров, 2002. – Рис. 17 – 4, 7]. Развал сосуда вожпайского типа также был найден вблизи постройки. Такая стратиграфия позволяет обосновать преемственность позднейших комплексов кучиминского этапа и ранних вожпайских комплексов кентусовского этапа.

К настоящему времени в Сургутском Приобье разведками и раскопками выявлено не менее 29 городищ с комплексами керамики кучиминского типа. Из них 13 исследованы раскопками: Барсов городок I/25, II/3–4, II/14, Кучиминское V и XI, Ермаково I, II, Старые Покачи II, III, IV, Урьевское III, Айяунское. С селищами дело обстоит несколько сложнее. Разведками выявлены десятки мест находок керамики кучиминского типа, но достоверно к этому этапу можно отнести только четыре селища, исследованных раскопками: Кучиминское IV, Ермаково 14, селище у городища Ермаково XI, поселение Усть-Пыть-Ях 1 [Ивасько, 2006. – С. 205–208; ил. 1]. Кроме поселенческих объектов на Барсовой Горе при раскопках поселения неолита–бронзового века Барсова гора II/8 выявлен производственный (гончарный?) комплекс кучиминского времени, состоявший из наземной постройки и ямы для обжига керамики (?). Этот комплекс, скорее всего, был оставлен жителями ближайшего кучиминского городища Барсов городок II/14, расположенного в 590 м к востоку от него (рис. 37).

В отличие от предшествующих этапов (конца зеленогорского и рёлкинского), все достоверно известные кучиминские городища Сургутского Приобья имеют прямоугольную форму с двухрядной уличной застройкой жилой площадки. То есть после перерыва примерно в одно столетие произошел

возврат к традиционной планировке укрепленных поселений, сложившейся в карымское и зеленогорское время. Все кучиминские городища располагались на краю береговых террас, причем защитные свойства местности учитывались далеко не во всех случаях. Прямоугольной в плане формы оборонительная система была полностью замкнутой и имела одинаковую мощность как со сторон, обращенных к практически недоступным крутым обрывам берега, так и с наиболее опасных напольных сторон. Все городища представляли собой единые жилищно-оборонительные комплексы, построенные по плану. Каркасно-столбовые жилища в них пристраивались задними торцами к срубным двух- или трехчастным оборонительным стенам (рис. 37).

Оборонительные конструкции наиболее полно были изучены при раскопках городищ Старые Покачи IV [Глушков, 1994. – С. 47], Барсов городок II/3–4 и особенно — Кучиминских V и XI (рис. 37 – 3, 4, 7; 38; 39). На последних большими площадями были исследованы не только остатки оборонительных стен и рвов, но и прослежены конструкции воротных сооружений на месте проходов на жилую площадку. Стены имели ширину от 2 м (простые срубы) до 4 м (двойные срубы), основания их фиксировались по канавкам для укладки нижних венцов срубных конструкций. В некоторых случаях прослеживались канавки и вмятины в грунте, оставшиеся от поперечных перерубов, и ямы от парных столбов, фиксировавшие нижние венцы. Нижние части срубных стен забутовывались грунтом, вынутым при рытье рвов и котлованов жилищ. После разрушения стен расплывшаяся забутовка образовывала «валы» высотой 0,7–1,5 м. Рвы оконтуривали городища со всех сторон, для прохода на жилые площадки оставлялось, как правило, два разрыва в торцевых частях прямоугольных в плане городищ. Иногда встречались и третьи проходы, сделанные со стороны береговой части укреплений. Рвы самого раннего городища Кучиминское XI имели ширину до 1,9 м, глубину от уровня древней поверхности до 1,6 м; у самого позднего из кучиминских городищ Барсов городок II/3–4 их ширина составляла 3,0–4,5 м, глубина доходила до 2,5 м. У этого укрепления разрыв во рвах отсутствовал, проход на его площадку, очевидно, делался в виде деревянного мостика. Проход на городище Кучиминское XI представлял собой воронковидную в плане бревенчатую конструкцию, устроенную в разрыве срубных стен, имевших ширину 2,0 м. Тамбур прохода выступал за линию стен на 1,9 м. С внешней стороны он имел ширину до 2,4 м, с внутренней — до 1,9 м. Собственно дверной проем с внутренней стороны составлял не более 1,0 м. Такая конструкция представляла собой выступающий фланкирующий бастион с внутренним сужающимся воронковидным тамбуром, с обеих сторон закрытым какими-то запорами (дверями?), причем, внутренний проем был очень узкий, допускающий проход только одного человека. Проход более позднего Кучиминского V городища был проще, не имел выступа в напольную сторону. Он представлял собой разрыв шириной 3,5 м между срубными стенами, у которых в задней внутренней срубной стене оставлялся дверной проем шириной 1 м.

В публикациях, посвященных укрепленным поселениям кучиминского этапа Сургутского Приобья, упоминаются два так называемых двухплощадочных городища, имеющие две жилые площадки, разделенные рвом, и оконтуренные общей линией фортификаций. Оба они исследованы раскопками, которые показали, что такой внешний вид они приобрели в результате многократных перестроек. Городище Кучиминское XI (рис. 37 – 7; 38) первоначально представляло собой укрепление квадратной в плане формы с четырьмя жилищами, расположенными в два ряда выходами навстречу друг другу. По прошествии какого-то времени северная торцевая стена и воротная конструкция были разобраны с оставлением самых нижних венцов срубов; ров с этой стороны засыпан, а поверх него были поставлены еще два жилища. Пристроенная часть поселка была обнесена новой стеной с северными воротами в конце «улицы» и окопана рвом. Линии новых стен и рвов продолжили прежние. Таким образом, возникло вытянутое прямоугольное городище с шестью жилищами. Еще позднее поселок потребовалось снова увеличить. Но теперь уже существовавшие северная стена, ворота и ров были сохранены, за их пределами были построены два жилища, продолжавшие «улицу». Пристрой был обнесен новой стеной и рвом, смыкавшимися с ранее построенными укреплениями. Для этого был засыпан небольшой участок рва в месте его углового северо-восточного поворота, а поверх возведена стена. В таком двухплощадочном виде Кучиминское XI городище простояло до момента, когда оно было заброшено.

Еще более сложными были перестройки на городище Барсов городок II/3–4 (рис. 37 – 3, 4). Первоначально оно возникло в виде прямоугольного городища с шестью жилищами, расположенными в два ряда. Городище было вытянуто длинной стороной вдоль обрыва берега. Затем потребовалось расширить поселение, для чего его юго-восточная стена была разобрана, а ров засыпан. Поверх бывшего

рва были поставлены еще два жилища, продолжавшие «улицу». Линии новых стен и рва продолжили прежние. Но через какое-то время возникла необходимость вдвое сократить поселок. Были сохранены только четыре изначально существовавших северо-западных жилища, а остальные были разобраны, как и защищавшая их стена. Поперек городища был прорыт новый ров, прорезавший остатки двух построек, а выкидом из него были частично засыпаны котлованы двух крайних юго-восточных построек. Таким образом, на заключительном этапе своего существования городище приобрело подквадратные очертания. При этом рвы в юго-восточной части оставались незасыпанными. Археологизированные остатки укрепленного поселения выглядят как двухплощадочное городище, хотя его юго-восточная площадка после последней перестройки уже не использовалась.

Все эти перестройки связаны с большими колебаниями численности коллективов, населявших в кучиминское время урочища Барсова Гора и Сайгатино. Численность их могла достаточно быстро увеличиваться в два раза, как это произошло в период перестроек Кучиминского XI городища, но могла и резко сокращаться вдвое, как это видно на примере последней реконструкции городища Барсов городок II/3–4.

На протяжении кучиминского этапа прослеживается достаточно любопытная эволюция городищ, хорошо фиксируемая на крупных обследованных кустах памятников в урочищах Барсова Гора и Сайгатино. Последовательность сооружения кучиминских городищ здесь устанавливается, прежде всего, по изменениям в орнаментации керамики.

На Барсовой Горе самое раннее кучиминское городище Барсов городок I/25 (рис. 36; 37 – 6) было расположено на самом восточном краю урочища, напротив выхода протоки Утоплой из р. Оби, в 7,5 км к СВВ от самого позднего рёлкинского городища Барсов городок II/13. Такое расположение необычно для средневековых городищ Барсовой Горы, во все периоды тяготевших к центральной и западной части урочища, где исключалось неожиданное нападение врагов, приходивших, прежде всего, с Оби. Вероятно, это было связано с каким-то кратковременным ослаблением угрозы нападений. Уже следующее по времени кучиминское городище Барсов городок II/14 (рис. 36; 37 – 5) было перенесено на 8,1 км к ЮЗЗ, ближе к западному краю урочища. Оба эти памятника близки по площади и планировке: они состояли из четырех жилищ, расположенных в два ряда выходами навстречу друг другу улицей, вытянутой вдоль края террасы. Укрепления их состояли из одной оборонительной стены и рва перед ней. Аналогично им по планировке и мощности фортификаций самое раннее городище этого периода в урочище Сайгатино — Кучиминское XI. Отличие состоит лишь в том, что сайгатинское поселение в ходе перестроек все более вытягивалось вдоль края береговой террасы, постепенно превратившись из квадратного в прямоугольное.

Следующий этап эволюции кучиминских городищ связан с появлением поселений, защищенных двумя линиями фортификаций, состоящих из стен и рвов. По конструкции стены были аналогичны, но к внутренней стене еще и пристраивались жилища. Две линии обороны примыкали друг к другу вплотную, не были разнесены в глубину и, скорее всего, в высоту. Но все же это новшество резко увеличивало мощность и обороноспособность городищ. Застройка их оставалась по-прежнему уличной, но теперь поселения располагались иначе — короткой стороной они были обращены к краю берега, вытягиваясь улицей перпендикулярно ему. На Барсовой Горе известно одно городище этого типа, застроенное восемью жилищами, — Барсов городок II/5 (рис. 37 – 1), в Сайгатино — два: Кучиминское V с семью жилищами и небольшой постройкой (рис. 39) и Кучиминское XIV с шестью жилищами. Городища с этим типом планировки и фортификаций известны для кучиминского этапа и в Нижнем Приобье — Шеркалы II, Сартынья III [Очерки культурогенеза..., т. I, кн. I, 1994. — С. 372–373; Чернецов, 1957. — Рис. 14].

Однако в Сургутском Приобье, да и во всей Северо-Западной Сибири, появление городищ с двухлинейной системой фортификаций было лишь кратким эпизодом в истории оборонного зодчества, не нашедшим прямого продолжения. Уже следующее по времени, самое позднее известное кучиминское городище Барсов городок II/3–4 имело традиционную планировку и конструкцию оборонительных сооружений: жилища располагались улицей, вытянутой вдоль края террасы, оборона состояла из одной стены и рва перед ней. Правда, рвы стали гораздо шире и глубже, чем в предшествующее время, во рвах отсутствовали перемины для проходов, являвшиеся наиболее уязвимыми участками фортификаций.

На одиннадцати городищах и четырех селищах кучиминского этапа Сургутского Приобья раскопками исследовано не менее 25 жилищ и три небольшие наземные (или слабоуглубленные) построй-

ки. Жилища представляли собой традиционный для средневековья тип построек — прямоугольные в плане полуземлянки, углубленные в грунт в основном на 10–25 см, реже — до 30–40 см. Площадь жилищ состояла на селищах — от 21,0 до 27,5 кв. м, на городищах — от 31,5 до 108,0 кв. м. Котлованы имели короткие коридорообразные выходы, сделанные в одной из коротких стен. Часто фиксировалось крепление стен котлованов досками. Конструкция стен жилищ была каркасно-столбовой. В центре построек располагался открытый очаг — кострище; иногда фиксировались остатки деревянных рам обкладки очага и каменные обкладки. Вдоль продольных стен жилищ на городищах Старые Покачи IV, Ермаково I, II, VI прослежены остатки земляных нар, приподнятых над полом [Глушков, 1994. — С. 47–49; Морозов, Фёдорова, 1994. — С. 133–134; Очерки культурогенеза..., т. I, кн. I, 1994. — С. 170–172; Фёдорова и др., 1991. — С. 136].

При раскопках городищ Ермаково VI, Кучиминских V и XI (рис. 38; 39) было зарегистрировано по одной небольшой четырехугольной практически наземной постройке площадью 11,6–16,3 кв. м, в двух из которых в центре располагались очажки. Постройки примыкали к оборонительным стенам около ворот укрепленных поселений. Эти постройки аналогичны «маленьким домам» зеленогорских городищ Барсов городок II/1 и Сургутское I.

В коллекции раскопок и сборов кучиминских городищ Сургутского Приобья в основном найдена керамика. Второй по численности категорией находок были керамические бронзолитейные тигли традиционной для раннего средневековья рюмковидной формы. В единичных экземплярах найдены железные ножи, наконечники стрел, мотыжка, кресало, рыболовный крючок. На городище Барсов городок II/3–4 были обнаружены бронзовые изделия — две бронзовые пластины с барельефными антропоморфными изображениями и обломок щитка зооморфной ажурной пряжки [Фёдорова и др., 1991. — Рис. 2В – 13, 16].

Керамика кучиминского этапа представлена исключительно круглодонными сосудами, в абсолютном большинстве — горшковидных форм с выделенной высокой шейкой. Причем, горшки ранней хронологической группы отличаются наибольшей высотой шейки, составляющей до трети высоты сосудов, и слабой раздутостью тулова. В более поздних группах высота шейки постепенно уменьшается и растет количество горшков с раздутым туловом. Сосуды чашевидной формы единичны и представлены исключительно миниатюрными экземплярами, найденными как на городищах [Фёдорова и др., 1991. — Рис. 2В – 7], так и в могильниках [Карачаров, 1993. — Рис. 1 – 50]. Венчики кучиминских сосудов плоские, украшенные оттисками гребенчатого или гладкого штампов, скошенные наружу, округлые или приостренные.

Керамика кучиминского этапа достаточно четко разделяется на три последовательных хронологических группы.

Первая группа керамики, самая ранняя (рис. 49), выделена по материалам городищ Кучиминское XI, Барсов городок I/2, Урьевское III [Семёнова, 2001. — С. 162–163; рис. 30 – 1–3]. Орнаментация раннекучиминской посуды максимально близка керамике предшествующего рёлкинского этапа Барсовой Горы, особенно керамике городища Барсов городок II/13. Отличие состоит, прежде всего, в практически полном исчезновении фигурных штампов. В кучиминское время сохранился только один вид штампа, который можно назвать фигурным, — полулунный, да и то он приобрел настолько сглаженный вид, что его чаще всего называют «лопаточкой». Орнамент на раннекучиминских сосудах покрывал шейку и плечики, выполнялся гребенчатым, лопаточковым (полулунным) и гладким штампами. Представлял он собой чередование горизонтальных композиций, разделенных четырьмя-шестью желобками. По одному из желобков в верхней части шейки наносился ряд из ямочных наколов, в исключительно редких случаях ямки чередовались с жемчужинами.

Композиции состояли из прямых и наклонных отпечатков гребенчатого штампа, косопоставленных столбиков оттисков гребенчатого, полулунного и гладкого штампов, выполненных в технике отступания. Именно последние и являются характерной особенностью кучиминской орнаментации, позволяющей безошибочно определять керамику этого этапа. На сосудах первой группы зоны из наклонных столбиков отступающего штампа, заключенные между желобками, часто повторяются, как правило — дважды. Заметную роль в орнаментации первой группы имеют двух- и трехрядные зигзаговые композиции, выполненные оттисками гребенчатого штампа. Гребенчатые зигзаги наносились как на шейку,

так и на плечики. Завершался орнамент раннекучиминских сосудов на плечиках фестонами, выполненными, чаще всего, отпечатками гребенчатого штампа. Фестоны очень разнообразны и придают особый колорит керамике этой группы: ромбы из отступающих оттисков гребенки, прямопоставленные строенные отпечатки, сдвоенные отпечатки, отходящие от нижних углов зигзага, завершающиеся треугольными фигурами из оттисков лопаточки или наколов палочки.

Вполне очевидна преемственность керамики первой кучиминской группы с предшествующей ей рёлкинской. В декоре этой группы сосудов нет никаких элементов, которые невозможно было бы вывести из традиций орнаментации керамики Сургутского Приобья более ранних эпох, поэтому невозможно согласиться с мнением В. И. Семёновой о ведущей роли южного потчевашского влияния на формирование в Северо-Западной Сибири кучиминского типа керамики [Семёнова, 2001. – С. 7, 161–163, 172]. Сходство многих характеристик ранней кучиминской и потчевашской керамики несомненно, но объяснить его можно, скорее, синхронностью их существования, проявлением общих закономерностей в эволюции орнаментации керамической посуды, но никак не миграцией населения с юга на север.

Вторая группа керамики кучиминского этапа (рис. 50) обнаружена на большинстве памятников этой эпохи, в том числе — на исследованных раскопками более совершенных, в сравнении с раннекучиминскими, городищах Кучиминское V и Барсов городок II/3–4. Для сосудов этой группы характерно уменьшение высоты шейки и появление экземпляров с раздутым туловом. Орнаментация керамики второй группы является, по сути, упрощенной модификацией декора сосудов первой группы. Исчезает целый ряд мотивов: многорядные гребенчатые зигзаги, повторяемость зон из косо поставленных столбиков отступающего штампа на шейке, сложные фестоны. Орнамент становится более монотонным. Основное место в нем занимают повторяющиеся ряды из прямо, наклонно или горизонтально поставленных оттисков гребенчатого штампа, горизонтальных линий из тесно поставленных отступающих отпечатков лопаточки или наколов палочки. На шейке сохраняется лишь по одной горизонтальной зоне косо поставленных столбиков отступающего штампа, оконтуренной желобками. Самих желобков становится меньше — от одного до четырех. Фестоны, завершающие узор на плечиках, очень простые: сгруппированные столбики (по два, три или четыре), прямые или слегка наклонные отпечатки гребенки, короткие прямые или наклонные столбики отступающего штампа [Морозов, 1992. – Рис. 3; Морозов, Фёдорова, 1994. – С. 136–137; рис. 3 – 6, 7; Фёдорова и др., 1991. – С. 136; рис. 2В – 3–12; Чемякин, Карачаров, 2002. – Рис. 16 – 1, 2]. Среди керамики второй группы обращает на себя внимание находка на одном из позднейших кучиминских городищ Барсов городок II/3–4 сосуда, украшенного горизонтальным пояском гребенчатых ромбов с поставленными внутри них горизонтальными отпечатками гребенчатого штампа [Фёдорова и др., 1991. – Рис. 2В – 11].

Памятники со второй группой кучиминской керамики чрезвычайно широко распространены в Северо-Западной Сибири: они выявлены в Нижнем Приобье, Обском левобережье, в Зауральском Заполярье, в верховьях р. Пур [Косинская, Фёдорова, 1994. – С. 29, 50, 73, 77–78].

Третья группа керамики кучиминского этапа (рис. 51) представлена небольшой серией сосудов, найденных в погребениях могильников Барсов Городок, Усть-Балык, погребениях 72 и 73 Сайгатинского I могильника, на городищах Барсов городок II/31–32 и Кучиминском IX. В основном сосуды этой группы представлены круглодонными горшками с невысокой, часто отогнутой наружу шейкой и раздутым туловом. Единично встречаются открытые и закрытые чашевидные сосуды. Большая часть сосудов этой группы имеет очень простую орнаментацию, выполненную исключительно гребенчатым штампом: чередованием горизонтальных полос из прямо и наклонно поставленных оттисков, линий, составленных из горизонтальных оттисков, гребенчатой «елочки». Наряду с ними встречаются сосуды, украшенные оттисками гладкого и полулунного штампов.

Отнесение посуды этой группы к древностям именно кучиминского этапа неоднозначно. Первоначально автор этих строк считал возможным отнести группу погребений могильников Барсов Городок и Сайгатинского I, содержащих сосуды «с обедненной орнаментацией», к началу кинтусовского этапа, синхронизировав их с комплексами с вожпайским типом керамики [Фёдорова и др., 1991. – С. 137–139; рис. 3А – 10–14, 16, 17]. В последних публикациях К. Г. Карачаров придерживается именно этой точки зрения, относя погребение 73 Сайгатинского I могильника к числу комплексов вожпайской культуры [Чемякин, Карачаров, 2002. – С. 57; рис. 17 – 19]. Но при дальнейших размышлениях автор пришел

к выводу, что комплексы с сосудами описанной выше третьей группы в целом старше комплексов с вожпайской керамикой, смыкаясь с последними лишь в самом конце своего существования. Поэтому их логичнее рассматривать все же в рамках кучиминского этапа. В пользу такой точки зрения есть несколько аргументов. Во-первых, это описанная выше стратиграфическая ситуация, выявленная на Кучиминском V городище. Согласно ей, погребения 72 и 73 с керамикой третьей группы явно предшествуют святилищной постройке и погребению 71, связанным с вожпайским типом керамики (рис. 40; 41). Во-вторых, на могильнике Барсов Городок погребения с сосудами «с обедненной гребенчатой орнаментацией» составляют компактную группу, территориально смыкающуюся, но все же не совпадающую с группой погребений, содержащих посуду вожпайского типа. И, наконец, на могильнике Усть-Балык было зафиксировано перекрытие погребения 42 с находками сосуда, орнаментированного полулунным штампом, и агафоновской бронзовой птицевидной пронизкой, датирующей не позднее конца VIII – IX вв. н. э., погребением 41 с вожпайским сосудом [Семёнова, 2001. – С. 73–74, 247, 266; табл. 48, 59; рис. 13 – 7, 8; прил. 3]. Находки сосудов третьей группы совместно с кинтусовской керамикой на городищах Кучиминское IX и Барсов городок I/31–32 связаны, очевидно, с тем, что эти памятники возникли в самом конце кучиминского этапа и существовали на протяжении всего кинтусовского этапа.

За пределами Сургутского Приобья известно несколько случаев взаимонахождения керамики третьей группы и вожпайской посуды в одних комплексах. Так, из двух средневековых типологических групп керамики, выделенных В. А. Посредниковым по материалам поселения Большеларьякское II на р. Вах, одна соотносится с описываемой позднекучиминской группой, а другая — с кинтусовской керамикой [Посредников, 1973. – С. 89–91; табл. 4 – 1–4, 7–13]. Среди основного вожпайского керамического комплекса поселения Дюна III на Таймыре встречено несколько фрагментов от сосудов, сопоставимых с кучиминской керамикой третьей группы Сургутского Приобья [Хлобыстин, 1998. – Рис. 156 – 2, 157 – 1–3, 158]. Этой же позднекучиминской группе, на мой взгляд, соответствует вариант Б керамики юторского типа Нарымского Приобья [Чиндина, 1991. – С. 50–51, 78; рис. 7 – 2–8; 15]. В комплексе городища Ютор I керамика юторского типа была найдена совместно с сосудом с кинтусовской орнаментацией из взаимопроникающих заштрихованных треугольников [Березовская, Лоскутова, Чиндина, 1993. – С. 83, 88; рис. Б].

Погребения кучиминского этапа в Сургутском Приобье выявлены на четырех могильниках. На могильниках Барсов Городок (Барсовском I) и Сайгатинском III к этому периоду отнесены 127 погребений, на Сайгатинском I могильнике — погребения 72 и 73 [Карачаров, 1993. – С. 112], на могильнике Усть-Балык В. И. Семёнова датировала концом VIII – IX вв. н. э. погребения 9, 22 и 42 [Семёнова, 2001. – С. 105–106; табл. 58]. Погребение 42, перекрытое погребением 41 с вожпайским сосудом, уверенно можно отнести к числу кучиминских, можно допустить такую датировку и для инвентаря погребения 22, но усть-балыкское погребение 9 следует все же датировать никак не ранее конца IX – начала X вв. н. э. и относить к началу следующего кинтусовского этапа. В нем был найден сосуд вожпайского типа, который никак не может датироваться, как это предлагает В. И. Семёнова, началом IX века [Семёнова, 2001. – С. 106; рис. 13 – 2]. Вряд ли корректно обоснование ею столь ранней датировки по аналогии бронзовым круглым выпуклым накладкам с плоским широким рантом погребения 9 с бронзовой умбоновидной накладкой с валикообразным выпуклым рантом из кургана 5 могильника Рёлка [Чиндина, 1977. – Рис. 15 – 15]. Гораздо ближе усть-балыкским поясным накладкам умбовидные накладки с плоским широким рантом из кучиминских погребений позднейшего хронологического периода 4-й четверти IX – 1-й четверти X вв. н. э. могильников Барсов Городок и Сайгатинского III [Карачаров, 1993. – С. 117; Чемякин, Карачаров, 2002. – Рис. 16 – 4]. На могильнике Барсов Городок группа кучиминских погребений этого периода планиграфически вплотную смыкается с раннекинтусовской группой погребений с сосудами вожпайского типа.

Могильники кучиминского этапа Сургутского Приобья состояли исключительно из грунтовых погребений, сгруппированных в изогнутые дугообразные ряды, иногда очень тесные. Преобладала южная ориентировка погребений, с отклонениями к юго-востоку и юго-западу. В ранней кучиминской группе Сайгатинского III могильника все погребения ориентированы на юго-восток. В группе кучиминских могил могильника Барсов Городок при преобладании захоронений с южной ориентировкой выявлены целые ряды погребений, ориентированных на северо-восток. Из двух кучиминских могил Сайгатинского I могильника погребение 73 было ориентировано на юго-восток, а перекрывавшее его погребение 72 имело

противоположную ориентировку. Форма могильных ям в плане была преимущественно прямоугольная или овальная. Глубина ям в основном составляла 30–40 см, погребений глубже 70 см не встречено (рис. 3; 41–44; 47; 48).

Большинство погребений одиночные (рис. 43), редко встречены парные, содержащие останки двух взрослых или двух детей. На могильнике Барсов Городок обнаружено три коллективных захоронения (рис. 42), содержащих четыре, пять и семь костяков. Поза погребенных, в тех случаях, когда сохранность костяков позволяла ее проследить, была стандартной: умерший укладывался вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль тела руками. Иногда руки были слегка согнуты и уложены кистями на таз. Лишь в одном случае, в коллективном погребении 201 могильника Барсов Городок, крайний умерший был уложен на правый бок с подогнутыми ногами. Но это, скорее всего, объяснялось теснотой могильной ямы [Очерки культуригенеза..., т. 2, 1994. – С. 280–281; рис. 42 – б]. В трех могилах фиксировалось преднамеренное разрушение уже истлевших костяков, возможно, связанное с какими-то ритуальными целями.

Погребенные были захоронены в одежде с бронзовыми и серебряными украшениями прически и костюма, с железными ножами. В мужских погребениях обнаружено оружие — сабли, боевые ножи, втульчатые и боевые проушные топоры. Особенностью кучиминских погребений Сургутского Приобья является полное отсутствие в них наконечников стрел. В единичных случаях в могилах помещались миниатюрные керамические сосуды. Лишь в самых поздних погребениях они становятся обычной находкой. В одном погребении Сайгатинского III могильника был найден медный кованый таз. Довольно часто встречаются остатки погребальных масок, от которых сохранились серебряные или бронзовые нашивки, закрывавшие глаза, а иногда рот и нос.

Большое количество вещей, очевидно, связанных с поминально-погребальными обрядами, было обнаружено в межмогильном пространстве — наконечники стрел, ножи, сабли, украшения. Иногда фиксируется четкая приуроченность их к конкретной могиле. Так, вокруг могилы воина (погребение 118 могильника Барсов Городок) было воткнуто в грунт восемь боевых и хозяйственных ножей и семь наконечников стрел [Борзунов, 2003. – С. 117].

Уникально одно из погребений кучиминской группы Сайгатинского III могильника (рис. 45 – 3). В полноразмерной могильной яме была захоронена кукла в рост человека, обернутая в бересту. «Голова» ее была сделана из куска сырой глины, а «тело» и «руки» — из березовых (?) прутьев. Сверху прутья были обернуты мехом, возможно, являющимся остатками одежды. На левой «руке» был бронзовый браслет, а на «поясе» — бронзовая пряжка [Зыков, Фёдорова, 2001. – С. 58; рис. 16; Очерки культуригенеза..., т. 2, 1994. – С. 281; Чемякин, Карачаров, 2002. – С. 51].

С погребально-поминальной обрядностью кучиминского времени связаны погребения антропоморфных кукол высотой 20–30 см. Основа их была сделана из тканевого, мехового или кожаного мешочка каплевидной формы, обшивающего каркас из прутьев, заполненного органическими материалами (мхом?). Лицо куклы обозначала бронзовая или деревянная личина, прикрепленная к основе (рис. 45; 46). На Барсовой Горе и в Сайгатино известно восемь комплексов с находками остатков таких кукол — в погребениях 130 и 207 могильника Барсов Городок, погребениях 86 и 108 Сайгатинского III могильника, захоронение комплекса из пяти кукол в межмогильном пространстве этого же некрополя, захоронения кукол, найденные при раскопках городищ Барсов городок II/20, II/1, поселения Остяцкий Живец IV [Борзунов, 2003. – С. 113–120; Зыков, Фёдорова, 2001. – С. 61–62; рис. 17, 18; Карачаров, 2002. – С. 26–52].

К. Г. Карачаровым была разработана хронология погребальных комплексов кучиминского этапа Сургутского Приобья, созданная на основе анализа 129 погребений могильников Барсов Городок, Сайгатинских I и III. Привлекая данные планиграфии некрополей и широкий круг аналогий из надежно датированных (прежде всего, по нумизматическим материалам) памятников Приуралья, Томского Приобья, Средней Азии, он выделил четыре последовательных хронологических группы кучиминских погребений [Карачаров, 1993. – С. 110–118]. В статье К. Г. Карачарова материалы могильника конца VI – начала X вв. н. э. были разделены на две хронологических группы, из которых вторая группа, включавшая комплексы кучиминского этапа, была разделена на четыре подгруппы. В данной публикации кажется более логичным именовать эти подгруппы группами.

Первая группа погребений датируется в пределах последней четверти VII – третьей четверти VIII вв. н. э. Погребения, включенные в нее, содержат достаточно много надежно датированных ве-

щей. К таким относятся, прежде всего, детали ременной гарнитуры: накладки-тройчатки из погребения 231 Барсова Городка, прорезные прямоугольные с пристроенным концом, круглые и арочные накладки из погребения 103 Сайгатинского III могильника и погребения 201 могильника Барсов Городок, арочные с прорезами, сердцевидные и серповидные накладки, цельнолитая пряжка, распределитель ремней уздечного набора из барсовского погребения 214 [Карачаров, 1993. – С. 112–113; рис. 1 – 11, 16–25, 28, 29, 30]. Эту датировку подтверждают находки короткой пронизки с прорезными вздутями, подвески-ложечки, застежки-костылька, цельнолитого перстня с имитацией вставки, бронзового браслета с редуцированными головками львов на концах [Карачаров, 1993. – Рис. 1 – 32, 34, 35, 37]. Весь этот комплекс предметов находит аналогии в могильниках неволинской стадии неволинской культуры, деменьковской стадии ломоватовской культуры, поздних слоях Пенджикента. Среди других находок есть вещи, хотя и не имеющие узкой даты, но не встречавшиеся в погребениях более поздних групп: височные подвески из скрученного дрота, медный пинцет, некоторые типы стеклянных бус.

Вторая группа погребений датирована 2-й половиной VIII – 1-й половиной IX вв. н. э. по цельнолитой пряжке с овальным приемником и щитком со скругленным окончанием, накладке с выпуклым растительным орнаментом, височным подвескам с привеской в виде полого шара на конусе, шумящим подвескам с трубчатой основой и треугольными привесками, коньковым подвескам, длинной рифленой пронизке, граненому браслету, украшенному круглым пуансоном [Карачаров, 1993. – С. 113–114; рис. 2 – 26, 35–37, 39–42, 44, 45]. В комплексах этой группы массово появляются бронзовые височные кольца из круглого дрота, круглые штампованные накладки из серебряной фольги, начинают встречаться бронзовые литые умбоновидные бляшки с широким плоским рантом, полые зооморфные подвески, пряжки с подвижным щитком и петлями на обороте [Карачаров, 1993. – Рис. 2 – 28, 29, 31, 32, 43, 46]. Вторая кучиминская группа содержит вещи, имеющие аналогии и в неволинской, и в сухоложской стадиях неволинской культуры, в деменьковской и в урынской стадиях ломоватовской культуры. Этот факт подтверждает верность датировок, предложенных К. Г. Карачаровым.

Третья группа погребений датируется в пределах последней четверти VIII – IX вв. н. э. по находкам в могилах мелких бронзовых литых биконических бусин, цельнолитой пряжке, поясной прорезной накладке и наконечнику ремня, шумящим коньковым подвескам, арочным шумящим подвескам, подвеске-коробочке, плоским браслетам с расширяющимися загнутыми концами, полый птицевидной подвеске, литому перстню [Карачаров, 1993. – С. 115; рис. 2 – 10–13, 18, 19]. Датированные вещи позволяют синхронизировать погребения этой группы с комплексами сухоложской стадии неволинской культуры и урынской стадии ломоватовской культуры. Для третьей группы характерно появление большого числа зооморфных бронзовых изделий, неизвестных в более ранних группах: пряжек с рельефным изображением головы медведя, расположенной между лап, наверший в виде головы лося и оленя, пластинчатых браслетов с изображениями голов медведей на концах, полых рукоятей ножей с птицевидными навершиями [Карачаров, 1993. – Рис. 2 – 3, 4, 15, 17, 24, 25]. В употребление входят неизвестные ранее изделия из штампованной серебряной фольги — очелья с выпуклинами, круглые выпуклые мелкие нашивки. Небольшое число керамических сосудов, найденных в погребениях третьей группы, достаточно хорошо соотносится с керамикой второй группы кучиминских городищ [Карачаров, 1993. – Рис. 2 – 47–51].

Четвертая группа погребений датирована в пределах 4-й четверти IX – 1-й четверти X вв. н. э. В эту группу объединены позднейшие кучиминские погребения могильников Барсов Городок и Сайгатинского III и два самых ранних погребения Сайгатинского I могильника. Они содержат очень характерный набор вещей, сочетающийся с находками сосудов третьей хронологической группы кучиминского этапа [Карачаров, 1993. – Рис. 3 – 25–28]. В них массово встречаются бронзовые умбоновидные накладки с широким плоским рантом, височные кольца из круглого в сечении дрота, полые зооморфные подвески, пряжки с изображением голов медведей, но, в отличие от более ранних, без петель на оборотной стороне щитков, ножи с полыми бронзовыми рукоятями с птицевидными навершиями, браслеты с изображением медвежьих голов на концах, плоские браслеты без изображений — то есть вещи, зарождение которых связано с предшествующими периодами [Карачаров, 1993. – Рис. 3 – 1–3, 7, 9–11, 23, 24]. Новыми являются находки кресал с бронзовыми зооморфными рукоятями, близкое им бронзовое зооморфное навершие деревянного гребня, ростовые фигурки воинов, застежка

с изображением головок животных на концах стержня, стилизованная птицевидная подвеска сrostкинско-го типа [Угорское наследие..., 1994. — Кат. № 62–64, 71, 73, 103; Карачаров, 1993. — Рис. 3 – 4–6, 8, 12, 14, 21, 22]. Датировка четвертой группы устанавливается по аналогиям кресалам с бронзовыми рукоятками, сrostкинской подвеске, наконечникам стрел, как найденным в погребении 117 Сайгатинского III могильника, так и около погребений этого периода, боевым топорам-чеканам из погребения 206 могильника Барсов Городок и погребения 73 Сайгатинского I могильника. Особое значение для определения верхней даты этой группы имеет комплекс позднейшего кучиминского погребения 73 Сайгатинского I могильника (если не считать таковым перекрывающее его погребение 72, в котором также был найден сосуд, относящийся к третьей хронологической группе кучиминского этапа). Найденные в нем сабля с прямым коротким перекрестием с шариками на концах и топор-чекан с округлыми щекавицами и узким треугольной формы лезвием датируются в пределах конца IX – XI вв. н. э. [Зыков, 1987. — С. 145, 149; рис. 1 – 3; 2 – 9]. Девять тисненых из тонкого серебряного листа поясных накладок фигурной формы с крупными, средними и мелкими выпуклинами на внешней поверхности [Карачаров, 1993. — Рис. 3 – 16] имеют точную аналогию с накладкой из погребения 9 Нерицкого могильника X–XI вв. н. э. [Археология Республики Коми, 1977. — С. 493; рис. 5 – 32]. Массивная бронзовая серповидной формы подвеска-кольце с цепочками [Карачаров, 1993. — Рис. 3 – 20] аналогична находкам на Нерицком могильнике [Археология Республики Коми, 1997. — С. 492; рис. 5 – 38] и захоронений X века Агафоновского II могильника [Голдина, Ютина, 1987. — С. 42–44; рис. 2 – 53]. Ажурная круглая застежка повожско-финского типа [Карачаров, 1993. — С. 115; рис. 3 – 19] датируется VIII – началом XI вв. н. э. [Голубева, 1979. — С. 58–59]. Бронзовая литая пряжка имеет вытянутый прямоугольный ажурный щиток, на котором помещено не только изображение головы медведя, но и примыкающей к нему фигуры распластанного хищника [Карачаров, 1993. — Рис. 3–13]. Столь же сложную композицию имеет и щиток пряжки из погребения 72 [Угорское наследие..., 1994. — Кат. № 88]. Очевидно, что эти пряжки являются несколько более поздними, чем простые зооморфные пряжки из погребений 3 и 4 кучиминских групп могильников Барсов Городок и Сайгатинского III. Таким образом, по очерченному кругу аналогий погребение 73 Сайгатинского I могильника можно было бы датировать в пределах конца IX – X вв. н. э. Но описанная выше стратиграфическая ситуация, в которой были обнаружены погребения 72 и 73, позволяет их датировать никак не позднее конца IX – начала X веков.

Завершая описание памятников кучиминского этапа нижнеобской культуры Сургутского Приобья, нельзя обойти вниманием существование других позиций, характеризующих переход от этого типа памятников к более поздним. В свое время, предлагая новую схему систематизации средневековых материалов Сургутского Приобья, мы подчеркивали, что выделенные этапы «отражают хронологические ступени развития одной культурной общности с присущими ей преемственностью в формах и орнаментации керамики, сюжетах и художественном стиле бронзового литья, домостроения и фортификациях» [Фёдорова и др., 1991. — С. 142]. Уже само по себе деление культуры на этапы достаточно условно, между ними нет никаких резких границ, что и пытался показать автор в изложенном выше материале. Так, например, можно было бы совершенно безболезненно объединить в один этап карымские и зеленогорские памятники, а в другой — рёлкинские и самые ранние кучиминские с керамикой первой группы. От этого в понимании закономерностей развития древностей нижнеобской культуры принципиально ничего не изменилось бы. То же касается и характера перехода от кучиминского к кинтусовскому этапу. Вполне возможно было бы в рамках последнего оставить комплексы с третьей кучиминской группой керамики, назвав ее самой ранней кинтусовской. Но это возможно только при понимании эволюционного характера развития нижнеобской культуры.

Однако существуют и другие точки зрения. Так, К. Г. Карачаров высказал мнение, что «загадкой остается причина резкого прекращения функционирования кучиминских городищ в конце IX – начале X вв.» Он не исключает, что «причиной перемен было вторжение иной этнической группы», в которой он видит носителей вожпайской культуры [Челякин, Карачаров, 1999. — С. 52; 2002. — С. 54, 57]. При этом К. Г. Карачаров в этих работах отошел от своих более ранних взглядов на кучиминскую принадлежность четвертой группы погребений могильников Барсов Городок и Сайгатинских I и III. Не обосновывая этого в тексте, он поместил их материалы в иллюстрацию древностей вожпайской культуры [Челякин, Карачаров, 2002. — Рис. 17].

Отсутствие генетической связи между кучиминским и вожпайским типом керамики, различное их происхождение в Сургутском Приобье: южное — для кучиминского и северное — для вожпайского типов — обосновала в своей работе В. И. Семёнова [Семёнова, 2001. — С. 161–169]. Но для обоснования этих различий она почему-то провела сравнение коллекций городищ Урьевское III и Айяунское, содержащих раннекучиминскую керамику (отнесенную нами к первой группе), с коллекцией кинтусовской (по терминологии В. И. Семёновой — «вожпайской») керамики из раннего слоя городища Каменные Пески [Семёнова, 2001. — С. 162; табл. 79]. Конечно же, при такой методике сравнения различия получились очевидными. В то же время присутствие вполне кучиминских по облику фрагментов керамики в составе четвертой группы сосудов могильника Усть-Балык В. И. Семёнова объяснила второй волной проникновения южного населения из Среднего Прииртышья в Сургутское Приобье в X–XI веках [Семёнова, 2001. — С. 165. Рис. 15 – 9, 11–14]. С первой волной такой миграции она, напомним, связывала появление на севере кучиминского типа керамики.

Нет необходимости говорить, что сравнивать можно только сравнимое. К совершенно иным выводам приходишь, сопоставляя вожпайскую посуду с предшествующей ей третьей группой кучиминской керамики. Ничего не меняет и включение этой группы в состав вожпайского комплекса, как это ранее делали мы и как вновь предлагает К. Г. Карачаров. Тогда нужно сравнивать эту группу со второй группой керамики кучиминского этапа. И все равно преемственность и генетическая связь будут очевидны. О непрерывной последовательности заполнения погребениями могильного поля некрополя Барсов Городок уже упоминалось.

Впрочем, нет никакой загадки и в прекращении функционирования кучиминских городищ. На Барсовой Горе самое позднее из них городище Барсов городок II/3–4, простояло очень долго, пережив две кардинальные перестройки, а затем было заброшено, как и все предшествующие ему раннесредневековые городища. Его поздний комплекс не отмечен никакими пожарищами или другими свидетельствами трагической гибели. Скорее всего, его жители переехали на новое место — на столь же высокую площадку городища Барсов городок I/31–32. Этот памятник существовал непрерывно до XVI века, в его коллекциях выявлены и небольшой комплекс керамики третьей кучиминской группы, и все типы кинтусовской керамики, начиная с самого раннего вожпайского.

Такая же картина наблюдается и в урочище Сайгатина. Кроме однослойных городищ с первой и второй группами кучиминской керамики — соответственно, городищ Кучиминское XI и V — здесь исследовано раскопками Кучиминское IX городище, самым ранним комплексом посуды которого была третья кучиминская группа, а поздним — все типы кинтусовского этапа. То есть «загадка исчезновения» кучиминских городищ объясняется просто — в конце этапа, на рубеже IX–X веков, изменился принцип функционирования укрепленных поселений. Их перестали переносить по мере износа построек и оборонительных стен; теперь городища веками стояли на одном и том же месте, подвергаясь многократным перестройкам и перепланировкам. Именно этими перестройками и были уничтожены остатки построек и слоев позднекучиминских городищ. От них сохранились лишь небольшие сильно фрагментированные коллекции керамики.

Таким образом, кучиминский этап нижнеобской культуры в Сургутском Приобье был длительным, протяженностью в два столетия, периодом раннесредневековой истории.

КИНТУСОВСКИЙ ЭТАП (конец IX – XII вв.)

Этап был выделен В. Н. Чернецовым и назван по Кинтусовскому могильнику, в котором наряду с более поздними присутствует и яркий комплекс погребений 2-й половины X – XII вв. н. э. [Чернецов, 1957. — С. 213, 237; табл. XLIII – 12–14]. Во вновь созданной схеме периодизации средневековых памятников Сургутского Приобья были сохранены хронологические рамки и очень удачное название этого этапа, но содержание его принципиально отличалось от того, которое было предложено В. Н. Чернецовым [Фёдорова и др., 1991. — С. 137–141]. В более поздних работах неоднократно предлагалась корректировка хронологических рамок этого этапа [Зыков, Фёдорова, 1993. — С. 66; Карачаров, 1991. — С. 208; Челякин, Карачаров, 1999. — С. 52–59; 2002. — С. 57–64].

В Сургутском Приобье разведками выявлено более тридцати памятников с находками кинтусовской керамики, но раскопками исследованы только городища Барсов городок I/31–32, Кучиминское IX, Ермаково XI, Каменные Пески, Старые Покачи 5 и селище Барсова гора II/14. К этому этапу относятся значительная часть погребений Сайгатинских I и VI могильников, небольшие самые ранние группы могил Кинтусовского и Сайгатинского IV могильников, значительные группы погребений могильников Барсов Городок и Усть-Балык. Этим же временем датируется ранняя часть исследованного раскопками комплекса Сайгатинского I святилища (рис. 52; 53).

В рамках кинтусовского этапа нижнеобской культуры выделяется три последовательных хронологических периода, каждому из которых соответствует определенная группа керамики [Фёдорова и др., 1991. – С. 137–139].

Первый период связан с существованием памятников с **вожпайской группой керамики** (рис. 57). Форма вожпайских сосудов аналогична керамике предшествующей третьей группы кучиминского этапа: это круглодонные горшки с короткими прямыми или отогнутыми наружу шейками. Венчики приостренные или плоские, иногда украшенные оттисками гребенчатого или гладкого штампов. На некоторых сосудах на внешней стороне шеек под венчиком встречаются наклепные валики, рассеченные оттисками прямо или наклонно поставленных отпечатков гребенчатого штампа. Поселенческая и большая часть погребальной керамики украшена горизонтальным рядом ямочных наколов в верхней части шейки — под валиком. Орнамент выполнен почти исключительно гребенчатым штампом, лишь в редких случаях — в сочетании с наколами палочки или скобковидным штампом. На миниатюрных погребальных сосудах вожпайский орнамент иногда выполнялся прочерчиванием гладкой палочкой.

Ведущим элементом декора вожпайских сосудов была широкая горизонтальная полоса на шейке, заполненная геометрическим узором, по краям, как правило, оконтуренная горизонтальными линиями (иногда сдвоенными) из горизонтально поставленных оттисков гребенчатых штампов. Узоры в основном состояли из взаимопроникающих треугольников, заполненных гребенчатыми линиями, лентами с гребенчатой окантовкой и заполнением из оттисков гребенки или наколов. Очень редко полоса на шейке заполнялась наклонными лентами или ромбической сеткой с заполнением лент и ромбов отпечатками гребенчатого штампа. На плечиках сосудов, ниже полосы геометрического узора, орнамент чаще всего завершался «бахромой» — одним-двумя рядами прямо или наклонно поставленных отпечатков гребенчатого штампа или гребенчатой «елочкой». Но встречалась и более сложная орнаментация плечиков: гребенчатые зигзаги с отходящими от нижних углов сдвоенными или строенными отпечатками гребенки (причем треугольники зигзага иногда заполнялись линиями из гребенчатых отпечатков), треугольные фестоны, выполненные гребенкой или наколами, наклонные столбики из наклонно или горизонтально поставленных отпечатков гребенки.

Строгая композиция орнаментации вожпайской посуды в большей степени характерна для крупных поселенческих горшков, на мелких погребальных сосудах встречается довольно много исключений — отсутствие окантовки геометрической полосы, отсутствие «бахромы» и фестонов, завершающих узор на плечиках.

Среди групп погребений с вожпайской посудой и инвентарем конца IX – X вв. н. э. встречаются и синхронные им погребения с сосудами с простейшей гребенчатой орнаментацией, характерной для третьей группы кучиминской керамики [Семёнова, 2001. – Рис. 14 – 2, 5, 6, 8, 13–15, 17–19, 21–27]. Иногда вожпайские и позднекучиминские сосуды были найдены в одной могиле, например, в погребении 44 могильника Барсов Городок [Арне, 2005. – Рис. 104, 105].

Яркая вожпайская группа керамики была выделена В. Н. Чернецовым по материалам сборов с городища Вож-Пай и опубликованных Т. Арне комплексов могильника Барсов Городок, она была датирована в пределах IX века [Чернецов, 1957. – С. 196–200; табл. XXVII].

В 1972–1973 годах Л. П. Хлобыстин исследовал раскопками большое наземное жилище на однослойном поселении Дюна III в Таймырском Заполярье, где была получена коллекция керамики вожпайского типа, датированная радиоуглеродным анализом в пределах 4-й четверти IX – 3-й четверти X вв. н. э.* [Хлобыстин, 1993. – С. 19–27; 1998. – С. 138–147; рис. 143–158]. Он предложил выделить

* В публикациях Л. П. Хлобыстина эта дата обозначена 900 г. н. э., тогда как анализ ЛЕ–1105 показал 1050±50 л. н., т. е. 922±50 г. н. э. [Хлобыстин, 1993. – С. 23; 1998. – С. 142].

вожпайскую культуру IX–X веков, локализирующуюся «на территории между нижними течениями Оби и Енисея, охваченной бассейнами рек Надыма, Пура и Таза», с отдельным ее ваховско-васюганским вариантом в Среднем Приобье. По мнению Л. П. Хлобыстина, она отличалась от синхронных ей памятников «оронтуро-тынского варианта с традициями фигурно-штампованной керамики» Конды и Тавды и близких им памятников лесного Прииртышья. Происхождение вожпайской керамики он связывал с первым типом керамики рёлкинской культуры VI–VIII веков Нарымского Приобья [Хлобыстин, 1993. – С. 23–25].

К. Г. Карачаров считает вожпайскую культуру конца IX – X вв. н. э. пришедшей в Сургутском Приобье. Он признает, что имеется «довольно много свидетельств хронологической последовательности кучиминской, вожпайской и кинтусовской культур» [Чемакин, Карачаров, 1999. – С. 52–53; 2002. – С. 57]. При этом вместе с комплексами с «классической» вожпайской керамикой К. Г. Карачаров объединяет в одну культуру и комплексы ранее выделенной им же четвертой хронологической группы погребений Сургутского Приобья последней четверти IX – первой четверти X вв. н. э., для которых характерна керамика, выделенная нами в третью группу кучиминского этапа. А эта керамика имеет много преемственных черт с предшествующей ей кучиминской посудой второй группы. На мой взгляд, позднекучиминская гребенчатая керамика третьей группы появляется несколько ранее вожпайской и какое-то время сосуществует с ней, что подтверждают находки сосудов этих типов не только в соседних могилах, но и даже в одном погребении. А преемственность вожпайской орнаментации от позднекучиминской очевидна.

В. И. Семёнова совершенно справедливо связывает геометрические узоры на вожпайской керамике «с самой древней зауральской культурной традицией, которая постоянно существовала и проявлялась время от времени в орнаментике». Но при этом она не исключает, что северные «оронтурская (? – А. 3.) и вожпайская традиции... происходят от одного культурного корня, не связанного со штампованной керамикой саровского круга». В. И. Семёнова предлагает очень широкие хронологические рамки для периода существования вожпайской керамики — с конца VIII – IX до конца XI вв. н. э. [Семёнова, 2001. – С. 163–168].

По моим представлениям, традиции геометризма, столь ярко выраженные в орнаментации вожпайских сосудов, имеют очень древние истоки в Сургутском Приобье, начиная, по крайней мере, с керамики быстринского типа памятников раннего неолита [Чемакин, Карачаров, 2002. – Рис. 1 – 2, 11]. В раннем средневековье гребенчатый геометризм всегда присутствовал в орнаментации керамики, особенно заметное значение он имел в декоре сосудов рёлкинской и раннекучиминской групп. Отказ от фигурных штампов в орнаментации керамической посуды произошел отнюдь не на вожпайской, а на керамике второй группы кучиминского этапа, в которой также присутствуют элементы гребенчатого геометризма. А керамика третьей кучиминской группы не только хронологически, но и эволюционно предшествует посуде вожпайской группы.

Поэтому, на мой взгляд, нет никаких оснований выделять памятники с вожпайским типом керамики в Сургутском Приобье в отдельную культуру, тем более искать истоки ее где-то за пределами региона.

В Сургутском Приобье комплексы вожпайской керамики выделяются типологически на всех шести исследованных раскопками поселениях кинтусовского этапа — городищах Барсов городок II/31–32 [Фёдорова и др., 1991. – С. 138; рис. 3А – 7, 15], Кучиминском IX, Ермаково XI, Каменные Пески, Старые Покачи 5, селище Барсова гора II/14 [Фёдорова и др., 1991. – Рис. 3А – 8, 9; Чемакин, 1991. – Рис. 2 – 4, 8; Карачаров, 2006. – Рис. 1]. Достоверно однослойных вожпайских поселений не выявлено. Правда, В. И. Семёнова считает, что при раскопках городища Каменные Пески ею был выявлен чистый вожпайский слой. Однако описание керамики из этого слоя и представленные в публикации рисунки трех фрагментов убеждают, что здесь, как и на остальных сургутских поселениях, вожпайская группа смешана с более поздней оронтурской группой керамики [Семёнова, 2001. – С. 162; табл. 79; рис. 32 – 1–3]. Из разведочных сборов известны находки вожпайской керамики еще на трех поселениях Сургутского Приобья [Салымский край, 2000. – С. 37; Чемакин, Карачаров, 2002. – С. 57].

«Чистые» вожпайские комплексы выявлены по материалам могильников. В исследованной части Сайгатинского I могильника обнаружено только одно погребение 71 (рис. 54 – 1), содержавшее сосуд вожпайского типа и яркий комплекс вещей X века [Чемакин, Карачаров, 1999. – Рис. 17 – 4, 7, 8]. На исследованном К. Г. Карачаровым в 2003–2008 годах Сайгатинском VI могильнике погребения 88–135 относятся, по его представлениям, к вожпайской археологической культуре [Карачаров, 2006. – С. 138, 146; рис. 2–4]. Но, к сожалению, этот комплекс пока не опубликован. На могильнике Барсов Городок

группа могил с вожпайскими сосудами выявлена в ходе раскопок Ф. Мартина 1891 года. Она включает погребения 3, 25, 32, 34, 44, 69 и 83, в которых вожпайские сосуды сочетались с вещами конца IX – X вв. н. э. [Арне, 2005. – Рис. 14–18, 72, 88, 92, 93, 104, 115, 138–140, 154–157]. Но самый крупный комплекс этого периода выявлен на могильнике Усть-Балык, включающий, по В. И. Семёновой, 138 погребений. Правда, она предлагает для него очень широкую датировку в пределах IX–XI веков [Семёнова, 2001. – С. 106–109; табл. 58, 59]. Однако сравнение этого раннего усть-балыкского комплекса с материалами других сургутских могильников показывает, что он должен датироваться концом IX – X веками. В исследованной части могильника Усть-Балык между ранней группой погребений и могилами конца XII – XIII веков существует ничем не заполненный хронологический разрыв. Возможно, самыми поздними в ранней группе были единичные погребения 17 и 63 с сосудами оронтурской группы керамики кинтусовского этапа, отнесенные В. И. Семёновой к третьей группе керамики Усть-Балыка, но вещевой материал в них был очень невыразительным [Семёнова, 2001. – С. 200, 206; рис. 15 – 1, 2].

В погребальных комплексах Приобья с сосудами вожпайского типа коррелируются находки бронзовых полых литых бус-флакончиков и двучастных бус, листовидных подвесок сrostкинско-го типа, круглых накладок с рельефной многолучевой звездой, пряжек сrostкинско-го типа, калачевидных височных подвесок, бронзовых рукоятей ножей с зооморфными навершиями, полых подвесок-уточек, плоских птицевидных подвесок и т. д. Примечательной особенностью погребений этого периода, резко отличающей их от комплексов второй половины X – XI веков с оронтурскими сосудами, является крайне редкое присутствие в их инвентаре наконечников стрел. В могильнике Усть-Балык лишь в семи могилах конца IX – X веков найдены один-два наконечника, зато достаточно много наконечников ранних типов было обнаружено в межмогильном пространстве рядом с погребениями этой группы [Семёнова, 2002. – С. 37–40; табл. 16].

Второй период кинтусовского этапа связан с памятниками, содержащими **оронтурскую группу керамики** (рис. 58–60). Сосуды представлены в основном горшками, аналогичными по форме вожпайским — круглодонными с вертикальной или отогнутой наружу шейкой. Но, в отличие от вожпайских, среди оронтурских горшков значительную часть составляют экземпляры с раздутым туловом. В этой группе заметную долю составляют закрытая и открытая чашевидная посуда, единожды встречен сосуд ладьевидной формы. В отличие от практически исключительно гребенчатой вожпайской орнаментации на оронтурской посуде узоры наносились сочетанием оттисков гребенчатого, мелкоструйчатого, полулунного (гладкой лопаточки) и гладкого штампов. Полулунный штамп использовался в технике отступления, создавая горизонтальные, вертикальные и наклонные желобки. Отдельные элементы орнамента выполнялись прочерчиванием приостренной палочкой.

Строгая композиция вожпайского узора разрушается, орнамент на оронтурской поселенческой посуде часто покрывает не только шейку и плечики, но и значительную часть тулова до половины высоты сосудов. На мелкой погребальной посуде орнаментировалась иногда большая часть поверхности — вплоть до придонной части. Полоса геометрического узора в виде взаимопроникающих заштрихованных треугольников на шейке встречается нечасто, более распространен этот узор на плечиках и тулове, где он выполнен полулунными штампами, как в технике отступления, так и оттисками, наколами, прочерчиванием. На шейке ведущее место занимают горизонтальные линии из чередования рядов отступающего и горизонтально поставленного полулунного штампов, отпечатков прямо, наклонно или горизонтально поставленного гребенчатого или гладкого штампов. На тулове орнамент завершался узором из взаимопроникающих треугольников, прямыми и наклонными столбиками из отступающего полулунного штампа, гребенчатой «елочкой», «бахромой» из вертикальных отпечатков гребенки.

Этот тип керамики был выделен В. Н. Чернецовым в третью типологическую группу городища Ус-Толт и назван «оронтурским» по материалам сборов с городища на левом берегу оз. Оронтур (на современных картах принято иное написание этого озера — Арантур) в верховьях р. Конды. Он датировал ее существование «не позднее, чем до конца VIII в.» и считал предшествующей вожпайской группе керамики IX века [Чернецов, 1957. – С. 185–188, 200; табл. XIX; XX]. Никакого иного обоснования столь ранней датировке оронтурского типа в работе В. Н. Чернецова не содержится.

В нашей периодизации на основании большого числа датированных комплексов Сургутского Приобья была предложена противоположная последовательность бытования вожпайской и оронтурской керамики и значительное омоложение их датировок [Фёдорова и др., 1991. – С. 137–139]. При этом было

высказано мнение о нецелесообразности сохранения термина «оронтурский этап». Это название было оставлено только за группой керамики, характеристика которой и была дана в работе В. Н. Чернецова и которая убедительно датируется в пределах второй половины X – XI веков.

Иное мнение было высказано В. И. Семёновой, которая считает возможным совместить обе схемы периодизации, не отрицая основных положений каждой из них. А именно: «...керамика, названная оронтурской в схеме екатеринбургских авторов, отличается» от оронтурской, выделенной В. Н. Чернецовым, хотя сходство между ними есть. «Разница в датировке оронтурской керамики В. Н. Чернецовым (VI–IX вв.) и екатеринбургскими авторами (X–XI вв.) позволяет предположить, что оронтурский элемент (по В. Н. Чернецову) присутствует в керамике Сургутского Приобья X–XI вв. и маркирует существование самостоятельной традиции» [Семёнова, 2001. – С. 161–162]. То есть В. И. Семёнова всерьез допускает возможность бытования в регионе ранней оронтурской керамики параллельно с кучиминскими и вожпайскими памятниками, и это при том, что комплексы, допускающие столь раннюю датировку оронтурской посуды, не только в Сургутском Приобье, но и вообще в Северо-Западной Сибири, отсутствуют. В. И. Семёнова в своих предположениях основывается не на датированных реальных комплексах, а лишь на мнении, когда-то высказанном В. Н. Чернецовым. Тем не менее, она считает, что «в довольно однородном вожпайском комплексе усть-балыкской керамики X–XI вв. прослежены орнаментальные традиции, связанные с оронтурским и потчевашским влиянием... Привнесение в усть-балыкский комплекс потчевашских черт произошло, видимо, через оронтур. Оронтурские черты в усть-балыкском комплексе прослежены во второй и третьей группах керамики. Во второй группе они отражают контакты оронтурского и вожпайского населения в конце VIII – IX вв. Окончательное смешение оронтурского и вожпайского комплексов особенно видно в керамике X–XI вв. ...Появление небольшого количества керамики подчевашского облика в X–XI вв. можно объяснить второй волной проникновения южного населения, связанного с усть-ишимской культурой. Дальнейшая эволюция смешения трех отмеченных традиций (оронтурской, вожпайской, потчевашской (в усть-ишимском варианте)) просматривается на сургутской керамике, которая в схеме екатеринбургских археологов названа оронтурской и датирована X–XI вв.» [Семёнова, 2001. – С. 163, 165]. Столь обильное цитирование высказываний В. И. Семёновой необходимо, чтобы представить, к каким причудливым картинам культурогенеза могут привести попытки совмещения взаимоисключающих элементов, взятых из разных периодизаций.

К. Г. Карачаров предложил выделить отдельную кинтусовскую культуру X – конца XI–I-й половины XII веков, в которую он включил памятники именно с оронтурской группой керамики. Он считает, что «в орнаментации кинтусовской посуды нашли отражение кучиминские и вожпайские черты. В целом ее стиль ближе к кучиминской, но очень часто присутствует полоса «взаимопроникающих треугольников», характерных для вожпайских сосудов» [Чемакин, Карачаров, 1999. – С. 53–55; 2002. – С. 57–58]. Эта точка зрения вытекала из постулата о приходе для Сургутского Приобья характере вожпайской культуры, но в этом случае необходимо допустить, что вожпайские и кучиминские памятники на этой территории сосуществовали. Причем, синхронизировать вожпайскую керамику нужно именно со второй группой кучиминской керамики. Никаких фактов для такого допущения не существует, реальный материал как раз свидетельствует об их хронологической последовательности.

В Сургутском Приобье оронтурская керамика типологически выявлена на всех пяти исследованных раскопках поселений [Фёдорова и др., 1991. – С. 139; рис. 3А – 18, 19, 22, 23; Чемакин, 1991. – С. 185; рис. 2 – 2, 3, 5–7], причем на городище Ермаково XI и селище Барсова гора II/14 она была позднейшим комплексом. Разведочными сборами выявлено также не менее 22 селищ и городищ с находками фрагментов оронтурской керамики [Чемакин, Карачаров, 2002. – С. 57; карта 8]. Погребения с этой группой керамики образуют территориальные группы могил А–В и Д Сайгатинского I могильника, большую часть исследованных Ф. Мартином и нами могил Барсова Городка [Арне, 2005. – Рис. 9–13, 19–22, 32, 34–40, 43–46, 58, 59, 74, 75, 89–91, 94–96, 102, 107–110, 114–117, 119–120, 133, 142, 144, 150–152, 158, 165, 169–171, 173]. Все эти комплексы датируются в пределах второй половины X – XI веков. В них массово встречаются неизвестные ранее грушевидные бронзовые бубенчики с крестовидной прорезью, поясные накладки прямоугольной, полуовальной и сердцевидной формы с растительным орнаментом, серебряные болгарские ювелирные изделия с зернью и сканью (гроздевидные и калачевидные серьги, браслеты с напаянными на концах щитками со стеклянными вставками в гнезда из зерни), серебряные

щитковые перстни, бронзовые болгарские щитковоконечные браслеты. В погребениях этого периода появляется большое количество оружия: шлем, кольчуга, фрагменты кольчужного плетения, сабли, па-лаши, рубильные ножи, проушные топоры, наконечники копий. Практически обязательным в каждом мужском погребении становятся наконечники стрел, часто в виде колчаных наборов. Продолжают широко встречаться бронзовые круглые височные кольца, пронизки, полые зооморфные подвески и пронизки, зооморфные пряжки, браслеты обского стиля, кресала с бронзовыми навершиями, бронзо-вые рукояти ножей с зооморфными бронзовыми навершиями.

Третий период кинтусовского этапа связан с **рачёвской группой керамики** (рис. 61–63). Фор-ма рачёвских сосудов в основном повторяет формы оронтурской посуды, но среди горшков и чаш этой группы выделяются образцы с четко выраженным ребром на тулове. Кроме того, в рачёвском комплексе появляются плоскодонные баночные сосуды с открытым устьем. У некоторых из них на внутренней стороне имеются парные «ушки» — налесты с вертикальными отверстиями для крепле-ния ручек. Такая посуда, копирующая форму медных котлов, распространяется в конце этого перио-да. Так, в Сайгатинском I могильнике известен только один такой баночный сосуд в погребении 94, а в более позднем погребении 5 Сайгатинского IV могильника — еще два. Но в погребениях конца XII – XIII веков Сайгатинского IV могильника плоскодонная баночная посуда составляет уже до половины всей керамики [Карачаров, 1991. – С. 206; табл. 1; рис. 2 – 1–3, 10–18]. Среди поселенческой посуды рачёвской группы фрагменты от баночных сосудов с внутренними налестами или парными сквозными отверстиями присутствуют обязательно.

Техника орнаментации, характерная для оронтурской группы, сохраняется и в этот период, но до-полняется целым рядом новых элементов. На рачёвской керамике появляются прочерченные желобки, сделанные широкой лопаточкой, оттиски змейковидного волнистого штампа и различных видов фи-гурных штампов: ромбические гладкие, заполненные четырьмя выпуклинами, решетчатые, глазчатые, овальные глазчатые, треугольные гладкие и решетчатые, крупные S-образные. Именно применение в орнаментации шеек сосудов горизонтальных рядов из желобков и полос из поставленных в шахматном порядке оттисков фигурных штампов, особенно ромбических, придает рачёвской группе особый архаи-ческий колорит [Карачаров, 1991. – Рис. 2, 7; Салымский край, 2000. – С. 48; Фёдорова и др., 1991. – С. 139; рис. 3А – 21, 25, 27, 28, 31, 34]. Такое возрождение древних традиций карымской, зеленогорской, рёлкинской и кучиминской орнаментации приводит иногда к забавному неоправданному удревнению некоторых особо архаично выглядящих сосудов рачёвской группы. Например, В. Н. Чернецов, а вслед за ним и В. А. Могильников отнесли ко времени не позднее конца оронтурского этапа, то есть к VI–IX векам, сосуд конца XI – XII веков из Кинтусовского могильника, орнаментированный по шейке поло-сой оттисков ромбического штампа, расположенных в шахматном порядке [Чернецов, 1957. – С. 224; табл. XIII – 13; Могильников, 1987. – Табл. XXXV – 6].

Если же не учитывать эти архаические элементы, то узоры на посуде рачёвской группы вполне сходны с оронтурскими: взаимопроникающие треугольники или наклонные столбики из гребенчатых или прочерченных линий, заполненные в промежутках оттисками полулунных или ромбических шта-пов, расположенные на шейках, плечиках, туловах горшков. В орнаментации верхней части сосудов всех типов преобладают все те же горизонтальные из отступающего полулунного штампа, из прямых или наклонных отпечатков гребенчатого, змейкового или гладкого штампов, наколов округлого штампа (поллой косточки). Орнаментальная композиция часто завершалась «бахромой» из прямо или наклонно поставленных оттисков гребенки или гладкого штампа, наклонными или прямыми столбиками из от-ступающего штампа, иногда — треугольными фестонами из оттисков фигурных штампов.

Рачёвская группа завершает эволюцию керамики кинтусовского этапа. Затем в Сургутском При-обье и на всей территории Северо-Западной Сибири наступает резкая деградация керамического производства.

Рачёвская группа керамики впервые была выделена нами [Фёдорова и др., 1991. – С. 139]. Названа она была по наиболее яркому из известных тогда памятников, где был получен чистый комплекс такого типа — Рачёвскому II городищу в Нижнем Прииртышье [Терехова, 1986. – С. 119–120; рис. 2 – 1–12; 3 – 14, 17–20]. За истекшее с момента этих публикаций время большие комплексы керамики рачёвской группы выявлены в Нижнем Приобье при раскопках городища Ендырское I и поселения Тал I [Зыков, Кокишаров, 2001. – С. 57; рис. 28–30].

Неясную позицию по отношению к рачёвской группе керамики занимает К. Г. Карачаров. В одной из ранних работ, посвященных анализу погребальной керамики Сургутского Приобья XIII–XV веков, он высказал вполне солидарную с нашей точку зрения о характере керамики из погребений XII века, в том числе и в вопросе отнесения ее к числу древностей кинтусовского этапа [Карачаров, 1991. – С. 208]. Но позднее, предложив выделение кинтусовской культуры, К. Г. Карачаров определил в качестве верхней хронологической границы (отделяющей ее от памятников сайгатинского этапа) очень широкий времен-ной отрезок: конец XI – первую половину XII веков. При этом он имел в виду не спорность хронологии комплексов этого периода, а именно свое неопределенное отношение к памятникам с описанной выше группой керамики, затрудняясь в отнесении их или еще к кинтусовской культуре, или уже к сайгатин-скому этапу. Но, избежав этой определенности в тексте, он не смог этого сделать при создании сводных иллюстраций и карт. Так, на картах в число кинтусовских не попали, а напротив, были обозначены как сайгатинские Рачёвское II городище и весь Сайгатинский IV могильник, то есть и его самая ранняя группа с рачёвской керамикой. А на иллюстрациях среди вещей сайгатинского этапа оказался и горшок рачёвско-го типа конца XI – XII веков из Сайгатинского IV могильника [Чемакин, Карачаров, 2002. – рис. 19 – 2].

Таким образом, памятники с рачёвской группой керамики, датирующиеся концом XI – XII веками, К. Г. Карачаров все же склонен относить к древностям сайгатинского этапа. Выше уже не раз гово-рилось, что границы между этапами нижнеобской культуры условны, но всегда подчеркивалось, что важнейшим критерием выделения этапов были изменения в керамике. Однако граница между послед-ним кинтусовским этапом нижнеобской культуры и памятниками сайгатинской культуры как раз не является условной. Она устанавливается по резкому выводу из повседневного обихода керамической посуды, произошедшему где-то в конце XII века. Это повлекло за собой принципиальное изменение археологического характера, прежде всего, поселенческих памятников: они стали бескерамическими. А значит, для археологической систематизации исчез главный источник — керамика. Единичные со-суды, встречающиеся на поселениях и в погребениях XIII–XVII веков, никак не заменяют его.

Рачёвская группа керамики представлена массово на поселениях и в могильниках. Даже в самом позднем памятнике с этим типом керамики — в ранней группе из 22 погребений Сайгатинского IV могильника — было обнаружено 16 сосудов (т. е. в среднем в 72,7% могил). Уже по этому критерию вряд ли будет логично комплексы с рачёвской керамикой относить к сайгатинскому типу памятников.

Кроме того, выше уже указывалось, что эта группа керамики очень близка оронтурской, являясь ее более поздним эволюционным вариантом. Ну а то, что в конце периода бытования рачёвской керамики в ее составе появляются формы сосудов, более характерные уже для сайгатинского типа памятников, свидетельствует лишь о неразрывной преемственности комплексов конца XI – XII веков и ранних сай-гатинских конца XII – XIII веков.

В Сургутском Приобье керамика этого периода выявлена на двух городищах — Кучиминском IX и Барсов городок I/31–32. Причем на Кучиминском IX городище она была связана с жилищами не-укрепленного поселения, возникшего на площадке городища и около него после разрушения укре-плений. Небольшая коллекция рачёвской керамики происходит из сборов с городища Тапатьяга 2 в верховьях р. Большой Салым [Чемакин, Карачаров, 2002. – Рис. 19 – 1–3]. Здесь необходимо за-метить, что по небольшим разведочным сборам весьма сложно отличить керамику оронтурской и рачёвской групп друг от друга. Для этого необходимо присутствие в коллекциях фрагментов со специфическими рачёвскими чертами, а также вещей, характерных именно для комплексов конца XI – XII веков.

Напротив, в могильниках эти комплексы, сочетающие целые сосуды рачёвской группы и вещи кон-ца XI – XII веков, достаточно легко распознаются. В Сургутском Приобье к этому периоду относятся 35 погребений территориальной группы «Г» Сайгатинского I и 22 погребения Сайгатинского IV могиль-ников, погребения 81, 88 и 105 из раскопок Ф. Р. Мартина на могильнике Барсов Городок [Арне, 2005. – Рис. 145–149, 162, 172] и самые ранние комплексы Кинтусовского могильника из раскопок 1911 года [Чернецов, 1957. – С. 224; табл. XLII – 9, 10; XLIII – 12–14]. Все они датируются в пределах конца XI – XII вв. н. э. В них массово встречаются неизвестные ранее бронзовые крестовидные бляшки-накладки с гладкой внешней поверхностью и петелькой на обороте, использовавшиеся, чаще всего, в качестве наборных браслетов для обеих рук [Зыков, Кокишаров, 2001. – С. 182]. Единично известны болгарские серебряные украшения со сканью и зернью, не встречавшиеся в более ранних могилах, — крупная

гроздевидная височная подвеска, однобусинная серьга [Угорское наследие..., 1994. — Кат. № 243, 249; Фёдорова, 1990. — С. 132–133; рис. 2 — 1, 4]. Специфическими только для комплексов с рачёвской керамикой являются находки глиняной пластики, обнаруженные в погребении 74 Сайгатинского I, погребениях 1 и 5 Сайгатинского IV и погребении 88 могильника Барсов Городок [Зыков, Кокшаров, 2001. — С. 123; Арне, 2005. — Рис. 162]. В остальном обильный инвентарь этого периода очень схож с находками предшествующего периода: бронзовые височные кольца, в том числе с вписанной в кольцо фигурой животного, бубенчики с крестовидной прорезью, поясные накладки прямоугольной и сердцевидной формы, пряжки и наконечники ремней, пронизки, полые зооморфные подвески и пронизки, зооморфные пряжки, браслеты обского стиля, ножи с бронзовыми рукоятями с зооморфными навершиями. В погребении 97 Сайгатинского I могильника была найдена иранская бронзовая чаша с циркульным орнаментом [Угорское наследие..., 1994. — Кат. № 304].

Среди находок на городищах, связанных с керамикой рачёвского типа, следует упомянуть глиняную пластику, стакановидные тигли, керамические орнаментированные льячки, литейную форму, русский нож с орнаментированной бронзовой обкладкой рукояти, кузнечные инструменты (клещи, молоток, наковальня) [Угорское наследие..., 1994. — Кат. № 23–29; С. 129].

Вопрос о застройке жилых площадок и конструкций оборонительных сооружений кинтусовских городищ не так уж прост. Из четырех исследованных раскопками в Сургутском Приобье городищ с комплексами кинтусовской керамики лишь Кучиминское IX и Ермаково XI прекратили свое существование в рамках этого этапа. На городищах Каменные Пески и Барсов городок I/31–32 остатки сооружений этой эпохи были практически полностью уничтожены постройками сайгатинского времени, а их оборонительные сооружения относятся к XV–XVI векам.

Городище Кучиминское IX (рис. 53 — 1) возникло на рубеже кучиминского и кинтусовского этапов. Первоначально оно было застроено двумя крупными прямоугольными жилищами, вытянутыми в одну линию вдоль берега и обнесенными с напольной стороны подковообразной в плане оборонительной системой, состоящей из стены, забутованной грунтом, и рва. В процессе функционирования этого укрепленного поселения его фортификации подвергались значительной перестройке: восточная часть стены была разобрана, ров засыпан. Новая линия обороны была вынесена в восточную сторону, так что городище приобрело иные очертания — подковообразные, сильно вытянутые перпендикулярно обрыву берега. При этом застройка площадки осталась прежней, новые жилища были поставлены в котлованы ранних построек. В таком виде городище существовало в ранние периоды кинтусовского этапа, связанные с бытованием вожпайской и оронтурской групп керамики. Затем это укрепленное поселение погибло или было заброшено. На его месте возникло неукрепленное селище, состоящее из небольших слабоуглубленных жилищ (площадью 18–20 кв. м) подквадратной в плане формы, содержащих находки керамики позднекинтусовской рачёвской группы. Два таких жилища, перекрывавшие более ранние крупные постройки, были исследованы раскопом на площадке городища, одно — на месте восточного прохода, на перемычке между рвами, и одно — за пределами заброшенных укреплений [Очерки культурогенеза..., т. I, кн. I, 1994. — С. 415–417; рис. 29 — 1].

Городище Ермаково XI датируется в пределах двух первых периодов кинтусовского этапа. Оно было расположено на мысу береговой террасы, имело округлую в плане площадку, бессистемно застроенную четырьмя жилищами, обнесенную «валом» (оплывшей забутовкой разрушенных стен) и рвом. Ширина рва — 4,0–5,0 м, глубина — 2,5–3,0 м. Проход на площадку был защищен башнеобразным сооружением, расположенным за пределами оборонительного рва [Морозов, 1995. — С. 27–29; рис. 1]. Городища Сургутского Приобья, на которых были собраны фрагменты кинтусовской керамики, имели такое же расположение, форму площадки, нерегулярную застройку, размеры рвов [Челякин, Карачаров, 2002. — С. 57–58; рис. 18 — 18].

Очевидно, что, в отличие от всех предшествующих периодов раннего средневековья, в кинтусовское время принципиально изменился подход к функционированию укрепленных поселений. Вместо относительно кратковременного существования городищ карымского, зеленогорского, рёлкинского и кучиминского этапов, через несколько десятилетий обязательно переносившихся с места на место в пределах одного урочища, кинтусовские городища веками стояли на одном и том же месте, как правило, самом возвышенном и удобном для обороны. Во всех хорошо изученных урочищах Сургутского Приобья выявлено только по одному городищу кинтусовского этапа, всегда отличавшемуся мощностью культурного слоя и наличием следов многочисленных перестроек.

В Сургутском Приобье достоверно известно только одно исследованное раскопками кинтусовское селище Барсова гора II/14. Оно расположено на расстоянии 530 м к СЗЗ от кинтусовского городища Барсов городок I/31–32 и отделено от него четырьмя глубокими логами. Визуально селище представляет собой девять крупных жилищных впадин, вытянутых двумя рядами вдоль края берега на 70 м и занимающих площадь около 1700 кв. м. На самом деле площадь селища была гораздо больше: одно из его жилищ было исследовано при раскопках объектов неолитического селища Барсова гора II/17, примыкавшего с севера к средневековому памятнику. Всего на памятнике раскопано три жилища — два крайних западных и одна крайняя северо-восточная постройка, удаленная от них на 50 м. Исследованные объекты содержали вожпайскую и оронтурскую керамику [Фёдорова и др., 1991. — Рис. 3А — 8, 9; Челякин, 1991. — С. 185; рис. 2 — 2–8]. То есть кинтусовский поселок существовал на этом месте около 200 лет, с конца IX — X веков до XI века. Жилища, составлявшие его, не были одновременны. Видимо, поселок постепенно смещался с запада, где был выявлен объект с вожпайской керамикой. Это кинтусовское селище отличается от селищ более ранних этапов, которые состояли из небольшого числа жилищ, расположенных рядом с одновременными им городищами. Вероятно, в кинтусовское время, в отличие от раннего средневековья, меняется социальное лицо общества: оно начинает делиться на социальную верхушку и тесно связанную с ней часть населения, постоянно проживавших под защитой стен городища, и на зависимое от этой верхушки остальное население, жившее в неукрепленных поселках. Интересно в этой связи Кучиминское IX городище, лишившееся в конце кинтусовского этапа укреплений и переросшее в неукрепленное селище. Не могло ли это быть свидетельством вынужденного подчинения с конца XI — XII веков общины, проживавшей в урочище Сайгатино, власти элиты, жившей в соседнем урочище Барсова Гора, политическим центром которого было городище Барсов городок I/31–32? Полностью или частично раскопками исследовано 20 кинтусовских построек — 17 на городищах и три на селище. Все они имеют традиционную для раннесредневековых жилищ Сургутского Приобья конструкцию: четырехугольные котлованы площадью от 18–20 до 96 кв. м, углубленные в грунт на 15–40 см. В одном из жилищ городища Ермаково XI вдоль длинных стен были зафиксированы остатки деревянных нар шириной 1,0–1,5 м. В центре жилищ на уровне пола располагался очаг — простое открытое кострище [Очерки культурогенеза..., т. I, кн. I, 1994. — С. 416; рис. 32 — 4, 10, 11; Фёдорова и др., 1991. — С. 139; рис. 3А — 4, 5].

Погребальный обряд кинтусовского этапа исследован по материалам шести могильников. Сто тридцать девять вожпайских погребений могильника Усть-Балык занимали участок длиной в 130 м на узкой гриве, вытянутой вдоль протоки по линии ЮЗ–СВ. Большинство погребений конца IX — X веков были ориентированы вдоль гривы, костяки в них лежали в основном головой на северо-восток, лишь в самой поздней части — на юго-запад или северо-запад. Вожпайские погребения Усть-Балыка довольно равномерно были распределены по гриве, редко образуя короткие ряды из двух-трех, самое большее — из четырех-пяти могил [Семёнова, 2001. — С. 113–114; рис. 4].

Могильники более поздних периодов кинтусовского этапа наиболее полно изучены в урочище Сайгатино. Погребения оронтурского периода второй половины X — XI веков расположены в западной части урочища, где они сконцентрированы в виде пяти скоплений, разбросанных по площади более 10 тысяч кв. м. При исследовании эти скопления были названы группами «А», «Б», «В» и «Д» Сайгатинского I могильника и Сайгатинским VI могильником, хотя, скорее всего, они являются частями одного хронологически однородного могильника. Пока можно только гадать, что стоит за столь необычной организацией некрополя. Внутри этих групп погребения расположены довольно компактно, иногда образуя короткие ряды из двух-четырех могил. Ориентировка могильных ям и погребений в них очень неустойчивая, преобладающего направления не выявлено. Погребения рачёвского периода в Сайгатино представлены двумя хронологическими группами: ранняя выявлена в виде группы «Г» Сайгатинского I могильника, более поздняя, расположенная в 800 м к юго-востоку от нее, — ранней группой погребений Сайгатинского IV могильника. Они также не имеют устойчивой ориентации могильных ям и погребений.

Все кинтусовские погребения грунтовые, в простых могильных ямах вытянутой прямоугольной, овальной или каплевидной формы. Характерной особенностью устройства кинтусовских могильных ям было наличие парных ниш в их верхней части (от одной до трех пар), служивших для крепления поперечин, удерживавших продольные перекрытия могил из плах или жердей. Глубина могил в среднем составляла 30–40 см, но не глубже 70 см. Внутримогильные конструкции чаще всего представлены обкладками стенок у дна досками, реже — лодками-долбленками с обрезанной кормой или носом.

Погребения совершены почти исключительно по обряду трупоположения. Лишь на могильнике Усть-Балык зафиксировано захоронение остатков кремации, совершенной на стороне, в могильной яме с вещами конца IX – X веков — погребение 8 [Семёнова, 2001. — С. 20; прил. 7. — Рис. 1 – 3]. Абсолютное большинство погребений одиночные, парные захоронения взрослых или женщины и ребенка встречены на Сайгатинском I и IV могильниках. Погребенные, в тех случаях, когда это удавалось проследить, укладывались вытянуто на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища или слегка подогнутыми с кистями, уложенными на тазовых костях (рис. 55, 56). В погребении 74 Сайгатинского I могильника достоверно зафиксировано сидячее положение умершего, а в погребении 3 могильника Барсов Городок — скорченное на спине с сильно согнутыми ногами и руками [Арне, 2005. — Рис. 3].

Для кинтусовских могильников вожпайского и оронтурского периодов фиксируется особое отношение к человеческим головам, связанное, скорее всего, с распространенными в то время военноритуальными обрядами — обезглавливанием и скальпированием врагов. Так, на могильнике Барсов Городок были найдены погребение обезглавленного взрослого человека и два детских захоронения отрубленных голов в сопровождении достаточно многочисленного инвентаря. Два погребения отдельных черепов обнаружены в могильнике Усть-Балык [Семёнова, 2001. — С. 21] и одно — в Сайгатинском VI могильнике. Причем в этом сайгатинском «погребении 78» были захоронены крышка черепа человека 35–55 лет, челюсть лошади, целый и почти полный развал керамических сосудов. Этот комплекс примыкает к более глубокому воинскому погребению 76 с полным скелетом, время сооружения которого (по набору вещей и двум радиоуглеродным датам) укладывается в период с конца X века до первой половины XII века. Человеческий череп из «погребения 78» имеет явные, документально зафиксированные следы скальпирования — «циркулярного разреза кожи головы... без следов заживления, т. е. сделанные незадолго до смерти человека или вскоре после нее» [Карачаров, Ражев, 2008. — С. 139; рис. 1; 2; Ражев, 2002. — С. 175–176].

В могильниках Усть-Балык, Сайгатинском I и VI в засыпке некоторых могил выше уровня костяка были найдены человеческие черепа [Семёнова, 2001. — С. 21; Чемякин, Карачаров, 2002. — Рис. 18 – 17]. Особенно интересно воинское погребение 76 Сайгатинского VI могильника, на перекрытии которого были обнаружены семь черепов, причем на некоторых из них сохранились следы, свидетельствующие о том, что головы были отрублены. Вероятнее всего, черепа в засыпке погребений были своеобразными воинскими трофеями воинов, захороненных в них. Находки отдельных черепов в сопровождении инвентаря в ямах на общих кладбищах могли быть связаны с погребениями отрубленных голов соплеменников, которые побывали такими же трофеями у врагов и были затем возвращены их родственникам (выкуплены, отбиты?).

Появление таких необычных свидетельств «охоты за головами» в синхронных погребальных комплексах второй половины X – XI веков Барсовой Горы и Сайгатино, возможно, как раз и указывает на то, что враждебными могли быть две общины, жившие в этих соседних урочищах. А исчезновение этих свидетельств в более поздних сайгатинских могильниках, как и ликвидация укреплений Кучиминского IX городища в конце XI – начале XII веков, могут означать, что война, длившаяся с переменным успехом долгое время, завершилась поражением сайгатинцев и подчинением их соседям. Вероятно, именно в эту эпоху и именно таким образом — усилением одной из общин за счет покорения более слабых соседей — и началось складывание в Сургутском Приобье военно-политических территориальных объединений протогосударственного типа — княжеств [Зыков, Кокшаров, 2000. — С. 39–44; История ХМАО..., 2000. — С. 84–93].

Уникальным культовым памятником кинтусовского этапа в Сургутском Приобье является исследованное большой площадью раскопов Сайгатинское I святилище (рис. 40). Оно возникло в самом начале этого этапа и непрерывно функционировало, по крайней мере, до XV века. Самым ранним объектом и организующим центром этого культового места была наземная срубная постройка размерами 5,5×5,0 м с центральным жертвенным очагом-каменкой. Эта постройка перекрывала два предшествующих ей позднекучиминских погребения конца IX – начала X веков (рис. 41). Возможно, это и не было случайным совпадением. Культовое место как раз и могло возникнуть на могиле обожествленного предка-богатыря, каковым и был захороненный в погребении 73 воин с очень неординарным инвентарем — накладками, бронзовыми украшениями прически и костюма. Вокруг постройки зафиксировано много кострищ и ям с костями животных: лошади, северного оленя, медведя. При раскопках получен много-

численный и разнообразный материал — сотни предметов из серебра, бронзы, железа, керамики, стекла. Практически все находки (бронзовые и серебряные украшения прически и костюма, серебряная посуда и развалы керамической, бронзовые и железные детали ножен клинкового оружия, стеклянная бусина) были обнаружены в слое подстилки или сразу под ней, в заполнении культовой постройки и очага-каменки. Исключение составили только сабли, десятки ножей и сотни наконечников стрел, воткнутых в грунт вертикально, причем ножи и сабли преднамеренно забивались в песок по самые вершины рукоятей. Максимальная концентрация находок была связана с площадью около 150 кв. м в центральной части памятника вокруг культовой постройки. Высокая концентрация находок отмечена на площади радиусом до 25 м от центра святилища, за ее пределами число находок резко сокращается (рис. 40). Отдельные вещи попадались на удалении до 60 м от центра памятника [Зыков, Фёдорова, 2001. — С. 59]. Очевидна приуроченность Сайгатинского I святилища к могильникам западной части урочища. Оно расположено на северо-западном краю обширного могильного поля, которое при исследовании было, не совсем правомерно, разделено на могильники Сайгатинские I, IV, VI. На этом поле непрерывно совершались погребения с конца IX – X веков до конца XV – XVI веков. Основной, самый поздний массив погребений Сайгатинского IV могильника датируется второй половиной XIV – XV веками, к концу XV – XVI веков пока отнесены лишь две могилы*. Возможно в это время и прекращаются захоронения на этом могильном поле, прекращается и функционирование святилища. По крайней мере, достоверных вещей позже XVI века в коллекции Сайгатинского I святилища не выявлено. Очевидно, что и могильник, и святилище были перенесены на другое место, скорее всего, в юго-восточную часть урочища, где известно огромное могильное поле, переходящее в современные действующие хантыйское кладбище. Таким образом, Сайгатинское I святилище было тесно связано с погребально-поминальной обрядностью.

Нижнеобская культура, выделенная в свое время В. Н. Чернецовым для всей таежной и тундровой зоны Западной Сибири, несмотря на все неизбежные в 50-е годы XX века ошибки в периодизации, всегда привлекала меня самой возможностью сгруппировать все средневековые памятники в рамках одной культуры. Предложенная В. Н. Чернецовым идея о возможности членения культуры на относительно узкие хронологические этапы была тем основанием, которое позволило выстроить каркас этой огромной по территории распространения и по времени существования (почти в 850 лет!) средневековой археологической культуры. В данной работе я попытался проследить нижнеобскую культуру в пределах одного региона — Сургутского Приобья, со всеми вычленимыми внутри нее этапами: карымским, зеленогорским, рёлкинским, кучиминским, кинтусовским. Очевидно, в дальнейшем этих этапов будет несколько больше. Уже сейчас ясны определенные хронологические различия среди памятников самых длительных этапов — кучиминского и кинтусовского. Но превращать эти хронологические различия в выделение мелких археологических культур недопустимо.

И, наконец, коротко об этнической принадлежности носителей нижнеобской культуры. На мой взгляд, это была археологическая культура всех раннесредневековых предков современных аборигенных народов региона — обских угров (манси и хантов) и самодийцев (лесных и тундровых ненцев, селькупов).

* На момент написания этой части текста мне было известно, что в полевом сезоне 2009 года экспедицией археологов из Екатеринбурга и Сургута были проведены раскопки восточной части Сайгатинского IV могильника, где были изучены погребения, как я и предполагал, конца XV – XVI веков.

ГЛАВА 4

САЙГАТИНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В СУРГУТСКОМ ПРИОБЬЕ

В. Н. Чернецов в публикации, посвященной периодизации средневековых памятников, в главе, описывающей кинтусовский этап X–XIII веков нижнеобской культуры, значительное место выделил более поздним памятникам, для которых характерно практически «полное отсутствие керамики». Причем из контекста совершенно неясно, включил ли он их в этап, выделенный именно по керамике, или же эти «бескерамические» памятники использованы им для обоснования верхней хронологической границы кинтусовского этапа [Чернецов, 1957. – С. 224–237].

Важное место в хронологических построениях В. Н. Чернецова имело «очень большое своеобразное по форме городище Мань-Няслан-тур» в верховьях р. Ляпин, среди материалов которого был найден ключ «болгарского типа», который В. Н. Чернецов по прикамским аналогиям «достаточно точно» датировал XI–XIII веками [Чернецов, 1957. – С. 230–231; табл. XLVI – 4]. Нужно отметить, что эта датировка сейчас несколько омоложена; по уточненной новгородской хронологии навесные замки типа Б и ключи к ним встречаются в слоях Новгорода с начала XII до середины XIV веков [Колчин, 1982. – С. 160; рис. 4]. В Северо-Западной Сибири замок типа Б найден в жилище 3 Рачёвского II городища [Терехова, 1986. – С. 122; рис. 3 – 15], а ключи этого типа — на городище Шеркалы I и в погребении 254 XIII века Сайгатинского IV могильника. Недавно проведенный осмотр памятника Мань-Няслан-тур показал, что план В. Н. Чернецова был не очень точным — не было вокруг жилищ никакого «слабо заметного вала и рва», да и количество объектов было значительно меньшим. Мань-Няслан-тур представляет собой обычное неукрепленное поселение, а не городище [Берёзово..., 2008. – С. 43–44; Жирных, 2004. – С. 384].

Другим описанным В. Н. Чернецовым памятником было селище Зелёная Горка в черте Салехарда. Он совершенно правильно датировал селище по находкам XIII–XIV веков [Чернецов, 1957. – С. 232–234]. Раскопки этого памятника О. В. Малозёмовой в 1997 году позволили получить дендрохронологические даты древесины, связанной с основанием селища: самый конец XIII – самое начало XIV веков. То есть селище функционировало в пределах первой половины XIV века [Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 118].

Самым поздним памятником, рассмотренным В. Н. Чернецовым, было поселение Хаэн-сале на севере полуострова Ямал, которое он датировал XVI веком [Чернецов, 1957. – С. 234–237].

Все недоговоренности В. Н. Чернецова по поводу места в его схеме этих «бескерамических» поселений были сняты в вышедшей через 20 лет обобщающей работе В. А. Могильникова. Он уже совершенно определенно включал в число памятников кинтусовского типа (этапа) не только все три селища В. Н. Чернецова, но и новые исследованные за эти годы поздние памятники XIII–XVI веков, известные В. А. Могильникову по публикациям и отчетам, — селища Атымья I, Барсова гора IV/1, городища Перегребное I, Шеркалы I, Барсов городок IV/1, святилище Барсов городок I/6 [Могильников, 1987. – С. 207–216; карта 40]. Такое расширение хронологических и, особенно, содержательных рамок кинтусовского этапа совершенно не соответствовало основе периодизации нижнеобской культуры по В. Н. Чернецову, который выделял этапы культуры именно по изменениям в орнаментации керамики. Так что его несколько двусмысленная неопределенность по вопросу отнесения «бескерамических» поздних комплексов к древностям кинтусовского этапа казалась все же предпочтительнее, чем столь решительная определенность В. А. Могильникова.

Создавая схему периодизации средневековых памятников Сургутского Приобья, мы понимали, что поздние комплексы XIII–XVI веков необходимо выделять в отдельный тип памятников, отличающийся от предшествующего им кинтусовского этапа. Принципиальным отличием и рубежом, их разделяю-

щим, была четко фиксируемая быстрая деградация керамического производства, произошедшая в Сургутском Приобье к началу XIII века. Нами было предложено объединить все памятники XIII–XVI веков в рамках сайгатинского этапа, названного по очень ярким могильникам этой эпохи, исследованным в урочище Сайгатино — поздним группам погребений Сайгатинского I, III и IV могильников. Верхней хронологической границей этапа мы считали 90-е годы XVI века, когда Сургутское Приобье вошло в состав Русского государства, что сразу же сказалось на облике культуры местного населения [Фёдорова и др., 1991. – С. 141–142]. Однако в отнесении некоторых памятников к сайгатинскому этапу нами тогда были допущены ошибки. Так, совершенно напрасно в их число были включены поселение Кучиминское XVI и Сайгатинский II могильник. Селище и расположенный рядом с ним небольшой могильник составляют единый комплекс, который сейчас достаточно точно датируется самым концом XVI – первой четвертью XVII веков и содержит вещи русского привоза (полые литые оловянные пуговицы, бронзовые перстни-печатки, лепная копия русского гончарного горшка). Также не следовало включать в число сайгатинских памятников святилище на городище Барсов городок I/6. Хотя святилище и содержало несколько раритетных вещей (бронзовая личина, болгарское серебряное блюдо, бронзовая подвеска с растительным орнаментом конца XV–XVI вв.), его комплекс надежно датируется монетами XVIII века (1748–1785 гг.).

В остальном, с учетом этих поправок, можно и сейчас говорить о правомерности выделения сайгатинского типа памятников Сургутского Приобья. Хотя этот сайгатинский тип и являлся закономерным эволюционным этапом, наследующим и прямо продолжающим линию развития памятников кинтусовского этапа, все же не следует включать его в нижнеобскую культуру. Финалом культуры как элемента археологической систематизации следует признать кинтусовский этап. А более поздний тип памятников, для выделения которого керамическая посуда уже не является сколько-нибудь важным критерием, хотя бы уже в силу ее малочисленности, следует выводить за рамки культуры. Поэтому, вероятно, не совсем корректным будет и предлагавшийся ранее термин «сайгатинский этап», который удобнее будет заменить термином «тип памятников». В то же время, безусловно, верным остается включение сайгатинского типа памятников в обь-иртышскую культурно-историческую общность.

В последнее время появилась тенденция распространения терминов «сайгатинский этап» или «сайгатинский тип» для характеристики памятников Нижнего Приобья, таежного Зауралья и Нижнего Прииртышья [Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 57, 62; Очерки культурогенеза..., т. I, кн. I, 1994. – С. 445–450; Чемякин, Карачаров, 2002. – Карта 9]. Для этого есть много оснований: во всей таежной зоне Северо-Западной Сибири фиксируются общие для этой эпохи закономерности в развитии фортификации, домостроения, прослеживается сходство вещевого комплекса (оружия, бронзового литья, керамики), направленности и интенсивности внешних торговых и культурных связей. Но все же работы последнего десятилетия выявили и резкое различие между западным и восточным регионами в одной из важнейших составляющих материальной культуры — в погребальном обряде. В верховьях рек Тавды, Конды, на левобережном обском притоке р. Ендырь исследована серия погребальных комплексов, которые свидетельствуют о том, что в таежном Зауралье с конца XII–XIII до конца XVI веков господствующим был обряд трупосожжения, практически неизвестный в синхронных комплексах Сургутского Приобья [Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 198–200]. Столь же разительны различия именно в погребальном обряде между синхронными комплексами Сургутского и Нарымского Приобья: простые грунтовые погребения в первом регионе и курганный обряд захоронений — во втором.

Возможно, пока термин «сайгатинский тип памятников» следует применять исключительно для комплексов XIII–XVI веков Сургутского Приобья.

Именно в такой трактовке мной был написан первый вариант данной работы, в наиболее законченном виде она появилась в двух статьях [Зыков, 2006. – С. 121–123; 2006а. – С. 53–55]. Но во время работы над окончательным вариантом текста я понял, что в нем недопустимо оставлять недосказанности вроде «сайгатинского и эмдерского типов памятников XIII–XVI вв.», потому что обязательно найдутся смелые интерпретаторы, которые быстро переименуют их в самостоятельные археологические культуры. Но ведь на самом деле я, выделяя эти два позднесредневековых типа памятников, хотел указать лишь на их различия в одном — в погребальном обряде.

Действительно, если в Сургутском Приобье абсолютно господствовали традиционные трупоположения вытянуто на спине в простых ямных грунтовых погребениях, то в таежном Зауралье, в бассейне рек Тавда, Конда, Ендырь в этот же период (XIII–XVI вв.) в исследованных раскопках могильниках

наряду с ямными трупоположениями часто встречались остатки кремации на стороне, захороненные как в грунтовых ямах, так и на грунте. Эта особенность погребального обряда в Зауралье появилась в конце XII – начале XIII веков. До этого здесь же господствовали обычные грунтовые могильники с обрядом ингумации [Зыков, Кокшаров, 2004. – С. 327–331; ил. 2; Зыков и др., 2006. – С. 211–229]. Этот погребальный обряд, появившись неожиданно на могильниках с ингумационным обрядом — Ликинском, Арантур 27, Большая Умытья 28, господствовал на протяжении 300 лет. Исчез обряд кремации так же внезапно в самом конце XVI века, сменившись трупоположением, которое оставалось здесь традиционным погребальным обрядом вплоть до современности. Эта смена погребального обряда в таежном Зауралье была зафиксирована на Ендырском II могильнике [Зыков, 2003. – С. 263].

Я полагаю, что внедрение в практику населения таежного Зауралья XIII–XVI веков обряда сжигания умерших означало мощную перестройку его духовной организации, скорее всего — религиозную. Но откуда пришел сюда этот необычный погребальный обряд, почему он утвердился на почти три столетия в огромном регионе от Уральских гор до р. Оби и почему столь бесследно исчез — на эти вопросы у меня нет ответов. Исчезновение обряда кремации совпало по времени с эпохой «Сибирского взятия», со строительством русских городов Пелыма и Берёзова, разгромом Пельмского и Кондинского вогульских княжеств, ликвидацией Эмдерского остяцкого княжества. Но прямой связи между этими событиями конца XVI века пока не просматривается.

Да, действительно, различия между западным и восточными регионами в погребальной обрядности в позднем средневековье были весьма существенными, что и позволило мне предложить выделение *эмдерского и сайгатинского типов памятников* XIII–XVI веков [Зыков, 2006. – С. 121–123]. Но и тогда я понимал, что во всем остальном спектре материальной культуры, в том числе в наборе погребального инвентаря, типах поселений и городищ, их фортификаций, типах жилищ и их отопительных сооружений, типах немногочисленной керамической посуды, железных, бронзовых, костяных и деревянных изделий, направлениях и интенсивности культурных связей, эти два типа памятников чрезвычайно схожи, если не сказать едины. Я считаю, что их можно объединить в *сайгатинскую археологическую культуру* XIII–XVI веков с двумя хорошо выраженными локальными вариантами, различающимися погребальным обрядом: западным *эмдерским локальным вариантом* и восточным *сайгатинским локальным вариантом*. На территории распространения эмдерского варианта сайгатинской культуры столь сложный и трудоемкий для раскопок тип памятников, как городище исследован гораздо лучше, чем в Сургутском Приобье [Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 9–124; 2003. – С. 110–136; 2007. – С. 243–245].

Несколько отличающуюся от нашей [Фёдорова и др., 1991. – С. 141–143] характеристику содержания и хронологических рамок сайгатинского этапа предлагает К. Г. Карачаров. Он датирует этот этап концом XI–XII–XV – (XVI?) веками и выделяет внутри него две самостоятельные хронологически последовательные группы памятников: конца XI – середины XIII веков и середины XIII–XV веков [Очерки культурогенеза..., т. 2, 1994. – С. 284, 286; Чемякин, Карачаров, 1999. – С. 58–59; рис. 19, 20; 2002. – С. 60, 64–65; рис. 19, 20]. Выше уже указывалось, что столь ранняя датировка связана с тем, что К. Г. Карачаров включает в число сайгатинских памятники с рачёвской керамикой, которые мы относим к завершающему периоду кинтусовского этапа нижнеобской культуры. Выделение внутри этапа хронологических групп, сделанное им, прежде всего, по материалам погребального обряда могильников, вряд ли может вызвать особые возражения. Тем более что К. Г. Карачаров предлагал еще более детальное хронологическое членение сайгатинских погребальных комплексов, выделяя четыре группы: XIII век; 2-я половина XIII – 1-я половина XIV веков; XIV век; 2-я половина XIV – XV века [Карачаров, 1991. – С. 205–206; рис. 1]. Позднее мы предложили скорректировать хронологические рамки этих групп и дополнить схему К. Г. Карачарова выделением пятой хронологической группы: 2-й половины XV – XVI веков [Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 195–197]. Не совсем понятны сомнения К. Г. Карачарова по поводу возможности включения в верхний хронологический предел этапа XVI века, тем более что во втором (дополненном и исправленном) издании его совместной с Ю. П. Чемякиным публикации число сайгатинских памятников было дополнено городищем Частухинский Урий и могильниками Моховая 45 и 46 [Чемякин, Карачаров, 2002. – Карта 9]. Если могильник Моховая 45 датируется XVI веком [Борзунов, 2003. – С. 159–160], то соседний с ним могильник Моховая 46 вообще относится к первой половине XVII века, что надежно определяется находками в погребении пяти серебряных копеек царя Михаила Федоровича [Стефанов, 2003. – С. 209]. А в культурном слое городища Частухинский Урий были обнаружены не только отдельные монеты царя Ивана IV, но и многочисленные следы штурма

этой крепости русским военным отрядом — пожарища, ядра, пули, ружейный кремь [Семёнова, 1993. – С. 178–180]. Более того, время гибели городища маркируется возникшими на нем тремя коллективными погребениями жертв этого штурма, который мог произойти не ранее 1594 года и не позднее 1619 года [Семёнова, 2001. – С. 112]. То есть если включение этих памятников в число сайгатинских не было ошибкой, то К. Г. Карачаров должен бы был относить финал сайгатинского этапа даже не к XVI веку, как предлагали мы, а как минимум к первой четверти XVII века.

Погребения, датирующиеся в пределах конца XII – XVI веков, выявлены в процессе раскопок тринадцати могильников Сургутского Приобья. На могильниках Сайгатинском I, III и IV, Барсовском IV, Киняминском I и II, Усть-Балык исследовано очень большое количество могил этого времени: от одиннадцати на Киняминском I до 242 могил в поздней части Сайгатинского IV. Небольшими рекогносцировочными раскопками на могильниках Сайгатинском V, Ионинском I и II, Кинтусовском, Моховая 45 было вскрыто от одной до четырех могил этой эпохи. На могильнике Барсов Городок Ф. Р. Мартином среди более чем сотни ранних могил были исследованы погребения 10, 16 и 87, вещи из которых могут датироваться XIII–XIV веками [Арне, 2005. – Рис. 28, 41, 42, 159, 160]. Кроме этих могильников в Сургутском Приобье известен по раскопкам еще один погребальный памятник — одинокое захоронение в пристенной нише жилища 2 XIV–XV веков селища Барсова гора IV/26 [Бельтикова, 2002. – С. 187].

Значительное количество выявленных закрытых погребальных комплексов с многочисленным вещевым инвентарем позволило создать для них очень детальную периодизацию, выделив пять последовательных хронологических групп [Зыков, Кокшаров, 2001. – С. 195, 197; Карачаров, 1991. – С. 205–206; рис. 1].

Группа 1 датируется в пределах конца XII – XIII веков; выделена К. Г. Карачаровым по материалам 44 погребений Сайгатинского IV могильника [Карачаров, 1991. – Рис. 1 – 44–49]. Для комплексов этой группы характерно появление неизвестных ранее типов вещей: бронзовых шаровидных бубенчиков с линейной прорезью и с тройным рельефным пояском, пронизок с двумя вздутиями и парой шумящих привесок, лапчатых подвесок, крестовидных рифленых с внешней стороны накладок, круглых плоскоконических блях, украшенных с внешней стороны рельефными многолучевыми звездами или изображениями медвежьих голов, лежащих между лапами, шумящих коньковых подвесок, крупной коньковой подвески с украшением поверхности сложным псевдосканным орнаментом и с хвостом и ушами, выполненными в виде колечек из ложновитой проволоки [Карачаров, 1991. – Рис. 1 – 43–46, 48, 49; Чемякин, Карачаров, 2002. – Рис. 19 – 8, 12, 14–20]. Шумящие и коньковые бронзовые украшения относятся к предметам импорта с территории родановской культуры в Верхнем Прикамье. Для комплексов этой группы отмечается появление неизвестных ранее болгарских серебряных трехбусинных височных колец, бусины из штампованных полусфер которых соединялись напаянным гладким кольцом [Карачаров, 1991. – Рис. 1 – 47].

В могилах этой группы, по сравнению с предшествующей эпохой, резко сокращается количество находок керамических сосудов. Если в позднекинтусовской группе «Г» Сайгатинского I могильника они найдены в более чем 80% погребений, а в еще более поздней кинтусовской группе Сайгатинского IV могильника — более чем в 70%, то в 44-х могилах конца XII – XIII веков обнаружен всего 21 сосуд, то есть керамика встречалась в 47,7% погребений. Керамика представлена плоскодонными банками и слабопрофилированными круглодонными горшками с низкой шейкой. Единично встречаются чашевидный сосудик и круглодонный горшок с выпуклым раздутым туловом и отогнутой наружу шейкой. По сравнению с позднекинтусовской рачёвской группой керамики, ранняя сайгатинская посуда Сайгатинского IV могильника отличается упрощенной орнаментацией, состоящей из горизонтальных линий отрисовок полулунного и гребенчатого штампов, наколов палочки, гребенчатых зигзагов и «елочки». Лишь в редких случаях встречается практически обязательный для кинтусовской орнаментации ряд ямочных наколов под венчиком (рис. 73; 74). Если в формах сосудов и усматривается связь с позднекинтусовской посудой, то в орнаментации происходит полный обрыв традиций, характерных для всей предшествующей эпохи [Карачаров, 1991. – С. 206–209; рис. 3 – 1–18; табл. 4]. В погребениях этой самой ранней сайгатинской группы впервые появляются медные котлы с железными ушками, которые устанавливались в ногах погребенных. Таким же образом помещались в могилы и керамические

плоскодонные баночные сосуды с внутренними ушками, которые, собственно, и копировали форму медной посуды [*Очерки культурогенеза...*, т. 2, 1994. — С. 286; *Чемякин, Карачаров, 2002.* — С. 64].

Группа 2 выделена К. Г. Карачаровым по материалам 59 погребений Сайгатинского IV и группы «Е» Сайгатинского I могильников и датирована в пределах второй половины XIII — первой половины XIV веков [*Карачаров, 1991.* — Рис. 1 — 31–43]. В комплексах этой группы встречается много вещей, характерных для предшествующего периода, но появляются и новые, связанные, прежде всего, с восточноевропейскими (русскими, болгарскими, прикамскими) импортами: бронзовые полые бочонковидные бусы, украшенные поясками рельефных кружков, серебряные паяные бусины и бусины-подвески с напайкой сканной проволоки, серебряное височное кольцо из крученного дрота со спирально завитым концом, бронзовые поясные бляхи-тройчатки с серповидной основой, лунницы восточноевропейского типа с поперечным к их плоскости расположением ушка для подвешивания, их западносибирские подражания с ушком, расположенным в одной плоскости с подвеской. В этот период появляется большое количество стилизованных полых зооморфных подвесок. Керамическая посуда найдена только в 20,3% могил этой группы.

Из 12 погребальных сосудов этого периода самые «большие» группы образуют пять круглодонных горшков с низкой шейкой и слабопрофилированным низким туловом и четыре миниатюрных сосуда (три плоскодонные банки и чаша). По одному представлены высокий митровидный горшок с низкой отогнутой наружу шейкой, чаша и плоскодонный сосуд чашевидных очертаний с низкой отогнутой наружу шейкой [*Карачаров, 1991.* — С. 206–208; рис. 4 — 8–19]. Простейшая орнаментация выполнялась практически исключительно оттисками гребенчатых штампов, единично встречены пальцевые зацепы, наколы палочкой и полый косточкой. Совершенно исчезает характерная деталь орнаментации средневековой посуды всех предшествующих эпох — ряд ямок под венчиком (рис. 75).

Группа 3 выделена К. Г. Карачаровым по материалам 101 погребения Сайгатинского III и IV могильников и датирована в пределах XIV века [*Карачаров, 1991.* — Рис. 1 — 10–30]. Инвентарь погребений этого периода резко отличается от ранних и поздних групп обилием золотоордынского импорта: серебряной посуды, ювелирных украшений, серебряных деталей поясных наборов, оружия. В погребении 31 Сайгатинского III могильника была найдена чаша с поддоном, в погребениях 194 и 230 Сайгатинского IV могильника — чаша без поддона и ковш с ручкой в виде головы дракона [*Фёдорова, 1991.* — С. 193–195, 197, 198; рис. 1; 5; 6]. Примечательно, что все эти серебряные сосуды были обнаружены надетыми на головы погребенных. Очень разнообразен набор ювелирных украшений костюма, выполненных с применением зерни и скани. Только среди височных подвесок, найденных в количестве 30 экземпляров, выделяются однобусинные кольца, трехбусинные кольца, калачевидные и лопастные подвески, арочные шумящие подвески. Из сканных украшений костюма наиболее многочисленны лапчатые подвески и крестовидные подвески, сомкнутые лунницы, бусы и подвески-бусины. Яркую группу украшений составляют серебряные изделия, выполненные с применением позолоты и чернения: очелья, височные подвески с ромбическим щитком, двусторчатые браслеты, круглая бляха с изображением всадника-сокольничего [*Угорское наследие...*, 1994. — Кат. № 244–249, 258–262, 264–266, 269–271; *Фёдорова, 1990.* — С. 132–135; рис. 2 — 3–5, 7–9, 12–15; 3 — 1, 2, 4, 6, 7, 11]. Из украшений костюма интересны выполненные в технике басмы подвески-рыбки и поясные накладки [*Угорское наследие...*, 1994. — Кат. № 279–281]. К золотоордынским импортам из находок в погребениях этой группы относятся также бронзовые паяные шаровидные бубенчики с линейной прорезью, завершавшейся круглыми отверстиями, серебряные бубенчики с крестовидной прорезью, стеклянные и хрустальные бусы. Импортное оружие, скорее всего, также золотоордынское, представлено саблями, боевым топором-чеканом с гравировками, кольчужными доспехами, фрагментом шлема [*Угорское наследие...*, 1994. — Кат. № 217, 239].

Обилие импорта, произведенного в городских мастерских Золотой Орды, прежде всего, в городах Волжской Болгарии, в погребениях XIV века является ярким свидетельством расцвета торговли по Волго-Камскому пути. Именно к этой хронологической группе относится погребение 31 Сайгатинского III могильника (рис. 71) — могила «угорской княжны», самое богатое из известных пока средневековых погребений Северо-Западной Сибири [*Угорское наследие...*, 1994. — Рис. 20].

Прикамский импорт не столь ярок, как ордынский, но представлен в погребениях XIV века большой серией находок: бронзовыми коньковыми и арочными шумящими подвесками, пронизками, медными

клепаными и сварными котлами с железными дужками [*Карачаров, 1991.* — Рис. 1 — 21, 25, 29]. Местные западносибирские изделия представлены, прежде всего, подражаниями в бронзе ювелирным изделиям Золотой Орды: подвесками-рыбками, лапчатыми лунницами, крестовидными накладками [*Карачаров, 1991.* — Рис. 1 — 17, 18, 20]. Бронзовые полые зооморфные отливки становятся, по сравнению с предшествующим периодом, еще более стилизованными.

В. И. Семёнова датировала Киняминский I и II могильники XIII — первой половиной XIV веков [*Семёнова, 2001.* — С. 111–112], хотя основная масса инвентаря их погребений близка погребальным комплексам третьей хронологической группы Сургутского Приобья. Для могильника Усть-Балык она выделяет группу могил конца XII — XIII веков [*Семёнова, 2001.* — С. 109–110; табл. 59], но сравнение их с сайгатинскими комплексами доказывает, что они никак не старше третьей группы.

Погребальная керамика обнаружена лишь в 5% сайгатинских могил XIV века (рис. 76 — 6–9), а также в трех погребениях могильника Усть-Балык и трех погребениях и межмогильном пространстве Киняминского II могильника [*Карачаров, 1991.* — С. 207–208; рис. 4 — 4–7; *Семёнова, 2001.* — С. 61; рис. 16 — 1–3, 5–9]. Это круглодонные горшки с низкими шейками, иногда отогнутыми наружу, открытые круглодонные чаши, баночный сосуд с уплощенным дном, закрытая низкая чаша с выпуклым туловом и уплощенным дном. Орнаментация керамики очень простая, состоит из горизонтальных линий, вертикально, наклонно или горизонтально поставленных оттисков гребенки, единично образующих гребенчатую «елочку» или зигзаг, неглубоких наколов квадратной или круглой палочки (в одном случае наколы сделаны палочкой, поставленной под углом к поверхности сосуда).

Группа 4 выделена К. Г. Карачаровым по материалам 93 погребений Барсовского IV и Сайгатинского IV могильников и датирована в пределах второй половины XIV — XV веков [*Карачаров, 1991.* — Рис. 1 — 1–9]. Позднее нами было предложено несколько сузить эту датировку до конца XIV — середины — начала второй половины XV веков [*Зыков, Кокишаров, 2001.* — С. 195–196]. Могилы с инвентарем, характерным для этой хронологической группы, выделяются на могильнике Усть-Балык. Однако В. И. Семёнова комплексы, относимые нами к этому периоду, датирует то концом XII — XIII веками, то XIII–XV веками, то XIV–XV веками, то XV — началом XVI веков [*Семёнова, 2001.* — С. 110–111; табл. 59; прил. 7. — Рис. 4 — 2, 5, 2; 6 — 2, 7, 3].

Для погребений этой группы характерно резкое сокращение, по сравнению с предшествующим периодом, количества импортных, особенно серебряных, вещей. Из импорта типичными являются серьги в виде вопросительного знака, шаровидные литые и паяные бронзовые бубенчики с линейной прорезью с круглыми отверстиями на концах, бронзовые шумящие подвески поздних типов, бронзовые, железные и серебряные трубчатые пронизки, медные клепаные и сварные котлы с железными дужками. В погребениях 44 и 262 этого периода Сайгатинского IV могильника найдены сабли, причем в первом находился кожаный пояс с серебряными пряжкой, кольцами для подвески ножен и накладками, выполненными в технике басмы [*Карачаров, 1991.* — Рис. 1 — 6, 8]. Для инвентаря могил этого времени характерно обилие западносибирского бронзового литья поздних типов, но, в отличие от изделий предшествующих эпох, выполненного не из высокооловянистой бронзы, а из практически чистой меди: лапчатых и крестовидных подвесок, полых сильно стилизованных зооморфных подвесок, плоских зооморфных изображений, колоколовидных пронизок и т. п. [*Карачаров, 1991.* — Рис. 1 — 1–5; *Фёдорова и др., 1991.* — Рис. 3Б — 11–15, 17, 18]. Керамические сосуды найдены только в 3,2% могил третьей группы, все три сосуда — в самой ранней части Барсовского IV могильника [*Карачаров, 1991.* — С. 207–209; рис. 4 — 1–3; *Фёдорова и др., 1991.* — Рис. 3Б — 6–8]. Они представлены круглодонными горшком с низкой шейкой, закрытой и открытой чашей. Орнаментация простейшая — ряды наколов и оттисков гребенчатого штампа, пальцевые вдавления по венчику (рис. 76 — 1, 3, 4).

Группа 5 К. Г. Карачаровым не выделялась. Выделение этой хронологической группы погребальных комплексов в Сургутском Приобье и датировка ее в пределах второй половины XV — XVI веков были предложены нами на основе материалов, исследованных в левобережье Нижней Оби — могильников Ендырских I и II, Эсский остров [*Зыков, Кокишаров, 2001.* — С. 196–197]. При сравнении ендырских комплексов с материалами Сургутского Приобья выяснилось, что и здесь известны погребения с очень характерным инвентарем второй половины XV — XVI веков. К выделяемой пятой хронологической группе следует отнести все четыре погребения могильника Моховая 45 [*Борзунов, 2003.* — С. 137–163;

рис. 5], самые поздние из исследованных — погребения 263 и 264 Сайгатинского IV могильника [Зыков, Кокшаров, 2001. — С. 173, 197] и не менее одиннадцати могил (погребения 59, 205, 217, 221, 233, 234, 311, 314, 315 и 317) могильника Усть-Балык. Впрочем, в публикации В. И. Семёновой эти комплексы с очень характерным инвентарем датированы весьма различно. Так, погребения 205, 234 и 243 отнесены к группе могил XIII–XIV веков, погребения 311, 314, 315 и 317 — к группе XIV–XV веков, погребения 59 и 233 — к группе XV — начала XVI веков [Семёнова, 2001. — С. 110–111; прил. 7. — Рис. 4 – 3, 7 – 1].

Характерными именно для этой хронологической группы являются полые медные и позолоченные крыжовниковидные паяные пуговицы, паяные медные бочонкообразные бубенчики с линейной прорезью с круглыми отверстиями на концах, многобусинные медные височные подвески с бусинами, составленными из штампованных полусфер, изделия из медных полусфер (бусины, пуговицы). Как и в более ранних комплексах, в этот период встречаются серьги в виде знака вопроса, медные котлы, изделия западносибирских типов — бронзовые лунницы, мелкие крестовидные накладки, лапчатые подвески, полые зооморфные стилизованные и колоколовидные подвески, трубчатые пронизки. В сургутских комплексах известны находки оружия — ножей, наконечников стрел, топоров, сабли. Керамические сосуды в могилах этой группы найдены не были.

Могильники конца XII – XVI веков значительно отличаются от некрополей кинтусовского этапа нижнеобской культуры, для которых характерна невысокая плотность погребений, неупорядоченная планировка и неустойчивая ориентация погребенных. О сходстве с кинтусовскими можно говорить только для погребений первой хронологической группы конца XII – XIII веков Сайгатинского IV могильника. Начиная с более поздней группы второй половины XIII – первой половины XIV веков отмечается упорядоченное расположение погребений в ряды от двух до десяти могил, их высокая плотность, устойчивая ориентация большинства погребенных головой на юго-восток. Все известные сургутские погребения грунтовые. В сравнении с кинтусовскими, размеры ям в среднем становятся больше, иногда достигая длины до 3,0–3,5 м. Глубина ям преимущественно небольшая — 0,30–0,40 м. Но встречаются единичные могильные ямы глубиной до 1,0–1,5 м. Глубокие и большие погребения почти всегда отличаются и неординарным инвентарем, в составе которого — оружие, серебряные сосуды, ювелирные украшения и т. п. (рис. 70).

Внутримогильные сооружения в наиболее сохранившихся погребениях представлены обкладками придонной части досками, поставленными враспор, перекрытиями из продольно уложенных плах. Достаточно большое количество захоронений совершено в колодах, выдолбленных из цельного ствола, в единичных случаях — в лодках-долбленках. В некоторых могилах фиксировалось заворачивание покойного в мех, а затем — в берестяное полотно.

На территории Сургутского Приобья известно лишь одно погребение этого времени с обрядом кремации — на Кинтусовском могильнике (рис. 69). Все остальные совершены по обряду трупоположения. Погребения в основной массе индивидуальные, но встречались и парные — взрослых, детей, женщин с младенцами. Одно погребение содержало останки двух взрослых и младенца. В парных погребениях покойные захоранивались или в индивидуальных колодах, поставленных в одной яме, или же в одном деревянном ящике из поставленных враспор досок без колод. Поза погребенных в тех случаях, где она фиксировалась, — вытянуто на спине, руки вытянуты вдоль туловища или же слегка согнуты в локтях и уложены кистями на таз. Экстраординарное захоронение зафиксировано на Сайгатинском III могильнике, где в торце обычного погребения был обнаружен костяк в сильно скорченном положении, головой вниз. Вероятно, этот погребенный был связан. На Барсовом IV могильнике встречены отдельные погребения черепов.

Умершие укладывались в могилы с одеждой и прической, украшенной изделиями из бронзы и серебра, с ножами на поясе. Оружие, в основном наконечники стрел, обнаружены в большей части погребений взрослых мужчин, но иногда оно было найдено и в женских погребениях. Так, на Сайгатинском IV могильнике оружие было найдено в 106 могилах из 264 (39,8%). Полные кольчужные доспехи помещались или в могилу, или укладывались около нее — на дневной поверхности или в отдельной ямке. Сабли в ножнах укладывались как рядом с погребенным слева или справа, так и поверх тела, топоры чаще всего помещались у бедра. У копий, очевидно, предварительно отрубалось древко, их железные наконечники были в основном найдены в центральных частях могил. Медные котлы ставились в ногах погребенных в колоду или же на ноги, поверх колоды. Здесь же находилась и

посуда из бересты или дерева. Обращает на себя внимание расположение серебряных сосудов: во всех случаях они были надеты на голову погребенных, в одном случае на голову был надет медный котел.

В одном погребении в засыпке найден череп лошади, в другом — рядом с погребенным были обнаружены кости ног и череп северного оленя (со шкурой?) [Очерки культурогенеза..., т. 2, 1994. — С. 286–288; Семёнова, 2001. — С. 121–128]. В отличие от всех предшествующих периодов средневековья, в могильниках сайгатинского времени очень мало свидетельств, связанных с поминальной обрядностью — находок вещей в межмогильном пространстве, кострищ. Вероятно, эти обряды проводились вне пределов могильников, на специальных местах, таких как Сайгатинское I святилище.

К сайгатинской культуре в Сургутском Приобье предположительно отнесено 22 городища [Кардаш, 2002. — С. 53–58; рис. 1; 2; Морозов и др., 2002. — С. 117–118; рис. 6; 7; Салымский край, 2000. — С. 57–65; Чемякин, Карачаров, 2002. — С. 60; карта 9; рис. 20 – 16]. Большинство их известно только по материалам разведок, и далеко не со всех этих памятников получены находки, надежно датированные концом XII – XVI веками. Раскопкам подвергалось всего четыре городища этого периода: Барсов городок I/31–32, Барсов городок IV/1, Каменные Пески и Старые Покачи 5 (рис. 64–66).

По размерам, мощности фортификаций, планировочной структуре городища этого времени достаточно четко делятся на три типа. Очевидно, что это деление отражает различные социальные функции этих крепостей.

Тип 1. Крупные городища, защищенные мощными оборонительными сооружениями, как правило, эшелонированными в глубину и высоту. Наиболее ярким памятником этого типа в Сургутском Приобье было городище Барсов городок I/31–32 [Фёдорова и др., 1991. — Рис. 3А – 5]. Оно было расположено на высоком мысу, образованном логами, прорезавшими террасу, и занимало одно из самых высоких мест урочища Барсова Гора (рис. 65 – 2, 3). Городище возникло на рубеже кучиминского и кинтусовского этапов нижнеобской культуры и существовало почти непрерывно до второй половины XV – XVI веков. Возможно, в его истории были короткие перерывы, о чем свидетельствуют следы пожаров в культурном слое и находки невооруженных кладов вещей конца XII – XIII веков (болгарское серебряное блюдо и клад 1975 г. найдены при раскопках на внешней площадке городища, клад 1977 г. также, скорее всего, связан с этим памятником) [Чемякин, Шатунов, 2002. — С. 45–46]. Но после гибели крепость неизменно восстанавливалась на этом же месте. Зафиксированный на планах облик городища относился к последнему периоду его существования, то есть ко второй половине XV – XVI векам. Двухплощадочное городище вместе с укреплениями имело площадь более 6000 кв. м, площадь цитадели (гор. Барсов городок I/32), занимавшей стрелку мыса и отсеченной от посада рвом, составляла 1090 кв. м, площадь посада (гор. Барсов городок I/31) без учета рвов — 1840 кв. м. Городище имело мощную оборону, состоящую из двух линий фортификаций. Внешняя линия состояла из рва шириной до 5–7 м, глубиной 2 м и вала шириной 5–8 м, высотой более 1 м. Внутренняя линия фортификаций, отделявшая цитадель от посада, состояла из рва шириной до 13 м (!), глубиной 2–3 м и вала шириной 5–8 м, высотой более 1 м. Памятник неоднократно исследовался раскопками в 1975, 1979 и 1982 годах (общая площадь раскопов 936 кв. м), но еще до начала работ поверхность городища была сильно повреждена, и раскопки по необходимости носили аварийный характер [Чемякин, Носкова, 2002. — С. 59]. Да и методика раскопок сложных стратифицированных городищ позднего средневековья, принятая в 70-е – начале 80-х годов прошлого века, резко отличалась от той, которая стала применяться в последние 15 лет [Зыков, Кокшаров, 2001. — С. 12–53; 2002. — С. 110–122, 134]. Так что раскопки городища Барсов городок I/31–32 позволили получить большую и интересную археологическую коллекцию, но не дали почти никакой информации об этапах застройки памятника, особенно в поздние периоды существования крепости.

К первому типу городищ сайгатинской культуры на Барсовой Горе может быть отнесено городище Барсов городок II/13 (рис. 66 – 3). Оно расположено в западной части урочища, в месте, удаленном от строившихся дорог, трубопроводов, линий электропередач. Как археологическому памятнику, этому городищу повезло больше, чем большинству остальных памятников Барсовой Горы. Оно до сих пор стоит почти нетронутым. Только в 1974 году на нем были проведены небольшие раскопки Н. В. Фёдоровой. Тогда была частично исследована одна жилищная впадина и получена очень небольшая сильно фрагментированная коллекция керамики, сейчас относимая к концу рёлкинского этапа нижнеобской культуры. С тех пор этот памятник всегда связывался с ранним средневековьем [Чемякин, Зыков, 2004. — С. 45].

Но уже при написании первого варианта этой книги я понял, что этот памятник не может относиться к раннему средневековью. Слишком велика его площадь — около 2500 кв. м. Слишком мощной, совершенно нетипичной для городищ этой эпохи была его оборона: выгнутый в напольную сторону ров имел ширину 4,0–5,5 м, глубину до 2,5 м. И это еще до раскопок, в заплывшем состоянии! Вал имел ширину до 6 м, высоту до 1,2 м. В центральной части вала имелся внутренний выступ размерами 11,0×7,5 м, внутри его прослеживалась впадина. Возможно, здесь располагалась проходная башня крепости, к которой вел деревянный мост, так как перемычки — прохода через ров — прослежено не было. Внутренняя площадка городища была плотно застроена, сохранилось 14 жилищных четырехугольных впадин, сгруппированных в пять рядов, ориентированных по линии ЮЮЗ–ССВ.

В общем, у меня нет никаких сомнений, что видимая часть городища Барсов городок II/13 с его мощной оборонительной системой относится к позднему средневековью. Время существования позднесредневекового городища Барсов городок II/13 сайгатинской культуры определяется довольно точно датировкой Барсовского IV могильника концом XIV — первой половиной XV веков. Этот могильник (группы 4 по К. Г. Карачарову) находился в 230 м к северо-западу от городища. В 1988 году он был исследован Н. В. Фёдоровой раскопом общей площадью 1292 кв. м, включая три жилища селища Барсова гора IV/17 XIV века (рис. 66 — 1, 2). Всего Н. В. Фёдоровой было вскрыто 67 погребений, которые явно возникли после того, как постройки позднесредневекового поселка были заброшены [Челякин, Зыков, 2004. — С. 156–157]*. Этот очень крупный могильник с очень небольшим периодом существования явно был кладбищем жителей какого-то крупного поселения, которым, скорее всего, и была крепость на месте городища Барсов городок II/13.

Возникает вопрос, почему на Барсовой Горе существовали два позднесредневековых городища сайгатинской культуры? Наверняка они не были одновременны, скорее всего, возникновение городища Барсов городок II/13 связано с гибелью княжеской крепости на городище Барсов городок I/31–32 в XIV веке. О прекращении его существования именно в это время свидетельствует целая серия находок очень ценных вещей, прежде всего, зарытых и невостребованных кладов, обнаруженных в 1975 и 1977 годах. Среди большого числа бронзовых и серебряных вещей конца XII — XIII веков самым поздним предметом из состава клада 1977 года был большой кусок кожаного золотоордынского пояса с серебряными накладками конца XIII — XIV веков [Угорское наследие..., 1994. — С. 119, 153; кат. № 284]. Он и определяет время произошедшей трагедии. Очевидно, после этого княжеская резиденция была перенесена на 2,4 км западнее, в более укрытую и труднодоступную часть урочища Барсова Гора. Около полувека центр общины находился на мысовидном выступе коренного берега, и только во второй половине XV века он был вновь перенесен обратно на место расположения городища Барсов городок I/31–32, где просуществовал до конца XVI века.

К этому же типу могут быть уверенно отнесены городище Нюром-вош (Вош-ран) в верхнем течении р. Большой Салым и городище «Святое» в среднем течении р. Тромъеган [Кардаш, 2002. — С. 57–58; рис. 2; Морозов и др., 2002. — С. 116–119; рис. 6; 7]. Оба они расположены на высоких мысах и защищены с напольной стороны двойными линиями оборонительных сооружений, состоящих из вала и рва, разнесенных в глубину и в высоту. Хотя эти городища и имеют меньшую площадь, чем Барсов городок I/31–32, и не разделены на цитадель и посад, характер мощных фортификаций позволяет относить их к одному типу.

В Нижнем Приобье, Нижнем Прииртышье и таежном Зауралье известно много городищ позднего средневековья, для которых составлены достаточно точные планы. Часть их удалось уверенно идентифицировать с историческими городками остяко-вогульских княжеств, известным по русским письменным источникам XV–XVII веков и фольклору обских угров. С городищем Барсов городок I/31–32 наиболее сопоставимы трехплощадочное городище Шеркалы I и двухплощадочное Шеркалы VI, которые в разное время являлись остатками резиденций князей Коды до переноса столицы княжества в конце XVI века во вновь отстроенный Кодский городок. Городища «Святое» и Нюрои-вош аналогичны или очень близки столице Ляпинского княжества городку Лопынг-уш (Тан-Варуп-Эква), столице княжества Эмдер городку Эмдер (городищу Ендырскому I), остаткам исторических городков Кодского княже-

* К сожалению, научный отчет по раскопкам Барсовского IV могильника так и не был оформлен. Информация по этому памятнику может быть взята только по полевым материалам Н. В. Фёдоровой 1988 года, хранящимся в Архиве ПИИАЛ УрГУ и коллекции раскопок в Музее археологии Уральского университета.

ства городищам Большеатлымское I и II, Малоатлымское I и II, Кодскому и Карымкарскому городкам, городищам бассейна р. Конды — Большая Умытья 36 (Шаман-гора), Карымскому (Ус-Толт), столице Кондинского княжества городищу Карта-уш.

Очевидно, что городища типа 1 Сургутского Приобья также являлись остатками крепостей-замков, резиденциями князей, управлявших большой округой. Городище Барсов городок I/31–32 расположено на территории исторического Бардакова княжества, сильнейшего объединения региона на момент включения его в состав Русского государства. Даже после постройки города Сургута в 1594 году во владениях князя Бардака это княжество сохраняло определенную независимость до 1619 года. Не исключено, что самое крупное, мощно укрепленное городище, расположенное в очень удобном для проживания урочище Барсова Гора, и было на протяжении столетий резиденцией князей — предков исторического Бардака. Может быть, эта крепость и была покинута в беспокойное десятилетие между возникновением первого русского Обского городка в 1585 году и строительством Сургута в 1594 году, когда князь Бардак вынужден был перенести свою резиденцию подальше, в менее доступное для агрессивных пришельцев место.

Тип 2. Малые городища, имеющие жилые площадки с одной-тремя постройками, защищенные простой системой фортификаций, состоящей из одного вала (развала забутовки бревенчатой стены) и рва. К этому типу относятся исследованные раскопками городище Каменные Пески на р. Большой Юган [Семёнова, 2001. — С. 162] и городище Старые Покачи 5 на р. Аган [Перевалова, Карачаров, 2006. — С. 81–82]. Крепость XV–XVI веков Каменные Пески была выстроена на остатках кинтусовского городища, при этом использовались развалины его фортификаций. Оборонительная стена поставлена прямо поверх оплывшего кинтусовского вала и забутована грунтом так, что после ее развала образовался более высокий вал, имеющий высоту до 1,1 м. Ров в позднем средневековье вообще не выкапывался, были использованы остатки оплывшего кинтусовского рва. Судя по одному частично раскопанному жилищу XV–XVI веков, наземные постройки сооружались с использованием слегка выровненных впадин кинтусовских жилищ. Жилище отапливалось глинобитным чувалом, устроенным у центра торцевой стены. Значительная полоса шириной до 6,5 м между оборонительной стеной и наземным жилищем оставалась незастроенной.

Позднесредневековое укрепление на городище Старые Покачи 5 было отстроено поверх заброшенных остатков укрепленного поселка кинтусовского этапа нижнеобской культуры с находками вожпайской керамики конца IX — X веков. «Ров, окружавший городище, был частично засыпан со стороны склона террасы. Стена представляла собой частокол из тонких бревен и жердей диаметром 10–20 см» [Перевалова, Карачаров, 2006. — С. 80–82]. В Сургутском Приобье это были первые остатки частокольной оборонительной стены, зафиксированной на плане раскопа и на фотографиях. Единственное, что меня беспокоит, это то, что самый поздний верхний слой городища Старые Покачи 5 К. Г. Карачаров почему-то датировал XIII–XIV веками. Более того, он не исключал, «что к слою XII–XIV вв. относится и медная пуговица со следами позолоты. Такие пуговицы появились в XV в. и «дожили», несколько изменившись, практически до XVII в.» [Перевалова, Карачаров, 2006. — С. 83]. Хотелось бы напомнить К. Г. Карачарову, что полым пуговицам, спаянным из штампованных медных или медных с позолотой половин, мною уделено достаточно много внимания на страницах нашей с С. Ф. Кокшаровым монографии «Древний Эмдер», где на основе огромного количества материалов убедительно доказано, что «в погребениях хантыйских и селькупских могильников медные и позолоченные полые пуговицы появляются не ранее второй половины XV века, то есть позднее периода функционирования могильников четвертой хронологической группы по К. Г. Карачарову... Время их массового бытования не доходит до конца XVI — начала XVII веков, когда их сменяют шишковидные полые пуговицы, в основном оловянные или серебряные. Медные крыжовниковидные пуговицы в небольшом количестве пережиточно встречаются в погребальных комплексах первой половины XVII в.» [Зыков, Кокшаров, 2001. — С. 109–110, 171–177; рис. 41 — 2, 3; 52 — 2–4; 54 — 1–4; 55 — 1, 2; 57 — 1–4, 9, 10; 58 — 15–18; 59 — 4; 60 — 1–4; 62 — 3–10, 13–15; 64 — 1–4; 66 — 1–9, 12; 67 — 1–4; 71 — 1–4; 75 — 1, 2; 79 — 5–29]. Все остальные находки, связанные с этим поздним слоем городища Старые Покачи 5, не противоречат датировке, определяемой по находке здесь полый медной позолоченной пуговицы, — ни фрагменты двух керамических сосудов, ни детали оленьей упряжи из кости и рога, ни бронзовая стилизованная зооморфная подвеска из медного сплава. Более того, здесь же были найдены явно русские вещи конца XVI — начала

XVII веков: бронзовый щитковый перстень-печатка, оловянные пуговицы, в том числе и шишковидная, которые К. Г. Карачаров отнес к существовавшему на месте заброшенного городища «культовому месту» [Перевалова, Карачаров, 2006. — С. 80–83, 86]. Очевидно, именно эти последние вещи определяют дату основания позднего слоя городища Старые Покачи 5 и объясняют его необычную, построенную по русскому примеру, конструкцию оборонительных сооружений: засыпанный ранний ров и частокольная стена. Если мое предположение верно, то этот памятник нельзя относить к сайгатинской культуре, он принадлежал уже к следующей эпохе.

К этому же типу можно уверенно отнести позднесредневековые городища Кучиминское XII и XXI, Сайгатинское I, Остяцкий Живец, Вошин-мыттын, Тапатьяга 2 [Кардаш, 2002. — С. 53–54; рис. 1; Чемякин, Карачаров, 2002. — Рис. 19; 21]. Они различаются площадью жилых площадок, мощностью фортификаций — от очень примитивных (с небольшими ровиками) до весьма совершенных. Но по всем параметрам они уступают городищам первого типа. Для понимания «социального лица» этих малых городищ наиболее наглядна их топография в урочище Сайгатино. Здесь выявлено три позднесредневековых маленьких городища. Два из них — Кучиминское XXI и Сайгатинское I — расположены на берегу малой пересыхающей протоки Протошки, соединяющей две крупные магистральные обские протоки — Остяцкий Живец и Большую Гнилую. Третье городище — Кучиминское XII, имеющее самую примитивную фортификацию, застроенное двумя жилищами и небольшой хозяйственной постройкой, — располагалось в западной части урочища, на значительном удалении не только от Оби, но и от крупных протоков. Это свидетельствует о том, что их владельцы менее всего рассчитывали в случае опасности на силу своих гарнизонов и крепость стен, а стремились избежать ее скрытностью своих «крепостиц». Также скрытно, в 1,25 км от протоки Остяцкий Живец, на берегу впадающего в нее безымянного ручья, находится и маленькое позднесредневековое городище Остяцкий Живец [Шатунов, Гусев, 2004. — Ил. 1].

Выше уже указывалось на археологические свидетельства возможного подчинения в конце XI века общины, проживавшей в урочище Сайгатино, князю, резиденция которого находилась на Барсовой Горе. Логично предположить, что ничего не изменилось и в более позднее время, когда объединение — прообраз исторического Бардакова княжества конца XVI века — продолжало территориально расширяться, покоряя все новые общины. Так что династия владельцев разновременных сайгатинских «крепостиц» была также подчинена власти барсовских князей. Вероятно, в них следует видеть тот социальный слой, представителей которого русская администрация Сургута с конца XVI века именовала «лучшими людьми», возглавлявшими ясачное остяцкое население ясачных волостей Сургутского уезда. Эти «лучшие люди» выделялись богатством, имели «захребетников» и «холопей», собирали в своих волостях ясак и доставляли его в Сургут, судили своих ясачных остяков по обычному праву и брали за суд «поминки» и т. п. Видимо, на первых порах русская администрация приняла сложившуюся веками систему, сохраняя сословие «лучших людей», лишь постепенно, на протяжении всего XVII века, сокращая их привилегии, низводя в конце концов до положения рядового ясачного населения. В фольклоре хантов Сургутского Приобья всех владельцев крепостей, вне зависимости от их площади, именовали «князьями». Вероятно, «лучшие люди» XVI века были потомками местных династий малых княжеств, поглощенных более крупными, типа исторического Бардакова княжества. При этом «малые князья», если не истреблялись в ходе покорения, становились вассалами «больших князей», выполняя примерно тот же круг обязанностей по отношению к ним, что и «лучшие люди» ясачных волостей по отношению к русской администрации начала XVII века, а кроме того, конечно же, несли военную службу со своими отрядами в войсках «больших князей» [История ХМАО..., 2000. — С. 90–91].

Тип 3. Укрепленные поселения. К этому типу относится только один памятник — городище Барсов городок IV/1, аналогии которому мне пока неизвестны не только в Сургутском Приобье, но и вообще в Северо-Западной Сибири. Городище расположено в 0,5 км от берега протоки Микишиной. Так далеко от воды, в глубине от береговых террас, никогда не располагались даже самые скрытые малые городища этого периода. Но зато именно так, от нескольких сотен метров до 2 км в отдалении от Оби и ее магистральных протоков, размещались некоторые из крупных позднесредневековых селищ (Барсова гора IV/1, IV/18–21, Сытоминское I). Такие селища обычно относятся к зимним, так как в летнее время жизнь на них была немыслима.

Первоначально городище возникло как укрепление четырехугольной формы площадью около 1600 кв. м, площадка которого была застроена восемью жилищами, расположенными «улицей» в два

плотных ряда выходами навстречу друг другу (рис. 67). Жилища были четырехугольными полуземлянками, оконтуренными обваловкой и внешними ямами. По контуру жилища были обнесены фортификационной системой — невысоким валом (развалом забутовки стен) и узким мелким прерывистым рвом. Интересно, что жилища не примыкали к стенам. Это городище совершенно не похоже не только на укрепление первого и второго типов позднего средневековья, но и на городища конца карымского-кентусовского этапов нижнеобской культуры. Зато оно аналогично по всем признакам городищам раннего железного века и раннекарымским городищам Сургутского Приобья. Думается, что вряд ли возможно допустить мысль о сохранении какой-то традиции строительства укрепленных поселков, породившуюся практически через 800 лет — с IV–V веков до второй половины XIV века. Очевидно, что речь должна идти о совсем другом: какая-то группа населения позднего средневековья, утратившая все традиции фортификационного зодчества предшествующей эпохи, вынуждена была в силу каких-то причин срочно построить укрепленное поселение, при этом совершенно ненамеренно воссоздав древний примитивный тип застройки, когда жилища и укрепленная стена строились независимо друг от друга.

Впрочем, этот укрепленный поселок простоял недолго. Вероятно, причины, вызвавшие необходимость его постройки, исчезли, опасность миновала, и четвертая часть фортификационной линии была разобрана — засыпан ровик в северо-западном углу, убраны стены, срыт вал. При этом были разрушены и два жилища западного ряда, на месте их возникла свободная площадка, а четыре-пять новых построек возникли еще западнее — частично на месте бывших оборонительных сооружений. Таким образом, укрепленный поселок был перестроен в неукрепленное селище.

Вероятным объяснением появления такого необычного памятника, как Барсов городок IV/1 второй половины XIV века, была какая-то конкретная ситуация, возникшая на Барсовой Горе в это время. Скорее всего, коллектив, живший здесь, пережил военный разгром. Погибло городище Барсов городок II/31–32, где жила правящая элита. Значительная часть, если не все его жители погибли или были пленены. Об этом красноречиво говорят найденные на городище невооруженные клады с наборами очень ценных вещей конца XII – XIV веков: болгарское серебряное блюдо и клады 1975 и 1977 годов. Особенно примечателен клад 1975 года, состоящий из набора серебряных болгарских ювелирных украшений, помещенных в византийскую чашу, представлявший собой поистине княжеское богатство. Во время этой трагедии большие потери понесло и рядовое население. Городище Барсов городок IV/1 было возведено всего лишь в 40 м к западу от одновременного ему по находкам селища Барсова гора IV/1, состоявшего из 17 жилищ. Вероятно, большая часть населения селища погибла, какая-то небольшая часть спаслась бегством; оставшиеся на Барсовой Горе без защиты своих князей жители вынуждены были срочно построить укрепление, рассчитанное лишь на восемь домов. Вполне возможно, что это было сделано не по доброй воле его жителей. Вероятно, рядовому населению той эпохи просто запрещалось строить какие-либо оборонительные сооружения вокруг своих поселков.

В Сургутском Приобье выявлены десятки селищ, которые предположительно отнесены к позднему средневековью. Однако без раскопок или находок датирующих вещей невозможно отличить селища конца XII – XVI веков от памятников XVII века и даже XVIII – начала XX веков. В ряде случаев не могут разрешить эту проблему и раскопки, если в исследованных объектах не были обнаружены датирующие вещи. Например, в 2003 году было исследовано селище Остяцкий Живец VII, состоявшее из одного жилища. Кроме костных остатков крупного млекопитающего, в жилище ничего не было найдено. По аналогиям с конструкцией исследованных раскопками жилищ XVII – начала XIX веков селище было датировано авторами новым временем [Шатунов, Гусев, 2004. — С. 364–374]. Но совершенно аналогична этому жилищу и постройка, раскопанная на селище Кучиминское XVI, надежно датированная концом XVI – началом XVII веков [Фёдорова и др., 1991. — Рис. 3Б – 4]. Кроме того, жилище расположено всего в 370 м от малого позднесредневекового городища Остяцкий Живец и, скорее всего, составляет с ним единый комплекс.

Раскопками были исследованы и достоверно отнесены по находкам к сайгатинской культуре лишь три селища: Барсова гора IV/1 (вторая половина XIII – XIV вв.), Барсова гора IV/17 (XIV – начало XV вв.) и Барсова гора IV/26 (XIV–XV вв.). На каждом из них, соответственно, было раскопано полностью или частично шесть, четыре и три жилища.

Наибольшая концентрация поздних селищ выявлена на Барсовой Горе. Всего здесь зафиксировано 14 поселений, по облику остатков построек отнесенных ко времени не ранее, чем сайгатинская культура. Все они сосредоточены исключительно в западной части урочища. Поздние барсовские селища очень сильно различаются как по количеству жилищ, так и топографии. Четыре селища состояли из одной постройки, расположенной на берегу ручья, левого притока р. Калинкиной (сел. Барсова гора II/13), либо в удалении до 100 м от берега протоки (сел. Барсова гора IV/26). Три селища — Барсова гора IV/18, IV/20 и IV/21 — состояли из семи-восьми компактно расположенных построек, удаленных от берега протоки на 480–590 м и к тому же прикрытых с трех сторон отрогками глубокого оврага. Селища Барсова гора IV/17 и IV/25 насчитывали по 11 построек, расположенных в 120–130 м от берегового обрыва. Самые крупные селища Барсова гора IV/1 и IV/19 состояли из 17 и 15 жилищ, находившихся в 490–500 м от берега.

Определенно зимним поселком можно признать лишь селище Барсова гора IV/1 (как, впрочем, и упоминавшийся выше укрепленный поселок Барсов городок IV/1), удаленное на большое расстояние от ближайшего водоема. Селища Барсова гора IV/18, IV/19, IV/20, IV/21, IV/22 были приурочены к краям глубокого и широкого лога, на дне которого даже в самое засушливое лето можно добыть воду, отрыв неглубокий колодец. То же касается одиночного жилища селища Барсова гора IV/27, находящегося у края обширного верхового болота. Так что большинство селищ следует относить к числу стационарных поселков. Скрытное расположение абсолютного большинства поздних поселений — в глубине террасы на удалении от 100 до 590 м от края берега — явно было связано со стремлением их жителей избежать угрозы внезапного нападения. Очевиден и явно зависимый неполноправный статус жителей неукрепленных селищ Барсовой Горы по отношению к господствующей элите общины, центром которой было городище Барсов городок I/31–32 или II/13. Судя по топографии селищ урочища, военная угроза на протяжении всего позднего средневековья была постоянно действующим фактором. И в этих условиях рядовое население не могло, а скорее всего, просто не имело права защищать свои поселки какими-либо оборонительными сооружениями. Именно это как раз и подтверждает единственная для всей этой эпохи такая попытка, когда в экстраординарных обстоятельствах возникло необычное городище Барсов городок IV/1.

На пяти памятниках сайгатинской культуры исследованы раскопками полностью или частично 23 постройки: одна — на городище Каменные Пески, девять — на городище Барсов городок IV/1 и 13 — на трех селищах Барсовой Горы.

Жилища, городища и селища Барсовой Горы представлены в основном полуземляночными постройками, углубленными в грунт на 30–40 см. Площадь жилищ на городище в среднем составляла 37 кв. м, на селищах — 63 кв. м. Основной формой полуземляночных построек была подчетыреугольная, лишь жилище 4 селища Барсова гора IV/1 имело необычную многоугольную форму котлована (рис. 68). Все полуземлянки отапливались центральными наземными очагами. Два жилища городища Барсов городок IV/1 представляли собой наземные постройки, одна из них — с угловым очагом-каменкой (рис. 67). Все барсовские постройки имели каркасно-столбовую конструкцию, стены их подсыпались грунтом, взятым из внешних ям [Бельтикова, 2002. — С. 187; Могильников, 1987. — С. 208–209; Очерки культурогенеза..., т. I, кн. I, 1994. — С. 446–447; Фёдорова и др., 1991. — С. 141–142; рис. 3Б; Чемякин, 1981. — С. 220–221].

На городище Каменные Пески была исследована значительная часть наземного четырехугольного жилища XV–XVI веков размерами 8,3×5,8 м. У центра задней торцевой стенки постройки находилась глинобитная печь-чувал диаметром в основании около 1 м. Стенки чувала из прокаленной глины сохранились на высоту до 4 см. Остатки такого же, но лучше сохранившегося чувала были обнаружены в самом верхнем слое цитадели городища Барсов городок I/31–32 [Древний город..., 1994. — С. 72]. В Нижнем Приобье на городищах, соответствующих типам 1 и 2 городищ Сургутского Приобья, наземные срубные дома с глинобитными печами-чувалами появляются во второй половине XV – XVI веков [Зыков, Кокшаров, 2001. — С. 41–50, 202; рис. 19–24; 2002. — С. 71, 79; рис. 2; 3; 2003. — С. 120–122; ил. 5; 6].

Находки на селищах и городищах сайгатинской культуры представлены в основном изделиями из металла (рис. 72 – 1, 2), камня, многочисленными фаунистическими остатками. Но находки керамической посуды единичны. Так, при значительной площади раскопа на однослойном селище Барсова гора IV/1, где исследованы остатки шести жилищ, был найден только один фрагмент верхней части горшка (рис. 72 – 3) [Фёдорова и др., 1991. — С. 141; рис. 3Б – 5]. В трех исследованных раскопках

жилищах селища Барсова гора IV/26 обнаружены фрагменты лишь двух сосудов XIV–XV веков [Бельтикова, 2002. — С. 187]. Наконец, при исследовании большими площадями объектов и междоусобного пространства селища Барсова гора IV/17 (1292 кв. м единого раскопа селища и могильника Барсовского IV) не было найдено ни одного фрагмента поздней поселенческой керамики! Это более чем наглядно подтверждает тезис о деградации керамического производства и о фактически полном выходе глиняной посуды из сферы быта в конце XII – XVI веках в Сургутском Приобье. Аналогична ситуация и в Нижнем Приобье. При изучении городища Эмдер, где общей площадью раскопов было исследовано 365 кв. м мощного культурного слоя, были найдены фрагменты всего лишь от 28 местных западносибирских керамических сосудов XIII–XVI веков и одного среднеазиатского глазурованного сосуда типа «альбарелло» [Зыков, Кокшаров, 2001. — С. 57, 62; рис. 31, 32; 2003. — С. 123; ил. 7 – 2].

К сайгатинской культуре относится поздняя часть комплекса Сайгатинского I святилища, которое начало функционировать в самом начале кинтусовского этапа нижнеобской культуры (рис. 40). На этом культовом месте при раскопках и сборах найдены золотоордынские серебряные сосуды (блюдо, чаша и ковш), ювелирные украшения Волжской Болгарии доордынского и золотоордынского периодов, две сабли XIII–XV веков, множество наконечников стрел, предметов бронзового литья западносибирских типов этого периода [Угорское наследие..., 1994. — Кат. № 147–153, 156, 204–210, 212, 213, 231, 251, 253, 257, 272, 282, 306–308]. Самые поздние вещи датируются не моложе XVI века. Святилище, тесно связанное с функционировавшим южнее него огромным могильным полем, очевидно, прекратило существование в связи с переносом могильника. Два самых поздних захоронения на этом поле датируются 2-й половиной XV – XVI веками (погребения 263 и 264 Сайгатинского IV могильника).

ГЛАВА 5

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СУРГУТСКОГО ПРИОБЬЯ КОНЦА XVI – 1-й ПОЛОВИНЫ XVII вв.

Вся древняя история Сургутского Приобья была бесписьменной. Лишь с 90-х годов XVI века, с момента вхождения этого края в состав Русского государства, появляется целый корпус письменных источников, связанных с воеводской администрацией города Сургута. Конечно же, в них жизнь местного аборигенного населения освещалась очень отрывочно и однобоко, в основном в связи с проблемами, связанными с организацией ясачного сбора и проведением подводной повинности. Благо для современных историков, что этих проблем в конце XVI – начале XVII веков у русской администрации Сургутского уезда возникало не так уж мало. И, пожалуй, главной проблемой сургутских воевод были взаимоотношения с существовавшим здесь сильным остяцким Бардаковым княжеством. Немногочисленные и отрывочные сведения, связанные с историей этого княжества, были обобщены в целой серии научных и научно-популярных работ отечественных историков [Бахрушин, 1935. – С. 72–74; *Древний город...*, 1994. – С. 91–108; *История ХМАО...*, 2000. – С. 137–139, 143, 151–152, 181–182; *Очерки истории Югры*, 2000. – С. 140, 146–147]. Наиболее полный и аргументированный критический разбор данных о Бардаковом княжестве был сделан уральским историком Е. В. Вершининым, который использовал не только хорошо известные русские письменные источники, но и тексты хантыйских преданий о Тонье-богатыре, реальным прототипом которого был сын и наследник Бардака князь Кинема, возглавивший антирусский мятеж в 1616–1619 годах [Вершинин, 2002а. – С. 98–113]. Наличие столь большого числа доступных для заинтересованного читателя публикаций освобождает меня от необходимости излагать подробную историю аборигенного остяцкого населения Сургутского Приобья 90-х годов XVI – первой половины XVII веков. Ограничусь лишь наиболее важными вехами, необходимыми для соотнесения данных письменной истории с некоторыми известными памятниками археологии.

Вскоре после строительства Тобольска (1587 г.) был вновь выстроен Обской городок близ устья Иртыша, впервые возникший осенью 1585 – весной 1586 года как временное зимовье русского отряда воеводы И. А. Мансурова. Впрочем, существует и не очень убедительная гипотеза, что часть мансуровского отряда оставалась в городке вплоть до 1587 года [Очерки истории Югры, 2000. – С. 121]. Тем не менее, городок, оснащенный гарнизоном годовальщиков из тобольских ратных людей, до 1594 года был опорным пунктом для продвижения русских в Среднее Приобье.

Первый известный разведочный рейд вверх по Оби через Сургутское в Нарымское Приобье до рек Тым и Кеть, во владения Пегой орды селькупского князя Вони, был предпринят в 1592 году союзниками русских остяцкими кодскими князьями. В челобитной служилых остяков Коды от 1636 года в перечне своих ратных заслуг перед Россией они указывали, что «посылали их остяков... со князь Игичеем же Алачевым 200 человек без служилых русских людей в Сургутский уезд на государевых изменников на остяков войною». Во время этого набега был захвачен в плен сын Вони Урунк, отправленный в Тобольск, а в Коде появились «женки полонянки» из состава «нерымского» и «тымского» полона [Вершинин, 2002б. – С. 312–313].

Сразу же после успешной кампании 1593 года, завершившейся покорением таежного Зауралья и Нижнего Приобья, разгром Пелымско-Кондинского княжества и созданием городков Пелыма и Берёзова, родился амбициозный план покорения всего Среднего Приобья. Важное место в этом плане отводилось розыгрышу козырной карты плененного «Вонина сына Урунка», в обмен на отпуск которого к отцу предполагалось мирное подчинение и объясачивание Пегой орды. Главным мероприятием этой кампании, намеченной на лето 1594 года, должен был стать перенос русского опорного пункта из Обского городка далеко на восток, вверх по Оби, где предполагалось построить город, которому должна

была быть подчинена огромная округа. В наказе царя Фёдора Иоановича от 19 февраля 1594 года воеводе еще не существовавшего города князю Ф. П. Борятинскому и голове В. Оничкову предписывалось «волости все городки, которые пошли от Обского городка отусть Иртыша к новому городу Сургут, и Самаровская волость, и которые волости пошли вверх по Оби к Пегой орде, и выше Пегие орды ведати судом и управою и ясаком». Впрочем, представления русских властей в тот период не то что о дальнейшей Пегой орде, но и даже о месте предполагаемого строительства нового города были весьма смутными. Тем же указом руководителям похода приказывалось «идти из Обского города вверх по Оби в Сургут или в Лумьпуки в Безекову волость», где «...в котором месте пригоже, высмотря место крепкое под город, и поставить город» [Вершинин, Шапков, 2002. – С. 129–131]. Из контекста указа ясно, что словом «Сургут» обозначалась тогда целая местность, название которой воспринял новый город [Вершинин, 2002а. – С. 100].

В сохранившихся русских документах до 1596 года не содержится никаких упоминаний о Бардаковом княжестве. Это обширное остяцкое образование накануне 1594 года включало участок Оби от устья Тромъегана до устья Балыка, а также, по крайней мере, низовья Балыка, Югана, Пима и значительную часть бассейна Тромъегана [История ХМАО..., 2000. – С. 152; карта 12]. С верховьев Тромъегана остяки Бардакова княжества совершали набеги в верховья реки Пур на лесных ненцев, взимая с них нерегулярную дань. Даже через два с половиной года после основания Сургута, в начале 1597 года русские власти знали, что в пределах их номинальных владений «в Сургуцком уезде вверх Пути реки живут кунная и асыцкая самоедь человек с триста и больши, а государева ясака не плотят и в город Сургут не приходят, а емлет де с них ясак Бордак себе» [Вершинин, Шапков, 2002. – С. 145].

По сохранившимся документам можно только предполагать, как отнесся князь Бардак к возведению в самом центре своих владений русского города. Согласно наказу о строительстве Сургута, в 1594 году русские власти не очень-то рассчитывали на безропотную покорность местного населения, советуя князю Ф. Борятинскому и голове В. Оничкову привлекать сургутских остяков к строительству, но «сперва тутошних людей беречися, велети им лес ронить и привозить под город, а стояли б под городом, а в город их не пущать, покамест город укрепитя. А которые не почнут слушати и лесу к городовому делу возить и их велеть воевать и поистрашать» [Вершинин, Шапков, 2002. – С. 130]. Следующим — воеводе О. Г. Плещееву и голове И. И. Колемину — при отправлении в Сургут царским наказом от 10 февраля 1595 года предписывалось продолжить покорение местного населения, незавершенное основателями Сургута: «А которые князьки тотарове государю не послушны, не доби́ли челом и государева ясаку не платят, и в город к воеводам не приходят, ...над теми ясашными людьми промышлять, чтобы их повоевать и ясак собрать сполна, и привести их под государеву руку, чтобы их истрашать и их укрепить. А посылати во всякие посылки воеводе Осипу Володимера Оничкова, а с ним посылати, выбрав лучших людей, литву и казаков добрых с вогненным боем, а самому бытии в городе и житии в то время с великим береженьем, чтобы было бережно» [Вершинин, Шапков, 2002. – С. 133]. Кто были эти «князьки-непослушники», в документе прямо не указывается, но не исключено, что среди них был и князь Бардак, в наибольшей степени ущемленный строительством Сургута и потерявший контроль над значительной частью своих подданных. Примерно такая же ситуация сложилась почти в это же время в связи со строительством города Берёзова во владениях вроде бы покорившегося Ляпинско-Куноватского княжества. Такого покушения на свои права, гарантированные царской жалованной грамотой 1586 года, данной ляпинскому князю Лугую, не стерпел его сын князь Шатров Лугуев, поднявший большое антирусское восстание весной 1595 года. Гарнизону Берёзова пришлось отбить несколько приступов и выдержать шестимесячную осаду, которую удалось снять только после подхода отряда из Тобольска. А полностью восстание было подавлено лишь после прибытия московской рати князя П. И. Горчакова зимой 1595–1596 годов [Очерки истории Югры, 2000. – С. 128–130].

Впрочем, князь Бардак числился в «непослушниках» самое большее до весны 1596 года, когда состоялось его примирение с русскими властями, достигнутое на основе вынужденного компромисса. Какого-либо документа, где оговаривались бы условия соглашения, не сохранилось, но основные из них легко реконструируются по контексту более поздних документов, где упоминались Бардак, его сын Кинема и бардаковы люди. Князь Бардак принужден был согласиться с потерей части своих владений, вероятно, прилегавших к Сургуту и расположенных в долине Оби, легко контролируемых русскими. Но русские власти вынуждены были предоставить ему широкие иммунитетные права на оставшуюся часть княжества, в основном малодоступные глубинно-таежные районы, которые были выделены

в особую «Бардакову волость». На нее не распространялся ясачный сбор и юрисдикция русских воевод, в ней Бардаку было позволено «своими людьми владети», то есть управлять по сложившейся еще до прихода русских практики: собирать ясак и поминочные платежи на себя, ничего не платя в государеву казну, иметь право суда над подвластным населением, создавать ополчение. По сути, князь Бардак и его дети стали вотчинниками. Единственной их обязанностью стала военная служба, на которую они выступали, командуя своими отрядами. С. В. Бахрушин совершенно справедливо сравнивал княжество Бардака первых десятилетий русской власти в Сургутском Приобье с совершенно аналогичным ему привилегированным положением владений кодских князей Алачевых [Бахрушин, 1935. – С. 73].

Очевидна и причина, заставившая русские власти пойти на огромные уступки князю Бардаку в обмен если не на военную помощь, то, по крайней мере, на лояльность — угроза со стороны гораздо более сильной Пегой Орды. Вскоре после строительства Сургута в нем побывал или сам князь Воня, или, что более вероятно, кто-то из его родственников или «лучших людей». Пленный княжич Урун был выкуплен. Этот выкуп сургутские власти засчитали в качестве ясака за текущий 7102 год (1593/1594), о чем, очевидно, и поспешили доложить в Москву. Недаром в наказе от 10 февраля 1595 года новому сургутскому воеводе О. Плещееву и голове И. Колемину предписывалось принять от предшественников среди прочего «ясашные книги... по чему ясаку имат с Пегой Орды с Вони князя и с его людей» [Вершинин, Шаилов, 2002. – С. 133]. Но ни старому, ни новому воеводам так и не довелось больше дожидаться прибытия в Сургут посланцев нарымского князя с ясаком. В конце концов, воевода О. Плещеев отправил в Пегую Орду своих стрельцов для сбора ясака «на нынешний на 104 год (1595/1596) и на прошлой на 103 год (1594/1595). Но «Воня князь в Пегую орду... ясатчиков себе не пустил,... ясаку ... в себя и людей своих не дал».

И тут-то весной 1596 года в Сургуте появился князь Бардак и его старший сын Кинема (Тонем) и сообщили такие сведения, что о них было незамедлительно доложено в Москву: «Приехал де... в город Сургут майя в 14 день Бордоков сын Тонем, а в розпросе... сказал: слышал де он от ваховского остяка от Тобылдина сына от Нона, а ходил де он в Лунпукол вверх и слышал от лунпуколских остяков, что Воня князь нашего ясаку дати не хочет, а хочет де, собрався с своими людьми и з дальними волостми, приходить к городу Сургуту... Да сказал Бардак, что Кучюм царь подкочевал к Пегой Орде и с Воней князем ссылается и учинили меж собою договор, что им по весне, собрався со всеми своими людьми, к городу Сургуту и на нашу казну и на запасы приходить». Скорее всего, именно от Бардака и Кинемы получил воевода О. Плещеев точные сведения о численности войска нарымского князя и его высокой степени боеготовности, которые приведены в той же отписке в Москву: «...у Вони князя с братьей и з детьми збираетца 400 человек, а вся около ево ходом во днище, а иные де волости подошли к Вони блиско ж» [Вершинин, Шаилов, 2002. – С. 135–136].

Не знаешь, право, чему здесь больше удивляться: то ли нелепости фантастических планов нарымского князя и сибирского хана, то ли совершенно невероятной осведомленности о них Бардака и его сына. Кажется все же, что простодушный князь Воня, искренне не понимавший, почему он должен платить ясак горстке пришельцев, живших в небольшой крепости в 500 км от центра его Пегой орды, стал жертвой интриги, в которой не последнюю, если не главную роль играл князь Бардак. Русские власти в Сургуте, и в Москве очень серьезно отнеслись к возникшей угрозе, еще памятли были события Березовского восстания 1595 года. В царской грамоте от 31 августа 1596 года, посланной воеводе О. Плещееву, был изложен план организации похода на Пегую орду, намеченного на весну следующего года.

В походе должны были принять участие 100 служилых русских людей из гарнизона Берёзова и Тобольска, 100 лучших служилых остяков кодского князя Игичея, 100 служилых тобольских татар, 80 или 100 сургутских казаков и стрельцов, снабженных боеприпасами и продовольствием. Из Берёзова для этого похода велено было отправить «5 пищалей полковых нового дела с станки с колесы, а к ним велено послати по 100 ядер железных, итого 500 ядер, да 4 пуда зелья; а те пищали, сходя в поход, велено оставить в Сургуте впредь для походов» [Вершинин, Шаилов, 2002. – С. 136–140]. Как убедительно доказал Е. В. Вершинин, этот поход под командованием сургутского письменного головы И. И. Колемина состоялся весной 1597 года, его результатом было взятие резиденции князя Вони Нарымского городка [Вершинин, 2002б. – С. 313–314].

Добился своего и князь Бардак, получив за свою лояльность в вотчину «Бардакову волость». Впрочем, у русских властей не было большого доверия к новоявленному союзнику. Так, планируя поход на Пегую орду, правительство царя Фёдора Иоанновича не было уверено: смогут ли принять

в нем участие берёзовские ратные люди и остяки князя Игичея Алачева, потому что еще не имело сведений о последствиях восстания 1595 года. И в том случае, если «Югорская земля не умиралась и на мере не стала и почают в них шатости и измены», то сургутскому воеводе О. Плещееву грамотой от 31 августа 1596 года рекомендовалось отправить в поход «сургутских остяков, которые волости вниз по Обе к устью Иртыскому, и вверх, которые остяки нам служили и премят и от которых не чае измены, и Бордаковых людей всего... 150 человек», обещая им царское великое пожалование (благодарность) и льготы в ясаке. Кроме того, сургутскому воеводе разрешалось отправить в поход меньшее число казаков и стрельцов, если он сочтет, что «от остяков страшно» [Вершинин, Шаилов, 2002. – С. 137–138]. Но, как известно, в нарымском походе смогли принять участие гораздо большие силы из Берёзова и Коды, чем это намечалось по грамоте 1596 года: 70 березовских казаков во главе с атаманами И. Пешневым и Аргуновым, до 300 служилых кодских остяков с князьями Петром и Иваном Алачевыми [Вершинин, 2002б. – С. 313–314; Очерки истории Югры, 2000. – С. 202]. Так что необходимость привлечения к походу ненадежных «Бардаковых людей» и сургутских остяков отпала сама собой.

Уже вскоре московское правительство приняло решение ограничить привилегии князя Бардака. В наказе от 31 января 1597 года новому сургутскому воеводе князю С. М. Лобанову-Ростовскому и голове И. Н. Ржевскому предписывалось отобрать у него право сбора ясака для себя с «куной и асицкой самоеди» верховьев р. Пур. Воеводе и письменному голове было указано «Бардаку говорити: то люди государевы вольные, а он с них емлет ясак себе напрасно, полно Бордаку и тово, что ему своими людьми владети. И он бы Бордак однолично государю тем послужил, тою кунную и асицкую самоедь под государеву под царскую руку привел и ясак с них собрал по государеву указу сполна и заклады у них поимал и в город Сургут привел, и государь его за службу пожалует своим великим жалованием. А только будет Бордак станет на тое кунную и асицкую самоедь прошати государевых ратных людей к своим людям в прибавку, и... дати сургутских ратных людей и детей боярских и казаков и стрельцов, сколько человек пригоже, смотря по тамошнему делу. И велети тою кунную и асицкую самоедь з Бардаковыми братьей и с людьми повоевати и ясак с них собрать и заклады у них поимать и к шерти их привести, что им вперед бытии под государевою под царскою рукою недоступным и государев ясак платити по вся годы безпереводно. А велети Бордаку послати в поход в войну на тое самоедь братью и людей своих, а сомому Бордаку в поход ходити не велети, потому, что еще Бордак и сам не добре укрепился; велети ему у себя в городе да с ним сыну ево лучему да брату Бардакову в те поры быти в городе ж для тово, чтобы над государевыми людьми Бардак подводу не зделал» [Вершинин, Шаилов, 2002. – С. 145]. Как явствует из документа, у русских властей в начале 1597 года были большие сомнения в верности своего недавно приобретенного вассала. Даже придание его отряду небольшого контингента русских ратных людей для выполнения государственного поручения было возможным лишь при условии, что сам князь Бардак, его сын и брат на все время похода останутся на положении заложников в Сургуте.

Впрочем, и сам князь Бардак, и его сын князь Кинема долгое время умудрялись уклоняться от выполнения этого недвусмысленного указания русских властей. Лишь в 1601 году состоялся, наконец, поход на р. Пур совместного русско-остяцкого отряда сургутского атамана Богдана Зубакина и князя Кинемы, о котором известно из царской грамоты от 6 сентября 1602 года. Но инициатива тогдашнего сургутского воеводы князя Я. П. Борятинского уже запоздала. Оказалось, что самоедь верховий Пура (в грамоте — кузнецкая или кунемская самоедь) во главе с князьком Акубой уже платит ясак в только что построенный Мангазейский острог. Отряд обескураженного атамана Зубакина князек Акуба проводил до некоего Зырянского городка на р. Таз, где сургутские казаки действительно встретили русских ясатчиков, посланных мангазейским воеводой князем В. Мосальским. 24 ноября 1601 года отряд Б. Зубакина вернулся ни с чем в Сургут [Вершинин, 2002а. – С. 102–103; Вершинин, Шаилов, 2002. – С. 146–147].

В сохранившихся русских источниках за 1603–1615 годы отсутствуют сведения о Бардаковой волости и ее князьях [Вершинин, 2002а. – С. 103]. Можно только гадать, как складывались взаимоотношения сургутских воевод с полунезависимыми князьями Бардакова рода. Известно, что в условиях Смутного времени жесткий контроль за деятельностью сибирских воевод значительно ослаб, что открывало для них широкие возможности для злоупотреблений. Коснулись они в тот период и Бардаковой волости. Тобольский воевода И. С. Куракин в 1618 году сообщал, что одной из причин того, что «заворовали сургутские остяки Бардакова родня немногие люди», была некая «обида и насильство» от воевод [Миллер, 2000. – С. 289].

Е. В. Вершинин предложил интересную интерпретацию причин восстания князя Кинемы, вытекавших из внутреннего конфликта в Бардаковой волости между княжеской династией и служилыми осяками (подобное произошло позднее в Кодском княжестве, став, в конце концов, поводом к его ликвидации). Остяки стремились перейти в непосредственное подчинение русским властям, предпочитая стать ясачными, чем сохранять свой служилый статус и платя поминки в государеву казну и подвергаясь эксплуатации и произволу своих князей [Вершинин, 2002а. — С. 103–104]. Русская администрация, заинтересованная в увеличении числа ясачных плательщиков, естественно, всячески поддерживала такие стремления подданных полузависимых остяцких князей-вотчинников, тем самым посягая на их иммунитетные права. Не в этом ли и состояла суть воеводских «обид и насильств», подтолкнувших Кинему к восстанию?

Именно на такую интерпретацию указывает необычное начало антирусского по сути выступления Кинемы: первым объектом его нападения стало остяцкое население его же собственной волости. Осенью 1616 года сургутские воеводы Вельяминов и И. Зубатый сообщили в Кетский острог, что 17 августа «Бардаковы волости Кинема с товарищи 30 человек государю изменили и приходили на обских остяков то же Бардаковы волости на аганских и аслыпских и на юганских ясашных остяков, хотели их воевати» [Миллер, 2000. — С. 273]. Избежавшие набегов Кинемы остяки донесли в Сургут, что он собирается в ясачные волости «с смуту посылати» и «украдом на Оби и в лесу русских людей побивати». Действительно, уже скоро Кинема «с сотоварищи» развернул речное пиратство на Оби и ее притоках: в устье р. Тромьегана напали на дощаник Третьяка Огородникова и убили девять человек, на Вахе напали на шесть каюков промышленных людей и убили 17 человек, погибли также два сургутских казака и два холопа воеводы И. Зубатого. Из Сургута против мятежного князя был отправлен отряд численностью 50 казаков и верных остяков под командованием атамана Богдана Зубакина, соратника Кинемы по походу на Пур и Таз 1601 года, но этот отряд не смог догнать мятежников, ибо они «побежали безвестно» [Миллер, 2000. — С. 273]. Интересно, что более чем через два года тобольский воевода И. С. Куракин в отписке пелымскому воеводе от 2 декабря 1618 года указывал на этот карательный поход Б. Зубакина как на одну из причин восстания: «...посылали на них войною сургутских служилых людей до их же воровства, и служилые люди их не дошли, а жен их и детей от города в верстах в 20 и 30 по юртам их в полон поимали и повезли в Сургут, и они для того и заворовали» [Миллер, 2000. — С. 289].

Пиратство «Бардаковых людей» летом–осенью 1616 года создало сложности в снабжении русских гарнизонов городов, расположенных выше по течению Оби от Сургута, в частности, Томска. В челобитной томских казаков, отправленной в Москву в конце 1616 – начале 1617 годов, указывалось, что «торговые люди не заезжают, место дальнее, а от Сургута, государь, до Нарыма обские остяки торговых людей не пропускают в Томский город, грабят и побивают» [Миллер, 1999. — С. 439]. О конкретных действиях Кинемы, не желавшего примириться с русскими властями, после 1616 года почти ничего неизвестно, кроме одного факта — погрома летом 1618 года томских служилых людей, следовавших по Оби в Томск с денежным жалованием для гарнизона. Было убито несколько казаков и захвачено 400 рублей [Вершинин, 2002а. — С. 105].

Это разбойное нападение стало причиной слухов, распространившихся среди иртышских остяков и кондинских вогулов в 1618 году о том, что якобы восстали «казымцы и Нарымский князек Дона со всеми своими людьми, а убили де на Оби выше Сургута воеводу, который ехал в Томский город», что число восставших достигает 1900 человек, которые собираются осадить Сургут [Вершинин, 2002а. — С. 104–105]. К сожалению, упоминания о якобы имевшем место нападении Кинемы «с сотоварищи» на томского воеводу Фёдора Бобарыкина получили довольно широкое распространение в научно-популярной литературе [Древний город..., 1994. — С. 108; История ХМАО..., 2000. — С. 183; Очерки истории Югры, 2000. — С. 147]. Е. В. Вершинин убедительно доказал, что Ф. Бобарыкин спокойно воеводствовал в Томске с лета 1616 до лета 1620 года и никаких приключений на обском пути не имел [Вершинин, 2002а. — С. 104]. Он же указал на то, что еще в конце 1618 года слухи об убийстве томского воеводы пришлось опровергать тобольскому воеводе И. С. Куракину: «А Фёдор Боборыкин в Томск проехал и никакого погрому над ним не было» [Миллер, 2000. — С. 289].

15 июня 1619 года из Сургута на мятежников был послан отряд казаков во главе с подъячим Иваном Афанасьевым и новокрещеным князем Иваном Парабельским. О результатах этого похода есть лишь краткое упоминание в грамоте 1624 года о награждении Афанасьева и Парабельского за их заслуги: «...тех наших изменников Суету с товарищи побили и Кинемину сына большово и его жену в по-

лон взяли», кроме того, удалось вернуть 400 рублей похищенной томской казны [Вершинин, 2002а. — С. 106].

Судьба князя Кинемы Бардакова по документам неизвестна. Очевидно, он избежал гибели и пленения во время карательного похода 1619 года. О финале этого восстания и гибели его предводителя сведения содержатся в хантыйских преданиях о Тонье (Танье, Таньге, Танге, Тониме). С начала XIX века у хантов Большого и Малого Югана, Ай-Пима записано восемь вариантов этого предания [Вершинин, 2002а. — С. 107–109; Дунин-Горкавич, 1911. — С. 29–30; Мартынова, 2002. — С. 88–90; Материалы по фольклору..., 1978. — С. 41–43; Мифы, предания, сказки..., 1990. — С. 177–178; Салымский край, 2000. — С. 68–69]. Реальным историческим прототипом Тоньи, богатыря хантыйских преданий, был князь Кинема (Тонем), сын Бардака. В большинстве вариантов преданий легендарный Тонья сражался с русскими казаками, лишь в варианте, записанном в 1995 году на р. Ай-Пим, он, напротив, дружил с русскими и даже брал их на службу и противостоял татарам [Салымский край, 2000. — С. 68–69]. В большей части вариантов сопротивление казакам главного героя было связано с обороной крепости (городка, укрепленного дома) на Большом Югане, близ современного п. Угут, лишь в самой краткой редакции говорится о перестрелке русских и хантов через протоку (урью) [Материалы по фольклору..., 1978. — С. 41]. Во всех вариантах преданий, где упоминается крепость, русские в конце концов берут ее штурмом, иногда только с третьей попытки. Как известно, реальный поход русского отряда на Кинему состоялся летом 1619 года, легендарный же Тонья сражается исключительно зимой: покрывает стены своей крепости льдом, поливая их водой, укладывает отрубленные казачьи головы на льду поперек урия, бежит из плена через прорытый в снегу ход. В большинстве преданий Тонья убегает от русских после взятия городка, в трех вариантах он попадает в плен и бежит из него уже неподалеку от Сургута, и наконец, в одном варианте он гибнет при взятии крепости [Дунин-Горкавич, 1911. — С. 30; Мартынова, 2002. — С. 88–90; Материалы по фольклору..., 1978. — С. 43]. В большинстве вариантов легенды смерть героя связывается с предательским убийством. Чаще всего убийцами названы ханты р. Пим, в одном случае — Балыка, и в одном — Демьянки [Мартынова, 2002. — С. 89; Салымский край, 2000. — С. 69].

Очевидно, что основу фольклорных преданий о Тонье составляют исторически достоверные события. Фольклорные источники позволяют дополнить исторические документы в реконструкции хода восстания князя Кинемы.

После подавления в 1619 году мятежа на членов княжеской семьи и «лучших людей» Бардаковой волости обрушились репрессии. В первой сохранившейся ясачной книге Сургутского уезда за 1624/1625 годы для 89 плательщиков ясака Бардаковой волости князцы и «лучшие люди», вопреки обычной практике, не указаны. Вероятно, многие из них еще находились в тюрьме под следствием. В 1626 году упоминаются содержащиеся в сургутской тюрьме «тюремные сидельцы остяки, которые сидят в твоём государеве изменном деле» [Вершинин, 2002а. — С. 108; Вершинин, Шаилов, 2002. — С. 165]. Впрочем, с 1626 по 1656 годы в документах в качестве князца Бардаковой волости упоминается Сана Тангиреев. Е. В. Вершинин высказал предположение, что этот Сана был тем самым «большим сыном» Кинемы (одно из фольклорных имен которого читалось в варианте Танга или Таньга), взятым в плен в 1619 году и выпущенным на свободу в 1626 году. Если это предположение верно, детьми Кинемы были и упоминавшиеся в документах Елта и Лары Тангиреевы (Тынгиреевы), а его внуком — Бардачко Елтин, известный с 1656 года [Вершинин, 2002а. — С. 107].

Окончательное объяснение остяков Сургутского уезда завершилось к 1625 году при воеводах Иване Безобразове и Фёдоре Шишкине. Для того чтобы ликвидировать хронический ясачный недобор, они в течение 1623–1624 годов провели перепись, в ходе которой выяснилось, что «живут в волостях многие захребетные люди, а ясаку не платят, а на лешню ходят и всякими промыслами промышляют и живут своими юрты... А имали с них ясака себе в подмогу лутчие люди, а сами многие лутчие люди не плачивали» В результате сыска было выявлено 256 «новоприбыльных ясашных людей» мужского пола в возрасте от 25 до 50 лет, которые до сих пор «жили в захребетниках безьясачно» [Вершинин, Шаилов, 2002. — С. 151–159]. Собственно говоря, это мероприятие окончательно уничтожило остатки привилегий представителей сословия «лутших людей», низведя их до уровня обычных ясачных плательщиков.

На фоне яркой письменной истории, дополнявшейся интересными фольклорными материалами, археологические памятники эпохи присоединения Сургутского Приобья к Русскому государству

совсем недавно попросту отсутствовали. И лишь открытия последних 25 лет позволили сделать археологические источники полноценным материалом для исторических реконструкций. Важнейшим таким открытием стало исследованное В. И. Семёновой городище Частухинский Урий и расположенный на нем могильник. Этот памятник является великолепной иллюстрацией удачной корреляции археологии со сведениями письменных источников и фольклора, где археологические материалы играют отнюдь не второстепенную роль.

Городище находится в 8 км от современного пос. Угут вверх по течению р. Большой Юган, в глубине ее левого берега на холме, выходящем к старице Частухинский Урий (хант. – Мункысь Урий). Холм представляет собой останец высотой до 6 м, верхняя площадка которого имеет размеры 22×15 м. Склоны останца довольно крутые. На ровной площадке фиксировались три жилищные впадины размерами 6–7×4–6 м [Семёнова, 2001. – С. 33; рис. 7].

Именно с этим археологическим памятником информаторы из юганских хантов обычно связывают остатки городка легендарного Тоньи-богатыря. Среди известных вариантов предания наиболее точно он локализован в тексте, записанном в начале XX века А. А. Дуниным-Горкавичем: «Остяцкий князь Танга... жил в 7 верстах от юрт Уотских, при урье Монколь, на возвышенной (до 5 сажен) сопке, расположенной выше устья этого урья на 1 версту» [Дунин-Горкавич, 1911. – С. 29]; а также в варианте этого же предания, записанном в 1974 году от неграмотного жителя юртов Каюковых П. Т. Каюкова (род. в 1906 г.): «Тонья на урье построил город, на Мункул-ури возле Угута, там рядом высокий бугор есть» [Материалы по фольклору..., 1978. – С. 42].

Легендарный характер этого места неоднократно привлекал местных краеведов, пытавшихся проводить здесь любительские раскопки. Наиболее удачлив был в 80-е годы XX века П. С. Бахлыков, основатель и директор Угутского музея. Он заложил шурфы в двух наиболее глубоких западинах, расположенных в центре жилищных впадин. Оказалось, что эти западины были связаны с могильными ямами, значительная часть погребений была разрушена любительскими раскопками. В них П. С. Бахлыков обнаружил огромное количество монет чекана царя Ивана IV, серебряное с позолотой блюдо, серебряные и бронзовые украшения, медный котел.

Находки П. С. Бахлыкова заинтересовали сотрудника Тюменского областного краеведческого музея В. И. Семёнову, которая в 1990–1991 годах провела раскопки на городище. Ею были частично исследованы остатки трех жилищ, сохранившиеся части могил, найденных П. С. Бахлыковым, создана их реконструкция, а также обнаружено еще одно погребение.

В культурном слое укрепленного поселения выявлены многочисленные следы огня, здесь были найдены два ядра, семь пуль, ружейный кремь, металлические детали сундучка с ключом, пять топоров, кузнечные клещи, ножницы, серебряные пуговицы, несколько монет чеканки царя Ивана IV. По мнению В. И. Семёновой, предметы, связанные с огнестрельным оружием «могли появиться на памятнике только в результате реального присутствия», а городок «судя по наличию оборонительной системы и многочисленных следов огня, несомненно, подвергался осаде» [Семёнова, 1993. – С. 178–180].

Все изложенное в этой главе, было написано мной еще в первом варианте текста в 2004 году, то есть до выхода в 2005 году книги В. И. Семёновой «Поселение и могильник Частухинский Урий». Материалы, изложенные в этой книге, еще раз подтвердили, что мое понимание данной эпохи было верным. Но хотелось бы сделать небольшие дополнения. Во-первых, городок Мункысь Урий в момент гибели имел вполне нормальную срубную оборонительную стену, фрагменты нижних венцов которой с небольшими столбиками-фиксаторами были зафиксированы В. И. Семёновой на уч. Д/6–7 раскопа 4 [Семёнова, 2005. – Прил. 1. Рис. 23, 24]. Так что приведенный ею рисунок-реконструкция М. Э. Косполовой городка с невысоким забором, сделанным методом заплота [Семёнова, 2005. – Рис. 47], хоть и вполне симпатичен, но неверен. Во-вторых, городок возник во второй половине – конце XVI века, когда его первые обитатели еще носили привозные (среднеазиатские?) одежды с медными полыми крыжовниковидными и тюльпановидными пуговицами и делали свою лепную керамику [Семёнова, 2005. – Рис. 5; 44 – 7, 8], а погиб в 1619 году, когда в моде уже были русские привозные одежды с шишковидными, ореховидными оловянными и бронзовыми литыми пуговицами [Семёнова, 2005. – Рис. 25 – 5; 44 – 1–5, 9, 10; 52 – 1–4]. В-третьих, два железных ядра диаметром 27 и 44 мм, найденные на городище [Семёнова, 2005. – Рис. 10 – 3; 33 – 3], были выпущены из малокалиберных пушечек, которые вполне могли крепиться в качестве фальконетов на речных лодках и именно из них была вполне возможна стрельба с опорой на плечо, как это очень реалистично описа-

но в фольклорных преданиях, а не из полковых берёзовских пушек, о чем я писал выше. В остальном никаких замечаний и дополнений к книге Валентины Ивановны я не имею. Мне остается лишь искренне поздравить ее с выходом этой интересной монографии.

Три обнаруженных групповых погребения на жилой площадке приурочены к трем жилищным впадинам. Погребение 1 имело прямоугольную могильную яму размерами в плане 2,3×2,3 м, глубиной до 1,05 м. Яма была ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Судя по реконструкции В. И. Семёновой, на дно могильной ямы, стенки которой крепились обкладкой из досок (деревянным ящиком), было уложено девять тел в положении лежа на спине. Пять тел мужчин в возрасте 30–40 лет были уложены в один тесный ряд, головами на юго-восток. В этом же ряду, но через небольшой промежуток, занятый медным котлом и иным инвентарем, были уложены тело женщины 20 лет и ребенка 7–9 лет, они лежали наискосок к положению мужских тел, головами практически на юг. Обращает на себя внимание мужской костяк, занимавший центральное место в этом ряду. У него на груди лежала серебряная чаша, а в ногах — большое количество монет, помещенных в могилу в какой-то емкости размерами 80×30 см (мешке?). В ногах у погребенных этого ряда в торце были размещены два женских тела, ориентированных головами на северо-восток-восток. Возраст этих погребенных 20 и 20–30 лет. На поверхности, у самого юго-восточного края ямы, то есть там, где находились черепа погребенных мужчин, были найдены шесть костяных, восемь железных и один кованый медный наконечники стрел, часть из которых была вертикально воткнута в грунт [Семёнова, 2001. – С. 33–35, 245; рис. 8].

Погребение 3 совершено в могильной яме прямоугольной формы размерами 2,20×1,57 м, глубиной до 0,40 м. Стенки могильной ямы у дна также крепились деревянным ящиком. Судя по реконструкции В. И. Семёновой, в могиле было захоронено пять тел в положении вытянуто на спине. Три мужских костяка (возраст: 20, 20–25 лет и взрослый неопределимый) располагались в ряд головами на юго-запад. «Валетом» к крайнему северному мужскому телу (возраст 20–25 лет) лежали ориентированные головами на северо-восток костяки взрослой женщины и ребенка одного-двух лет. На ноги этого мужского тела была уложена какая-то емкость, наполненная большим количеством монет [Семёнова, 2001. – С. 33–34; рис. 9].

Из погребений 1 и 3 происходит большое количество инвентаря: серебряные монеты, чаша, височные кольца, бисер, медный котел, железные наконечники стрел, ножи, топор. Однако большинство предметов было собрано П. С. Бахлыковым, так что не во всех случаях было возможно определить, с какими костями были связаны те или иные вещи. Всего из этих двух могил получено около 680 монет, но точное их число определить затруднительно, так как коллекция оказалась разделенной [Семёнова, 1993. – С. 178]. За исключением одной денги Ивана III, все монеты — чеканки Ивана IV.

Погребение 2 отличалось тем, что было совершено без специально подготовленной могильной ямы в аморфном углублении, образовавшемся от завала рухнувшей сторевшей кровли одного из жилищ. В нем на глубине 50 см от современной поверхности обнаружены останки двух женщин 35 и 30–40 лет, ориентированные головой на юг. Необычна поза погребенных. Одна из них лежала на спине с согнутыми в локтях и прижатыми к лицу руками, с широко разведенными в стороны согнутыми в коленях ногами. Вторая погребенная лежала на левом боку с согнутыми в локтях руками, поднятыми к лицу кистями, с ногами, слегка согнутыми в коленях. В. И. Семёнова не исключает насильственного характера смерти обеих женщин. На костях найдены украшения — ажурные женские накладки, височное кольцо, бисер. Рядом с погребением 2 найдена кожаная сумочка с декоративными плоскими отливками (489 шт.) из «белого металла» (олова или оловянно-свинцовых сплавов?), серебряными пуговицами, металлическим и стеклянным бисером [Семёнова, 2001. – С. 35–36, 246; рис. 9–11].

В. И. Семёнова считает, что захоронения были произведены на уже заброшенном или оставленном поселении. Самым ранним из них, по ее мнению, было погребение 2. Могильник она датировала по времени поступления и бытования в Сибири монет Ивана IV: с конца 90-х годов XVI века до двух первых десятилетий XVII века. Хронологическими ориентирами она считала также 1594 и 1619 годы — даты основания Сургута и даты окончательного присоединения княжества Бардака [Семёнова, 1993. – С. 179; 2001. – С. 112].

В принципе соглашаясь с предложенными В. И. Семёновой рамочными датировками, следует сказать, что материалы городища и могильника позволяют значительно сузить датировку — гибель остяцкого укрепления и возникновение на его руинах коллективных захоронений могли произойти только

летом 1619 года; для доказательства этого необходимо провести корреляцию изложенных выше исторических, археологических и фольклорных данных.

Вполне вероятно, что городище Частухинский Урий было последней резиденцией князя Кинемы Бардакова в 1619 году. Прежде всего, на это указывают многочисленные варианты преданий о Тонье-богатыре. Кроме того, само городище соответствует второму типу сайгатинских городищ — княжеских резиденций, причем является наиболее крупным из них. В научной литературе довольно широко распространено утверждение о локации городка князя Бардака в устье р. Тромъеган, в 30 верстах выше Сургута. Правда, установить, на чем основано это категоричное утверждение невозможно [Вершинин, 2002a. — С. 100–101]. Район тромъеганского устья представляет собой обширную заболоченную пойму, поиски там «столицы» Бардакова княжества закономерно не дали никакого результата. Да и вообще, расположение княжеской резиденции прямо на берегах Оби в условиях 90-х годов XVI — первой четверти XVII веков делало ее чрезвычайно уязвимой.

Очевидно, что городище Частухинский Урий погибло в результате штурма его русским отрядом. Причем, при штурме использовалась артиллерия. Находка в слое городища двух железных ядер заставляет вспомнить доставленные в Сургут из Берёзова по царской грамоте от 31 августа 1596 года «5 пищалей полковых нового дела с станки с колесы» с запасом ядер и пороха [Вершинин, Шаиков, 2002. — С. 136]. В нескольких вариантах хантыйских преданий об осаде казаками городка Тоньи упоминаются очень неуклюжие русские ружья: «одному на плечо ружье кладут, другой целится, а третий поджигает» [Материалы по фольклору..., 1978. — С. 42] или «один заряжает, другой целится, а третий поджигает» [Мартынова, 2002. — С. 88]. Даже для весьма несовершенных ручных фитильных пищалей начала XVII века описание все же представляется уже слишком карикатурным. Тем более что в одном из преданий о Тонье есть яркий эпизод, показывающий эффективность русского ручного огнестрельного оружия при осаде: «...выстрелил остяк (из лука — А. 3.) — хотел посмотреть как упадет русской женщиной рожденный человек. Но ему самому пуля попала в рот» [Мартынова, 2002. — С. 89]. Но ведь за этими весьма туманными описаниями рассказчиков, которых отделяли от описываемых событий более 350 лет, гораздо логичнее видеть совсем другое — небольшие полковые пушки на колесном ходу с прислугой из трех человек.

Отряд, снабженный артиллерией, должен был быть достаточно большим. Фольклорная традиция подчеркивает подавляющее численное превосходство русских: «У Тоньи пять человек и брат, а казаков сто» [Материалы по фольклору..., 1978. — С. 42]. Выход из Сургута гораздо меньших войск был событием, находившим отражение в документах, как, например, карательный набег всего лишь на расстояние в 20–30 верст от города отряда в 50 казаков и остяков под командованием атамана Б. Зубакина осенью 1616 года [Миллер, 2000. — С. 273]. Единственным крупным военным мероприятием гарнизона в этот период был поход на мятежного князя Кинему под предводительством Ивана Афанасьева и князя Ивана Парабельского, начатый 15 июня 1619 года.

Штурм городка Кинемы, при котором дело дошло до артиллерии, был ожесточенным и кровавым, завершившимся пожаром и резней. Известно, что в результате Афанасьев и Парабельский были награждены за то, что «тех наших изменников Суету с товарищи побили и Кинемину сына болшово и жену в полон взяли». Вряд ли русский отряд долго стал задерживаться на разграбленном пепелище, усеянном трупами. С полоном и добычей, которой хватило на покрытие захваченной за год до этого «бардаковыми людьми» томской казны в 400 рублей, подьячий Афанасьев поспешил обратно в Сургут. Вероятно, даже не было организовано преследование бежавшего после разгрома князя Кинемы с остатками его отряда. Хотя, возможно, преследовать было некого: вряд ли кому-либо удалось избежать пленения или гибели в маленькой осажденной крепости. Скорее всего, можно допустить, что опытный князь Кинема, хорошо знакомый с силой и военными приемами русских, успел загодя укрыться «безвестно» в таежных дебрях, перепоручив княжескую сокровищницу, свою семью и оборону резиденции своему младшему брату Суете, который погиб при штурме. В этом случае становится понятным появление вариантов преданий о Тонье-богатыре, по которым он либо был убит в своем городке русскими, что и случилось с князем Суетой, либо попал в плен и чудесным образом смог сбежать от русских. Может быть, автором последней версии и был сам отсидевшийся в безопасности Кинема, который таким образом пытался придать себе ореол неуязвимого для врагов героя, весьма полезный для потерявшего все беглеца, поставленного вне закона.

Вскоре после ухода русских Кинема с уцелевшими подданными вернулся на пепелище, чтобы выполнить печальный долг — захоронить павших. Простолюдинов хоронили просто: в неглубоких ямах

от провалов жилищ, едва присыпав землей, даже не пытаясь придать окоченевшим трупам хоть сколь-нибудь приличные позы (погребение 2). Иное дело — погребение погибших представителей княжеской фамилии, «лучших людей», воинов-соратников, ближней челяди, в общем, тех самых «побитых Суеты с товарищами». Для них вырыли две братские могилы, тела погибших подготовили для погребения, снабдили приличествующим им инвентарем, оставшиеся в живых соратники справили тризну, воткнув в изголовье самой большой могилы свои стрелы. Так что совершенно права В. И. Семёнова, назвав эти могилы «княжескими» [Семёнова, 2001. — С. 182], только, вероятно, в данном случае можно было обойтись и без кавычек. Может быть, погребенный в самом центре большой могилы 1 мужчина 30–40 лет с серебряной чашей на груди и с мешком денег в ногах и был братом Кинемы Суетой?

И еще одна особенность частухинских погребений, прямо указывающая на то, что в них захоронены соратники мятежного князя Кинемы по обскому пиратству: неприлично большое количество денег в этих могилах. И это после разгрома, после захвата русскими большей части княжеских сокровищ! Да и положены эти деньги в могилы как-то не по канонам остяцкого погребального обряда, как-то безвкусно — мешками, кошельками, горстями. То ли в спешке некогда было соблюдать традиции, то ли за четыре года существования этакой разудалой пиратской вольницы традиции подверглись неизбежной коррозии. В. И. Семёнова права, видя в чистоте и количестве монет Ивана IV из погребений Частухинского Урия свидетельство единовременного поступления этого комплекса на р. Большой Юган, но вряд ли можно согласиться с ее интерпретацией, что это могла быть часть своего рода «посольских даров», свидетельство состоявшегося договора с Россией о принятии ее подданства. А серебряная чаша и другие вещи русского производства на памятнике якобы могут говорить о закреплении торгово-обменных отношений между обеими сторонами [Семёнова, 1993. — С. 180; 2001. — С. 182]. Скорее, как раз наоборот, единовременное поступление большого числа монет свидетельствовало об успешности многолетнего обского пиратства, жертвами которого были не только томские служилые люди, но и десятки безвестных русских торговых и промышленных людей, а одновременное оседание их в братских могилах обских пиратов — закономерным итогом затянувшейся авантюры.

К периоду второй половины 90-х годов XVI века — первой четверти XVII века может быть отнесен еще один исследованный раскопками поселенческо-погребальный комплекс — селище Кучиминское XVI и могильник Сайгатинский II. Он расположен в северо-западной части урочища Сайгатина, на берегу протоки Большой Кучиминской близ истока ее из оз. Кучиминский Сор. Селище, состоящее из четырех жилищ, находится в 40 м от края берегового обрыва, в глубине леса. То есть, как и абсолютное большинство позднесредневековых неукрепленных поселений Сургутского Приобья, оно имело скрытое расположение. Жилища в поселке были хаотично разбросаны на достаточно большой площади до 1000 кв. м, находясь в 10–20 м друг от друга. Но, без сомнения, все четыре объекта составляли единое поселение. Раскопом было полностью исследовано одно жилище селища Кучиминское XVI. Оно представляло собой квадратной формы полуземлянку размерами 4,0×4,0 м, углубленную в грунт до 0,4 м. Со всех сторон котлован был оконтурен мощной грунтовой обваловкой толщиной до 0,5 м. Грунт для подсыпки стен брался из трех внешних ям. Вход в жилище находился, вероятно, с южной стороны. В правом ближнем углу постройки располагался чумал, от которого сохранился развал прокаленной глиняной обмазки и глинобитное основание округлой формы диаметром до 1 м. Каркас боковых и задних стенок чумала был сделан из жердей диаметром 5–6 см, воткнутых в глинобитное основание полукругом и обмазанных глиной. Зев чумала был обращен к центру жилища. Постройка погибла при пожаре. Единственная находка в жилище — развал керамического сосуда, являющегося лепной имитацией русского гончарного горшка [Очерки культурогенеза..., т. I, кн. I, 1994. — С. 446–447; рис. 29 – 2; 32 – 12; Фёдорова и др., 1991. — Рис. 3Б – 4].

Сайгатинский II могильник был расположен в 100 м к юго-востоку от селища, на ближайшей небольшой гриве. Могильник был исследован раскопом полностью, он состоял всего лишь из шести индивидуальных погребений в простых грунтовых ямах: пять — взрослых и младенца. Все погребенные в могилах головой были ориентированы на ЮЮВ. Пять могил составляли один ряд, вытянутый с востока на запад, шестая (самая поздняя) могила начала второй ряд, так и не продолженный. Могильные ямы у дна крепились деревянными ящиками из плах, поставленных враспорку. Погребенные были уложены вытянуто на спине (рис. 78).

Инвентарь погребений довольно разнообразен: крупные серебряные височные подвески в виде знака вопроса, оловянные паяные шишковидные полые пуговицы, серебряный кованый перстень

с крупным поперечно расположенным прямоугольным щитком, украшенным гравированным узором, литые бронзовые перстни — печати русского производства, ажурная женская накладка из оловянно-свинцового(?) сплава, бочонковидный бронзовый паяный бубенчик, раритетные серебряные сильно изношенные подвески-бусины золотоордынской эпохи, железные ножи, в том числе с оловянной обкладкой рукояти, наконечник стрелы.

Датировка могильника и одновременного ему селища устанавливается по наличию на памятниках русских вещей (лепной копии русского гончарного горшка, бронзовых перстней-печаток) в пределах никак не ранее 1594 года. По набору инвентаря Сайгатинский II могильник занимает промежуточное место между погребальными комплексами пятой хронологической группы второй половины XV – XVI веков сайгатинской культуры и могильниками второй четверти XVII века, датированными монетами царя Михаила Фёдоровича (1613–1645 гг.). Особенно важны для датировки Сайгатинского II могильника оловянные шишковидные пуговицы из погребения 6, которые не встречаются ни в более ранних, ни в более поздних комплексах. В Сургутском Приобье серебряные шишковидные пуговицы этого типа найдены только в могилах на городище Частухинский Урий: в сборах из раскопок П. С. Бахлыкова [Зыков, Кокишаров, 2001. – С. 174] и в погребении 2 раскопок В. И. Семёновой [2001. – С. 36, 69, 264; табл. 46]. В Томском Приобье две пуговицы этого типа из олова и бронзы найдены в погребении 3 кургана Козюлинского могильника XVII века [Плетнёва, 1990. – С. 44, 97; рис. 30 – 1, 2]. Интересны условия находок серебряных шишковидных пуговиц в таежном Зауралье: на могильнике Эсский остров конца XV – XVI веков скопление из таких пуговиц найдено на самой периферии аристократического некрополя [Зыков, Кокишаров, 2002а. – С. 89], а на могильнике Ендырском II две пуговицы обнаружены в пространстве, разделяющем группы могил конца XV – XVI веков и конца XVI – начала XVII веков [Зыков, 2003. – С. 263].

Очевидно, шишковидные пуговицы из серебра, меди и олова были изделиями русского производства и поступали в Западную Сибирь с русской одеждой. Здесь они бытовали в конце XVI – первой четверти XVII веков. В силу своей многочисленности и быстроты изнашивания из-за хрупкости этот тип находок, вероятно, станет надежным хронологическим индикатором для выявления археологических памятников этой эпохи.

Селище и связанный с ним могильник просуществовали очень короткий отрезок времени. Поселок погиб при пожаре, после чего могильник перестал функционировать. Возможно, это трагическое событие было связано все с тем же мятежом князя Кинемы Бардакова. До строительства Сургута урочище Сайгатино входило в состав Бардакова княжества. Неизвестно, входило ли оно в состав Бардаковой волости в 1596–1616 годах, но в XVII – середине XIX веков юрты Сайгатины (хант. Кири-Пугут) числились в Юганской Подгородной волости [Салымский край, 2000. – С. 76; табл. 5; Шатунов, Гусев, 2004. – С. 373–374]. Как известно, «воровство» Кинемы началось в августе 1616 года с нападения «на обских остяков тое же Бардаковы волости на аганских и на аслыпских и на юганских ясашных остяков» [Миллер, 2000. – С. 273]. Той же осенью 1616 года по окрестностям Сургута прошел карательный отряд атамана Богдана Зубакина, посланный на мятежников, но до них «служилые люди не дошли, а жен их и детей от города в верстах 20 и 30 по юртам их поймали и повезли в Сургут», после чего «большие люди» в ясачных волостях, идущих от Сургута вниз по Оби, заявили, что они «государю служат и прямят» [Миллер, 2000. – С. 289]. Вероятно, вряд ли важно, кто именно мог разорить небольшое остяцкое поселение в 38 км ниже по течению Оби от Сургута — «бардаковы люди» князя Кинемы или каратели атамана Зубакина. Но произойти это могло в конце лета – осенью 1616 года.

Археологические памятники второй четверти – середины XVII века в Сургутском Приобье представлены группами погребений, исследованных раскопками на могильниках Моховая 46, Кинтусовском и Усть-Балык.

Могильник Моховая 46 расположен на правом берегу р. Моховой недалеко от ее впадения в Тромъеган в его нижнем течении. В 1997 году, когда было выяснено, что памятник разрушается строительством фермерского хозяйства, В. И. Стефанов провел здесь экстренные охранные раскопки, в ходе которых исследована сохранившаяся северо-западная часть могильника [Стефанов, 2003. – С. 164–168; ил. 1]. Здесь были полностью исследованы 13 погребений, 12 из них составляли более-менее ровный ряд, вытянутый по линии ЮЗЗ–СВВ, все погребения в этом ряду ориентированы по ССЗ–ЮЮВ. Одна могила (погребение 2) имела такую же ориентировку и располагалась вне ряда. Могильные ямы имели исключительно подпрямоугольную форму, размеры их зависели от возраста погребенных: от 0,90–1,20×0,25–

0,50 м при глубине 0,23–0,50 м от уровня древней поверхности до 2,40–2,60×0,90–1,00 м при глубине 0,60–0,95 м. В десяти могилах на дне фиксировались остатки сруба (ящики) из бревен, уложенных в один венец. В погребениях 6 и 10 дно под срубом было покрыто настилом из плотно уложенных плах, в остальных могилах дно застилалось берестяными полотнищами или корой. Почти во всех могилах фиксировались перекрытия ям плахами, жердями, берестяными полотнищами.

Одно погребение (погр. 1) было парным, в нем найдены костяк подростка (9±2 года) и череп другого ребенка того же возраста. Все остальные захоронения были индивидуальными. Здесь были погребены два мужчины и две женщины в возрасте от 30–35 до 60 и более лет, пять детей от одного года до 5–6 лет (в трех могилах следов костяка не обнаружено). Погребенные (в случаях, когда их поза была установлена) уложены в могилах вытянуто на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища или сведенными к тазу, головой исключительно на ЮВ.

Погребальный инвентарь представлен украшениями костюма и прически, остатками погребальных лицевых покрытий, ножами и единичными наконечниками стрел, кресалами (в одном случае в комплекте с кресальным камнем), керамическими горшками. Обращает внимание присутствие вещей русского происхождения — серебряного и бронзового перстней со вставками, бронзовой орнаментированной обкладки ножен, серебряных монет, стеклянных пуговиц и бисера, лепных сосудов, копирующих форму гончарных, остатков деревянного ларца с железным ключиком. Очень примечательно сочетание находок в детском погребении 9, где соседствовали явные раритеты: болгарские золотоордынские однобусинные височные подвески XIV века, русские монеты Ивана IV, чеканившиеся в великокняжеский период его правления (1534–1547 гг.), бронзовые крестовидные бляшки-накладки и стилизованные лапчатые подвески из оловянно-свинцового сплава. Хронологию исследованной части могильника Моховая 46 определяют находки пяти серебряных копеек царя Михаила Фёдоровича (1613–1645 гг.) в погребениях 4 и 5.

С поминальным комплексом могильника связана яма с захоронением неполного скелета взрослой особи северного оленя — скорее всего, останков съеденного жертвенного животного, голова и шкура которого были развешены на деревьях. В межмогильном пространстве был найден только один предмет — железный наконечник стрелы, воткнутый в грунт острием вниз [Стефанов, 2003. – С. 164–210].

Кинтусовский могильник (или могильник Кинтусовский 4.3 по К. Г. Карачарову) расположен на восточном берегу озера Сырковый Сор (Кинтусовский Сор, хантыйское название *Имн-тор* — «Святое озеро») на окраине пос. Салым. Могильник состоит из двух частей: ранней — X–XIV веков, погребения которой сосредоточены исключительно в пределах городища Кинтусовское 4.1 карымского времени, и поздней — XVII века, могильное поле из впадин которой расположено к северо-востоку от городища. Судя по всему, эти части представляли собой два отдельных некрополя. Поздняя часть Кинтусовского могильника исследовалась в 1982–1983 годах Л. М. Тереховой и в 1992 году — К. Г. Карачаровым. Всего здесь было изучено 25 могил (погребения 7–11 и 13–34).

Погребения поздней группы расположены очень компактно, сгруппированы в ряды. Самый длинный исследованный раскопками ряд насчитывал 11 могил. Абсолютное большинство могильных ям ориентированы длинной стороной по линии ЮЗ–СВ, одна (погр. 24) — по линии ЮЮЗ–ССВ, и одна (погр. 9) — по линии ЮВВ–СЗЗ. Размеры могильных ям, очевидно, зависели от возраста и роста погребенных: от 1,0–1,3×0,3–0,5 м до 2,6–3,3×0,9–1,6 м. Глубина их небольшая — до 0,35–0,40 м. Почти во всех могилах зафиксировано использование дерева для устройства настилов, рам, перекрытий, бересты — для выстилки дна и покрытия погребенных. Наиболее хорошо сохранилось перекрытие из восьми продольно уложенных плах в групповом погребении 7 (рис. 79). Самое сложное устройство зафиксировано в погребении 15: на дне могильной ямы был выложен трапециевидной формы сруб, длинные стенки которого состояли из двух венцов бревен диаметром 10–15 см; дно сруба выложено настилом из двух продольных плах, покрытых берестяным полотнищем; внутрь сруба была поставлена колода, выдолбленная из расколотого вдоль ствола дерева, толщиной боковых стенок и дна до 1,5–2,0 см, торцевые части были цельные толщиной до 18–20 см; погребенный в колоде был завернут в берестяное полотнище; сверху могила имела перекрытие из плах. Остатки деревянной колоды были найдены еще в одном погребении.

В погребении 7 были захоронены женщина (?) 25–30 лет и два ребенка, все остальные могилы были индивидуальными. Судя по останкам взрослых, погребенные укладывались вытянуто на спине с руками, вытянутыми вдоль туловища, головой преимущественно на ЮЗ, но выявлены и случаи противоположной ориентировки — головой на СВ, причем в могилах того же ряда (погр. 15).

Погребения сопровождалось достаточно разнообразным инвентарем: медными котлами с железными дужками, ножами, четырьмя топорами, наконечниками стрел, в том числе в погребении 7 был найден колчаный набор с железным крючком для подвешивания колчана. Украшения представлены серьгами в виде знака вопроса с привесками из бочонковидного паяного бубенчика и со стеклянной бусиной, закрепленной в центре проволочного стержня медной проволочной обмоткой сверху и снизу, бронзовыми височными кольцами из гладкого дрота и из скрученного дрота с S-видными петлями на одном конце, бронзовыми литыми мелкими пуговицами, стеклянными пуговицами на бронзовом стержне с ушком, перстнями с гнездами для вставок и орнаментированными перстнями-печатками, оловянными нашивками круглой, крестовидной формы и в виде четырех соединенных выпуклых умбонов. Особенно примечательны среди украшений три типа височных подвесок: копия из белого металла (оловянно-свинцового? сплава), сделанная по оттиску копии гроздевидной подвески IX–X веков из погребения 10, серебряные двухбусинные подвески, украшенные сканью, позднеордынского типа XV–XVI веков из погребения 7 и русские бронзовые (?) литые подвески со сквозными отверстиями для крепления на одном конце стержня и уплощенным орнаментированным другим концом, украшенным фигуркой птички и четырьмя лопастеобразными выступами с тремя отверстиями из погребения 15.

Датировка поздней группы погребений Кинтусовского могильника надежно устанавливается по находкам серебряных монет царя Михаила Фёдоровича (1613–1645 гг.) в погребениях 10 и 26.

На могильнике Усть-Балык В. И. Семёновой выделена группа из 16 погребений, датированных ею концом XVI – началом XVII веков [Семёнова, 2001. – С. 111; табл. 58]. Могильные ямы неглубокие, захоронения в них практически не засыпались грунтом. Погребальные сооружения представлены колодами (10), деревянными ящиками (3) и берестяным чехлом (1). Двенадцать могильных ям этой группы ориентированы по линии СЗ–ЮВ поперек гряды, и лишь четыре — вдоль нее — по линии СВ–ЮЗ. Соответственно, большая часть погребенных ориентирована головой на ЮВ, меньшая — на ЮЗ. Погребение 296 было коллективным, в нем захоронена женщина 18–20 лет и два ребенка 6–9 и 5–7 лет [Семёнова, 2001. – С. 128–129; прил. 7. – Рис. 8 – 4]. Остальные захоронения индивидуальные.

Инвентарь погребений включает парные кольца из витого дрота с S-образными петлями на одном конце (погр. 285), серьгами в виде знака вопроса с бусиной, закрепленной проволочными обмотками в центре длинного стержня, завершающегося расширением в виде трилистника (погр. 271), бочонкообразный бубенчик (погр. 191), перстни-печатки (погр. 271, 291, 296), наперсток, железная прямоугольная и бронзовая восьмеркообразная пряжки (погр. 5, 298), женская ажурная накладка (погр. 271, 293, 300), единичные в могилах железные и кованые медные наконечники стрел, топоры (погр. 287, 298, 310), калачевидные кресала (погр. 5, 310), миниатюрный медный котелок (погр. 291 «А»). Монеты в погребениях этой группы не обнаружены [Семёнова, 2001. – С. 111; прил. 7. – Рис. 8 – 1–4]. В погребении 271 был найден плоскодонный лепной горшок, копирующий форму русского гончарного сосуда [Семёнова, 2001. – С. 61; рис. 16 – 4].

Как мне кажется, В. И. Семёнова несколько удревняет хронологию этой группы погребений могильника Усть-Балык, датируя их концом XVI – началом XVII веков, синхронизируя с погребениями на городище Частухинский Урий. В отличие от комплексов Частухинского Урия и Сайгатинского II могильника в инвентаре усть-балыкских могил отсутствуют серебряные или свинцовые полые паяные пуговицы — характерные массовые находки конца XVI – первой четверти XVII веков. В то же время, в усть-балыкских погребениях есть более поздние вещи — калачевидные кресала, топор с выделенным бородком. По набору инвентаря эта группа Усть-Балыка более близка комплексам могильников Моховая 46 и Кинтусовского, датированных русскими монетами в пределах второй четверти – середины XVII века.

Заканчивая рассмотрение археологических памятников аборигенной культуры первой половины XVII века в Сургутском Приобье, хотелось бы коснуться одного аспекта взаимодействия русского и остяцкого населения, нашедшего отражение в археологических материалах. Это неоднократные находки лепных копий гончарных горшков русского типа: жилище 1 Кучиминского XVI селища, погребения 2 и 6 могильника Моховая 46, погребение 271 могильника Усть-Балык (рис. 80).

Город Сургут возник как форпост русского продвижения на восток и на протяжении всего XVII века оставался военно-административным центром и единственным русским населенным пунктом обширного Сургутского уезда. Его население было невелико и состояло только из служилых людей гарнизона и членов их семей. Численность служилых людей, ружников и оброчников Сургута, не считая жен и детей, на протяжении XVII века, судя по сохранившимся именным спискам, менялась очень

мало: так, в 1625 году их было 222 человека, в 1627 году — 216 человек, в 1635 году — 200 человек, в 1642 и 1645 годах — 199 человек, и так до конца столетия, когда в 1699 году их численность составила 185 человек [Древний город..., 1994. – С. 120–121]. Очевидно, что в расположенном на удалении от других русских поселений малолюдном городке не было профессионального гончара-ремесленника, который просто не нашел бы здесь сбыта своей продукции. А завоз столь хрупкого и объемного товара, как керамическая посуда, видимо, был ограничен и не покрывал потребностей жителей Сургута. Для восполнения дефицита в столь необходимом предмете домашнего обихода и возникла в семье какого-то предприимчивого сургутского жителя подсобное производство — изготовление лепной керамической посуды. При этом продукция, изготавливавшаяся без применения гончарного круга, копировала форму привозных ремесленных образцов. Основными потребителями этой кустарной продукции были жители города, но, очевидно, какая-то ее часть раскупалась и ясачными остяками, жившими на Оби и Юганской Оби невдалеке от Сургута, в пределах Подгородней Юганской и Бардаковской волостей. До удаленных глубиннотаежных районов эти изделия сургутского кустаря не доходили, поэтому не удивительно, что в погребениях поздней группы Кинтусовского могильника они не обнаружены.

Раньше я не задумывался, как определить памятники самого конца XVI – первой половины XVII веков. Слишком уж немного этих памятников — городищ, поселений, могильников. Очевидно, что они продолжают линию развития предшествующей сайгатинской культуры. Но, с другой стороны, эпоха «Сибирского взятия», вхождение огромного края в состав Российского государства сопровождалась такой коренной ломкой веками отлаженных внешних экономических и культурных связей, внутренней социальной организации, что этот краткий период истории материальной культуры местных западно-сибирских народов ни в коем случае нельзя включать в продолжение предшествующей сайгатинской археологической культуры. Так что я склонен этот период рассматривать отдельно, по крайней мере, для Сургутского Приобья.

ГЛАВА 6

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ В СУРГУТСКОМ ПРИОБЬЕ (2-я половина XVII – начало XX вв.)

Еще совсем недавно памятники этой поздней эпохи Сургутского Приобья выпадали из сферы специального археологического изучения. Конечно же, добросовестные специалисты всегда фиксировали в полевых материалах и отчетах остатки поздних объектов и находки XVIII – начала XX веков, обнаруженные при раскопках более ранних археологических памятников, но с публикацией этих материалов не спешили. Пожалуй, первой такой публикацией стала статья В. М. Морозова в специализированном этнографическом сборнике [Морозов, 1992. – С. 37–50].

Отношение археологов к памятникам нового времени Сургутского Приобья изменилось в 1990-е годы, когда в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре стала создаваться действенная система охраны и использования памятников истории и культуры. В настоящее время стали немыслимы археологические разведочные работы, в число которых входят и экспертные обследования районов предполагаемой хозяйственной деятельности, при которых бы не учитывались памятники этнической истории — относительно недавно заброшенные поселения, кладбища, оставленные и действующие святилища, не говоря уже о более ранних археологизированных объектах конца XIX – середины XX веков. При аварийно-спасательных археологических раскопках в зонах предполагаемых разрушений памятники нового времени исследуются на современном уровне. В последние годы работы на таких позднейших археологических объектах составляют заметную часть всех полевых археологических исследований, проводящихся в районах Сургутского Приобья (Сургутском, Нефтеюганском, частично Нижневартовском районах ХМАО – Югры). Но пока подобные изыскания носят здесь случайный характер и не стали частью специализированного научного исследования. А ведь в Западной Сибири имеются примеры плодотворной организации изучения региональной этнической истории, основанной на широкомасштабном археологическом исследовании памятников нового времени (вузовские центры Томска и Омска, Институт археологии и этнографии СО РАН). Пожалуй, единственной пока научной работой, призванной осмыслить археологию нового времени Севера Западной Сибири, стала статья К. Г. Карачарова, написанная им для пленарного доклада II Северному археологическому конгрессу [Карачаров, 2006. – С. 125–131].

На сегодня в Сургутском Приобье выявлены десятки поселений, могильников и святилищ, условно относимых к эпохе второй половины XVII – начала XX веков.

Как уже указывалось выше, до проведения раскопок достоверно отделить поселения нового времени от селищ позднего средневековья, как правило, невозможно. Судя по публикациям, на сегодня раскопками исследовано десять построек на семи поселениях. Три из них — Усть-Пыть-Ях 2, Силин Пас II и Сырой Аган 12 — представляют собой селища, состоящие лишь из двух жилищ [Баранов, 2002. – С. 185–186; Кардаш, 2004. – С. 353–355; Шорин, Баранов, 2002. – С. 70–81; Яковлев, 2003. – С. 272–283; 2004. – С. 356–363]. Остальные были одиночными изолированно расположенными постройками — селища Барсова гора I/47 и I/63, Остяцкий Живец VII, Тат-Ягун XXIX [Морозов, Шатунов, 2003. – С. 264–271; Чемякин, Морозов, 1999. – С. 138–141; Шатунов, Гусев, 2004. – С. 364–374].

Самым ранним из исследованных раскопками поселенческих памятников было селище Усть-Пыть-Ях 2 на р. Большой Балык, радиоуглеродный некалиброванный возраст постройки 2 которого относится к 1640±40 лет [Кардаш, 2004. – С. 355]. Оно состояло из двух практически наземных прямоугольных жилищ размерами 5,0×4,0 и 4,3×3,5 м, пол которых был углублен не более чем на 0,10–0,15 м. Слева от входов в постройки фиксировались остатки глинобитных печей — чужалов. Были также выявлены два внешних очага: один — между жилищами, другой — напротив входа в одно из них. В заполнении

объектов были найдены оловянная пуговица, фрагменты ушка котла и горлышка бутылки из зеленого стекла, обломки железных изделий, кости лося, северного оленя, щуки [Кардаш, 2004. – С. 353–355].

Селище Силин Пас II располагалось на гриве в левобережной пойме Оби недалеко от с. Локосово, оно состояло из двух конструктивно близких жилищ, время существования которых укладывается в пределы XVIII века [Яковлев, 2004. – С. 363]. Постройки представляли собой прямоугольные котлованы размерами 4,8×4,5 и 5,1×4,4 м и глубиной пола 0,6–0,8 и 0,5–0,8 м. Жилища имели технологический ярус — ступень вдоль края котлована шириной 0,16–0,66 м, углубленную в грунт от древней поверхности на 0,16–0,39 м, служившую для установки основания каркаса стен из наклонно поставленных бревен, плах или жердей. Деревянный каркас снаружи подсыпался грунтом, взятым из внешних ям. Выходы жилища были направлены навстречу друг другу. Интерьер жилищ аналогичен. Они имели Г-образные нары-лежанки с основанием в виде материковых останцев, возвышающихся на 0,12–0,22 м над уровнем пола, шириной 1,0–1,6 м. Основания нары занимали чуть более половины площадки построек. В противоположных углах построек были расположены меньшие по площади материковые останцы прямоугольной формы размерами 2,1×1,6 и 2,1–2,6×1,5–1,7 м, возвышавшиеся на 0,15–0,25 м над уровнем пола [Яковлев, 2003. – С. 275–280; ил. 4; 2004. – С. 358–361; ил. 1–3]. На этом сходство между жилищами заканчивалось.

Объект 2 представлял собой долговременную постройку. Она отапливалась глинобитным чужалом, располагавшимся на полу у середины левой от входа стены котлована. Чужал диаметром около 1 м был сложен из илистой пойменной глины, которой был обмазан каркас из тонких прутьев. Толщина сохранившихся прокаленных стенок печи составила до 10–13 см у стен жилища и около 4 см в лицевой части, обращенной внутрь жилища. Пол постройки был застелен двухслойным настилом из деревянных плах. В заполнении жилища 2 были найдены достаточно многочисленные находки: массивный железный накопчик самострельной стрелы, ножи, фрагмент калачевидного кресала и кресальные кремни, каменный оселок, фрагмент обкладки ножен, фрагменты двух серебряных (?) перстней с граненым горным хрусталем в кастах, обломок инкрустированной стеклянной бусины, медная шаровидная пуговица, кухонные остатки из костей северного оленя и лошади. На полу жилища был найден костяк мужчины 18–25 лет, вытянутый головой к чужалу и ногами к центру постройки. Умерший был не захоронен, а оставлен в землянке в момент смерти [Яковлев, 2004. – С. 361–363; ил. 4; 5].

Объект 1 не имел представительного культурного слоя, линия земляного пола в виде гумусированной прослойки только начала формироваться. Постройка не имела чужала, отапливалась центральным наземным очагом, расположенным у угла Г-образных нары. Судя по очень малой мощности кострища (4–5 см), оно было краткосрочным, может быть, одноразовым. В жилище не было найдено никаких вещей, кроме нескольких костей животных, втоптаных в земляной пол, в том числе фрагментов черепов двух молодых лосей. Складывается впечатление, что объект не был даже достроен [Яковлев, 2003. – С. 280, 282]. Вероятнее всего, селище Силин Пас II было заброшено сразу же после смерти молодого мужчины, останки которого были найдены в жилище 2.

Поселение Сырой Аган 12 было расположено на небольшой гриве в урочище Городской Остров, образованном основным руслом Оби и протокой Юганская Обь, между городами Сургут и Нефтеюганск. Поселение датируется началом XIX века по находкам монет в жилище 2: копеек чеканки Колыванского монетного двора 1771 и 1800 годов и двухкопеечной монеты Екатеринбургского монетного двора 1800 года [Шорин, Баранов, 2002. – С. 70, 77]. Памятник состоял из двух жилищ, до раскопок фиксировавшихся в виде площадок, оконтуренных песчаной обваловкой с выходами, обращенными к югу. Жилище 1 фиксировалось при раскопках в виде наземной бревенчатой срубной конструкции размерами 5×5 м. Авторами раскопок была предложена реконструкция этого жилища в виде легкой двускатной постройки с каркасом из наклонных жердей, упиравшихся нижними концами в восточную и западную стенки П-образной бревенчатой конструкции из одного-двух венцов [Баранов, 2000. – С. 185–186; Шорин, Баранов, 2002. – С. 72; рис. 3; 4]. Однако в опубликованных материалах раскопа оснований для такой реконструкции нет. Наоборот, сохранившиеся остатки двух завалившихся внутрь венцов северной и западной стенок из бревен диаметром 20–30 см, фрагменты третьего также завалившегося венца, фиксация нижних бревен короткими вертикальными столбиками, горизонтальное выравнивание конструкции подкладкой коротких обрезков бревен под основание северо-восточного угла, срубная техника соединения углов врубкой «в лапу» [Шорин, Баранов, 2002. – С. 71; рис. 2; 5] свидетельствуют как раз в пользу того, что это были остатки обычной срубной постройки с достаточно

высокими вертикальными стенами. Более того, в нижнем венце северной стены близ северо-западного угла зафиксирована врубка бревна или толстой плахи — лаги деревянного настила нар. Точно так же, как и жилище 1 поселения Сырой Аган 12, фиксировались срубные постройки 8 и 9 строительных горизонтов XV–XVI веков позднесредневекового городка Эмдер — жилища, основания оборонительных стен, башни [Зыков, Кокиаров, 2001. — С. 16–20, 23–24; 2002. — С. 71–72; рис. 2; 2003. — С. 119–122; ил. 5; 6]. Внутри срубной наземной постройки 1 в ее южной предвходовой и центральной части был вырыт неглубокий Г-образный котлован, грунт из которого использован для отсыпки основания нар. Высота основания нар над уровнем пола котлована составляла 0,4 м, ширина получившихся нар, занявших полностью западную и северные стенки жилища и частично — восточную, составила 1,25–1,60 м. Стенки котлована были укреплены от осыпания плахами, фиксировавшимися с внешней стороны столбиками. В правой от входа нише котлована на полу был сооружен глинобитный чувал [Шорин, Баранов, 2002. — С. 72; рис. 2].

Жилище 2 содержало много древесных остатков, позволивших авторам раскопок уверенно реконструировать его по этнографическим аналогам с хантыйским *мых-кот* («земляным домом») — в виде усеченно-пирамидальной наземной квадратной постройки площадью более 50 кв. м, каркас которой состоял из наклонных столбов диаметром до 0,3 м, соединенных квадратной рамой крыши. Снаружи каркас был покрыт неошкуренными сосновыми плахами шириной до 0,2 м, а сверху — берестой, дерном, мхом и грунтовой подсыпкой основания стен, песок для которой был взят из пяти внешних ям. В центре постройки был вырыт котлован, стенки которого были укреплены горизонтальными плахами. Получившиеся основания нар шириной 1,6 м занимали целиком восточную и северную и частично западную пристенные части жилища. Глинобитный чувал был устроен на материковом останце в левом от входа юго-западном углу постройки [Баранов, 2000. — С. 185; Шорин, Баранов, 2002. — С. 75–79; рис. 6–8].

На поселении Сырой Аган 12 была получена достаточно большая коллекция находок. Кроме монет здесь были найдены железное тесло, нож, два кованых гвоздя, костяной наконечник стрелы, каменное и глиняное грузила, фрагмент берестяного поплавка, оловянная нашивка, каменный нож, абразивы, оселок. Примечательны находки фрагментов от трех русских гончарных сосудов (поливного и сероглиняных неполивных), осколок фарфорового изделия, осколки стеклянных многогранных бутылок, в том числе высокой бутылки с гравированным растительным орнаментом. Среди костных останков обнаружены кости лошади, северного оленя, лисицы, птиц и рыб. В северной части жилища 2 в яме под нарами был найден полный костяк новорожденного теленка, возможно, являвшийся останками строительной жертвы [Шорин, Баранов, 2002. — С. 74–75, 77–78; рис. 9; 10]. Авторы раскопок считают возможным связывать исследованное поселение с деятельностью жителей хантыйских Подкривских юртов Подгородней Юганской волости Сургутского уезда [Шорин, Баранов, 2002. — С. 70–71].

Исследованные раскопками одиночно расположенные жилища дали неизмеримо меньшую информацию, чем полностью изученные небольшие стационарные поселки. Они даже не поддавались хоть сколь-нибудь уверенной датировке.

Одиночное жилище селища Остяцкий живец VII расположено на левом берегу безымянного ручья, впадающего в обскую протоку Остяцкий Живец. Постройка представляла собой практически наземное сооружение размерами 5,05×4,95 м, углубленное в грунт на 0,15–0,20 м. Вдоль контуров котлована и в его заполнении сохранилась труха от развалившихся срубных стен. Выход жилища был ориентирован на юг. В южной и центральной части постройки был прорыт Г-образный котлован, грунт из которого пошел на подсыпку наземной части постройки. Стенки котлована глубиной 0,55–0,65 м от уровня древней поверхности были укреплены деревянной обшивкой. В нише котлована на полу располагался глинобитный чувал, сделанный на каркасе из прутьев диаметром 2–3 см [Шатунов, Гусев, 2004. — С. 364–371; ил. 2–6]. Очевидно практически полное совпадение этого объекта с жилищем 1 поселения Сырой Аган 12 и, в гораздо меньшей степени, с некоторыми конструктивными особенностями построек селища Силин Пас II. Авторы раскопок селища Остяцкий Живец VII также реконструируют эту постройку как легкое двускатное каркасное сооружение на трех-четырёхвенцовом срубе [Шатунов, Гусев, 2004. — С. 370, 373]. Они ссылаются при этом на один из типов хантыйских жилищ, выделенных З. П. Соколовой, не обратив внимание на то, что она относила его к летним типам сооружений [Соколова, 1998. — С. 175; табл. XIII – I]. А традиционными зимними жилищами хантов Сургутского Приобья были как раз наземные и полуназемные срубные жилища с чувалом, земляным полом и нарами вдоль двух или трех стен [Мартынова, 1998. — С. 188–189; Соколова, 1998. — С. 38–39; рис. 12; табл. IX – I, 5, 7].

Никаких вещей, кроме костных остатков крупного млекопитающего, в жилище найдено не было. Поэтому селище Остяцкий Живец VII было датировано более чем широко — новым временем [Шатунов, Гусев, 2004. — С. 370, 373].

Селище из одного жилища Тат-Ягун XXIX находилось в верховьях речки Тляттыгун, левого притока Тромъегана в его среднем течении. Объект располагался в средней части увала шириной 0,2–0,5 км, ограниченного речкой и обширным болотным массивом [Морозов, Шатунов, 2003. — С. 264, 271; ил. 1; 2]. Полуземляночная постройка имела четырехугольный котлован размерами 3,5×3,0 м, углубленный в грунт на 0,5 м. По краям жилище имело обваловку из грунтовой подсыпки стен, песок для которой брался из шести ям, оконтуривавших постройку с трех сторон. В одной из коротких стен располагался короткий коридорообразный выход. Судя по расположению восьми столбовых ям, постройка имела каркасно-столбовую конструкцию. На полу жилища, ближе к выходу, располагался очаг — кострище мощностью до 26 см [Морозов, Шатунов, 2003. — С. 266–269; ил. 3]. Находки в постройке очень малочисленные: наконечник стрелы, каменный абразив, фрагмент медного котла, изделие из кости северного оленя и росوماхи [Морозов, Шатунов, 2003. — С. 269–270; ил. 4; 5]. Этот объект — типичное промысловое сезонное жилище. Находки позволяют датировать его очень широко — XVII–XIX веками.

Как уже указывалось, большинство поздних селищ урочища Барсова Гора были сосредоточены в его западной части. Вероятно, некоторые из них могли относиться не только к эпохе позднего средневековья, но и к XVII – началу XX веков. В восточной части Барсовой Горы среди тысяч разнообразных археологических объектов было выявлено несколько небольших оконтуренных обваловкой прямоугольных впадин размерами 3–4×2–3 м, отличавшихся очень небольшой глубиной (0,7–0,9 м). Они располагались в глубине берега поодиночке, на расстоянии 70–100 м друг от друга. В разное время два таких объекта были исследованы раскопками.

Объект, названный селищем Барсова гора I/47, располагался в глубине леса в 170 м от края берега протоки Утоплой. Постройка представляла собой котлован прямоугольной формы размерами 3,0×1,6 м, глубиной в 0,8–0,9 м от древней поверхности. На дне постройки был зафиксирован настил из бревен диаметром от 8 до 20–24 см, лежавший на двух поперечных лагах из бревен диаметром 13 см. В заполнении котлована выявлен слой прокала и углей от сгоревшей кровли. На дне постройки была найдена слегка обугленная берестяная коробочка, орнаментированная оттисками костяных штампов [Чемякин, Морозов, 1999. — С. 138–139].

Другой исследованный раскопками объект этого же типа, названный селищем Барсова гора I/63, был удален от кромки берега протоки Утоплой на 70 м. Постройка фиксировалась в виде прямоугольного котлована размерами 3,80×2,20 м глубиной 0,25–0,30 м от уровня погребенной поверхности. В нем располагался сруб из бревен диаметром 20–25 см, от которого сохранились два нижних венца. Сруб размерами по внешнему краю 3,3×1,9 м фиксировался сразу же под слоем лесной подстилки. От внутреннего края сруба начиналась углубленная часть котлована размерами 2,7×1,3 м, глубиной до 0,9–1,0 м от уровня погребенной почвы. На дне котлована фиксировались обугленные плахи шириной 5–12 см, уложенные перпендикулярно длинной оси углубления, а также углисто-золистое заполнение мощностью 12–15 см [Чемякин, Морозов, 1999. — С. 139–140].

Однозначно определить назначение этих очень схожих друг с другом объектов довольно затруднительно. Наличие деревянных полов в обеих землянках, скорее, все же указывает на их жилой характер. Это могли быть небольшие временные охотничьи «сторожки». Против этой версии говорит отсутствие в них каких-либо следов отопительных сооружений. Постройки приблизительно относятся к XIX – началу XX веков [Чемякин, Морозов, 1999. — С. 141].

Третья очень схожая одиночная полуземлянка подобного типа, названная селищем Барцевка X, была исследована на Барсовой Горе осенью 2006 года [Борзунов и др., 2006. — С. 103–106; ил. 13–16]. Она представляла собой квадратную постройку размерами 2,4×2,4 м и глубиной около 0,9 м от уровня древней поверхности, с коротким коридорообразным выходом в южном углу. Стены сооружения, по крайней мере, в верхней части были обшиты досками. Судя по остаткам бревен, зафиксированных поверх древней трухи и досок, у сооружения могло быть пирамидальное перекрытие. На дне постройки зафиксированы прокалы и мощный (до 10 см) слой древесного угля в виде подквадратного пятна размерами 1×1 м. Эту постройку авторы раскопок определяют как остатки промыслового (или хозяйственного) сооружения. Она датирована 445 ± 40 лет назад (JIE–7712), интервалы

калиброванного календарного возраста составили 1427–1476 гг. (68,2%) и 1400–1620 гг. (95,4%) [Борзунов и др., 2006. – С. 104–105].

Вопрос о том, можно ли рассматривать позднейшие могильники нового времени, а тем более кладбища XIX – середины XX веков в качестве объектов археологического изучения, вряд ли может иметь однозначный ответ. С одной стороны, этические соображения должны вроде бы останавливать исследователей от вскрытия достаточно близких к нам по времени захоронений. Но в то же время, очевидно, что погребальные комплексы нового и новейшего времени Западной Сибири являются уникальным источником для этноархеологии, этнической истории, антропологии. Возможности этого источника великолепно продемонстрированы на примере исследования остяцких могильников XIX века низовьев Оби [Мурашко, Кренке, 2001. – С. 22–83].

Единственным в Сургутском Приобье погребальным памятником нового и новейшего времени, исследованным с соблюдением всех требований научной археологической методики, была поздняя часть могильника Усть-Балык, изученная В. И. Семёновой. Здесь при раскопках средневекового могильника были вскрыты десять погребений первой половины – середины XIX века и 16 могил 20-х – начала 30-х годов XX века [Семёнова, 2001. – С. 11, 130–132; табл. 58; прил. 2; прил. 7. – Рис. 9 – 1–5; 10 – 1–3; 11].

Группа погребений первой половины – середины XIX века датируется находками монет 1825 и 1847 годов. К ней относятся десять могил, из них две мужские, одна женская, шесть детских. Все они располагались поперек гривы, головной частью ориентированы на северо-запад. Могилы были неглубокими, не глубже высоты погребальных сооружений, то есть гробовища находились сразу же под дерном, в нескольких сантиметрах от современной поверхности. Сооружения представлены деревянными ящиками, колодами, берестяным чехлом. В детских погребениях в ящиках были помещены берестяные люльки. Колоды и ящики сверху закрывались деревом, берестой, крышка колоды взрослого погребения в одном случае прибита гвоздями. Погребенные лежали вытянуто на спине с руками, уложенными кистями на бедра или таз. Два детских костяка лежали скорченно на правом боку [Семёнова, 2001. – С. 130; прил. 7. – Рис. 9 – 1–5]. Инвентарь погребений имеет множество аналогий в этнографических материалах: фабричные пуговицы, медные кольца, медные котлы, железные топоры, ножи, пластинчатое кресало, фаянсовая чайная чашка, берестяные коробки, берестяная табакерка со штампованным орнаментом [Семёнова, 2001. – С. III].

Погребения XX века представляют собой компактное кладбище на юго-западной окраине гривы в самой широкой ее части. Могилы расположены в три параллельных ряда, головной частью ориентированы на юго-запад. Значительная часть могил разрушена до основания, сохранившиеся могильные ямы имеют глубину более 1 м и прямоугольную форму. Захоронения совершены в прямоугольных или трапециевидных ящиках-гробах, закрытых деревянными крышками, приколочеными гвоздями. Одно детское захоронение сделано в колоде. Погребенные уложены в гробах вытянуто на спине со скрещенными на тазе кистями рук; у детских костяков руки вытянуты вдоль тела [Семёнова, 2001. – С. 131; прил. 7. – Рис. 10].

Эта позднейшая часть могильника Усть-Балык датируется 20 – началом 30-х годов XX века находками в могилах советских монет 1926–1928 годов. Инвентарь погребений представлен ножами, пряжками, пуговицами, бисером, игольницей, курительной трубкой, спичками, табакеркой, кожаной сумкой, большим количеством посуды — фарфоровой, эмалированной, берестяной [Семёнова, 2001. – С. 111, 131–132].

Особняком среди этих могил стоит погребение 280, совершенное по христианскому обряду. В нем был погребен мужчина 25–30 лет в европейском костюме (брюки, рубашка, пиджак, вязаные носки, шарф) с крестиком на шее, со скрещенными на груди руками, уложенный головой точно на юг, без инвентаря. Погребенный был захоронен в неглубокой незасыпанной грунтом могильной яме, перекрытой настилом из досок, поддерживаемом столбиками. Могила располагалась на самом краю ряда языческих погребений [Семёнова, 2001. – С. 131; рис. 4; прил. 7. – Рис. 11].

В 1984, 1985 и 1987 годах на территории Нефтеюганского района ХМАО проводила работы антропологическая экспедиция Томского государственного университета под руководством В. А. Дрёмова. Задачей экспедиции был сбор краниологических материалов по восточным хантам на заброшенных кладбищах на реках Балык и Вандрас, протоке Горной, озере Соровском. Всего В. А. Дрёмовым было

вскрыто 148 могил XVIII – середины XX веков на кладбищах Усть-Балыкском (29 погр.), Каркатеевском (4 погр.), Мамонтовском (1 погр.), Кинтусовском 1 (28 погр.), Кинтусовском 2 (6 погр.), Соровском (80 погр.). По нумизматическим материалам некрополь Соровское датируется в пределах XVIII–XIX веков, Кинтусовское 1 и 2 — с XVIII до середины XX веков, Усть-Балыкское, Мамонтовское, Каркатеевское — концом XIX – серединой XX веков. Самыми поздними были могилы 27 и 28 Усть-Балыкского кладбища, в которых найдены монеты 1940 и 1952 годов. В строгом смысле эти раскопки нельзя считать археологическими, но все же информация о надмогильных сооружениях, размерах могильных ям, внутримогильных конструкциях, позе погребенных, распределении погребального инвентаря фиксировалось в полевых дневниках В. А. Дрёмова, а найденные вещи были переданы в фонды Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. В последние годы появились публикации А. И. Бобровой и А. Я. Яковлева, которые ввели в научный оборот часть материалов по погребальному обряду и инвентарю позднейших хантыйских некрополей южной части Сургутского Приобья, полученных экспедициями В. А. Дрёмова [Боброва, 2003. – С. 211–215; Яковлев, Боброва, 2004. – С. 137–174].

На основе анализа дневниковых записей В. А. Дрёмова раскопок самых поздних могил конца XIX – середины XX веков Усть-Балыкского, Мамонтовского и Каркатеевского кладбищ А. И. Боброва составила очерк о погребальном обряде салымских хантов [Боброва, 2003. – С. 211–215]. Для некрополей выбирались места неподалеку от селений и водоемов. На кладбищах соблюдалась рядность могил: ряды включали по три-семь погребений и образовывали группы. Глубина могильных ям колебалась от 0,60 до 1,25 м. Гробы трапециевидной или прямоугольной формы делались из толстых плах, сколоченных коваными или фабричными гвоздями. Крышки изготавливались из двух широких плах. Гроб сверху покрывался берестяным полотнищем, есть случаи полного обертывания гробов берестой.

После опускания гроба часть могильных ям не засыпали землей, а перекрывали на уровне дневной поверхности жердями или берестяным полотнищем. После разрушения перекрытия в могильной яме образовывался провал. Над могилами устанавливался дощатый или бревенчатый «дом» с крышей, иногда покрытой берестой, и специально вырезанным «окном» в торцевой части сооружения в изголовье могилы. В насыпях могил обнаружены топоры, наконечник стрелы, деревянный сундучок, обувь и, в основном, посуда — медные (?) котлы, чайники, железное ведро, эмалированная кастрюля, изделия из фарфора и стекла.

Погребенные на Усть-Балыкском кладбище были ориентированы головой в восточном направлении (20 – на СВ, 6 – на ЮВ, 2 – на ССВ, 1 – на В), на Каркатеевском и Мамонтовском — в северном. В гробах умершие укладывались вытянуто на спине с неустойчивым положением рук — кистями «на лобке», «на животе», «на бедрах». Случаев христианского их положения скрещенными на груди нет.

Все погребенные похоронены с многочисленным инвентарем: украшениями, орудиями труда, предметами быта, посудой и личными вещами. Во всех взрослых могилах в области головы обнаружены берестяные коробки и посуда — фарфоровая (чашки, блюдце, бокал, заварной чайник), металлическая (железное ведро, эмалированная миска, медный котел или чайник), берестяная (туески). В мужских погребениях также присутствуют нож, коробок спичек, монеты, головной убор, пояс, обувь. Отличительной чертой женских захоронений является наличие берестяной коробки для рукоделия с помещенными внутри берестяными туесками, коробочками, железными баночками с бисером, мелкими пуговицами. Кроме того, в них среди кусочков ткани и кожи, ниток и игольниц были обнаружены и сугубо индивидуальные вещи, особо значимые для покойниц: просверленный клык хищника, зуб и прядь человеческих волос, огарок восковой свечи, билет на пароход. Среди детских погребений можно безошибочно выделить могилы девочек: на их одежде много бисера, мелких пуговиц, а в ногах или изголовье — берестяная коробка для рукоделия. Три подростковых погребения, уже различавшиеся на мужские и женские по инвентарю, обнаруживают сходство с взрослыми могилами по количеству и разнообразию положенных предметов, но сближаются с детскими по присутствию игрушек (фабричная машинка без колес), карандашей, пустых флаконов из-под духов и пр.

Анализ обряда и сопроводительного инвентаря позволил А. И. Бобровой сделать вывод о сохранении у салымских хантов конца XIX – середины XX веков традиционных представлений о смерти как переселении умершего в иной мир, подобный по устройству земному. Отсюда обилие вещей в погребениях и забота об устройстве могилы по подобию жилой постройки. Влияние христианства

обнаруживается по находкам нательных крестов (17% захоронений), иконки, огарка восковой свечи. Но знакомство с христианской культурой практически не нашло отражения в погребальном обряде салымских хантов [Боброва, 2003. – С. 211–215]*.

Хантыйские святилища нового времени в Сургутском Приобье археологами выявлялись, как правило, случайно при раскопках гораздо более ранних памятников. Всего известно пять таких поздних жертвенных комплексов, исследованных раскопками.

Святилище на городище Барсов городок I/6 было исследовано при раскопках укрепленного поселения белоярской культуры раннего железного века. Центром культового места была приподнятая площадка размерами 12×12 м, насыщенная костями жертвенных животных — всего 3097 костей (лошадь – 52 особи, северный олень – 33, крупный рогатый скот – 8, лось – 6, медведь – 2, бобр – 4, собака – 1) [Косинцев и др., 1988. – С. 53; табл. I]. Здесь же были найдены серебряное с позолотой и чернью болгарское блюдо XIII века [Сокровища Приобья..., 2003. – С. 31] (рис. 81), бронзовая личина IX–X веков [Угорское наследие..., 1994. – Кат. № 66а], звено прямоугольной формы с растительным орнаментом от шумящей подвески XVI века, стилизованная полая зооморфная подвеска XIV–XV веков, литое височное кольцо IX–XII веков, обойма ремня, оловянная нашивка, железные ножи и наконечники стрел, монеты императриц Елизаветы I и Екатерины II, отчеканенные с 1748 по 1785 год и императора Николая I 1828 года чеканки. В нераскопанной части памятника под дерном найден серебряный поднос малоазийского (?) происхождения второй половины XI – XII веков. Ю. П. Чемякин и В. М. Морозов считали, что это «святилище функционировало, по крайней мере, в пределах XIII–XVIII вв.» [Чемякин, Морозов, 1999. – С. 138]. Однако создается впечатление, что предметы IX–XVI веков не образуют какого-то устойчивого комплекса, свидетельствующего о длительном их накоплении в культурном слое святилища, а составляют, скорее, эклектичное собрание раритетов. Особенно показателен состав жертвенных животных, в числе которых было не только беспрецедентно большое количество лошадей, но присутствовали и коровы, появление которых в Сургутском Приобье связано с приходом русского населения в самом конце XVI века. Поэтому, вероятнее всего, святилище на городище Барсов городок I/6 следует датировать в пределах второй половины XVIII – первой половины XIX веков.

Более позднее хантыйское святилище 2-й половины XIX века – 20-х годов XX века на Барсовой Горе располагалось чуть восточнее на площадке городища Барсов городок I/7 кулайской культуры. При раскопках его В. Ф. Казаковым в 1887 году были найдены железный наконечник пальмы и «медный чайник с длинным носиком», переданные в Тобольский музей. В 1891 году Ф. Мартином при раскопках у «жертвенных камней» были обнаружены монеты 1859 и 1872 годов. В пояснительной записке к «Плану остатков древнего городища на Барсовой Горе» Н. Я. Павлов в 1925 году сообщал, что видел «два священных камня, около которых остяки до сих пор оставляют свои приношения... в виде керенок и совзнаков» [Чемякин, Зыков, 2004. – С. 172]. Наконец, в 1972 году В. М. Морозовым при раскопках городища Барсов городок I/7 были найдены два железных наконечника стрел XIX – начала XX веков, также относившихся к этому культовому памятнику.

При раскопках позднесредневекового селища Барсова гора IV/26 был выявлен слой с многочисленными прокалами и находками кальцинированных и необожженных костей лошади и лося, перекрывающий слой поселка XIV–XV веков. Этот слой предположительно был соотнесен со святилищем (?)

* Мне как археологу показалась странной необходимость проведения «охранных» раскопок на месте разрушенного (разобранного на дрова в 1986 г.) храма Знамения Пресвятой Богородицы в селе Ларьяк Нижневартковского района ХМАО – Югры. «В 2005 г. администрацией района было принято решение о строительстве в селе новой церкви. Было выбрано и освящено (! – А. З.) место под строительство, выделены средства на разработку проектной документации» [Евтеева, Чибиряк, 2007. – С. 191]. Те, кто проводил эти раскопки в центре села, знали, что около любой церкви, тем более сельской существовало кладбище: «По данным Г. М. Дмитриева-Садовникова, относящимся к 1910 г., при церкви существовал небольшой погост. Вероятно, на нем производились захоронения только священников и членов их семей, так как в Ларьяке действовало и большое сельское кладбище. Церковь продолжала функционировать до 1935 г. Таким образом, можно предположить, что до этого времени за кладбищем ухаживали и, возможно, производили новые захоронения» [Евтеева, Чибиряк, 2007. – С. 199].

Возможно авторам раскопок, следовало предупредить местных чиновников о существовавшем здесь христианском погосте и настоять на необходимости перенесения места строительства нового храма в любое другое место. Но, как бы то ни было, в 2005 году было «вскрыто 209 кв. м храмовой и прихрамовой территории. Выявлены и исследованы... 14 погребений церковного погоста... предположительно XIX – нач. XX в. ... В трех из четырнадцати исследованных погребений были захоронены церковно- и священнослужители... Останки из погребений прихрамового погоста были перезахоронены на территории действующего сельского кладбища» [Евтеева, Чибиряк, 2007. – С. 196–197, 199–200]. Мне до сих пор не понятно — для чего проводились раскопки этого кладбища? Ясно, что научный результат их почти нулевой.

XVI–XVII веков. Впрочем, какие-либо вещи в этом слое не были найдены, его относительная датировка основана только на стратиграфии памятника.

Небольшой компактно расположенный комплекс сооружений и находок, связанный с поздним святилищем, выявлен при раскопках средневекового городища Кучиминское IX в урочище Сайгатино. На валу городища были зафиксированы остатки небольшой наземной постройки с полом из колотых плах, а рядом с ней — наземный очаг. В постройке, вокруг нее и у очага были найдены железные крупные наконечники стрел — срезни, медные русские монеты первой половины XIX века, зуб мамонта, полный костяк собаки, разрозненные кости лошади, северного оленя, лося, бобра, птиц [Косинцев и др., 1988. – С. 53; табл. I].

Несколько иначе изучалось святилище на городище Ермаково I на Среднем Тромъегане. Здесь на городище кучиминского этапа нижнеобской культуры и около его еще до раскопок великолепно фиксировались следы действующего хантыйского святилища: два скопления из медной и жестяной посуды и рогов северного оленя, рассеянные на большом пространстве на поверхности приношения: металлическая посуда, железные наконечники стрел, стрелы, бронзовые и оловянные украшения, кольца, стеклянные бусы и бисер, монеты от самой ранней 1713 года до советских 60–70 годов XX века, куски ткани, подвязанные к деревьям, деревянные, тряпичные и свинцовая куклы-идолы, установленные в специальных углублениях на деревьях или под ними. Последнее зафиксированное крупное жертвоприношение на этом святилище относилось к весне 1976 года, когда здесь были забиты четыре молодых северных оленя, уложенные затем в ряд и накрытые сверху полотнищами ткани. Около жертв были поставлены котелки с кровью и нефтью (?), на деревьях развешены куски ткани и появились новые куклы-идолы [Морозов, 1992. – С. 40; рис. 5].

В 1981 году, в связи с выявленными фактами разграбления святилищ и частичного разрушения городища грабительскими раскопками, В. М. Морозовым были проведены охранные раскопки на сохранившейся части городища. В раскопе был выявлен культурный слой святилища мощностью до 20 см, перекрывавший раннесредневековый слой городища. Кроме коллекции керамики кучиминского этапа VIII–IX веков в раскопе были найдены немногочисленные вещи, связанные со святилищем [Морозов, 1992. – С. 41–48; рис. 2–4].

Автор раскопок сделал вывод, что «святилищный комплекс возник на площадке городища конца I – начала II тыс. н. э. сразу после прекращения его функционирования или через какой-то промежуток времени и действовал достаточно долго» [Морозов, 1992. – С. 48].

Этот вывод В. М. Морозова во многом проистекал из его завышенной датировки кучиминского типа керамики и, наоборот, несколько заниженной до середины XIII – XV веков — самых ранних вещей святилища. На самом деле небольшой комплекс этих ранних находок — несколько бронзовых лапчатых подвесок позднего облика, паяные сферические бубенчики, стилизованные полые зооморфные подвески, полая бусина из штампованных медных полусфер, некоторые типы железных наконечников стрел [Морозов, 1992. – Рис. 2Б – 1–3, 11, 12; 5 – 3, 8, 16, 19] — никак не может датироваться ранее 2-й половины XV – XVI веков. Поэтому между прекращением функционирования городища и появлением здесь святилища пролегал не «промежуток времени», а огромная лакуна не менее 550–600 лет, что исключает всякую связь этих двух комплексов. Вероятнее всего, эта лакуна могла быть даже большей, так как в коллекции сборов со святилища и раскопок нет ярко выраженных вещей XVII – начала XVIII веков, прежде всего, монет этого периода. Появление же здесь небольшого компактного комплекса предметов второй половины XV – XVI веков может объясняться принесением на святилище раритетов из разрушенного памятника, находящегося где-то поблизости.

Достаточно яркий пример «археологизации» культового места, существовавшего еще в начале XX века и тогда же описанного путешественниками, дает одна любопытная находка на окраине современного поселка Салым. В июле 1911 года во время экспедиции в Салымский край тобольские исследователи Л. Р. Шульц и Б. Н. Городков посетили очень чтимое салымскими остяками святилище близ восточного берега озера Сырковый Сор (Кинтусовский Сор, хантыйское название *Имн-тор* – «Святое озеро»). Святилище было посвящено божеству-тонху *Сотым-тэ-ике* («Вершины Салыма мужик»).

Организующим центром святилища была небольшая низенькая избушка с двускатной крышей, крытой берестой, и полом из толстых досок. У стены напротив двери находились пять деревянных изображений: двухголового тонха с лицами, покрытыми жестяными пластинами, с массивным оловянным тазом, подвешенным на шею, и четырех его помощников (младших тонхов). Губы всех тонхов были

помазаны кровью жертвенных животных. Среди прочих ритуальных атрибутов в избушке находилось оружие *Сотым-тэ-ике*: короткий железный двулезвийный меч, бронзовый литой нож для скальпирования убитых врагов, железный боевой топорик и массивный бердыш с полулунным лезвием [*Городков, 1912.* – С. 52; *Шульц, 1913.* – С. 10; *Салымский край, 2000.* – С. 256–257]. По представлениям остяков, этот «железный бердыш... обладает чудесными свойствами, если рыба плохо заходит с Оби, то стоит только привязать бердыш к лодке, чтобы она шла вслед за ним в Салым» [*Шульц, 1913.* – С. 191].

Со временем святилище было заброшено, и его избушка развалилась. После строительства станционного поселка Салым его жителем П. Захаровым близ восточного берега озера был случайно найден тот самый бердыш, в 1992 году переданный К. Г. Карачарову (рис. 82).

Бердыш имеет тонкое симметричное полулунное лезвие, верхняя часть которого завершается острием, а нижняя раскована в пластину (лангет) для крепления к древку-топорищу. Проушный насад имеет прямую верхнюю грань и слегка опущенный обух с отверстием для заклепок [*История ХМАО..., 2000.* – С. 169]. Салымская находка относится к классическому позднему типу русских стрелецких бердышей XVII – начала XVIII веков, хорошо известному как по многочисленным образцам из музейных собраний, так и по изображениям 1661–1674 годов.

Единственным ближайшим к верховьям Салыма русским гарнизоном, городские казаки которого были вооружены в том числе и стрелецкими бердышами, был Сургут. Как известно, в 1711 году Петр I упразднил формирования московских стрельцов, хотя в дальних гарнизонах они сохранялись до 1716 года. Сургутские городские казаки не подвергались переформированию, но и они были перевооружены с архаичных пищалей и мушкетов на легкие фузеи с кремневыми замками и штыками, не требовавших при стрельбе подпорок, в качестве которых ранее использовались бердыши. Снятые с вооружения бердыши надолго попали в гарнизонный арсенал. Еще осенью 1760 года, судя по «росписному списку» города Сургута, составленному в связи с назначением нового воеводы полковника М. М. Маврина, в арсенале среди прочего негодного вооружения хранилось 84 бердыша [*Древний город..., 1994.* – С. 165]. Очевидно, что в конце концов, когда они были списаны за ненадобностью, некоторые образцы этого, уже ставшего диковинным, оружия какие-то предприимчивые сургутяне продали остякам. Так один из сургутских бердышей и мог оказаться среди прикладов святилища Сотым-тэ-ики. По материалам западносибирской этнографии достаточно хорошо известно, что святилища хантов, манси и ненцев были постоянным «потребителем» устаревших образцов оружия — сабель, чиновничьих шпаг, кавалерийских пик, кольчуг, шлемов. И салымский бердыш не является чем-то исключительным. В 2002 году А. В. Бауло среди прикладов действующего хантыйского святилища на р. Сыня обнаружил еще один поздний стрелецкий бердыш XVII – начала XVIII веков, происходивший, вероятно, из арсенала города Берёзов [*Бауло, 2004.* – С. 100; фото 65; *Сынские ханты, 2005.* – С. 169; рис. 65].

Археологические памятники нового времени Сургутского Приобья изучаются раскопками пока бессистемно, но количество их быстро растёт. Думается, недалек тот день, когда археология нового времени встанет на должный уровень археологической науки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главной идеей В. Н. Чернецова в работе «Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры» [1957] была мысль о схожести материальной культуры всего средневекового населения таежной и тундровой зоны Западной Сибири. Он создал периодизацию, разделив известные ему археологические материалы на этапы, названные по опорным памятникам — ярсалинский, карымский, оронтурский, кинтусовский. Эти этапы В. Н. Чернецов выделил по описанным им керамическим комплексам. Все они объединялись во всю описанную им нижнеобскую культуру. Естественно, что схема В. Н. Чернецова не была лишена недостатков и ошибок, заметных с позиции сегодняшнего знания археологического материала. Главные из них — это неверная датировка зеленогорского типа керамики, отнесенного В. Н. Чернецовым к началу раннего железного века, и ошибочность и запутанность трактовки оронтурского этапа и составляющих его керамических комплексов (люликарского, оронтурского и вожпайского). Неудивительно, что именно для этого периода раннего средневековья, соответствующего датировке оронтурского этапа VI–IX веков, и были выделены археологические культуры — потчевашская в Среднем Прииртышье, рёлкинская в Нарымском Приобье, тынский тип памятников в бассейне р. Тавды. Так, постепенно, начиная с юга, стала растаскиваться единая нижнеобская культура. По большому счету, все исследователи были по-своему правы, выделенные ими локальные образования (как правило, хорошо датированные) содержали керамику, несколько не походившую на посуду синхронного им оронтурского этапа по В. Н. Чернецову.

Вряд ли Л. П. Хлобыстин, выделяя вожпайскую культуру, предполагал, что по сути это будет сигналом к расчленению нижнеобской культуры на отдельные археологические культуры. Но именно так его понял большинство современных последователей (В. И. Семёнова, К. Г. Карачаров и др.).

Такова была ситуация с осмыслением средневековых материалов таежной зоны Западной Сибири к тому времени, как Уральской археологической экспедицией были начаты раскопки на двух крупнейших кустах памятников в самом центре региона: с 1971 года — в урочище Барсова Гора, с 1981 года — в урочище Сайгатино. По моему мнению, в этих двух рядом расположенных урочищах правого берега р. Обь, разделенных 5-километровым лесисто-болотистым участком от р. Калинкиной до места впадения в Обь ее протоки Остяцкий Живец, могло проживать в эпоху средневековья одновременно не более двух небольших коллективов, каждый численностью несколько десятков человек. В этом я полностью согласен с П. А. Косинцевым, считающим, что в условиях ведения присваивающего хозяйства проживание большего количества людей на такой площади, как урочище Барсова Гора, просто невозможно [*Косинцев, 2004.* – С. 52]. Впрочем, Ю. П. Чемякин допускает, что «в определенные периоды здесь (т. е. на Барсовой Горе – А. З.) на разных поселениях могли проживать представители двух разных культурных традиций» [*Чемякин, 2008.* – С. 5].

За 37 лет исследований на Барсовой Горе и в Сайгатино было исследовано раскопками 25 средневековых городищ, восемь неукрепленных поселений, восемь могильников с конца IV–V веков до начала XVII века, два средневековых святилища VIII–X веков. Накоплен огромный археологический материал, который позволил создать достаточно подробную периодизацию средневековья Сургутского Приобья. Первая такая попытка была сделана в коллективной статье «Сургутское Приобье в эпоху средневековья» [*Фёдорова и др., 1991.* – С. 126–145]. В ней мы предложили новую периодизацию, полностью исправлявшую схему В. Н. Чернецова. Все, что возможно, в ней было сохранено (в частности, карымский этап оставлен вообще без существенных изменений), некоторые элементы передатированы (зеленогорский этап) или изменены с сохранением названия, данного В. Н. Чернецовым (кинтусовский этап в совершенно новой редакции). То, что отсутствовало в его схеме, было внесено в нашу периодизацию (кучиминский и сайгатинский этапы). Насколько я могу судить, за прошедшие с момента публикации этой статьи 18 лет никто не пытался существенно оспорить эту периодизацию. Главным в этой статье, кроме самой периодизации, был наш призыв к коллегам не торопиться с выделением новых археологических культур, а наоборот —

проверить обоснованность выделения потчевашской, усть-ишимской, рёлкинской, вожпайской культур. Насколько я мог понять из прочитанной за все эти годы археологической литературы, наш призыв не был услышан.

Эта книга является полным изложением моих сегодняшних взглядов на археологию средневековья и нового времени Сургутского Приобья. В основном упор сделан на памятники самых изученных крупнейших археологических кустов — урочища Барсова Гора и Сайгатино. К сожалению, большая их часть до сих пор не опубликована, в том числе и те, которые исследовались по моим Открытым листам. По мере необходимости привлекались и опубликованные материалы с других памятников Сургутского Приобья, особенно по периодам конца XVI — первой половины XVII веков и нового времени, наиболее слабо изученных на Барсовой Горе и Сайгатино.

У меня нет никаких сомнений, что подобные же схемы периодизации материальной культуры средневековья со временем будут созданы для Нижнего Приобья, таежного Зауралья (бассейн р. Конды, Ендыря и Северной Сосьвы) и Нижнего Прииртышья. Во всех этих местностях мне приходилось работать, их средневековые археологические материалы мне неплохо известны. Конечно, здесь нет комплексов археологических памятников, хоть в чем-то схожих с Барсовой Горой и Сайгатино. Но великолепные средневековые памятники, многие из которых уже исследованы раскопками, здесь есть. И их материалы имеют очень небольшие, чисто локальные отличия от соответствующих им синхронных материалов Сургутского Приобья. Для всех этих регионов уже уверенно можно говорить об одной линии развития материальной культуры, то есть если перейти на язык археологии — о единых нижнеобской и сайгатинской археологических культурах с возможным выделением внутри них локальных вариантов.

Текст сдан автором редактору 23.02.2010 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Рис. 1.** План городища Барсов городок I/7. Полуинструментальная съемка Ю. П. Чемякина 1973 г. с обозначением раскопов В. Ф. Казакова (1887 г.) и В. М. Морозова (1972 г.).
- Рис. 2.** Наконечник пальмы XIX в. из раскопок В. Ф. Казакова (фонды ТГИАМЗ). *Железо.*
- Рис. 3.** План могильника Барсов Городок и городища Барсов городок I/3 с «раскопами» Ф. Р. Мартина (1891 г.) и раскопами УАЭ 1972, 1973, 1986–1990, 1992 гг. Составлен Ю. П. Чемякиным на основе топосъемок и раскопок 1973–1991 гг.
- Рис. 4.** План городища Кинтусовское 4.1 и расположенного на нем Кинтусовского могильника с обозначением «раскопов» 1911 г. и раскопов Л. М. Тереховой 1982 и 1983 гг. (по Л. М. Тереховой).
- Рис. 5.** Раннее средневековье Барсовой Горы. Нижнеобская культура, карымский этап. Карта расположения памятников. 1 – селище; 2 – городище; 3 – местонахождение керамики.
- Рис. 6.** Планы памятников карымского этапа нижнеобской культуры. Барсова Гора. 1 – городище Барсов городок II/10; 2 – селище Барсова гора II/5; 3 – городище Барсов городок II/9; 4 – селище Барсова гора II/3; 5 – городище Барсов городок II/7; 6 – городище Барсов городок II/6.
- Рис. 7.** Городище Сартым-урий 18. Жилище 8 (А); план и профиль каменной наковальни и остатков кузнечной печи (Б). По Ю. П. Чемякину.
- Рис. 8.** Карымский этап нижнеобской культуры. Керамика первого (гребенчатого) типа. Городище Барсов городок II/6.
- Рис. 9.** Карымский этап нижнеобской культуры. Керамика второго (фигурно-штампованного) типа. 1–3 – городище Барсов городок II/10; 4–8 – городище Барсов городок II/6; 9 – городище Барсов городок II/7.
- Рис. 10.** Карымский этап нижнеобской культуры. Керамика третьего (желобчато-валикового) типа. Городище Барсов городок II/6.
- Рис. 11.** Карымский этап нижнеобской культуры. Керамика третьего (желобчато-валикового) типа. 1, 2 – городище Барсов городок II/10; 3–7 – городище Барсов городок II/7.
- Рис. 12.** Карымский этап нижнеобской культуры. Керамика первого (гребенчатого) типа. Городище Кинтусовское 4.1.
- Рис. 13.** Карымский этап нижнеобской культуры. Керамика второго (фигурно-штампованного) типа. Городище Кинтусовское 4.1.
- Рис. 14.** Карымский этап нижнеобской культуры. Керамика второго (фигурно-штампованного) типа. Городище Кинтусовское 4.1.
- Рис. 15.** Карымский этап нижнеобской культуры. Керамика второго (фигурно-штампованного – 1–6) и третьего (желобчато-валикового – 7, 8) типов. Городище Кинтусовское 4.1.
- Рис. 16.** Раннее средневековье Барсовой Горы. Нижнеобская культура, зеленогорский этап. Карта расположения памятников. 1 – селище; 2 – городище; 3 – местонахождение керамики.
- Рис. 17.** Планы памятников зеленогорского этапа нижнеобской культуры Сургутского Приобья. 1 – городище Барсов городок II/12; 2 – селище Барсова гора II/12а; 3 – городище Сургутское I; 4 – городище Барсов городок II/2; 5 – городище Барсов городок II/1; 6 – селище Барсова гора II/1; 7 – городище Барсов городок II/8.
- Рис. 18.** Сургутское I городище. 1 – план южной части раскопа 2: часть котлована жилища 1; котлованы жилища 2 и постройки («маленького домика»); канавки оборонительной стены; 2, 3 – находки из раскопа 2 (2 – бронза; 3 – керамика).
- Рис. 19.** Сургутское I городище: реконструкция А. П. Зыкова. 1 – графическая реконструкция; 2 – макет (Сургутский краеведческий музей).
- Рис. 20.** Сургутское I городище. Жилище 2, пристроенное к оборонительной стене: реконструкция А. П. Зыкова. 1 – графическая реконструкция; 2 – макет (Сургутский краеведческий музей).
- Рис. 21.** Зеленогорский этап нижнеобской культуры. Барсова Гора. Керамика. 1–6, 8, 10, 11 – городище Барсов городок II/1; 7 – городище Барсов городок II/10; 9 – городище Барсов городок II/8.
- Рис. 22.** Зеленогорский этап нижнеобской культуры. Керамика первого (гребенчатого) типа. Сургутское I городище.

- Рис. 23.** Зеленогорский этап нижнеобской культуры. Керамика первого (ребенчатого) типа. Сургутское I городище.
- Рис. 24.** Зеленогорский этап нижнеобской культуры. Керамика. 1–5, 7, 8, 10–13 – первый (ребенчатый) тип; 6 – третий (желобчато-валиковый) тип; 9 – второй (ребенчатый) тип. Сургутское I городище
- Рис. 25.** Зеленогорский этап нижнеобской культуры. Керамика второго (фигурно-штампованного – 1–11) и первого (ребенчатого – 12) типов. Сургутское I городище.
- Рис. 26.** Зеленогорский этап нижнеобской культуры. Керамика второго (фигурно-штампованного) типа. Сургутское I городище.
- Рис. 27.** Зеленогорский этап нижнеобской культуры. Керамика второго (фигурно-штампованного) типа. Сургутское I городище.
- Рис. 28.** Зеленогорский этап нижнеобской культуры. Керамика второго (фигурно-штампованного) типа. Сургутское I городище.
- Рис. 29.** Зеленогорский этап нижнеобской культуры. Керамика. 1 – второй (фигурно-штампованный) тип; 3, 4, 6, 9, 11 – третий (желобчато-валиковый) тип; 2, 5, 7, 8, 10 – первый (ребенчатый) тип. Сургутское I городище.
- Рис. 30.** Раннее средневековье Барсовой Горы. Нижнеобская культура, рёлкинский этап. Карта расположения памятников. 1 – селище; 2 – городище; 3 – местонахождение; 4 – могильник.
- Рис. 31.** Барсова Гора. Планы памятников рёлкинского этапа нижнеобской культуры. 1 – Барсовский V могильник (жилищные западины — поселение энеолита–бронзового века Барсова гора II/25); 2 – городище Барсов городок II/15; 3 – городище Барсов городок II/11.
- Рис. 32.** Городище Барсов городок II/15. 1 – западная часть раскопа 3: оборонительный ров, канавки оборонительной стены, остатки жилища IX, раскоп 1 и траншея Н. В. Фёдоровой 1974 г. 2, 3 – находки с городища (бронза).
- Рис. 33.** Барсовский V могильник. 1 – план одного из раскопанных погребений; 2–16 – находки. 2–7, 9 – железо; 8, 10–16 – бронза (по К. Г. Карачарову).
- Рис. 34.** Рёлкинский этап нижнеобской культуры. Керамика. Городище Барсов городок II/15.
- Рис. 35.** Рёлкинский этап нижнеобской культуры. Керамика. 1–3, 5 – Барсовский V могильник; 4 – поселение Каттынъёган 5; 6 – городище Барсов городок II/13; 7, 8 – городище Барсов городок II/11 (1–3, 5 – по К. Г. Карачарову).
- Рис. 36.** Раннее средневековье Барсовой Горы. Нижнеобская культура, кучиминский этап. Карта расположения памятников. 1 – селище; 2 – городище; 3 – местонахождение; 4 – могильник; 5 – одиночное погребение или культовый комплекс.
- Рис. 37.** Планы памятников кучиминского этапа нижнеобской культуры Сургутского Приобья. 1 – городище Барсов городок II/5; 2 – селище Барсова гора II/2; 3 – городище Барсов городок II/4; 4 – городище Барсов городок II/3; 5 – городище Барсов городок II/14; 6 – городище Барсов городок I/25; 7 – Кучиминское XI городище.
- Рис. 38.** Городище Кучиминское XI. План и профили раскопа. Условные обозначения: 1 – лесная подстилка и современный подзол; 2 – темно-серый углистый песок; 3 – погребенный подзол; 4 – желтый переотложенный песок (насыпь вала); 5 – бурый очажный слой; 6 – прокаленный песок; 7 – уголь; 8 – материковый песок; 9 – сгоревшее дерево; 10 – засыпанные рвы; 11 – столбовая ямка.
- Рис. 39.** Городище Кучиминское V. 1 – сводный план раскопов 1981–1984 гг. Условные обозначения: а – столбовая ямка; б – канавки оборонительных стен; в – сооружения (жилища, постройки, ямы); г – раскопанные рвы; 2 – реконструкция-макет (Музей Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск).
- Рис. 40.** Городище Кучиминское V, Сайгатинское I святилище, Сайгатинский I могильник (группа погребений «Г»). Сводный план раскопов 1981–1984 гг. Условные обозначения: а – находки Сайгатинского I святилища; б – погребения Сайгатинского I могильника.
- Рис. 41.** Городище Кучиминское V. Жилище 3. Впадина жилища прорезана погребениями 72 и 73 Сайгатинского I могильника; все вместе перекрыто наземной сгоревшей постройкой Сайгатинского I святилища, остатки которой перекрыты погребениями 71А и, возможно, 71 Сайгатинского I могильника. План и профиль сооружений. Условные обозначения: а – лесная подстилка и современный подзол; б – темно-серый песок; в – бурый очажный слой; г – камни в святилищном очаге; д – прокал; е – сгоревшее дерево и уголь; жс – контуры погребений; з – переотложенный желтый песок; и – погребенный подзол.
- Рис. 42.** Могильник Барсов Городок. Коллективное погребение 118. 1 – план и разрез; 2, 3 – инвентарь. Бронза (по В. А. Борзунову).
- Рис. 43.** Могильник Барсов Городок. Погребение 119. 1 – план и разрез; 2–5 – инвентарь. Бронза (по В. А. Борзунову).
- Рис. 44.** Могильник Барсов Городок. Погребение 130. 1 – план и разрез; 2, 3 – инвентарь. Бронза.
- Рис. 45.** Куклы-«иттерма» в погребениях VIII–IX вв. Сургутского Приобья. 1 – из погребения во рву городища Барсов городок I/20 (по В. А. Борзунову); 2 – деревянная личина из комплекса захоронения кукол-

- «иттерма» в Сайгатинском III могильнике (по К. Г. Карачарову); 3 – погребение 105 Сайгатинского III могильника — ритуальное захоронение «ростовой» куклы с головой из сырой глины, туловищем и руками из пучков древесных прутьев, в меховой одежде, с бронзовыми браслетом и пряжкой (по К. Г. Карачарову).
- Рис. 46.** Погребение кукол-«иттерма» VIII–IX вв. на кулайском поселении Остяцкий Живец. 1 – план и профиль погребения; 2, 3 – деревянные личины кукол.
- Рис. 47.** Сайгатинский I могильник. Погребение 73. 1 – план; 2–8 – часть инвентаря. 2 – керамика; 3, 4 – железо; 5 – серебро; 6–8 – бронза.
- Рис. 48.** Сайгатинский I могильник. Погребение 72. 1 – план и разрез (общий с погр. 73), 2–4 – часть инвентаря. 2 – керамика; 3, 4 – бронза.
- Рис. 49.** Кучиминский этап нижнеобской культуры. Керамика. Первая хронологическая группа (ранняя). 1 – городище Барсов городок II/5; 2, 3 – Сайгатинский III могильник; 4, 5 – городище Барсов городок II/4; 6 – городище Барсов городок II/25; 7 – поселение Барсова гора II/8; 8 – городище Кучиминское XI (2, 3 – по К. Г. Карачарову).
- Рис. 50.** Кучиминский этап нижнеобской культуры. Керамика. Вторая хронологическая группа (поздняя). 1–4 – могильник Сайгатинский III; 5, 7 – могильник Барсов Городок; 6, 10 – городище Барсов городок II/4; 8, 12 – городище Кучиминское V; 9, 11, 13 – городище Барсов городок II/3 (1–4 – по К. Г. Карачарову).
- Рис. 51.** Кучиминский этап нижнеобской культуры. Керамика. Третья хронологическая группа (финальная или переходная). 1 – могильник Сайгатинский III; 2, 4, 5, 7–15 – могильник Барсов Городок; 3, 6 – могильник Сайгатинский I (погр. 73, 72); 16 – городище Барсов городок I/31 (1 – по К. Г. Карачарову).
- Рис. 52.** Раннее средневековье Барсовой Горы. Нижнеобская культура, кинтусовский этап. Карта расположения памятников. 1 – селище; 2 – городище; 3 – местонахождение; 4 – могильник.
- Рис. 53.** Планы памятников кинтусовского этапа нижнеобской культуры Сургутского Приобья. 1 – городище Кучиминское IX; 2 – селище Барсова гора II/14 (севернее его — объекты неолитического селища Барсова гора II/17, при раскопках которых также были выявлены сооружения и находки кинтусовского этапа).
- Рис. 54.** Сайгатинский I могильник. Планы, профили и инвентарь из погребений 71 (1) и 71А (2). 3 – керамика; 4–7 – бронза.
- Рис. 55.** Кинтусовский могильник. Погребение 4. 1 – план; 2–6 – инвентарь. 2 – керамика; 3, 4 – бронза; 5, 6 – железо (по Л. М. Тереховой).
- Рис. 56.** Кинтусовский могильник. Погребения 2 и 3. 1 – план; 2–7 – инвентарь. 2, 7 – бронза; 3, 6 – серебро; 4 – железо; 5 – керамика (по Л. М. Тереховой).
- Рис. 57.** Кинтусовский этап нижнеобской культуры. Керамика возжпайского типа. 1, 2, 4, 5, 10 – городище Барсов городок I/31–32; 3, 6, 9, 11, 12, 14 – могильник Барсов Городок; 7 – могильник Сайгатинский VI; 8 – селище Барсова гора II/14; 13 – Сайгатинское I святилище; 15 – Сайгатинский I могильник – погр. 71 (7 – по К. Г. Карачарову).
- Рис. 58.** Кинтусовский этап нижнеобской культуры. Керамика оронтурского типа. 1 – Сайгатинское I святилище; 8, 12 – могильник Барсов Городок; 9, 11 – городище Барсов городок I/31; 2–7, 10, 13 – могильник Сайгатинский I.
- Рис. 59.** Кинтусовский этап нижнеобской культуры. Керамика оронтурского типа. Сайгатинский I могильник, группы погребений «А», «Б», «В».
- Рис. 60.** Кинтусовский этап нижнеобской культуры. Керамика оронтурского типа (1–5, 7–10) и стаканчиковидный тигель (6). Сайгатинский I могильник, группы погребений «А», «Б», «В».
- Рис. 61.** Кинтусовский этап нижнеобской культуры. Рачёвский тип керамики. 1 – городище Кучиминское IX; 3, 5, 9, 11 – городище Барсов городок I/31; 2, 4, 6–8, 10, 12–14 – могильник Сайгатинский I, группа погребений «Г».
- Рис. 62.** Кинтусовский этап нижнеобской культуры. Рачёвский тип керамики. Сайгатинский I могильник, группа погребений «Г».
- Рис. 63.** Кинтусовский этап нижнеобской культуры. Рачёвский тип керамики. Сайгатинский IV могильник (по К. Г. Карачарову).
- Рис. 64.** Позднее средневековье Барсовой Горы. Сайгатинская культура. Карта расположения памятников. 1 – селище; 2 – городище; 3 – местонахождение; 4 – могильник; 5 – одиночное погребение; 6 – клад.
- Рис. 65.** Барсова Гора. Планы городищ сайгатинской культуры. 1 – городище Барсов городок IV/1 с очертаниями раскопов Ю. П. Чемакина (1979 и 1980 гг.); 2 – городище Барсов городок I/31 с очертаниями раскопа Н. В. Фёдоровой (1975 г.); 3 – городище Барсов городок I/32 со следами траншей Ф. Р. Мартина (1891 г.) и раскопов Н. В. Фёдоровой (1979 и 1982 гг.).
- Рис. 66.** Барсова Гора. Планы памятников сайгатинской культуры. 1 – селище Барсова гора IV/17 и могильник Барсовский IV с раскопом Н. В. Фёдоровой (1988 г.); 2 – план одного из погребений Барсовского IV могильника; 3 – городище Барсов городок II/13.

- Рис. 67.** Городище Барсов городок IV/1. 1 – план раскопа; 2–14 – инвентарь. 2, 6 – камень; 3–5 – стекло; 7, 8, 10, 12–14 – бронза; 9–11 – железо (по Ю. П. Чемякину).
- Рис. 68.** Селище Барсова гора IV/1. 1 – сводный план раскопов; 2–6 – инвентарь. 2, 3 – железо; 4 – бронза; 5 – камень; 6 – стекло. Условные обозначения: а – очаг; б – столбовая ямка (по Ю. П. Чемякину).
- Рис. 69.** Кинтусовский могильник. Погребения 5 и 6. 1 – план; 2–4 – инвентарь. 2 – железо (погр. 6); 3, 4 – бронза (погр. 5). По Л. М. Тереховой.
- Рис. 70.** Сайгатинский III могильник. Погребение 34 — единственное известное в Сургутском Приобье захоронение знатного воина и кузнеца конца XIII – первой половины XIV вв., погребенного с полным кольчужным доспехом, серебряными украшениями и железными инструментами — молотком (2), пинцетом (3), клещами (4).
- Рис. 71.** Реконструкция погребального одеяния «угорской княжны» конца XIII – первой половины XIV вв. (реконструкция А. П. Зыкова по материалам погребения 31 Сайгатинского III могильника).
- Рис. 72.** Сайгатинская культура Сургутского Приобья. Посуда. 1, 2 – городище Барсов городок IV/1; 3 – селище Барсова гора IV/1. 1, 2 – медь (ковка); 3 – керамика (по Ю. П. Чемякину).
- Рис. 73.** Сайгатинская культура Сургутского Приобья. Керамика из погребений XIII в. Сайгатинского IV могильника (по К. Г. Карачарову).
- Рис. 74.** Сайгатинская культура Сургутского Приобья. Котловидная керамическая посуда из погребений XIII в. Сайгатинского IV могильника (по К. Г. Карачарову).
- Рис. 75.** Сайгатинская культура Сургутского Приобья. Керамика из погребений второй половины XIII – первой половины XIV вв. 1–3, 7–15 – Сайгатинский IV могильник; 4 – могильник Усть-Балык; 5, 6 – Киняминский II могильник; (1–3, 7–15 – по К. Г. Карачарову; 4–6 – по В. И. Семёновой).
- Рис. 76.** Сайгатинская культура Сургутского Приобья. Керамика из погребений XIV–XVI вв. 1, 3, 4 – погребения конца XIV – первой половины XV вв. Барсовского IV могильника; 2, 5 – погребения XV – начала XVI вв. могильника Усть-Балык (по В. И. Семёновой); 6–9 – погребения XIV в. Сайгатинского IV могильника (по К. Г. Карачарову).
- Рис. 77.** Сайгатинская культура Сургутского Приобья. Медные котлы из позднесредневековых могильников. 1, 2 – Барсовский IV могильник; 3, 4 – Сайгатинский IV могильник; 5 – Сайгатинский III могильник (3–5 – по К. Г. Карачарову).
- Рис. 78.** Сайгатинский II могильник конца XVI – начала XVII вв. 1 – план раскопа; 2 – план и профиль погребения 4.
- Рис. 79.** Кинтусовский могильник. Погребение 7 (вторая четверть – середина XVII в.) 1 – планы и профиль; 2–9 – находки. 2–5 – железо; 6 – серебро; 7, 8 – бронза; 9 – бронза, стекло (по Л. М. Тереховой).
- Рис. 80.** Русские (сургутские?) керамические лепные горшки первой половины XVII в., копировавшие гончарные оригиналы. 1 – погребение 6 могильника Моховая 46; 2 – погребение 2 могильника Моховая 46; 3 – погребение 271 могильника Усть-Балык; 4 – селище Кучиминское XVI (1, 2 – по В. И. Стефанову; 3 – по В. И. Семёновой).
- Рис. 81.** Святилище XVIII – начала XIX вв. на городище Барсов городок I/6. Серебряное блюдо, сделанное в Волжской Болгарии, предположительно во второй половине XIII в.
- Рис. 82.** Святилище Сотым-Тэ-ике (восточный берег оз. Сырковый Сор). Русский стрелецкий бердыш конца XVII – начала XVIII вв.

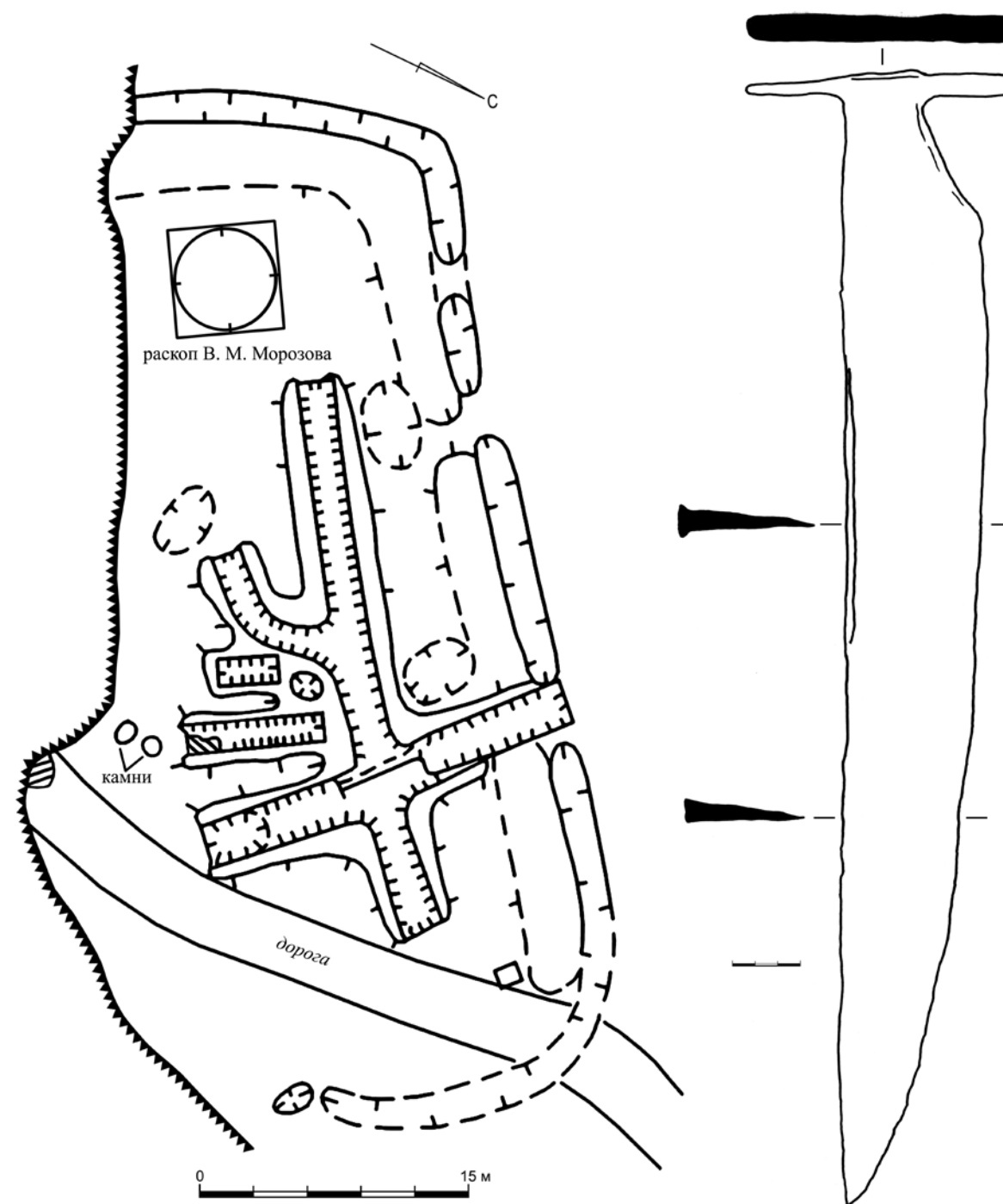

Рис. 1. План городища Барсов городок I/7. Полуинструментальная съемка Ю. П. Чемякина 1973 г. с обозначением раскопов В. Ф. Казакова (1887 г.) и В. М. Морозова (1972 г.)

Рис. 2. Наконечник пальмы XIX в. из раскопок В. Ф. Казакова (фонды ТГИАМЗ). Железо

Рис. 3. План могильника Барсов Городок и городища Барсов городок I/3 с «раскопами» Ф. Р. Мартина (1891 г.) и раскопами УАЭ 1972, 1973, 1986–1990, 1992 гг. Составлен Ю. П. Чемякиным на основе топосъемок и раскопок 1973–1991 гг.

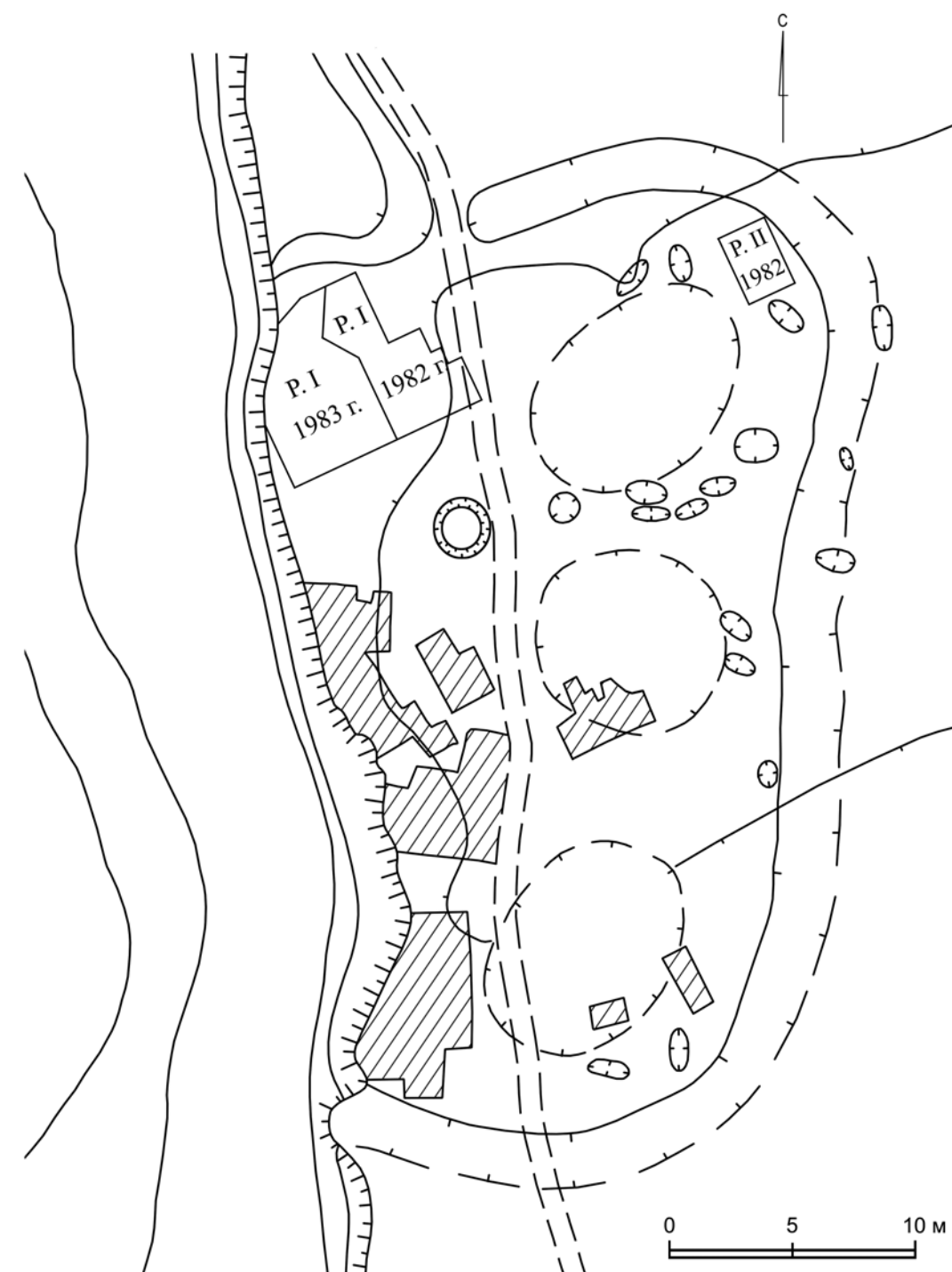

Рис. 4. План городища Кинтусовское 4.1 и расположенного на нем Кинтусовского могильника с обозначением «раскопов» 1911 г. и раскопов Л. М. Тереховой 1982 и 1983 гг. (по Л. М. Тереховой)

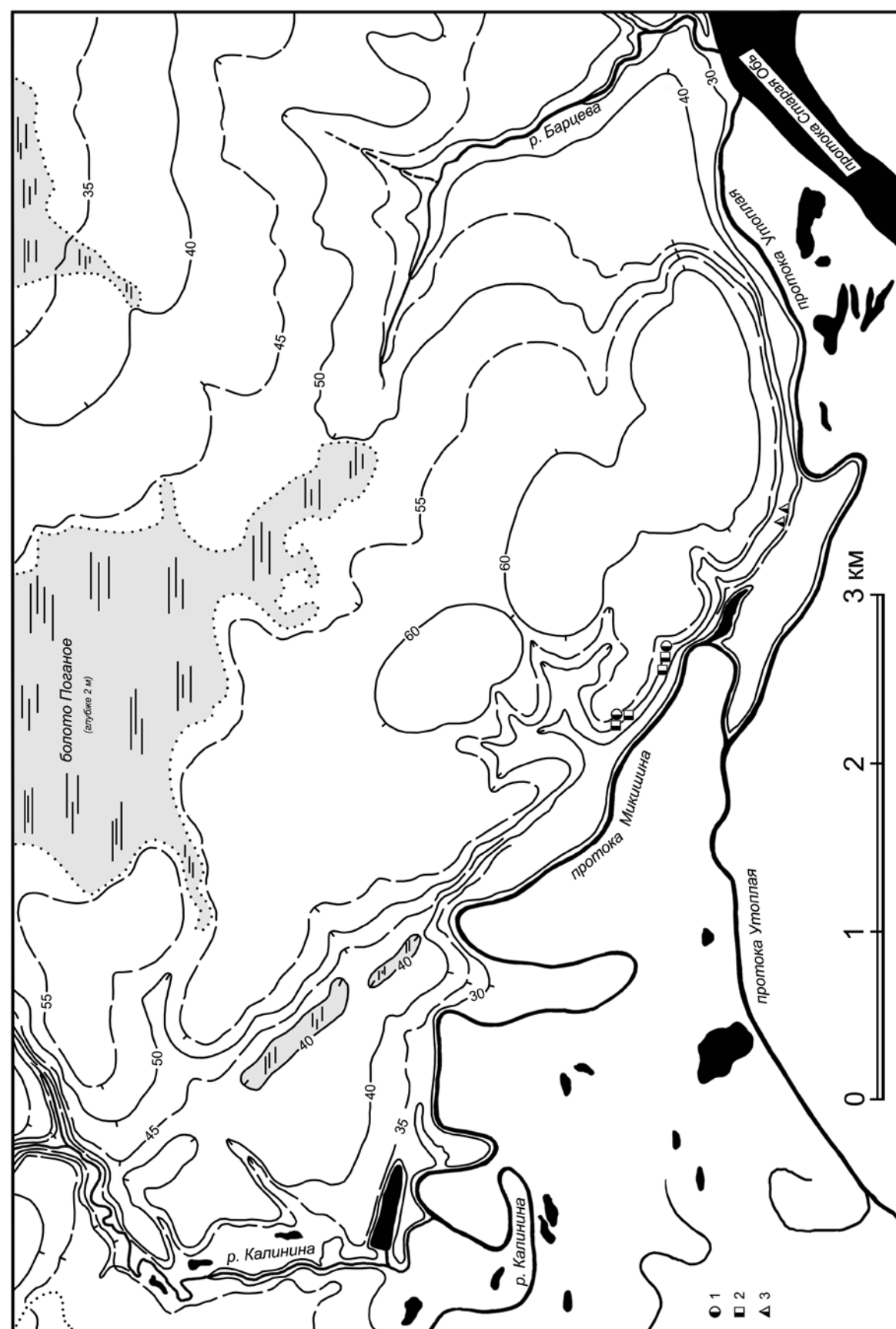

Рис. 5. Раннее средневековые Барсовой Горы. Нижнеобская культура, карымский этап. Карта расположения памятников.
1 – селище; 2 – городище; 3 – местонахождение керамики

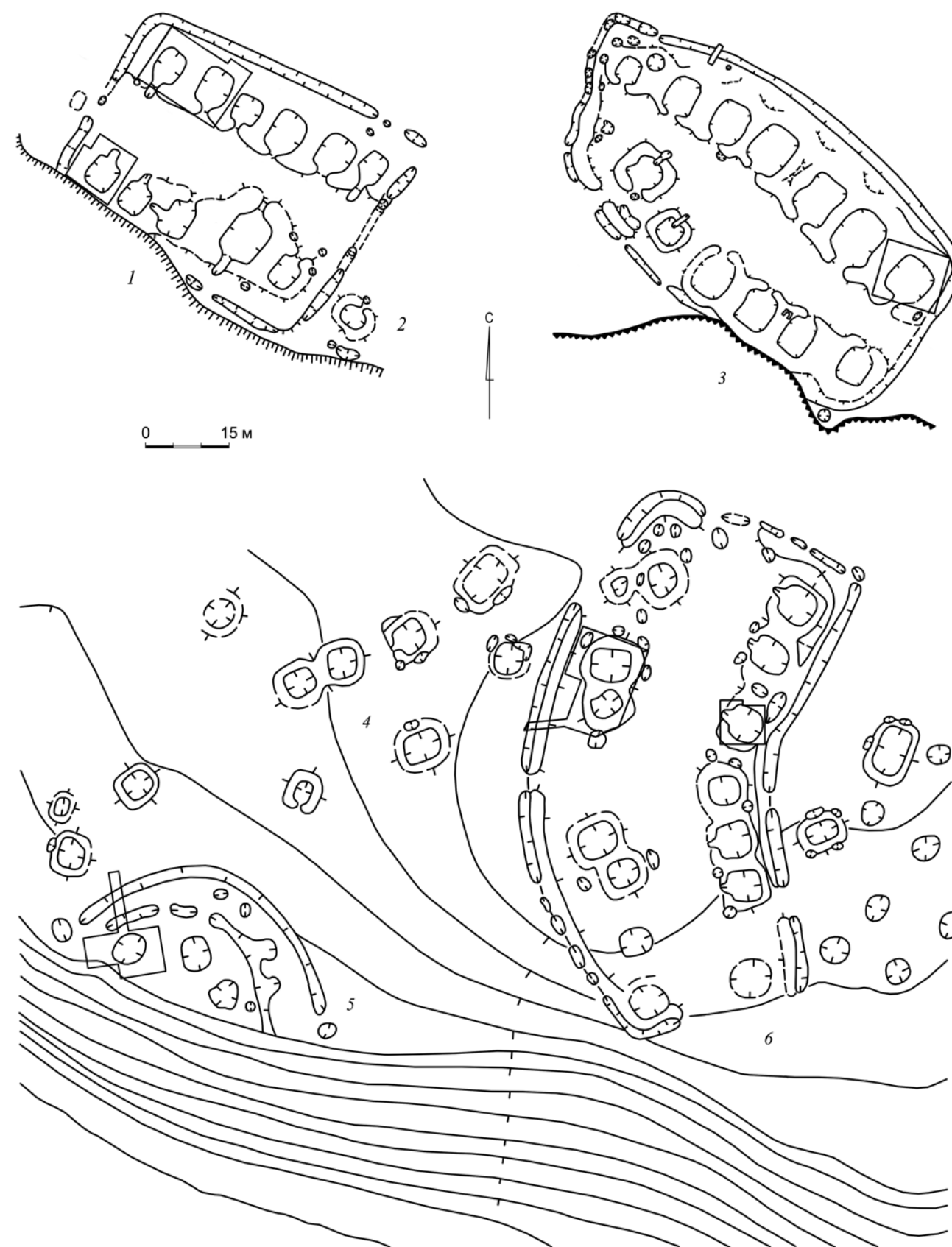

Рис. 6. Планы памятников карымского этапа нижнеобской культуры. Барсова Гора.
1 – городище Барсов городок II/10; 2 – селище Барсова гора II/5; 3 – городище Барсов городок II/9;
4 – селище Барсова гора II/3; 5 – городище Барсов городок II/7; 6 – городище Барсов городок II/6

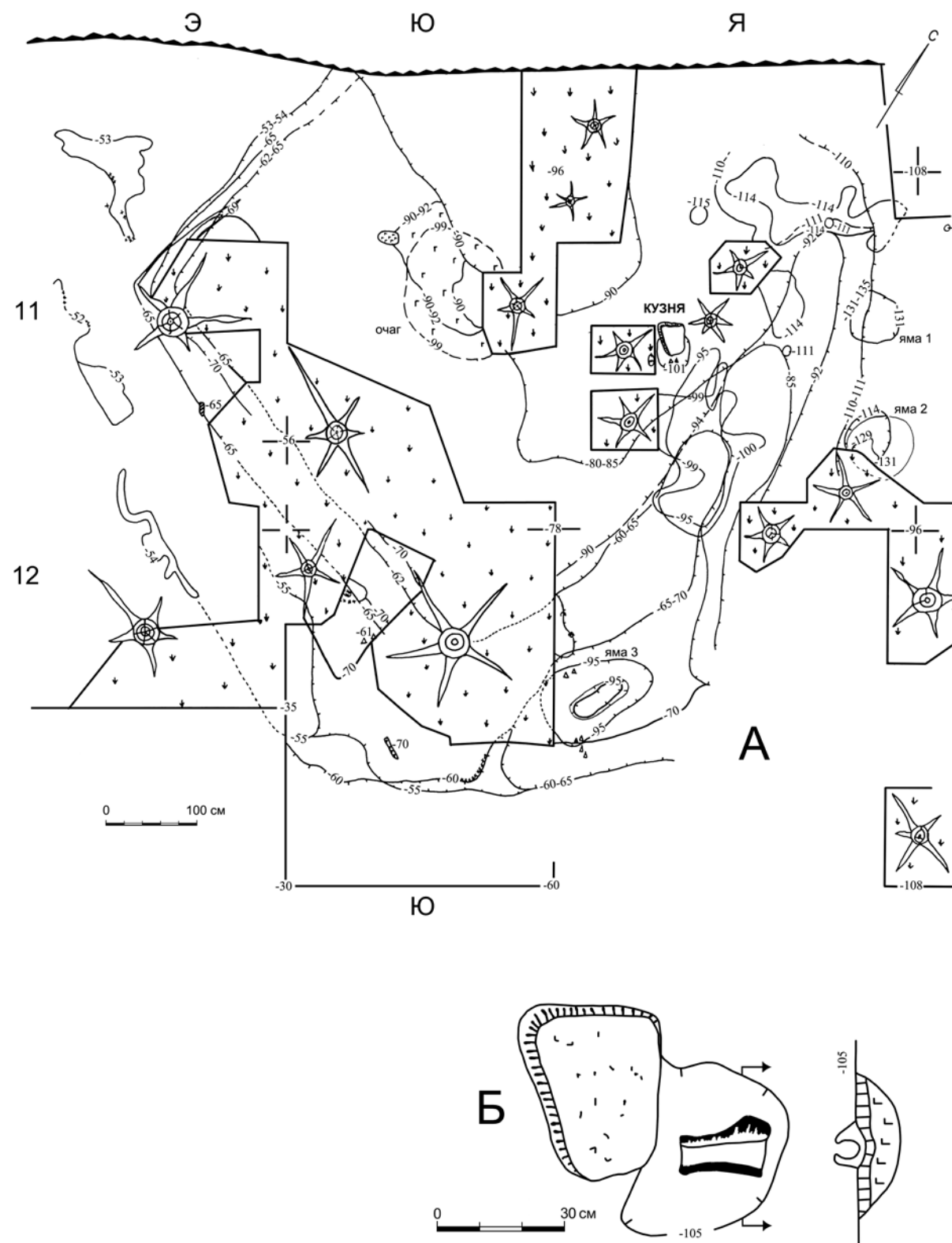

Рис. 7. Городище Сартым-урий 18. Жилище 8 (А); план и профиль каменной наковальни и остатков кузнечной печи (Б). По Ю. П. Чемякину

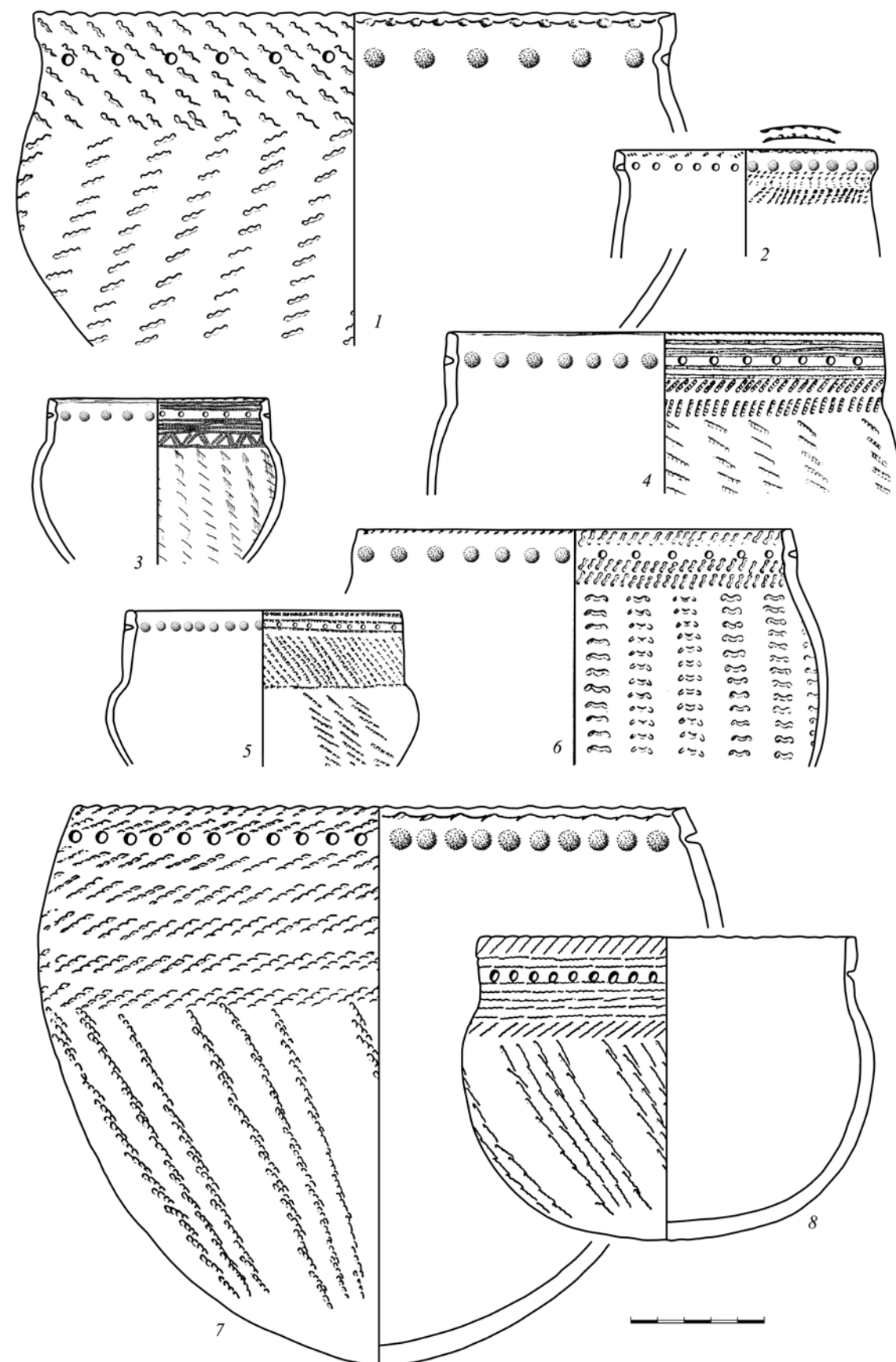

Рис. 8. Карымский этап нижнеобской культуры. Керамика первого (гребенчатого) типа. Городище Барсов городок II/6

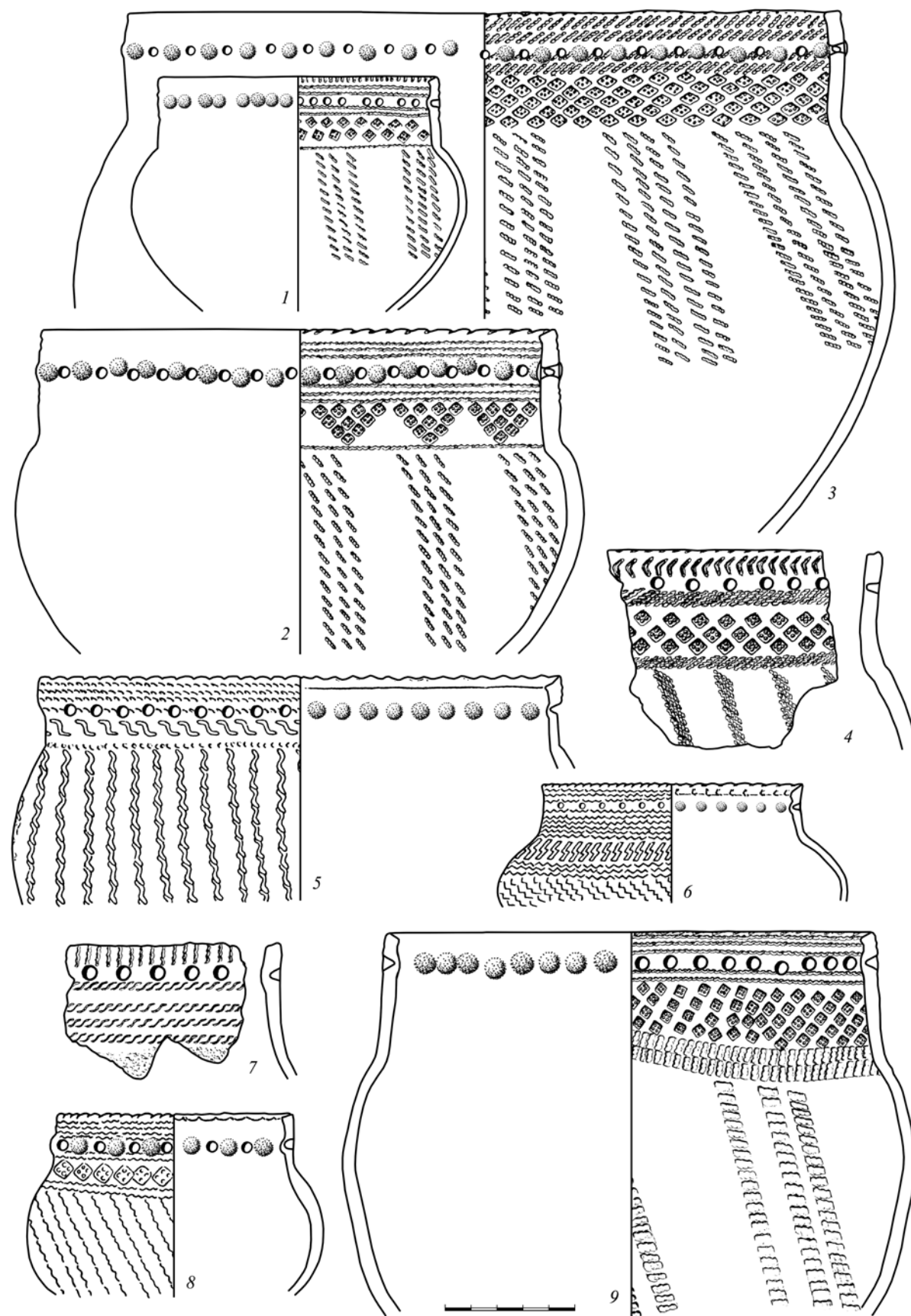

Рис. 9. Карымский этап нижнеобской культуры. Керамика второго (фигурно-штампованного) типа.
1–3 – городище Барсов городок II/10; 4–8 – городище Барсов городок II/6; 9 – городище Барсов городок II/7

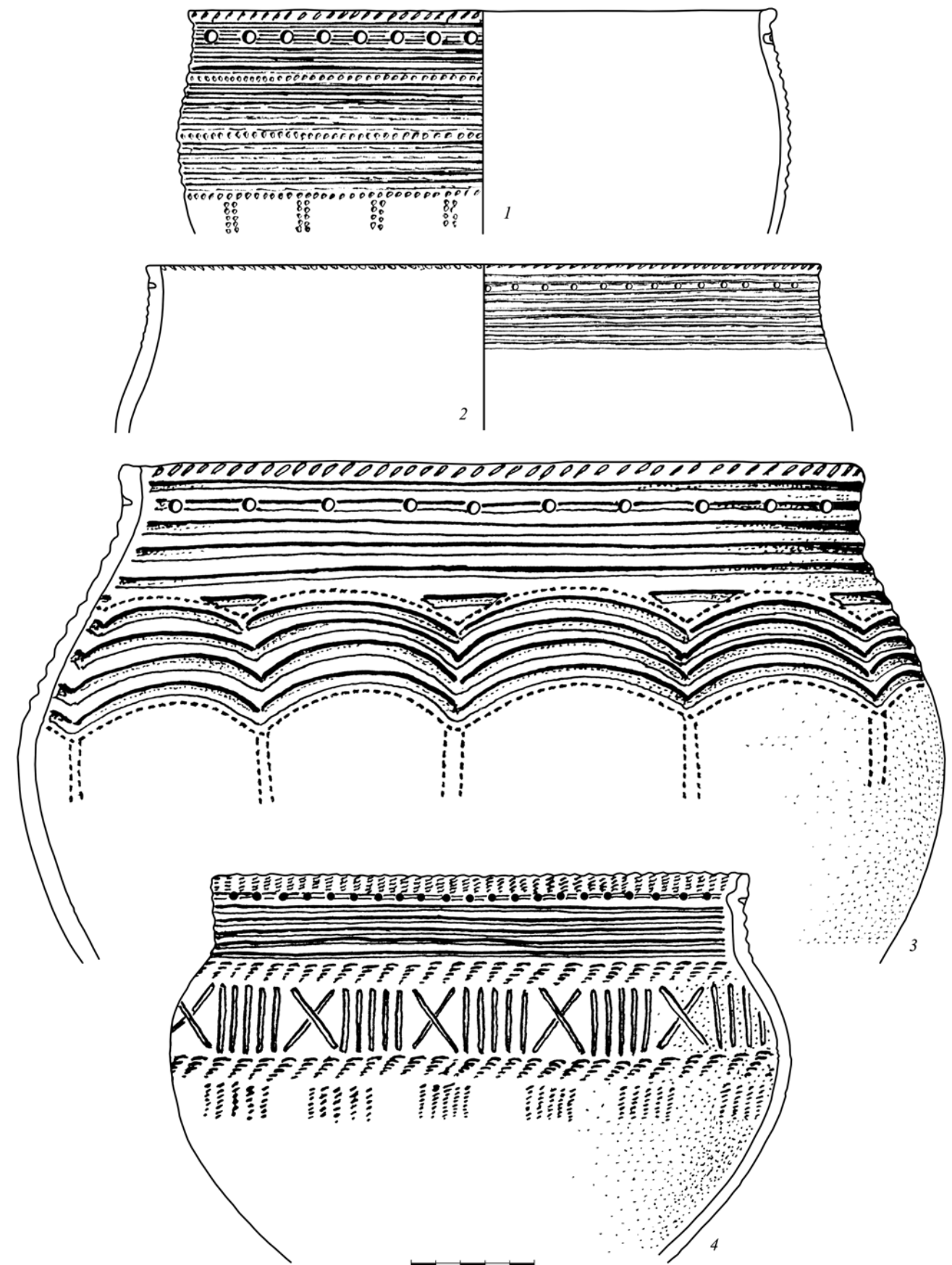

Рис. 10. Карымский этап нижнеобской культуры. Керамика третьего (желобчато-валикового) типа.
Городище Барсов городок II/6

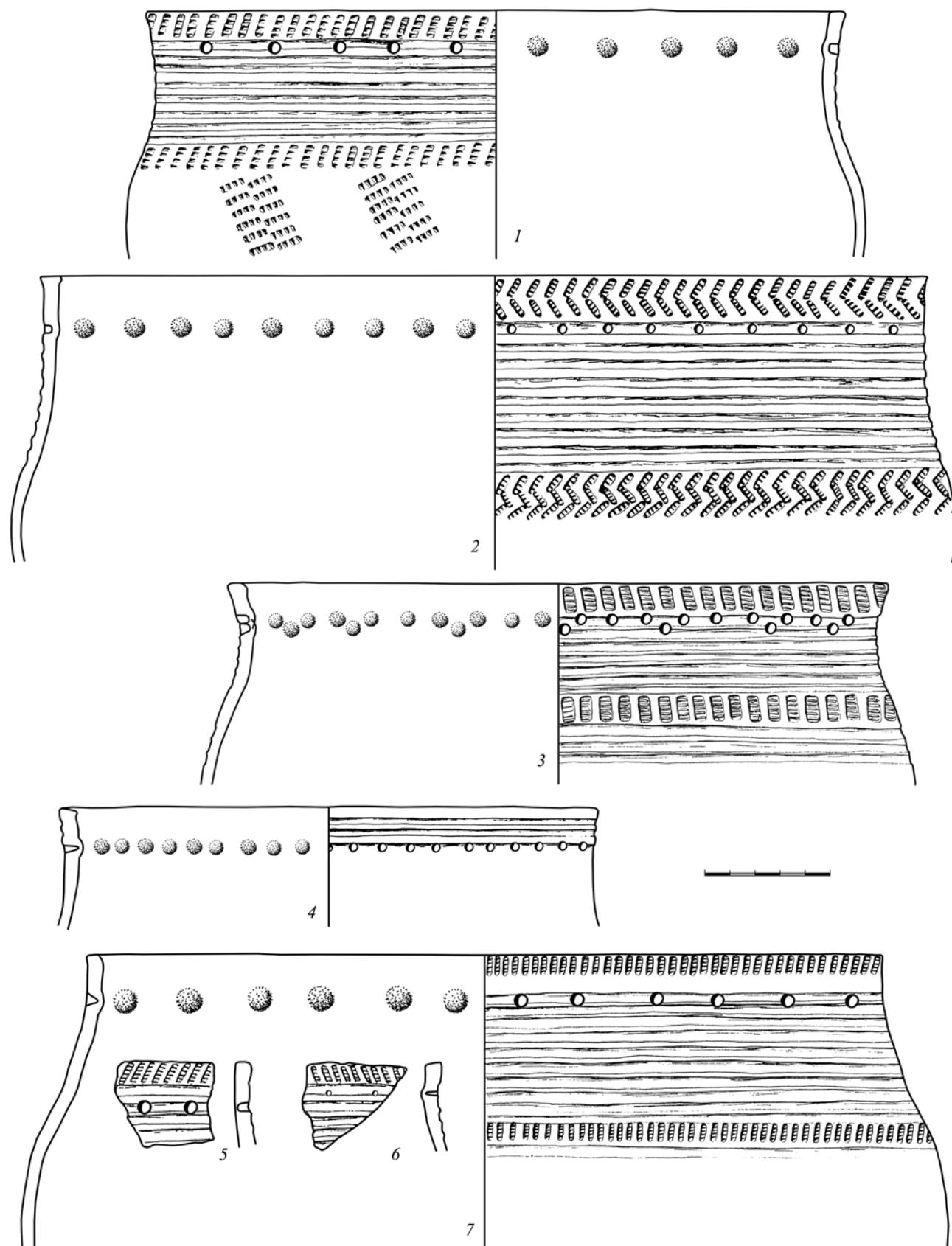

Рис. 11. Карымский этап нижнеобской культуры. Керамика третьего (желобчато-валикового) типа.
1, 2 – городище Барсов городок II/10; 3–7 – городище Барсов городок II/7

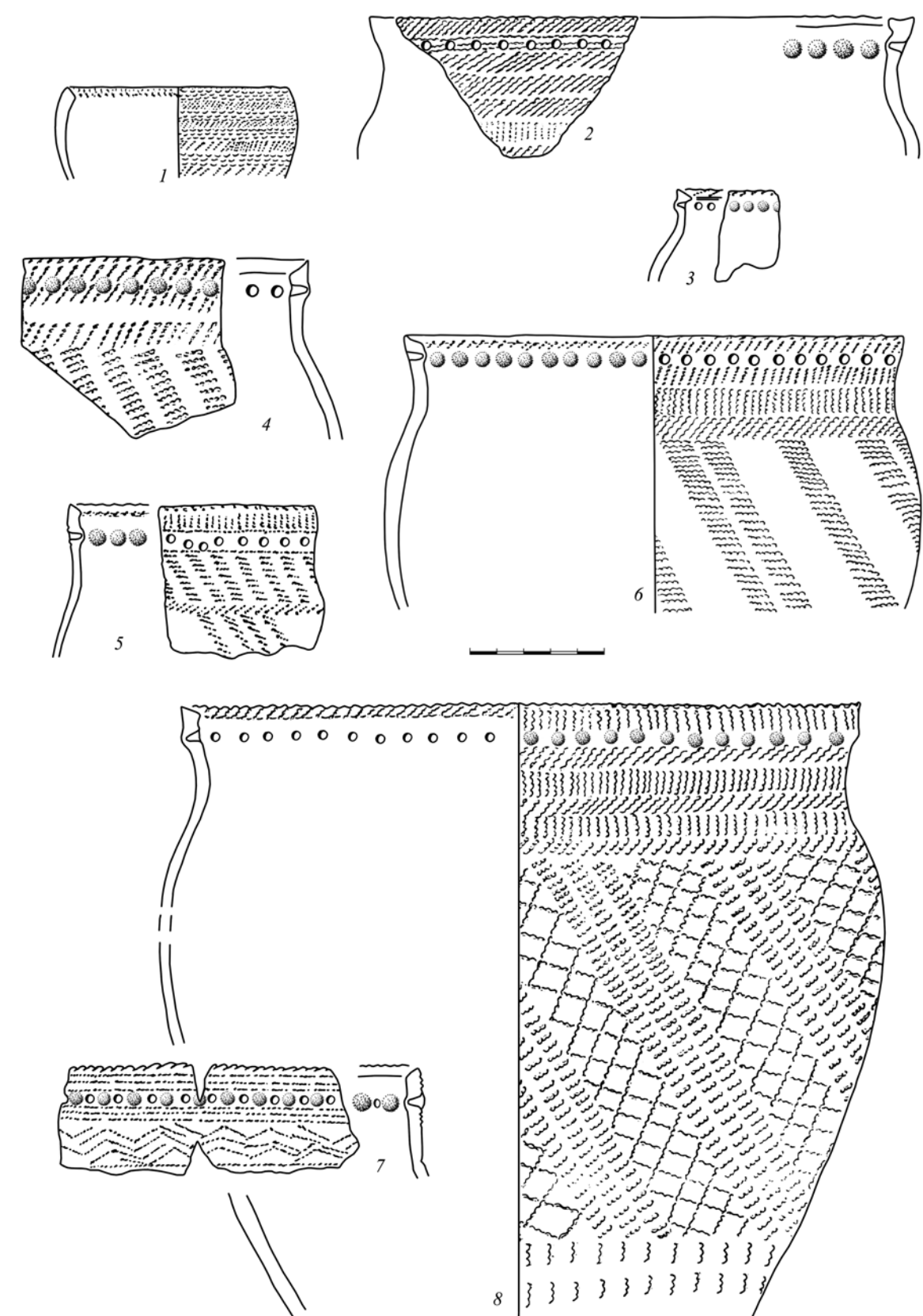

Рис. 12. Карымский этап нижнеобской культуры. Керамика первого (гребенчатого) типа.
Городище Кинтусовское 4.1

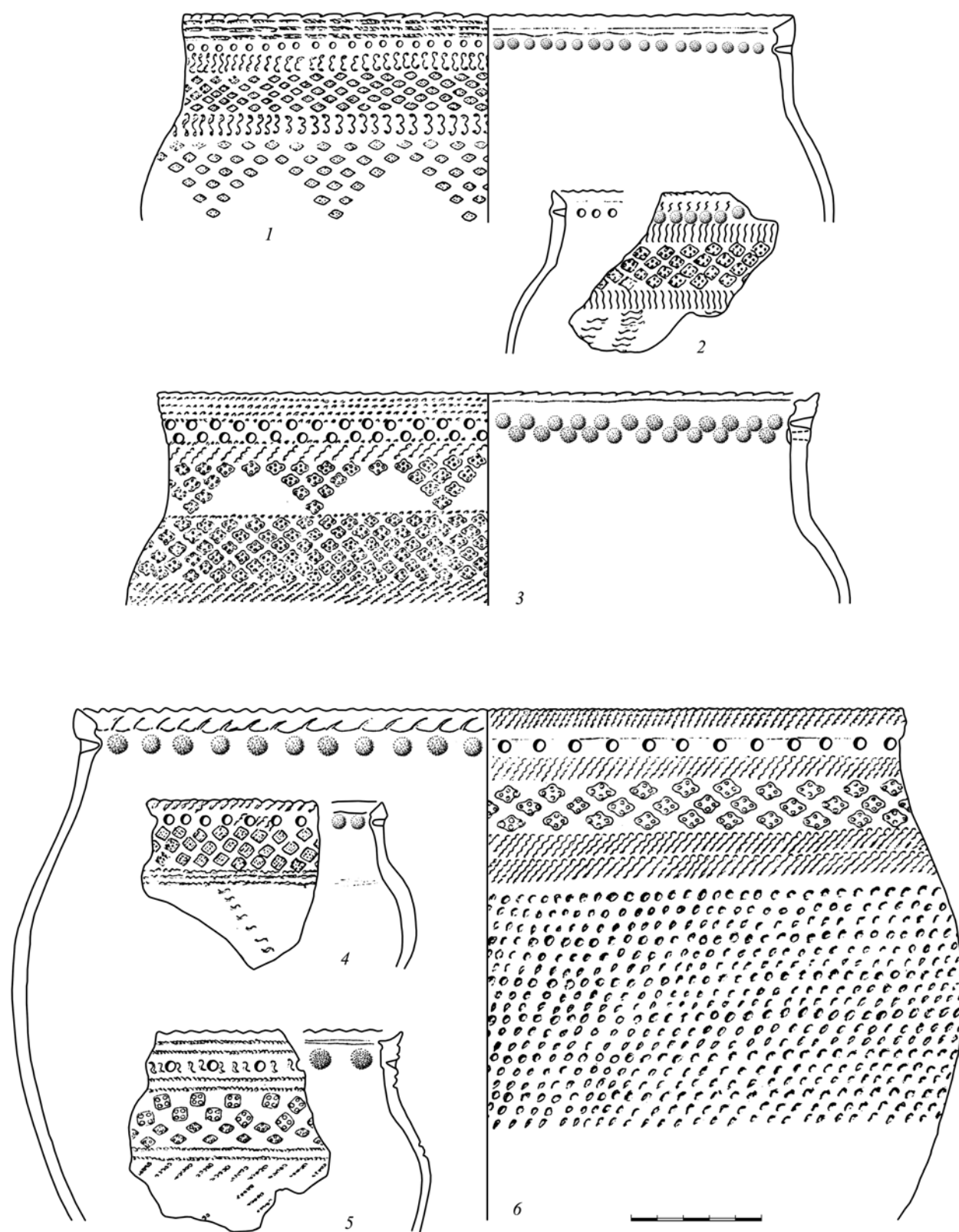

Рис. 13. Карымский этап нижнеобской культуры. Керамика второго (фигурно-штампованного) типа.
Городище Кинтусовское 4.1

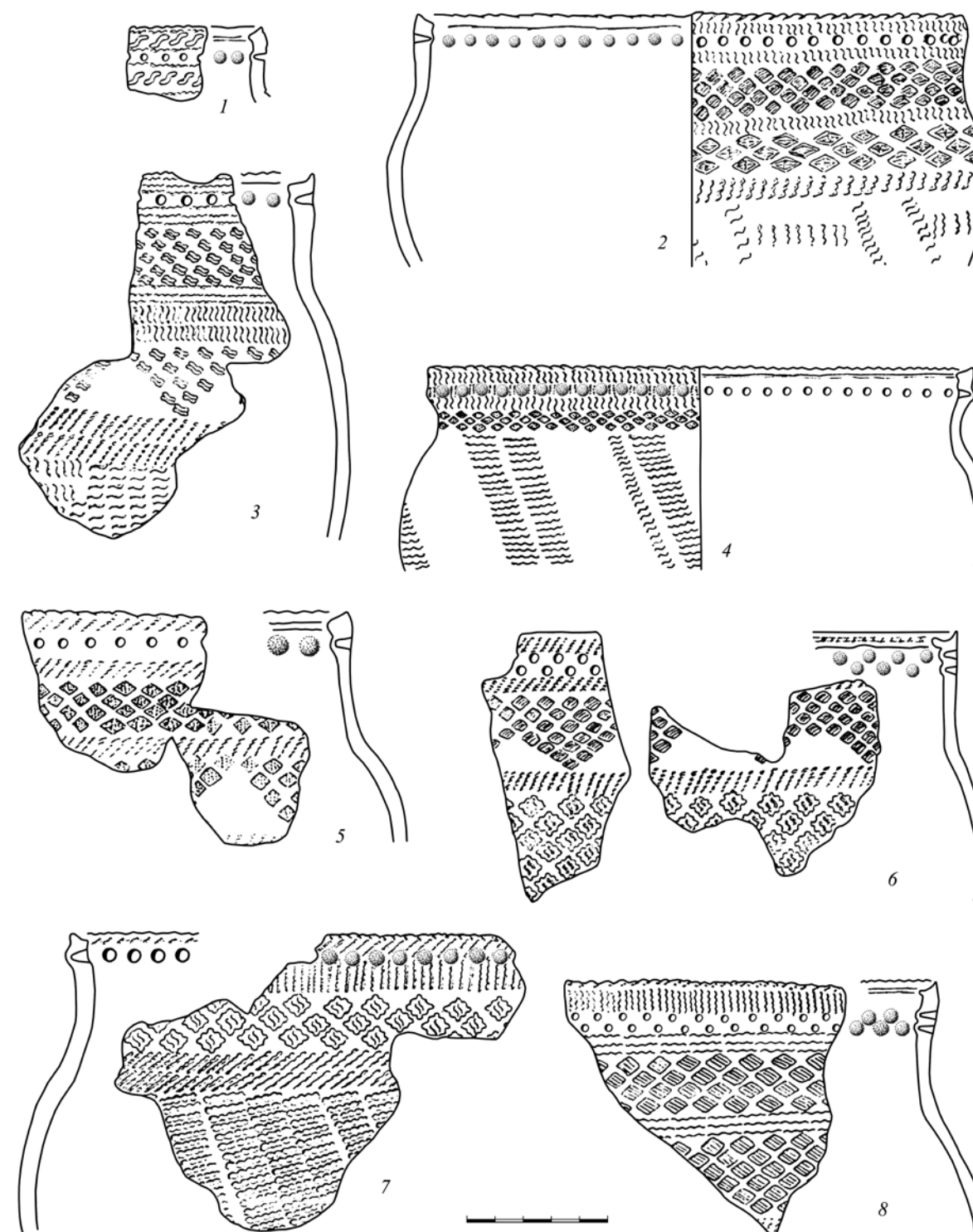

Рис. 14. Карымский этап нижнеобской культуры. Керамика второго (фигурно-штампованного) типа.
Городище Кинтусовское 4.1

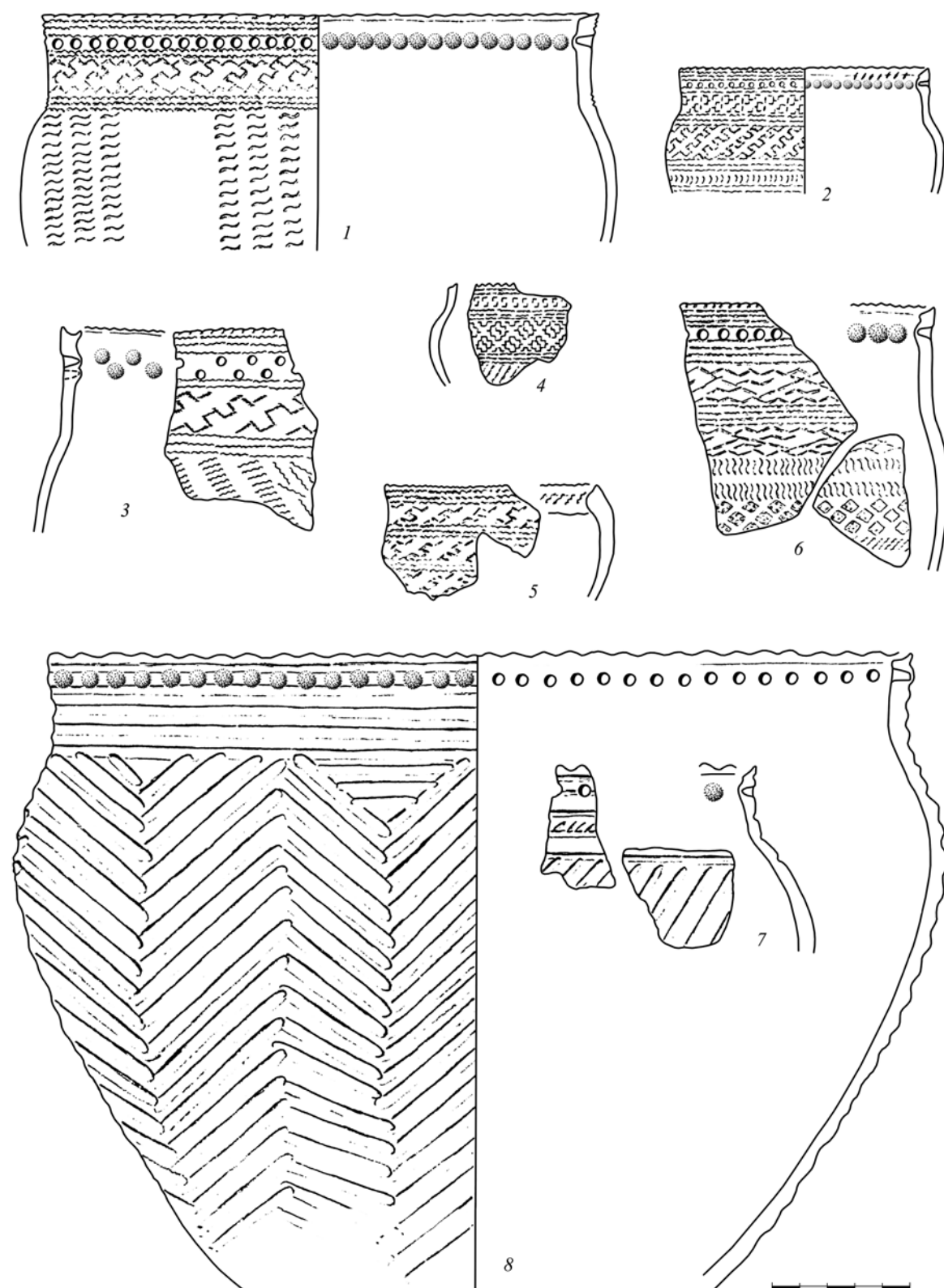

Рис. 15. Карымский этап нижнеобской культуры. Керамика второго (фигурно-штампованного – 1–6) и третьего (желобчато-валикового – 7, 8) типов. Городище Кинтусовское 4.1

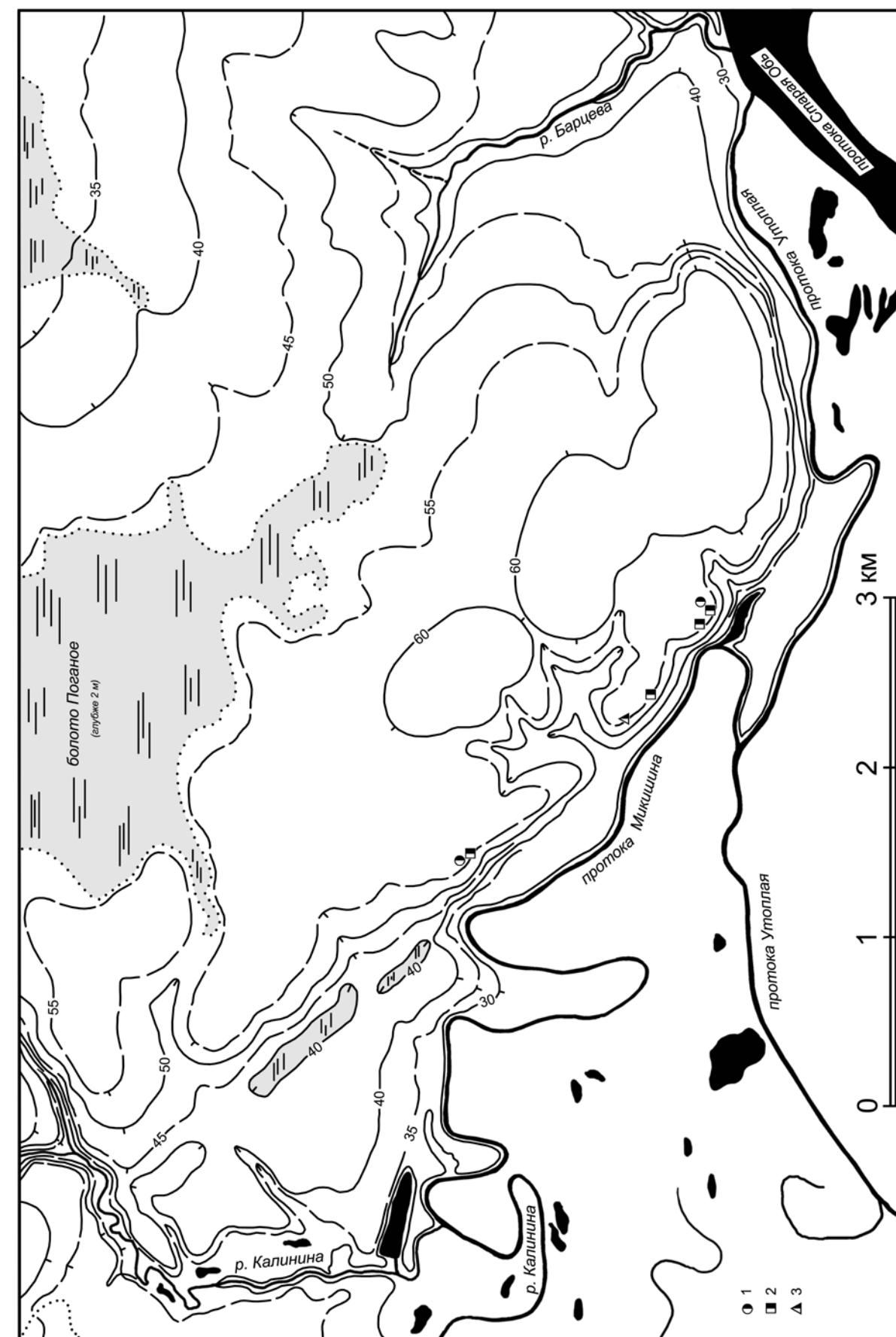

Рис. 16. Раннее средневековье Барсовой Горы. Нижнеобская культура, зеленоторский этап. Карта расположения памятников.
1 – селище; 2 – городище; 3 – местонахождение керамики

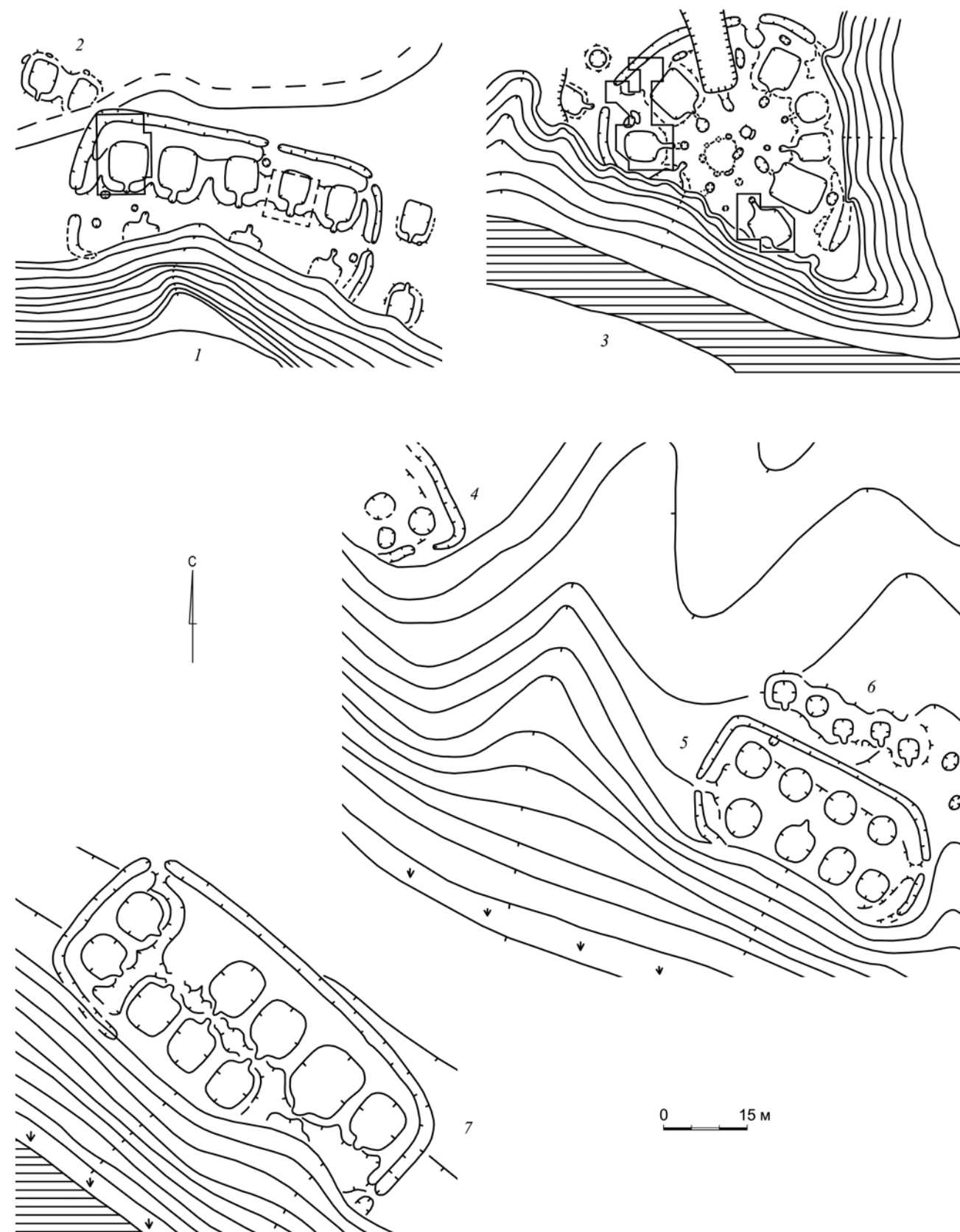

Рис. 17. Планы памятников зеленогорского этапа нижнеобской культуры Сургутского Приобья.
 1 – городище Барсов городок II/12; 2 – селище Барсова гора II/12а; 3 – городище Сургутское I;
 4 – городище Барсов городок II/2; 5 – городище Барсов городок II/1; 6 – селище Барсова гора II/1;
 7 – городище Барсов городок II/8

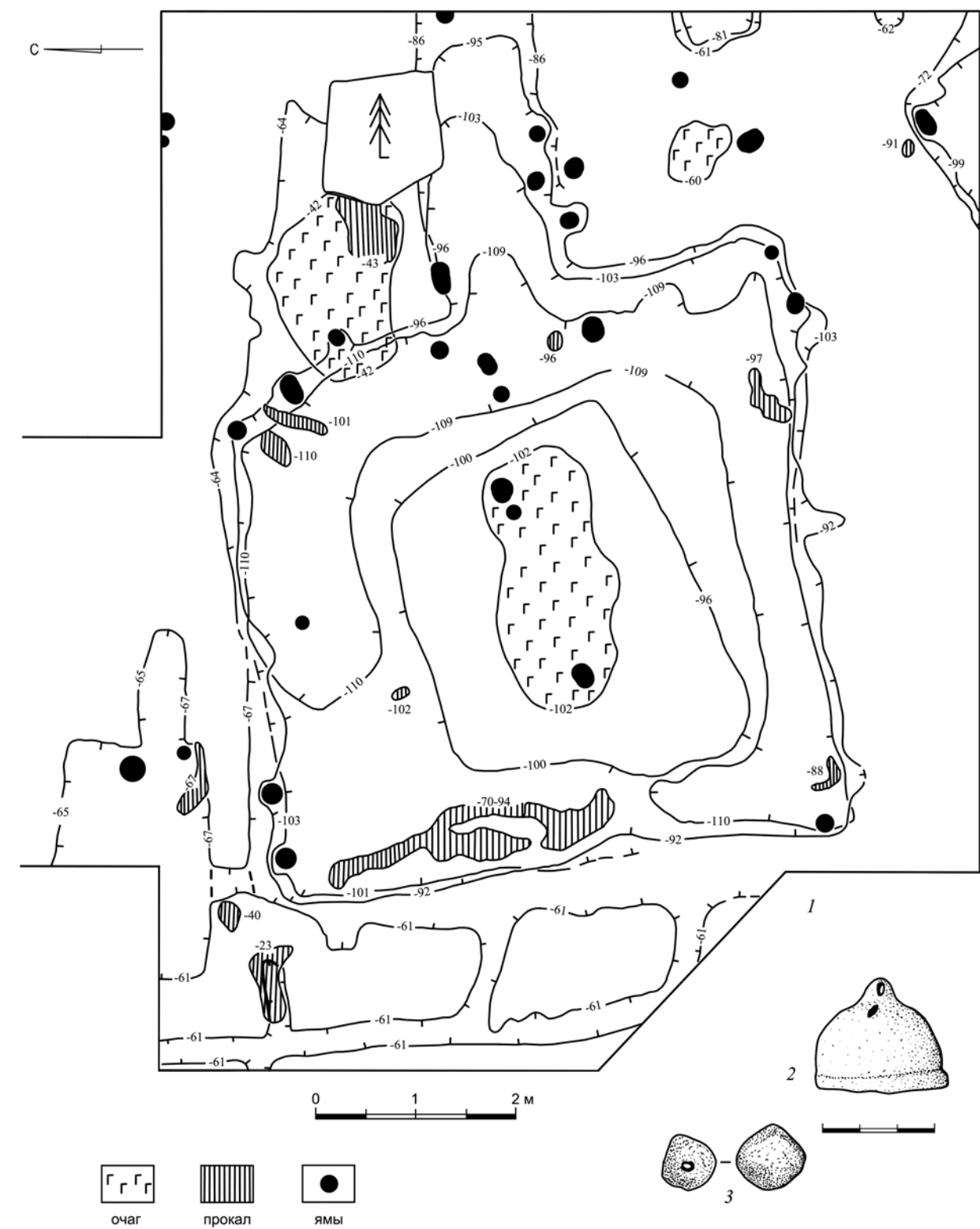
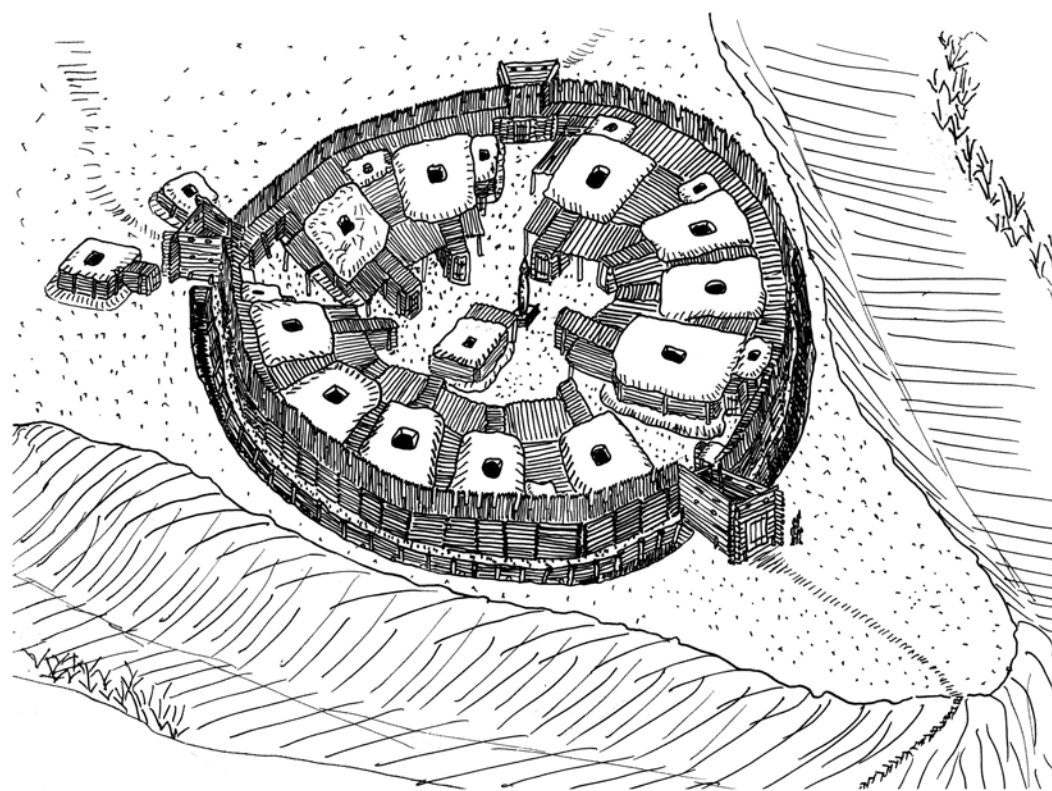
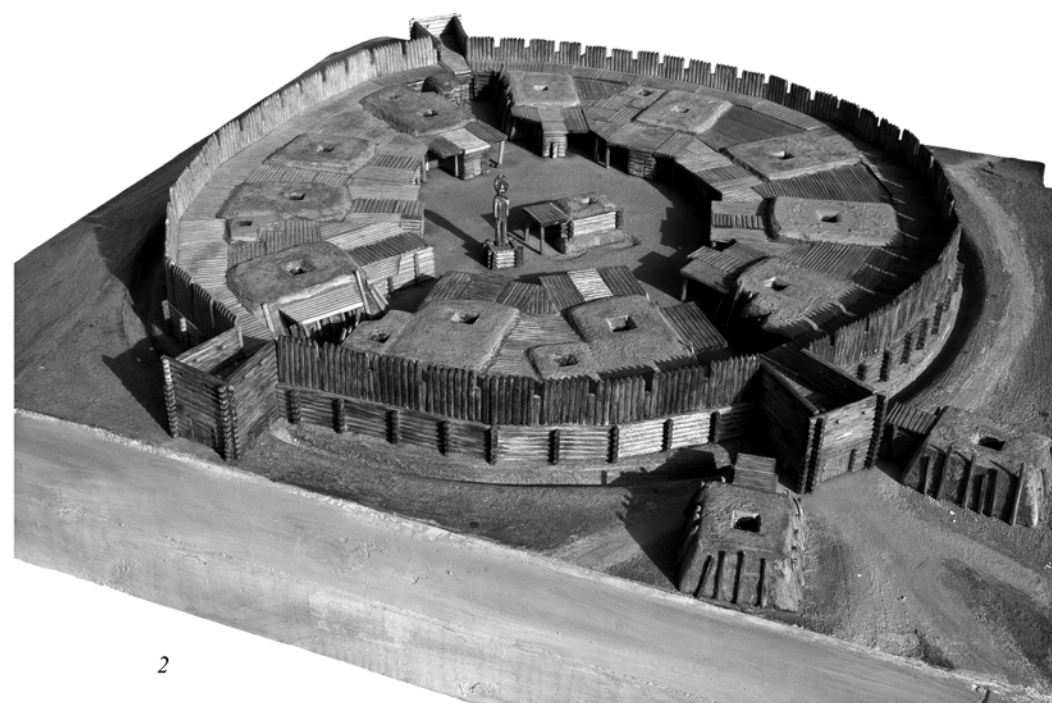

Рис. 18. Сургутское I городище.
 1 – план южной части раскопа 2: часть котлована жилища 1; котлованы жилища 2 и постройки («маленького домика»); канавки оборонительной стены; 2, 3 – находки из раскопа 2 (2 – бронза; 3 – керамика)

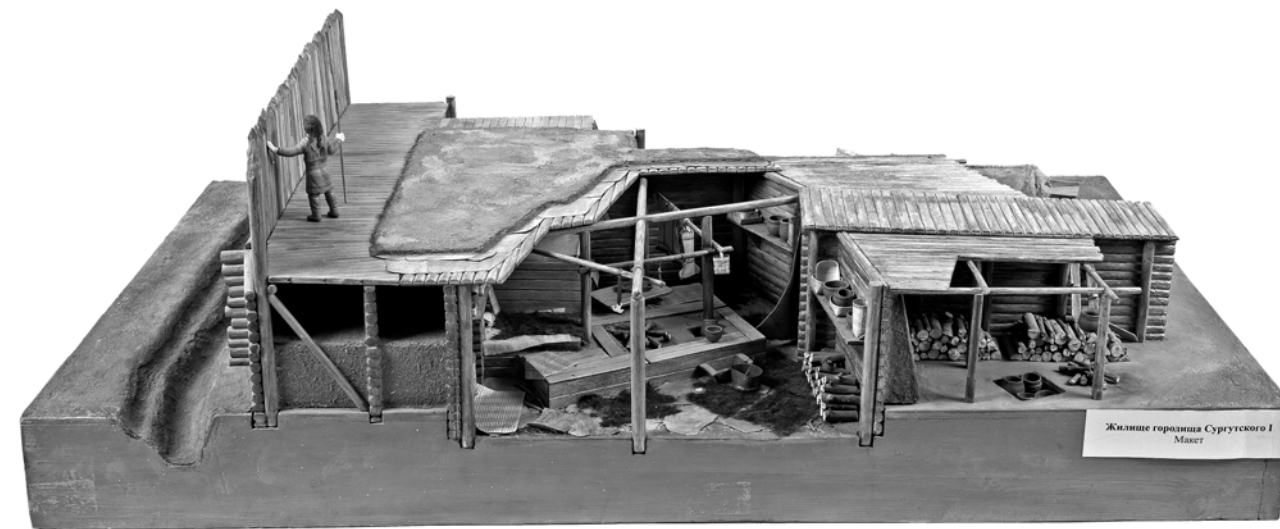
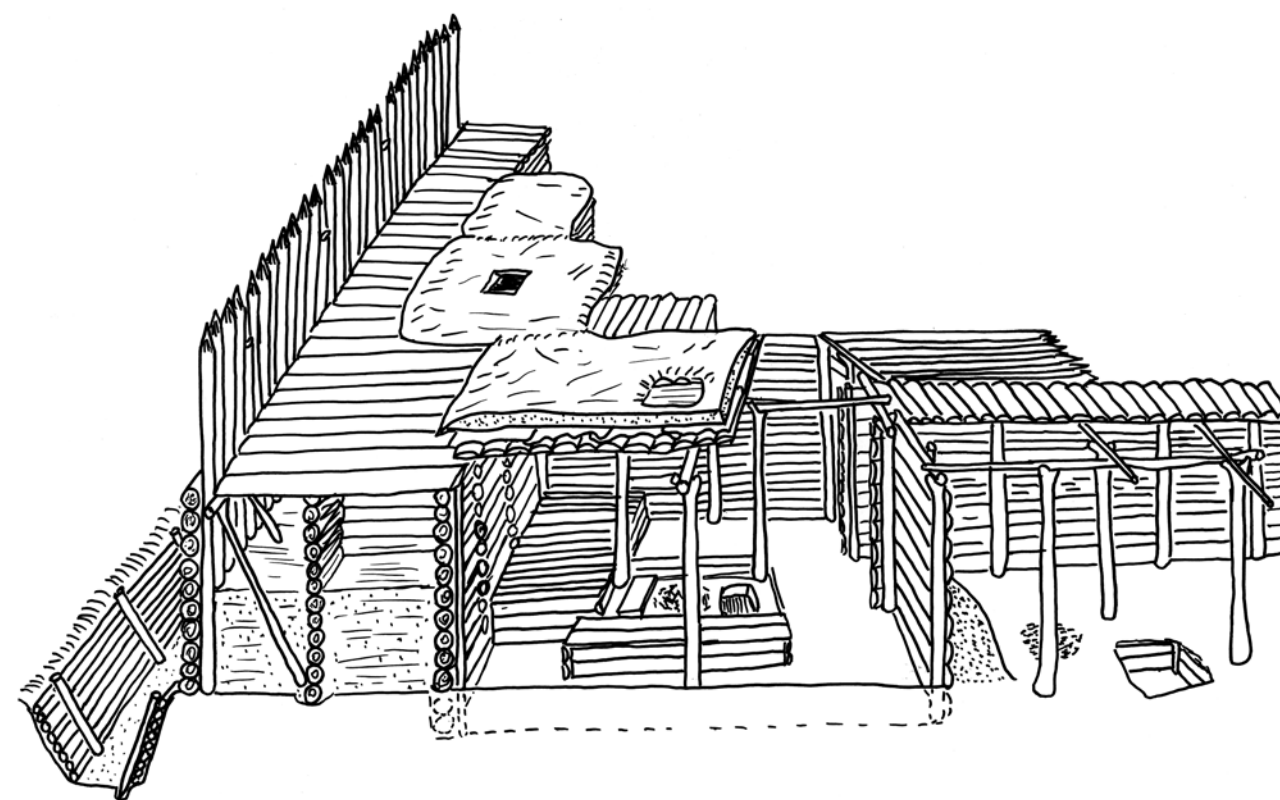

1

2

Рис. 19. Сургутское I городище: реконструкция А. П. Зыкова.
1 – графическая реконструкция; 2 – макет (Сургутский краеведческий музей)

2

Рис. 20. Сургутское I городище. Жилище 2, пристроенное к оборонительной стене: реконструкция А. П. Зыкова.
1 – графическая реконструкция; 2 – макет (Сургутский краеведческий музей)

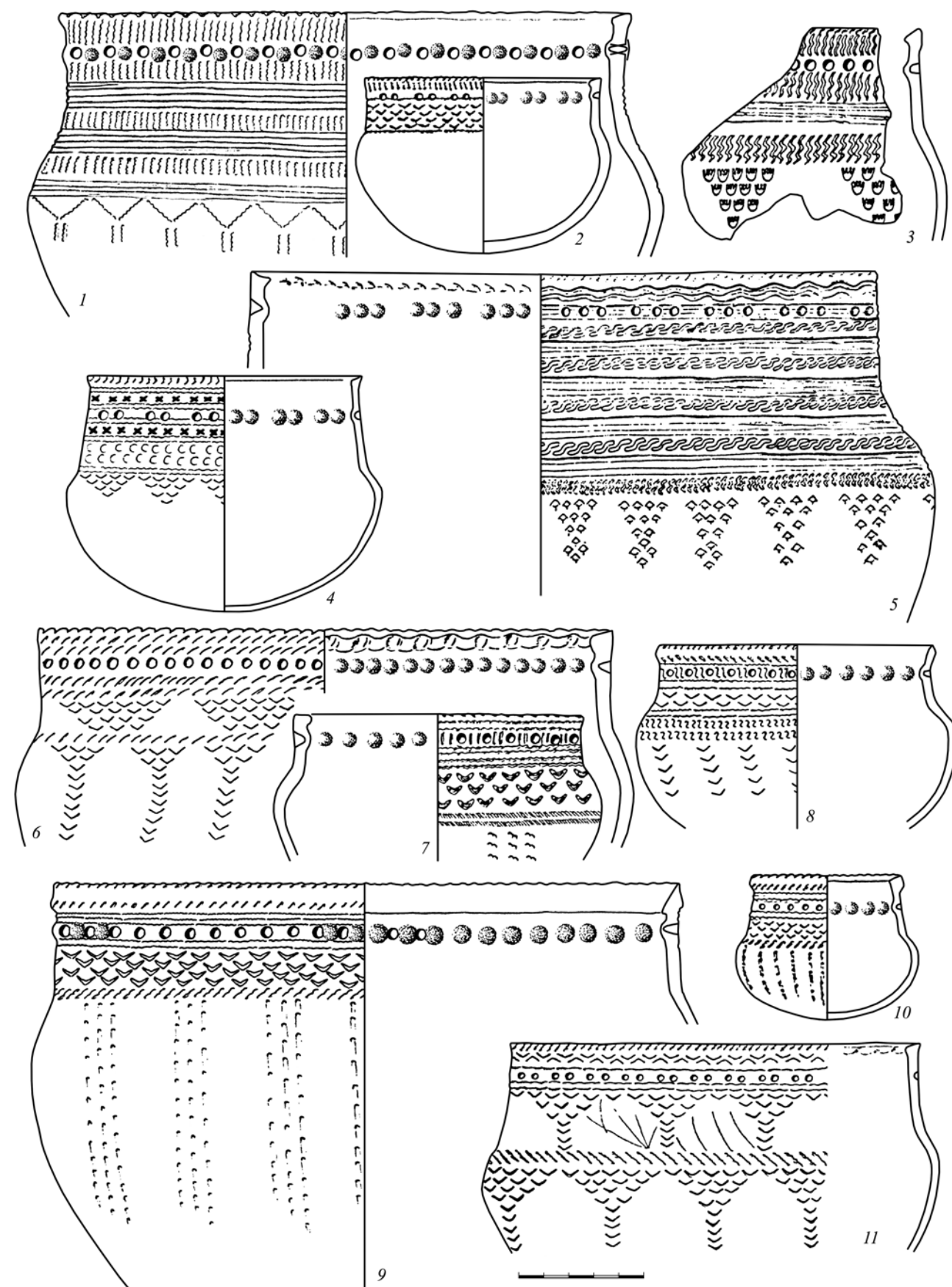

Рис. 21. Зеленогорский этап нижнеобской культуры. Барсова Гора. Керамика.
1–6, 8, 10, 11 – городище Барсов городок II/1; 7 – городище Барсов городок II/10;
9 – городище Барсов городок II/8

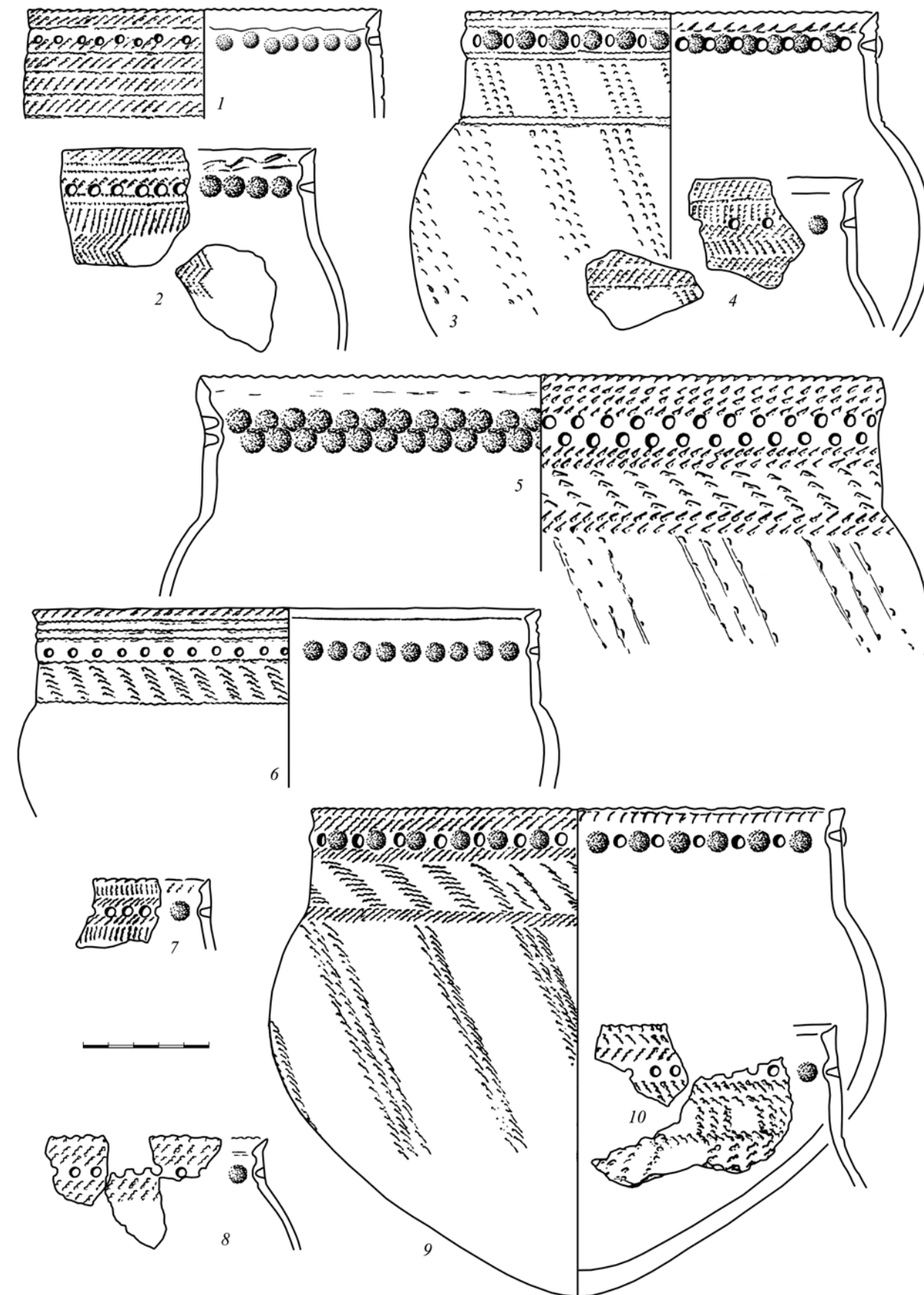

Рис. 22. Зеленогорский этап нижнеобской культуры.
Керамика первого (гребенчатого) типа. Сургутское I городище

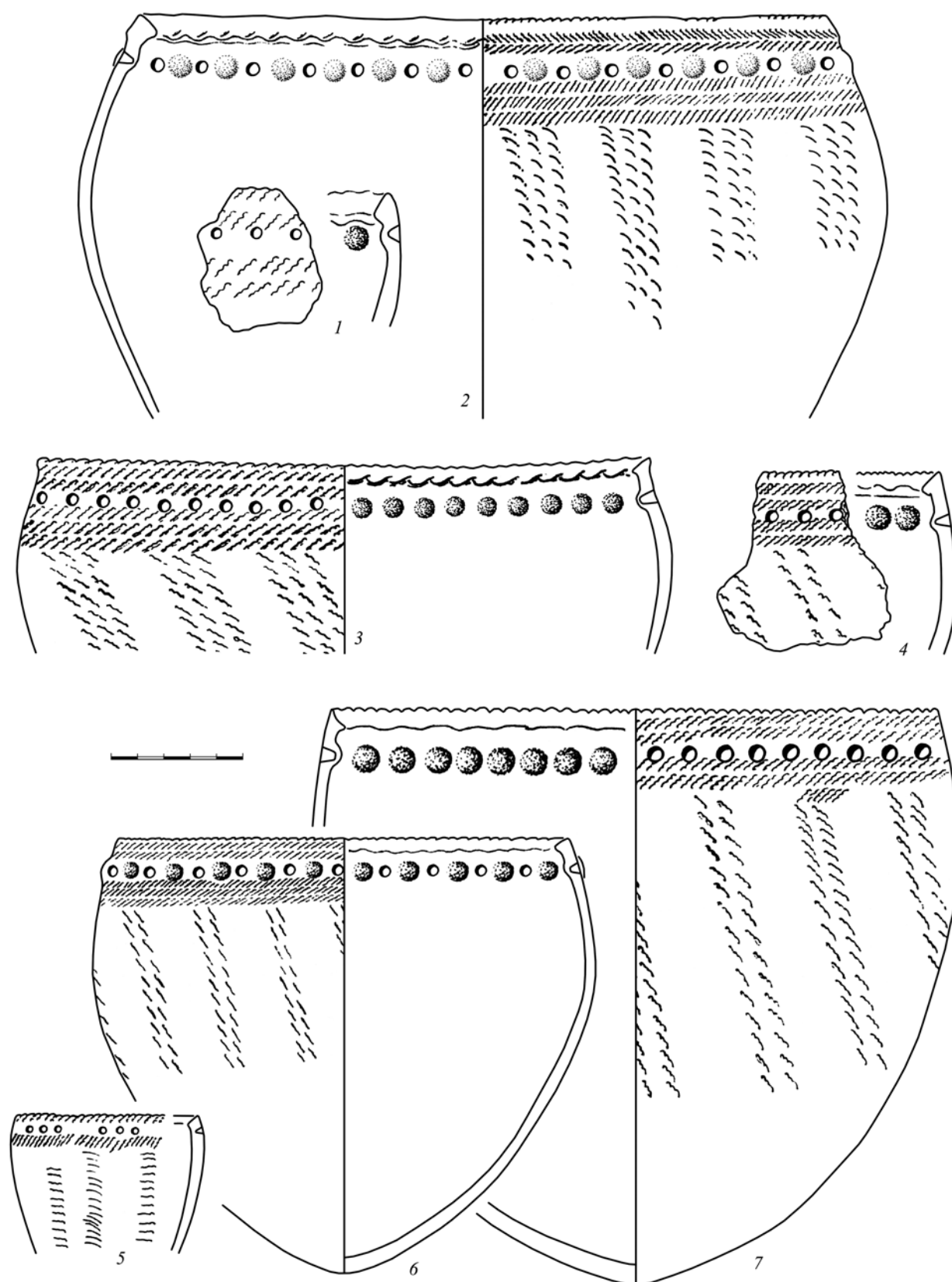

Рис. 23. Зеленогорский этап нижнеобской культуры.
Керамика первого (гребенчатого) типа. Сургутское I городище

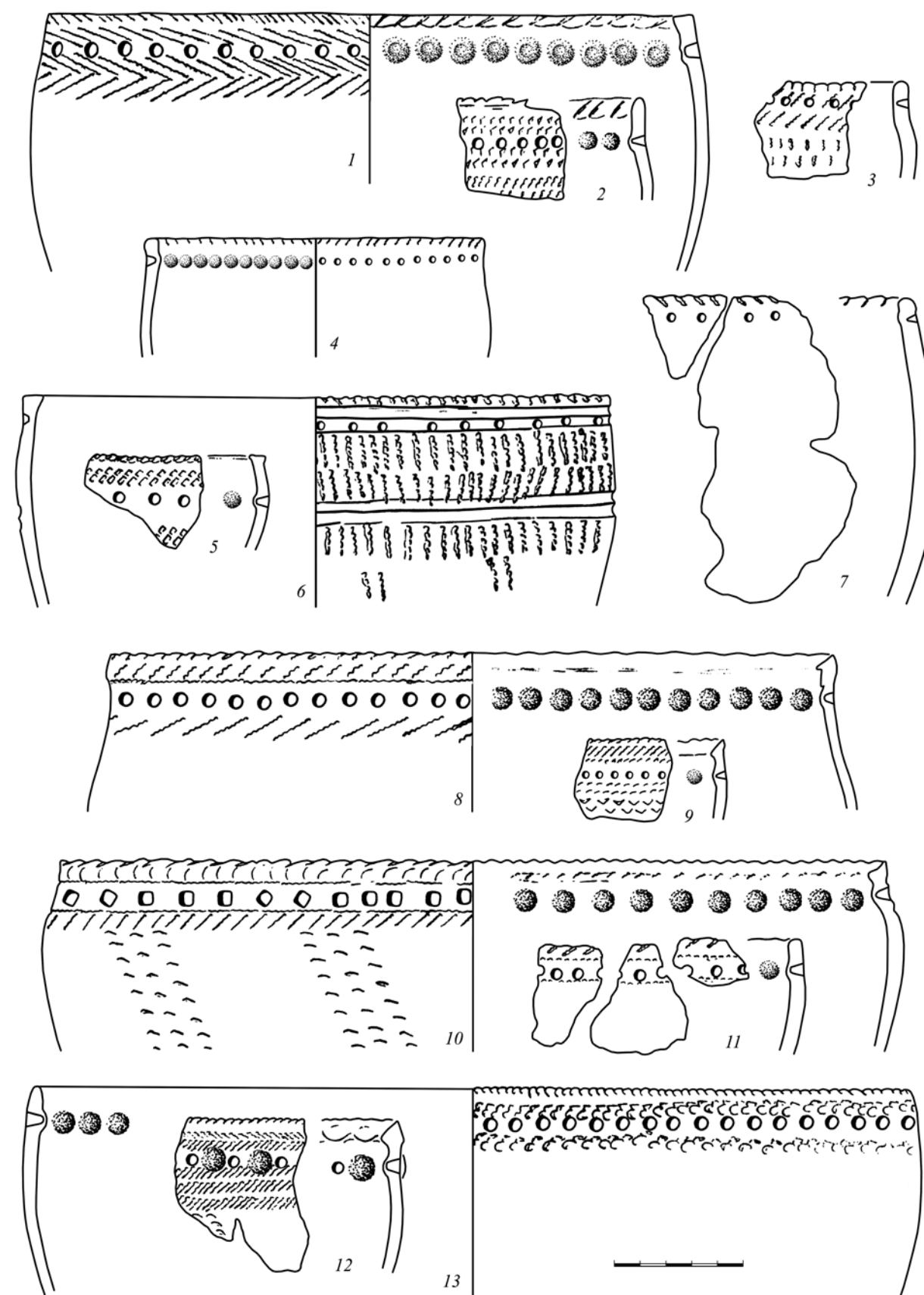

Рис. 24. Зеленогорский этап нижнеобской культуры. Керамика.
1–5, 7, 8, 10–13 – первый (гребенчатый) тип; 6 – третий (желобчато-валиковый) тип;
9 – второй (гребенчатый) тип. Сургутское I городище

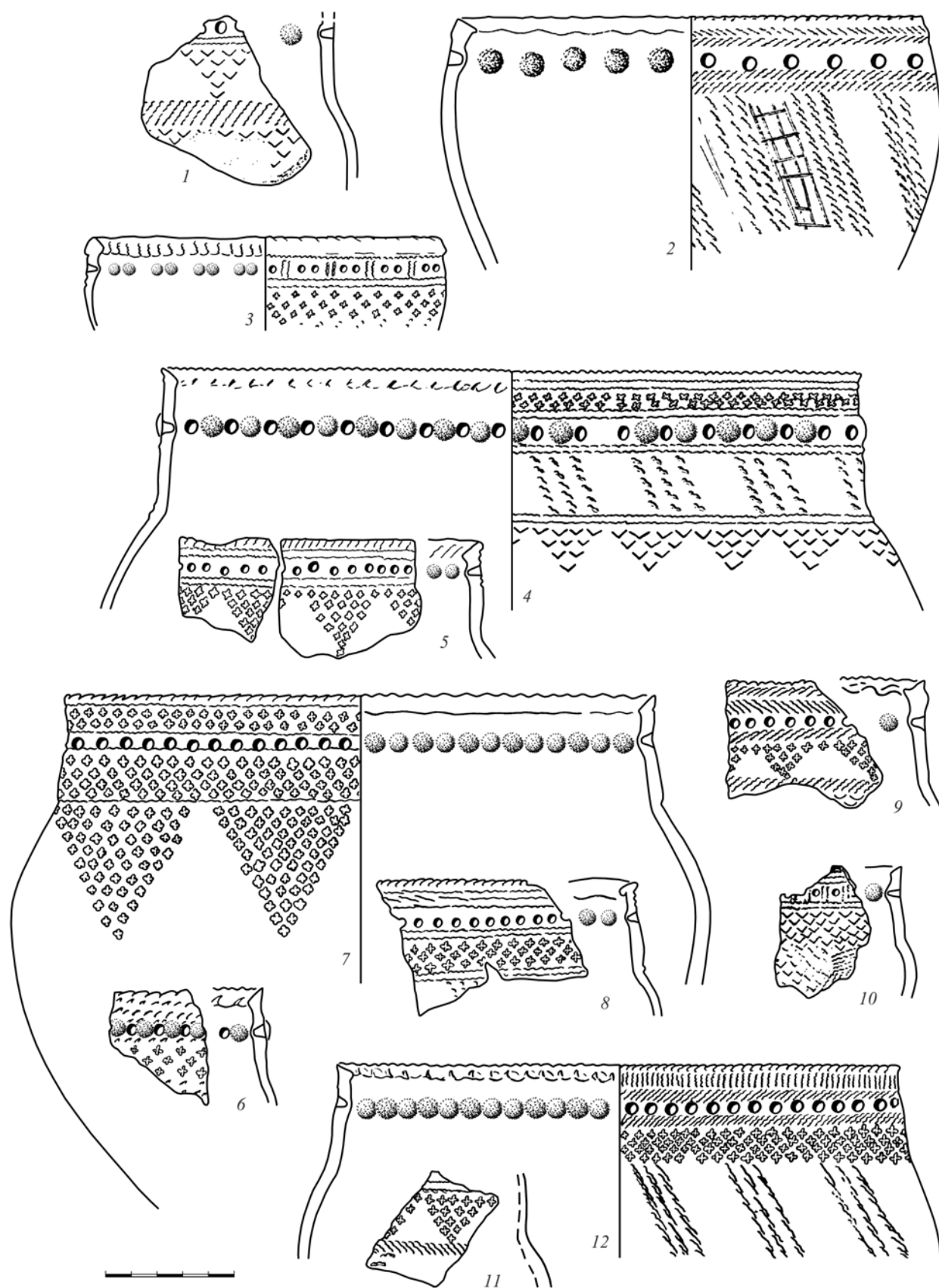

Рис. 25. Зеленогорский этап нижнеобской культуры. Керамика второго (фигурно-штампованного – 1–11) и первого (гребенчатого – 12) типов. Сургутское I городище

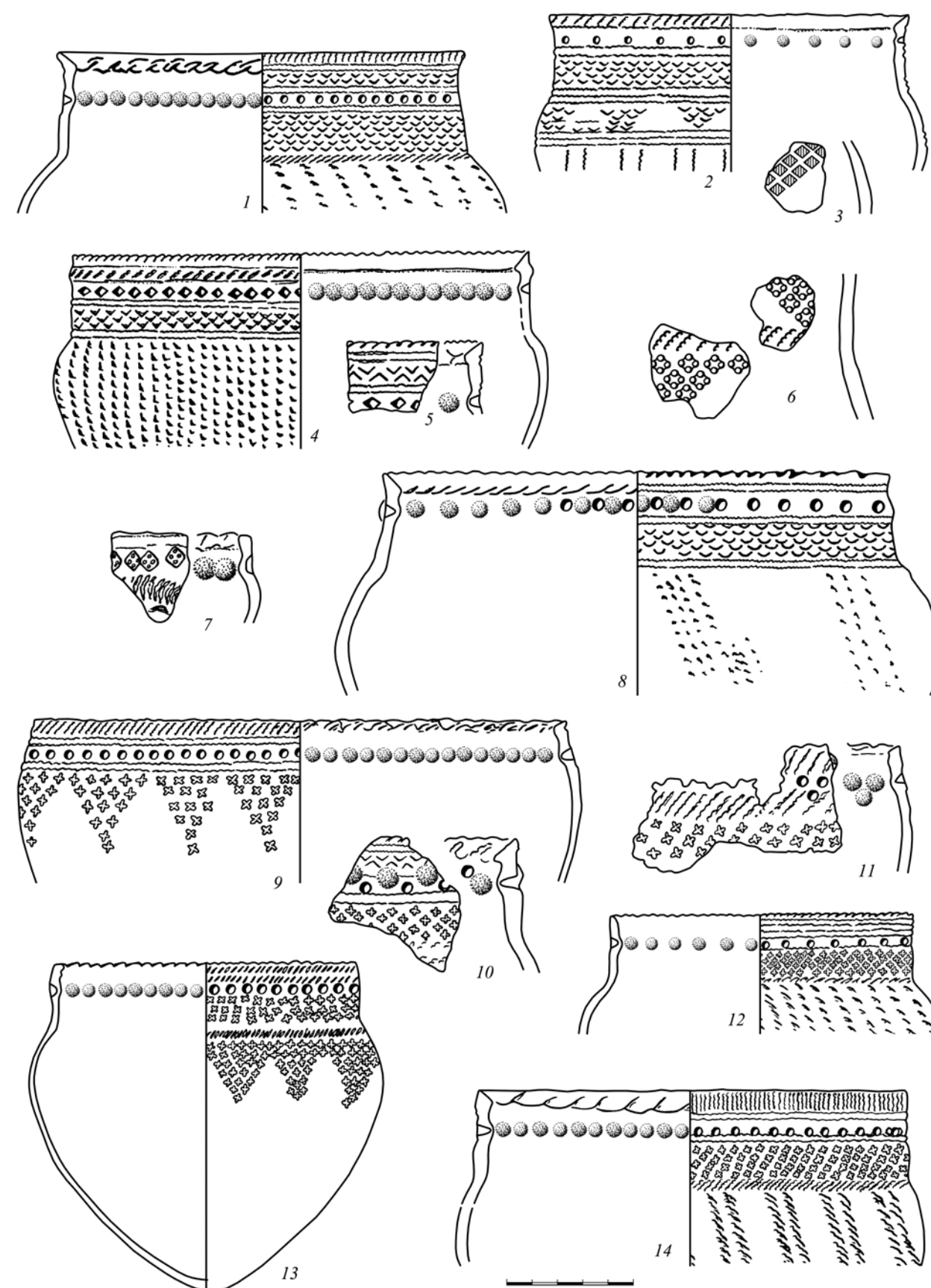

Рис. 26. Зеленогорский этап нижнеобской культуры. Керамика второго (фигурно-штампованного) типа. Сургутское I городище

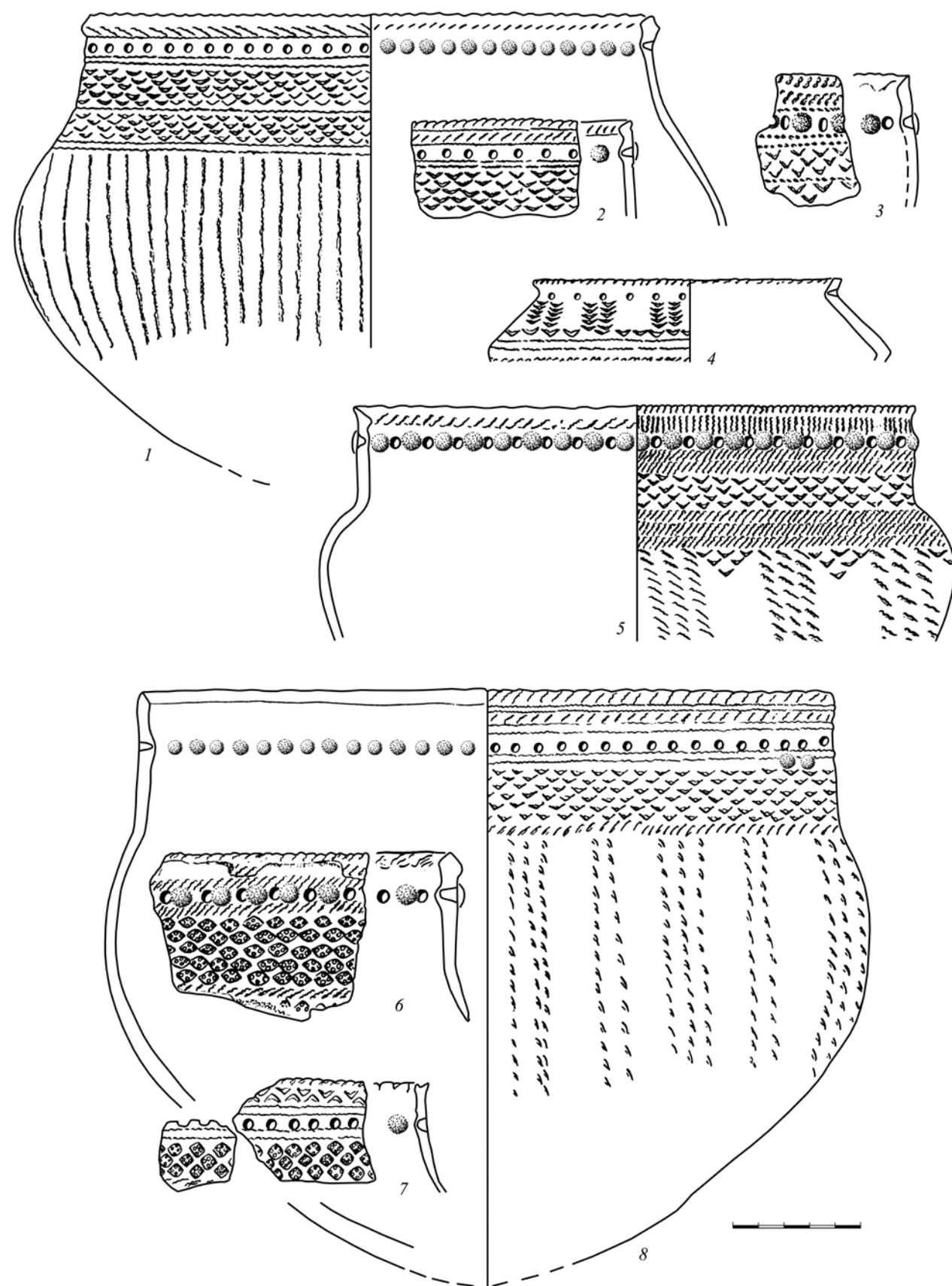

Рис. 27. Зеленогорский этап нижнеобской культуры. Керамика второго (фигурно-штампованного) типа. Сургутское I городище

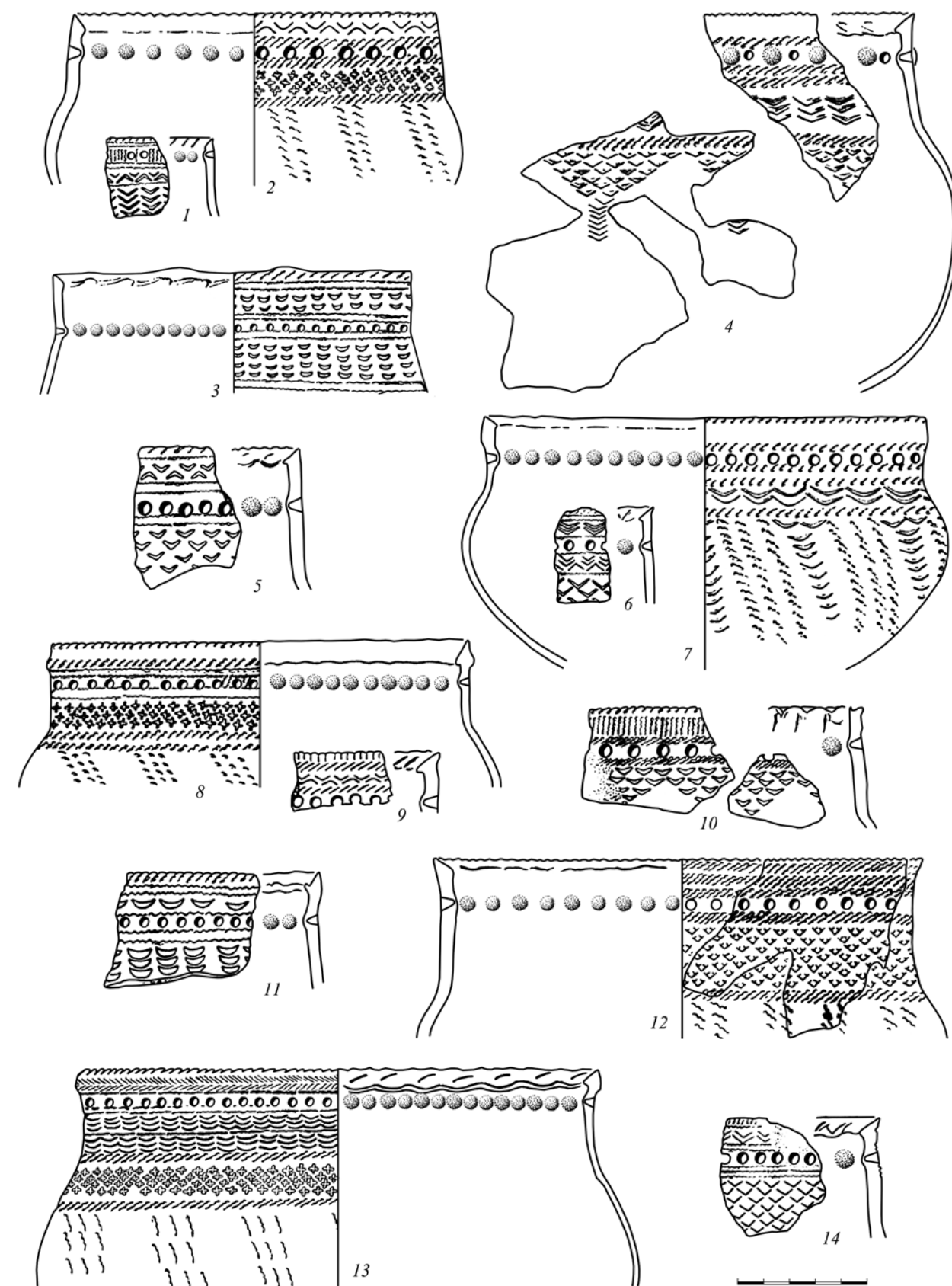

Рис. 28. Зеленогорский этап нижнеобской культуры. Керамика второго (фигурно-штампованного) типа. Сургутское I городище

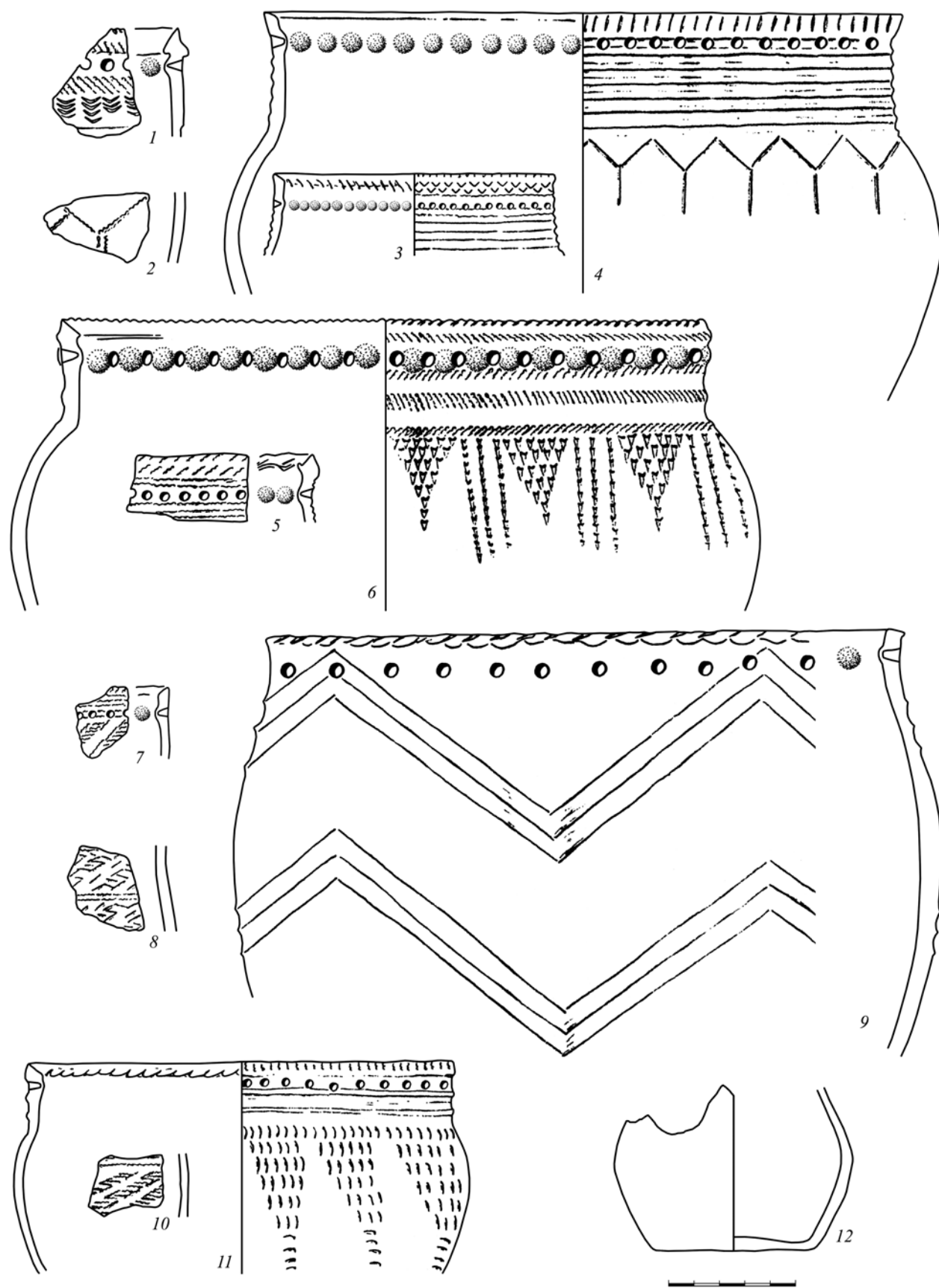

Рис. 29. Зеленогорский этап нижнеобской культуры.
Керамика. 1 – второй (фигурно-штампованный) тип; 3, 4, 6, 9, 11 – третий (желобчато-валиковый) тип;
2, 5, 7, 8, 10 – первый (гребенчатый) тип. Сургутское I городище

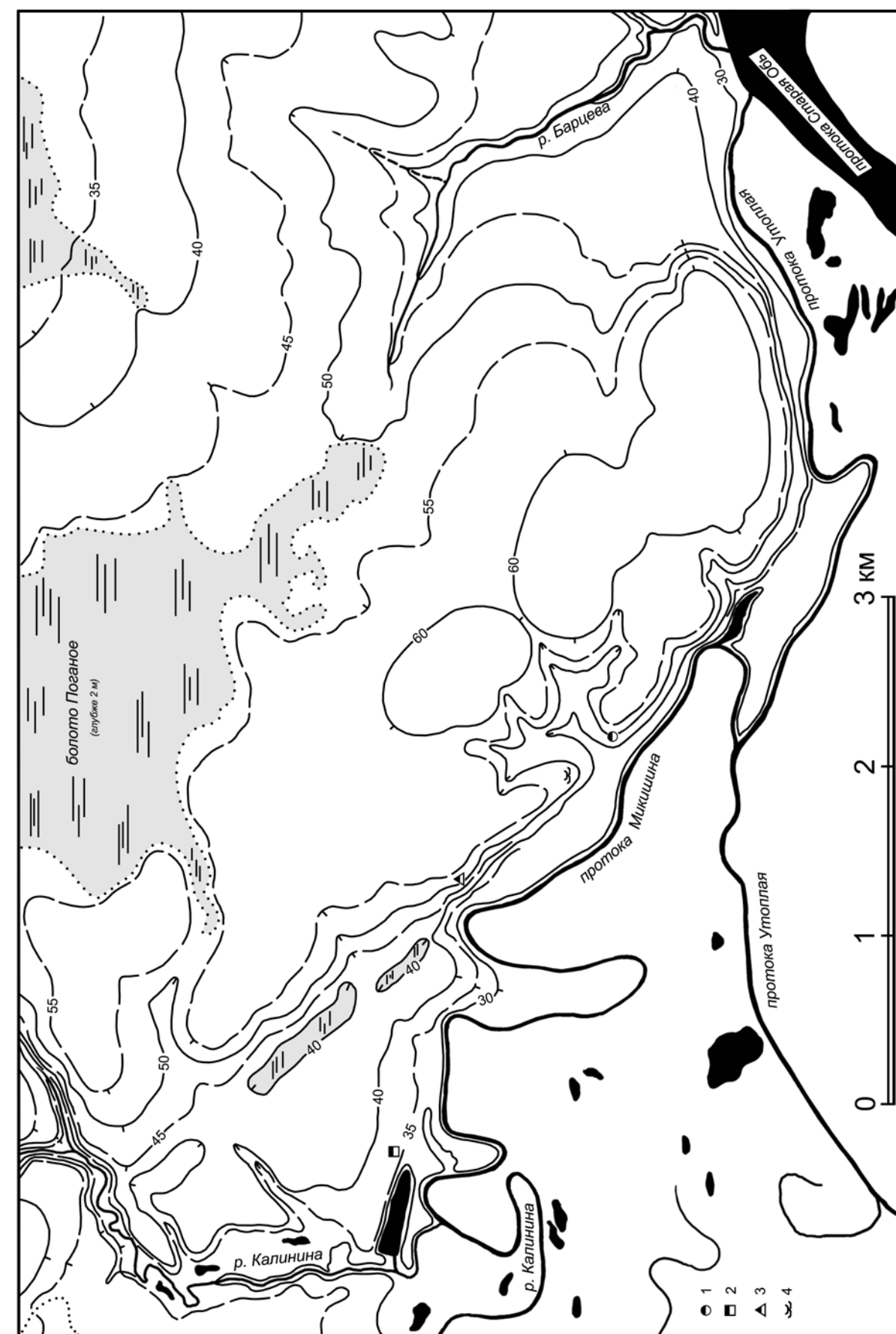

Рис. 30. Раннее средневековые Барсовой Горы. Нижнеобская культура, рёлкинский этап. Карта расположения памятников.
1 – селище; 2 – городище; 3 – местонахождение; 4 – могильник

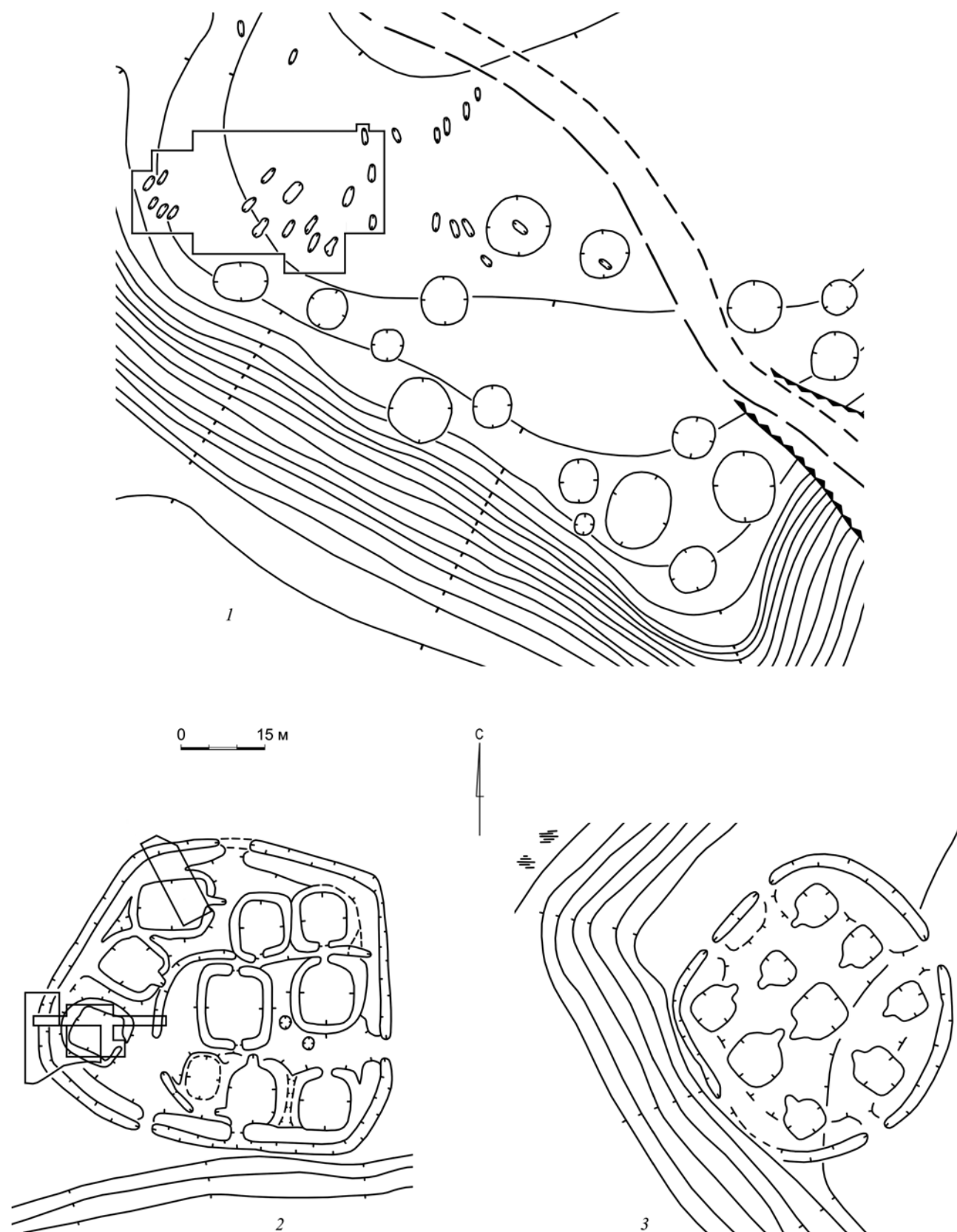

Рис. 31. Барсова Гора. Планы памятников рёлкинского этапа нижнеобской культуры.
 1 – Барсовский V могильник (жилищные западины — поселение энеолита–бронзового века Барсова гора II/25);
 2 – городище Барсов городок II/15; 3 – городище Барсов городок II/11

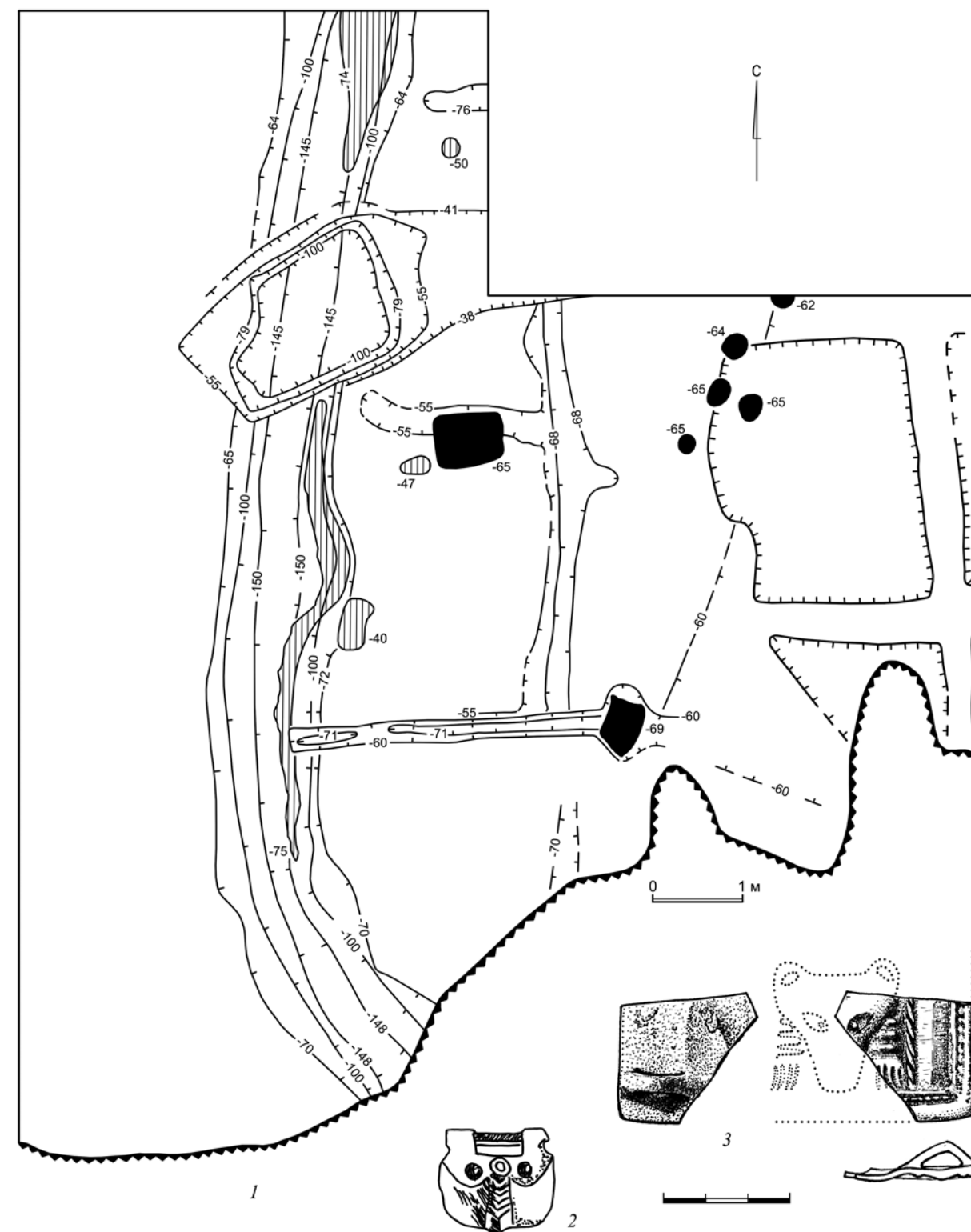

Рис. 32. Городище Барсов городок II/15.
 1 – западная часть раскопа 3: оборонительный ров, канавки оборонительной стены, остатки жилища IX, раскоп 1 и траншея Н. В. Фёдоровой 1974 г. 2, 3 – находки с городища (бронза)

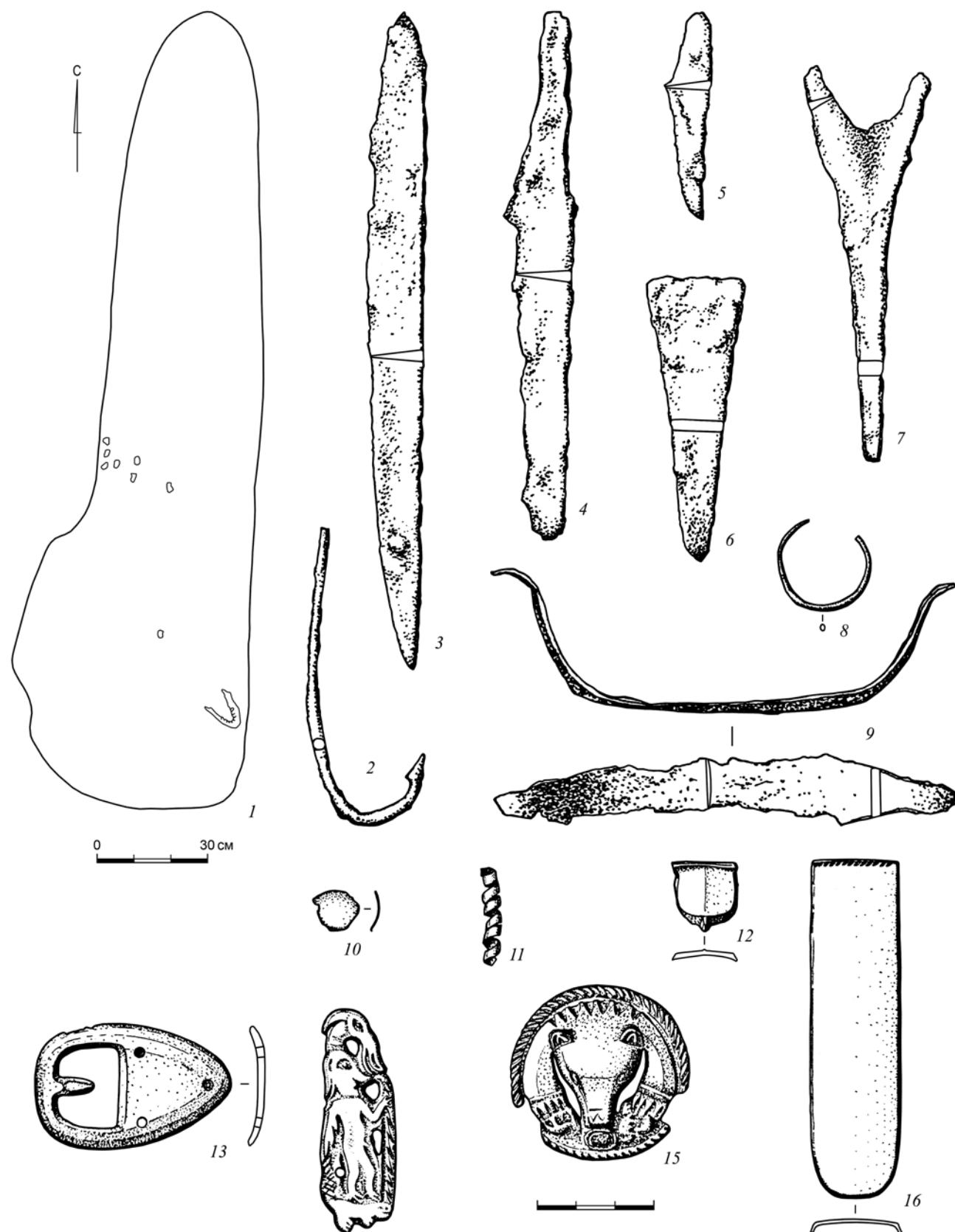

Рис. 33. Барсовский V могильник. 1 – план одного из раскопанных погребений; 2–16 – находки. 2–7, 9 – железо; 8, 10–16 – бронза (по К. Г. Карачарову)

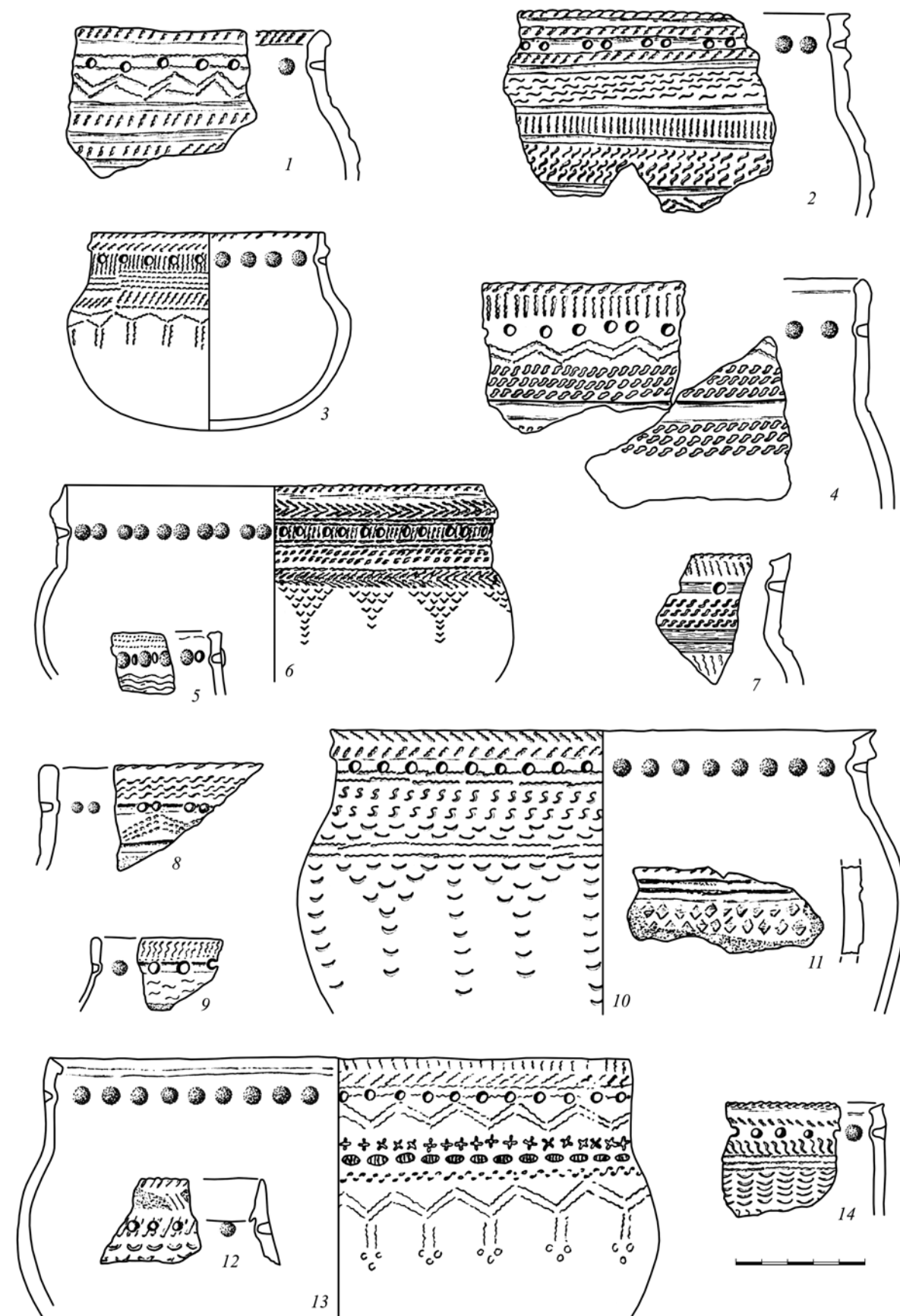

Рис. 34. Рёлкинский этап нижнеобской культуры. Керамика. Городище Барсов городок II/15

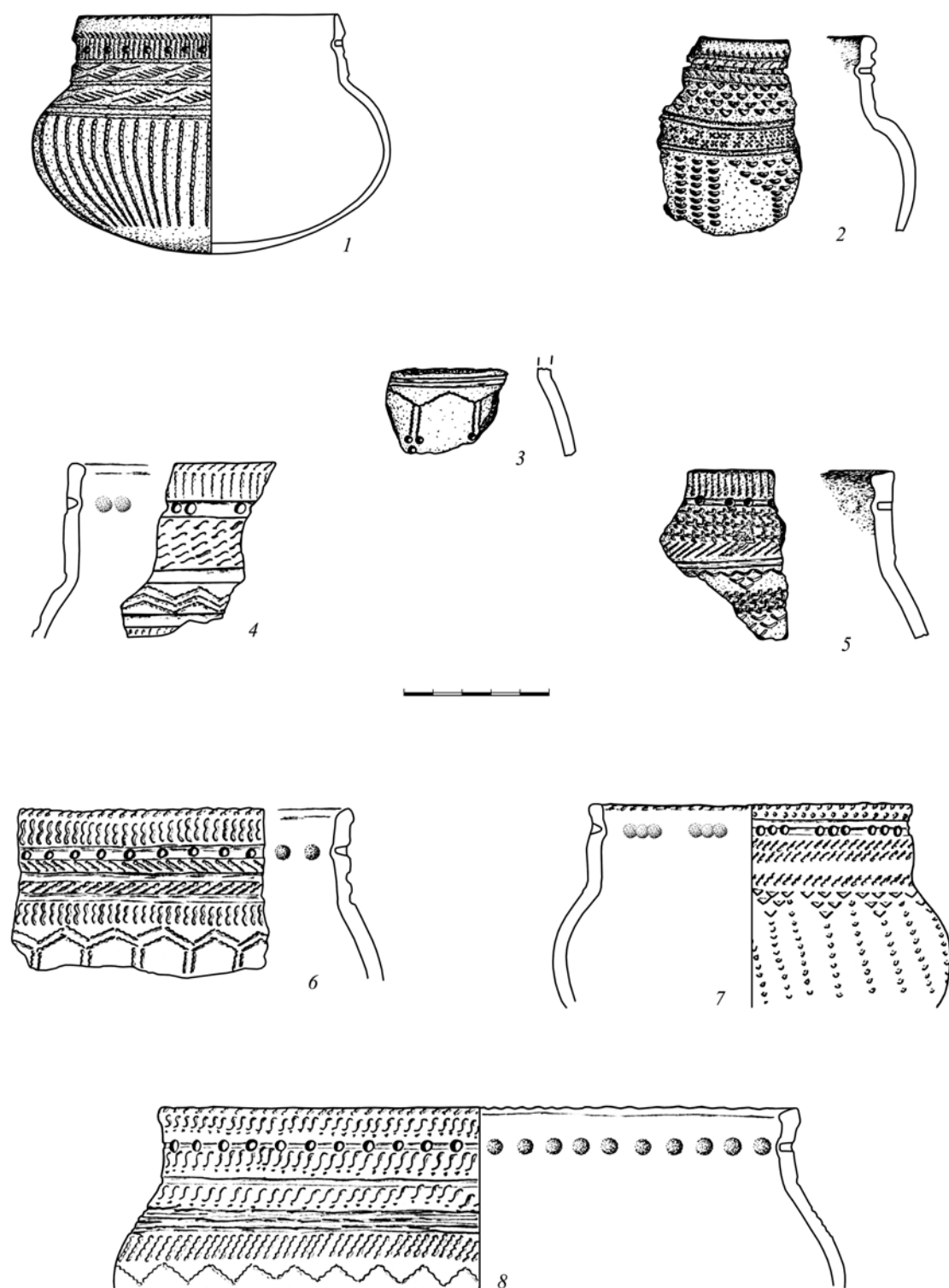

Рис. 35. Рёлкинский этап нижнеобской культуры. Керамика.

1–3 – Барсовский V могильник; 4 – поселение Каттын'ёган 5;

6 – городище Барсов городок II/13; 7, 8 – городище Барсов городок II/11 (1–3, 5 – по К. Г. Карачарову)

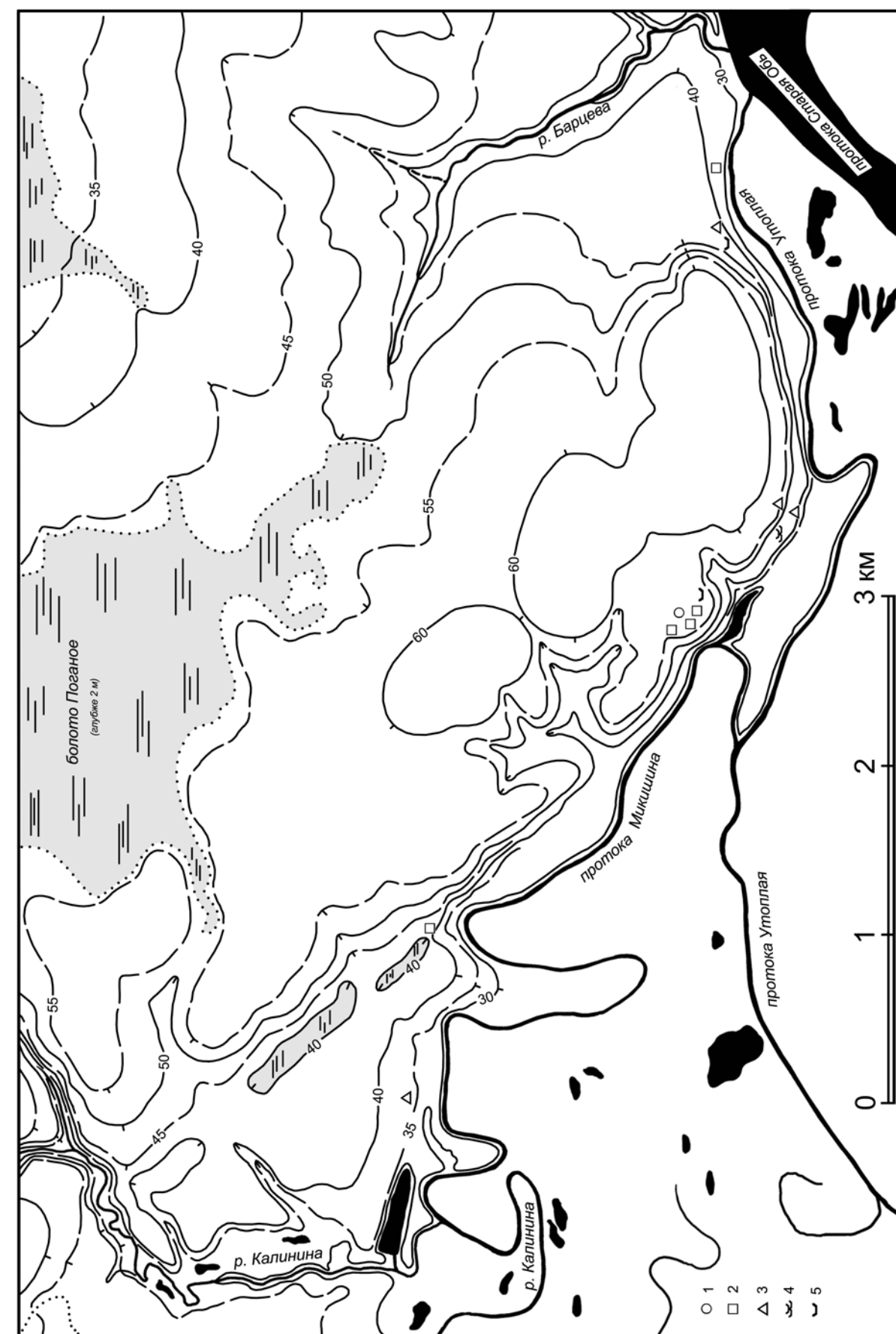

Рис. 36. Раннее средневековье Барсовой Горы. Нижнеобская культура, кучминский этап.

Карта расположения памятников. 1 – селище; 2 – городище; 3 – место находки; 4 – мотильник; 5 – одиночное погребение или культовый комплекс

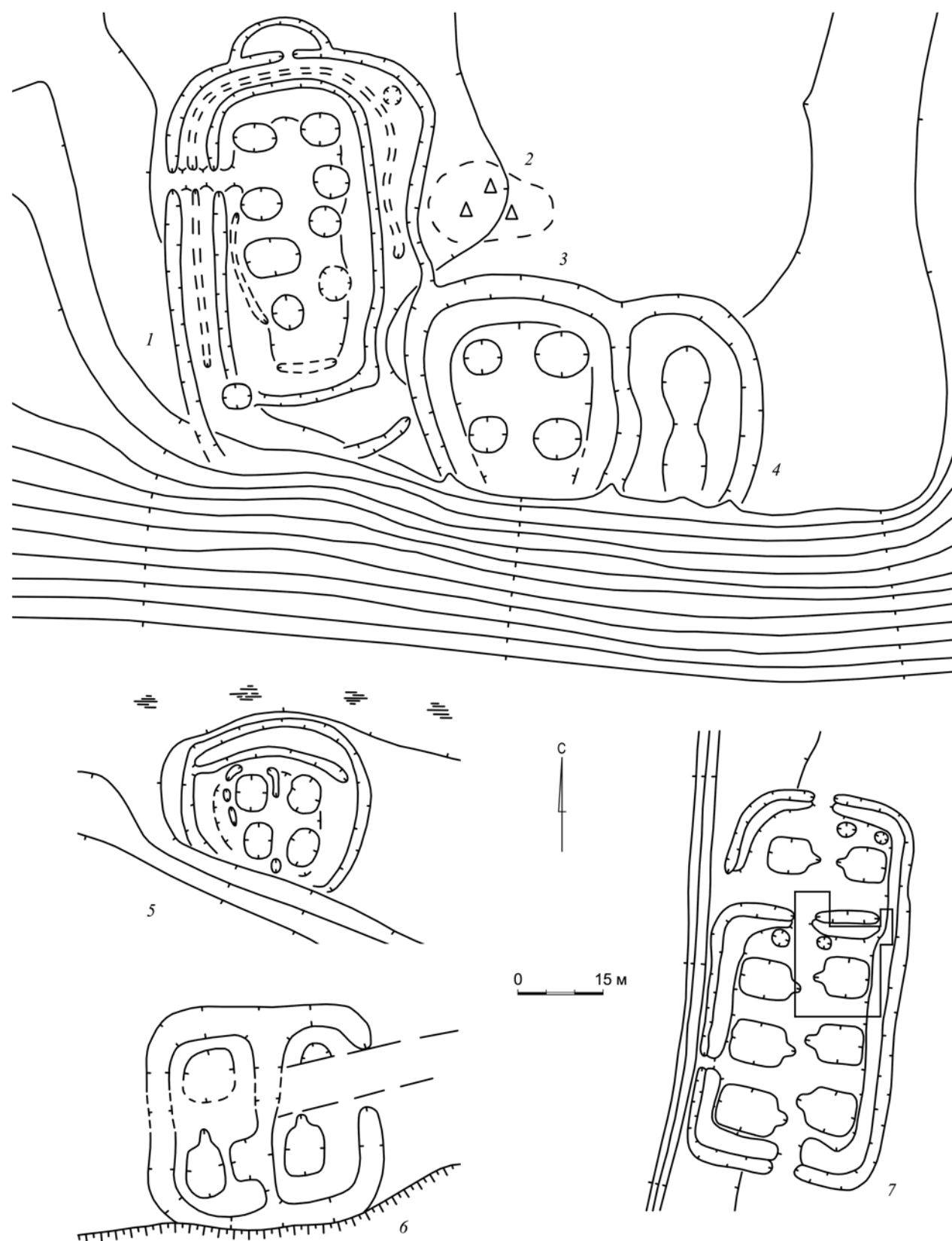

Рис. 37. Планы памятников кучиминского этапа нижеобской культуры Сургутского Приобья.
 1 – городище Барсов городок II/5; 2 – селище Барсова гора II/2; 3 – городище Барсов городок II/4;
 4 – городище Барсов городок II/3; 5 – городище Барсов городок II/14; 6 – городище Барсов городок I/25;
 7 – Кучиминское XI городище

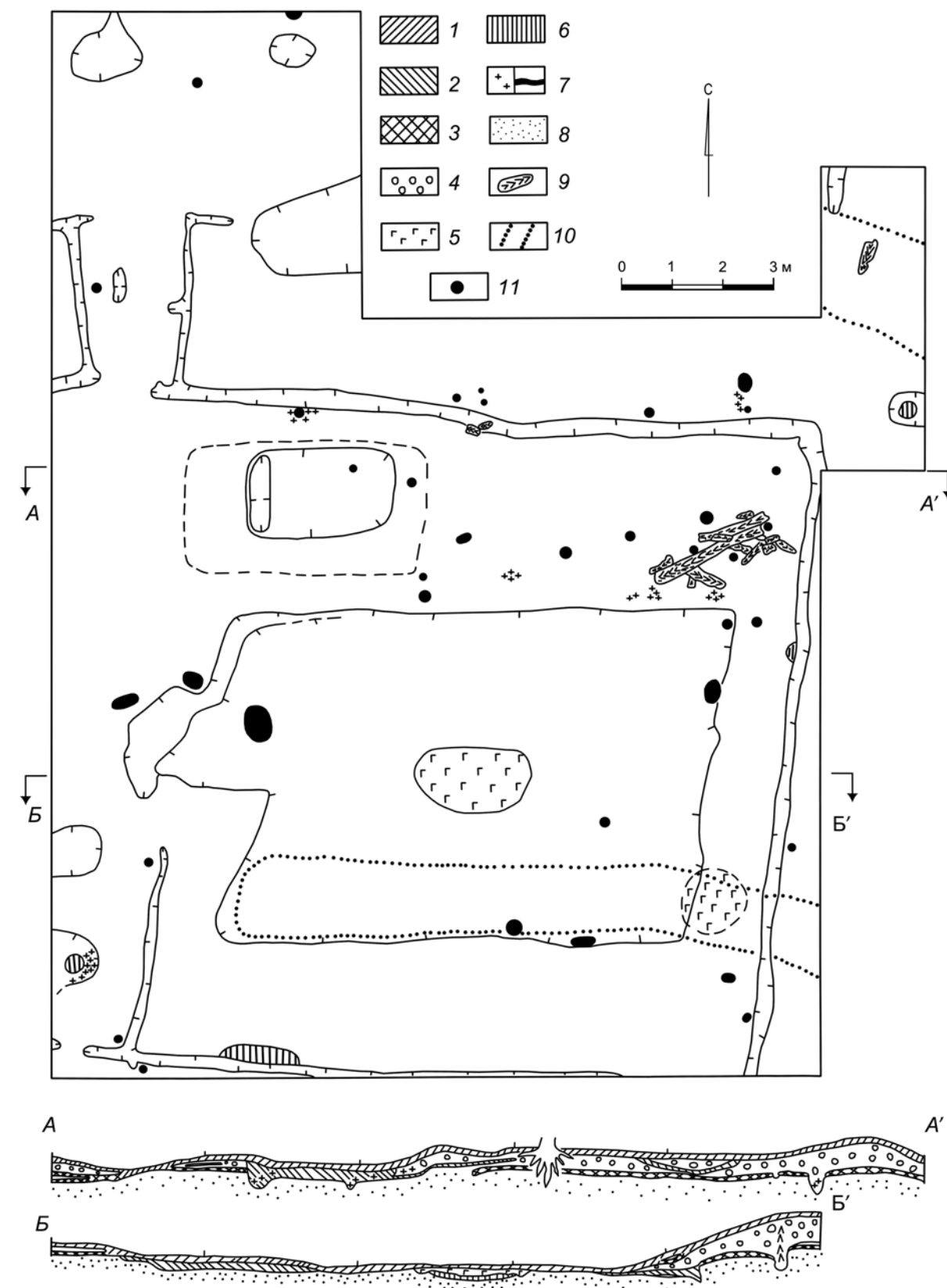

Рис. 38. Городище Кучиминское XI. План и профили раскопа.
 Условные обозначения: 1 – лесная подстилка и современный подзол; 2 – темно-серый углистый песок;
 3 – погребенный подзол; 4 – желтый переотложенный песок (насыпь вала); 5 – бурый очажный слой;
 6 – прокаленный песок; 7 – уголь; 8 – материковый песок; 9 – сгоревшее дерево;
 10 – засыпанные рвы; 11 – столбовая ямка

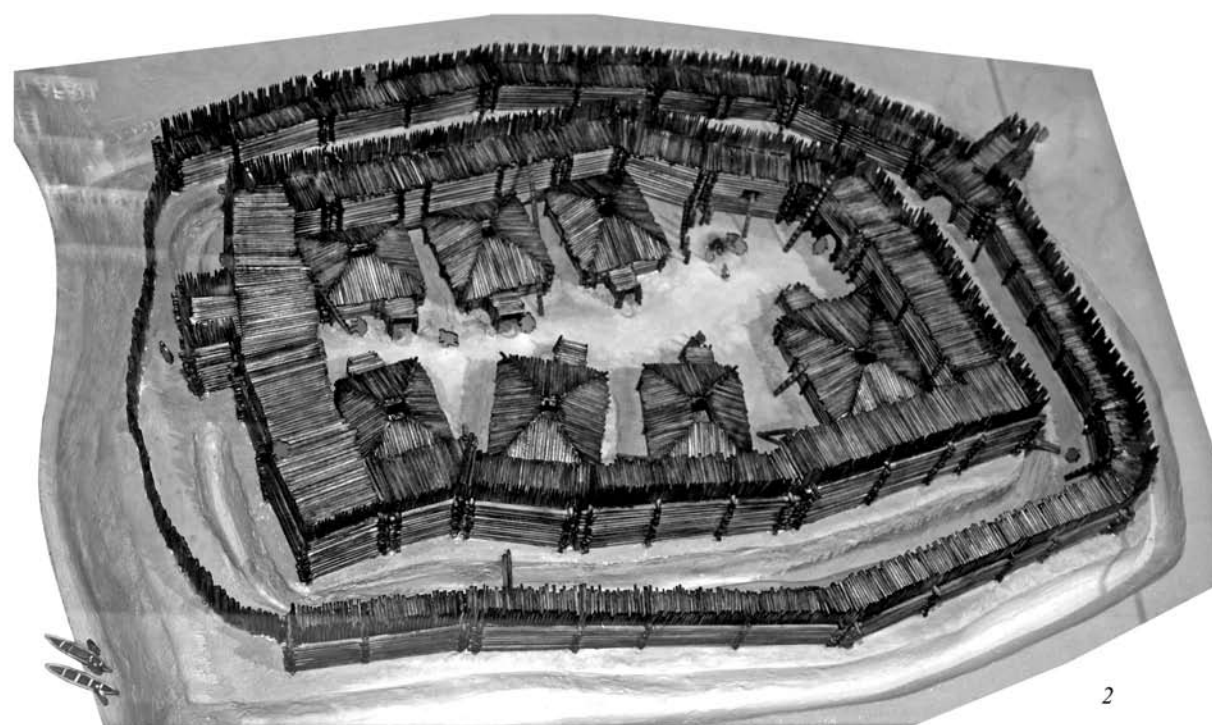
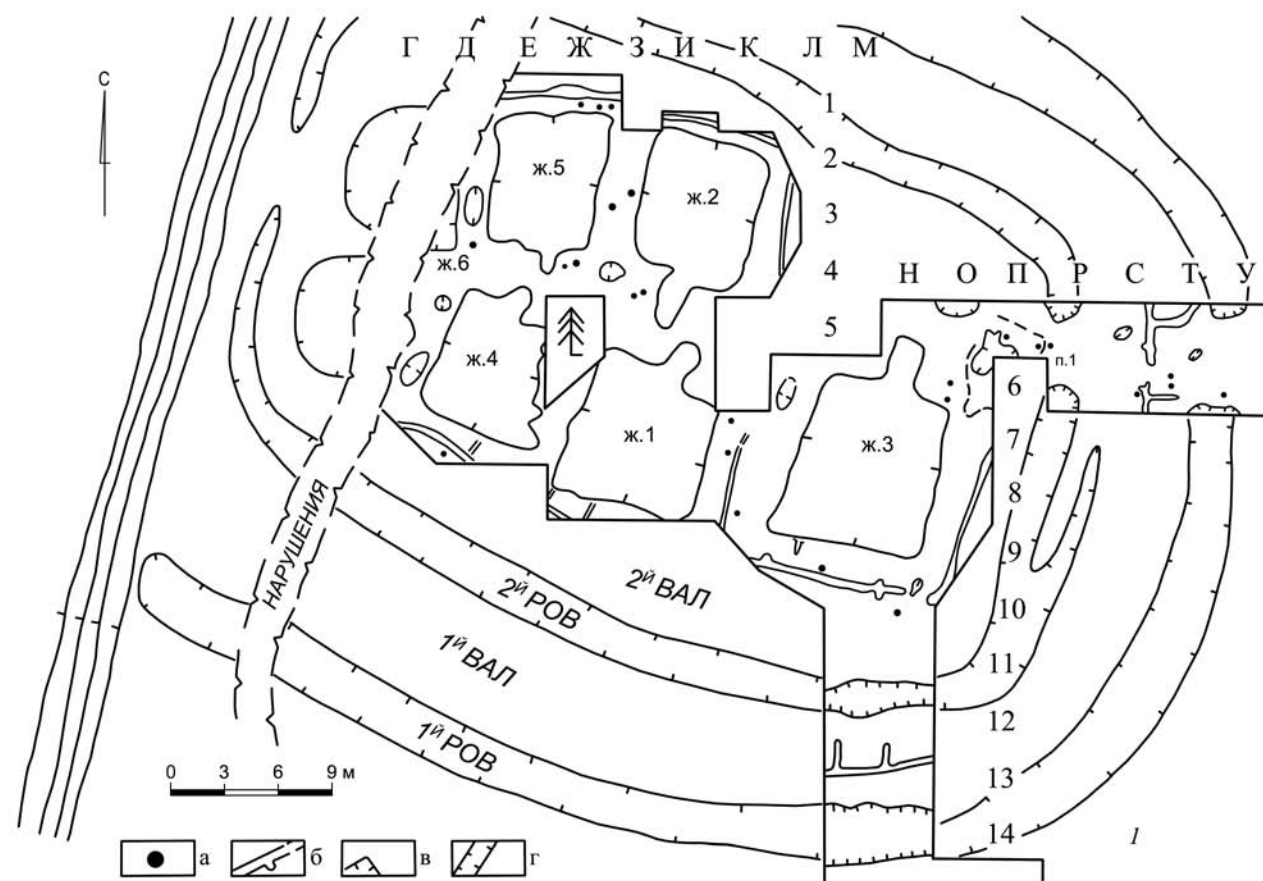

Рис. 39. Городище Кучиминское V. 1 – сводный план раскопов 1981–1984 гг. Условные обозначения: а – столбовая ямка; б – канавки оборонительных стен; в – сооружения (жилища, постройки, ямы); г – раскопанные рвы; 2 – реконструкция-макет (Музей Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск)

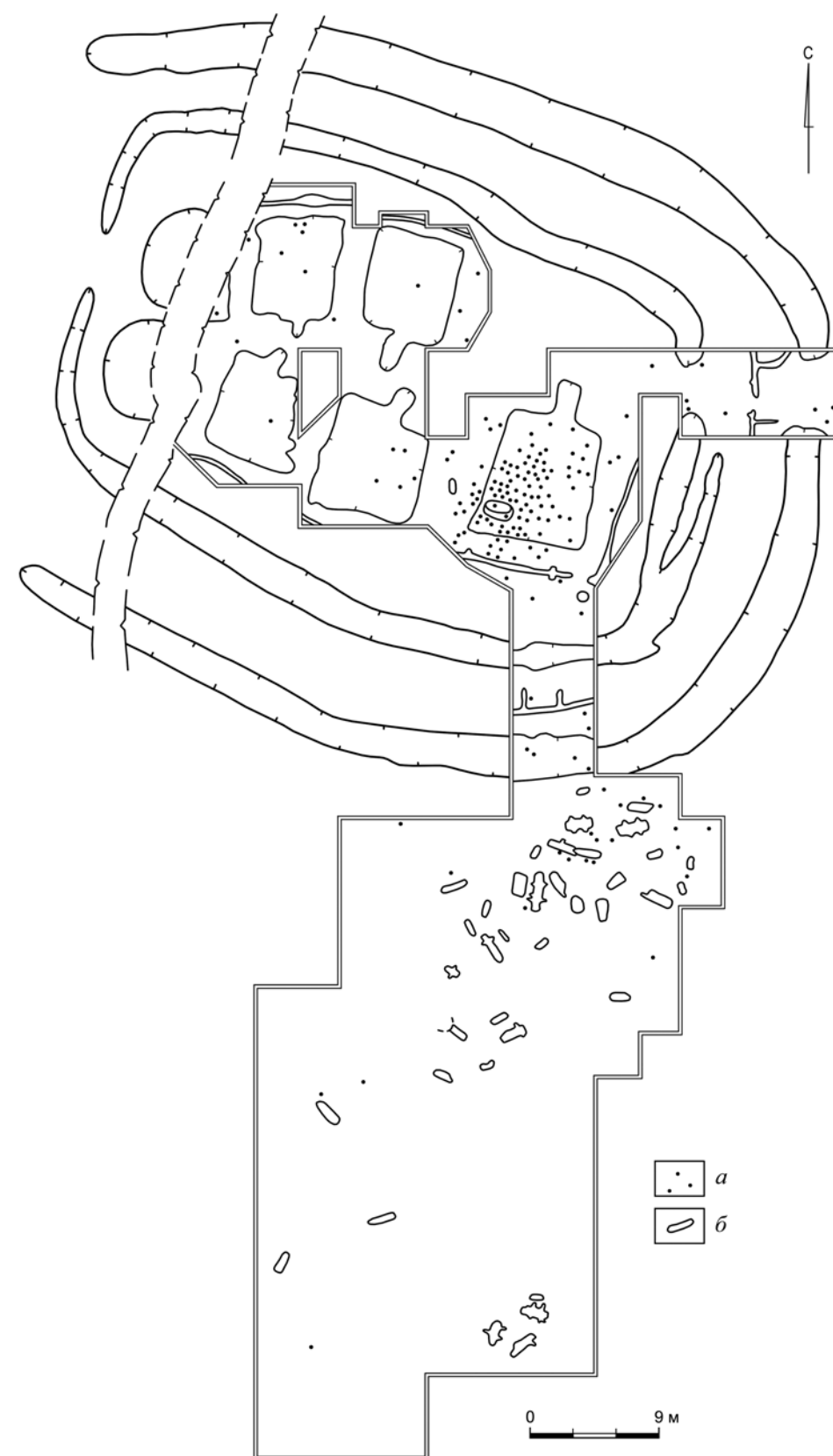

Рис. 40. Городище Кучиминское V, Сайгатинское I святилище, Сайгатинский I могильник (группа погребений «Г»). Сводный план раскопов 1981–1984 гг. Условные обозначения: а – находки Сайгатинского I святилища; б – погребения Сайгатинского I могильника

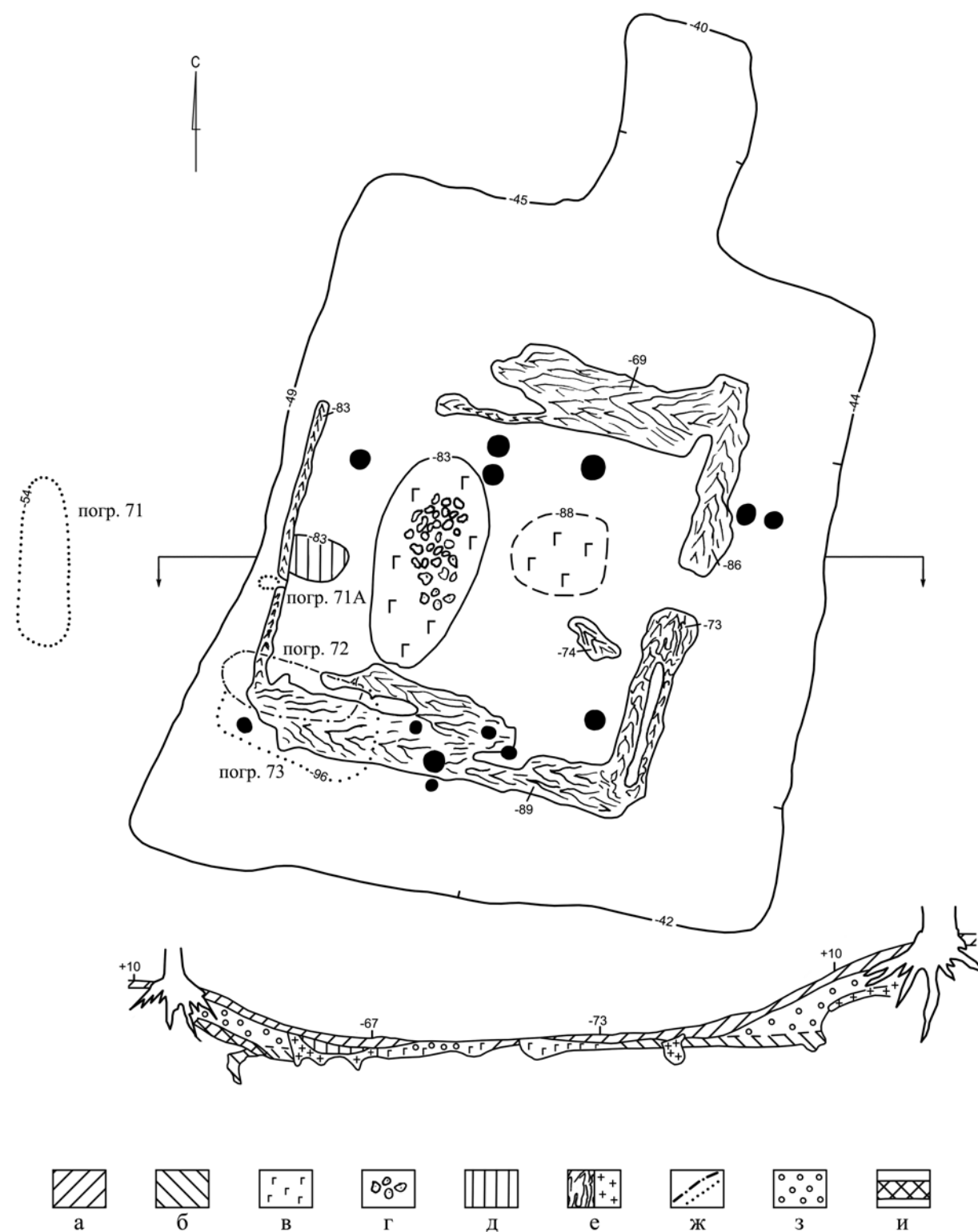
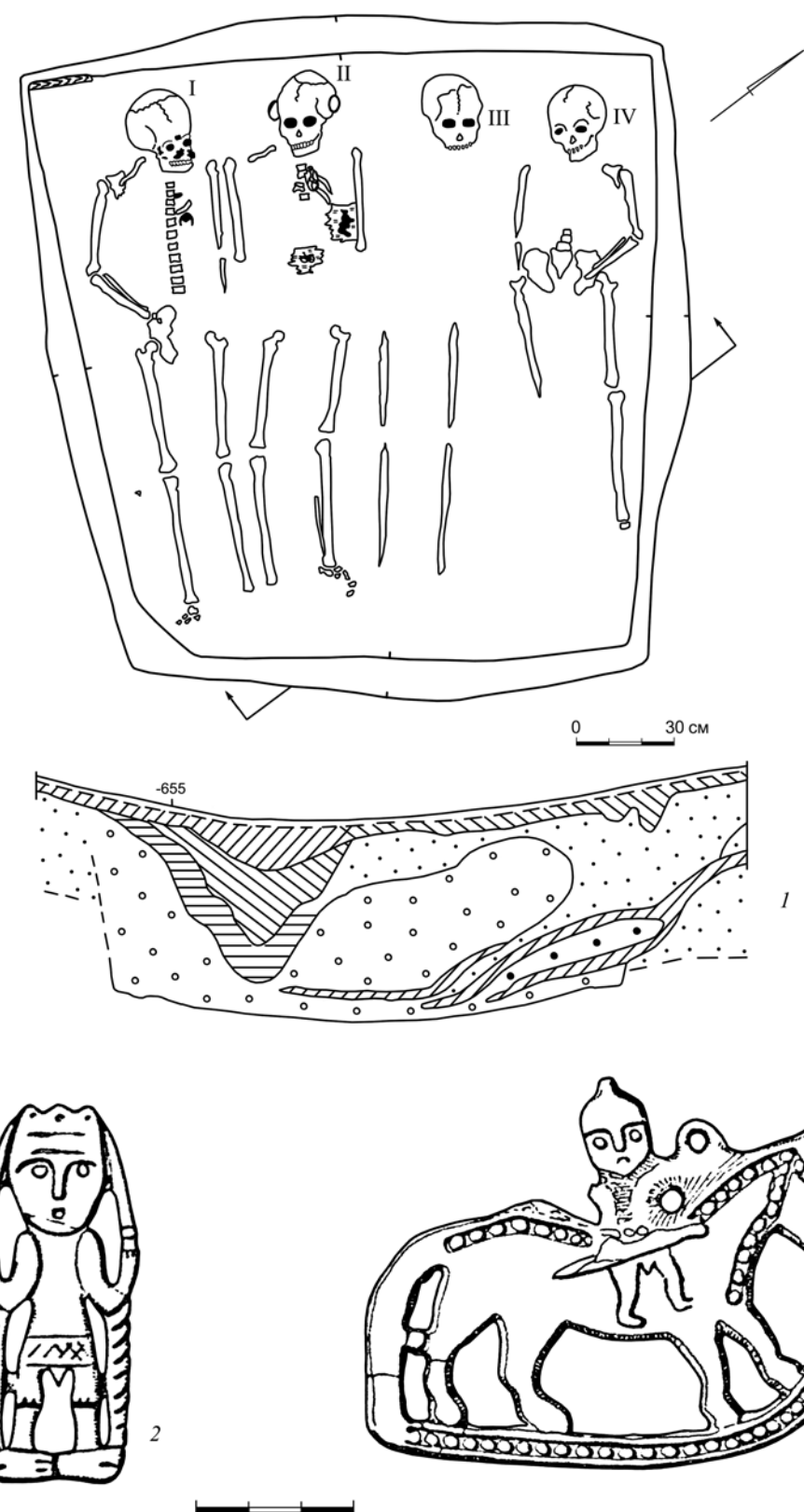

Рис. 41. Городище Кучиминское V. Жилище 3.

Впадина жилища прорезана погребениями 72 и 73 Сайгатинского I могильника; все вместе перекрыто наземной сгоревшей постройкой Сайгатинского I святилища, остатки которой перекрыты погребениями 71А и, возможно, 71 Сайгатинского I могильника. План и профиль сооружений.

Условные обозначения: а – лесная подстилка и современный подзол; б – темно-серый песок; в – бурый очажный слой; г – камни в святилищном очаге; д – провал; е – сгоревшее дерево и уголь; ж – контуры погребений; з – переотложенный желтый песок; и – погребенный подзол

Рис. 42. Могильник Барсов Городок. Коллективное погребение 118.
1 – план и разрез; 2, 3 – инвентарь. Бронза (по В. А. Борзунову)

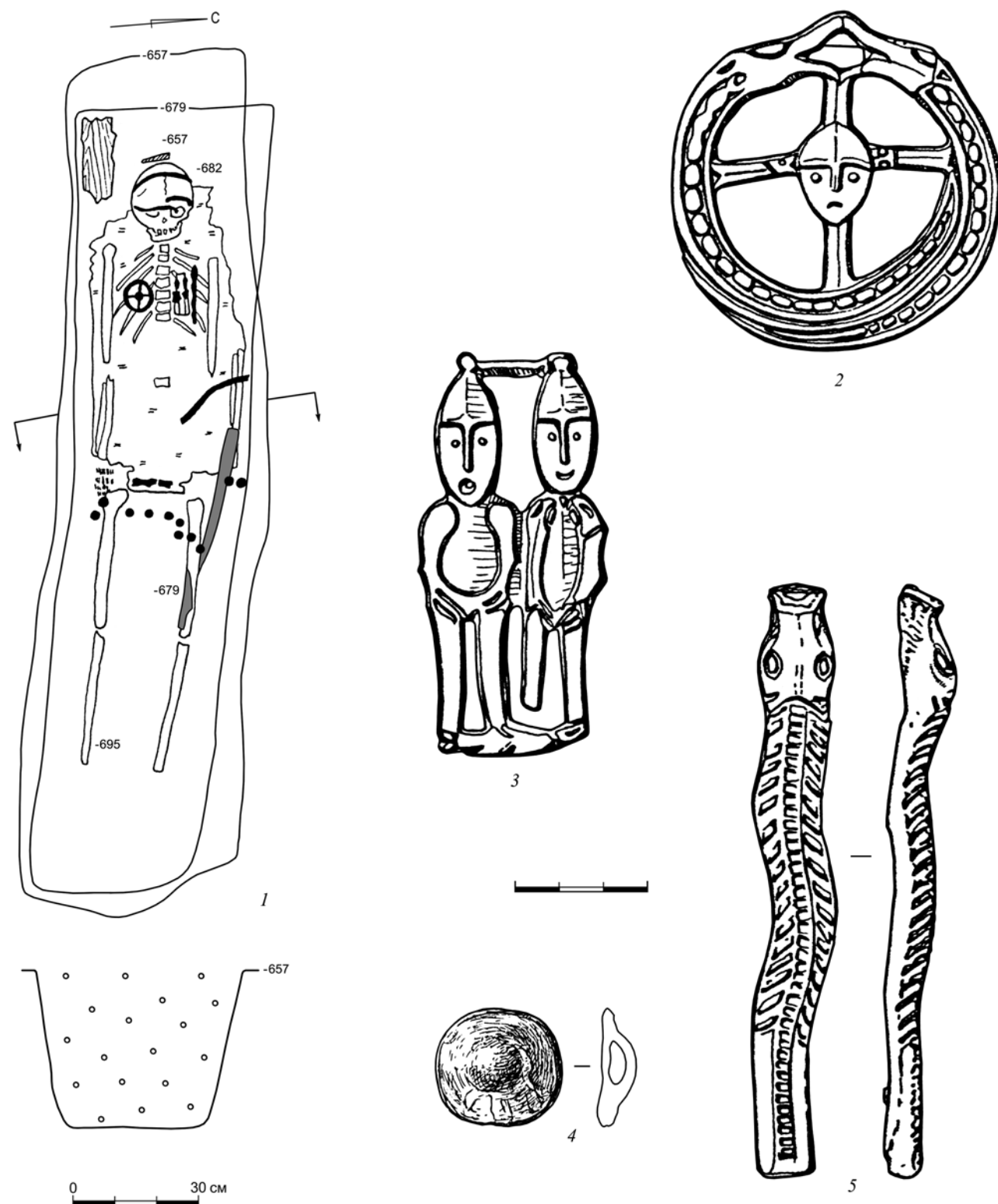

Рис. 43. Могильник Барсов Городок. Погребение 119.
1 – план и разрез; 2–5 – инвентарь. Бронза (по В. А. Борзунову)

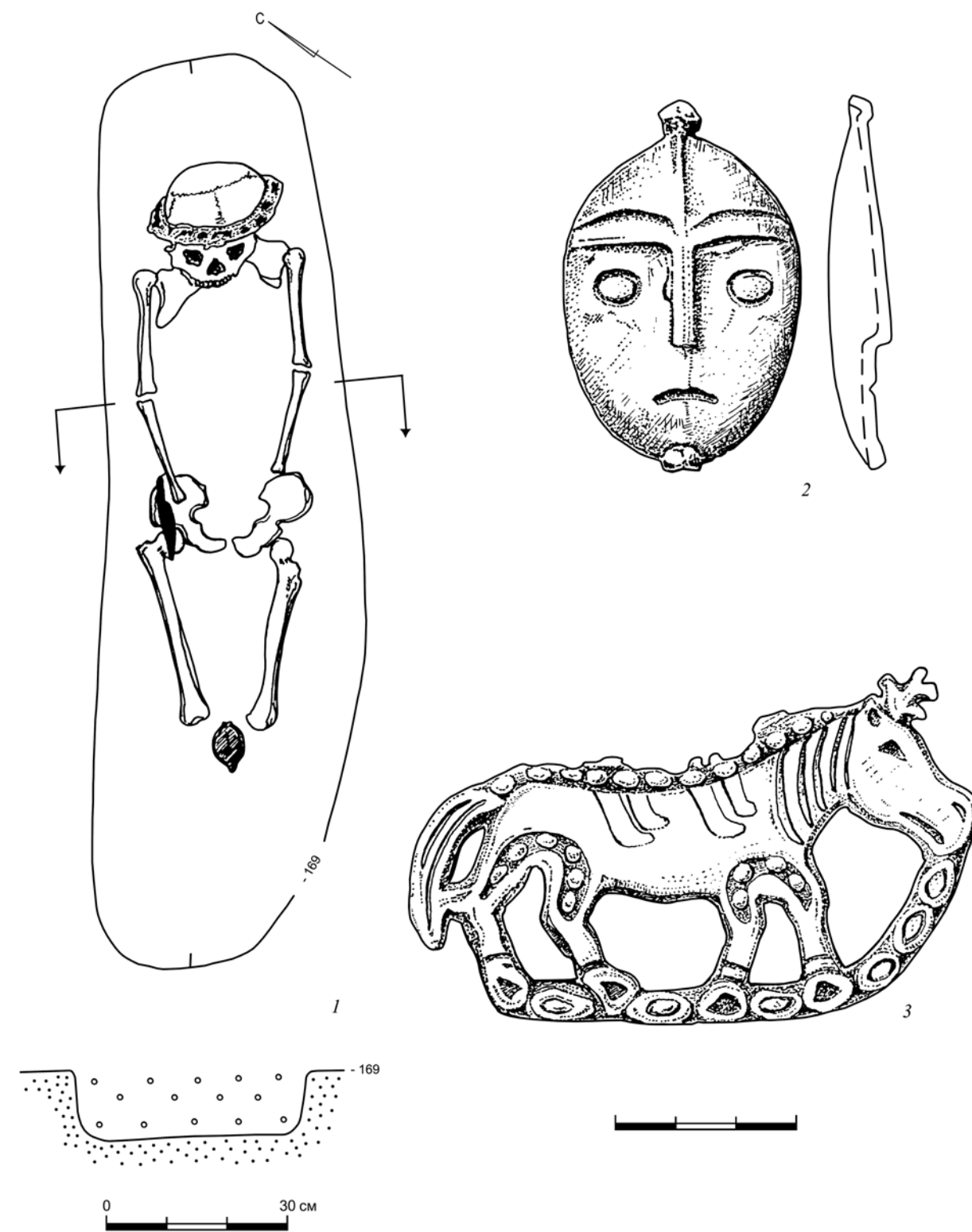

Рис. 44. Могильник Барсов Городок. Погребение 130. 1 – план и разрез; 2, 3 – инвентарь. Бронза

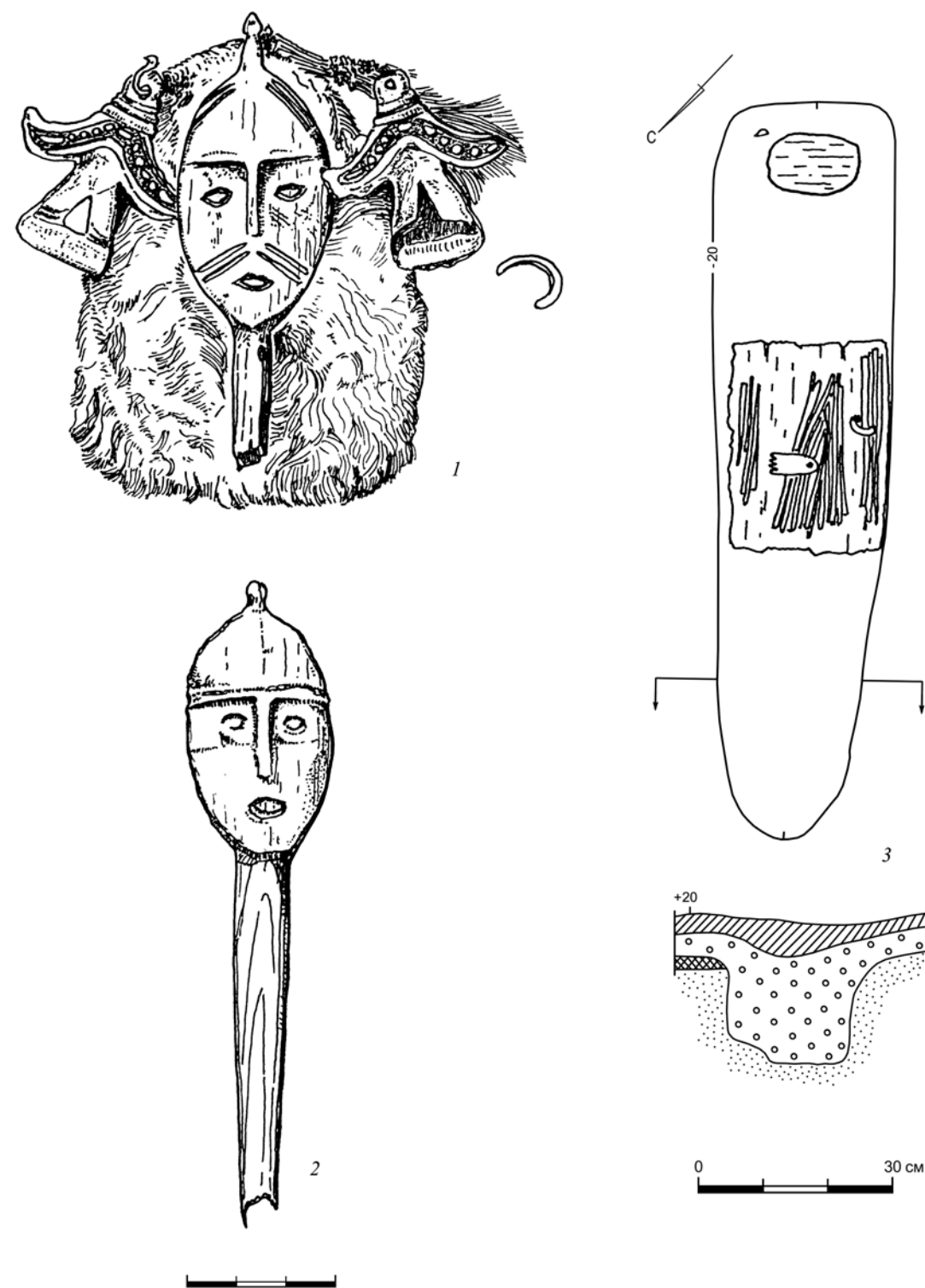

Рис. 45. Куклы-«иттерма» в погребениях VIII–IX вв. Сургутского Приобья.
 1 – из погребения во рву городища Барсов городок I/20 (по В. А. Борзунову); 2 – деревянная личина из комплекса захоронения кукол-«иттерма» в Сайгатинском III могильнике (по К. Г. Карачарову); 3 – погребение 105 Сайгатинского III могильника — ритуальное захоронение «ростовой» куклы с головой из сырой глины, туловищем и руками из пучков древесных прутьев, в меховой одежде, с бронзовыми браслетом и пряжкой (по К. Г. Карачарову)

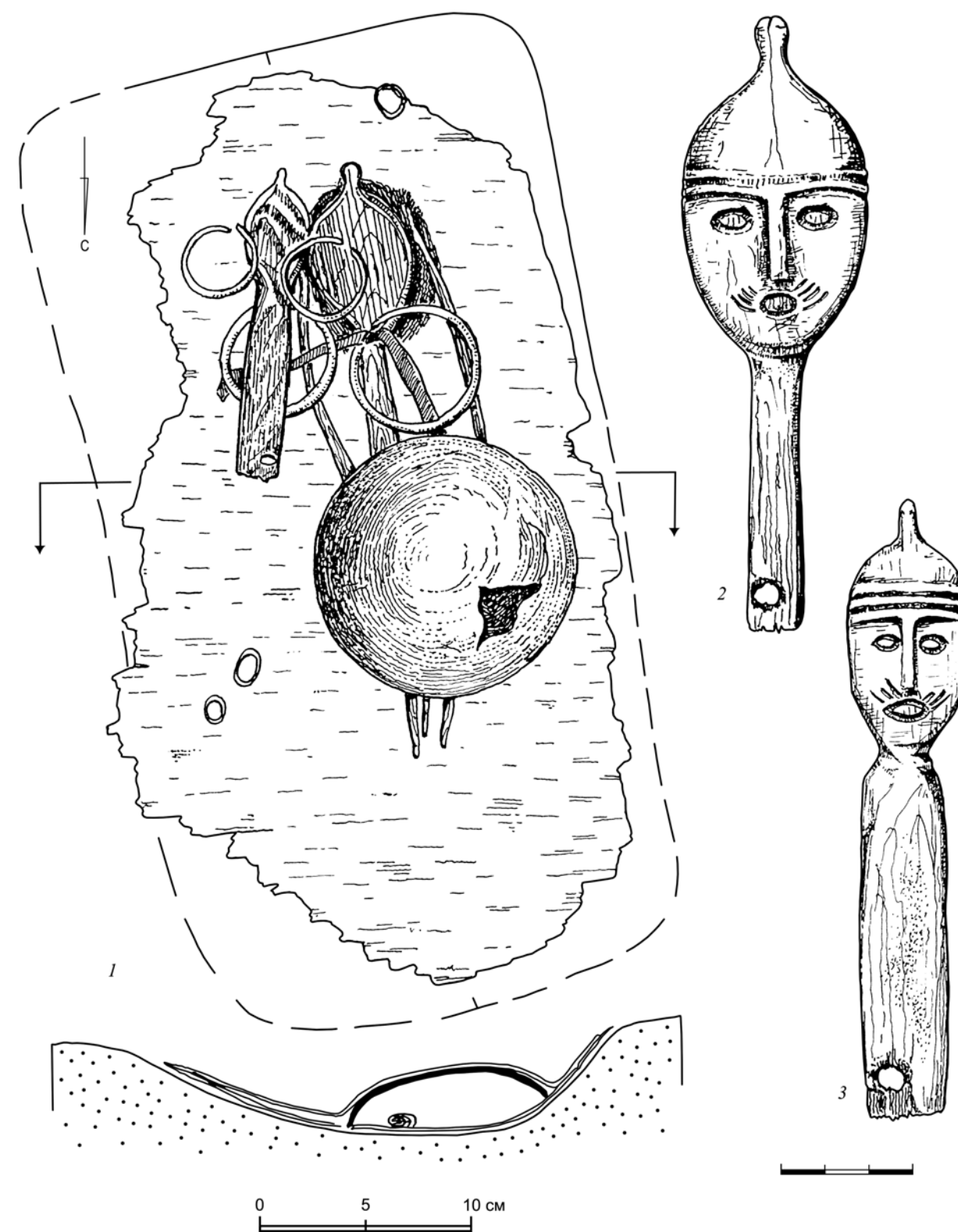

Рис. 46. Погребение кукол-«иттерма» VIII–IX вв. на кулайском поселении Остяцкий Живец.
 1 – план и профиль погребения; 2, 3 – деревянные личины кукол

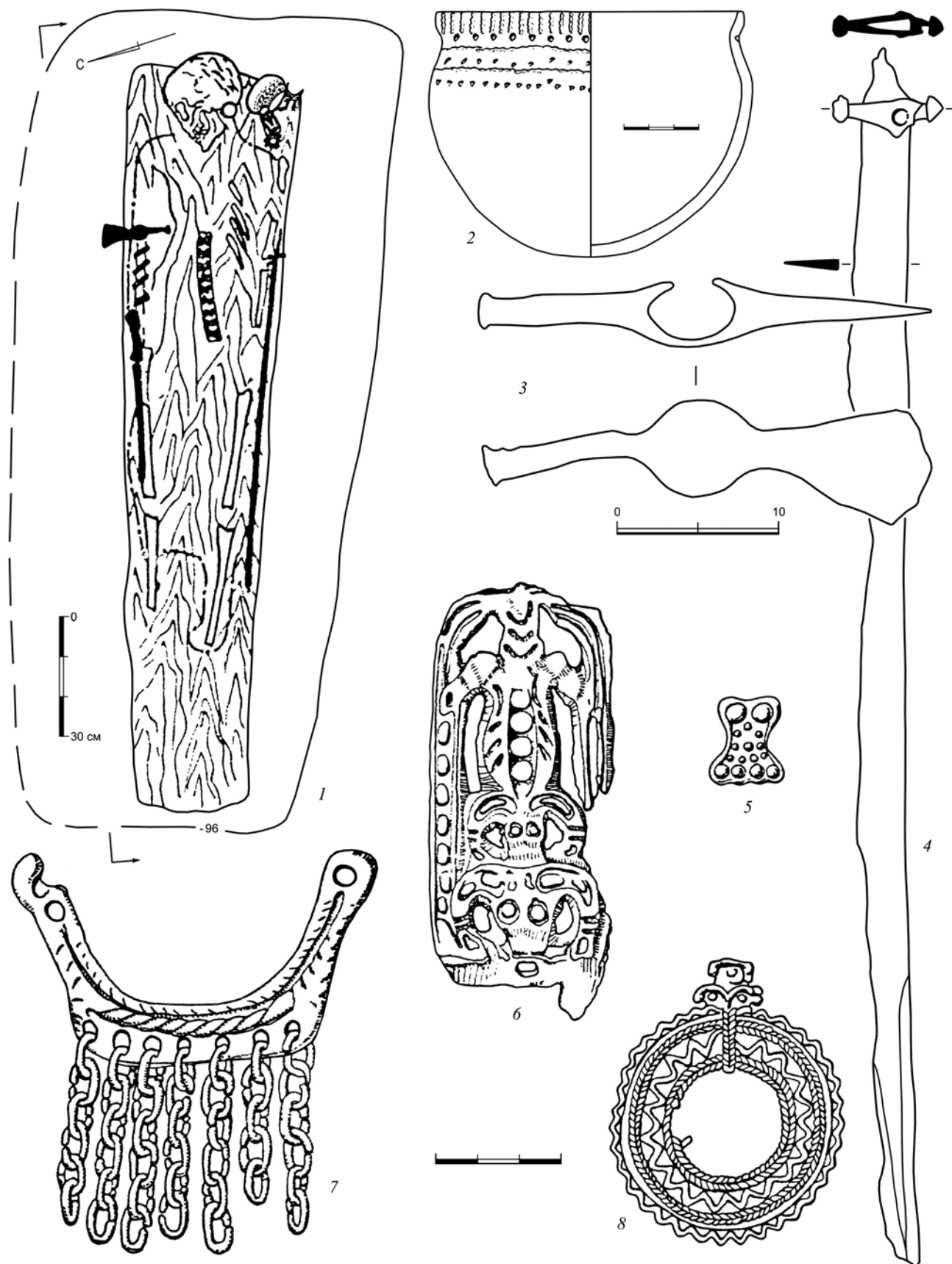

Рис. 47. Сайгатинский I могильник. Погребение 73.
1 – план; 2–8 – часть инвентаря. 2 – керамика; 3, 4 – железо; 5 – серебро; 6–8 – бронза

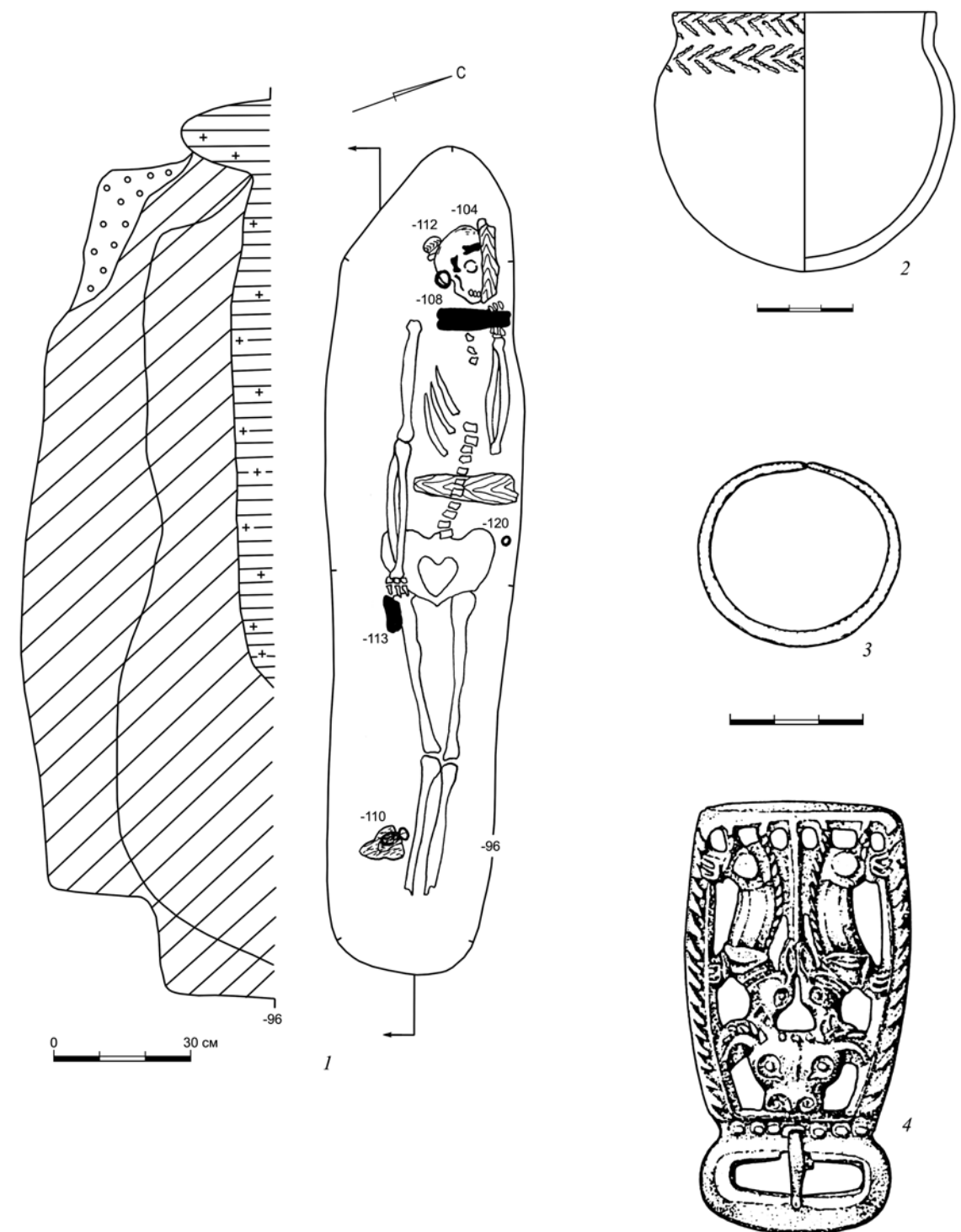

Рис. 48. Сайгатинский I могильник. Погребение 72.
1 – план и профиль (общий с погр. 73), 2–4 – часть инвентаря. 2 – керамика; 3, 4 – бронза

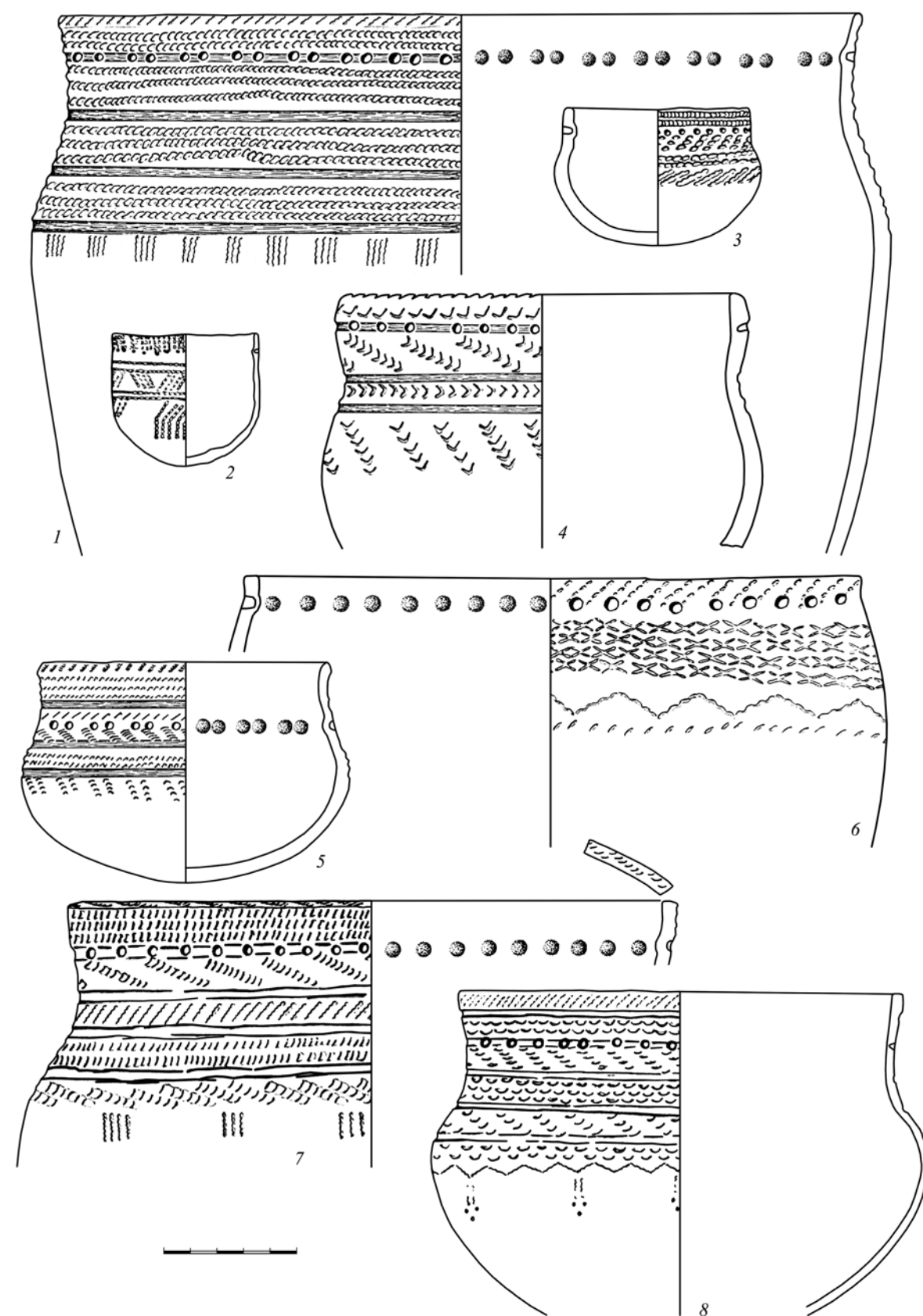

Рис. 49. Кучиминский этап нижнеобской культуры. Керамика. Первая хронологическая группа (ранняя).
1 – городище Барсов городок II/5; 2, 3 – Сайгатинский III могильник; 4, 5 – городище Барсов городок II/4;
6 – городище Барсов городок II/25; 7 – поселение Барсова гора II/8; 8 – городище Кучиминское XI
(2, 3 – по К. Г. Карачарову)

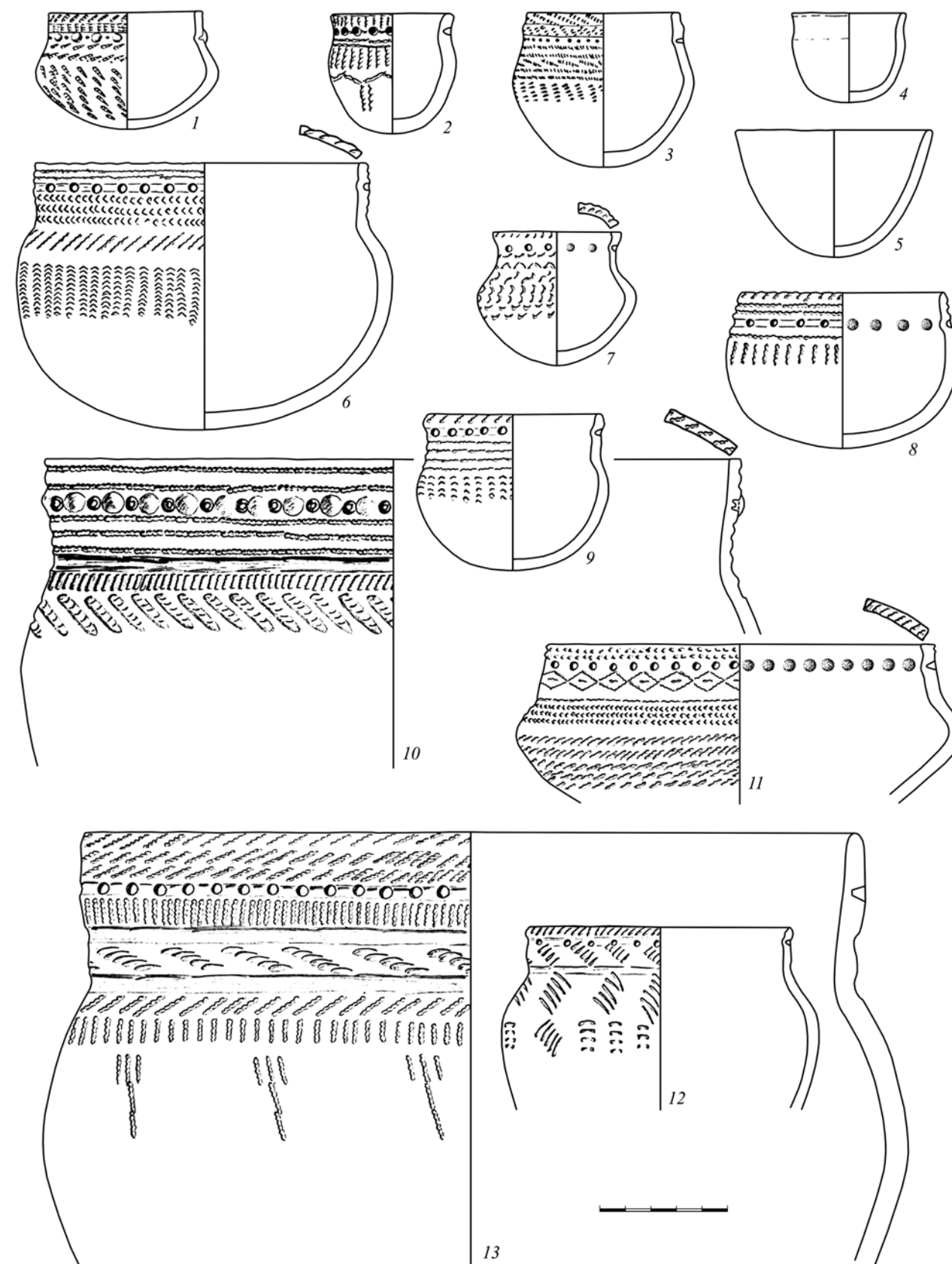

Рис. 50. Кучиминский этап нижнеобской культуры. Керамика. Вторая хронологическая группа (поздняя).
1–4 – могильник Сайгатинский III; 5, 7 – могильник Барсов Городок; 6, 10 – городище Барсов городок II/4;
8, 12 – городище Кучиминское V; 9, 11, 13 – городище Барсов городок II/3 (1–4 – по К. Г. Карачарову)

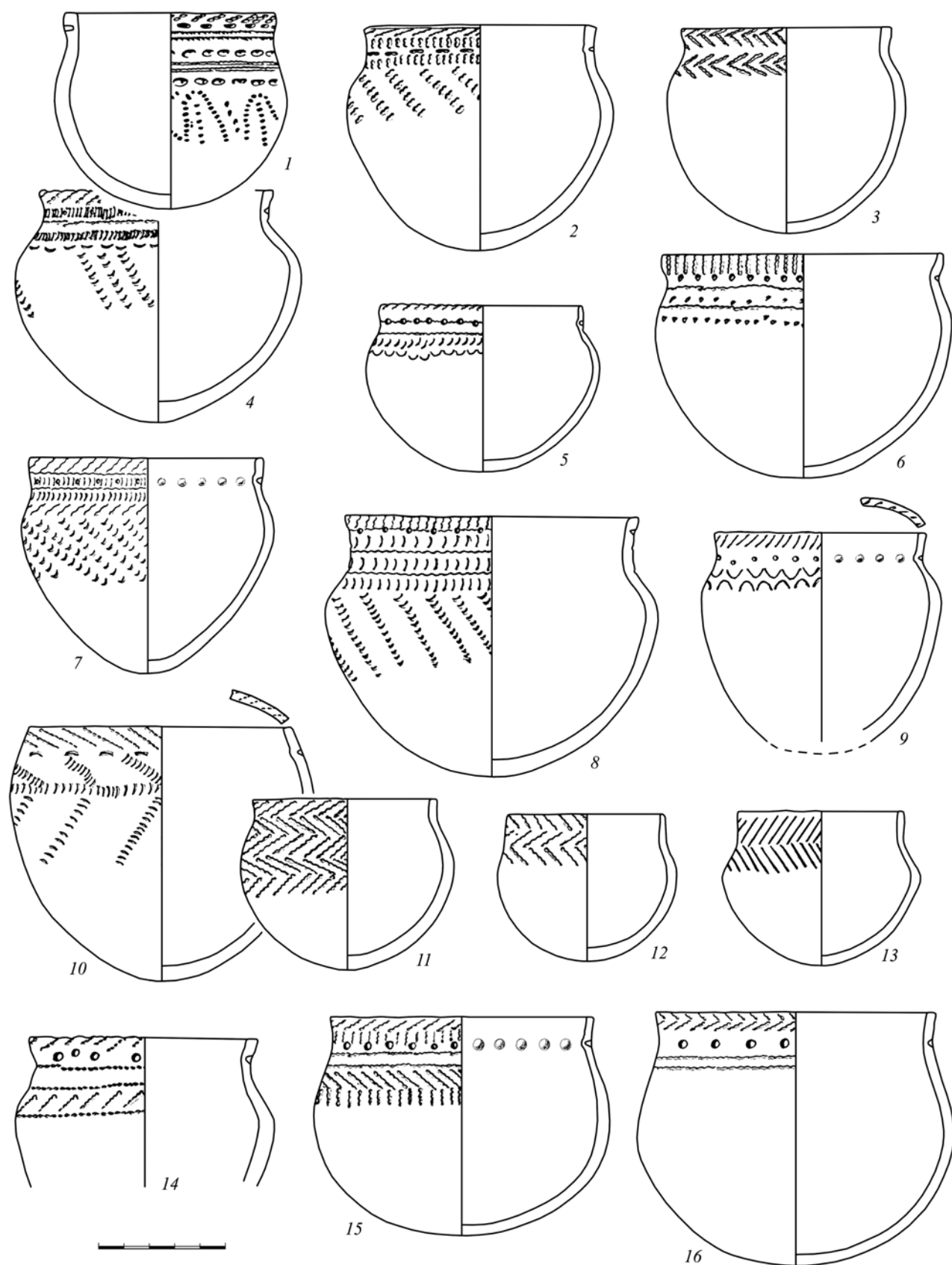

Рис. 51. Кучиминский этап нижнеобской культуры. Керамика. Третья хронологическая группа (финальная или переходная). 1 – могильник Сайгатинский III; 2, 4, 5, 7–15 – могильник Барсов Городок; 3, 6 – могильник Сайгатинский I (погр. 73, 72); 16 – городище Барсов городок I/31 (1 – по К. Г. Карачарову)

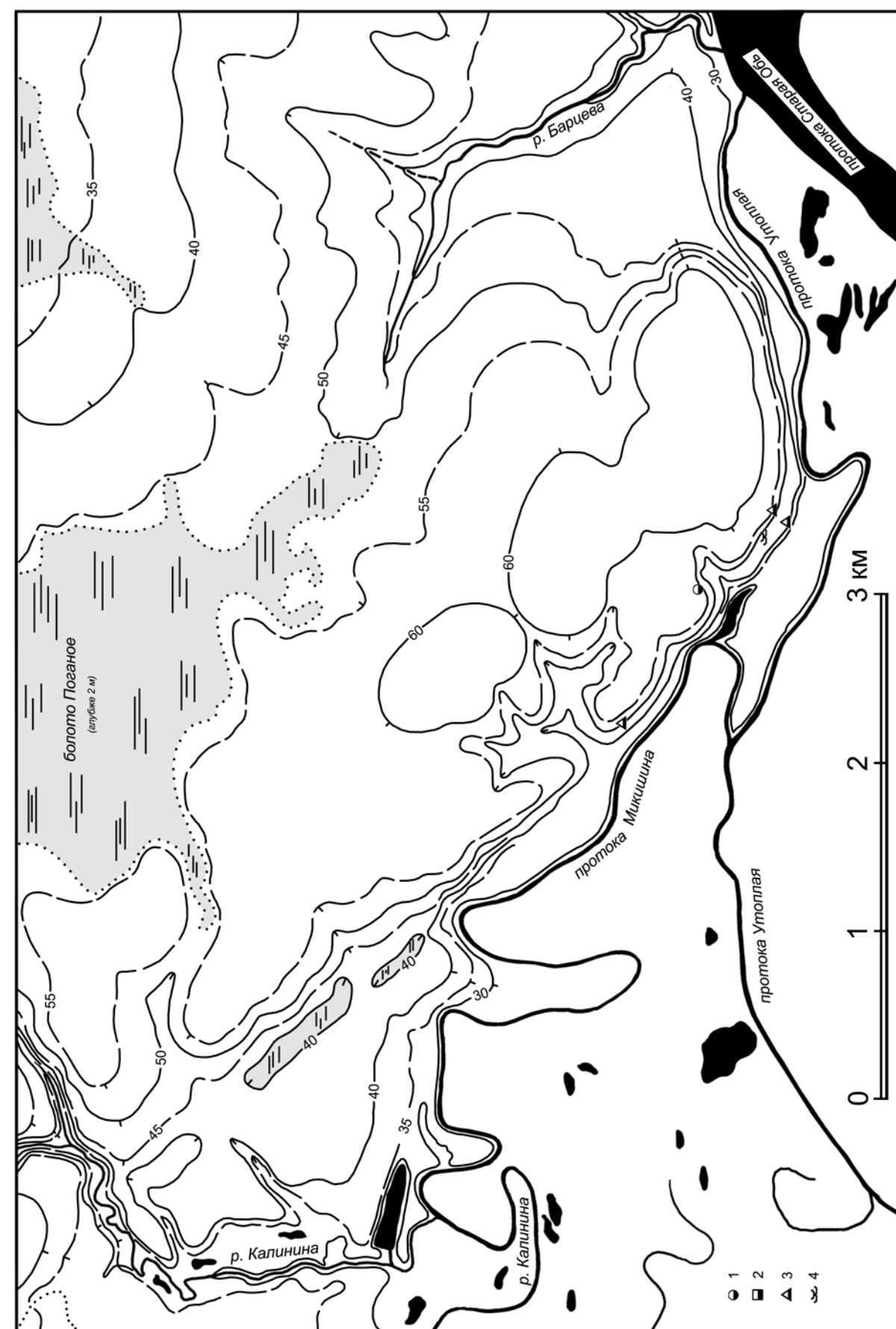

Рис. 52. Раннее средневековье Барсовой Горы. Нижнеобская культура, кингусовский этап. Карта расположения памятников. 1 – селище; 2 – городище; 3 – местонахождение; 4 – могильник

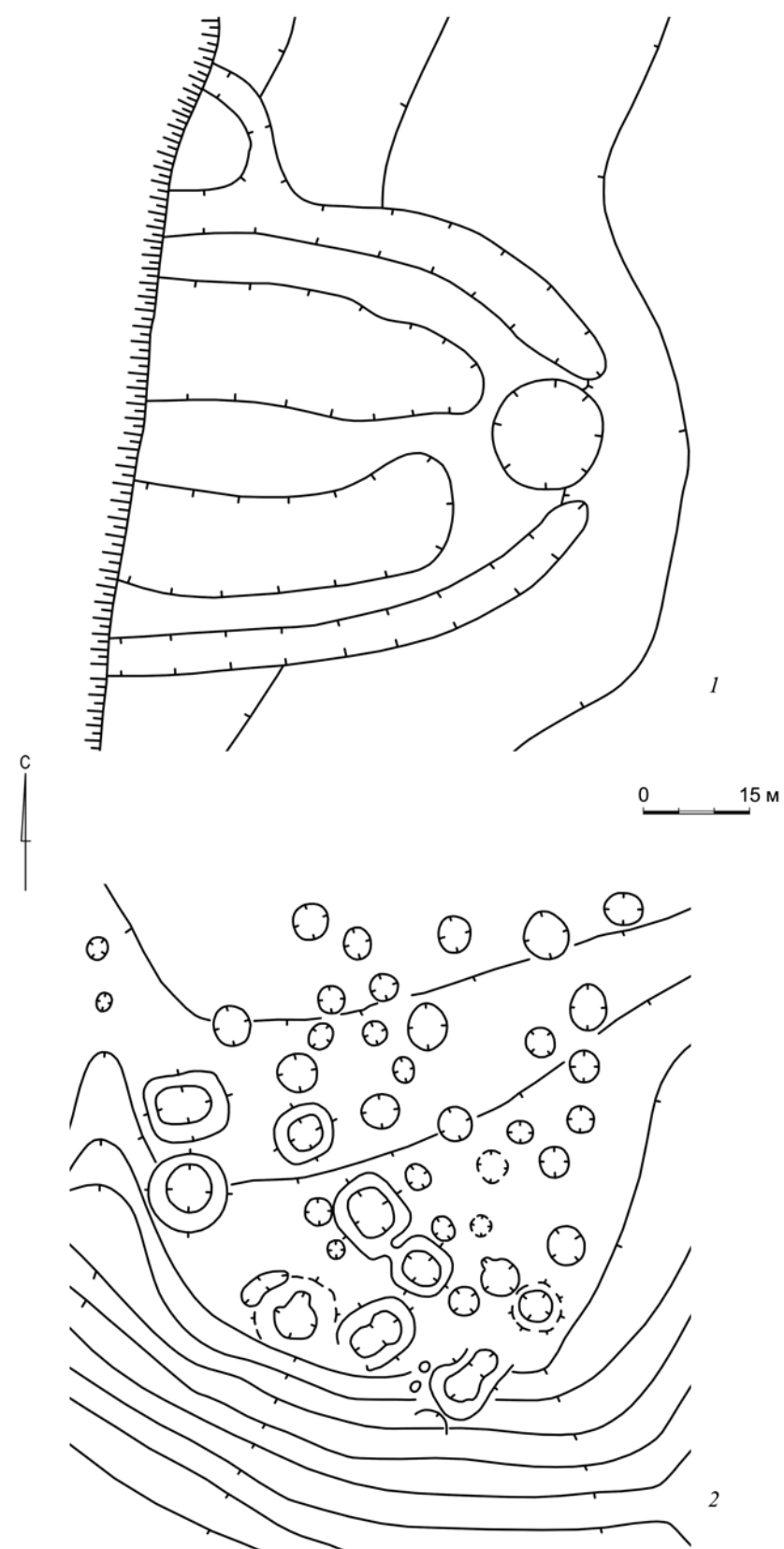

Рис. 53. Планы памятников кинтусовского этапа нижнеобской культуры Сургутского Приобья.
1 – городище Кучиминское IX; 2 – селище Барсова гора II/14 (севернее его — объекты неолитического селища Барсова гора II/17, при раскопках которого также были выявлены сооружения и находки кинтусовского этапа)

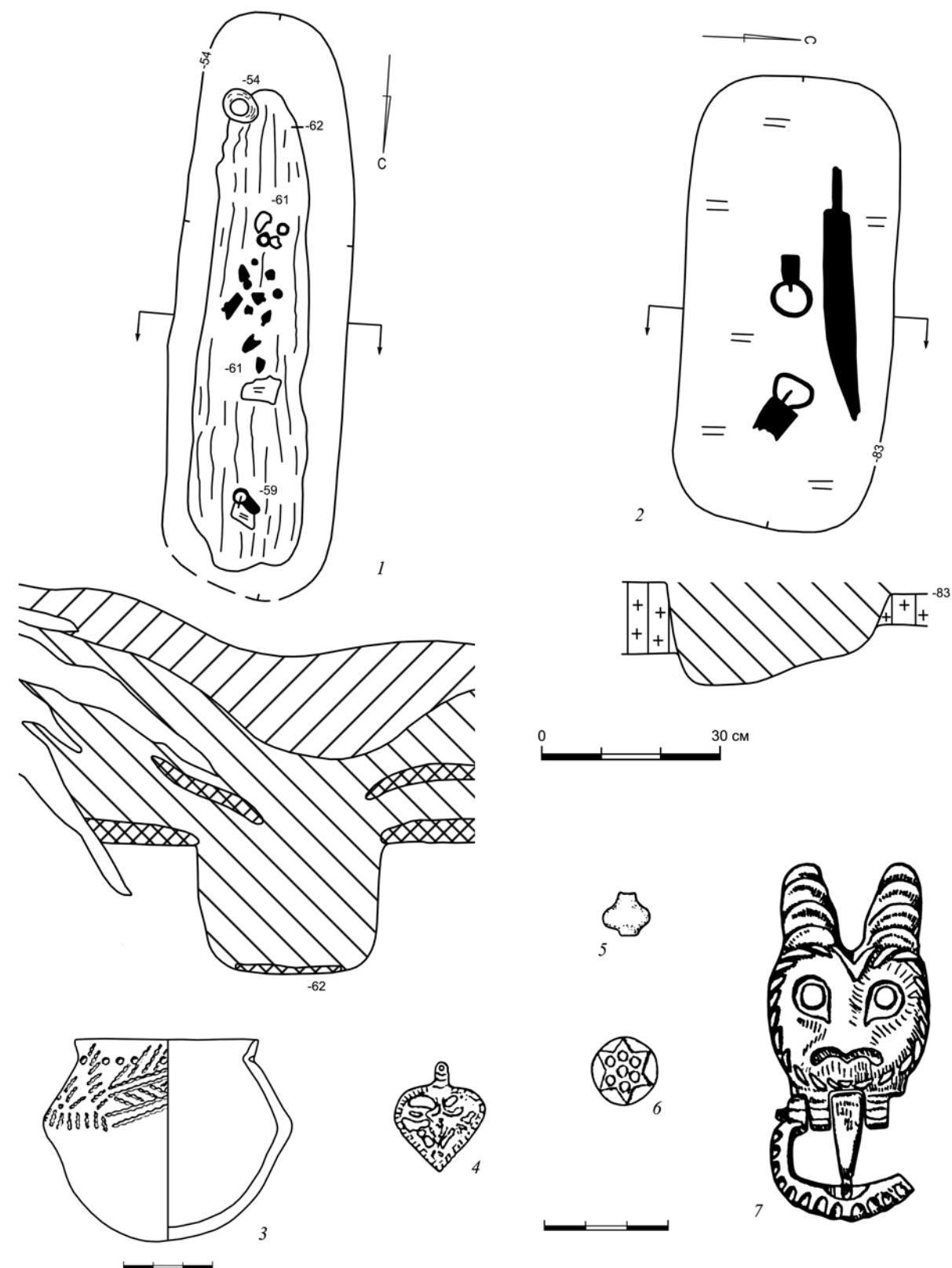

Рис. 54. Сайгатинский I могильник. Планы, профили и инвентарь из погребений 71 (1) и 71А (2).
3 – керамика; 4–7 – бронза

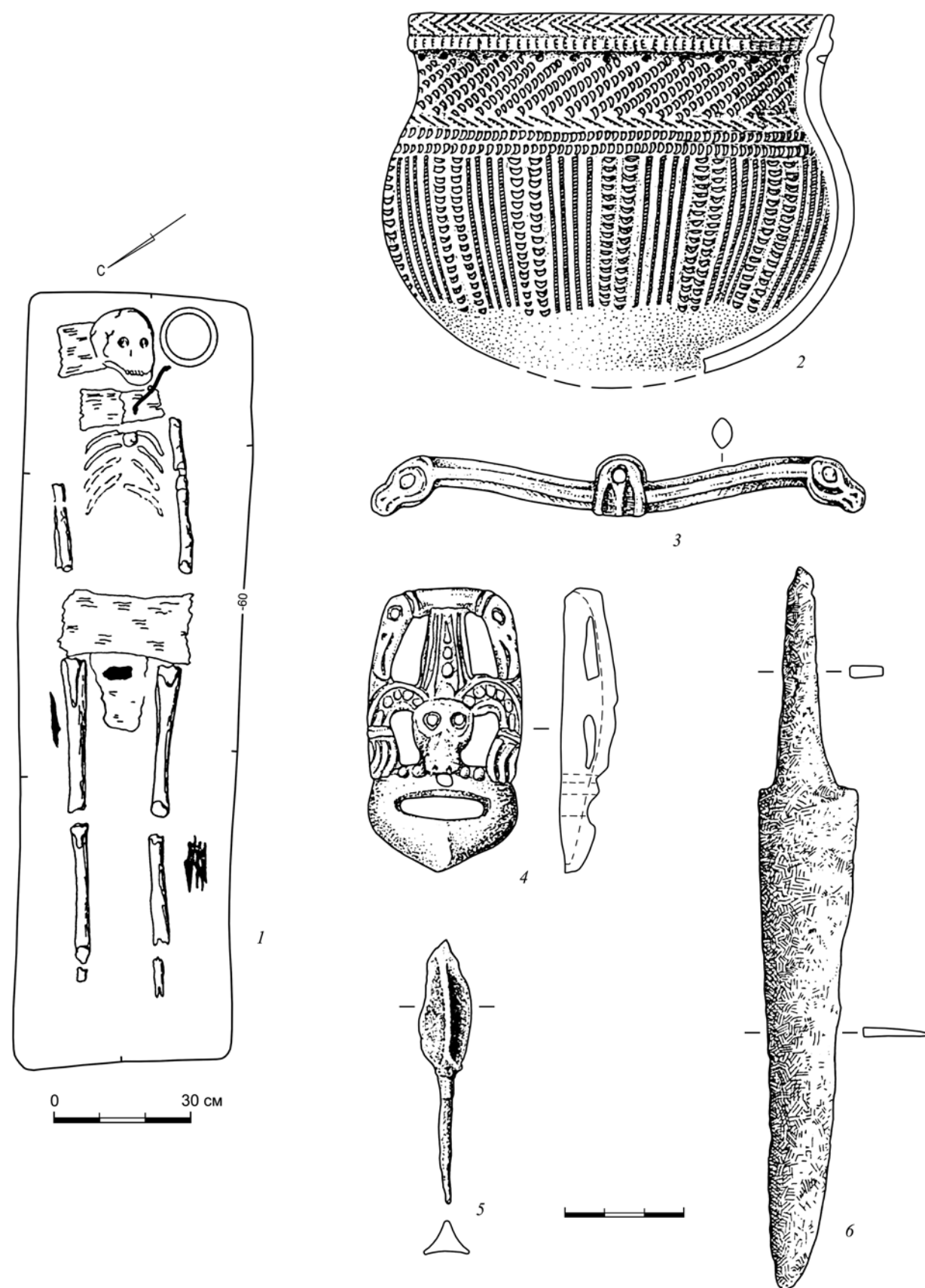

Рис. 55. Кинтусовский могильник. Погребение 4. 1 – план; 2–6 – инвентарь.
2 – керамика; 3, 4 – бронза; 5, 6 – железо (по Л. М. Тереховой)

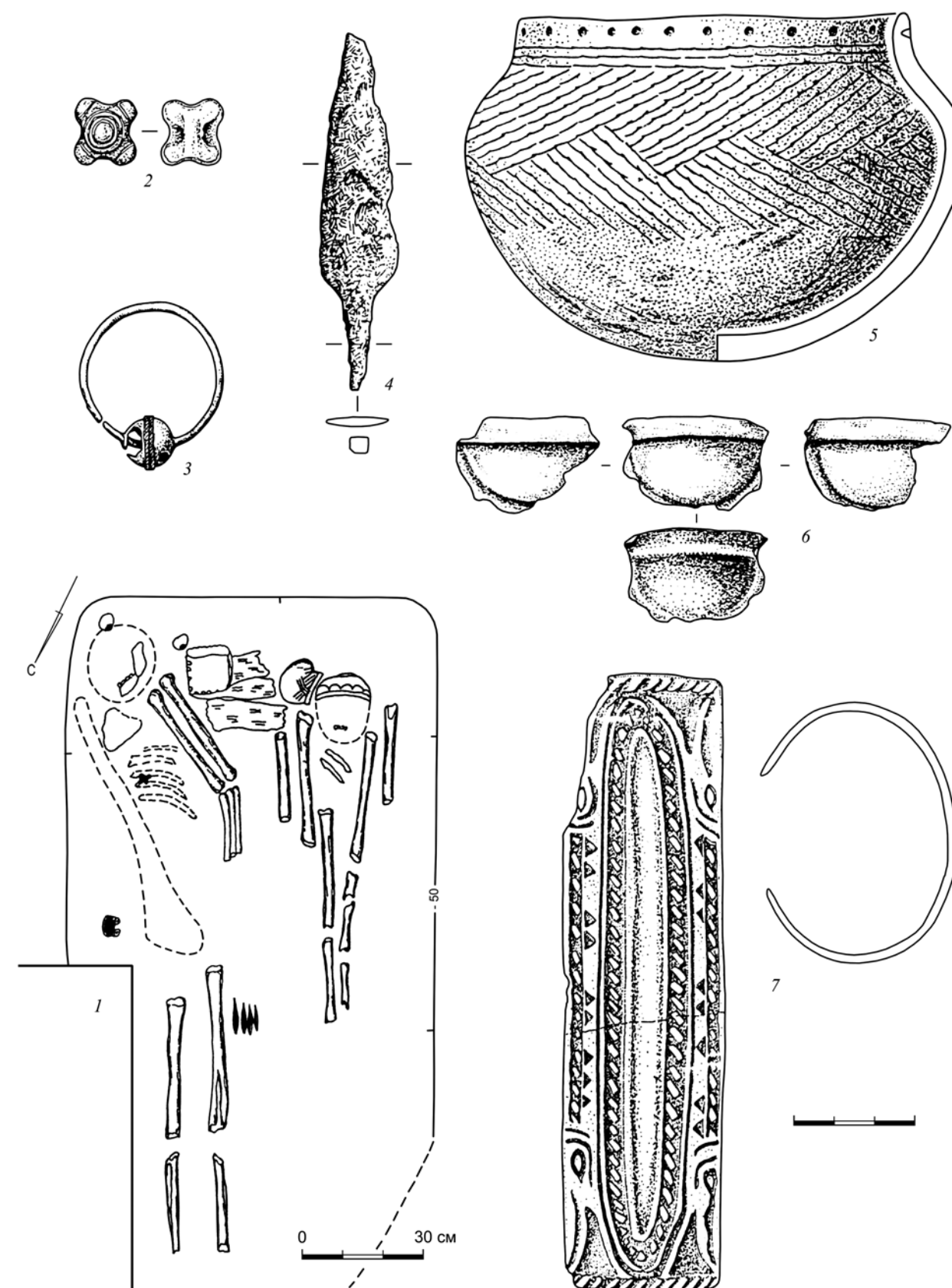

Рис. 56. Кинтусовский могильник. Погребения 2 и 3. 1 – план; 2–7 – инвентарь.
2, 7 – бронза; 3, 6 – серебро; 4 – железо; 5 – керамика (по Л. М. Тереховой)

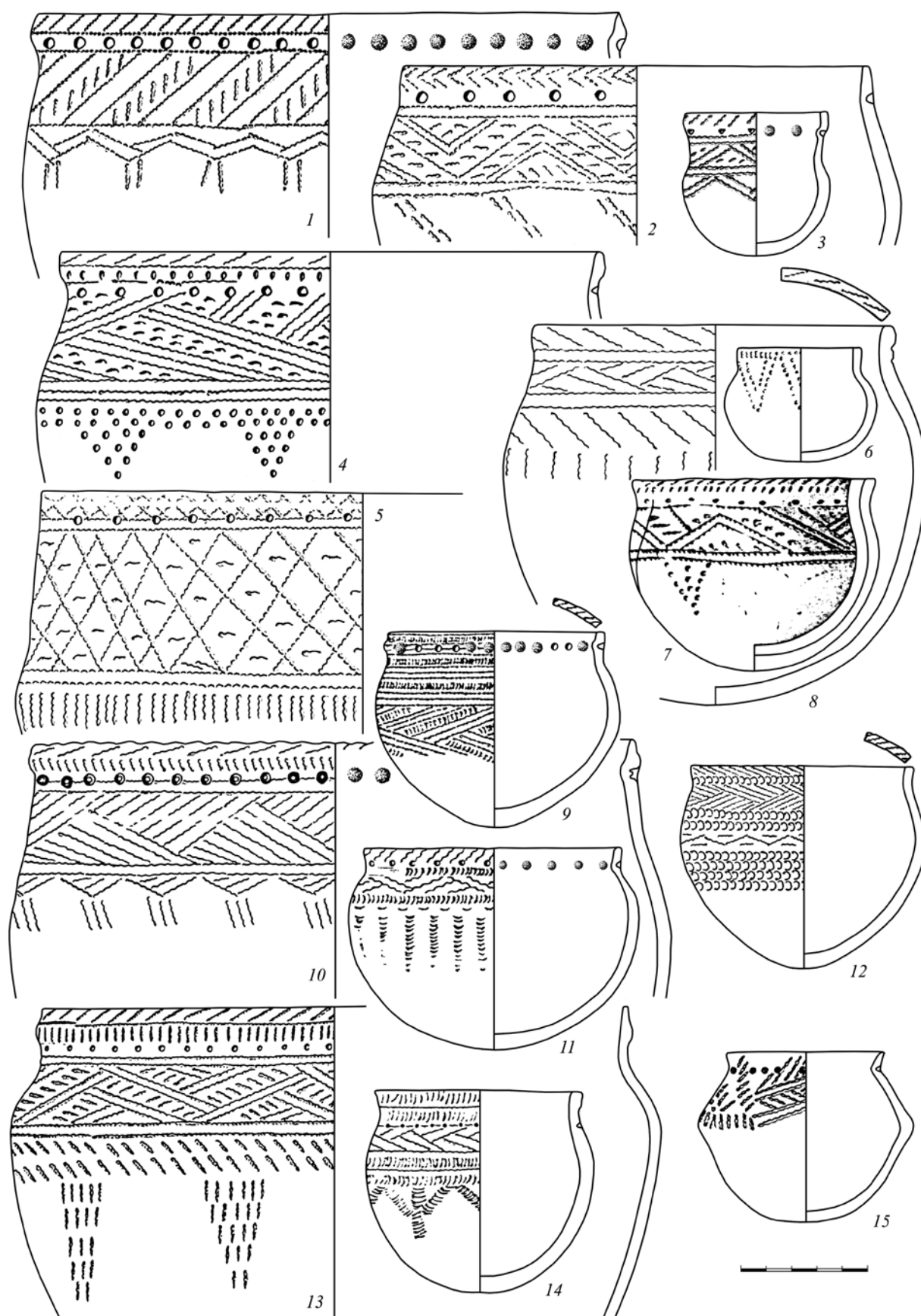

Рис. 57. Кинтусовский этап нижнеобской культуры. Керамика возжайского типа.
1, 2, 4, 5, 10 – городище Барсов городок I/31–32; 3, 6, 9, 11, 12, 14 – могильник Барсов Городок;
7 – могильник Сайгатинский VI; 8 – селище Барсова гора II/14; 13 – Сайгатинское I святилище;
15 – Сайгатинский I могильник (погр. 71) (7 – по К. Г. Карачарову)

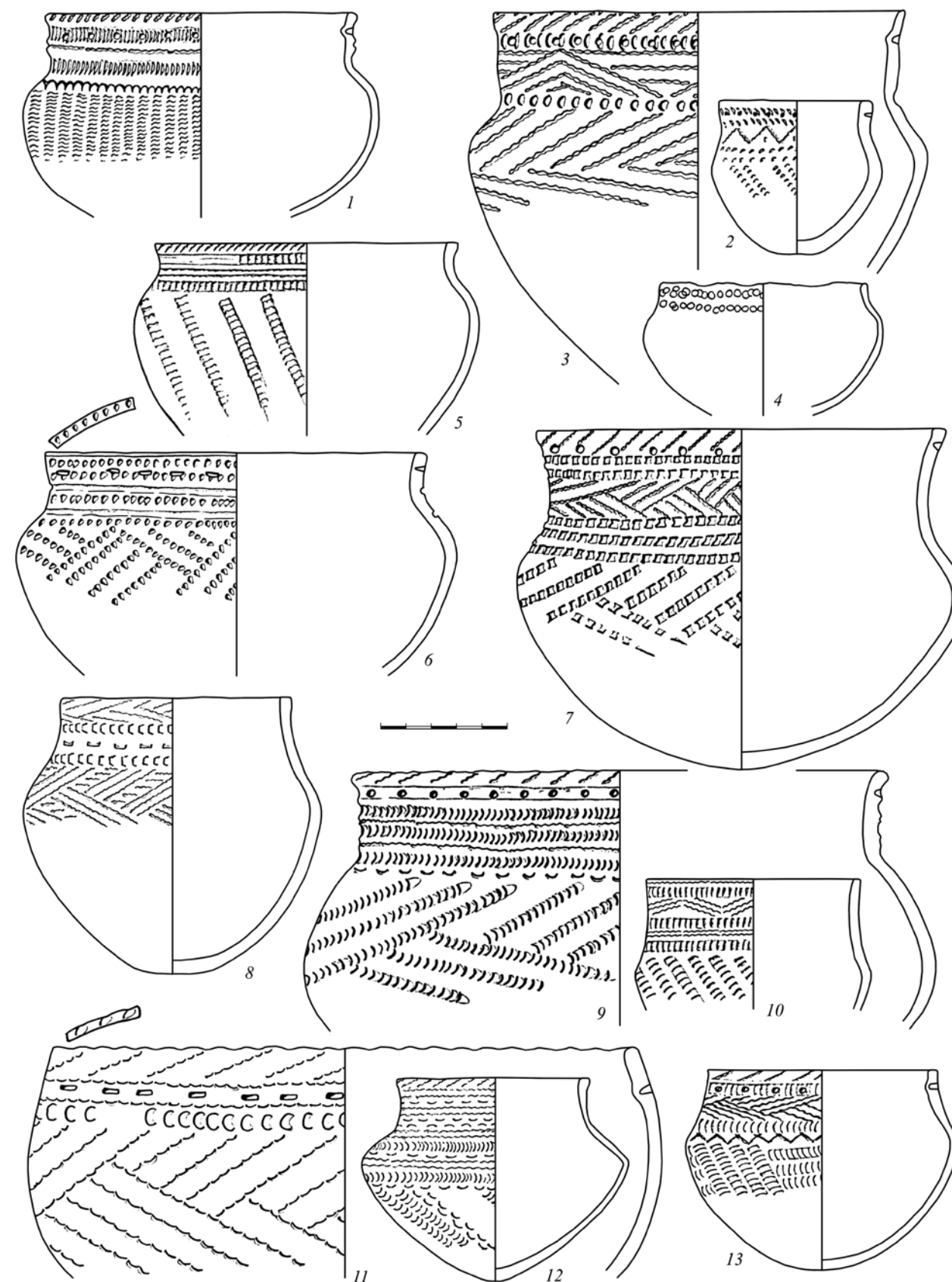

Рис. 58. Кинтусовский этап нижнеобской культуры. Керамика оронтурского типа.
1 – Сайгатинское I святилище; 8, 12 – могильник Барсов Городок;
9, 11 – городище Барсов городок I/31; 2–7, 10, 13 – могильник Сайгатинский I

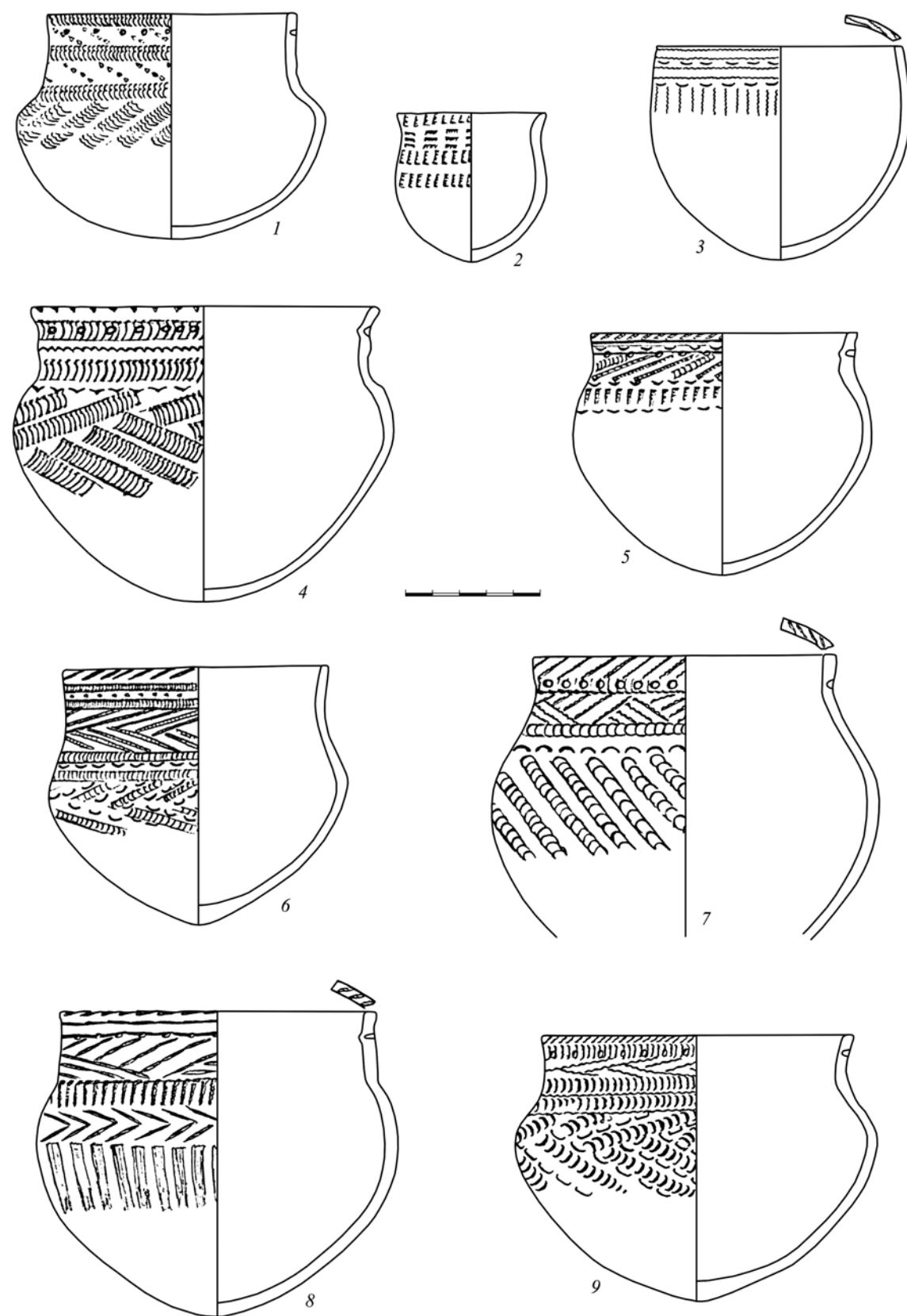

Рис. 59. Кинтусовский этап нижнеобской культуры. Керамика оронтурского типа. Сайгатинский I могильник, группы погребений «А», «Б», «В»

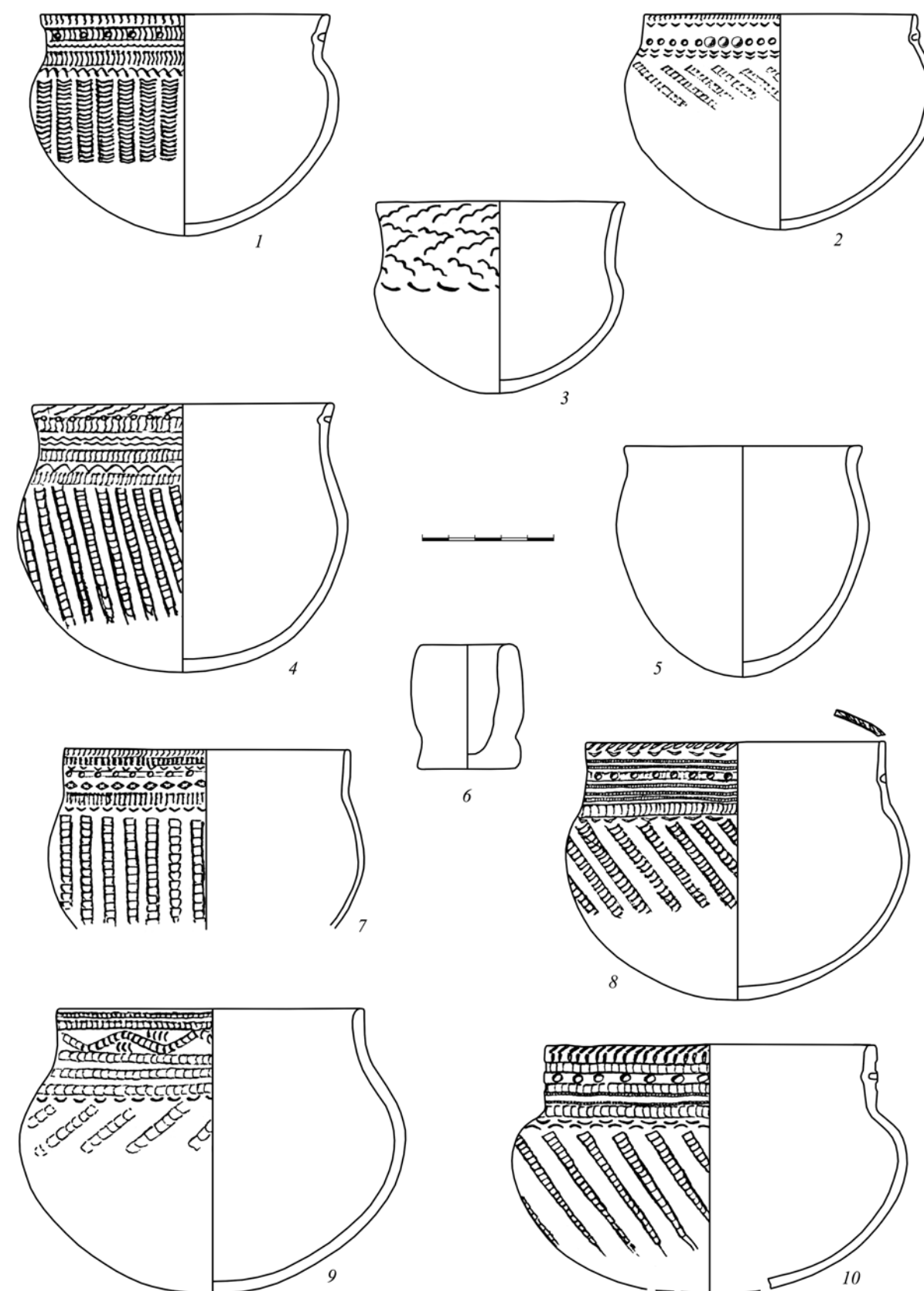

Рис. 60. Кинтусовский этап нижнеобской культуры. Керамика оронтурского типа (1–5, 7–10) и стаканчиковидный тигель (6). Сайгатинский I могильник, группы погребений «А», «Б», «В»

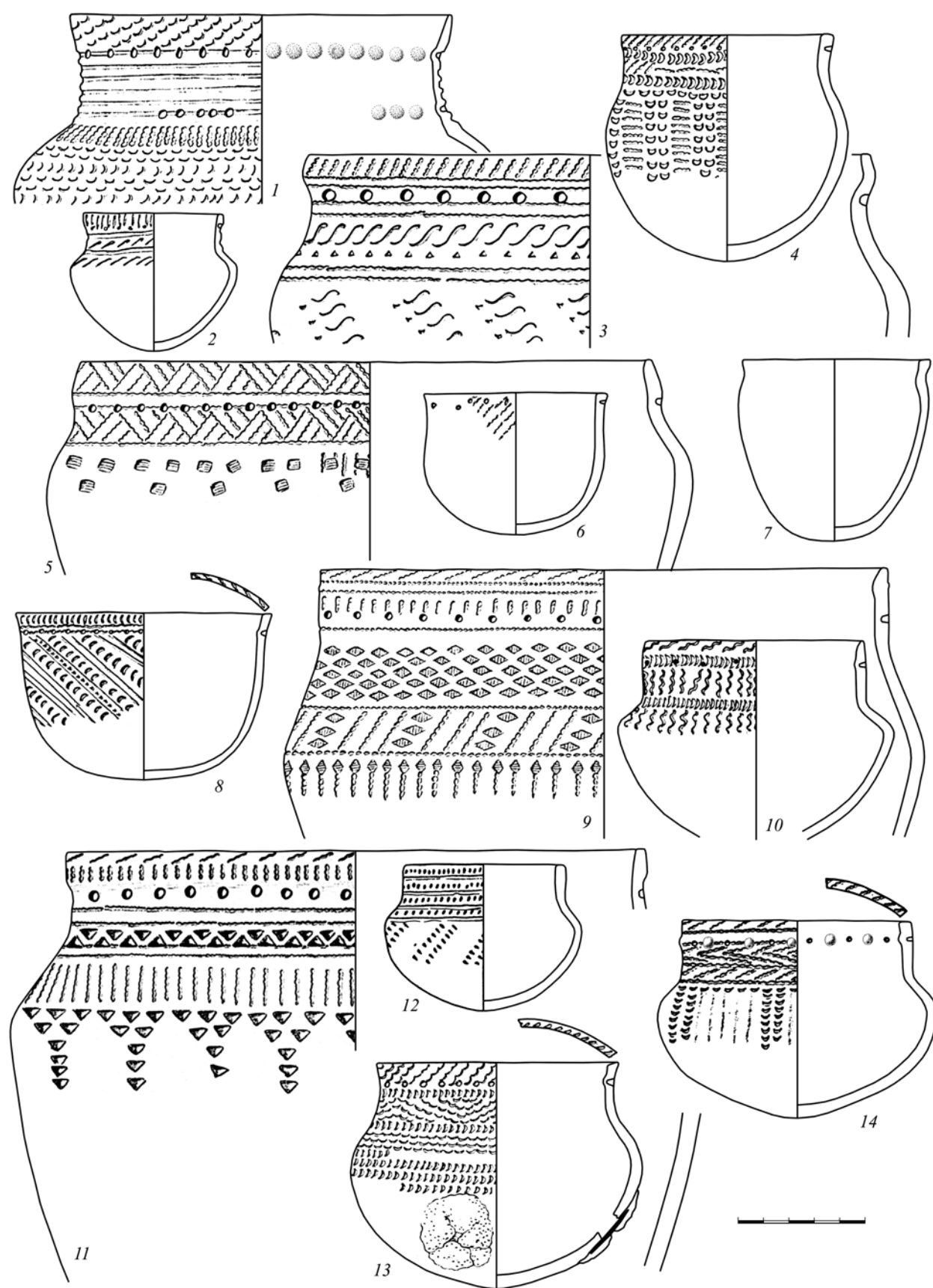

Рис. 61. Кинтусовский этап нижнеобской культуры. Рачёвский тип керамики.
1 – городище Кучиминское IX; 3, 5, 9, 11 – городище Барсов городок I/31;
2, 4, 6–8, 10, 12–14 – могильник Сайгатинский I, группа погребений «Г»

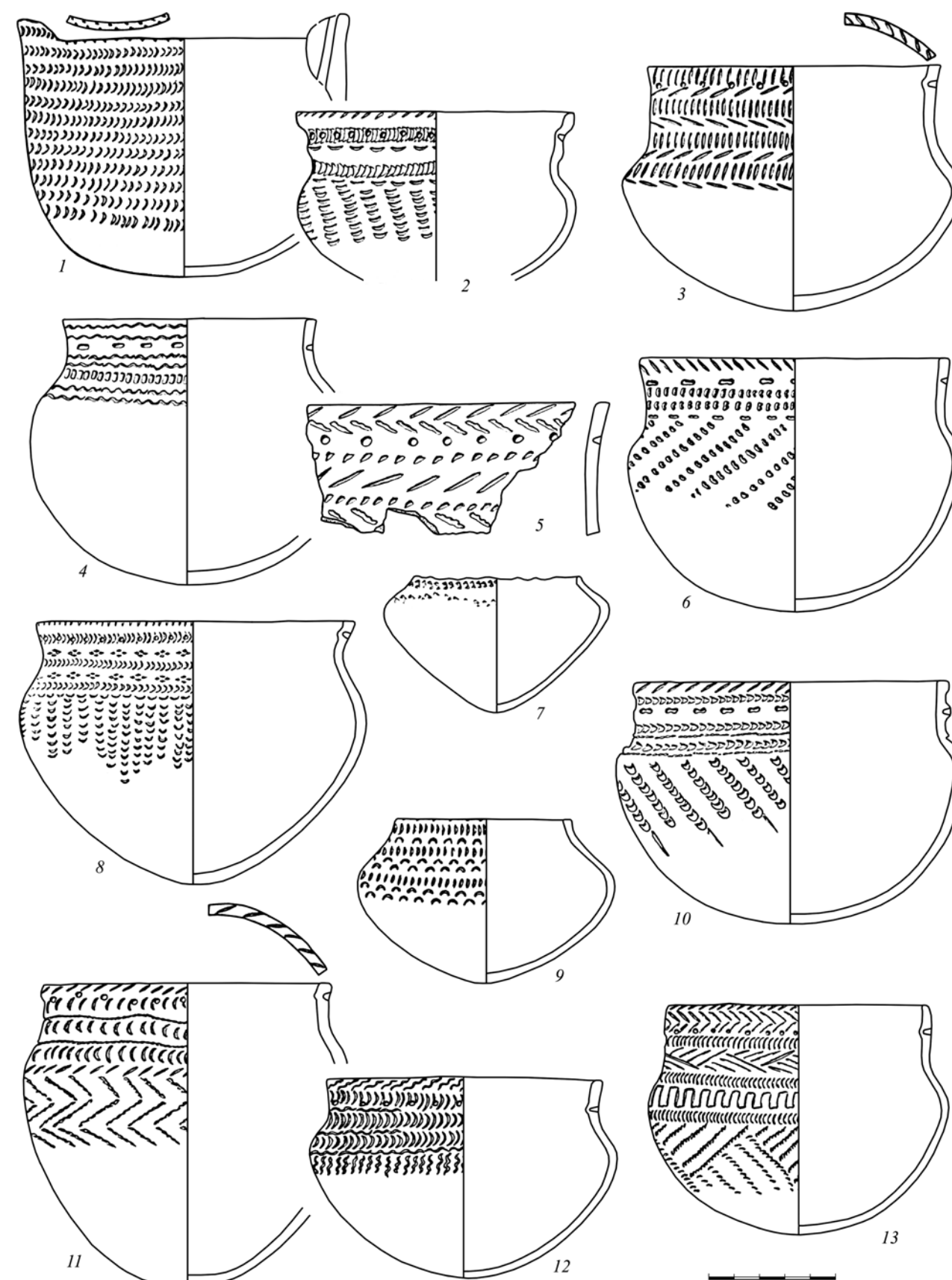

Рис. 62. Кинтусовский этап нижнеобской культуры. Рачёвский тип керамики.
Сайгатинский I могильник, группа погребений «Г»

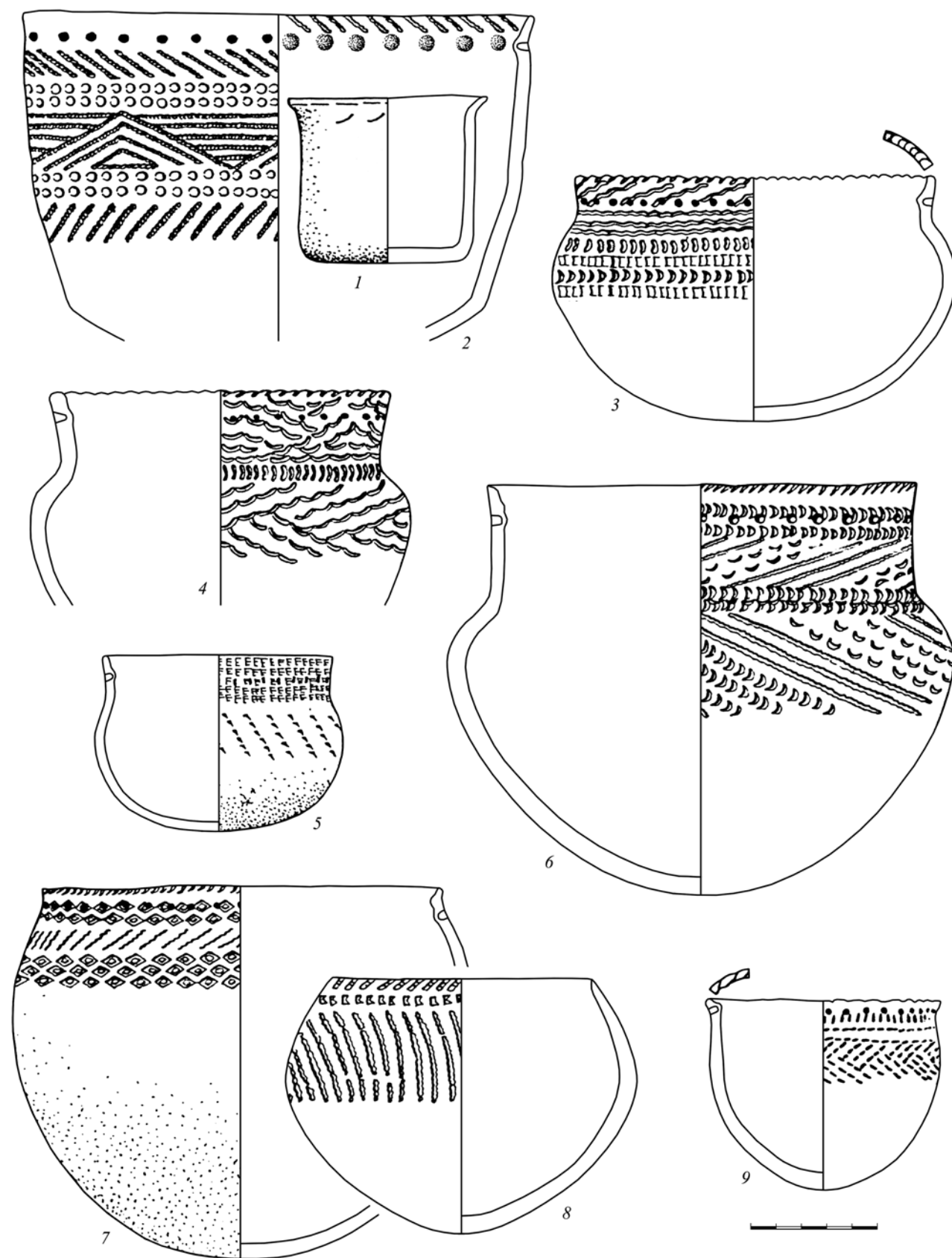

Рис. 63. Кинтусовский этап нижнеобской культуры. Рачёвский тип керамики. Сайгатинский IV могильник (по К. Г. Карачарову)

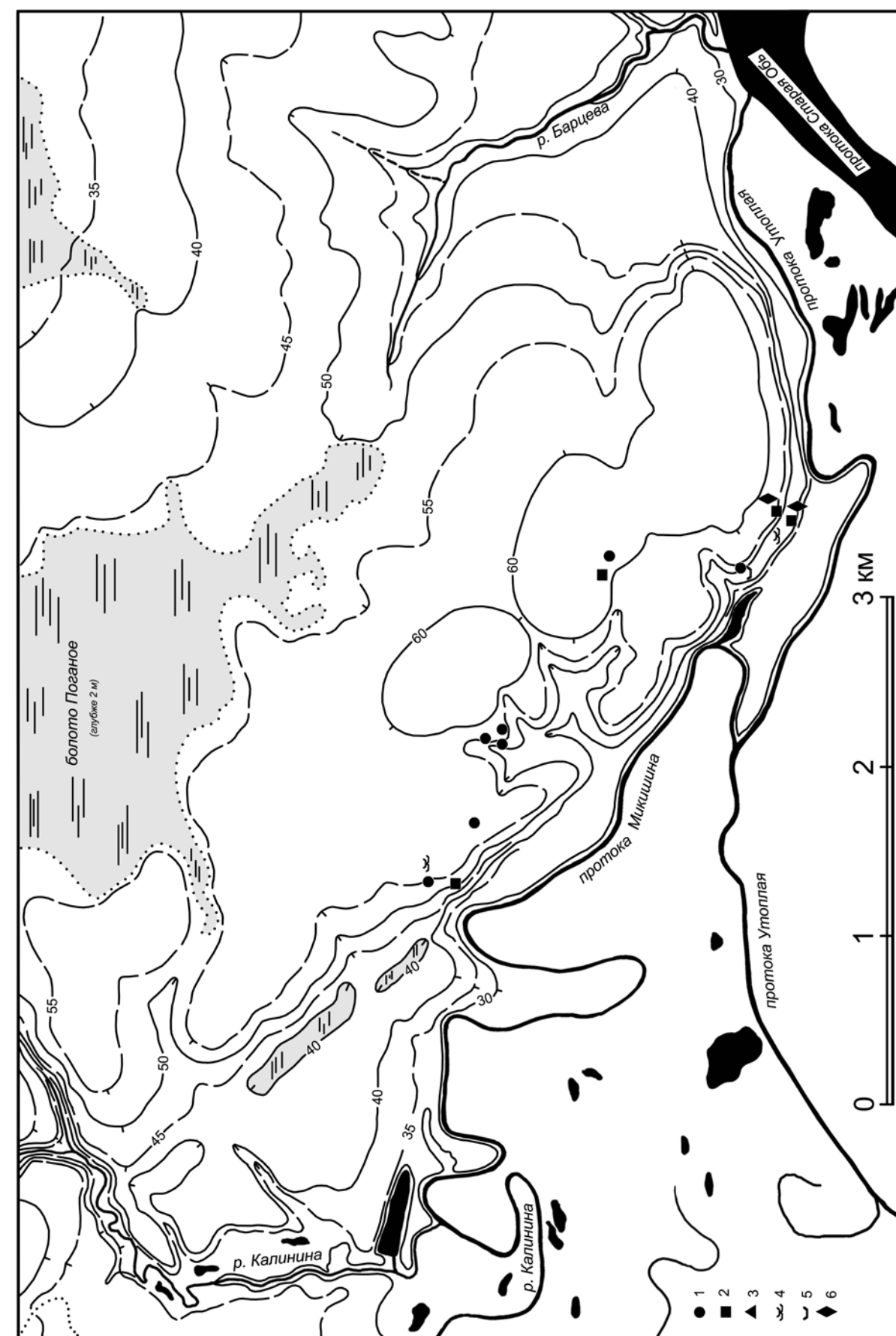

Рис. 64. Позднее средневековые Барсовой Горы. Сайгатинская культура. Карта расположения памятников. 1 – селище; 2 – городище; 3 – местонахождение; 4 – могилиник; 5 – одиночное погребение; 6 – клад

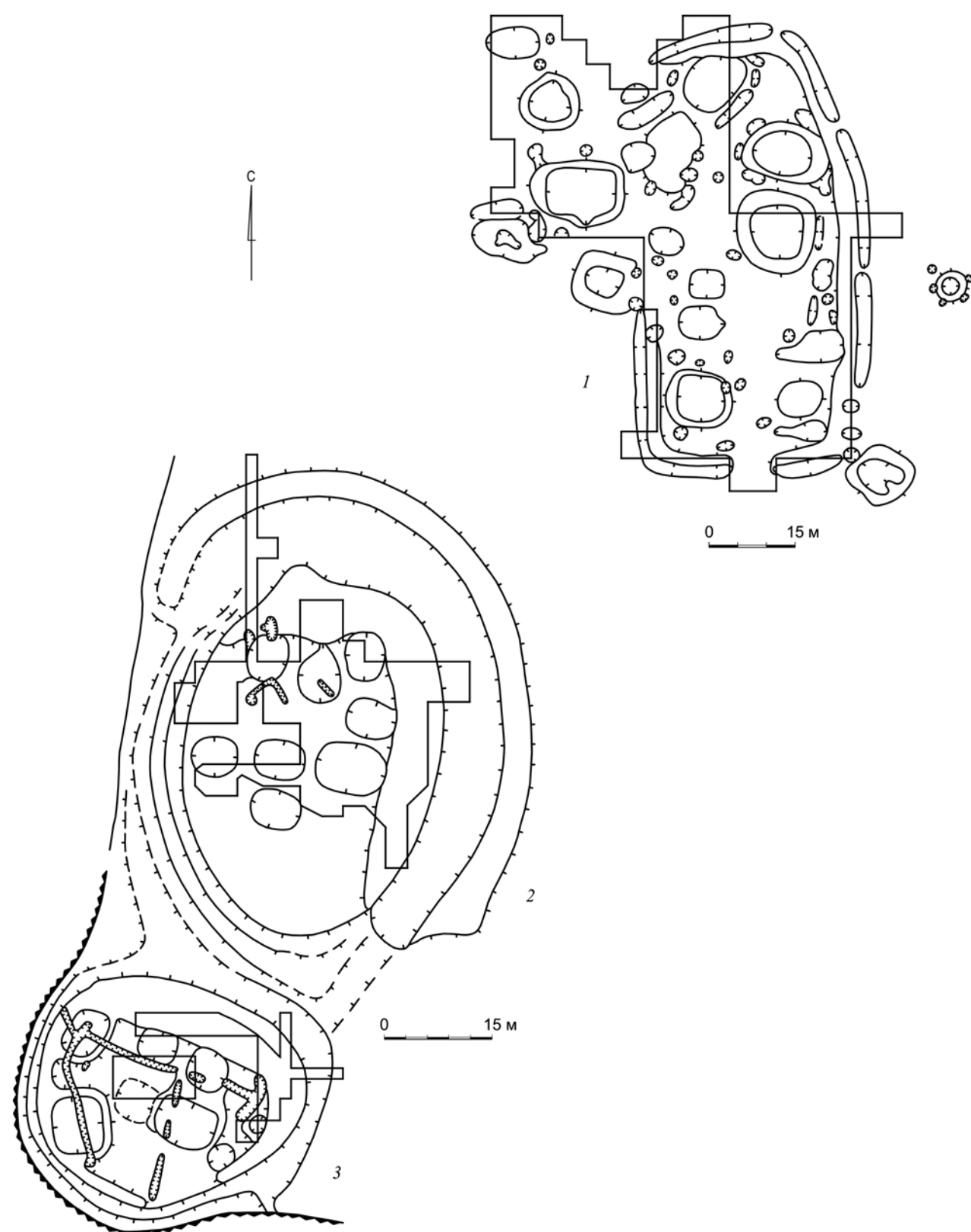

Рис. 65. Барсова Гора. Планы городищ сайгатинской культуры.
 1 – городище Барсов городок IV/1 с очертаниями раскопов Ю. П. Чемякина (1979 и 1980 гг.); 2 – городище Барсов городок I/31 с очертаниями раскопа Н. В. Фёдоровой (1975 г.); 3 – городище Барсов городок I/32 со следами траншей Ф. Р. Мартина (1891 г.) и раскопов Н. В. Фёдоровой (1979 и 1982 гг.)

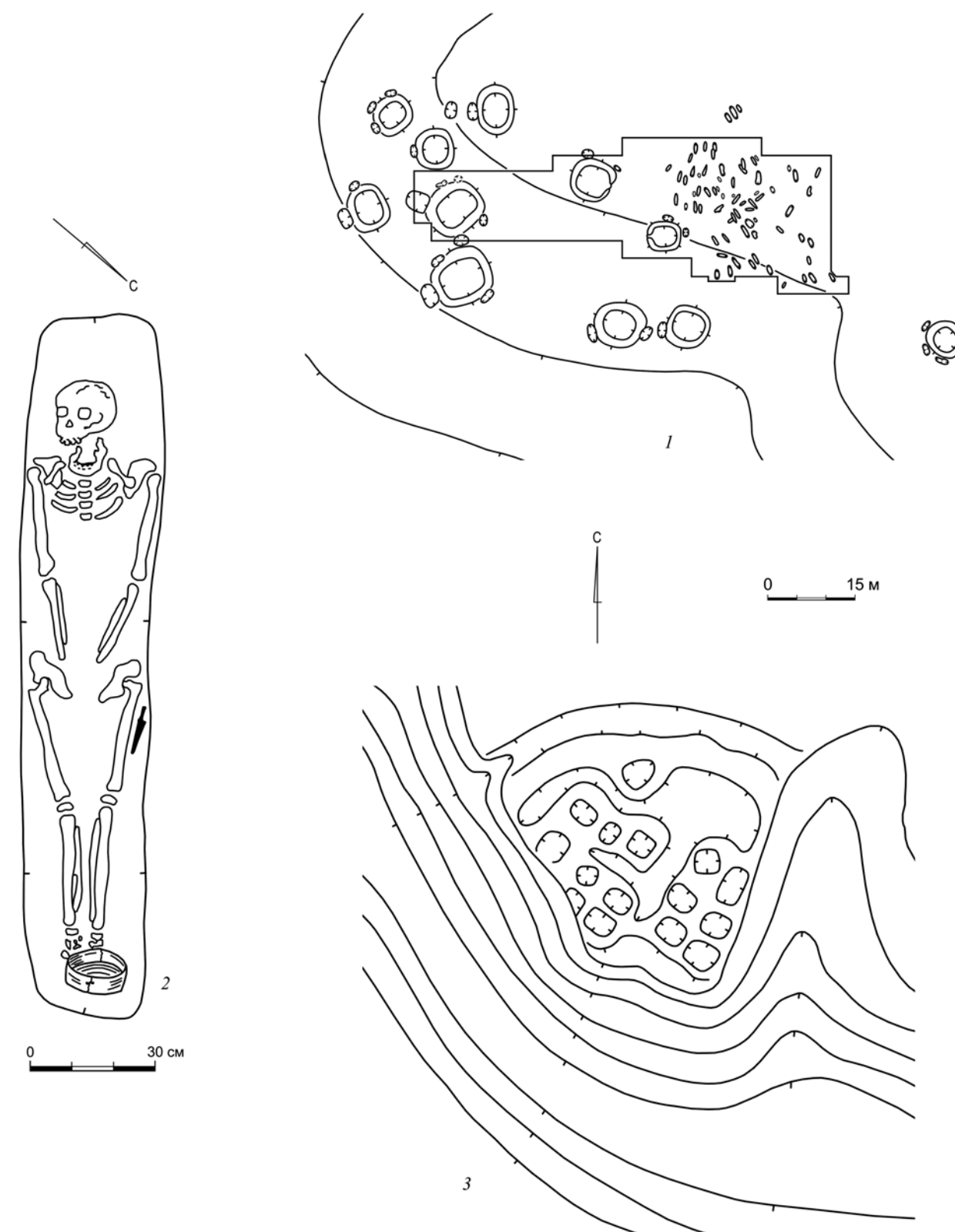

Рис. 66. Барсова Гора. Планы памятников сайгатинской культуры.
 1 – селище Барсова гора IV/17 и могильник Барсовский IV с раскопом Н. В. Фёдоровой (1988 г.); 2 – план одного из погребений Барсовского IV могильника; 3 – городище Барсов городок II/13

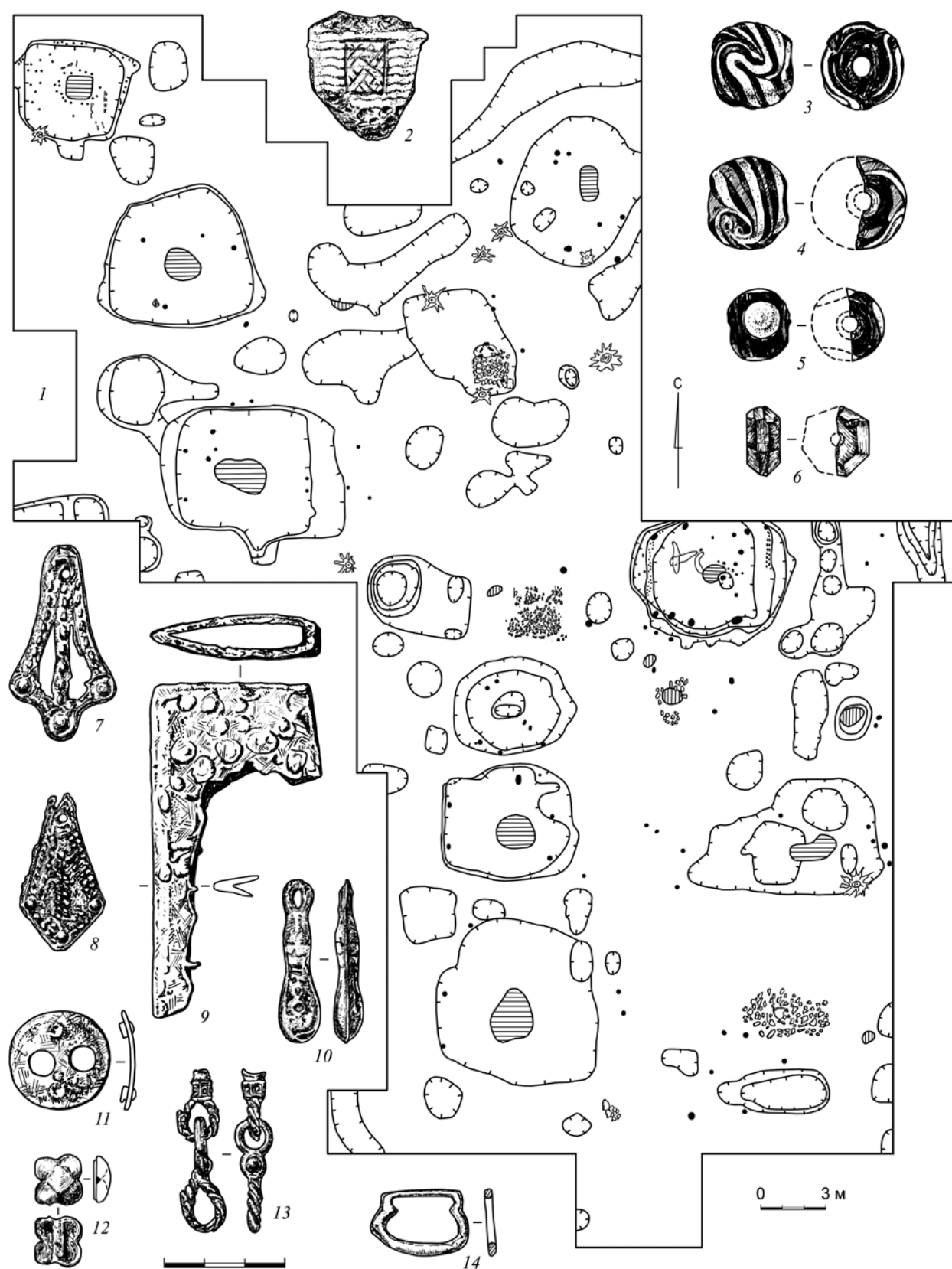

Рис. 67. Городище Барсов городок IV/1. 1 – план раскопа; 2–14 – инвентарь.
2, 6 – камень; 3–5 – стекло; 7, 8, 10, 12–14 – бронза; 9–11 – железо (по Ю. П. Чемякину)

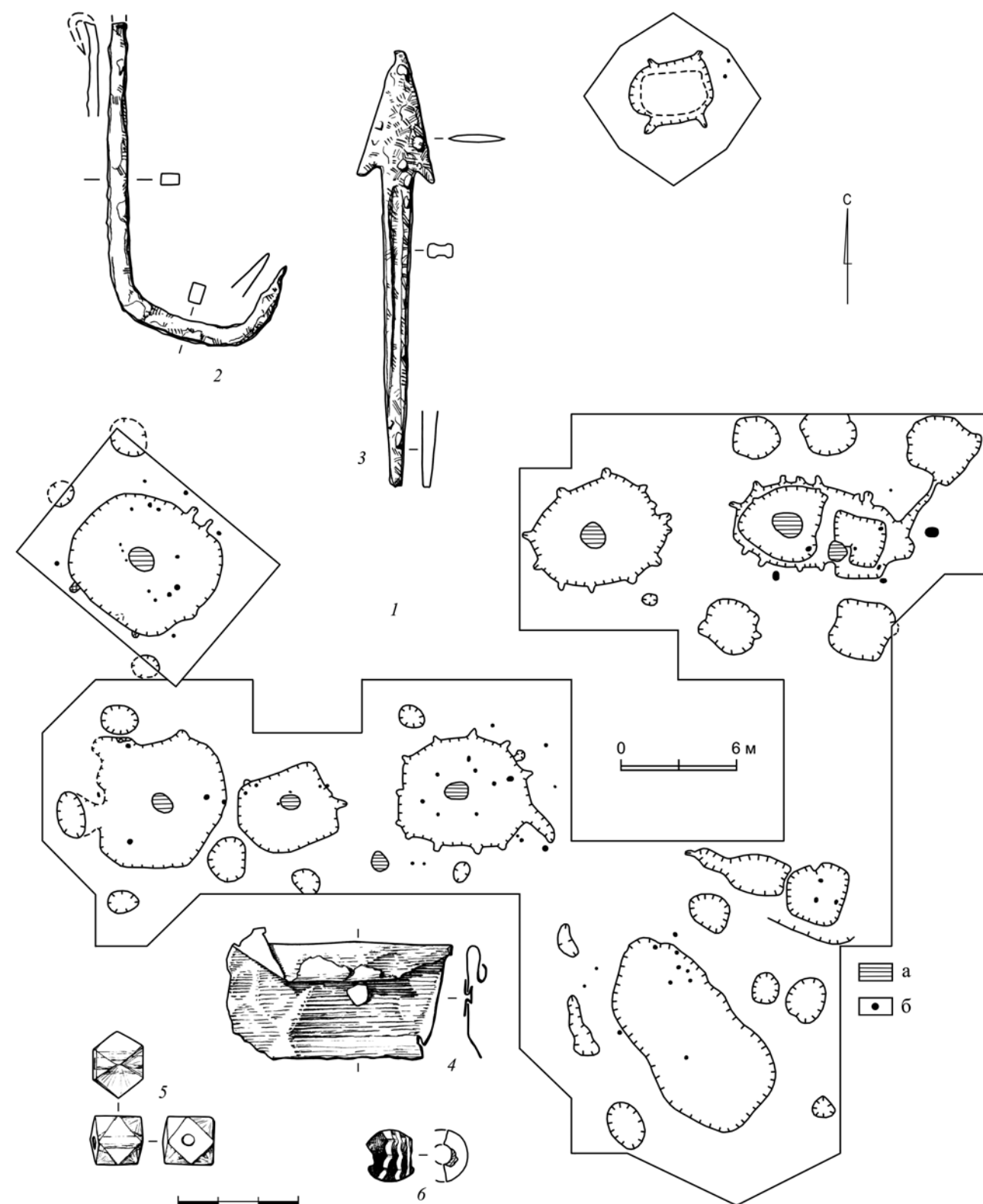

Рис. 68. Селище Барсова гора IV/1. 1 – сводный план раскопов; 2–6 – инвентарь.
2, 3 – железо; 4 – бронза; 5 – камень; 6 – стекло. Условные обозначения: а – очаг; б – столбовая ямка
(по Ю. П. Чемякину)

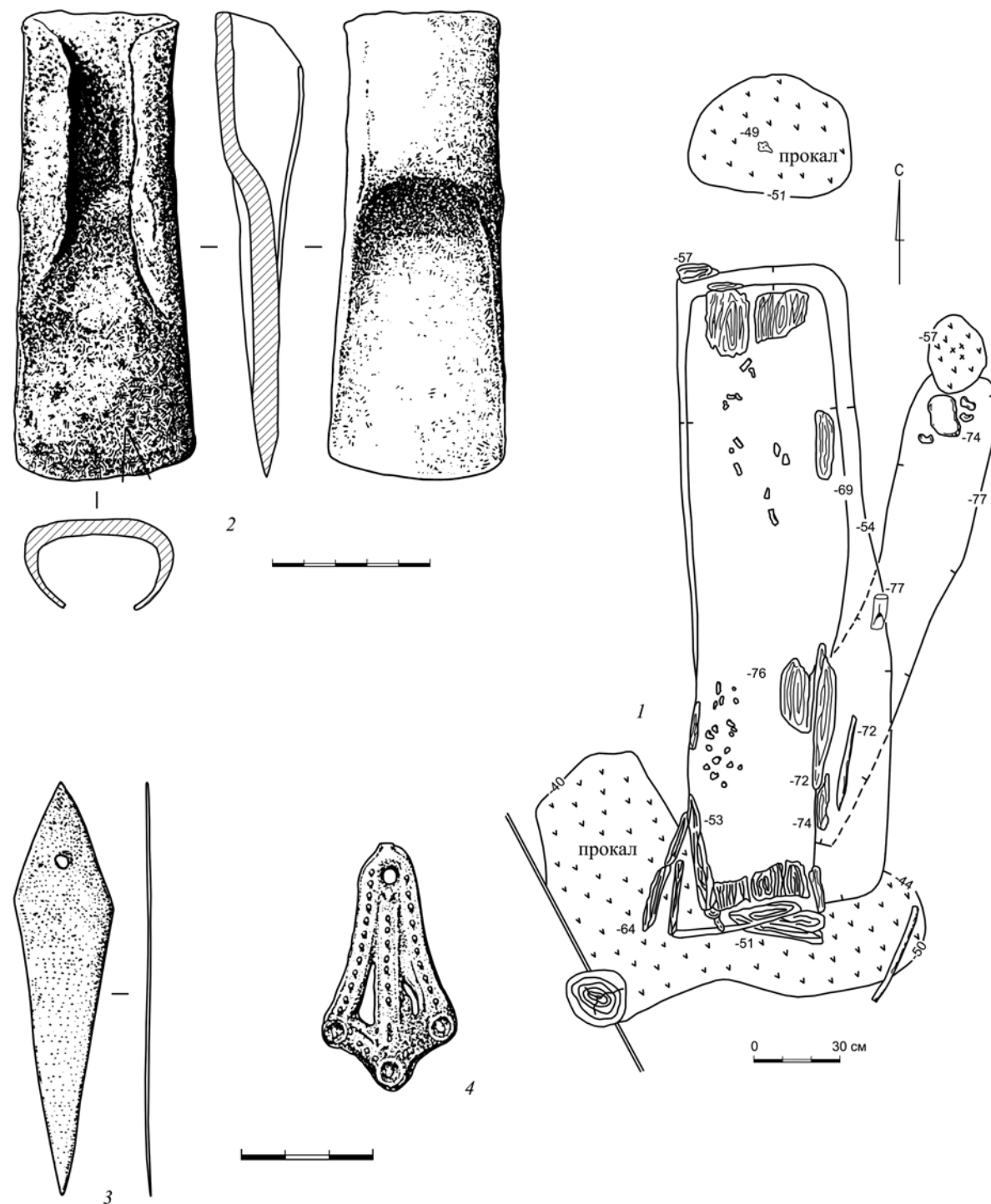

Рис. 69. Кинтусовский могильник. Погребения 5 и 6.
1 – план; 2–4 – инвентарь. 2 – железо (погр. 6); 3, 4 – бронза (погр. 5). По Л. М. Тереховой

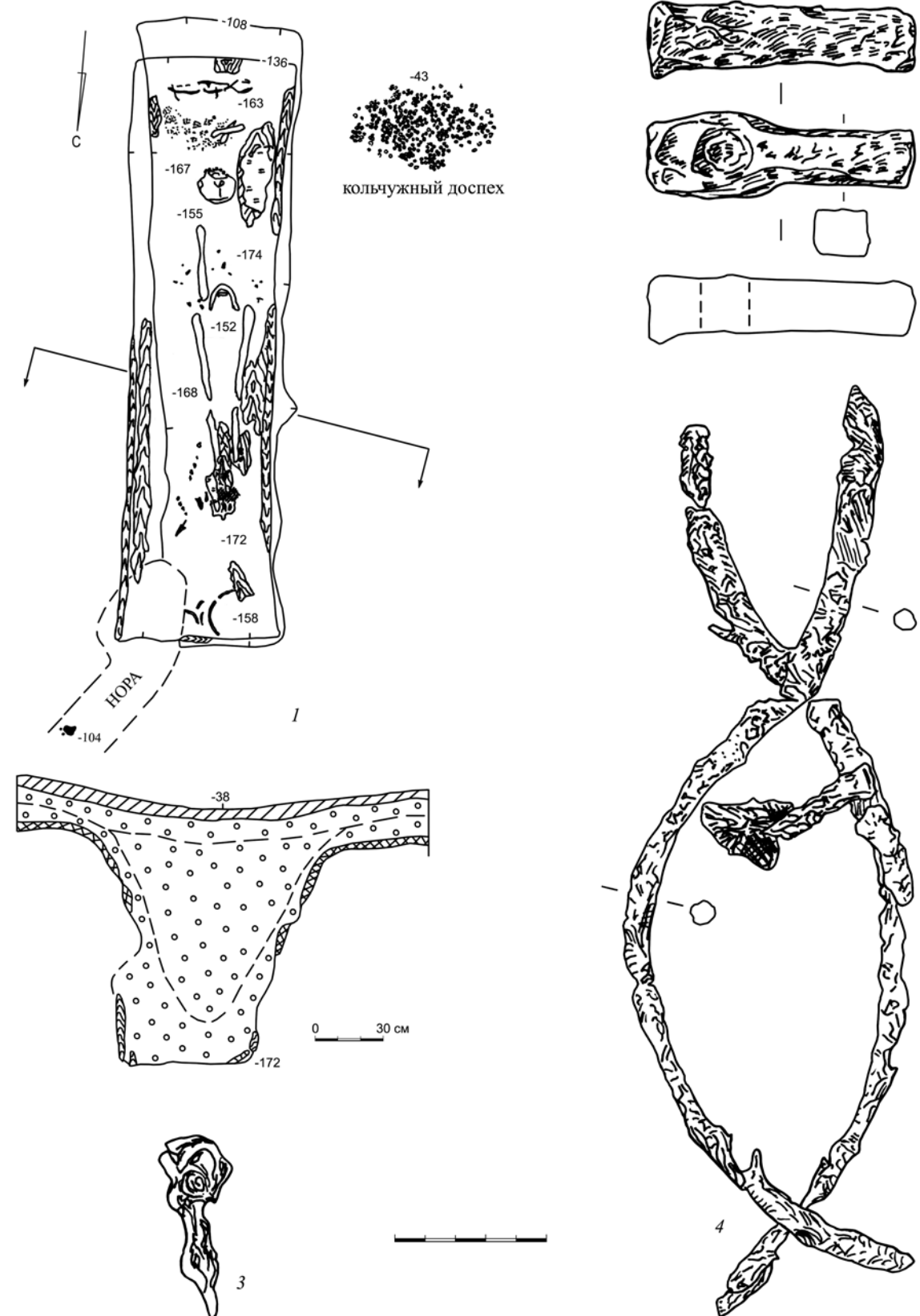

Рис. 70. Сайгатинский III могильник.
Погребение 34 — единственное известное в Сургутском Приобье захоронение знатного воина и кузнеца конца XIII – первой половины XIV вв., погребенного с полным кольчужным доспехом, серебряными украшениями и железными инструментами — молотком (2), пинцетом (3), клещами (4)

Рис. 71. Реконструкция погребального одеяния «угорской княжны» конца XIII – первой половины XIV вв. (реконструкция А. П. Зыкова по материалам погребения 31 Сайгатинского III могильника)

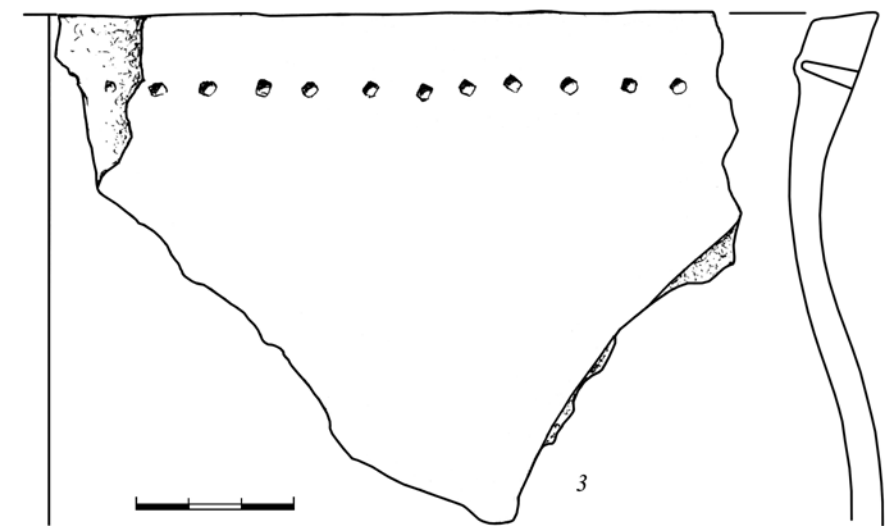
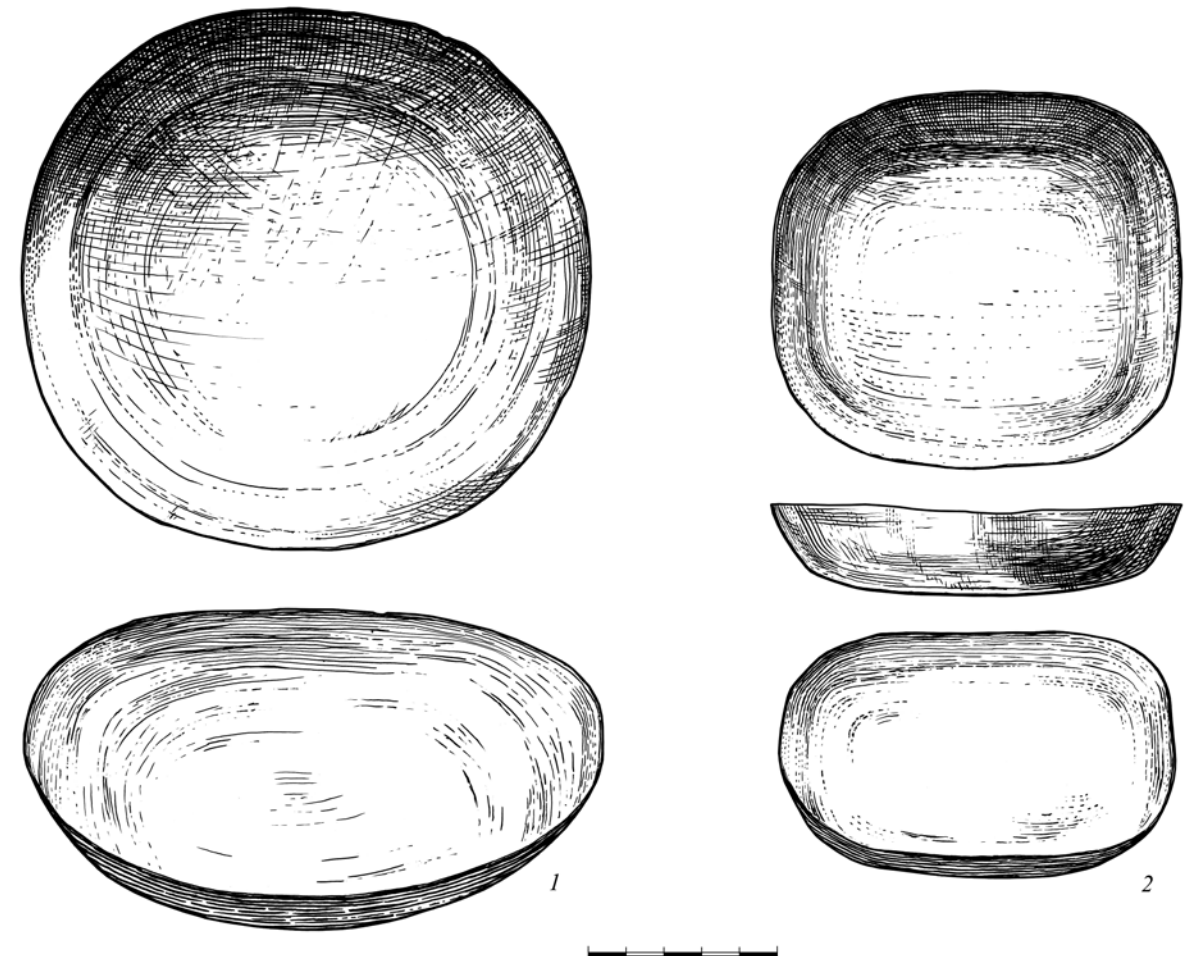

Рис. 72. Сайгатинская культура Сургутского Приобья. Посуда.
1, 2 – городище Барсов городок IV/1; 3 – селище Барсова гора IV/1. 1, 2 – медь (ковка); 3 – керамика (по Ю. П. Чемякину)

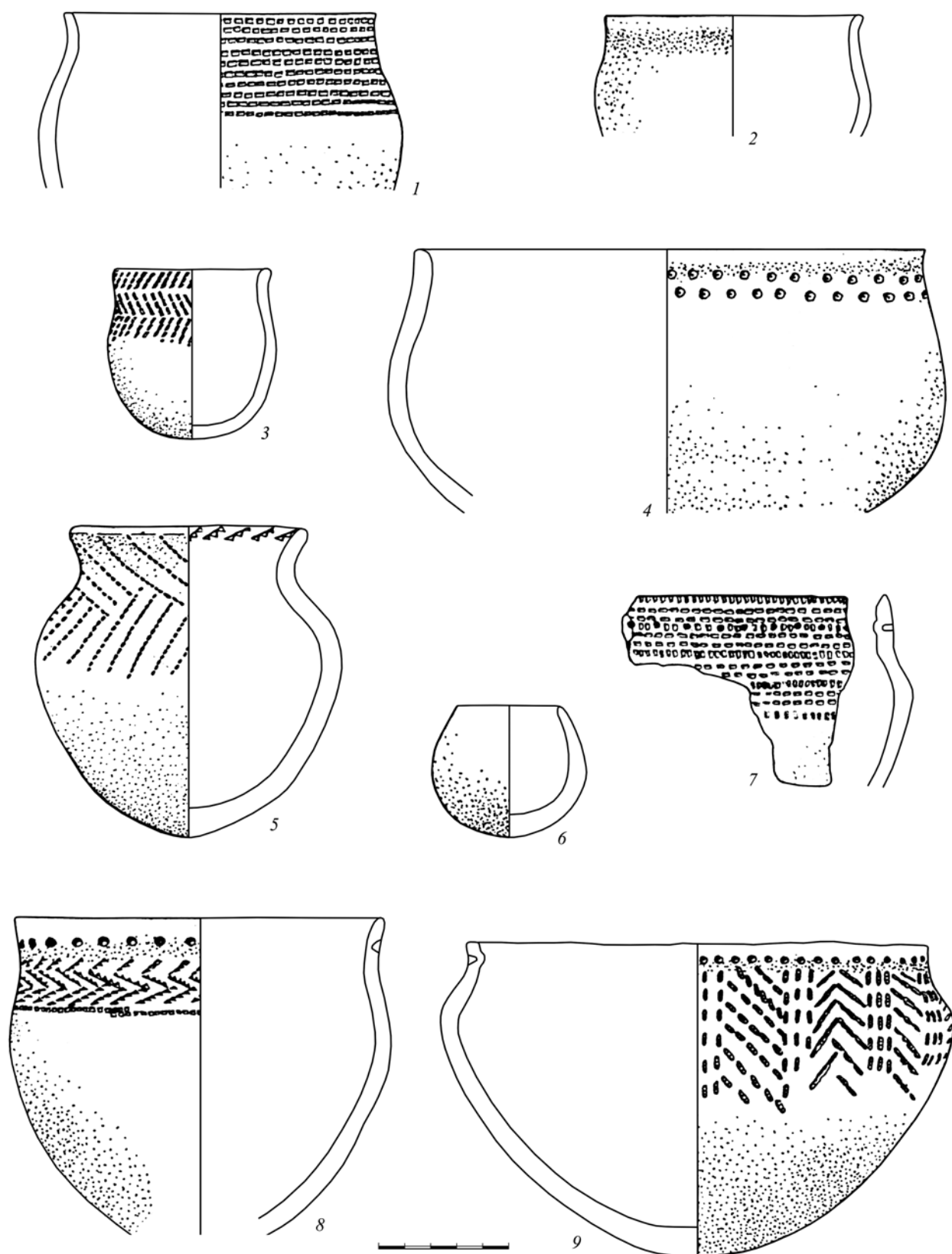

Рис. 73. Сайгатинская культура Сургутского Приобья.
Керамика из погребений XIII в. Сайгатинского IV могильника (по К. Г. Карачарову)

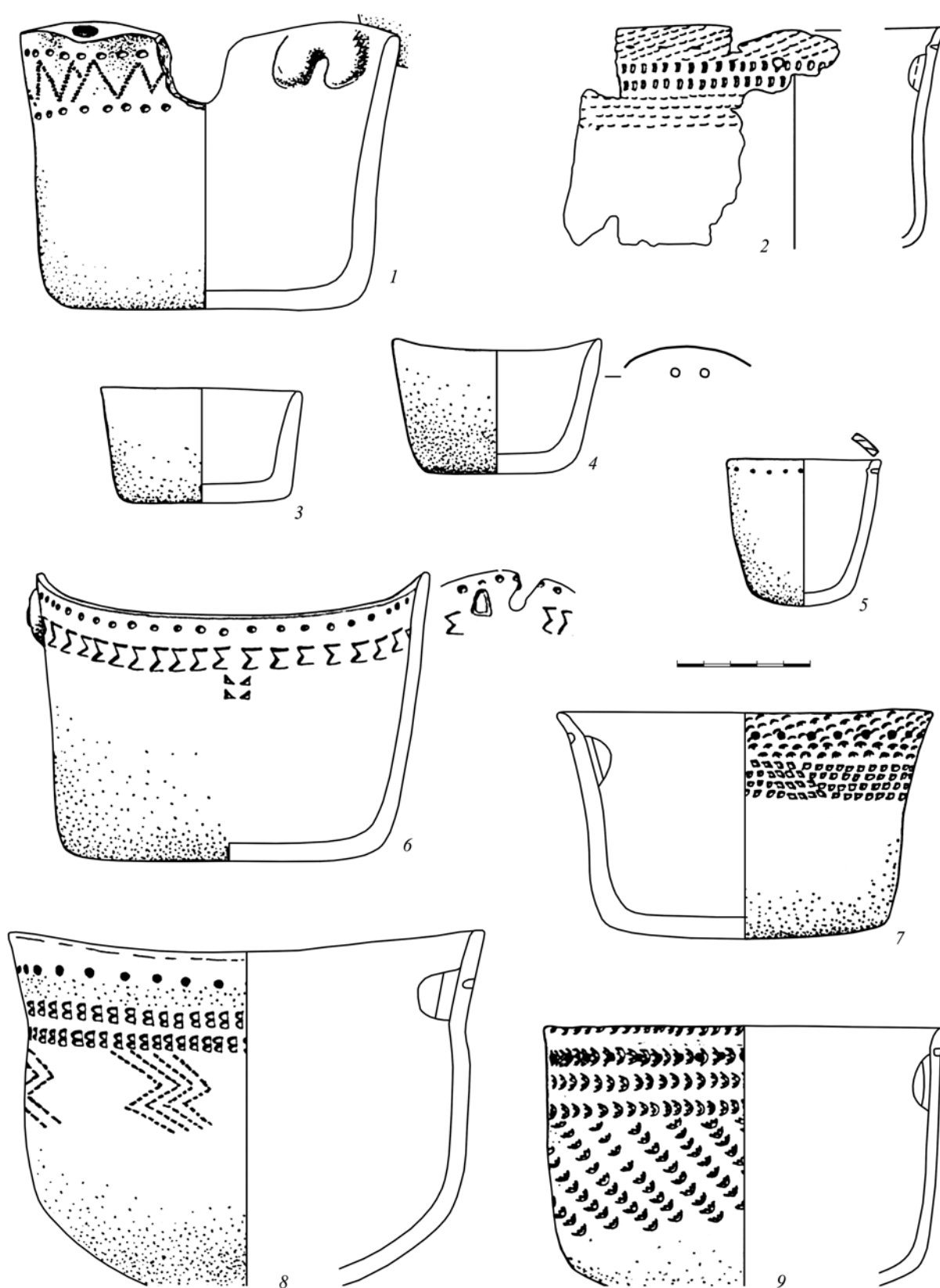

Рис. 74. Сайгатинская культура Сургутского Приобья.
Котловидная керамическая посуда из погребений XIII в. Сайгатинского IV могильника (по К. Г. Карачарову)

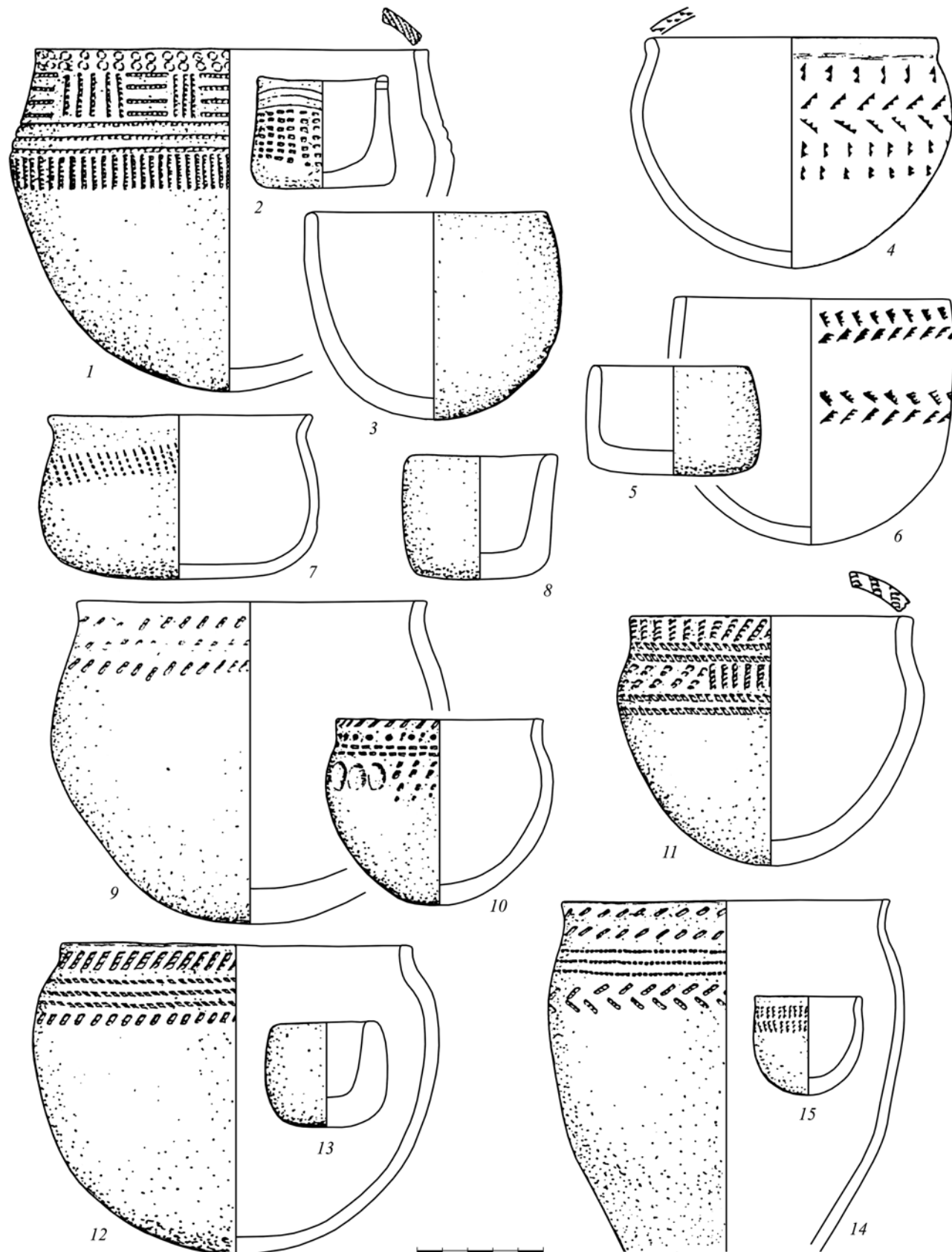

Рис. 75. Сайгатинская культура Сургутского Приобья.

Керамика из погребений второй половины XIII – первой половины XIV вв.

1–3, 7–15 – Сайгатинский IV могильник; 4 – могильник Усть-Балык; 5, 6 – Киняминский II могильник;
(1–3, 7–15 – по К. Г. Карачарову; 4–6 – по В. И. Семёновой)

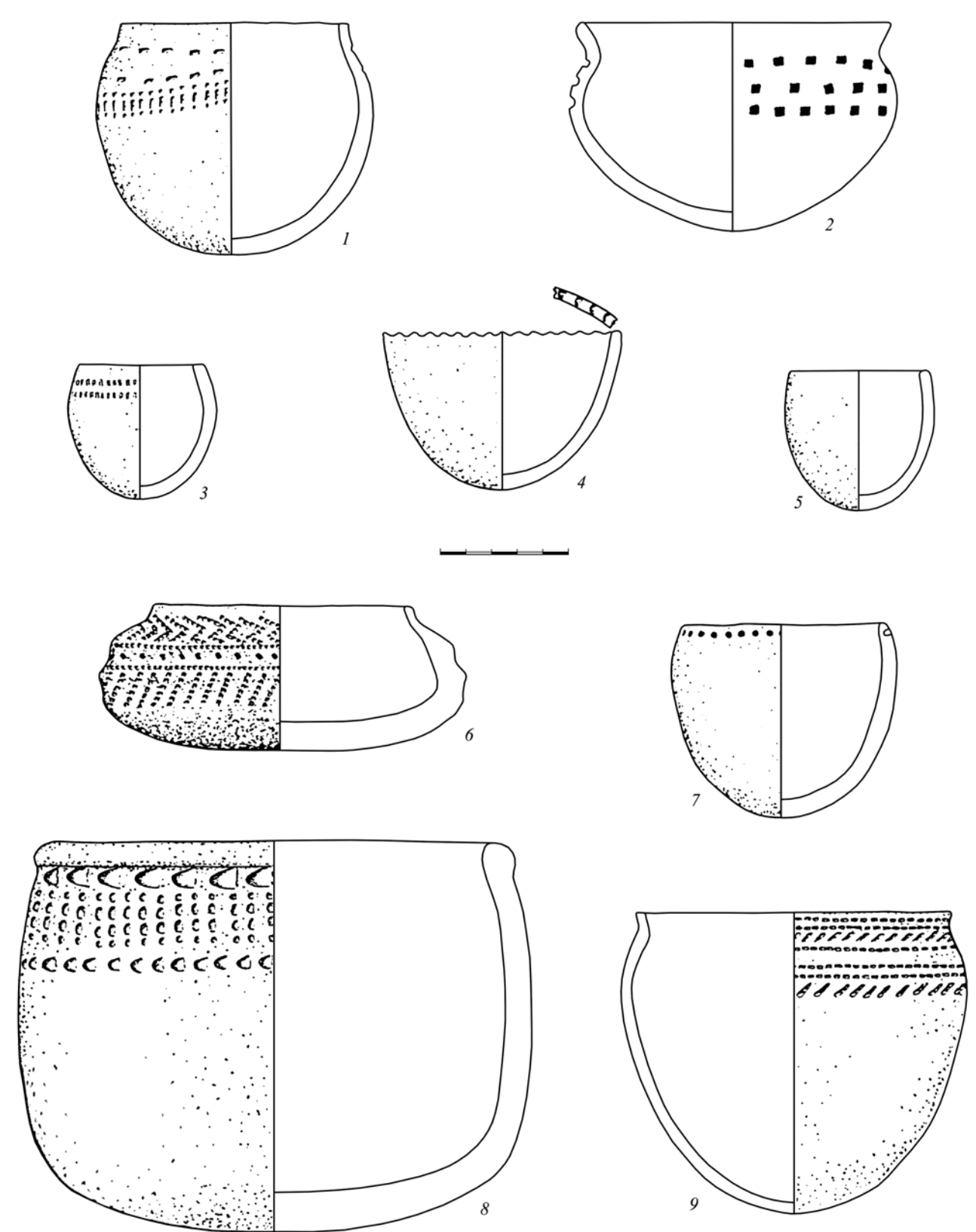

Рис. 76. Сайгатинская культура Сургутского Приобья. Керамика из погребений XIV–XVI вв.

1, 3, 4 – погребения конца XIV – первой половины XV вв. Барсовского IV могильника;

2, 5 – погребения XV – начала XVI вв. могильника Усть-Балык (по В. И. Семёновой);

6–9 – погребения XIV в. Сайгатинского IV могильника (по К. Г. Карачарову)

Рис. 77. Сайгатинская культура Сургутского Приобья. Медные котлы из позднесредневековых могильников.
1, 2 – Барсовский IV могильник; 3, 4 – Сайгатинский IV могильник; 5 – Сайгатинский III могильник
(3–5 – по К. Г. Карачарову)

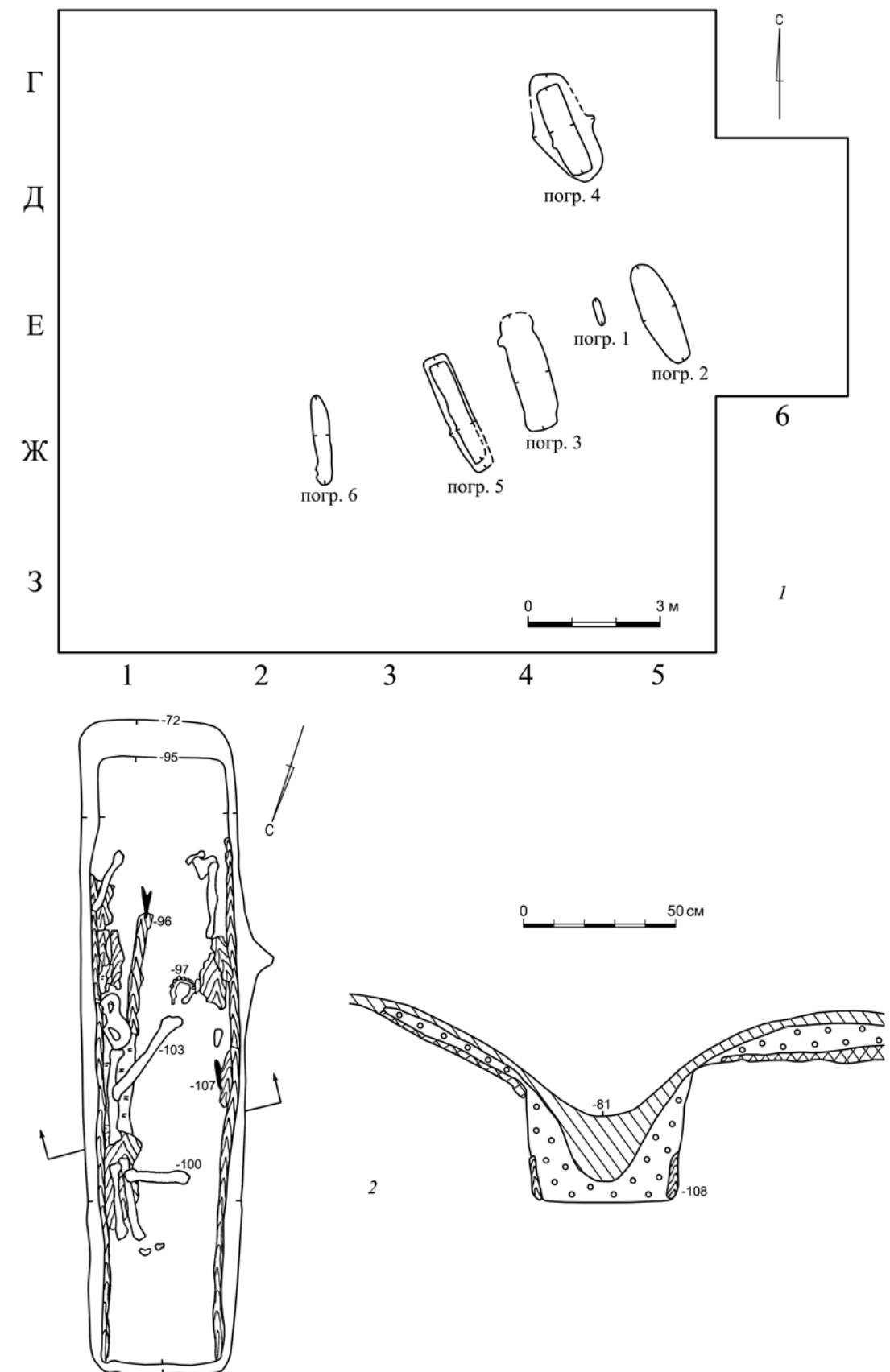

Рис. 78. Сайгатинский II могильник конца XVI – начала XVII вв.
1 – план раскопа; 2 – план и профиль погребения 4

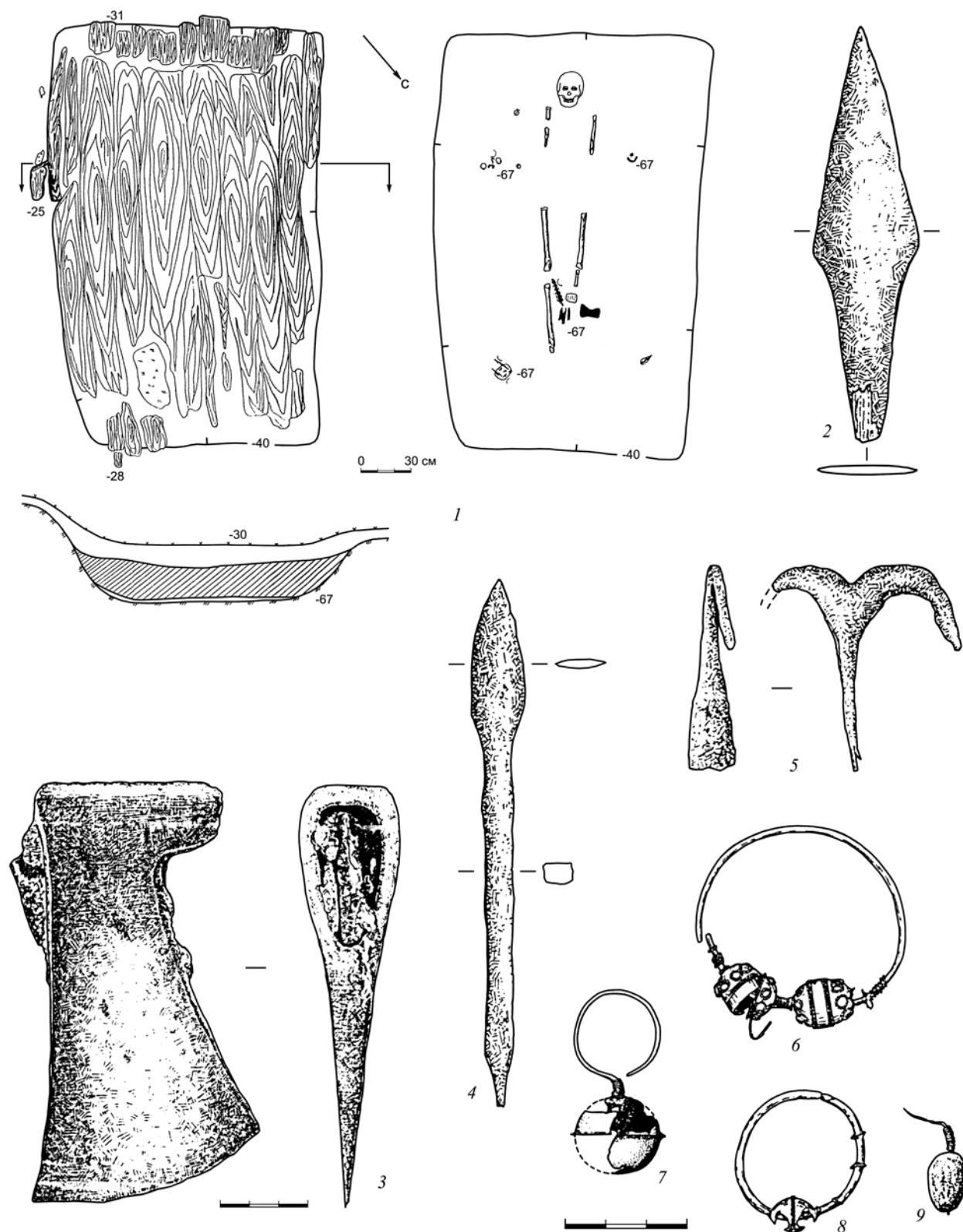

Рис. 79. Кинтусовский могильник. Погребение 7 (вторая четверть – середина XVII в.)
1 – планы и профиль; 2–9 – находки. 2–5 – железо; 6 – серебро; 7, 8 – бронза; 9 – бронза, стекло
(по Л. М. Тереховой)

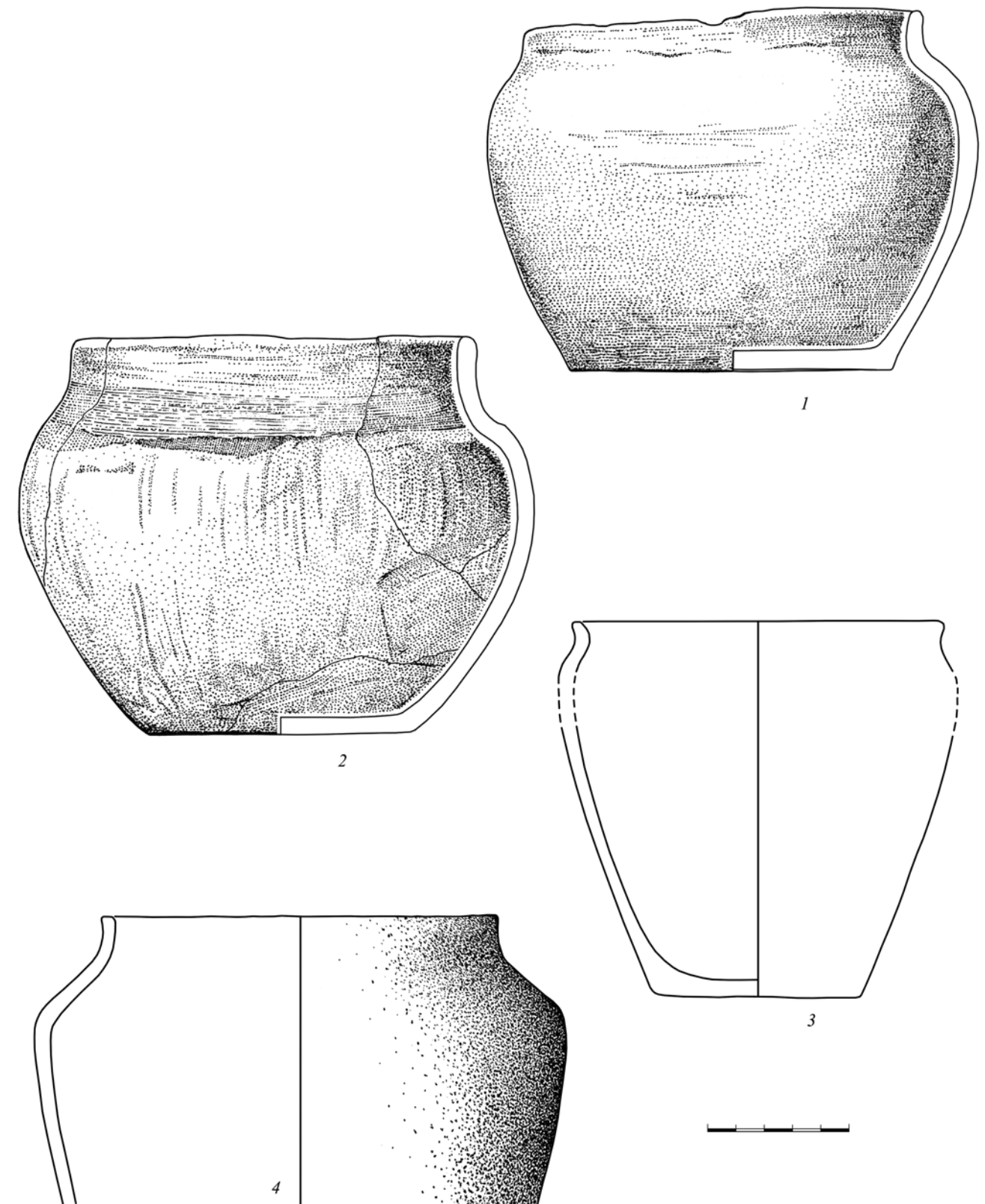

Рис. 80. Русские (сургутские?) керамические лепные горшки первой половины XVII в., копировавшие
гончарные оригиналы. 1 – погребение 6 могильника Моховая 46; 2 – погребение 2 могильника Моховая 46;
3 – погребение 271 могильника Усть-Балык; 4 – селище Кучиминское XVI
(1, 2 – по В. И. Стефанову; 3 – по В. И. Семёновой)

Рис. 81. Святилище XVIII – начала XIX вв. на городище Барсов городок I/6.
Серебряное блюдо, сделанное в Волжской Болгарии, предположительно во второй половине XIII в.

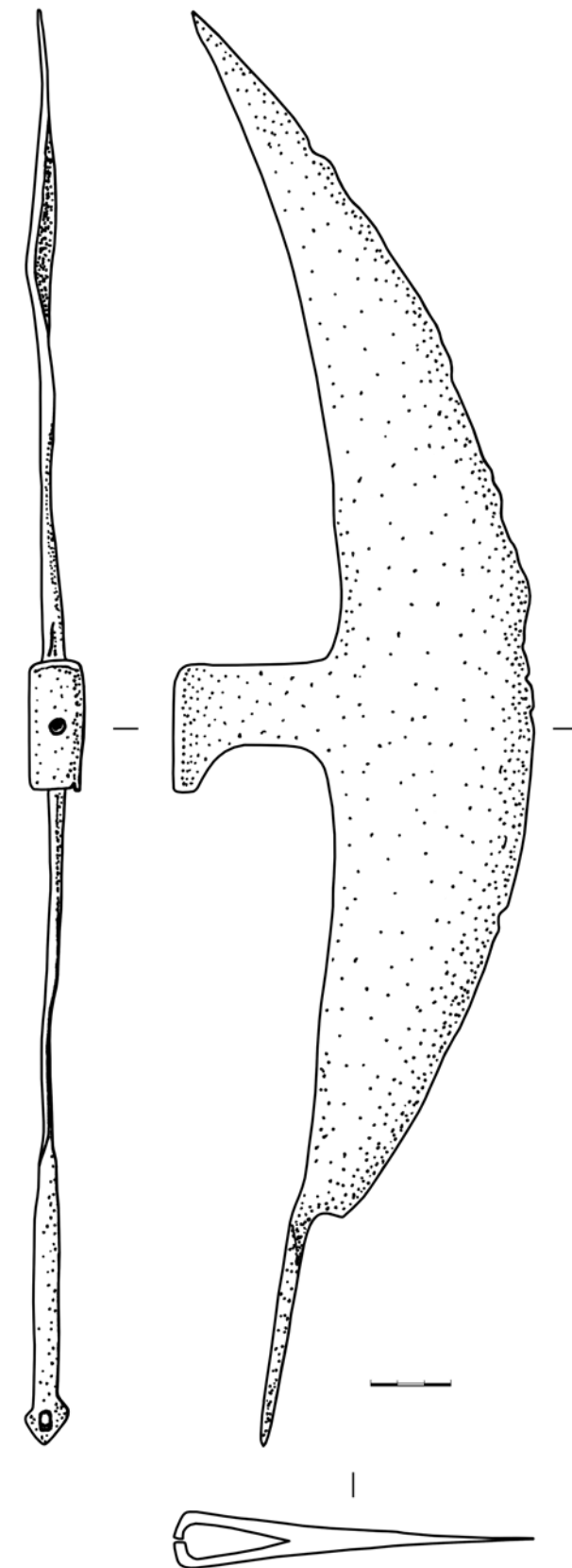

Рис. 82. Святилище Сотым-Тэ-ике (восточный берег оз. Сырковый Сор).
Русский стрелецкий бердыш конца XVII – начала XVIII вв.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Алексеев А. Н., 1996.* Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН. – 96 с.
- Амброз А. К., 1980.* Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. – М.: «Наука». – С. 3–56.
- Амброз А. К., 1989.* Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. – М.: «Наука». – 134 с.
- Амброз А. К., 1989а.* Кинжалы VI–VIII вв. с двумя выступами на ножнах // СА. – № 4. – С. 53–73.
- Арне Т. Й., 2002.* Культура Западной Сибири 1000 лет назад // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. – Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова гора». – С. 86–96.
- Арне Т. Й., 2005.* Западносибирский могильник железного века. – Екатеринбург–Сургут: Изд-во «Уральский рабочий». – 184 с.
- Арсланова Ф. Х., 1968.* Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР. – С. 98–111.
- Арсланова Ф. Х., 1980.* Керамика раннесредневековых курганов Казахского Прииртышья // Средневековые древности евразийских степей. – М.: «Наука». – С. 79–104.
- Археология Республики Коми, 1997.* – М.: Изд-во «ДиК». – 758 с.
- Атавин А. Г., 1996.* Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культура Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. – Самара: СОИКМ. – С. 208–264.
- Ашихмина Л. И., 1988.* Погребальный обряд курганного могильника Боргантъель. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО АН СССР. – 22 с.
- Бараба в тюркское время, 1988.* – Новосибирск: «Наука». – 176 с.
- Баранов М. Ю., 2002.* Некоторые элементы традиционного домостроения (по материалам поселения Сырой Аган 12) // Северный археологический конгресс: Тезисы докладов. – Екатеринбург: «Академкнига». – С. 185–186.
- Баранов Ю. М., Чарусова И. С., Баранов М. Ю., 2008.* Археолого-этнографическое обоснование реконструкции жилища VI–VII вв. городища Сургутское I // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. – М.: ИА РАН. – С. 191–194.
- Бауло А. В., 2004.* Атрибутика и миф: металл в обрядах угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН. – 160 с.
- Бахрушин С. В., 1953.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера. – 92 с.
- Беликова О. Б., Плетьва Л. М., 1983.* Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – 244 с.
- Бельтикова Г. В., 2002.* Поселение позднего железного века на Барсовой горе // Северный Археологический конгресс: Тезисы докладов. – Екатеринбург: «Академкнига». – С. 186–187.
- Бельтикова Г. В., 2008.* Погребение кулайской культуры на городище Барсов городок I/20 // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург–Сургут: Уральское издательство. – С. 24–27.
- Березовская Н. В., Лоскутова М. Г., Чиндина Л. А., 1993.* Многослойное городище Ютор I // Археологические исследования в Среднем Приобье. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – С. 75–96.
- Берёзово..., 2008.* Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней). – Екатеринбург: ИД «СОКРАТ». – 472 с.
- Берс Е. М., 1959.* Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. – Свердловск: б/и. – 91 с.
- Беспалый Е. И., 1990.* Погребения позднесарматского времени у г. Азова // СА. – № 1. – С. 213–223.
- Бобров В. В., 2002.* Атрибуты шаманского костюма из клада у села Лебеди (Кузнецкая котловина) // Клады: состав, хронология, интерпретация. – СПб.: Изд-во СПбГУ. – С. 206–212.
- Боброва А. И., 1999.* Керамика раннего и развитого средневековья из Иготкино // Приобье глазами археологов и этнографов. – Томск: Изд-во ТГУ. – С. 41–49.
- Боброва А. И., 2001.* Павлово-Парабельское селище — новый средневековый памятник Приобья // Материалы по археологии Обь-Иртышья. – Сургут: РИО СурГПИ. – С. 128–138.
- Боброва А. И., 2003.* О погребальном обряде хантов Салымского края XIX–XX вв. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 1. – С. 211–215.
- Борзунов В. А., 2003.* Могильник Моховая XLV — памятник позднего средневековья в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 1. – С. 137–163.
- Борзунов В. А., Зыков А. П., 2003.* Барсовский III могильник — новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох. – Екатеринбург: «Аква-Пресс». – С. 103–112.
- Борзунов В. А., Кокшаров С. Ф., 1994.* Легендарный Эмдер — вымысел или реальность? // Сургут, Сибирь, Россия. – Екатеринбург: б/и. – С. 25–28.

- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П., Фефилова Л. Ю., 2007.* Охранные раскопки на речке Барцевке в урочище Барсова гора // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 5. – С. 84–107.
- Боталов С. Г., Бабенков К. Н., 1998.* Памятники VIII–IX вв. горно-лесного Урала и лесостепного Зауралья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). – Самара: СОИКМ. – С. 331–343.
- Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю., 2000.* Гунно-сарматы Урало-Казахских степей. – Челябинск: Изд-во «Рифей». – 268 с.
- Васюткин С. М., Калинин В. К., 1986.* Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. – Уфа: БФАН СССР. – С. 95–122.
- Вершинин Е. В., 2002.* Восстание Тоньи-Кинемы в письменных и фольклорных источниках // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ. – С. 98–110.
- Вершинин Е. В., 2002а.* Об обстоятельствах покорения селькупской Пегой орды // Северный археологический конгресс: Тезисы докладов. – Екатеринбург: «Академкнига». – С. 312–314.
- Вершинин Е. В., Шашков А. Т., 2002.* Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ. – С. 114–243.
- Викторова В. Д., 1968.* Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. н. э. // Уч. зап. ПГУ. – Пермь: Изд-во ПГУ. – № 191. – С. 240–256.
- Викторова В. Д., 1970.* Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. – С. 254–270.
- Викторова В. Д., 1973.* Ликинский могильник X–XIII вв. // ВАУ. – Свердловск: Изд-во УрГУ. – Вып. 12. – С. 133–173.
- Викторова В. Д., 1999.* Туманское I поселение, святилище, кострище // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: БКИ. – С. 126–153.
- Викторова В. Д., 2008.* Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). – Екатеринбург: Изд-во «КВАДРАТ». – 208 с.
- Викторова В. Д., Морозов В. М., 1993.* Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники Урало-Казахстанских степей. – Екатеринбург: «Наука». – С. 173–192.
- Гавритухин И. О., Малышев В. Ю., 1998.* Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). – Самара: СОИКМ. – С. 28–86.
- Гей О. А., Бажан И. А., 1997.* Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). – М.: ОНТИ ПНЦ РАН. – 144 с.
- Генинг В. Ф., 1976.* Тураевский могильник V в. н. э. (захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. – Казань: ИЯЛИ КФАН СССР. – С. 55–108.
- Генинг В. Ф., 1976а.* Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. – Вып. 158. – С. 96–106.
- Генинг В. Ф., 1988.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н. э. – II в. н. э.). – М.: «Наука». – 240 с.
- Генинг В. Ф., Голдина Р. Д., 1973.* Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // – ВАУ. – Свердловск: Изд-во УрГУ. – Вып. 12. – С. 58–121.
- Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Овчинникова Б. Б., Фёдорова Н. В., 1970.* Памятники железного века в Омском Прииртышье // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – С. 202–228.
- Глушков И. Г., 1994.* Жилые комплексы кучиминского времени на Агане // Сургут, Сибирь, Россия. – Екатеринбург: б/и. – С. 47–49.
- Голдина Р. Д., 1970.* Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // ВАУ. – Свердловск: Изд-во УрГУ. – Вып. 9. – С. 57–113.
- Голдина Р. Д., 1979.* Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в Верхнем Прикамье // КСИА. – Вып. 158. – С. 79–90.
- Голдина Р. Д., 1985.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во ИГУ. – 280 с.
- Голдина Р. Д., 1986.* Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века. – Устинов: Изд-во УдГУ. – С. 47–98.
- Голдина Р. Д., 1995.* О датировке поломской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. – Ижевск: Изд-во УдГУ. – С. 16–30.
- Голдина Р. Д., 1999.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск: ИД «Удмуртский университет». – 464 с.
- Голдина Р. Д., Водолаго Н. В., 1990.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск: Изд-во ИГУ. – 176 с.
- Голдина Р. Д., Волков С. Р., 2000.* Шлемы Тарасовского могильника // Уфимский археологический вестник. – Уфа: НМ РБ. – Вып. 2. – С. 98–122.

- Голдина Р. Д., Кананин В. А., 1989.** Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск: Изд-во УрГУ. – 216 с.
- Голдина Р. Д., Королева О. П., Макаров Л. Д., 1980.** Агафоновский I могильник — памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. – Ижевск: Изд-во УдГУ. – С. 3–66.
- Голдина Р. Д., Ютина Т. К., 1987.** Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX–XII вв.) // Погребальные памятники Прикамья. – Ижевск: УдИИЯЛ. – С. 39–61.
- Головнев А. В., Зайцев Г. С., 1993.** История Ямала. – Тобольск–Яр-Сале. – 104 с.
- Голубева Л. А., 1979.** Зооморфные украшения финно-угров. – САИ. – Вып. Е1–59. – 112 с.
- Гордиенко А. В., 2009.** Археологические исследования С. К. Патканова в Тобольском округе Тобольской губернии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 7. – С. 80–105.
- Городков Б. Н., 1913.** Поездка в Салымский край // ЕТГМ. – Вып. XXI. – С. 1–100 (отд. оттиск).
- Городцов В. А., 1937.** Подчеремский клад // СА. – Т. II. – С. 113–149.
- Данченко Е. М., 2008.** К характеристике историко-культурной ситуации в Среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры: Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры. – Челябинск–Шадринск: ООО «Рифей». – С. 45–60.
- Дмитриев А. В., 1979.** Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дрюсо близ Новороссийска // СА. – № 4. – С. 212–229.
- Древний город..., 1994.** Древний город на Оби: История Сургута. – Екатеринбург: «Тезис». – 327 с.
- Дунин-Горкавич А. А., 1911.** Тобольский Север. – Тобольск. Т. III. – 51 с.
- Евтеева Е. М., Чибиряк В. Э., 2007.** Охранные археологические раскопки на месте Знаменской церкви с. Ларьяке Нижневартовского района ХМАО – Югры в 2005 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Екатеринбург–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 4. – С. 191–201.
- Елагин В. С., Молодин В. И., 1991.** Бараба в начале I тысячелетия н. э. – Новосибирск: «Наука». – 125 с.
- Жирных Е. А., 2004.** Археологические обследования в окрестностях п. Саранпауль // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 2. – С. 382–385.
- Журналы заседаний..., 1891.** Журналы заседаний Совета Императорского Томского университета за 1890 год. 17. 08. 1891 // Известия Императорского Томского университета за 1890 г. – Кн. 3. № 12. – Томск.
- Засецкая И. П., 1979.** Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. – Вып. 158. – С. 5–17.
- Засецкая И. П., Маршак Б. И., Шукин М. Б., 1979.** Обзор дискуссии на симпозиуме // КСИА. – Вып. 158. – С. 120–125.
- Зелёный Яр..., 2005.** Зелёный Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. – Екатеринбург–Салехард: УрО РАН. – 368 с.
- Зыков А. П., 1987.** Вооружение обских угров в X–XIII вв. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ. – С. 143–154.
- Зыков А. П., 2002.** Гуннские погребения у села Черноозерье и проблема этнокультурной ситуации в лесостепном Прииртышье в эпоху Великого переселения народов // Тюркские народы: Материалы V Симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск–Омск: ОмГПУ. – С. 47–50.
- Зыков А. П., 2003.** Раскопки Ендырского II могильника // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 1. – С. 263.
- Зыков А. П., 2004.** Раскопки комплекса памятников в большой излучине р. Ендырь // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 2. – С. 332–335.
- Зыков А. П., 2005.** Могильник Барсов Городок: начало раскопок // *Арне Т. Й.* Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века. – Екатеринбург–Сургут: Изд-во «Уральский рабочий». – С. 173–181.
- Зыков А. П., 2006.** Средневековье таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: Изд-во «Чароид». – С. 109–124.
- Зыков А. П., 2006а.** Периодизация нижеобской культуры в Сургутском Приобье // Провинциальный музей в рамках разработки проектов музеефикации археологических объектов: Материалы региональной научно-практической конференции. г. Советский. 3–6 октября 2005 г. – Екатеринбург: Изд-во «Волот». – С. 33–58.
- Зыков А. П., 2008.** Первые исследователи Барсовой Горы // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург–Сургут: Уральское издательство. – С. 6–15.
- Зыков А., Кокшаров С., 2000.** Феномен таежной цивилизации // «Родина». – № 5. – С. 39–44.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., 2001.** Древний Эмдер. – Екатеринбург: «Волот». – 320 с.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., 2002.** Поселенческо-погребальный комплекс конца XV – XVI вв. из Нижнего Приобья // РА. – № 2. – С. 67–80.
- Зыков А., Кокшаров С., 2002а.** Эсский остров: в поисках реликвий вогульских князей // «Родина» – № 6. – С. 87–89.

- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., 2003.** Итоги изучения Эмдера в 2001 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 1. – С. 110–136.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., 2004.** Изучение комплекса памятников Большая Умытъя 28 в Советском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 2. – С. 327–331.
- Зыков А. П., Фёдорова Н. В., 1993.** Обь-иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН. – С. 65–66.
- Зыков А. П., Фёдорова Н. В., 2001.** Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. – Екатеринбург: ИД «Сократ». – 176 с.
- Иванов В. А., Кригер В. А., 1987.** Проблемы изучения средневековых кочевников Южного Урала // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. – Уфа: БФАН СССР. – С. 105–116.
- Ивасько Л. В., 2006.** Аварийные раскопки поселения Усть-Пыть-Ях 1 на Мамонтовском месторождении нефти в Нефтеюганском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 3. – С. 205–208.
- История ХМАО..., 2000.** История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. – Екатеринбург: «Волот». – 446 с.
- Казаков Е., 1997.** Волжская Булгария и финно-угорский мир // Finno-Ugrica. – № 1. – С. 33–53.
- Казаков Е. П., 2003.** Чияликская культура: территория, время, истоки // Угры: Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск. – С. 79–87.
- Канивец В. И., 1964.** Канинская пещера. – М.: «Наука». – 136 с.
- Карачаров К. Г., 1991.** Погребальная керамика Сургутского Приобья XIII–XV вв. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. – Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР. – С. 205–218.
- Карачаров К. Г., 1993.** Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа: УНЦ РАН. – С. 110–118.
- Карачаров К. Г., 2006.** Вожпайская археологическая культура // УИВ. – № 14. – С. 135–149.
- Карачаров К. Г., 2006а.** Археология нового времени севера Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. – Екатеринбург–Ханты-Мансийск: Изд-во «Чароид». – С. 125–131.
- Карачаров К. Г., Ражев Д. И., 2002.** Обычай скальпирования на севере Западной Сибири в средние века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Вып. 4. – С. 137–140.
- Кардаш О. В., 2002.** Легендарные городища Салымского края // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ. – С. 53–63.
- Кардаш О. В., 2004.** Аварийные раскопки селища Усть-Пытьях 2 на Мамонтовском месторождении в Нефтеюганском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 2. – С. 352–355.
- Кардаш О. В., 2008.** Оборонительно-жилые комплексы аборигенного населения субарктических районов Западной Сибири (по материалам комплексного изучения укрепленных поселений XIV–XVII вв.) // Труды II (XVII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. – М.: ИА РАН. – С. 460–464.
- Кирюшин Ю. Ф., 1976.** Поселение Тух-Эмтор IV — памятник Васюганского Приобья // ИИС. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 19. – С. 3–38.
- Ковригин А. А., Морозов В. М., 1999.** Средневековый комплекс Прыговского городища // Обские Угры: Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск–Омск: ОмГПУ. – С. 32–35.
- Ковригин А. А., Шаранова С. В., 1998.** Проблемы изучения древностей кашинского и прыговского типов // Урал в прошлом и настоящем. – Ч. I. – Екатеринбург: НИСО УрО РАН; БКИ. – С. 67–73.
- Кокшаров С. Ф., 2009.** Из ранней истории Ломбовожа // УИВ. – № 2 (23). – С. 67–74.
- Колчин Б. А., 1982.** Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. – М.: «Наука». – С. 156–177.
- Конииков Б. А., 1981.** Культуры таежного Прииртышья в VI–XIII вв. н. э: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск. – 16 с.
- Конииков Б. А., 1993.** Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н. э. – Омск: Изд-во ОмГПИ. – 176 с.
- Константинов И. В., 1978.** Ранний железный век Якутии. – Новосибирск: «Наука». – 128 с.
- Королев К. С., 1989.** Раннесредневековое население Угдым II. – Сыктывкар: КНЦ УрО АН СССР. – 20 с.
- Корякова Л. Н., 1988.** Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). – Свердловск: Изд-во УрГУ. – 240 с.
- Корякова Л. Н., Зыков А. П., Морозов В. М., 1991.** Археологические аспекты древней истории Зауралья и Западной Сибири (железный век) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул. – С. 11–114.

Корякова Л. Н., Морозов В. М., Суханова Т. Ю., 1988. Поселение Ипкуль XV — памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Приобье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. — БАУ. — Свердловск: Изд-во УрГУ. — Вып. 19. — С. 117–129.

Корякова Л. Н., Фёдоров Р. О., 1993. Гончарные навыки зауральского населения в раннем железном веке (по материалам Ипкульского могильника) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. — Екатеринбург: УИФ. — С. 76–96.

Косарев М. Ф., 1991. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. — М.: «Наука». 302 с.

Косинская Л. Л., Фёдорова Н. В., 1994. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. — Екатеринбург: УрО РАН. — 114 с.

Косинцев П. А., Морозов В. М., Терехова Л. М., 1988. Млекопитающие в системе природопользования средневекового населения Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности. — Свердловск: УрО АН СССР. — С. 52–64.

Кузьминых С. В., Яковлев Я. А., 2007. Письмо В. Н. Пигнатти к А. М. Тальгрену // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Екатеринбург–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. — Вып. 4. — С. 257–267.

Культура зауральских скотоводов..., 1997. Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаёвский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. — Екатеринбург: «Екатеринбург». — 180 с.

Левина Л. М., 1966. Керамика и вопросы хронологии джеты-асарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. — М.: «Наука». — С. 45–90.

Леонтьева Г. А., 1989. Застройка Тюмени и ее государственное обеспечение в конце XVI — начале XVIII в. // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. — Новосибирск: «Наука». — С. 54–69.

Лепихин А. Н., Мельничук А. Ф., 1999. Гляденовское костеище (Материалы раскопок 1995–1997 гг. из собрания Пермского областного краеведческого музея: каталог). — Пермь: ПОКМ. — Вып. 4. — 78 с.

Лещинская Н. А., 1994. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I — начало II тыс. н. э.) // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. — Ижевск: Изд-во УдГУ. — С. 88–127.

Мажитов Н. А., 1968. Бахмутинская культура. — М.: «Наука». — 162 с.

Мажитов Н. А., 1977. Южный Урал в VII–XIV вв. — М.: «Наука». — 240 с.

Мажитов Н. А., 1987. Некоторые замечания по раннесредневековой археологии Южного Урала // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. — Уфа: БФАН СССР. — С. 117–130.

Мажитов Н. А., 1990. Комплексы с монетами VIII в. из Бирского могильника // СА. — № 1. — С. 261–266.

Мажитов Н. А., 1993. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала. — Уфа: УНЦ РАН. — С. 119–140.

Малозёмов О. В., 1998. Отчет о раскопках поселения Зеленая горка, произведенных летом 1997 г. — Екатеринбург. — Архив ИИА УрО РАН. — Ф. II.

Мандельштам А. М., 1975. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. — Л.: «Наука». — 227 с.

Мартин Ф. Р., 2004. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. — Екатеринбург–Сургут: Изд-во «Уральский рабочий». — 144 с.

Мартынов А. И., 1974. Скульптурный портрет человека из Шестаковского могильника // СА. — № 4. — С. 231–242.

Мартынова Е. П., 1998. Очерки истории и культуры хантов. — М.: ИЭА РАН. — 236 с.

Мартынова Е. П., 2002. Религиозные представления юганско-балыкских хантов // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ. — С. 82–91.

Матвеева Н. П., 1994. Ранний железный век Приишимья. — Новосибирск: «Наука». — 152 с.

Матвеева Н. П., 2008. Козловский могильник эпохи Великого переселения народов // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. — Омск: Изд-во ОмГУ. — С. 155–158.

Материалы по фольклору хантов, 1978. — Томск: Изд-во Том. ун-та. — 216 с.

Мец Ф. И., Чиндина Л. А., 1995. Местонахождение Мигалка // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та. — С. 163–177.

Миллер Г. Ф., 1999. История Сибири. — М.: Изд-во «Восточная литература» РАН. Т. I. — 630 с.

Мифы, предания, сказки..., 1990. Мифы, предания, сказки хантов и манси. — М.: «Наука». — 568 с.

Михалёв А. А., 1992. Новый памятник эпохи раннего металла в Сургутском Приобье // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. — Сыктывкар: УрО РАН. — С. 100–105.

Могильников В. А., 1964. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тыс. н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. — М.

Могильников В. А., 1968. Культура племен лесного Прииртышья IX — начала XIII вв. // Ученые записки Пермского университета. — Пермь: Изд-во ПГУ. — № 191. — С. 269–291.

Могильников В. А., 1987. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. — М.: «Наука». — С. 163–235.

Могильников В. А., Кониов Б. А., 1983. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. — № 2. — С. 162–182.

Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н., 1980. Айдашинская пещера. — Новосибирск: «Наука». — 208 с.

Молодин В. И., Лукина Н. В., Кулемзин В. М., Мартынова Е. П., Шмидт Е., Фёдорова Н. Н., 1995. История и культура хантов. — Томск: Изд-во Том. ун-та. — 162 с.

Молодин В. И., Чикишева Т. А., 1990. Погребение воина IV–V вв. н. э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. — Новосибирск. — С. 161–179.

Морозов В. М., 1992. О соотношении археологического и этнографического комплексов городища Ермаково I // Модель в культурологии Сибири и Севера. — Екатеринбург: УрО РАН. — С. 37–50.

Морозов В. М., 1995. Городище Ермаково IX — памятник военного зодчества рубежа I–II тыс. н. э. // Великий подвиг народа: Исторические чтения, посвященные 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. — Екатеринбург: НПМП «Волот». — С. 27–30.

Морозов В. М., 1998. Грунтовые погребения эпохи Великого переселения народов в Тюменском Притоболье // Урал в прошлом и настоящем. — Екатеринбург: НИСО ИИА УрО РАН. Ч. I. — С. 96–99.

Морозов В. М., Ведмидь Г. П., Бакалдин М. Н., 2002. Историко-культурный комплекс «Святое» // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. — Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова гора». — С. 113–123.

Морозов В. М., Панина С. Н., 1997. Городище Янычково (предварительные результаты исследования) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург». — Вып. 1. — С. 76–91.

Морозов В. М., Сериков Ю. Б., 1999. Средневековый комплекс поселения Атымья I // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — Екатеринбург: БКИ. — Вып. 3. — С. 175–182.

Морозов В. М., Фёдоров Р. О., 1994. Памятники эпохи железа в бассейне реки Тром-Аган // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург: б/и. — С. 133–137.

Морозов В. М., Чемякин Ю. П., 1997. Древнее поселение в бассейне р. Пим (краткий археологический очерк). — Сургут. — 72 с.

Морозов В. М., Шатунов Н. В., 2003. Охранные раскопки в Сургутском районе: новые данные для этноархеологических реконструкций // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. — Вып. 1. — С. 264–271.

Мошинская В. И., 1953. Керамика усть-полуйской культуры // МИА. — № 35. — С. 107–120.

Мошинская В. И., 1953а. Городище и курганы Потчеваш (к вопросу о потчевашской культуре) // МИА. — № 35. — С. 189–220.

Мурашко О. А., Кренке Н. А., 2001. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке (по археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ). — М.: «Наука». — 155 с.

Мурыгин А. М., 1984. Хейбидя-Пэдарское жертвенное место. — Сыктывкар: Коми филиал АН СССР. — 52 с.

Мурыгин А. М., 1989. Арктический компонент в формировании культуры средневекового населения Печорского Приуралья // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. — М.: «Наука». Т. 1. — С. 85–87.

Мурыгин А. М., 1992. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. — М.: «Наука». — 182 с.

Мызников С. А., 2004. Охранные археологические раскопки селищ Коттымьёган 5 и Коттымьёган 6 в Нижневартовском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. — Вып. 3. — С. 380–381.

Нягань..., 1995. Нягань: город на историческом фоне Нижнего Приобья. — Екатеринбург: «Волот». — 145 с.

Оборин В. А., 1976. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. — Пермь: Пермское книжное изд-во. — 190 с.

Овсянников О. В., 1994. Племенной центр летописной «печеры» на берегу Ледовитого океана (Ортинское городище VI–X вв.) // Новые источники по археологии Северо-Запада. — СПб. — С. 133–163.

Ожередов Ю. И., 2008. Защитная пластина «кат-кар» с Барсовой Горы // Барсова Гора: древности таежного Приобья. — Екатеринбург–Сургут: Уральское издательство. — С. 44–49.

Ожередов Ю. И., Яковлев Я. А., 1993. Археологическая карта Томской области. Т. 2. — Томск: Изд-во Том. ун-та. — 208 с.

Окунева И. В., 1997. Лачиновская культура // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. — Кемерово: Кузбассвуиздат. — С. 36–64.

Останина Т. И., 1997. Население Среднего Прикамья в III–V вв. — Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. — 327 с.

Очерки истории Югры, 2000. Очерки истории Югры. — Екатеринбург: Изд-во «Волот». — 408 с.

Очерки культурогенеза..., т. I, кн. 1, 1994. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. I. Кн. 1. Поселения и жилища. — Томск: Изд-во Том. ун-та. — 485 с.

Очерки культурогенеза..., т. 2, 1994. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. — Томск: Изд-во Том. ун-та. — 475 с.

Перевалова Е. В., Карачаров К. Г., 2006. Река Аган и ее обитатели. — Екатеринбург–Нижневартовск: УрО РАН; Студия «ГРАФО». — 352 с.

Плетнёва Л. М., 1978. Томское Приобье в кулайское время // Ранний железный век Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та. — С. 51–58.

Плетнёва Л. М., 1990. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). — Томск: Изд-во Том. ун-та. — 134 с.

Показаньев Ф. Я., 1972. Город Сургут и Сургутский район: Краткое описание памятных мест и событий. – Тюмень. – 20 с.

Посредников В. А., 1969. Археологические работы на реке Вах // ИИС. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 2. – С. 76–85.

Посредников В. А., 1973. Большеларьякское поселение II — археологический памятник Сургутского Приобья // ИИС. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 5. – С. 65–93.

Пошехонова О. Е., Семёнова В. И., Иванов С. Н., Рябогина Н. Е., Якимов А. С., 2008. Археологические и палеоэкологические исследования средневекового поселения Вынгаяха 7 (северная часть бассейна р. Пур) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – № 9. – С. 183–197.

Ражев Д. И., 2002. Антропологические свидетельства скальпирования на севере Западной Сибири в средние века // Северный Археологический Конгресс: тезисы докладов. – Екатеринбург: «Академкнига». – С. 175–176.

Ражев Д. И., Фёдорова Н. В., 2002. Археологический памятник у поселка Зелёный Яр: предварительные итоги исследований (1999–2001 гг.) // Научный вестник. – Салехард. – Вып. 11. – С. 8–13.

Распопова В. И., 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда. – Л.: «Наука». – 140 с.

Руденко С. И., 1962. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М.–Л.: Изд-во АН СССР. – 205 с.

Савельева Э. А., 1979. Хронология погребальных комплексов Веслянского I могильника // КСИА. Вып. 158. – С. 91–96.

Салымский край, 2000. – Екатеринбург: «Тезис». – 344 с.

Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. / Археология СССР. – М.: «Наука». – 328 с.

Семёнова В. И., 1993. Русские вещи из раскопок хантыйского городка Мункьсы Урий к. XVI – н. XVII веков // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири: Тезисы докладов. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – С. 178–180.

Семёнова В. И., 2001. Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: «Наука». – 296 с.

Семёнова В. И., 2003. Раскопки городища Лангепас I в Нижневартовском районе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 1. – С. 256–257.

Семёнова В. И., 2005. Поселение и могильник Частухинский Урий. – Новосибирск: Изд-во «Наука». – 164 с.

Скандаков И. Е., Данченко Е. М., 1999. Курганный могильник Усть-Тара VII в южнотаежном Прииртышье // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность». – Омск: Изд-во ОмГПУ. – Вып. 3. – С. 160–186.

Смирнов А. П., 1957. Железный век Башкирии // МИА. – № 57. – С. 5–113.

Соколова З. П., 1998. Жилище народов Сибири (опыт типологии). – М.: ИПА «ТриЛ». – 288 с.

Сокровища Приобья..., 2003. Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья (каталог выставки). – Салехард–СПб. – 58 с.

Степи Евразии..., 1981. Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР. – М.: «Наука». – 302 с.

Степная полоса Азиатской части..., 1992. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР. – М.: «Наука». – 494 с.

Стефанов В. И., 2002. Моховая LXVI — позднесредневековый памятник Сургутского Приобья // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 1. – С. 164–210.

Стефанов В. И., Корочкова О. Н., 2006. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ. – 160 с.

Стефанова Н. К., Борзунов В. А., 2002. Археология таежного Обь-Иртышья (Хроника полевых исследований на территории Ханты-Мансийского автономного округа). – Екатеринбург: Изд-во «Академкнига». – 136 с.

Сынские ханты, 2005. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН. – 352 с.

Талицкая И. А., 1953. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. – № 35. – С. 242–357.

Терехова Л. М., 1986. Рачёвский археологический комплекс // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск: Изд-во УрГУ. – С. 114–123.

Троицкая Т. Н., 1981. Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. – Новосибирск: «Наука». – С. 101–120.

Угорское наследие..., 1994. Угорское наследие: древности Западной Сибири из собраний Уральского университета / А. П. Зыков, С. Ф. Кокшаров, Л. М. Терехова, Н. В. Фёдорова. – Екатеринбург: «Внешторгиздат». – 158 с.

Уманский А. П., 1978. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: «Наука». – С. 129–163.

Усть-Полуй..., 2003. Усть-Полуй: I век до н. э. (каталог выставки). – Салехард–СПб.: б/и. – 76 с.

Фёдорова Н. В., 1978. О культурной принадлежности Обь-Иртышских памятников I тыс. н. э. // Ранний железный век Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – С. 78–83.

Фёдорова Н. В., 1981. Итоги четырехлетнего изучения поселений I тысячелетия н. э. Барсовой Горы // ВАУ. – Свердловск. – Вып. 15. – С. 140–142.

Фёдорова Н. В., 1990. Булгарские сканные украшения Зауралья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань: ИЯЛИ АН СССР. – С. 131–141.

Фёдорова Н. В., 1991. Золотоордынская торевтика в Приобье // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. – Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР. – С. 193–204.

Фёдорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М., 1991. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ. – Вып. 20. – С. 126–145.

Ушедшие в холмы..., 1998. Ушедшие в холмы. Культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке / Н. В. Фёдорова, П. А. Косинцев, В. В. Фицхью. – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург». – 180 с.

Флоринский В. М., 1891. Второе прибавление к Каталогу Археологического музея Томского университета // Известия Императорского Томского университета за 1890 г. Кн. 3. – Томск.

Хлобыстин Л. П., 1993. Вожпайская культура на западном Таймыре и вопросы ее этнической принадлежности // Ad Polus. Археологические изыскания. – СПб.: Изд-во «ФАРН». – Вып. 10. – С. 19–27.

Хлобыстин Л. П., 1993а. Святые места Вайгача // Ad Polus. Археологические изыскания. – СПб.: Изд-во «ФАРН». – Вып. 10. – С. 15–18.

Хлобыстин Л. П., 1998. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин». – 342 с.

Хлобыстин Л. П., Овсянников О. В., 1973. Древняя «ювелирная» мастерская в Западно-Сибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: «Наука». – С. 248–257.

Чагаева А. С., 1970. О хронологии памятников Чувашского мыса // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – С. 229–237.

Чемакин Ю. П., 1981. Работы Сургутского отряда // АО 1980. – М.: «Наука». – С. 220–221.

Чемакин Ю. П., 2003. Городище Сартым-Урий XVIII: предварительные итоги раскопок // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 1. – С. 38–76.

Чемакин Ю. П., 2003а. Раскопки селища Сартым-урий XVII на р. Большом Югане // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 1. – С. 253–255.

Чемакин Ю. П., 2003б. Об этническом окрасе одного художественного сюжета // Угры: Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск: б/и. – С. 157–169.

Чемакин Ю. П., 2005. Материалы из раскопок Ф. Р. Мартина на городищах Барсовой Горы // *Арне Т. Й.* Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века. – Екатеринбург–Сургут: Изд-во «Уральский рабочий». – С. 154–171.

Чемакин Ю. П., 2006. Раннесредневековые кухни на севере Западной Сибири // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения: Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 18–21 декабря 2006 г. – СПб.: б/и. – С. 207–213.

Чемакин Ю. П., 2008. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут–Омск: ОАО «Омский дом печати». – 224 с.

Чемакин Ю. П., 2008а. Древности карымского времени в бассейне Большого Югана // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: Материалы Западно-Сибирской археолого-географической конференции. – Томск: Изд-во «Аграф-Пресс». – С. 219–223.

Чемакин Ю. П., 2008б. Случайные находки на Барсовой Горе // Барсова Гора: древности таежного Приобья. – Екатеринбург–Сургут: Уральское издательство. – С. 28–43.

Чемакин Ю. П., Зыков А. П., 2004. Барсова Гора: археологическая карта. – Сургут–Омск: ОАО «Омский дом печати». – 208 с.

Чемакин Ю. П., Карачаров К. Г., 1999. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). – Екатеринбург: «Тезис». – С. 9–66.

Чемакин Ю. П., Карачаров К. Г., 2002. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории землепользования хантов (материалы к атласу). – Екатеринбург: «Тезис». Издание 2-е, исп. и доп. – С. 7–74.

Чемакин Ю. П., Морозов В. М., 1999. Поздние сооружения на Барсовой горе // Интеграция археологических и этнографических исследований. – М.–Омск: Изд-во ОмГПУ. – С. 138–141.

Чемакин Ю. П., Морозов В. М., 2005. Береговые кулайские городища на Барсовой горе // Археология Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ. – С. 201–230.

Чернецов В. Н., 1953. Бронза усть-полуйского времени // МИА. – № 35. – С. 121–178.

Чернецов В. Н., 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // МИА. – № 58. – С. 136–245.

Чёрная М. П., 2002. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – 187 с.

Чиндина Л. А., 1970. О некоторых хронологических особенностях среднеобской керамики в I тыс. н. э. // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – С. 191–202.

Чиндина Л. А., 1977. Могильник Рёлка на Средней Оби. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – 194 с.

Чиндина Л. А., 1982. Культурные особенности Приобья в эпоху железа // Археология и этнография Приобья. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – С. 13–22.

Чиндина Л. А., 1991. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). – Томск: Изд-во Том. ун-та. – 184 с.

Чиндина Л. А., 1991а. Время и пути контактов на юго-востоке Западной Сибири в эпоху железа // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: АГУ. – С. 146–148.

Чиндина Л. А., 1993. Об археологических культурах Приобья // Культурные процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – С. 53–54.

Чиндина Л. А., Балакин Ю. В., 1976. Поселения Круглое озеро I и II // ИИС. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 19. – С. 45–64.

Чиндина Л. А., Яковлев Я. А., Ожередов Ю. И., 1990. Археологическая карта Томской области. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – 340 с.

Шатунов Н. В., Гусев С. А., 2004. Селище Остяцкий Живец VII — одиночное жилище Нового времени в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 2. – С. 364–374.

Ширин Ю. В., 1997. Поселения конца I тыс. н. э. в предгорьях Кузнецкого Алатау // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвуиздат. – С. 65–76.

Ширин Ю. А., 2003. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. – Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость». – 288 с.

Шорин А. Ф., Баранов М. Ю., 2001. Возможности археологии в реконструкции жилища как области реализации мифологических представлений (по материалам раскопок хантыйских жилищ начала XIX в. на поселении Сырой Аган 12 близ г. Сургута) // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ. – С. 70–81.

Шорин А. Ф., Волков Р. Б., Разжев Д. И., 1999. Средневековый могильник на поселении Перегон V около г. Екатеринбурга // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: БКИ. – Вып. 3. – С. 183–188.

Шульц Л. Р., 1913. Краткое сообщение об экскурсии на р. Салым Сургутского уезда // ЕТГМ. – Вып. XXI. – С. 1–17 (отд. оттиск).

Шульц Л. Р., 1924. Салымские остяки (из материалов к этнографии южных остяков) // Записки Тюменского общества научного изучения местного края. – Тюмень. – Вып. 1. – С. 166–199.

Югорск..., 1997. Югорск: от легенды до точки на карте. – Екатеринбург: «Волот». – 158 с.

Яковлев Я. А., 2003. Аварийно-спасательные раскопки селища Силин Пас II в Сургутском районе в 2002 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 1. – С. 272–283.

Яковлев Я. А., 2004. Завершение аварийно-спасательных работ на селище Силин Пас II в Сургутском районе ХМАО в 2003 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 2. – С. 356–363.

Яковлев Я. А., Боброва А. И., 2004. К вопросу о роли и значении погребального инвентаря позднесредневекового населения Приобья: топор // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 2. – С. 137–174.

Ясински М. Э., Овсянников О. В., 2003. Пустоозёрск: русский город в Арктике. – СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение». – 400 с.

Arne T. J., 1935. Barsoff Gorodok. – Stockholm: PA Akademiens Forlag. – 134 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГУ – Алтайский государственный университет

АН СССР – Академия наук СССР

АО – Археологические открытия

БКИ – Банк культурной информации. – Екатеринбург

БФАН СССР – Башкирский филиал АН СССР. – Уфа

ВАУ – Вопросы археологии Урала

ГИМ – Государственный исторический музей. – М.

ЕТГМ – Ежегодник Тобольского губернского музея

ИА – Институт археологии (АН СССР–РАН)

ИА ТГИАМЗ – Исторический архив ТГИАМЗ

ИАК – Императорская археологическая комиссия

ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск

ИГУ – Иркутский государственный университет

ИД – Издательский Дом

ИИА УрО РАН – Институт истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург

ИИМК – Институт истории материальной культуры (АН СССР–РАН). – Л./СПб

ИИС – Из истории Сибири

ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН. – М.

ИЯЛИ КНЦ – Институт языка, литературы и истории КНЦ (АН СССР–УрО РАН). – Сыктывкар

ИЯЛИ КФАН – Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР

КИО – культурно-историческая общность

КНЦ – Коми научный центр (АН СССР–УрО РАН). – Сыктывкар

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

МГУ – Московский государственный университет

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МУ ИКНПЦ – Муниципальное учреждение Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова гора»

НИСО УрО РАН – Научно-издательский совет УрО РАН

НМ РБ – Национальный музей Республики Башкортостан. – Уфа

НПМП – Научно-производственное многопрофильное предприятие «Волот»

ОАО – Открытое акционерное общество

ОмГПИ (ОмГПУ) – Омский государственный педагогический институт (университет)

ОмГУ – Омский государственный университет

ОНТИ ПНЦ РАН – Отдел научно-технической информации Пермского научного центра РАН

ООО – Общество с ограниченной ответственностью

ПГУ – Пермский государственный университет

ПО – производственное объединение

ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей

РА – Российская археология

РАН – Российская академия наук

РИО СургПИ – Редакционно-издательский отдел Сургутского государственного педагогического института

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СО РАН – Сибирское отделение РАН. – Новосибирск

СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

ССР – Советская Социалистическая Республика

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

- ТГИАМЗ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ТГУ (ТомГУ) – Томский государственный университет
УдГУ – Удмуртский государственный университет. – Ижевск
УИИЯЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы (АН СССР–УрО РАН). – Ижевск
(УДИИЯЛ)
УИВ – Уральский исторический вестник
УИФ – Уральская издательская фирма. – Екатеринбург
УНЦ РАН – Уральский научный центр РАН. – Екатеринбург
УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания. – Екатеринбург
УрГУ – Уральский государственный университет. – Свердловск/Екатеринбург
УрО РАН – Уральское отделение РАН. – Екатеринбург
ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра
ЧелГУ – Челябинский государственный университет

А. П. ЗЫКОВ

БАРСОВА ГОРА

ОЧЕРКИ АРХЕОЛОГИИ СУРГУТСКОГО ПРИОБЬЯ

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ

Научное издание

Верстка Ю. Зайцева
Редактор-корректор Е. Горбачева

Подписано в печать 30.12.2012.
Формат 60х90/8. Усл. печ.л. 14,5. Тираж 500 экз. Заказ №
Отпечатано